УДК 327
ББК 68.8
Я34

Рецензент кандидат политических наук В. А. Орлов

Nuclear Weapons After the Cold War.

Электронная версия: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров, фонда Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Научно-техническое обеспечение — В. Евсеев.

Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина ; Моск. Центр Карнеги. — М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 560 с.

Я34

ISBN 5-8243-0777-6

В книге на основе глубокого анализа политики сдерживания и нераспространения государств — официальных членов «ядерного клуба», проблем регионального распространения, достоинств и недостатков действующих режимов нераспространения ядерного оружия предложен комплекс обоснованных в политическом, экономическом, военном и техническом отношениях рекомендаций, направленных на повышение эффективности или изменение политики государств и международных организаций в целях предотвращения дальнейшего ядерного распространения.

УДК 327
ББК 68.8

© Carnegie Endowment for International Peace, 2006
© «Российская политическая энциклопедия», 2006

ISBN 5-8243-0777-6

Оглавление

Об авторах. 7
Предисловие *(Константин Косачев)*. 9
Благодарность. 11
Принятые сокращения. 12
Введение *(Алексей Арбатов, Владимир Дворкин)* 15

Раздел I. Ядерное сдерживание и распространение 23
Глава 1. Ядерное сдерживание: история, состояние, перспективы *(Алексей Арбатов, Владимир Дворкин)*. 26
Глава 2. Ядерная политика «большой пятерки» *(Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев)* 39
Глава 3. Отход от взаимного ядерного сдерживания *(Алексей Арбатов, Владимир Дворкин)* 102
Выводы по разделу I 134

Раздел II. Ядерное нераспространение 137
Глава 4. Проблемы Договора и режима нераспространения *(Алексей Арбатов)* 141
Глава 5. Совершенствование гарантий МАГАТЭ *(Роланд Тимербаев)* 156
Глава 6. Мировой оборот ядерных материалов и технологий *(Владимир Евсеев)* 178
Глава 7. Контроль над ядерным экспортом *(Элина Кириченко)* 205
Глава 8. Производство расщепляющихся материалов в военных целях *(Анатолий Дьяков)* 246
Глава 9. Ракеты и ракетные технологии *(Виктор Мизин)* 263
Глава 10. Меры контрраспространения *(Александр Калядин)*. 289
Глава 11. Нераспространение и ядерный терроризм *(Александр Пикаев, Екатерина Степанова)* 310
Выводы по разделу II. 358

Раздел III. Региональные проблемы нераспространения 363
Глава 12. Южная Азия *(Геннадий Чуфрин, Вячеслав Белокреницкий, Владимир Москаленко, Татьяна Шаумян)* 369
Глава 13. Дальний Восток *(Василий Михеев, Павел Каменнов, Виктор Павлятенко)* 407

Глава 14. Ближний и Средний Восток *(Виталий Наумкин, Геннадий Евстафьев, Владимир Новиков)* 446
Выводы по разделу III 495
Заключение 500
Приложение 1. Договор о нераспространении ядерного оружия 511
Приложение 2. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов 519
Приложение 3. Совместная декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки 522
Приложение 4. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 530
Приложение 5. Технические основы производства ядерных материалов 549
Summary 556
О Фонде Карнеги 558

Table of Contents

About the authors 7

Preface *(Konstantin Kosachev)* 9

Aknowledgements 11

List of abbreviations 12

Introduction *(Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin)* 15

Part I. Nuclear deterrence and proliferation 23

Chapter 1. Nuclear deterrence: history, current state and future prospects *(Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin)* 26

Chapter 2. Nuclear policies of the «Big Five» *(Vladimir Dvorkin, Pavel Kamennov, Elina Kirichenko, Vladimir Pyryev, Semen Yaroslavtsev)* 39

Chapter 3. Moving away from mutual nuclear deterrence *(Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin)* 102

Conclusions to Part I 134

Part II. Nuclear non-proliferation 137

Chapter 4. Problems of non-proliferation Treaty and regime *(Alexei Arbatov)* 141

Chapter 5. Enhancing IAEA safeguards *(Roland Timerbaev)* 156

Chapter 6. Global trade in nuclear materials and technologies *(Vladimir Evseev)* 178

Chapter 7. Nuclear export controls *(Elina Kirichenko)* 205

Chapter 8. Fissile materials production for military purposes *(Anatoli Diakov)* 246

Chapter 9. Missiles and missile technology *(Victor Mizin)* 263

Chapter 10. Counter-proliferation initiatives *(Alexander Kaliadin)* 289

Chapter 11. Non-proliferation and nuclear terrorism *(Alexander Pikayev, Ekaterina Stepanova)* 310

Conclusions to Part II. 358

Part III. Regional problems of non-proliferation 363

Chapter 12. South Asia *(Gennady Chufrin, Vyacheslav Belokrenitsky, Vladimir Moskalenko, Tatiana Shaumian)* 369

Chapter 13. The Far East *(Vasily Mikheyev, Pavel Kamennov, Victor Pavlyatenko)* 407

Chapter 14. The Greater Middle East *(Vitaly Naumkin, Gennady Evstafiev, Vladimir Novikov)* 446
Conclusions to Part III 495
Résumé. 500
Annexe 1. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons 511
Annexe 2. Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Strategic Offensive Reductions 519
Annexe 3. Joint Declaration on the New Strategic Relationship Between the USA and Russia 522
Annexe 4. International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism 530
Annexe 5. Basic technical processes of the production of nuclear materials 549
Summary (In English) 556
About the Carnegie Endowment 558

Об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, член научного совета Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации».

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Дворкин Владимир Зиновьевич — доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации.

Дьяков Анатолий Степанович — кандидат физико-математических наук, доцент, директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института.

Евсеев Владимир Валерьевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, координатор программы Московского Центра Карнеги.

Евстафьев Геннадий Михайлович — старший советник ПИР-Центра.

Калядин Александр Николаевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Каменнов Павел Борисович — кандидат политических наук, заместитель директора Центра исследований Восточной Азии Института Дальнего Востока РАН.

Кириченко Элина Всеволодовна — кандидат экономических наук, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН.

Мизин Виктор Игоревич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Михеев Василий Васильевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Москаленко Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Пакистана Института востоковедения РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Наумкин Виталий Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, директор Международной общественной организации «Центр стратегических и политических исследований».

Новиков Владимир Евгеньевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

Павлятенко Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Пикаев Александр Алексеевич — кандидат политических наук, заместитель председателя Комитета ученых за международную безопасность, заведующий отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Пырьев Владимир Александрович — кандидат технических наук, независимый эксперт.

Степанова Екатерина Андреевна — кандидат политических наук, руководитель группы Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.

Тимербаев Роланд Махмутович — чрезвычайный и полномочный посол, председатель совета ПИР-Центра.

Чуфрин Геннадий Илларионович — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора ИМЭМО РАН.

Шаумян Татьяна Львовна — кандидат исторических наук, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Ярославцев Семен Юрьевич — независимый эксперт.

Предисловие

С большим удовольствием рекомендую читателям издание «Ядерное оружие после “холодной войны”» под редакцией известных экспертов-международников Алексея Арбатова и Владимира Дворкина.

Вопреки ожиданиям и надеждам многих людей после окончания «холодной войны» и прекращения на мировой арене стратегического «клинча» двух блоков, гарантировавших друг другу взаимное уничтожение, тематика оружия массового уничтожения не ушла из актуальной политики, не стала уделом историков. Да, сегодня, как справедливо отмечается в представляемой книге, дело нераспространения ядерного оружия достигло немалых успехов; порядка 40 новых стран вступило в Договор о нераспространении ядерного оружия.

Но одновременно режим нераспространения ныне подвергается самым, пожалуй, серьезным вызовам за всю историю его существования. Мир не стал стабильнее за минувшие годы, а глобализация упростила трансграничное распространение идей, знаний и технологий. Существующие механизмы контроля и сдерживания работают на пределе и не могут уже быть признаны достаточно эффективными и универсальными. Нужны новые согласованные шаги мирового сообщества, предоставляющие развивающимся странам доступ к мирным ядерным технологиям, но ставящие контролируемый заслон попыткам самовольно получить пропуск в «клуб» стран с ядерным оружием.

Не потому лишь, что нынешние обладатели «членского билета» в нем — это «каста избранных», не желающая допустить в свою среду посторонних. «Старые» ядерные державы за годы пребывания в таком статусе смогли все же проявить в этом вопросе ответственный подход и здравый смысл. Впрочем, они обрели и твердую уверенность в том, что подобные технологии ни в коем случае не должны попасть — умышленно или по неосторожности — в руки фанатиков, террористов, всех тех, кто не привык считаться с ценностью человеческой жизни.

Возможно, пока чуть завышен оптимизм авторов издания по поводу того, что «после окончания “холодной войны” ядерное противостояние между великими державами отошло далеко на

задний план в их повседневной внешней политике и официальной риторике». Как показывает даже самый недавний опыт, эта тема периодически всплывает и в «большой политике», а потому поддержанию ядерного паритета все еще нет весомой военно-политической или технологической альтернативы.

При этом, однако, очевидно: тема нераспространения, единые подходы и некоторая, я бы сказал, обоюдная усталость народов от проживания в вечном страхе перед ядерным конфликтом необычайно сблизили сегодня былых оппонентов. Это хорошая почва для кооперации и сложения усилий в поиске подлинно эффективных механизмов, обеспечивающих нераспространение ядерного оружия. Мы можем расходиться в нюансах и подходах, но, разумеется, никто в руководстве России или США не хотел бы, чтобы оружие смерти было у Ирана или у КНДР, в руках Бен Ладена или Басаева.

Хотел бы поблагодарить авторов и редакторов издания за добросовестный, скрупулезный и крайне актуальный труд. Как действующий политик-международник вижу большую практическую ценность исследования не только в комплексном анализе проблемы, в замечательной подборке фактов и сведений (что само по себе уже немало и полезно), но и прежде всего в тех выводах и практических рекомендациях, которые дают немалую пищу для размышлений и импульсов к реальной работе.

Убежден, книга будет крайне интересна всем, кто занимается проблемами разоружения и нераспространения и в России, и за рубежом, где наша точка зрения по этим вопросам, к сожалению, представлена далеко не всегда полно и адекватно.

Константин Косачев,
кандидат юридических наук,
председатель Комитета по международным делам
Государственной думы

Благодарность

Авторы книги выражают благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Макартуров, Фонду Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка за их поддержку проекта «Ядерное нераспространение в эпоху глобализации», в рамках которого выполнена настоящая работа. Авторы выражают признательность руководству, научным и техническим сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир (Вашингтон) и Московского Центра Карнеги за их интеллектуальный вклад и организационно-техническую помощь при работе над книгой.

Мы особенно благодарны всем российским специалистам из Российской академии наук, государственных ведомств, научных и общественных центров, средств массовой информации, которые приняли участие в ряде семинаров и конференций, проводившихся в рамках проекта в течение 2004—2005 гг., и высказавших ценные мнения по тематике исследования. Особой признательности заслуживают рецензенты книги: директор ПИР-Центра, директор Программы по европейской безопасности женевского Центра политики безопасности В. А. Орлов и заместитель директора Московского Центра Карнеги, ведущий научный сотрудник Д. В. Тренин. Мы также благодарны консультантам, и в первую очередь советнику Управления международного и внешнеэкономического сотрудничества Федерального агентства по атомной энергии Российской Федерации М. П. Беляевой и ведущему научному сотруднику Российского института стратегических исследований В. Е. Новикову. Их замечания оказали авторам большую помощь при доработке книги как в тех случаях, когда они были приняты, так и тогда, когда приняты не были, но заставили более аргументированно обосновать свои позиции.

Принятые сокращения

АПЛ	—	атомная подводная лодка
АСЯС	—	Авиационные стратегические ядерные силы
АТР	—	Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭС	—	атомная электростанция
БЗ	—	боезарядяд
БПЛА	—	беспилотный летательный аппарат
БРПЛ	—	баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	—	баллистическая ракета средней дальности
БСВ	—	Ближний и Средний Восток
ВВС	—	Военно-воздушные силы
ВМС	—	Военно-морские силы
ВОУ	—	высокообогащенный уран
ГП	—	Глобальное партнерство
ГСК	—	«Глобальная система контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий»
ГЯП	—	Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	—	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗПРМ	—	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	—	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	—	Договор об обычных вооружениях в Европе
ЕврАзЭС	—	Евразийское экономическое сообщество
ЕВРАТОМ	—	Европейское сообщество по атомной энергии
ЗПРМ	—	запрещение производства расщепляющихся материалов в военных целях
ИБОР	—	Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения
КБО	—	Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении
КЕДО	—	Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове

КОКОМ — Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю
КРВБ — крылатая ракета воздушного базирования
КССН — Космическая система слежения и наблюдения
ЛВР — легководный ядерный реактор
МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии
МБР — межконтинентальная баллистическая ракета
МСЯС — Морские стратегические ядерные силы
НОАК — Народно-освободительная армия Китая
НОУ — низкообогащенный уран
НПО — научно-производственное объединение
ОАЭИ — Организация по атомной энергии Ирана
ОМУ — оружие массового уничтожения
ОРМ — оружейные расщепляющиеся материалы
ОСВ — ограничение стратегических вооружений
ОЯТ — облученное (отработанное) ядерное топливо
ПВО — противовоздушная оборона
ПВО ТВД — противовоздушная оборона театра военных действий
ПЛАРБ — подводная лодка с баллистическими ракетами
ПРО — противоракетная оборона
РГЧ ИН — разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РКРТ — Режим контроля над ракетной технологией
РПК СН — ракетный подводный крейсер стратегического назначения
РРБН — реактор-размножитель на быстрых нейтронах
РСМД — ракеты средней и малой дальности
СВА — Северо-Восточная Азия
СИОП — Единый комплексный операционный план
СИПРИ — Стокгольмский международный институт исследований проблем мира
СНБ — Совет национальной безопасности (Индия)
СНВ — стратегические наступательные вооружения
СНП — стратегические наступательные потенциалы
СОН — силы общего назначения
СЯС — стратегические ядерные силы
ТБ — тяжелый бомбардировщик
ТВД — театр военных действий
ТВЭЛ — тепловыделяющий элемент (на АЭС)

ТЯО — тактическое ядерное оружие
ФГУП — федеральное государственное унитарное предприятие
ФЗУКЯМ — Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов
ЯСПБ — ядерные средства передового базирования
ЦОД — Совместный центр обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет
ЯВУ — ядерные взрывные устройства
ЯМ — ядерный материал
ЯО — ядерное оружие
ЯТЦ — ядерный топливный цикл
AWE — Ядерная оружейная лаборатория Великобритании
NPR — «Обзор состояния ядерных сил»
QDR — «Четырехлетний обзор состояния оборонной политики»
SQP — протокол о малых количествах

Введение

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

В итоге окончания «холодной войны» в течение 90-х годов дело нераспространения ядерного оружия (ЯО) достигло немалых успехов. Порядка 40 новых стран вступило в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в том числе две ядерные державы — Франция и КНР. В 1995 г. Договор получил бессрочное продление. На протяжении указанного десятилетия четыре государства отказались от военных ядерных программ и от ядерного оружия или были лишены их применением силы извне (Бразилия, Аргентина, ЮАР, Ирак). Три государства, имевшие на своей территории ЯО в результате распада СССР, после двухлетних переговоров не стали присваивать его и в 1994 г. подписали Лиссабонский протокол в качестве неядерных государств (Украина, Белоруссия, Казахстан).

Договор о нераспространении стал самым универсальным международным договором, его членами являются теперь 189 государств ООН и только 4 стоят за его пределами (Израиль, Индия, Пакистан и КНДР).

Как отмечено в недавнем исследовании группы авторитетных американских специалистов из Фонда Карнеги за Международный Мир «Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности», «...присутствуют позитивные тенденции, на которые можно опереться. После подписания ДНЯО в 1968 г. гораздо большее число государств отказалось от программ по созданию ядерного оружия, чем приступило к их реализации. В мире имеется гораздо меньше ядерного оружия и меньшее количество государств, реализующих ядерные программы, чем двадцать лет назад. США и Россия продолжают сотрудничать в уничтожении и обеспечении безопасности ядерного оружия и материалов, оставшихся после холодной войны»[1].

Тем не менее в первом десятилетии XXI в. перспективы нераспространения внушают мировой общественности и политикам большинства государств растущую тревогу. В отчете группы наиболее уважаемых специалистов и общественных деятелей из 15 стран, представившей в 2004 г. по инициативе генерального

секретаря ООН Кофи Аннана доклад по международной безопасности, отмечено: «...Режим нераспространения ядерного оружия в настоящее время находится под угрозой вследствие несоблюдения взятых на себя обязательств, выхода или угроз выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия с целью снятия с себя этих обязательств, изменения международной обстановки в плане безопасности и распространения технологий. Мы приближаемся к такой точке, после которой размывание режима ядерного нераспространения может стать необратимым и приведет к лавинообразному распространению»[2].

Причины такого тревожного положения можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, все еще не присоединившиеся к ДНЯО страны расположены в самых нестабильных регионах мира. Они вовлечены в конфликты, чреватые войнами, в ходе которых вероятность боевого применения ЯО весьма велика — впервые после августа 1945 г. и с непредсказуемыми последствиями для всей мировой политики.

Во-вторых, примеры Ирака, Ирана, КНДР, Ливии и ряда других стран продемонстрировали недостаточную эффективность международного контроля над оборотом ядерных материалов и технологий в рамках ДНЯО (по ст. III), прежде всего гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Как ни удивительно, после более чем 30-летнего действия ДНЯО из 189 государств-участников 42 все еще не заключили с МАГАТЭ соглашения о всеобъемлющем или полномасштабном контроле. Дополнительный протокол МАГАТЭ от 1997 г. не подписали или не ратифицировали более 90 государств, 16 из которых имеют серьезные ядерные программы (в том числе США и Россия). Ядерные державы — члены ДНЯО и ядерная тройка за его пределами имеют соглашения с МАГАТЭ лишь о выборочном контроле на отдельных объектах.

В-третьих, стало известно о развитии черного рынка ядерных материалов, технологий и экспертизы, в прошлом охватившего деятельность ряда членов ДНЯО (в частности, Ливии, Ирана, Ирака, КНДР, Саудовской Аравии, Алжира, Египта, Индонезии), а также лиц и организаций стран, не связанных ни Договором, ни сопряженными с ним экспортными ограничениями и контрольными механизмами (Пакистан).

В-четвертых, мировой рынок ядерных материалов и технологий, сулящий миллиардные прибыли, стал ареной жестокой кон-

куренции не импортеров, а экспортеров. В борьбе за рынки сбыта государства-поставщики (прежде всего США, СССР/Россия, Канада, Франция, КНР, Бразилия, Аргентина, Португалия, ФРГ, Италия, Бельгия, Норвегия и др.) не склонны слишком придирчиво подходить к соблюдению гарантий МАГАТЭ, к недостаточности его гарантий и даже к факту неучастия стран-импортеров (Израиля, Индии, Пакистана) в ДНЯО. Даже сведения о ведущихся в некоторых странах военных разработках не удерживали экспортеров от сделок с ними. Имеющиеся неформальные механизмы экспортного контроля в этой и смежных областях (Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков — ГЯП, Вассенаарские соглашения и др.) далеко не достаточны для устранения этой проблемы.

В-пятых, на передний план проблематики безопасности вышел фактор международного терроризма, серия совершенных им террористических актов с массовым уничтожением мирных жителей начиная с американской трагедии 11 сентября 2001 г., открытое стремление террористических организаций получить доступ к ЯО и другим видам оружия массового уничтожения (ОМУ). При этом нет уверенности в достаточной сохранности накопленных многими странами запасов ядерных материалов и в отдельных случаях даже ядерных боеприпасов, которые могут попасть в руки террористов путем хищения, подкупа или как следствие политической дестабилизации или гражданской войны. Особую опасность как источник ядерных материалов, технологий и экспертизы для террористов имеет расширяющийся черный рынок, по определению нелегальный и неподконтрольный МАГАТЭ и внутренним механизмам и законам государств.

В-шестых, как показал опыт Северной Кореи, почти полная универсальность ДНЯО — сбывшаяся мечта его основателей конца 60-х годов — отнюдь не гарантирует от дальнейшего ядерного распространения. Выявилась новая угроза по прецеденту КНДР, который способен послужить примером для других государств, а именно: воспользоваться в качестве члена ДНЯО плодами международного сотрудничества в области мирной ядерной энергетики и науки (согласно его ст. IV), а затем открыто выйти из Договора и создать свое ядерное оружие с положенным уведомлением за три месяца (по ст. X). В первую очередь Иран, а также Алжир, Египет, Бразилия, Турция, Южная Корея и даже Япония оказались под подозрением как потенциальные «отказники» от ДНЯО.

Наконец, седьмой фактор — это нынешняя политика ядерных держав — членов ДНЯО, прежде всего США и России. Речь идет как об их курсе на совершенствование собственного ядерного оружия, об отношениях в этой сфере между собой, так и об их линии в вопросах нераспространения применительно к странам вне «большой пятерки» и вопросам ядерного экспорта. Сокращая огромные «излишки» ЯО, оставшиеся в наследство от «холодной войны», эти державы продолжают развивать свои ядерные вооружения с видом на всю обозримую перспективу, закрепляют стратегию ядерного сдерживания и тем самым по существу нарушают дух ДНЯО (ст. VI), обязывающий ядерные державы идти путем ядерного разоружения в обмен на отказ других стран от ЯО. Этот фактор является седьмым по порядку, но не по значению. В известном смысле, если рассматривать державы «большой пятерки» в качестве субъектов, т. е. инициаторов политики нераспространения, наиболее заинтересованных в ее успехе, то не присоединившиеся к ДНЯО ядерные государства, «пороговые» страны и остальные участники Договора, а также негосударственные фигуранты проблематики — все они являются в той или иной мере объектами воздействия режимов и политики нераспространения. С учетом этого обстоятельства, а также огромной военной мощи, научно-технического и экономического потенциала, политического влияния пятерки ядерных держав перспективы нераспространения ЯО в решающей мере зависят от них.

Поэтому, как представляется авторам настоящего исследования, проблемы, ошибки и недостатки политики этих держав можно с полным основанием отнести к главной, хотя и не единственной причине всеобщей нынешней обеспокоенности по поводу перспектив ядерного нераспространения, хотя на поверхности общественного внимания зачастую лежат события и акции других стран и негосударственных организаций.

Коррекция (в ряде случаев весьма существенная) курса ведущих государств в названной области явилась бы решающей предпосылкой укрепления режимов и системы нераспространения. Но, разумеется, только этого недостаточно. Укрепление ДНЯО требует серьезных дополнительных усилий и мер непосредственно в данной области. При этом немало зависело бы и от других стран, их восприимчивости к позитивным и негативным стимулам со стороны ведущих держав.

Но верно и другое: продолжение нынешней политики главных держав и тем более совершение ими новых ошибок по сути гарантируют крах ядерного нераспространения тем или иным образом, причем в недалеком будущем.

Осознавая, что проблема нераспространения оружия массового уничтожения чрезвычайно широка и многопланова, авторы сознательно ограничили себя рассмотрением только проблем ядерного оружия и основных средств его доставки. При всех опасностях других видов ОМУ ядерное распространение все же представляет собой наибольшую угрозу, особенно в плане катастрофических последствий вероятного применения ЯО новыми ядерными государствами, равно как и в результате получения террористами доступа к ядерным взрывным устройствам. Кроме того, проблемы других видов ОМУ имеют во всех отношениях свою ярко выраженную специфику, и охватить все эти темы в одном исследовании с достаточной глубиной не представляется возможным.

Главная цель настоящей книги заключается в том, чтобы по результатам анализа политики сдерживания и нераспространения государств — официальных членов «ядерного клуба», проблем регионального распространения, достоинств и недостатков действующих режимов нераспространения ядерного оружия предложить комплекс обоснованных в политическом, экономическом, военном и техническом отношениях рекомендаций, направленных на повышение эффективности или изменение политики государств и международных организаций в целях предотвращения дальнейшего ядерного распространения. Естественно, встав на этот путь, авторы осознавали, что многие их идеи и предложения покажутся спорными и вызовут критику. Однако развитие широкой профессиональной дискуссии по важнейшим темам является единственным путем коррекции и повышения эффективности политики государств.

При этом помимо всего прочего несколько принципиальных вопросов современности нуждаются в обоснованном ответе. В частности: влияет ли реально военная политика и военное строительство великих держав, особенно в сфере ЯО, а также их меры ядерного разоружения на перспективы ядерного распространения — или эти вопросы служат лишь предлогом для стран, желающих сохранить за собой «ядерный выбор»? Другой вопрос: следует ли великим державам строить свое отношение к линии тех или иных стран в сфере ядерного распро-

странения в зависимости от интересов сотрудничества с ними в иных областях (имея в виду такие страны, как Израиль, Индия, Пакистан, Иран, КНДР и др.) — или же ставить взаимодействие с ними в зависимость от их действий по части нераспространения? И, наконец, еще одна дилемма: следует ли и далее идти по сложному и дорогостоящему пути универсализации режима и системы нераспространения и связанных с ними механизмов и соглашений по разоружению — или признать «коэффициент полезного действия» такого курса слишком низким и сосредоточиться на мерах воздействия, в том числе силового, на конкретные страны и организации, создающие наибольшую опасность ядерного распространения и попадания ЯО в руки террористов?

В *первом разделе* книги приведены результаты анализа теории и практики ядерного сдерживания в ретроспективе, в настоящее время и в обозримом будущем. Рассмотрены главные аспекты политики в сфере ядерного сдерживания и нераспространения России, США, Великобритании, Франции и Китая. При этом анализируются состояние и программы развития ядерных сил каждого государства, поскольку эти показатели характеризуют действительную ядерную политику значительно точнее и достовернее, нежели официальные декларации.

В этом же разделе содержится анализ проблем сдерживания и нераспространения в контексте взаимоотношений государств «ядерной пятерки», среди которых значительная роль отводится сохраняющемуся взаимному ядерному сдерживанию России и США. Также изложены вопросы сотрудничества и разногласий в их политике ядерного нераспространения и контрраспространения. На основании анализа противоречий и парадоксов ядерного сдерживания после окончания эпохи глобального противостояния двух мировых систем сформирован комплекс предложений, реализация которых позволит осуществить поэтапный и необратимый отход от состояния взаимного ядерного сдерживания, прежде всего между Россией и США, а также в стратегии других ядерных стран.

Во *втором разделе* изложен анализ проблем, связанных с устойчивостью и действенностью ДНЯО, который изначально был предназначен прежде всего для предотвращения создания ядерного оружия развитыми государствами и оказался недостаточно эффективным по отношению к странам третьего мира, особенно на фоне процессов глобализации, экономического

и научно-технического прогресса, а также в итоге высвобождения и массированного вброса в международный оборот ядерных и ракетных материалов, технологий и специалистов после окончания «холодной войны».

На основании проведенного анализа предложены рекомендации по путям укрепления механизмов и режимов ДНЯО, расширению гарантий МАГАТЭ, по ужесточению контроля за экспортом ядерных материалов, что необходимо в связи с расширением мирового торгового оборота ядерных материалов и технологий, экспорта ракетных и иных технологий носителей ОМУ, появлением их черного рынка, а также выходом на авансцену международного терроризма.

Предлагаются изменения подхода к переговорам по запрещению производства расщепляющихся материалов в военных целях (ЗПРМ) и Режиму контроля над ракетами и ракетными технологиями (РКРТ), а также ряд шагов по легитимации контрраспространения. Рассматривается влияние недостатков режима нераспространения на перспективы и возможности ядерного терроризма.

В *третьем разделе* анализируются региональные проблемы ядерного распространения в Южной Азии, на Дальнем Востоке, на Ближнем и Среднем Востоке. В Южной Азии эти проблемы связаны с дестабилизирующими факторами, обусловленными ядерными программами Индии и Пакистана с учетом влияния пакистано-китайских и пакистано-северокорейских отношений, а также влиянием взрывоопасной обстановки в соседних регионах. На Дальнем Востоке проблемы нераспространения рассматриваются прежде всего через призму Северокорейского ядерного кризиса и его влияния на перспективы ядерной политики Японии, Южной Кореи и Тайваня. В главе, посвященной Ближнему и Среднему Востоку, основное внимание сосредоточено на проблемах ядерного статуса Израиля и ядерных амбиций Ирана.

В *заключении* представлен сформированный по результатам исследований комплекс рекомендаций, направленных на радикальную трансформацию существующей системы стратегических отношений ядерного сдерживания, предотвращение распространения ядерного оружия, его носителей, материалов и технологий двойного назначения.

Когда работа над настоящей книгой была завершена и рукопись передана в производство, в свет вышел фундаментальный доклад Международной комиссии по оружию массового уничтожения

под руководством известного во всем мире шведского дипломата и общественного деятеля Ханса Бликса под названием «Оружие террора: Как избавить мир от ядерных, биологических и химических вооружений» [3]. Многие положения и рекомендации доклада созвучны анализу и предложениям нашей книги, и на них можно было бы ссылаться почти в каждой ее главе. И дело не только в том, что один из двух редакторов книги был членом комиссии Бликса. Гораздо важнее, что некоторые оценки проблем оружия массового уничтожения и подходы к их решению, содержащиеся и в докладе, и в книге, приобретают растущую известность и поддержку в либеральных военно-технических и политических кругах миррового сообщества.

Примечания

[1] Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности / Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Вашингтон, 2004 // http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf (посещался 14 января 2005 г.).

[2] Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам генеральному секретарю ООН. — [Б. м.], 2004 (http://www.unic.ru/news/A_59_565.doc, посещался 14 января 2005 г.).

[3] Weapons of Terror: Freeing the World of Nuclear, Biological and Chemical Arms / Mass destruction commission. — Stockholm, 2006 (http://www.wmd-commission.org).

Раздел I
ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Ядерное сдерживание и распространение ядерного оружия — ключевые понятия в проблематике международной безопасности на протяжении полувековой истории мировой политики. Они сохраняют актуальность и важность в настоящее время и останутся таковыми в обозримом будущем, хотя и претерпевают глубокую трансформацию под воздействием динамики международных отношений и научно-технического развития. Ядерное сдерживание и распространение были и остаются тесно взаимосвязанными, переливаясь друг в друга и периодически меняясь местами на переднем плане глобальной политики, словно содержимое сообщающихся сосудов.

Несмотря на то что принципы ядерного сдерживания изначально содержали в себе достаточно глубокие противоречия, вряд ли теперь есть смысл оспаривать его роль в предотвращении широкомасштабных вооруженных столкновений между основными центрами силы в эпоху глобального противостояния двух мировых систем. Однако уже с середины 80-х годов, еще до распада СССР и формального окончания «холодной войны», когда вероятность не только ядерной, но и обычной войны между двумя системами стала исчезающе малой величиной, противоречия принципов ядерного сдерживания и связанные с ними издержки пробрели самодовлеющий характер. Это стало особенно очевидно как с точки зрения неоправданных экономических затрат, так и в аспекте влияния на процессы распространения ядерного оружия.

Вместе с тем консервативная приверженность стран «ядерной пятерки» политике сдерживания и устойчивость собственно ядерной «материи» в виде накопленных запасов оружия и колоссальной ядерной инфраструктуры делают преждевременной постановку вопроса о полном упразднении сдерживания. Однако постепенная трансформация и поэтапный отход от ядерного сдерживания в интересах прежде всего решения проблем нераспространения ядерных вооружений и средств их доставки представляются совершенно необходимыми. Инициатива в решающих шагах на этом пути должна принадлежать прежде всего официальным членам «ядерного клуба». Ниже все эти вопросы излагаются подробно.

Глава 1. ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

Вертикальное и горизонтальное ядерное распространение

Ядерное оружие, имеющее колоссальную разрушительную мощь, рассматривается главным образом не как средство ведения войны, а как инструмент политического давления, сдерживания или устрашения других стран. В этом качестве оно считается весьма эффективным орудием обеспечения национальной безопасности и национальных интересов в широком смысле слова. Но именно поэтому у неядерных государств при определенных обстоятельствах возникает стремление приобрести это оружие. Так ядерное сдерживание постоянно и неизменно питает ядерное распространение.

Но есть и обратная связь. Во-первых, ядерное распространение наподобие цепной реакции расширяет клуб государств, обладающих ядерным оружием, и тем самым вновь и вновь воспроизводит ядерное сдерживание как модель военно-политических отношений между странами. Однако надежное сдерживание построить весьма непросто, и по мере того как сдерживание становится все более многосторонним, оно делается все менее устойчивым, а опасность ядерной войны — более вероятной.

Во-вторых, даже когда политические отношения ядерных стран основательно меняются и они перестают воспринимать друг друга как врагов (вроде России и США с окончанием «холодной войны»), их вооруженные силы обретают новых противников и новые цели, представляемые ядерным распространением. Это может дестабилизировать стратегические отношения бывших противников и повлечь усиление акцента на ядерное сдерживание в их стратегическом взаимодействии со всеми вытекающими политическими и договорно-правовыми последствиями.

Например, решение США от 2002 г. об испытаниях и развертывании системы стратегической противоракетной обороны (ПРО), по официальному обоснованию — для защиты от новых стран, обладающих ракетно-ядерными вооружениями, и отказ Вашингтона от Договора по ПРО от 1972 г. побудили Россию усилить опору на свой потенциал ядерного сдерживания. Москва продлила сроки службы межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и даже закупила более двух десятков таких ракет, остававшихся на Украине, а также на высшем уровне заявила о разработке новой системы стратегического оружия с гиперзвуковым маневрирующим боевым блоком для прорыва «любой ПРО» — все это по понятным причинам в реальности направлено против США, хотя конкретный противник и не был назван согласно «правилам хорошего тона» после «холодной войны».

В этой связи российский министр обороны С. Иванов отметил: «...Москва внимательно следит за тем, что делается в области стратегических ядерных сил США. В частности, нам небезынтересно состояние американских программ о создании сверхмалых ядерных боезарядов: каждый новый тип вооружения вносит новые элементы в общую картину глобальной стабильности. Мы обязаны учитывать это в своем военном планировании»[1].

Такова диалектическая взаимосвязь этих двух важнейших сторон влияния ядерного оружия на мировую политику. Поэтому иногда всю эволюцию ядерного фактора характеризуют как ядерное распространение: «вертикальное» распространение между ведущими ядерными державами в смысле наращивания их ядерных потенциалов и «горизонтальное» распространение в виде расширения числа государств, имеющих ЯО в вооруженных силах.

«Вертикальное» распространение на своем пике к концу 80-х годов XX в. достигло уровня примерно по 10—12 тыс. ядерных боезарядов только в стратегических силах СССР и США, а вместе с тактическим ядерным оружием (ТЯО) — до 25—40 тыс. единиц у каждой из двух держав. А «горизонтальное» распространение охватило за прошедшие полвека девять государств — США, СССР, Великобританию, Францию, КНР, Израиль, ЮАР, Индию, Пакистан. Сразу четыре страны вместо одной стали ядерными в итоге распада СССР (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан), но потом три из них передали ЯО России. Дополнительно известно о семи странах, которые за тот же период пытались создать ядерное оружие или создали его, но по

тем или иным причинам отказались от этого или были силой принуждены это сделать (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Южная Корея, Тайвань, Ливия, Ирак). Два государства считаются «пороговыми», т. е. стоящими на грани приобретения ЯО (КНДР и Иран). А при худшем варианте развития событий еще целый ряд стран может приобщиться к «ядерному клубу» в последующие 10—20 лет, в том числе те, которые вновь пересмотрели бы свой выбор в пользу безъядерного статуса (прежде всего Южная Корея, Япония, Тайвань, Ливия, Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Алжир, Турция, Ирак, Бразилия, Аргентина).

При этом ядерное сдерживание и ядерное распространение — не равнозначные явления по их роли в международной политике. На ранних этапах ядерное распространение было на втором плане, потому что почти всю международную политику определяло соперничество двух гигантов. После окончания «холодной войны» ситуация быстро менялась. Ядерное сдерживание между Россией и США стало отходить на второй план. Хотя они по-прежнему сохраняли тысячи ядерных боеголовок, их ядерные средства значительно сокращались, они перестали быть главными соперниками на международной арене, и вероятность преднамеренной войны между ними снизилась практически до нуля. Несмотря на острые разногласия по ряду международных проблем (Югославия в 1999 г., Ирак в 2003 г.), на смену конфронтации все больше приходило сотрудничество в экономической и политической областях, а также в обеспечении сохранности и ликвидации запасов ядерного и химического оружия, ядерных материалов, утилизации атомных подводных лодок.

На передний план теперь вышло распространение ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, ракет и ракетных технологий. Ядерный фактор мировой политики как бы «переливался» из двустороннего «вертикального» противостояния и сдерживания в многостороннее «горизонтальное».

Взаимосвязь «вертикального» и «горизонтального» разоружения ярче всего выражена в знаменитой ст. VI ДНЯО, согласно которой державы обязались «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений... и ядерному разоружению». При этом совершенно очевидно, что ДНЯО рассматривался как барьер, который должен был остановить распространение ЯО на пяти ядерных державах, признанных договором «легитимными» (а именно произведших взрывы ядерных устройств до 1 января 1967 г. — ст. IX). От-

нюдь не предполагалось, что за это ядерные державы, со своей стороны, должны немедленно отказаться от своего ЯО, они лишь отделались обещанием «в духе доброй воли вести переговоры» на эту тему [2].

После окончания «холодной войны» приоритеты поменялись местами, сначала в политике США, а потом и у других держав «большой пятерки» включая Россию. С середины 90-х годов в центре проблематики международной безопасности прочно обосновалось нераспространение ЯО и его носителей, в том числе укрепление режима ДНЯО, его институтов (МАГАТЭ), дополнительных органов и механизмов, мер экспортного контроля. Также все большее значение стало придаваться стратегии контрраспространения — применению санкций, вплоть до военной силы, против «пороговых» стран. Примерами такой линии (во всяком случае, согласно официальной аргументации) явились военная операция США по свержению режима Саддама Хусейна в Ираке, давление Вашингтона на Иран и КНДР, а также на Россию и другие страны, сотрудничающие с ними в ядерной энергетике и развитии ракетной техники.

Судя по всему, дальнейшее распространение ОМУ и опасность его слияния с международным терроризмом (так называемый феномен супертерроризма или катастрофического терроризма) будут и впредь приоритетной темой в российско-американских отношениях, в сотрудничестве и разногласиях всех ядерных держав, в деятельности ООН и проблематике применения силы в международной политике.

После окончания «холодной войны» мировое сообщество какое-то время питало иллюзии, что ядерное противостояние быстро закончится и накопленные арсеналы массового уничтожения будут упразднены. Но в реальности получилось иначе. Окончание «холодной войны» в течение последовавших полутора десятилетий повлекло не столько ликвидацию ядерных потенциалов, сколько демонтаж режима и процесса ограничения и сокращения ЯО, стопор ядерного разоружения.

С одной стороны, нельзя утверждать, что Москва и Вашингтон не выполняют своих обязательств по ст. VI ДНЯО. С формальной точки зрения все обстоит относительно благополучно, значительные «излишки» ядерных вооружений, унаследованные от опасных времен, отправляются в утиль. По числу боеголовок стратегических ядерных сил (СЯС) США и Российская Федерация с начала 90-х годов сократили свои силы на 50% (по Договору СНВ-1 от 1991—

1994 гг.), а к 2012 г. сократят их в боевом строю еще на 60% — по Договору о стратегических наступательных потенциалах (СНП) от 2002 г. Вкупе со средствами ТЯО сокращение за двадцать лет с начала 90-х годов составит, видимо, порядка 80% [3].

Но, с другой стороны, в отличие от прошлых времен США, Россия и другие великие державы фактически отвергли идею ядерного разоружения как неотъемлемое, пусть и не близкое, условие всеобщей безопасности. Они демонтируют комплекс соглашений центрального ядерного разоружения, чтобы обеспечить себе максимальную свободу рук в техническом развитии и планах реального боевого применения ЯО, что находит отражение в их официальных военных доктринах, программах вооружения и бюджетах.

Так, США не считают целесообразным в обозримой перспективе даже обсуждать дальнейшие (после выполнения московского Договора 2002 г.) меры сокращения стратегических ядерных сил, отвергли Договор по ПРО и Договор по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ) от 1996 г. Также они явно утратили интерес к Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей (ДЗПРМ) и в 2001 г. заблокировали протокол по контролю выполнения другого ключевого соглашения по ОМУ — Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО) от 1972 г. Вашингтон декларирует свое право на упреждающее использование ЯО, т. е. продвигает доктрину реального применения ЯО, а не традиционного ядерного сдерживания. Американская триада СЯС была полностью модернизирована в 80—90-е годы, причем в отличие от СССР и России весьма эффективно в техническом отношении и на десятилетия вперед. Серьезно, хотя и не без споров, рассматривается программа создания перспективных «чистых» ядерных боеголовок малой мощности, проникающих глубоко под землю для разрушения защищенных бункеров и других объектов «стран-изгоев» и террористов [4].

Как пишут авторы вышеупомянутого исследования Фонда Карнеги, «администрация Буша сместила фокус с уничтожения вооружений на уничтожение режимов»[5]. Правда, авторы имеют в виду режимы «стран-изгоев», но к этому можно смело добавить и международно-правовые режимы ядерного разоружения.

Этому примеру следует и Россия — с теми или иными оговорками и с некоторой разноголосицей на официальном уровне. Она после некоторого вялого сопротивления фактически смири-

лась с неконструктивным курсом США, демонстрируя неспособность оказать ему впечатляющее военное либо результативное дипломатическое противодействие. Вместо этого Россия пытается при недостаточном финансировании вести «сбалансированную модернизацию» всех составляющих своей ядерной триады, не желает обсуждать вопрос об ограничении тактического ядерного оружия и стремится максимально оградить от ущемления свой экспорт ядерных технологий и материалов, а также общие продажи оружия за рубеж.

Еще в 1993 г. демократическая Россия официально отвергла обязательство тоталитарного СССР от 1982 г. о неприменении ядерного оружия первым. Подтвердив эту позицию в 2000—2001 гг., теперь Москва утверждает ведущую роль ЯО в обеспечении своей безопасности и даже возможность «дозированного боевого применения» стратегических средств для «деэскалации агрессии»[6], т. е. для решения конкретных задач ведения и завершения ядерной войны, а не просто для сдерживания нападения способностью «сокрушительного возмездия», как заявлялось прежде.

Великобритания, Франция и Китай не собираются принимать никаких договорно-правовых ограничений на свои ядерные силы, ссылаясь на отставание от двух крупнейших ядерных держав, и ведут планомерное долгосрочное обновление и по ряду направлений наращивание ядерных потенциалов.

Как никогда прежде, ядерное сдерживание выглядит сейчас фактором, который останется скорее всего навечно в международной политике (во всяком случае, пока не придумано еще более разрушительное оружие), причем не просто из-за всех колоссальных трудностей достижения полного ядерного разоружения, а ввиду предположительно присущих ядерному оружию значительных достоинств в качестве средства обеспечения безопасности и «цивилизующего» воздействия на международные отношения, побуждающего к сдержанности в применении силы. Державы «большой пятерки» трактуют ядерное сдерживание как неотъемлемый и законный инструмент своей безопасности и военной политики, положенный им «по праву рождения», но не положенный другим странам.

Более того, применительно к политике этих держав ядерное сдерживание теперь чуть ли не мифологизируется как нечто естественным путем возникшее в прошедшие десятилетия и послужившее гарантией от Третьей мировой войны. Между тем исторический и методологический анализ не подтверждает таких

оценок, хотя и не опровергает их вчистую. Во всяком случае, эволюция ядерного сдерживания, его характер и влияние на вероятность войны предстают куда менее однозначными, нежели утверждают сейчас многие политики и эксперты. Анализ этих вопросов дает много пищи для размышлений и опасений по поводу будущих перспектив ядерного сдерживания как в отношениях между ядерными державами, так и в контексте вероятного дальнейшего распространения ЯО.

Противоречивость ядерного сдерживания

Очевидно, что пока существует ядерное оружие, ядерное сдерживание будет оставаться важнейшим способом непрямого использования этого оружия и базовым элементом стратегических взаимоотношений тех государств, которые им обладают. В идеале ядерное сдерживание означает, что ЯО — это не средство ведения войны, а политический инструмент, прежде всего гарантирующий, что ядерное оружие не будет применено на практике ни в контексте преднамеренного нападения, ни как результат эскалации неядерного конфликта между ядерными державами. Сейчас, на шестом десятке ядерной эры, это положение воспринимается как само собой разумеющееся. Однако исторически это не всегда и не во всем было так и в будущем тоже может быть по-другому.

Стратегические ядерные силы выполняют политическую миссию сдерживания именно своей способностью вести боевые действия и никак иначе. Они имеют оперативные планы, перечни целей для удара, полетные программы в бортовых компьютерах баллистических и крылатых ракет. Оперативные планы, как правило, предусматривают применение этих вооружений с той или иной степенью эффективности в первом, ответном или ответно-встречном вариантах. Последний означает запуск ракет по информации от космических спутников и наземных радаров системы предупреждения о ракетном нападении до того, как боеголовки противника достигнут целей.

С реально существующими системами СЯС — наземными межконтинентальными баллистическими ракетами, баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ) на ракетных подводных крейсерах стратегического назначения (РПК СН) или, другое название, атомных подводных лодках с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), тяжелыми бомбардировщиками (ТБ) с бомбами сво-

бодного падения или крылатыми ракетами воздушного базирования (КРВБ) — грань между сдерживанием и ведением войны достаточно условна и размыта. Можно говорить скорее о преимущественном предназначении ЯО, имея в виду приоритетность тех или иных оперативных планов или перечней целей.

Например, СЯС, обладающие высокой живучестью и нацеленные на промышленные объекты (наземно-мобильные МБР, БРПЛ с невысокой точностью попадания в цель), можно считать объективно более приспособленными для ответного удара и тем самым являющимися преимущественно потенциалом возмездия, т. е. инструментом политики сдерживания. А силы, более уязвимые на стартовых позициях и (или) нацеленные главным образом на объекты ядерных и обычных вооруженных сил противника (МБР шахтного базирования с разделяющимися головными частями, БРПЛ с высокой точностью и мощностью боеголовок), скорее объективно свидетельствуют о планах первого (упреждающего) удара и приоритетности стратегии реального ведения войны. В ней ЯО применяется в первую очередь для разоружающего удара по противнику и предотвращения или максимального снижения собственного ущерба, что можно трактовать как достижение победы в ядерной войне, поскольку именно неотвратимость чудовищных потерь делает победу недостижимой.

Раз поддержание потенциала сдерживания в принципе считается достаточно важным, нельзя пренебрежительно относиться к тому, что в планируемой на 10—15 лет вперед основной составляющей российских СЯС — МБР наземного базирования — нет четкой ориентации на приоритет сохраняющих высокую выживаемость мобильных ракет. При этом перспективы авиационной и морской составляющих в лучшем случае весьма туманны. Стационарные же МБР останутся крайне уязвимыми в пусковых установках и не способны выжить для нанесения ответного удара. В этом случае опора на концепцию встречного или ответно-встречного удара в военно-стратегическом плане будет порождать растущую опасность непреднамеренной ядерной войны по просчету государственного руководства или из-за погрешностей информационно-управляющих систем. Реализуется ли такая опасность, зависит от развития политических отношений между державами. Однако нельзя закрывать глаза на то, что сам по себе их военно-стратегический фундамент будет утрачивать прочность и вызывать вторичные «возмущающие» эффекты в политических отношениях: взаимную подозрительность, использование

дополнительных ресурсов на противодействие друг другу (как закупка Россией МБР на Украине и разработка новых систем для преодоления ПРО), разрушение системы и режима ограничения вооружений и транспарентности.

Это фундаментальный парадокс ядерного сдерживания, причем в его классической российско-американской модели. Сдерживание несостоятельно без способности стратегических сил вести реальные боевые действия, и в то же время сохранение такой способности Россией потребует в конкретной перспективе (если не будет скорректирована программа строительства СЯС) в возрастающей мере опираться на концепции первого или ответно-встречного удара. В кризисной ситуации (а в иной кто думает о сдерживании?) это будет провоцировать США на упреждающий удар и (или) создавать высокую угрозу непреднамеренной ядерной войны. Таким образом, даже центральное ядерное сдерживание между Россией и США прогнозируемо содержит зародыш собственного краха. Во всяком случае, это так при нынешней стратегической программе Москвы и нежелании Вашингтона продолжать сокращение ядерных вооружений и договариваться об ограничениях стратегической ПРО.

Но этим дело не ограничивается. Другая проблема состоит в том, что еще больше, чем в случае со стратегическими ядерными силами, «серая зона» неопределенности между сдерживанием и ведением ядерной войны имеет отношение к оперативно-тактическим и тактическим ядерным средствам. Тактическое ядерное оружие традиционно использовало главным образом носители двойного назначения: ударную фронтовую авиацию; бомбардировщики средней дальности; артиллерию и ракеты «земля — земля» сухопутных войск; мины-фугасы; зенитные ракеты и истребители-перехватчики ПВО, морские ракеты и торпеды подводных лодок, надводных кораблей, палубную и базовую авиацию флота. На пике «холодной войны» США имели до 20 тыс. единиц, а СССР — свыше 30 тыс. боеприпасов ТЯО. И сейчас, по имеющейся информации, Соединенные Штаты и Россия сохраняют тысячи единиц ЯО этого класса. При этом 200—400 тактических ядерных авиабомб США остаются в хранилищах в Западной Европе [7].

Хотя в самом общем плане наличие ТЯО в составе сил общего назначения (СОН) Запада и СССР/России тоже можно отнести к потенциалу сдерживания войны, на практическом уровне это оружие всегда в гораздо большей мере, чем стратегическое, рассматривалось как средство ведения войны, которое в силу его

разрушительной мощи могло способствовать более быстрому достижению успеха на театре военных действий (ТВД) или компенсировать превосходство противника по СОН.

Таким образом, в сфере ТЯО почти невозможно провести разграничение между сдерживанием и ведением войны. Однако в то же время и разделение ЯО на стратегическое и тактическое весьма условно. Для СССР американское ТЯО в виде ядерных средств передового базирования (ЯСПБ) в Евразии всегда приравнивалось к стратегическому оружию, так как могло с передовых баз и из морских акваторий достигать целей практически на всей территории СССР. Для Западной Европы и советских соседей в Азии, в свою очередь, ТЯО СССР было равнозначно стратегическому оружию и по дальности действия, и по разрушительным последствиям возможного применения.

Ядерное сдерживание и новые угрозы безопасности

Если рациональность и результативность ядерного сдерживания в отношениях между противостоящими державами и союзами прошлого — вопрос спорный и в изрядной мере академический, то продуктивность сдерживания применительно к негосударственным фигурантам является достаточно ясным предметом и имеет вполне практическое значение уже в ближайшем будущем. А именно: ядерное сдерживание не может использоваться против организаций международного терроризма включая и угрозу приобретения такими организациями ядерного оружия или взрывного устройства. У террористов нет традиционных и «удобных» объектов для воздействия применением или угрозой применения ЯО: территории, промышленности, населения или регулярной армии, которые могли бы быть целями ударов возмездия.

В тех случаях, когда им предоставляет базу какое-то государство, как афганский «Талибан» предоставил «аль-Каиде», ядерное сдерживание в отношении этого государства малоприменимо, поскольку едва ли окажет сдерживающее влияние на террористов, способных быстро и скрытно перемещаться через границы. Возможно, террористы будут даже заинтересованы спровоцировать ядерный удар по той или иной стране во имя политического продвижения своего дела (в этом смысле даже неядерная операция США против Ирака в 2003 г. оказалась для международного терроризма весьма выгодной).

Борьба с катастрофическим терроризмом имеет отношение к сдерживанию только в плане удержания (угрозой возмездия, в том числе и ядерного) тех или иных стран от поддержки терроризма и предоставления ему баз и другой помощи. Но трудно представить, что какое-то государство будет открыто поддерживать террористов с ядерным оружием. А ядерный удар по любой стране (даже по «государству-изгою») с учетом его побочных последствий и политического шока в окружающем мире является слишком сильным средством, чтобы применять его без полной очевидности наличия «состава преступления».

Весьма показательна в этом смысле реакция мирового сообщества на плохо обоснованную американскую операцию в Ираке в 2003 г. с использованием только сил общего назначения, причем с минимальными побочными потерями и материальным ущербом. Раскол антитеррористической коалиции в огромной мере воодушевил движение сопротивления и международный терроризм в Ираке, повлек увязание США в болоте оккупационного курса с трудно прогнозируемым исходом.

Это напрямую относится к уже упоминавшимся периодически предпринимаемым в США попыткам реанимировать разработку «чистых» ядерных мини-боеприпасов, глубоко проникающих под землю для поражения бункеров, складов и других подземных объектов террористов или «стран-изгоев». Даже не говоря о политических последствиях такого применения ЯО, с тактико-технической точки зрения использование ядерных мини-боеприпасов вызывает большие сомнения. Как показали эксперименты по программе «Плаушер», даже при глубине подрыва около 100 м при наличии входного канала нельзя избежать радиоактивного заражения местности. К тому же для поражения цели мини-боеприпасом нужно знать ее точное расположение. Однако если таковое известно, то современные высокоточные неядерные боеприпасы и заряды повышенной мощности могут разрушить объект, тем более что есть возможность их многократного применения. Также можно использовать операции войск специального назначения, особенно если акция проводится коалиционными силами и на легальной основе (по мандату ООН).

В основном борьба с ядерным терроризмом состоит из активных спецопераций, разрушения материальной и финансовой инфраструктуры террористов, защиты хранилищ ядерных боеприпасов и материалов и более всего — ужесточения режима нераспространения ЯО. Ключевую роль здесь играет сотрудниче-

ство великих держав и региональных стран — участников антитеррористических акций, которому использование ядерной угрозы, не говоря уже о применении ЯО, оказало бы поистине медвежью услугу.

Если противоречивость принципов ядерного сдерживания существовала и сохраняется в отношениях между государствами «большой пятерки», то в случае получения в обозримой перспективе ЯО государствами с тоталитарными режимами подобное сдерживание будет иметь исключительно негативный характер. Помимо того, что в такой ситуации рухнет режим нераспространения, по отношению к подобным государствам будут невозможны любые легитимные силовые акции в тех случаях, когда они останутся последним средством отражения их агрессивных действий или их предотвращения. Такие государства смогут не только поддерживать международный терроризм политически и экономически, но и способствовать приобретению террористами ОМУ, причем делать это практически безнаказанно, не опасаясь силового давления ни отдельных государств и коалиций, ни ООН в целом. В любом кризисе или вооруженном конфликте, в которые подобные режимы склонны вовлекаться, будет присутствовать большая вероятность применения ЯО.

Таким образом, как показывают приведенные выше рассуждения, существо феномена ядерного сдерживания и его роль в международной безопасности в минувшие полвека были крайне неоднозначными и противоречивыми, а в перспективе эти противоречия способны многократно возрасти. Возможно, ядерное оружие сыграло роль в качестве фактора предотвращения Третьей мировой войны, а может быть, нам всем просто крупно повезло. В данном случае очень хорошо, что история не знает сослагательного наклонения. Но дальнейшая эволюция ядерного сдерживания в обозримом будущем, после окончания «холодной войны», на фоне расширения географии региональных и локальных, внутренних и трансграничных конфликтов, параллельно с распространением ОМУ и средств его доставки характеризуется огромной неопределенностью.

Новый «прагматичный» подход США, а вслед за ним России и, вероятно, других ядерных держав к оценке достоинств ядерного сдерживания, политической и военной применимости ЯО и, как следствие, размывание режима и процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений являются одновременно и следствием меняющихся параметров международной безопасности,

и серьезнейшим фактором, воздействующим на безопасность. Особенно это касается проблемы распространения ядерного оружия, которая при тщательном анализе предстает не менее противоречивой, чем рассмотренное выше ядерное сдерживание.

Примечания

[1] Сергей Иванов раскрыл британцам цели и задачи российских ядерных сил // http://www.rol.ru/news/misc/news/04/07/14_010.htm (посещался 30 декабря 2004 г.).

[2] Ядерное нераспространение: Учеб. пособие: В 2 т. — Т. 1 / И. А. Ахтамзян и др.; Под общ. ред. В. А. Орлова. — М: ПИР-Центр, 2002. — С. 106.

[3] *Kristensen H. K., Kile S. N.* World nuclear forces // SIPRI Yearbook 2003: Armaments, Disarmament and International Security. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. — P. 610—627.

[4] Ядерное оружие малой мощности и пересмотр ядерной стратегии США / Аналит. центр по проблемам нераспространения. — 2002. — Вып. 6. — Прил. 2 // http://npc.sarov.ru/digest/62002/appendix2.html (посещался 14 декабря 2004 г.).

[5] Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности / Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Вашингтон, 2004 // http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf (посещался 14 января 2005 г.).

[6] Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации / М-во обороны РФ. — М., 2003. — С. 41—42.

[7] *Kristensen H. K., Kile S. N.* Op. cit. — P. 610—627.

Глава 2. ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ»

Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев

Российская Федерация

Военная доктрина, состояние и программы развития ядерных сил. Официальная политика Российской Федерации в сфере военной безопасности изложена в федеральном законе «Об обороне», документах по военной доктрине, в ежегодных посланиях президента Федеральному собранию, а также в ряде других материалов, например, в «Актуальных задачах развития Вооруженных Сил Российской Федерации», представленных руководством Министерства обороны в октябре 2003 г.[1]

В обобщенном виде в этих документах констатируется снижение угрозы прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников благодаря позитивным изменениям международной обстановки, поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала и прежде всего потенциала ядерного сдерживания.

Вместе с тем отмечается сохранение и усиление на отдельных направлениях вероятных угроз военной безопасности, в том числе в виде территориальных претензий, противодействия укреплению России как одного из влиятельных центров многополярного мира, из-за очагов вооруженных конфликтов вблизи государственной границы и границ ее союзников, наращивания группировок войск, ведущего к нарушению сложившегося баланса сил, расширения военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации.

К угрозам отнесены также действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, включая создание препятствий работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападе-

нии, противоракетной обороны, контроля космического пространства, других систем. Лишь после всего этого называется распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки. А международный терроризм отнесен к трансграничным угрозам и стоит на предпоследнем месте из шести пунктов — после информационной войны и перед наркобизнесом [2].

Обзор официальных документов, совместных деклараций руководства России и других стран, односторонних выступлений и заявлений свидетельствует о заметных противоречиях в категорировании и приоритетах угроз военной безопасности в настоящее время и в обозримой перспективе. Часто повторяемые заявления о избранном Россией пути военно-политического партнерства с США, ведущими демократическими странами, о стратегическом партнерстве в противодействии новым глобальным вызовам безопасности противоречат периодически появляющимся утверждениям об угрозах размещения военных баз США в Восточной Европе и Центральной Азии, о главном приоритете задач Вооруженных сил России по отражению воздушно-космического нападения, которое по военной логике может быть совершено только со стороны НАТО во главе с США, о растущей угрозе американской ПРО [3].

Заслуживает внимания первая в своем роде попытка четко определить, по модели стратегии США 60—70-х годов, уровень достаточности военного потенциала в мирное время или в чрезвычайных ситуациях, без стратегического развертывания: «сохраняя потенциал стратегического сдерживания... успешно решать задачи одновременно в двух вооруженных конфликтах, а также осуществлять миротворческие операции». Если бы реальная военная политика и военное строительство были подогнаны к этой модели, их можно было бы считать впервые достаточно ясными и вполне реалистичными в политическом и военном отношениях.

Однако дальше идут сплошные нестыковки внутри самой стратегии, и самая поразительная их них — формула задач Вооруженных сил в военное время, частично затронутая выше: «...Наличными силами отразить воздушно-космическое нападение противника, а после полномасштабного стратегического развертывания решать задачи одновременно в двух локальных войнах»[4]. Отражение воздушно-космического нападения — это в обозримый период исключительно война с США и НАТО (плюс Япония), т. е. глобальная война, при этом скорее всего ядерная.

Ведь из космоса могут наносить удар только баллистические ракеты, оснащаемые ядерными боевыми частями. Если же термин «космическое» подразумевает опору на космические системы управления и информационного обеспечения налетов авиации и крылатых ракет в обычном оснащении, то речь опять-таки идет о глобальной войне, которая согласно российской военной доктрине скорее всего перерастет в ядерную. Но почему официальной доктрине противоречат стратегические концепции — при чем здесь две локальные войны с участием сил общего назначения после мобилизации?

Единственное, что можно предположить, — это прямое и механическое проецирование модели кампании НАТО против Югославии в 1999 г. на Россию. А поскольку у России нет достаточных сил общего назначения для широкомасштабной обычной войны с Западом, планируется вести две локальные. Также, поскольку силы противовоздушной обороны были в 90-е годы в значительной степени демонтированы (хотя и ранее имелись большие сомнения в их способности выполнить поставленные задачи), неясно, что имеется в виду под «отражением воздушно-космического нападения», кроме как ядерный удар. Тогда опять-таки при чем тут две локальные войны? Если приведенный критический анализ верен, то при всей фантастичности подобных сценариев они дают представление о существующем восприятии угроз, приоритетах и, более всего, об уровне профессионализма авторов российской оборонной политики в последние годы.

Все это позволяет считать политику России в сфере военной безопасности недостаточно устойчивой, что объясняется не только затянувшимися политическими и социально-экономическими переходными процессами в государстве, но и чрезмерной закрытостью от общества процедур выработки и принятия решений. Последнее, видимо, во многом связано с тем, что высшие должностные лица государства, принимающие решения, опасаются профессиональных дискуссий и критики в адрес таких решений.

Что касается ядерной политики как органической составной части оборонной политики, необходимо отметить, что действительный, а не декларируемый курс России, как и любого другого ядерного государства, определяется объективным состоянием ее ядерных вооружений и вооруженных сил в целом, принимаемыми программами развития и реальными планами боевого при-

менения ядерных сил. Из этих факторов в России полностью секретными являются планы боевого применения и в значительной степени — программы развития ядерных сил.

При этом необходимо отметить, что планы боевого применения не открывает ни одно из государств — официальных членов «ядерного клуба», если не считать появляющихся иногда выдержек из планов США (Единого комплексного операционного плана — СИОП), достоверность которых не подтверждена. Но программы развития ядерных сил традиционно скрывают только Россия (СССР) и Китай, хотя в российской специальной и массовой литературе часто появляются фактические данные и анализ этих вопросов, не уступающий по профессиональному уровню анализу на Западе. Отсутствуют официальные данные и по оперативно-тактическим ядерным средствам, программам развития и планам применения. Поэтому в данном разделе ядерные силы в основном рассматриваются в их стратегическом эшелоне — СЯС, а в тактическом — лишь в качестве побочной темы.

В официальном изложении ядерная политика России наиболее детально последний раз была представлена в «Военной доктрине Российской Федерации», утвержденной президентом В. Путиным 21 апреля 2000 г. В ней отмечено, что Россия сохраняет статус ядерной державы и исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом сдерживания, «гарантирующим нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях»[5].

После длительных дискуссий в этой доктрине, в отличие от предыдущих «Основных положений Военной доктрины» 1993 г. и от декларированных со стороны СССР обязательств не применять ядерное оружие первым, сказано, что «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»[6].

Такая формулировка по существу привела ядерную политику России к принципам ядерной стратегии, много лет существующей в США, Великобритании и Франции, которые никогда не отрицали возможности применения ядерного оружия в случае наступления превосходящих сил общего назначения государств Варшавского договора во главе с СССР. Поэтому в условиях резкого ослабле-

ния российских сил общего назначения такое изменение условий применения ядерного оружия следует признать соответствующим общепринятым стандартам (здесь пока не затрагивается вопрос о разумности такой концепции в стратегии стран Запада и о соответствии сценариев такой «крупномасштабной» войны политическим отношениям России с Западом и Китаем).

По настоянию руководства Министерства иностранных дел эти условия дополнены так называемыми негативными гарантиями по отношению к неядерным государствам, взятыми из «Основных положений военной доктрины Российской Федерации» 1993 г. В свою очередь, негативные гарантии практически полностью повторяют формулировки конца 60-х годов, связанные с усилиями стран — официальных членов «ядерного клуба» по укреплению режима ДНЯО. В соответствии с ними Россия не применит ядерного оружия против государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае нападения на Россию, ее союзников или на страну, с которой она имеет обязательства в отношении безопасности, со стороны неядерного государства совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

Эта громоздкая формулировка фигурирует также в односторонних заявлениях МИД России, США, Великобритании и Франции (см. приложение 1 к резолюции Совета Безопасности ООН № 984 от 11 апреля 1995 г.), однако ни в одной доктринальной установке этих стран, кроме России, подобных формулировок нет. Появление их в «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» в 1993 г. можно объяснить главным образом следствием «романтического» периода внешней политики новой страны, а в современных условиях они отражают пропагандистский налет и не вполне адекватное понимание природы и целей такого документа, как военная доктрина.

В последних версиях ядерной стратегии есть и новшества, в частности постановка задачи «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Обращает на себя внимание задача «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания», а также демонстрация решимости путем «повышения уровня их боевой готовности, проведения учений и изменения дислокации отдельных компонентов»[7].

Таким образом, впервые официально провозглашается возможность ограниченной ядерной войны с использованием СЯС, а также меры повышения их боевой готовности (выход РПК СН в море, рассредоточение мобильных МБР на маршрутах патрулирования, переброска ТБ на запасные аэродромы) в качестве демонстрации мощи в кризисной ситуации. Налицо опять-таки попытки имитировать американские стратегические нововведения 70—80-х годов, правда, со средствами, которые будут в обозримый период для этого все менее пригодны как по количеству, так и по качественным характеристикам. В отношении США и их союзников проведение таких мер может теоретически спровоцировать ядерный конфликт (причем в условиях, когда у США сохраняется достаточный потенциал разоружающего удара, о чем речь идет ниже).

Возможно, впрочем, что все это рассчитано на Китай, Пакистан и вероятные новые ядерные страны, способные бросить вызов России, но тогда этот вопрос требует особого рассмотрения.

В ядерной политике России после некоторых колебаний подтверждена целесообразность поддерживать примерный баланс по СЯС с США. Нельзя утверждать, что это положение носит консенсусный характер. Существует позиция, основанная на достаточности для российских СЯС уровня, сопоставимого с существующим в Великобритании и Франции. С точки зрения классического сдерживания, возможно, этого было бы достаточно. И если бы начинать сейчас строительство СЯС с нулевой отметки, то с такой позицией можно было бы согласиться. Но поскольку ядерный баланс с США реально существует и достигнутые соглашения могут обеспечить его сохранение на значительно более низком уровне, вполне приемлемом по ресурсам, то нет никаких оснований отказываться от него в одностороннем порядке.

Программа строительства ядерных сил России претерпевала за последние годы значительные изменения как вследствие меняющейся системы договорных отношений с США, так и из-за субъективных решений, лишенных достаточно проработанных политических, оперативно-стратегических или военно-экономических обоснований.

Насколько известно, последняя программа СЯС, которая имела стратегическое и экономическое обоснование, была разработана в 1998 г. экспертной комиссией во главе с вице-президентом РАН Н. Лаверовым для условий Договора СНВ-2 и утверждена

президентом Б. Ельциным. В связи с финансовыми ограничениями общее количество боезарядов после 2007 г. планировалось на уровне около 1500 единиц (при допустимом по условиям Договора СНВ-2 количестве 3000—3500 единиц), в наземной составляющей — более 400 моноблочных МБР стационарного и грунтово-мобильного базирования. Вместе с тем к этому времени на основе рамочного соглашения 1997 г. уже был подготовлен проект Договора СНВ-3 и проведены первые консультации с представителями США. Предполагалось, что по этому договору будут, как минимум, сняты ограничения на разработку, испытания и развертывание мобильных МБР с РГЧ ИН, которые по своим характеристикам в плане стратегической стабильности ничем не отличаются от БРПЛ и для которых подобные ограничения никогда не рассматривались. В этом случае сохранялась бы традиционная структура СЯС СССР/России, при которой в наземной составляющей сосредоточено более 60% боезарядов.

Однако это стало по существу последним из известных решений при формировании ядерных программ, а следовательно, и ядерной политики. Уже в 2000 г. под давлением руководства Генерального штаба Вооруженных сил с целью перераспределения средств в пользу сил общего назначения начинается корректировка утвержденной программы СЯС, главным содержанием которой стало резкое сокращение существующей наземной группировки МБР и темпов ввода новых ракет «Тополь-М». В частности, предлагалось уже к 2003 г. сократить количество боезарядов на МБР до 150 единиц [8].

Это было и остается грубейшей стратегической ошибкой по целому ряду причин. Прежде всего, с одной стороны, экономия средств на сокращении наземной группировки является ничтожной по сравнению с необходимым для развития СОН финансированием. С другой стороны, такое решение продолжало ориентироваться на вступление в силу Договора СНВ-2 и сохранения Договора по ПРО, что противоречило реальной политической обстановке. Последующие события подтвердили несостоятельность принятых решений. Установление в Договоре о сокращении СНП от 2002 г. предельных уровней боезарядов без всяких других условий для России вполне приемлемо, поскольку снимается ряд договорных и экономических ограничений для сохранения и развития СЯС. Это связано, во-первых, с возможностью предельного продления сроков эксплуатации тяжелых МБР, которые

пришлось бы ликвидировать до 2007 г. по условиям Договора СНВ-2. Во-вторых, представляется возможным установить на МБР «Тополь-М» разделяющиеся головные части. В этом случае Россия может без особых усилий поддерживать уровень боезарядов до 2200 единиц, если только не ликвидировать досрочно имеющиеся ракеты, действующую инфраструктуру и не свертывать обоснованную ранее программу производства новых наземных ракет «Тополь-М». Теперь их можно оснащать многозарядными головными частями, не только увеличив при этом общее количество боезарядов в СЯС, но и сократив затраты на производство самих ракет, поскольку их потребуется меньше, чем если бы они были с одним боезарядом.

Состояние СЯС России остается закрытым ровно настолько, насколько это позволяют условия транспарентности Договора СНВ, и по степени скрытности уступает только информации о состоянии ядерных сил Китая. По опубликованной информации об обмене данными в соответствии с Договором СНВ-1 на январь 2006 г. в составе стратегической ядерной триады России числилось 771 носитель и 3319 боезарядов. В том числе в РВСН, которые в 2001 г. были переведены из статуса вида вооруженных сил в род войск, 512 МБР, на которых развернуто 1808 боезарядов. В морской составляющей 12 подводных ракетоносцев (РПК СН), на которых размещена 181 пусковая установка БРПЛ с 639 боезарядами. Еще один РПК СН проекта 941 используется для летных испытаний новой БРПЛ по программе «Булава». В авиационной составляющей 78 тяжелых бомбардировщиков (64 Ту-95мс и 14 Ту-160) с 872 крылатыми ракетами. При этом реальные показатели боеготовых компонентов морских и авиационных СЯС ниже по сравнению с указанными, которые соответствуют правилам засчета вооружений по Договору СНВ-1, поскольку часть из них находится на переоборудовании, в длительном заводском ремонте, в стадии вывода из боевого состава.

После субъективных решений 2000—2001 гг. в последнее время появились робкие высказывания и некоторые признаки попыток ориентироваться в перспективной программе СЯС на главный показатель стратегической стабильности и устойчивости ядерного сдерживания — выживаемость ядерных сил в войне с применением обычного и ядерного оружия. Если в силу каких-нибудь причин это не будет реализовано, то вполне возможно предполагать, что СЯС Российской Федерации будут

вынуждены все больше опираться на концепцию первого удара или запуска по предупреждению о нападении, а американские сохранят значительный потенциал разоружающего удара с применением ядерного и обычного высокоточного оружия. Растущая нестабильность российско-американского стратегического баланса в условиях сохранения между ними отношений взаимного ядерного сдерживания (ибо ничего взамен, кроме деклараций о движении к партнерству, за последние 15 лет придумано не было) будет все больше затруднять взаимодействие двух держав в области международной безопасности, особенно там, где потребуются совместные военные акции (контрраспространение) или программы (ПРО).

В сфере ограничения и сокращения ЯО Россия занимает более традиционную позицию, чем США, особенно поскольку речь идет о республиканской администрации 2000—2004 гг. После ратификации СНВ-2 в 2000 г. Москва выступала за СНВ-3 и соглашение о разграничении стратегической и тактической ПРО, против выхода из Договора по ПРО или внесения в него поправок, за более глубокие сокращения СЯС по договору о СНП (до 1500 или даже 1000 боезарядов), причем без выделения в особую категорию «оперативно развернутых» вооружений, за вступление в силу ДВЗЯИ (тоже ратифицированного в 2000 г.).

Вместе с тем курс России последних лет отличает, с одной стороны, недостаточная гибкость (как в случае реакции на предложение о внесении поправок в Договор по ПРО), а с другой — весьма вялая и непоследовательная реакция на американские шаги по демонтажу режима и процесса ядерного разоружения. Даже выполняя те или иные свои внешние обязательства (как при ратификации договоров по СНВ-2, ДВЗЯИ, «Открытому небу», адаптированного Договора об обычных вооружениях в Европе — ДОВСЕ, Киотского протокола), Москва не способна получить что-либо существенное взамен, поскольку не может сформулировать смелые и реалистические новые инициативы в сфере безопасности и разоружения. Пассивность политики России, видимо, в большой мере отражает несогласованность линий отдельных ведомств исполнительной власти (особенно явную при ослаблении законодательной власти), ощущение слабости своих военно-политических позиций и неопределенности долгосрочной доли военных планов и программ, принижение роли Совета безопасности России и МИДа в этой сфере внешней политики, закрытие процесса принятия решений от независимого и вневедомственного вклада

со стороны парламента, научных центров, профильных общественных организаций.

Российская политика ядерного нераспространения. Официальные документы и заявления руководства России провозглашают приверженность режимам нераспространения ОМУ и прежде всего ДНЯО. В июне 2003 г. президент В. Путин в интервью «Би-би-си» подчеркнул: «Если говорить о главной угрозе XXI в., то я считаю, что это проблема распространения оружия массового уничтожения». О том же он говорил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2003 г.[9]

Российские представители в различных международных организациях постоянно отмечают то обстоятельство, что Россия ратифицировала, в отличие от США, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. При этом особенно подчеркивается, что Россия сумела обеспечить выполнение своих обязательств по ДНЯО, не нарушив когда-либо букву этого договора, в крайне неблагоприятных условиях, вызванных последствиями распада СССР, глубоким и продолжительным экономическим кризисом.

В соответствии со ст. VI ДНЯО Москва на протяжении последних полутора десятилетий предлагала более глубокие сокращения СЯС, чем Вашингтон (по крайней мере до 1500 ядерных боезарядов). Впрочем, в отношении тактического ядерного оружия в тот же период линия Москвы была более консервативной, она главным образом реагировала на инициативы США в начале 90-х годов, а в последние годы в основном уклонялась (как и США) от обсуждения этой темы и отбивалась от обвинений в невыполнении односторонних параллельных политических обязательств по ТЯО, принятых вместе с США в начале 90-х годов.

Россия в полном объеме придерживается соглашений в рамках Режима контроля над ракетной технологией, однако в отличие от США внимание Москвы сосредоточено прежде всего на соблюдении условий РКРТ по отношению к отечественным предприятиям в соответствии с разветвленной системой экспортного контроля, курируемой лично президентом В. Путиным.

Насколько известно, на ракетные программы Северной Кореи, по существу ставшей главным распространителем ракетных технологий в нестабильные регионы, а также Ирана, которые представляют потенциальную угрозу многим государствам, Москва в настоящее время какого-либо влияния не оказывает.

В 90-е годы в рамках программы «Совместного уменьшения угрозы» (известной также как программа американских сенаторов Нанна-Лугара-Доменичи) Россия осуществила главным образом с помощью США и с вкладом ряда других стран (Великобритании, Норвегии, Японии) беспрецедентные по масштабу мероприятия по ликвидации ядерных боезарядов, баллистических ракет, утилизации атомных подводных лодок, а также (по параллельным проектам) по физической защите, учету и контролю ядерных материалов (ФЗУКЯМ). Тогда же были заложены иные большие проекты, реализация которых предполагается в обозримом будущем. Речь идет помимо ФЗУКЯМ о строительстве при комбинате «Маяк» хранилища для 50 т оружейного плутония, извлеченного из уничтожаемых ядерных боеприпасов; о продаже США 500 т оружейного урана, обедняемого для использования на американских АЭС; о сборе, вывозе и обеднении для применения в АЭС высокообогащенного урана из бывших советских и восточноевропейских исследовательских реакторов; об утилизации 34 т российского (и такого же объема американского) оружейного плутония в МОХ-топливе (смешанном уран-плутониевом топливе, получаемом при утилизации плутония) для модифицированных АЭС России и США; о прекращении наработки оружейного и гражданского плутония на трех все еще действующих российских АЭС при замене их на тепловые станции для энергообеспечения сибирских регионов России [10].

В общей сложности в 90-е годы и по настоящее время по названным и другим программам выполнены работы на сумму до 5—7 млрд долл. Следует отметить, что наряду с крайне скудными результатами 90-х годов и начала нового десятилетия по реальной трансформации взаимоотношений ядерного сдерживания и достижению новых радикальных соглашений по сокращению и ограничению ЯО в рамках «большой пятерки» названные программы явились действительно выдающимся успехом сотрудничества, выходящего за традиционные рамки и стереотипы ядерного сдерживания в духе новых отношений после окончания «холодной войны».

Еще более грандиозные проекты есть на будущее — в контексте программы Глобального партнерства (ГП). Россия приняла решение о стабильном финансировании проектов ГП. В 2003 и 2004 гг. из бюджета выделено по 205 млн долл. Разработаны конкретные проекты, которые были переданы всем партнерам. Москва сосредоточила усилия на урегулировании воп-

росов налогообложения, доступа на объекты, транспарентности, ответственности за ущерб. Бóльшая часть вопросов была решена в подписанном 21 мая 2003 г. Соглашении о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации, ратифицированном в конце 2003 г.

Вместе с тем общий объем заявленного финансирования в рамках ГП со стороны «большой восьмерки» до сих пор не доходит до планки в 20 млрд долл., установленной в Кананаскисе, даже с учетом присоединения новых стран. Существует значительный разрыв между средствами, о выделении которых заявлено, и реально получаемыми Россией деньгами на цели проектов Глобального партнерства. Российские эксперты отмечают необходимость совершенствования механизмов расходования средств в России и в странах-донорах, повышения роли аудита, оценки эффективности расходования средств, использования независимой экспертизы, подключения российского бизнеса к финансированию социально ориентированных проектов в рамках программы Глобального партнерства. Отмечается также, что России следует продемонстрировать возможность решения собственными силами задач, стоящих перед ней в рамках ГП, увеличив свой вклад в финансирование проектов по нераспространению ОМУ с учетом крайне благоприятной конъюнктуры на рынке энергоресурсов.

В качестве одного из возможных путей достижения этой цели обсуждается подключение внебюджетных средств — в первую очередь средств российского бизнеса. Впрочем, такой подход вызывает немало сомнений. Если речь идет о привлечении бизнеса для более эффективного, чем усилиями государственных организаций, выполнения ряда работ, то вопроса нет, если только исключены коррупция («откаты»), нецелевое расходование или, наоборот, «отмывание» финансовых средств. В ином случае российский бизнес должен участвовать в программе через уплату налогов в федеральный и местные бюджеты, а его обложение «дополнительной данью», пусть и на благое дело, неизбежно принесет в конечном счете больше потерь, чем приобретений (опять же через вышеупомянутые способы плюс уклонение от налогов и увод денег за рубеж).

Контроль за внешнеэкономическими операциями с ядерными материалами, специальными неядерными материалами и соответствующими технологиями, а также с товарами и технологиями двойного применения осуществляется в России прежде всего как

компонент политики нераспространения. Закон «Об экспортном контроле», принятый в 1999 г., закрепил термин «экспортный контроль» именно за этой сферой [11] (подробнее см. главу 7).

Вместе с тем распространение ЯО, очевидно, не является для России столь же важным приоритетом практической политики, как для США. В этом смысле она гораздо ближе к американским союзникам в Европе и на Дальнем Востоке; то же относится и к выбору методов противодействия данной угрозе.

Прежде всего дело в том, что, в отличие от США, вопреки официальным декларациям Москва усматривает много других угроз своей безопасности, в том числе проистекающих от политики США и НАТО, которые стоят выше в списке российских приоритетов. Это ясно отражено в уже упомянутых официальных документах России по национальной безопасности и военной доктрине [12].

Главные вызывающие тревогу «пороговые» страны (Иран, КНДР) не воспринимаются в России как вероятные противники, так же как США не считают угрозой ядерные силы Израиля и Пакистана. Кроме того, Иран стоит на втором или третьем месте (в зависимости от года) как покупатель крупных партий российских вооружений, позволяющий военно-промышленному комплексу выживать, несмотря на резкое сокращение оборонного заказа со стороны российских Вооруженных сил. Наконец, Иран — это важнейший геополитический партнер России, растущая региональная «сверхдержава», в известной мере уравновешивающая экспансию Турции и расширяющееся военное и политическое присутствие США в Черноморско-Каспийском регионе, происходящее без согласования с Россией и с неясными для нее целями.

Северная Корея, безусловно, не имеет для России столь важного значения, тем более в свете расширяющегося экономического сотрудничества с Южной Кореей. Однако опыт вытеснения России из ядерно-энергетического проекта с КНДР в 1994 г. Соединенными Штатами, Японией и Южной Кореей до сих пор оказывает влияние на отношение Москвы к американской политике давления на КНДР в связи с ее ядерной программой и в целом на восприятие искренности заботы Вашингтона о нераспространении ЯО, в том числе в отношении Ирана. Иными словами, преобладающая часть российских политических кругов считает, что США сразу же вытеснят Россию из «ядерного бизнеса», если только она займет жесткую позицию по иранским программам, как того требует Вашингтон.

Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что поставки ядерно-энергетической технологии и топлива за рубеж являются для России относительно гораздо более важными, чем для США. В российском экспорте, где преобладают нефть, газ и другое сырье, ядерные контракты относятся к немногим предметам высокотехнологичной продукции (наряду с вооружениями), конкурентоспособным на мировом рынке. Это считается ценной составляющей в структуре экспорта.

Нельзя также недооценивать роль внутренних факторов российской политики. На протяжении последних десяти с лишним лет в условиях хронического недофинансирования Минатома (теперь Федерального агентства по атомной энергии) на цели поддержания, конверсии и утилизации его наследия от СССР — «атомных городов», выводимых из боевого состава ядерных боезарядов и атомных подводных лодок — доход от зарубежных поставок стал важнейшим средством жизнеобеспечения этой колоссальной инфраструктуры объектов и связанных с ними людей. Безусловно, программа Нанна-Лугара-Доменичи, «урановая сделка», «плутониевые проекты» и ряд других мер содействия со стороны США и других стран Запада сыграли большую роль. Однако они не могли полностью обеспечить финансовые потребности Минатома. Внебюджетные доходы от зарубежных поставок Китаю, Индии, Ирану и другим странам стали незаменимым средством поддержания жизнедеятельности этого огромного социально-технологического организма.

В свою очередь, в условиях глубокой дезорганизации исполнительной власти России в 90-е годы и почти безоговорочной политической поддержки законодательной власти возможности Минатома лоббировать свои ведомственные интересы были весьма широки. После 2000 г. они не стали меньше в ходе всемерного укрепления федеральной исполнительной бюрократии и снижения роли парламента, региональных властей и институтов гражданского общества. Это среди прочего относится к определению реальной линии Москвы в вопросах ядерного нераспространения в целом и проекта строительства АЭС в Бушере в Иране в частности.

С учетом вышеизложенного помимо декларативной позиции Москвы ее реальную линию в данной области можно охарактеризовать следующим образом:

• Россия заинтересована в укреплении режимов нераспространения, но это не единственный и не главный приоритет ее стратегии безопасности.

• В России часто скептически относятся к провозглашаемой Соединенными Штатами глобальной стратегии нераспространения и контрраспространения, усматривая в их практической политике практику двойных стандартов и попытки прикрыть целями нераспространения иные политические, военные и коммерческие, в том числе ядерно-экспортные интересы.

• Ради идеи нераспространения (тем более в односторонней американской трактовке) Россия не склонна жертвовать своими экономическими и политическими интересами в мирном ядерном сотрудничестве с другими странами, если при этом формально соблюдаются условия ДНЯО, гарантии МАГАТЭ и согласованные нормы ядерных поставок за рубеж.

• Отношения с США имеют для России важнейшее значение, в том числе в связи с программами помощи ей со стороны Запада в ядерной сфере, и она готова в определенных пределах учитывать американские требования (что выразилось в ее согласии взять обязательство по поставкам топлива для бушерской АЭС и вывозу из Ирана ОЯТ для переработки и хранения).

• В то же время Москва будет сопротивляться давлению Вашингтона в сторону прекращения законных с точки зрения ДНЯО сделок с другими странами, даже если эти страны в текущий исторический момент не нравятся данной американской администрации и если есть подозрения относительно военных ядерных программ и амбиций зарубежных партнеров России.

• В этом плане продолжение бушерского проекта и его возможное расширение приобрели для Москвы не только практическое (доход в 5 млрд долл.), но и принципиально-политическое значение. Доводы о том, что даже мирный проект дает Ирану знания, технологии и материалы, которые теоретически могут быть использованы в военных целях, не воспринимаются в Москве (особенно после скандальных разоблачений нелегальных ядерных сделок с Ираном со стороны Пакистана и вялой реакции на это из Вашингтона).

• Россия, как и большинство американских союзников, будет возражать против силовых методов решения проблем нераспространения (хотя по политическим соображениям она поддержала Инициативу по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения — ИБОР) и отдавать предпочтение дипломатическим и экономическим инструментам, укреплению правовой базы и механизмов экспортного контроля, связанных

с ДНЯО, причем применяемых на недискриминационной основе ко всем поставщикам и импортерам ядерных материалов и технологий.

• Без инициативы извне Россия едва ли станет поддерживать идеи более жесткого экспортного контроля или эмбарго на поставки компонентов замкнутого ядерного цикла отдельным странам, которые могут избирательно затруднить ее внешние проекты такого рода (во всяком случае, в отсутствие серьезных стимулов и компенсаций со стороны Запада).

Соединенные Штаты Америки

Военная стратегия и программы. Оборонная политика США определена «Четырехлетним обзором состояния оборонной политики» (Quadrennial Defense Review — QDR), представленным Конгрессу в сентябре 2001 г. (практически сразу после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне), «Обзором состояния ядерных сил» (Nuclear Posture Review — NPR), представленным Конгрессу в начале января 2002 г., «Стратегией национальной безопасности США» (The National Security Strategy of the United States of America) от 2002 г., «Национальной стратегией борьбы с распространением оружия массового уничтожения» от сентября 2002 г.

К декабрю 2005 г. Пентагон практически закончил работу над новым QDR, который по замыслу авторов должен уточнить «матрицу угроз» США, их друзьям и союзникам на ближнюю и среднесрочную перспективу, показать способы и средства обеспечения безопасности. Новый QDR, сохраняя основные положения предшествующего документа, уточняет некоторые принципы планирования и санкционирования применения ядерного оружия.

Первый документ (QDR-2001) содержит четыре концептуальных принципа, на основе которых Соединенные Штаты намерены добиваться главных целей в обеспечении своих национальных интересов и национальной безопасности: «гарантировать, разубеждать, сдерживать и наносить поражение».

«Гарантировать» означает поддерживать уверенность союзников и друзей в стабильности целей США и их способности выполнять свои обязательства в области безопасности.

«Разубеждать» — обеспечить понимание потенциальными противниками бессмысленности проведения программ или опера-

ций, которые могли бы представлять угрозу интересам США или их союзников.

«Сдерживать» — предупреждать агрессию и осуществлять давление путем развертывания сил и быстрой реакции на нападение, угрозы сурового возмездия за агрессию, нанося ущерб живой силе и технике, а также инфраструктуре вооруженных сил противника.

«Наносить поражение» — решительно наносить поражение любому противнику в случае провала тактики сдерживания.

В принципе эти положения не содержат ничего нового по сравнению с прежними постулатами военной политики США и скорее представляют собой лишь еще один из вариантов декларативного изложения этих постулатов.

Относительно новаторским выглядит четырехлетний обзор по ядерной политике, представленный Конгрессу в конце 2001 г. В нем планирование американских стратегических сил переводится с подходов времен «холодной войны», основанных на угрозах, на новые принципы, базирующиеся на так называемой концепции «возможность возможностей».

Подход к обеспечению национальной безопасности, основанный на указанной концепции, исходит из того, что в XXI в. по отношению к США возможно множество разных угроз и конфликтов, неопределенных по времени, интенсивности и направленности. Поэтому США должны концентрировать свое внимание в военной области на том, как необходимо воевать, а не на том, кто и когда будет противником. Это означает готовность к любому неожиданному нападению, для чего нужны варианты выбора, способные противостоять широкому спектру угроз и средств, которыми может обладать любой потенциальный противник.

По формулировкам эта ядерная политика отличается от принятой при президенте Б. Клинтоне в ноябре 1997 г. директивы PDD-60. В последней был сделан упор на сдерживание применения ядерного оружия и исключена действовавшая со времен президента Р. Рейгана рекомендация Вооруженным силам США быть готовыми к продолжительной ядерной войне и одержать в ней победу. При этом подтверждалось положение, сформулированное в «Обзоре ядерной политики» от 1994 г., о том, что основными целями стратегического ядерного оружия США являются ядерное оружие другой стороны и связанная с ним инфраструктура, а не города и промышленные центры.

Одна из концептуальных посылок новой ядерной политики заключается в том, что подход к сдерживанию в духе времен «холодной войны» более неуместен, и прежде всего в отношениях с Россией, строившихся ранее на взаимном сдерживании угрозой гарантированного уничтожения. Это положение можно было бы рассматривать противоречащим наличию у Пентагона стратегических планов применения ядерного оружия против России, Китая и ряда других государств (СИОП). Но при этом следует учитывать то, что, в частности, сформулировал министр обороны России С. Иванов: «Как глава военного ведомства я прекрасно понимаю, что министерство обороны должно планировать любые сценарии, в том числе исходящие из самого худшего. Меня не удивляют никакие планирования»[13]. Однако, с другой стороны, в чем еще более осязаемо выражается реальная ядерная политика (в отличие от переменчивой риторической), как не в оперативных планах, перечнях целей и развитии ядерных сил и средств?

В новом издании ядерной стратегии впервые в развернутом виде сформулирована концепция следующего этапа военного обеспечения национальной безопасности США — переход к новой триаде. В отличие от «старой» (МБР, БРПЛ, ТВ) новая триада представлена неядерной наступательной составляющей; компонентами активной и пассивной обороны, включающей ПРО; развитой оборонной промышленной инфраструктурой, а также «замыканием» всех этих компонентов включая и «старую» ядерную триаду на современные средства управления. Видимо, ставится цель сократить в долгосрочной перспективе зависимость от ЯО и увеличить возможности по сдерживанию новых угроз в условиях распространения ОМУ. Вместе с тем, поскольку угроза эскалации более не рассматривается в столь катастрофическом свете, как во времена противостояния с СССР, новая стратегия, вероятно, более смело стирает грань между применением обычного и ядерного оружия против новых вероятных врагов.

Таким образом, считается, что только наступательные ядерные силы не в состоянии сдержать агрессию в XXI в., что подтверждают события 11 сентября 2001 г. При этом активная и пассивная оборона также не будет совершенной, однако, не допуская ограниченных ударов или уменьшая их эффективность, оборона сможет создать новые возможности для активных действий в урегулировании кризисных ситуаций, сдерживании угроз и проведении военных операций.

Существующие и установленные на среднюю и долгосрочную перспективу (до 2020 г. и далее) параметры ядерного стратегического компонента подтверждают преемственность и устойчивость ядерной политики с точки зрения структуры и боевого состава прежней триады. В соответствии с правилами засчета, определенными Договором СНВ-1 и Меморандумом об обмене данными, в составе стратегической ядерной триады США на начало 2006 г. продолжали числиться 50 МБР МХ, 500 МБР «Минитмен-3», 18 ПЛАРБ с БРПЛ «Трайдент-1,2» и 243 ТБ В-1, В-2, В-52. Реально в боевом составе находится меньшее количество средств, так как 4 ПЛАРБ в стадии переоснащения на крылатые ракеты, 50 МБР МХ сняты с вооружения и часть ТБ переоборудуются на неядерное оснащение. С учетом этого в наземной группировке 500 МБР с 1200 боезарядами (150 МБР переоснащены на моноблочные головные части), на 14 ПЛАРБ 336 БРПЛ и 2688 боезарядов (без учета того, что на части БРПЛ вместо 8 находятся по 6 боезарядов). В авиационной составляющей на 243 ТБ 1098 боезарядов (официальные данные о выводе из состава СНВ ТБ В-1В отсутствуют). Всего в триаде 1079 носителей и 4986 боезарядов.

Планируемые к 2012 г. силы включают 14 ПЛАРБ с БРПЛ типа «Трайдент-2», 500 МБР «Минитмен-3», 76 бомбардировщиков В-52Н и 21 бомбардировщик В-2. Реализуемые программы модернизации МБР «Минитмен-3» предполагают сохранение их в боевом составе по меньшей мере до 2020 г. Руководство Военно-морских сил (ВМС) США приняло решение продлить сроки эксплуатации ПЛАРБ, вооруженных ракетами «Трайдент-2», до 42—44 лет. Будет осуществляться плановая модернизация БРПЛ, чтобы сроки их службы соответствовали срокам эксплуатации ПЛАРБ. Сроки ввода в строй ПЛАРБ и БРПЛ позволяют ВМС рассчитывать на сохранение боеспособности существующей морской составляющей вплоть до 2040 г.

Непрерывно осуществляемая Военно-воздушными силами (ВВС) модернизация стратегических бомбардировщиков предполагает, что существующий парк ТБ будет поддерживаться до 2035—2045 гг. НИОКР по созданию следующего поколения ТБ планируется начать в конце следующего десятилетия.

Свидетельством того, что США последовательно осуществляют свою ядерную политику, является неизменно стабильное финансирование действующих с 1996 финансового года программ модернизации и продления сроков службы основных типов суще-

ствующих МБР, БРПЛ, крылатых ракет большой дальности и ядерных бомб и программ по модернизации и обновлению ядерных зарядов.

В соответствии с действующей в США нормативной базой арсенал ядерных боезарядов делится на четыре категории. Первые две составляют так называемый «активный» арсенал: одна — боезаряды, развернутые на носителях, вторая — боезаряды, снятые с носителей, но поддерживаемые в готовности к развертыванию. К этой категории относятся и снимаемые в порядке разгрузки ядерные боезаряды W78 с МБР «Минитмен-III» и W76 с БРПЛ «Трайдент-2», а также боезаряды W87 с подлежащих уничтожению МБР «Пискипер-МХ». Третья и четвертая категории составляют пассивный арсенал: третья — резервные боезаряды, которые не находятся в готовности к развертыванию, но могут быть использованы для замены боезарядов активного арсенала. Считается, что на развертывание таких боезарядов необходимо время, исчисляемое месяцами. Четвертая — боезаряды, снятые с вооружения и предназначенные для ликвидации.

По словам министра обороны Д. Рамсфельда, основанием для того, чтобы не уничтожать некоторую часть снимаемых с вооружения ядерных боеголовок, является «...сохранение их на случай возникновения проблем с безопасностью и надежностью нашего хранимого арсенала. Поскольку у нас нет действующих производственных линий, было бы просто безрассудным для Соединенных Штатов уничтожить все эти ядерные боезаряды и не иметь их в резерве».

Применительно к задачам сокращения СЯС по новому Договору о СНП с Россией определено, что количество зарядов для каждого года будут определяться стороной-участницей по результатам собственных периодических комплексных оценок военно-политических и технико-технологических ситуаций в контексте национальной безопасности. Одной из таких промежуточных точек для США (предполагается, что их будет три-четыре) установлен конец 2007 г., на который намечено достижение уровня оперативно развернутых зарядов в 3800 единиц.

В декабре 2003 г. президент США, подписав Закон о национальном бюджете на 2004 финансовый год, утвердил предложения республиканского большинства в Конгрессе 108-го созыва об отмене Закона о запрещении научных исследований и разработок ядерного оружия малой мощности 1993 г. в части, касающейся

проведения концептуальных исследований по ЯО малой мощности. Этим же законодательным актом президент обеспечил первоначальное финансирование (в 2004 финансовом году) работ по исследованию создания на базе существующих ядерных бомб B61 или B83 их новых модификаций проникающего типа для поражения высокопрочных заглубленных целей.

До этого в направленном в феврале 2003 г. Конгрессу сопроводительном письме к сформированному Администрацией бюджетному запросу на оборонные нужды Министерства обороны и Министерства энергетики в 2004 финансовом году президент обозначил следующие четыре инициативы в области ядерного оружия:

• отменить законодательный запрет Конгресса, введенный в 1993 г., на проведение НИОКР в области ядерного оружия малой мощности (менее 5 кт);

• выделить 6 млн долл. на инициативу по разработке перспективных концепций ядерного оружия (ACI, Advanced Concepts Initiative), для чего начать определенные научные исследования в области оружейных систем, в частности проникающего ядерного боеприпаса малой мощности;

• выделить 15 млн долл. для продолжения работ по разработке прочной, заглубляющейся в грунт ядерной боеголовки (программа RNEP) на базе существующих типов ядерных бомб для поражения сильно укрепленных заглубленных целей типа HDBT (Hard and Deeply Buried Targets);

• выделить 25 млн долл. на работы по установлению срока готовности Невадского испытательного полигона к возобновлению ядерных испытаний, равного 18 месяцам, после принятия соответствующего решения президентом страны (вместо срока в 36 месяцев, установленного вскоре после окончания «холодной войны»).

Инициативы администрации вызвали острые дискуссии, хотя и в довольно ограниченном кругу политиков и специалистов. Сторонники инициатив утверждали, что первые три инициативы усиливают сдерживание и, следовательно, снижают риск возникновения войны. Могут быть созданы такие новые виды ядерного оружия, которые позволят поражать ключевые цели в странах, намеревающихся угрожать США, без негативных воздействий на экосферу, мирное население, на контингенты собственных и союзнических войск. Директор Сандийской лаборатории П. Робинсон в марте 2000 г. заявил следующее: «Мощность ядерных

вооружений, оставшихся со времен “холодной войны”, слишком велика по сравнению с потребностями сдерживания, типичными для многополярного мира, в котором нарастают процессы распространения»[14].

В связи с этим предлагалось реализовать следующие инициативы и проекты:

• качественно новые высокоточные ядерные боеголовки мощностью около 10 т — «микро-ньюки», проникающие глубоко в грунт перед взрывом (Earth Penetrating Weapons — EPW) и способные поражать высокопрочные объекты глубокого заложения;

• ядерные боеголовки для противоракет системы ПРО мощностью порядка 100 т — «мини-ньюки»;

• ядерные боеголовки мощностью порядка 1000 т для использования на поле боя — «тини-ньюки»;

• высокоточные ядерные боеголовки, способные нейтрализовать химические и биологические агенты при уничтожении объектов химического и бактериологического оружия;

• ядерные боеголовки малой мощности, генерирующие мощное микроволновое и электромагнитное излучение для поражения электроники и линий снабжения электроэнергией (Electromagnetic Pulse warheads — EPw);

• ядерные боеголовки малой мощности с уменьшенными побочными вредными эффектами;

• ядерные боеголовки с повышенным выходом радиации (High radiation); а также ряд других.

Проблема создания проникающего заряда малой мощности, обеспечения его доставки на заданную глубину при движении в прочной преграде, создания новейших систем разведки, связи, целеуказания чрезвычайно сложна. К тому же проникающее оружие не может проходить в преграду настолько глубоко, чтобы обеспечить камуфлетность взрыва — обязательно последует радиоактивный выброс. Расчеты показывают, что заглубляющаяся в грунт ядерная боеголовка мощностью 1 кт, примененная в городских условиях, создает летальную дозу от радиоактивного загрязнения в зоне площадью несколько квадратных километров, поразив, таким образом, десятки тысяч человек из числа гражданского населения. Вне городских условий заражение будет зависеть от направления ветра, но едва ли стоит рассчитывать, что противник при выборе места подземного объекта будет считаться с американской идеей повышенной избирательности удара.

Наиболее активные оппоненты инициатив республиканской администрации сенаторы-демократы Э. Кеннеди и Д. Файнстайн утверждали, что США принимают «...новый и опасный план разработки и создания следующего поколения ЯО. Как мы можем просить Иран или Северную Корею отказаться от ядерных программ, когда мы сами начали разрабатывать, создавать и испытывать собственные новые ядерные вооружения». И далее: «Новое направление администрации в области ЯО... угрожает подорвать всю архитектуру контроля над ядерными вооружениями, которая с таким трудом создавалась последние полстолетия. Мы знаем о реальных опасностях, угрожающих нам в современном мире. Было бы неправильно добавлять еще одну, относясь к ЯО как просто к еще одному виду вооружений в арсенале»[15].

Нет консенсуса относительно целесообразности использования ЯО для уничтожения заглубленных целей и среди высшего военного руководства Соединенных Штатов. Так, глава Стратегического командования США адмирал Дж. Эллис говорил на слушаниях в сенатском Комитете по делам вооруженных сил, что следует уменьшить зависимость страны от ЯО и использовать для поражения заглубленных высокопрочных целей обычное высокоточное оружие. Министр обороны США Д. Рамсфельд 20 мая 2003 г. на слушаниях в Конгрессе официально подтвердил, что США намерены только изучить возможности нового оружия, а «не разрабатывать, не принимать на вооружение, не применять его».

В целом представляется, что решения о проведении исследований по проникающим зарядам малой мощности, имеющие целью подтвердить точку зрения на малую пригодность существующих ядерных арсеналов с чрезмерной мощностью и недостаточной точностью для сдерживания новых угроз, а также реанимировать пришедшую, как утверждается, в упадок исследовательскую и промышленную ядерную инфраструктуру, создают предпосылки к снижению порога применения ядерного оружия и противоречат политике нераспространения.

В этих условиях весьма показательным было решение Конгресса США в ноябре 2004 г., инициированное республиканцем Д. Хобсоном, об исключении из законопроекта о расходах на будущий финансовый год средств на исследования по проникающим боезарядам малой мощности. В 2005 г. Конгресс снова урезал ассигнования на данную программу, что в конце

концов вынудило администрацию под давлением законодателей и академического сообщества отменить программу вообще. Впрочем, как показали исторические прецеденты с развитием систем ПРО, B-1, противоспутниковых средств, в целом космических вооружений и др., такие стратегически значимые системы оружия обладают свойством возрождаться вновь и вновь при благоприятном изменении внешних обстоятельств. Поэтому нет никакой уверенности, что впоследствии под нажимом Пентагона финансирование этой или похожей программы не будет реанимировано.

И тогда, как и в случае с американским выходом из Договора 1972 г. и началом развертывания стратегической ПРО, разработка ядерных боезарядов нового типа будет и далее проецироваться российским стратегическим сообществом на саму Россию. В частности, в свете неубедительности обоснования применения таких систем против террористов и «стран-изгоев» (ввиду доступности других средств и методов) будет рассматриваться возможность нанесения высокоизбирательных ядерных ударов по командным центрам повышенной защищенности России, а также по шахтным пусковым установкам МБР.

Такое проецирование на себя абсолютно неизбежно в условиях, когда вопреки всем декларативным заявлениям политиков между Соединенными Штатами и Россией в стратегической, оперативной и технической реальности сохраняются отношения взаимного ядерного сдерживания — причем с растущим неравенством между сторонами. Что бы ни внушали американские политики и военные их российским коллегам о какой-то «возможности возможностей» и неуместности в новых условиях взаимного сдерживания времен «холодной войны», специалисты в России хорошо понимают, что нежелание Вашингтона сокращать СЯС ниже уровня 2200 боезарядов (впридачу к примерно 1500 резервным) не может быть обусловлено никакими стратегическими задачами, кроме сохранения ядерного сдерживания по отношению к России. Это объясняется просто отсутствием соответствующего числа целей для СЯС в остальном мире, а также наличием дополнительно значительного количества высокомобильных американских средств ТЯО для любых гипотетических локальных сценариев.

В частности, продолжение американской структурной политики триады СЯС (помимо новой триады), которое не умещается

в пределы ниже 2000 боезарядов, нельзя объяснить ничем, кроме инерции стратегии ядерного сдерживания России. То же относится к планам переоснастить МБР «Минитмен-3» боеголовками W-87 от МБР «Пискипер», как и сохранить на БРПЛ «Трайдент-2» боеголовки W-88, которые предназначены исключительно для быстрого (с коротким подлетным временем) поражения высокозащищенных целей типа шахтных пусковых установок МБР, подземных командных центров и для ударов по площадям рассредоточения мобильных МБР. Все это имеется в достаточно большом количестве только у России.

Ссылки на «неопределенное будущее» воспринимаются как неубедительные отговорки. По всем прогнозам в ближайшие 10—15 лет совокупные ядерные средства всех нынешних и вероятных ядерных держав мира (включая КНР, но исключая Россию и союзников США) не превысят 1000 единиц, не говоря уже о качественных характеристиках и ограниченной дальности действия большинства из них. В любом случае ракетно-ядерный промышленный комплекс США многократно превосходит весь остальной мир по быстроте и объему возможного наращивания ядерных вооружений в случае непредвиденных обстоятельств.

Указанные аспекты реальной военной политики США выглядят особенно подозрительно на фоне их линии на демонтаж режима и процесса ядерного разоружения: выход из Договора ПРО, нежелание заключить новый полномасштабный договор по сокращению СЯС, отказ от ратификации ДВЗЯИ, утрата интереса к Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, скептическое отношение к ДНЯО и МАГАТЭ и упор на одностороннюю политику «избирательного» нераспространения и контрраспространения.

Таким образом, вопреки ст. VI ДНЯО долгосрочная ядерная политика США в настоящее время даже не рассматривает сколько-нибудь серьезно перспективу ядерного разоружения ни в военном, ни в договорно-правовом планах. Однако намного хуже то, что США, сокращая излишки ядерного оружия, оставшиеся от «холодной войны», не имеют интереса ни к реальной (материальной) трансформации отношений ядерного сдерживания с Россией, ни к углублению согласованных мер сокращения и ограничения ЯО. Поскольку раньше такой интерес вызывался в основном страхом перед стратегическим потенциалом СССР, нынешнее индифферентное отношение Вашингтона к вопросу, видимо, объясняется

решениями самой Москвы о свертывании своих СЯС и прежде всего их наземной составляющей.

Тем не менее позицию США нельзя оправдать, поскольку после окончания «холодной войны» именно они как самая сильная держава с огромным ядерным (и в целом военным) «запасом прочности» могли инициировать коренную перестройку стратегических отношений с Россией сообразно новым рискам и вызовам безопасности, что повлияло бы и на политику Китая, и на другие ядерные и потенциально ядерные государства.

В ситуации пассивности и внутренней рассогласованности курса России наряду с ее растущими подозрениями в отношении США и затратами на стратегические контрмеры американская политика ставит жесткие ограничения на возможности углубленного сотрудничества с Россией в деле ядерного нераспространения включая подход к третьим и «пороговым» ядерным странам, ядерным поставкам и тем более к мерам контрраспространения. Кроме того, линия США резко ослабляет позиции великих держав по укреплению режима ДНЯО и сопряженных с ним механизмов.

Ядерное нераспространение. Представляя «Национальную стратегию борьбы с распространением ОМУ», президент США заявил: «Мы не позволим опаснейшим в мире режимам и террористам угрожать нам самым разрушительным в мире оружием. Мы должны поставить во главу угла защиту США, наших сил, а также наших друзей и союзников от существующей и растущей угрозы распространения ОМУ».

Стратегия борьбы США с распространением ОМУ основывается на трех составляющих: контрраспространении, усилении режимов нераспространения, управлении ликвидацией последствий применения ОМУ.

Необходимо отметить целый рад важных шагов, сделанных ранее американской администрацией. В 1994 г. США прекратили производство ураносодержащих узлов вторичного «каскада» термоядерных зарядов. В том же 1994 г. Министерство энергетики США создало независимую экспертную комиссию по рассмотрению вопроса об исключении ядерной оружейной тематики в одной из двух национальных лабораторий — Лос-Аламосской либо Ливерморской.

Президент Б. Клинтон в марте 1995 г. объявил избыточными для нужд обороны страны 50 т плутония и заявил, что будут пред-

приняты шаги, чтобы этот плутоний никогда более не использовался в оружейных целях. В декабре 1995 г. были остановлены операции по производству неядерных узлов ядерных боеголовок на заводе «Пиннелас» во Флориде.

В декабре 1995 г. 225 т расщепляющихся материалов объявлены избыточными для целей обороны, и было решено поставить 12 т этих материалов под инспекции МАГАТЭ.

В январе 1999 г. президент США в своем обращении к нации впервые формально представил американскую «Инициативу по расширенной программе уменьшения угрозы» (Extended Threat Reduction Initiative — ETRI). Выделяются, как минимум, четыре приоритетных направления: программа ядерной безопасности; программы, связанные с неядерными ОМУ; программы по нераспространению в областях науки и технологии; программы сотрудничества по передислокации вооруженных сил и утилизации военного снаряжения.

Вместе с тем режимы нераспространения ОМУ и средств его доставки в последнее время пользуются в США все меньшей поддержкой по сравнению с мерами контрраспространения. Ряд этих мер весьма позитивен, например, инициатива по перехвату подозрительных транспортных средств, которую теперь поддержала и Россия (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения — ИБОР). Эти меры более конструктивны по сравнению с односторонними силовыми акциями. Другие инициативы — угроза применения силы против «оси зла» и военная акция в Ираке — играли по большей части контрпродуктивную роль.

США, безусловно, являются признанным лидером в мире по усилиям, направленным на противодействие ядерному распространению включая решающий финансовый вклад в программы «Совместного уменьшения угрозы» в 90-е годы и проекты Глобального партнерства. Многие государства-поставщики имеют системы экспортного контроля, схожие с американской системой, однако никакое другое государство не сформировало такую всеобъемлющую, сложную и одновременно достаточно транспарентную инфраструктуру контроля над экспортом ядерной продукции, как США (подробнее см. главу 7).

Если в США не произойдут какие-то драматические события, можно ожидать, что американская политика экспортного контроля станет более гибкой. Симптоматично, что в ближайшее время предполагается смягчение американского контроля над экспортом

ядерных технологий. Администрация вынуждена учитывать интересы национальных производителей в их конкурентной борьбе с канадскими, европейскими и российскими поставщиками за рынки стран Азии.

В целом, проводя наиболее жесткий национальный контроль над ядерным экспортом (но при этом почти монополизировав поставки на этот мировой рынок), США, по мнению большинства российских специалистов, круто изменили общий подход к нераспространению в последние несколько лет.

Во-первых, отрицается какая-либо взаимосвязь ядерной политики США, перспектив ядерного разоружения и нераспространения, закрепленная в ст. VI ДНЯО (по аналогии с тем, как недавно была разорвана связь ограничения оборонительных и наступательных стратегических вооружений). Утверждается, что «пороговые» и другие вероятные новые ядерные государства строят свою политику независимо от курса США в области ядерных вооружений.

Во-вторых, к нераспространению теперь осуществляется избирательный подход и соответственно выбираются меры воздействия. Применительно к одним странам (Израилю, Пакистану, в последнее время — Индии) распространение считается не опасным, а к другим (КНДР, Ирану, недавно — Ираку и Ливии) — угрожающим. Причем опасными с точки зрения распространения и поддержки терроризма считаются прежде всего страны, имеющие в целом враждебные отношения с США, а не наоборот, как если бы проблемные с указанной точки зрения страны заносились в американский «черный список». Впрочем, в последнее время подход Вашингтона несколько меняется: прежние союзники, оказавшиеся замешанными в ядерное распространение и спонсорство терроризма, подвергаются все большей опале (Саудовская Аравия, Пакистан).

В-третьих, Вашингтон все более скептически смотрит на универсальные меры укрепления ДНЯО и связанных с ним режимов и организаций, отдавая предпочтение адресным мерам в отношении отдельных государств и компаний, причем преимущественно в виде санкций включая применение силы.

Можно спорить, насколько названные перемены американской политики отвечают новым реальностям в части угроз, однако вполне очевидно другое. Поскольку «изгои» и «фавориты» США периодически меняются местами (как Ирак или Иран, в перспективе — Саудовская Аравия и Пакистан), а военные методы да-

леко не всегда выглядят оправданными, как и истинные мотивы силовой политики США, — на такой базе невозможно строить долгосрочный международный консенсус и сотрудничество в деле нераспространения. Это относится не только к России и Китаю, у которых могут быть другие друзья и партнеры, но и к союзникам США на Западе.

Возможно, позитивный пример США в деле ядерного разоружения не повлек бы автоматически отказ других стран от ЯО. Но негативный пример совершенно точно укрепляет их стремление к обладанию этим оружием и усиливает сторонников данного подхода внутри соответствующих стран. По этому поводу авторы цитировавшегося доклада Фонда Карнеги, пусть весьма осторожно (в манере советских либералов брежневского периода), но вместе с тем вполне однозначно подчеркивают: «Публичное расширение роли ядерного оружия подобным образом контрпродуктивно и не является необходимым. Оно может привести к значительному росту частоты и масштабов появления ядерных угроз американским интересам... Принимая во внимание всю тяжесть нарушения ядерного табу и интересы США, чтобы другие воздерживались от этого и не провоцировали региональные ядерные кризисы, Соединенным Штатам не следует ставить себя в положение, когда они могут оказаться во все большей степени вынужденными прибегать к подобным угрозам»[16].

Наконец, избирательность еще больше подрывает ДНЯО, который и без того подвергается критике за «дискриминацию». Если режим в конечном итоге развалится, в том числе и под воздействием американского нигилизма, то в образовавшемся хаосе будет практически невозможно согласовать и проводить какую-либо политику нераспространения.

Великобритания

Военная политика и программы. Обеспечение безопасности государства и строительство вооруженных сил осуществляется в соответствии с правительственной программой «Основы военной политики Великобритании», рассчитанной до 2015 г. Характерной чертой осуществляемой военной реформы является концепция объединения однотипных сил и средств различных видов вооруженных сил в единые формирования. Великобритания по-прежнему ориентируется на сохранение ядерного оружия,

представленного стратегическими ракетными силами морского базирования, как основы ядерного сдерживания и определенного силового давления на страны третьего мира.

Стратегические ядерные силы Великобритании сосредоточены на четырех современных подводных лодках-ракетоносцах собственной разработки, программа ввода которых в боевой состав осуществлена за последние десять лет. Первая лодка «Вангард» (Vanguard) начала патрулирование в декабре 1994 г., вторая «Викториос» (Victorious) — в декабре 1995 г., третья «Виджилант» (Vigilant) — осенью 1998 г., четвертая «Венджанс» (Vengeance) — в феврале 2001 г. Каждая лодка имеет 16 пусковых установок для баллистических ракет подводных лодок. Пункт базирования — база Клайд (Clyde) в Шотландии (32 км от Глазго) [17].

ПЛАРБ находятся под общим руководством министра обороны, которому подчинен департамент ВМС. Органом административного и оперативного руководства подводными ракетно-ядерными силами является штаб ВМС. Начальник штаба (первый морской лорд, главнокомандующий ВМС и главный советник министра обороны по военно-морским вопросам) непосредственно управляет стратегическими ядерными силами морского базирования. Премьер-министр санкционирует применение ядерного оружия.

Ядерная политика Великобритании исторически тесно связана с ядерной политикой США на многих уровнях. Лондон традиционно сделал ставку на максимально тесное сотрудничество с США, начавшееся еще в годы Второй мировой войны, в том числе и на американскую систему предупреждения о ракетном нападении. Британские ракеты интегрированы в американскую систему ядерного оперативного планирования OPLAN 8044 (бывший СИОП). В октябре 2003 г. на ПЛАРБ США с БРПЛ типа «Трайдент-2» началась установка новой системы перенацеливания ракет, которая соответствует новой американской доктрине стратегического ядерного планирования (NPR). Добавлены компьютерные системы, которые увеличивают гибкость, быстроту, точность и надежность перенацеливания ракет на большее количество целей. Система управления стрельбой поддерживает адаптивное планирование: позволяет перенацеливать ракеты как по заранее подготовленным, так и по вновь поступившим программам. Подобные системы были установлены и на британских лодках [18].

Трехступенчатые твердотопливные БРПЛ типа «Трайдент-2» фактически арендованы у США и перед вводом в строй загружены на лодки в американском арсенале в Кингс-Бей (штат Джорджия). Каждая БРПЛ оснащена головной частью, в которой могут размещаться до 8 боевых блоков индивидуального наведения и средства преодоления ПРО. При отсутствии последних можно довести количество боевых блоков до 14 единиц. Ракета с высокой точностью доставляет боезаряды к целям на дальностях до 7400 км (для моноблочной головной части — до 12 тыс. км). Круговое вероятное отклонение оценивается по некоторым данным величиной, равной 120 м, что представляется несколько завышенным.

При 8 боезарядах на каждой из 58 закупленных БРПЛ общее количество зарядов на 4 подводных лодках может достигать 464. Однако в июле 1998 г. Лондон заявил, что не намерен иметь более 200 оперативно развернутых боезарядов, т. е. фактически уменьшил свой максимальный оперативно развернутый потенциал более чем на 50%. Правительство Великобритании объявило, что предполагается постоянное боевое дежурство только одной ПЛАРБ с 48 боеголовками. Поэтому на лодках находится по 12—16 ракет и в среднем около 40 зарядов. Как правило, одна шахта предназначена для испытательных пусков, в остальных располагаются ракеты с боезарядами. Например, в 11 шахтах могут размещаться БРПЛ с 3 зарядами и в 4 шахтах по программе дострategической миссии (нанесения ограниченных ядерных ударов) — ракеты с одним зарядом. Ракетный комплекс ПЛАРБ может производить с глубины 30—40 м как одиночный, так и залповый пуск четырех ракет с интервалом примерно 20 с.

Термоядерные боезаряды собственной сборки имеют конструкцию и систему безопасности, близкие к зарядам США типа W-76, с регулируемой мощностью (100, 10 или 1 кт). Боезаряд размещен в боевом блоке близкой или той же конструкции, что и боевой блок США типа Мк-4. При контроле запасов ядерного оружия и обращении с системами «Трайдент» осуществляется тесное техническое сотрудничество между ядерными лабораториями Соединенных Штатов и Ядерной оружейной лабораторией Великобритании (AWE). За последние годы контакты между персоналом, работающим в соответствующих ядерных оружейных программах Великобритании и США, значительно расширились [19].

Все лодки двойного подчинения — национального и США (действуют по единому плану). В военное время Великобритания передает все свои силы под контроль объединенного командования НАТО. Район патрулирования располагается в Северо-Восточной Атлантике. Одна из четырех лодок находится на патрулировании, две другие — на базе или в территориальных водах и могут быть развернуты в относительно короткие сроки. Четвертая лодка находится в ремонте или на обслуживании, время ее развертывания значительно больше.

Применение своих ядерных средств Лондон планирует осуществлять в двух формах: в упреждающем ядерном ударе всем составом боеготовых средств (скорее всего совместно с США) или в ответном ударе дежурным составом (одной-двумя ПЛАРБ) самостоятельно из района боевого патрулирования в Северо-Восточной Атлантике. Ранее по американскому плану СИОП до 90% английских ядерных средств нацеливалось в основном на объекты военно-экономического потенциала противника. С принятием на вооружение БРПЛ «Трайдент-2» появилась возможность эффективного поражения английскими СЯС стратегически важных высокозащищенных стационарных объектов [20].

Между США и Великобританией существует Соглашение о сотрудничестве по использованию ядерной энергии в военных целях, заключенное 3 июля 1958 г. В рамках Соглашения работает Объединенная группа обмена информацией по атомным вопросам, созданная в 1959 г. Министерством энергетики США и Министерством обороны Великобритании. Она контролирует передачу информации о ядерном оружии странам, с которыми США имеют соглашения о сотрудничестве по ядерным вопросам. 9 декабря 2004 г. пролонгированное на очередные десять лет Соглашение вступило в силу. США активно проводят работы по модернизации и продлению жизни существующих боезарядов. Хотя Лондон и отрицает участие в этих проектах, существующее Соглашение и следование политике США не исключают его вовлечения в такие работы. Правительство объявило о выделении Ядерной оружейной лаборатории 1 млрд фунтов. Деньги, вероятно, будут использованы на модернизацию и поддержку существующих боезарядов, но в перспективе не исключена и разработка новой боеголовки.

Находясь в оппозиции, лейбористы брали на себя обязательства по усилению гарантий безопасности в отношении государств, не владеющих ядерным оружием. Однако правительство лейбори-

стов вслед за проводимой Соединенными Штатами политикой «преднамеренной неопределенности» заявило, что применение ядерного оружия для сдерживания угроз применения биологического или химического оружия не исключено [21]. Согласно материалам МИДа Великобритания, как и США, готова пересмотреть инструменты борьбы с распространением ОМУ. 20 марта 2002 г. министр обороны заявил: «Британия готова использовать ядерное оружие для защиты своих войск от ОМУ».

В феврале 2003 г. Великобритания предоставила США право модернизировать и использовать в национальной ПРО радар раннего предупреждения в Флайлингдейлз (Flylingdales). В остальном британское руководство, считая американскую ПРО опытным проектом, пока не присоединилось к этим работам. Решение по данному вопросу открыто и требует дальнейшего обсуждения.

Анализируя планы модернизации английских ядерных сил, необходимо отметить следующее. Время разработки ПЛАРБ составляет около 15 лет, а срок ее службы — 25 лет. Поэтому спустя 10 лет после ввода первой лодки нового поколения необходимо начинать работы по разработке корабля следующего поколения. Не позднее 2010 г. Великобритания должна принять решение о судьбе ПЛАРБ и БРПЛ. Пока Министерство обороны отрицает, что существует план строительства новой лодки. В преддверии конференции по ДНЯО в 1998 г. правительство заявляло о преждевременности отказа от разработки преемника ПЛАРБ с БРПЛ «Трайдент», поскольку, участвуя в процессе ядерного разоружения, оно должно быть уверено, что в будущем безопасность можно обеспечить без ядерного оружия. И если в 2000—2001 гг. Комитет по обороне Палаты общин, комментируя долгосрочную ядерную политику, не уточнил эту проблему, то уже в Послании по безопасности в изменяющемся мире за 2003 г. («Белая книга 2003 г.») [22] фактически расставлены все точки над «i»: минимальное ядерное сдерживание на основе ракет «Трайдент» останется необходимым элементом безопасности Великобритания до 2028 г., в условиях высокого риска распространения ОМУ существующее ядерное оружие должно быть сохранено. Пока же официальное решение не принято, вопрос сдерживания ядерными средствами остается открытым вплоть до принятия решения действующим парламентом. Вообще в том, что касается открытости информации, лейбористское правительство отказалось от ежегодных заявлений по ядерной политике, практиковав-

шихся в 80—90-х годах прошлого века. Общественность, оппозиционные партии и часть лейбористов настаивают на публичном обсуждении вопроса о судьбе СЯС, помня о келейном принятии решений о развертывании системы «Трайдент» и о продлении Соглашения о ядерном сотрудничестве с США.

В настоящее время Соединенные Штаты заняты выполнением ряда программ с целью продления срока службы, модернизации и в некоторых случаях радикального изменения возможностей своих БРПЛ. Производство ракет продлено до 2013 г., а срок их эксплуатации — до 2042 г. В этой связи существует несколько вариантов модернизации ядерного оружия Великобритании [23]. Один — согласование программы развития систем стратегического оружия с США и совместное участие в программах продления срока эксплуатации ракеты и заряда W76 с внедрением полученных решений в конструкции британских боезарядов, повышения эффективности боевого блока Мк-4 с доведением его массово-габаритных характеристик до параметров боевого блока Мк-5. Другой — увеличение сроков эксплуатации подводных лодок за счет модернизации реактора и корпуса.

По ранее имевшейся информации Великобритания не участвует в финансировании подобных работ. В случае продления сроков эксплуатации лодок такая возможность не исключается. Установленный срок эксплуатации британского боезаряда, вероятно, составляет около десяти лет, после чего требуется переборка и замена ряда элементов: заряда взрывчатого вещества, окружающего плутониевую питу, других неядерных компонентов. Первые боезаряды были поставлены в 1992 г. Так что восстановление, возможно, уже началось. Ранее проводились исследовательские работы по изучению возможности продления эксплуатационных сроков боезарядов на несколько лет. Если они были успешны, начало восстановления могло быть отсрочено.

В августе 2002 г. сообщалось, что планируется строительство нового современного комплекса предприятий вблизи основного центра разработки ЯО AWE в Олдермастоне (Aldermaston) [24]. Представленный общественности стратегический план развития AWE предусматривает строительство центра науки и технологии вместо производственного предприятия по сборке боезарядов в Баргфилде (Burghfield). В состав комплекса войдут:

• многолучевая лазерная установка «Orion» для исследования термоядерной реакции с мощностью, в 1000 раз превышающей мощность существующего лазера;

• исследовательский стенд HRF в составе взрывной камеры и пятилучевого рентгено-импульсного аппарата для получения опытных результатов, ранее доступных только после проведения подземных ядерных испытаний;

• современная лаборатория испытания материалов, используемых при изготовлении ЯО;

• мощный суперкомпьютер для моделирования функционирования боезаряда и визуализации результатов расчетов.

Фактически план строительства данного комплекса идет в русле американской научной программы поддержания ядерного арсенала. Цель проекта — после прекращения производства компонентов ядерного оружия и сокращения количества боезарядов сконцентрировать внимание на исследовании влияния старения боезаряда на его функционирование, на моделировании работы существующих и перспективных боезарядов без проведения натурных ядерных испытаний. Как и в США, наблюдается стремление сконцентрировать в одном месте разработку, производство и поддержание ядерных боезарядов, уменьшив риск при транспортировке. В рамках проекта ранее, в 1997 г., было закрыто производство высокоточных и бериллийсодержащих деталей в Кардиффе (Cardiff). В Селлафилде и Чепелкроссе (Sallafield, Chapelcross) нарабатывался оружейный плутоний, перерабатываются и хранятся ядерные материалы.

В 1995 г. Соединенное Королевство объявило, что прекращает производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. До 1980 г. Великобритания приобретала у США важнейший элемент термоядерного боезаряда — тритий. Этот радиоактивный газ используется в современных боезарядах, повышая их мощность до десяти раз, и подлежит обновлению через 7—8 лет. С 1980 г. в Чепелкроссе было налажено производство трития. Планируется, что в марте 2005 г. его производство будет остановлено и в течение 2008—2010 гг. закрыто. Характерно, что в октябре 2003 г. в США после длительного перерыва возобновилось производство трития. Не исключено, что отсутствующий тритий Великобритания вновь начнет закупать в США.

Политика нераспространения. С одной стороны, Соединенное Королевство объявило полный объем своих запасов расщепляющихся материалов, а также поместило расщепляющиеся материалы, которые более не требуются для оборонных целей, под международные гарантии МАГАТЭ; оно предоставило все объекты по обогащению и переработке для проведения между-

народных инспекций МАГАТЭ и начало работу по национальной исторической отчетности по произведенным расщепляющимся материалам. Великобритания ведет программу накопления опыта в области проверок сокращения и ликвидации ядерного оружия. Так, в 2004 г. на третью сессию Подготовительного комитета Конференции 2005 г. по рассмотрению действия ДНЯО был вынесен вопрос о проверке технологий контроля и возможности их потенциального использования на снятых боезарядах.

С другой стороны, сторонники ядерного разоружения критикуют правительство за нарушения духа ДНЯО. План строительства нового предприятия по изготовлению боезарядов противоречит ст. VI, а продолжающееся активное сотрудничество с США (совместные работы ученых, участие в подкритических испытаниях и работах по созданию ПРО) — ст. I. Позиция лейбористов по разработке ЯО, по возможности его использования в «подстратегической» миссии нанесения ограниченных ударов, в том числе по неядерным странам — участницам Договора противоречит заявлениям премьер-министра об избавлении мира от ЯО, ОМУ и о выполнении практических шагов ядерного разоружения.

Сторонники ядерного разоружения считают, что за 50 лет своего существования британское ЯО не играло никакой роли в прошедших военных конфликтах, Великобритания не получила никаких преимуществ от обладания ЯО. Вскрывшийся факт нахождения на борту одного из судов ядерного оружия во время конфликта с Аргентиной из-за Мальвинских островов лишь вызвал международный скандал. Если Великобритания откажется от ЯО, утверждают они, ее безопасность не уменьшится. Запасы оружейного плутония должны быть сокращены до минимально необходимого уровня для существующих СЯС — одна тонна или менее. Избыточное количество должно находиться под международным контролем. Великобритания не должна в дальнейшем производить и приобретать тритий для военных целей после вывода из строя реактора в Чепелкроссе. Национальные лаборатории не должны далее поддерживать возможности создания новых боезарядов. Им следует переключиться на проверку и другие аспекты контроля за ЯО, нераспространением, разоружением и перестроить свою работу в пользу гражданских отраслей. Также предлагается, чтобы Лондон приложил усилия по принятию международного соглашения о неиспользовании первыми ядерного оружия.

Вряд ли можно сомневаться, что перечисленные требования сторонников ядерного разоружения не будут выполнены. Но нельзя не учитывать значительного влияния авторитетных общественных организаций Великобритании на политику парламента и правительства. В настоящее время это единственная ядерная держава с сильным антиядерным общественным движением.

Наиболее сдержанная ядерная политика страны по сравнению с другими государствами — официальными членами «ядерного клуба» может рассматриваться как следствие постоянного давления противников ядерного оружия в мире и в Великобритании в том числе. По сути как в плане проведения политики достаточности ядерного оружия, в отношении к договорам по разоружению включая ДНЯО, так и в конструктивном отношении к инспекциям МАГАТЭ на своих объектах, строгом подходе к экспортному контролю Великобритания может в определенной степени быть полезным примером для других ядерных держав, особенно если бы некоторые предложения антиядерной оппозиции были включены в официальный курс.

Франция

Ядерная стратегия и силы. Стратегия национальной обороны Франции опирается на четыре принципа: ядерное сдерживание, предупреждение конфликтов, реагирование на конфликты за пределами государства и защита территории. Реформированию подвергаются силы ядерного сдерживания, обычные вооруженные силы и военная жандармерия. На первом этапе (1996—2002 гг.) вооруженные силы были сокращены и переведены на контрактную основу. На втором этапе (2003—2008 гг.) основное внимание сосредоточено на модернизации имеющихся и принятии на вооружение новых образцов техники. Определена необходимость усилить оборонный потенциал Франции в условиях новых реалий, когда изменилась природа угроз. Безопасность Франции базируется в дальней перспективе на модернизации и европеизации собственных оборонных инструментов и на возможности и далее использовать ядерное устрашение.

В условиях, когда ядерное оружие и средства его доставки получают все большее распространение в мире, в том числе в зонах военно-политической напряженности, ядерное сдерживание сохраняет ключевую роль во французской оборонной стратегии.

Одним из принципиальных доктринальных положений в отношении ядерного оружия декларируется сохранение максимальной свободы выбора в применении ядерного оружия. В «Белой книге по вопросам обороны» 1994 г. (документе, действующем и по сей день) зафиксировано, что в определенных случаях не исключается применение Францией превентивных ядерных ударов. Следуя этой политике, Париж официально сохраняет неопределенность относительно условий применения своего ядерного оружия, однако в отличие от прошлого удары по городам противника более не предполагаются [25].

Основу военной доктрины Франции составляет стратегия «устрашения и сдерживания», основывающаяся на положении об обязательном наличии в составе вооруженных сил страны стратегических ядерных сил. Ядерные силы воздушного базирования рассматриваются как средство «последнего предупреждения» вероятного противника о готовности Франции нанести удар ядерным оружием. Суть этой стратегии сформулирована так: «помешать любому потенциальному агрессору посягнуть на жизненные интересы Франции путем создания угрозы, которой он в этом случае подвергнется». И далее: «...средства устрашения существуют не для того, чтобы выиграть войну, а для ее предотвращения. Речь идет о нанесении агрессору ущерба, равного по масштабам, как минимум, той выгоде, на которую он рассчитывает». В качестве возможных противников, по объектам которых может быть применено ядерное оружие, стали рассматриваться потенциальные обладатели ядерного оружия, «способные прибегнуть к его применению против Франции». Еще одним важнейшим нововведением было официальное признание перспектив включения ядерной составляющей в Европейскую оборонную политику [26].

Таким образом, с середины 90-х годов адресация ядерного сдерживания Франции включает страны распространения ядерного оружия и других видов ОМУ и новые региональные центры силы, которые в будущем могут затрагивать жизненные интересы Франции (видимо, такие, как Иран, в пределах досягаемости ракет которого оказалась и французская территория). Она подтверждена 8 июня 2001 г. в выступлении президента Франции, рассматривающего ядерное сдерживание как самый лучший ответ на вероятный провал политики нераспространения ядерного оружия. Президент заявил, что французские ядерные силы способны нанести неприемлемый ущерб любому государству, угро-

жающему жизненным интересам страны, при любых обстоятельствах, где бы ни находилась угроза и какова бы ни была ее природа [27].

Выдвинув гипотезу угрозы регионального центра силы, обладающего оружием массового уничтожения, президент уточнил, что в этом случае нет выбора между полным уничтожением страны или бездеятельностью. Удар, которому подвергнется вероятный агрессор, будет нанесен в первую очередь по его политическим, экономическим и военным центрам. Париж считает, что сдерживание необходимо обеспечивать океаническими и авиационными стратегическими ядерными силами (хотя по общепринятой терминологии французское ядерное оружие воздушного базирования относится к тактическому классу). В последние годы в официальных документах Франция дополнила средства сдерживания третьим компонентом: инфраструктурой разработки нового и подтверждения боевых характеристик существующего ядерного оружия.

По данным на 2004 г. ядерные силы Франции состояли из 348 оперативно развернутых боеголовок двух типов (TN75 и TN81) суммарной мощностью 51,2 Мт [28].

Морские стратегические ядерные силы (МСЯС) обеспечивают непрерывность сдерживания и в случае необходимости наносят запланированный ущерб основному противнику. В составе МСЯС находятся 1 ПЛАРБ класса «Редутабль» (Redoutable) S-613 «Индомтабль» (Indomptable) и 3 ПЛАРБ нового класса «Триомфан» (Triomphant): S-615 «Триомфан», S-617 «Темерэр» (Temeraire), S-618 «Вижилан» (Vigilant). Каждая лодка имеет 16 пусковых установок для запуска БРПЛ типа М45. Твердотопливные ракеты оснащены головной частью с боевыми блоками индивидуального наведения (до 6 боеголовок) и средствами преодоления ПРО. Ракета М45 доставляет боезаряды типа TN75 мощностью 100 кт на дистанцию 4 тыс. км (при полной загрузке) или 6 тыс. км (для моноблочной головной части) с круговым вероятным отклонением порядка 500 м. Термоядерный заряд TN75 имеет небольшие размеры и повышенную безопасность. Боевой блок на его основе, изготовленный по технологии «стелс», имеет низкую радиолокационную заметность, что уменьшает риск быть обнаруженным и перехваченным средствами ПРО, а также повышенную стойкость к воздействию поражающих факторов ядерного взрыва.

Боевое дежурство несет одна ПЛАРБ (в случае необходимости — две), две (одна) — на базе и одна — в ремонте. Обычно

БРПЛ заказываются промышленности из следующего расчета: количество их комплектов (один комплект рассчитан на полную загрузку ПЛАРБ) на один меньше количества действующих ПЛАРБ. Связано это с тем, что одна из лодок всегда находится на капитальном ремонте. Таким образом, расчетный оперативно развернутый боезапас МСЯС на 4 ПЛАРБ составляет 48 БРПЛ М45 и 288 боезарядов TN75 сборки 1997—2003 гг. На запасные части изготавливается 10% зарядов, т. е. расчетное их количество составляет 317 единиц суммарной мощностью 31,7 Мт. Срок эксплуатации заряда составляет 10 лет. После 5—6 лет эксплуатации лодка становится на годовой ремонт корпуса, после 10—12 лет — на двухгодичный капитальный ремонт. Длительность патрулирования составляет 73 дня (максимум — 90 дней).

Планы модернизации СЯС Франции рассчитаны до 2015 г. В 2008 г. последняя ПЛАРБ старого класса «Инфлексибль» вместо постановки на капитальный ремонт будет выведена из строя. Ранее планировавшийся на этот срок ввод новой ПЛАРБ S-619 «Террибль» (Terrible) перенесен на июль 2010 г. Это связано с задержкой в создании новой БРПЛ М51, которой будут оснащаться все лодки класса «Триомфан». Первый комплект будет устанавливаться на ПЛАРБ «Террибль». Таким образом, в течение почти трех лет (2008—2010 гг.) МСЯС Франции будут состоять из трех боеспособных ПЛАРБ.

После 2010 г. в боевом составе будет 4 ПЛАРБ класса «Триомфан», оснащенных ракетами М45 и М51. В течение последующих лет (до 2015 г.) все лодки будут оснащены только ракетами М51 с зарядами TN75 и прежними средствами преодоления ПРО (модификация М51.1). Лодка создана с учетом последних достижений науки и техники и обладает повышенной живучестью, имеет низкие акустические шумы, 60-дневную автономность плавания. Трехступенчатая твердотопливная ракета М51 со стартовой массой 56 т способна доставить к цели разделяющуюся головную часть индивидуального наведения с 12 боевыми блоками на дистанцию 6 тыс. км или моноблочную головную часть — на 10 тыс. км с круговым вероятным отклонением, равным 100—150 м. С 2015 г. планируется размещать на ракете 6 боевых блоков нового типа TNO и новые средства преодоления перспективных систем ПРО (модификация М51.2). Перенацеливание ракет М51 можно будет осуществить в ходе патрулирования, а удар в залпе нанести любым количеством ракет.

В 2004 г. начато финансирование этих работ. По имеющейся информации предполагается изготовить 3 комплекта боезарядов (288 единиц) и 4 комплекта ракет (64 единицы). Возможно, часть ракет будет использована для испытательных пусков и резерва. Не исключено, что будет снижено количество боевых блоков на ракете. В таком состоянии (выполнение субстратегической миссии) находится часть БРПЛ британских СЯС. Нельзя исключить и ситуацию, предложенную в последних планах развития стратегических ударных сил США: размещать на части БРПЛ неядерные боевые части повышенной точности, использующие как инерциальное наведение, так и наведение с помощью космической системы навигации [29].

Таким образом, к 2015 г. МСЯС будут иметь большее количество БРПЛ, но тот же ядерный потенциал, что и сейчас.

Франция обладает тактическим (по французской терминологии, используемой с 1996 г., — стратегическим) ЯО воздушного базирования. Авиационные стратегические ядерные силы (АСЯС) дополняют МСЯС. Разнообразные способы преодоления обороны усиливают сдерживание, а адаптивная гибкость к возникающим угрозам предоставляет руководству страны новые инструменты реагирования. Маневренность АСЯС придает сдерживанию наглядность и способность развертывания в любой точке мира. Кроме этого, самолеты АСЯС имеют двойное применение, и таким образом сокращаются затраты на приобретение и обслуживание боевых единиц военно-воздушных сил.

Организационно авиационные средства доставки разбиты на две части: наземного и морского базирования. Собственно командованию АСЯС Франции подчиняются 3 эскадрильи боевых самолетов наземного базирования, эскадрилья самолетов-дозаправщиков, эскадрилья самолетов-разведчиков и Центр обучения. В качестве носителей, способных выполнять ядерные задачи, используются 60 истребителей-бомбардировщиков «Мираж-2000Н» (Mirage-2000N). С учетом дозаправки в воздухе самолеты способны выполнять полет на дальность до 2750 км.

Носители палубной авиации, способные выполнять ядерные задачи, — это 24 истребителя-бомбардировщика (2 эскадрильи) «Супер Этендар» (Super Etendard) с дальностью полета до 650 км. Единственный пока существующий атомный авианосец «Шарль де Голль» введен в строй в 2000 г., второй неатомный авианосец будет строиться по французскому проекту на верфях Великобритании и войдет в строй к 2015 г., когда «Шарль де Голль» встанет на капитальный ремонт.

Самолеты вооружаются крылатыми ракетами среднего радиуса действия ASMP с дальностью 300 км на большой и 80 км на низкой высоте полета. С 1988 г. крылатая ракета оснащается небольших размеров высокозащищенным боезарядом TN81 мощностью 300 кт и массой около 200 кг. Франция имеет 60 ракет ASMP оперативного развертывания и такое же количество боезарядов к ним. Все они, как ожидается, останутся на службе до 2008 г.: срок эксплуатации термоядерных боезарядов составляет 20—25 лет. В 1988—1989 гг. произведено 65 тактических боезарядов суммарной мощностью 19,5 Мт.

Начиная с 2008 г. на замену существующим образцам техники придут новые многоцелевые истребители-бомбардировщики «Рафаль F3» (Rafale F3) наземного (первая эскадрилья — 20 единиц — в 2009 г., вторая и третья эскадрильи — к 2018 г.) и морского (одна эскадрилья в 2009 г.) базирования, ракеты ASMP-A (с 2008 по 2012 гг.) с дальностью стрельбы до 500 км (точность попадания — 10 м) и новым зарядом TNA (с 2008 г.) мощностью до 300 кт.

По имеющейся информации предполагается изготовить 47 боезарядов нового типа. Следовательно, к 2017 г. количество оперативно развернутых боезарядов сократится с 60 до 40—43 единиц. Не исключено, что при разработке зарядов TNO и TNA будет использован опыт создания в 1990 г. боезаряда TN90 для ракеты средней дальности «Адес» (Hades). Последняя была близка по конструктивным решениям американским ракетам средней дальности «Першинг-2», ликвидированным по Договору о ликвидации ракет средней и малой дальности (Договору о РСМД) между СССР и США («Першинг-2» был способен поражать высокозащищенные заглубленные цели). Заряд TN90 имеет регулируемую мощность с максимальным значением 80 кт. Это самый совершенный заряд, разработанный Францией, он сравним с лучшими боезарядами США. В частности, используемые в нем мощные взрывчатые вещества, созданные в рамках программы MURAT, имеют пониженную чувствительность, что увеличивает длительность хранения, стойкость к радиационным воздействиям и ударным нагрузкам, пожаро- и взрывобезопасность.

Ядерные боеприпасы, снаряженные такими взрывчатыми веществами, могут использоваться для преодоления с меньшими потерями противоракетной обороны, построенной на использовании противоракет с ядерными боевыми частями, для эшелонированного удара по объекту нескольких боезарядов с малым временем

разнесения, когда подлетающий боевой блок попадает в зону действия поражающих факторов взрыва предшествующего блока, для проникания в плотные среды с последующим подрывом на заданной глубине. Изготовлено 30 таких зарядов, которые, судя по имеющейся информации, хранятся в Центре Валдук (Valduc). Желание Франции иметь подобные боезаряды в своем будущем арсенале свидетельствует о ее готовности к возможному изменению военно-политической обстановки, в частности в России, имеющей ограниченную ПРО, построенную на противоракетах с ядерными головными частями.

Финансирование ядерных сил в период 2003—2008 гг. составит в среднем 2,8 млрд евро ежегодно, или 20% военного бюджета, что на 5% больше, чем в 1997—2002 гг., и на 40% больше, чем в 1990—1996 гг.

Ядерные силы функционируют по принципу «строгой достаточности». На боевом патрулировании постоянно находится одна подводная лодка с БРПЛ (в случае необходимости — две). Воздушная составляющая демонстрирует возможности гибкого использования ядерного оружия. Неоднократные заявления министра обороны в 2004 г. свидетельствуют о нежелании Франции разрабатывать миниатюрные ядерные заряды для поражения высокозащищенных и заглубленных объектов управления, хранения и развертывания ОМУ [30].

У страны нет национальной системы предупреждения о ракетном нападении, но шаг за шагом развиваются средства спутниковой оптической и электронной стратегической разведки. В течение 2002—2004 гг. финансировался пилотный проект SPIRALE развертывания в 2006—2008 гг. на геостационарной орбите двух микроспутников наблюдения, снабженных датчиками инфракрасного излучения. Все это в перспективе позволит создать космический эшелон системы предупреждения о ракетном нападении, который, возможно, станет важнейшим компонентом противоракетной обороны континента.

В июне 2001 г. Ж. Ширак заявил, что силы страны за границей должны быть защищены от угрозы тактических ракет. В настоящее время вместе с Италией в рамках проекта EUROSAM создается система противовоздушной обороны театра военных действий (ПВО ТВД) для перехвата баллистических ракет малой дальности, крылатых ракет и самолетов. Кроме того, на пражской встрече НАТО на высшем уровне в ноябре 2002 г. Париж подтвердил свое участие в исследованиях по созданию европейской ПРО.

Финансирование военных космических программ (ежегодно около 3% оборонного бюджета) позволяет поддерживать на высоком уровне национальную аэрокосмическую отрасль. Большое внимание уделяется привлечению к финансированию иностранных партнеров, приданию проектам европейского масштаба. Так, с 1995 г. существует поддерживаемая ведущими европейскими странами Организация совместной кооперации по вооружениям (OCCAR), которая выполняет более десятка совместных проектов. Более того, главы Европейского союза решили создать в 2004 г. европейское агентство по вооружениям — структуру, которая прописана в проекте Конституции ЕС.

Для успешного осуществления задуманной программы перевооружения ядерных сил имеются развитая промышленность, квалифицированные кадры, консенсус всех политических партий и населения.

Ядерное разоружение и нераспространение. В 1998 и 2000 гг. во Франции были закрыты два ядерных исследовательских центра, а в 1996 г. закрыто все производство оружейного плутония. Аналогичные меры осуществлены в отношении заводов по обогащению урана. В настоящее время проводятся работы по демонтажу этих объектов. К 2012 г. реакторы по наработке трития будут окончательно остановлены. К этому времени производство трития будет организовано на новом исследовательском реакторе в Кадараше (Cadarache).

Демонтирована инфраструктура полигона на атоллах Мururоа и Фангатауфа: разрушены бетонные укрепления, металлические конструкции разобраны и отправлены на переплавку. Впрочем, не исключено, что данные работы являются мероприятиями глубокой консервации Тихоокеанского ядерного полигона, а не необратимой ликвидации испытательных возможностей. Наиболее дорогостоящие и материалоемкие элементы инфраструктуры сохранены, электронное оборудование полигона переведено в метрополию. К тому же ряд важнейших элементов инфраструктуры полигона представлял собой флот плавучих платформ, который может быстро передислоцироваться, долгое время отстаиваться в порту и при необходимости вновь быть задействован. Не исключено, что многие мероприятия на самом деле проводятся в рамках списания оборудования, выработавшего ресурс.

В случае дестабилизации военно-политической обстановки в мире программа и объекты создания ЯО могут быть достаточно быстро восстановлены, включая натурные ядерные испытания [31].

После 1995 г. Франция пошла на ряд крупных (по французским масштабам) шагов в области разоружения, таких как снятие с вооружения ядерных авиабомб AN-52, ликвидация наземных баллистических ракет на плато Альбион (Albion) и ракет малой дальности «Плутон» (Pluton), свертывание программы оснащения вооруженных сил ракетами «Адес», перевод стратегических ядерных сил на более низкую степень боеготовности (с нескольких минут до нескольких дней). В общей сложности Франция сократила свои ядерные силы на 15%, а средства доставки — на 50%. Но следует отметить, что эти шаги, предпринятые в одностороннем порядке, были мотивированы соображениями как стратегического, так и бюджетного характера, что, впрочем, обычно неразрывно взаимосвязано.

Принято и выполнено решение о демонтаже объектов по производству расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Париж первым высказался в пользу «нулевого» варианта при разработке Договора о полном запрещении ядерных испытаний. После закрытия ядерного полигона на атолле Мururoa ратифицированы протоколы к договорам о создании безъядерных зон в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), в Африке (Пелиндабский договор) и Латинской Америке (Договор Тлателолко). Кроме того, Франция является участником Инициативы по нераспространению и полна решимости и впредь играть присущую ей активную роль в интересах права, международной и региональной стабильности и безопасности.

Она укрепляет сотрудничество с заинтересованными странами, направленное на предотвращение распространения оружия массового уничтожения. Париж за безотлагательное начало переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия на Конференции по разоружению и призывает все государства, которые этого еще не сделали, присоединиться к Дополнительному протоколу о гарантиях МАГАТЭ.

Сторонники ядерного разоружения выступают с новыми инициативами. В апреле 2004 г. на третьей сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО они предложили следующие меры по разоружению [32]:

• Ликвидировать нестратегическое ядерное оружие воздушного базирования и совместно с Россией и НАТО объявить Европу свободной от этого типа вооружений. Наличие тактического ЯО повышает напряженность в Европе и в мире, поскольку та же

Франция может использовать его с помощью авианосца в удаленных уголках Земли.

• Сократить количество боезарядов на лодках по примеру Великобритании, которая использует 50% возможностей своих БРПЛ.

• Поскольку к 2040—2050 гг. возможно создание термоядерного оружия чистого деления после создания мощного лазера «Мегажуль» (Megajoule), предлагается запретить проводить на нем исследования в интересах военных ведомств.

• Прекратить производство трития и включить его в Договор, запрещающий производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Пятерка ядерных держав имеет мощное ядерное оружие с использованием трития. Если его не будет, то через 20 лет (период полураспада трития — 12,32 года) у этих стран останется оружие, сравнимое по схемным решениям с оружием Индии и Пакистана. Затем можно перейти к сокращению и этого оружия.

Однако в целом общественность Франции поддерживает ядерную политику государства. Отвечая на вопрос: «Полагаете ли Вы, что изменение международной обстановки оправдывает отказ от наших ядерных сил сдерживания или требует сохранения наших сил сдерживания?», 22% французов высказались за отказ, 58% — за сохранение, а 20% затруднились с ответом [33].

В обозримой перспективе Париж планирует активную и оптимизированную ядерную политику, сохраняя ведущую роль ядерного оружия в своей военной доктрине.

Китайская Народная Республика

Доктрина и военные программы. Ядерная политика Китая как составная часть военной политики направлена на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, целью которой является достижение КНР к середине XXI в. статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и равной по политическому влиянию, экономической и военной мощи другим великим державам.

Основные тенденции в области оборонного строительства КНР формируются под влиянием новых моментов в военно-доктринальных взглядах, главным из которых является отход от концепции

неизбежности новой мировой войны. Прежний стратегический принцип «постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения» изменен на принцип «военного строительства в мирное время». Согласно оценке Дэн Сяопина на рубеже XX и XXI вв. в связи с отсутствием неизбежности возникновения новой мировой войны Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно по мере ее развития укреплять национальную оборону.

По китайским оценкам международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется развитием противоречивых тенденций, среди которых можно выделить движение к многополярному миру, экономическую глобализацию, усиление взаимодействия и сотрудничества в антитеррористической борьбе после террористических атак против США 11 сентября 2001 г. и наряду с этим — обострение соперничества в области наращивания совокупной национальной мощи.

К факторам нестабильности в Китае относят сохраняющийся в мире нерациональный и несправедливый порядок в сфере политики и экономики, что в условиях глобализации ведет к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, новые проявления гегемонизма и политики с позиции силы, обострение соперничества в борьбе за природные ресурсы планеты.

В КНР полагают, что многие факторы нестабильности сохраняются и в АТР. К важнейшим из них относят незавершенность процесса мирного урегулирования на Корейском полуострове, неурегулированность тайваньской проблемы вследствие позиции новых руководителей Тайваня в отношении принципа одного Китая, а также препятствий, чинимых США в виде поставок Тайваню современных вооружений.

Наряду с этим, как считают в Пекине, глубокие и резкие изменения в военной сфере привели к новому серьезному дисбалансу в военной мощи государств. Интенсивное внедрение в военную сферу новых и высоких технологий, среди которых особое место занимают информационные технологии, привело к превращению зоны предполагаемых боевых действий в многомерное пространство, включающее сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Большинство развитых стран внесли соответствующие коррективы в свою военную стратегию и ускоренными темпами осуществляют модернизацию вооруженных сил, что ведет к резкому увеличению

разрыва между развитыми и развивающимися странами в военно-технической области.

Политика Китая в сфере военной безопасности направлена на предотвращение войны путем осуществления превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера в целях создания вокруг страны благоприятных условий и уменьшения факторов нестабильности. Одновременно осуществляется курс на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала включая его ядерную составляющую.

Выдвинутая Цзян Цзэминем в 2001 г. стратегия развития оборонного потенциала и модернизации вооруженных сил до середины XXI в. включает три этапа: на первом этапе (до 2000 г.) — создание основ преобразований, на втором (2000—2020 гг.) вооруженные силы Китая должны стать сильнейшими в Азии, на третьем (2020—2049 гг.) предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня развитых стран.

В последние годы ранее заявленный принцип согласованного развития военной и гражданской сфер фактически находит выражение в опережающих (по сравнению с экономикой) темпах увеличения военных расходов, что свидетельствует о наметившемся переходе к ускорению модернизации вооруженных сил. В 2001—2005 гг. темпы роста военных расходов Китая превысили темпы экономического роста в среднем в полтора раза — 14,3% против 8,5% соответственно. Так, в 2004 г. при росте ВВП на 9,5% увеличение официальных военных расходов по сравнению с 2003 г. составило 13,4%. На 2005 г. последний показатель (по сравнению с 2004 г.) определен на уровне 18%.

Реальные военные расходы Китая, согласно анализу Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), в последние годы в среднем на 50% превышают официальные. В частности, в 2004 г. официальные военные расходы составили 25,3 млрд долл., а реальные — 38,4 млрд долл. (2,6% ВВП); в 2005 г. военные расходы официально определены в 30,2 млрд долл., соответственно реальные следует оценивать на уровне 45,3 млрд долл. Для сравнения: в 2003 г. военные расходы Японии составили 46,9 млрд долл., Индии — 12,4, Великобритании — 37,1, Германии — 27,2, Франции — 35,0, США — 417 млрд долл. При сохранении отмеченной тенденции Китай может по объему реальных военных расходов в ближайшие годы выйти на второе место в мире после США (военные

расходы России в 2005 г. составили около 20 млрд долл. — 2,7% ВВП).

Новое руководство страны во главе с председателем КНР Ху Цзиньтао предпринимает энергичные меры по ускорению модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК), сосредоточив внимание на внедрении и освоении современных информационных технологий с целью достижения эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск при ведении боевых действий в условиях высокотехнологичной войны. Необходимые ассигнования на эти цели предполагалось изыскать за счет нового сокращения численности НОАК на 500 тыс. человек: с 2,4 млн человек в настоящее время до 1,9 млн. Сокращение, которое предполагалось осуществить до конца 2005 г. главным образом за счет сухопутных войск, сопровождается масштабными мероприятиями по реструктуризации военной системы, вытекающими из оценки опыта последней войны в Ираке. В их числе: создание на базе военных округов объединенных командований на ТВД; перевод сухопутных войск с дивизионной на более гибкую бригадную структуру, повышение их технической оснащенности (включая компьютеризацию) и мобильности; увеличение состава воздушно-десантных войск; реорганизация провинциальных военных округов в военные базы; создание на отдельных направлениях оборонительных районов.

Во время войны в Ираке китайские вооруженные силы были приведены в повышенную боевую готовность, а Генеральный штаб НОАК организовал наблюдение за ходом боевых действий, сбор и анализ информации с использованием спутников. В Центральном военном совете КНР была создана «группа реагирования на войну между США и Ираком» во главе с председателем КНР Ху Цзиньтао, что указывает на возрастающую роль Ху Цзиньтао в деятельности этого органа.

Сохраняется курс на продолжение военно-технического сотрудничества с Россией на основе долгосрочных соглашений. Закупки российских вооружений и военной техники, а также лицензий на их производство позволили Китаю приступить к переоснащению военно-воздушных и военно-морских сил, сил противовоздушной обороны, а также к модернизации военно-промышленного комплекса с конечной целью повышения оборонного потенциала в связи с возрастающим значением военных высоких технологий.

Подтверждением возросшего научного и технологического потенциала Китая стал состоявшийся в октябре 2003 г. успешный космический полет первого китайского космонавта подполковника ВВС Ян Ливэя, а также осуществленный в октябре 2005 г. пилотируемый полет космического корабля «Шэньчжоу-6» с двумя космонавтами на борту. Исходя из характера политических заявлений китайского руководства относительно Тайваня на XVI съезде КПК («не давать обещания отказаться от применения военной силы», «решение тайваньской проблемы не может затягиваться до бесконечности»), можно предположить, что в перспективе модернизация китайских вооруженных сил будет направлена на создание противовеса вооруженным силам Тайваня и использование военного фактора в качестве силового аргумента в интересах решения ближайшей стратегической задачи Китая — урегулирования тайваньской проблемы. Развитие этой идеи нашло отражение в принятом Всекитайским собранием народных представителей КНР 14 марта 2005 г. «Законе о противодействии расколу государства», которым допускается применение «немирных (т. е. военных. — *Авт.*) и других необходимых мер» для защиты суверенитета и территориальной целостности государства (ст. 8).

Военная доктрина Китая выражена в стратегии «активной обороны», суть которой состоит в принципе «Китай не нападает первым, пока против него не совершена агрессия, однако в случае нападения Китай отвечает контрударом».

Ядерная стратегия Китая, взявшего обязательство не применять ядерного оружия первым, отражена в концепции «ограниченного ответного ядерного удара», предполагающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия. Такой подход не делает акцента на достижение ядерного паритета по отношению к развитым странам и является рациональным с точки зрения экономии материальных и финансовых ресурсов.

Существующие китайские СЯС имеют низкую боеготовность и потому без дополнительных и, видимо, заметных для Запада и России мероприятий не могут быть подготовлены к внезапному первому удару, что соответствует их концепции неприменения ЯО первыми, хотя бы просто по техническим обстоятельствам. К тому же КНР не имеет потенциала даже частично разоружаю-

щего удара, обычно ассоциируемого с применением ЯО первыми, кроме разве что в отношении Индии. Вместе с тем в случае кризиса, если китайские СЯС будут приведены в повышенную боеготовность, то в силу их уязвимости (как и уязвимости системы боевого управления, слабости системы предупреждения) у КНР не будет никакого другого пути их использования, кроме как в первом или упреждающем ударе, самоубийственном в отношении России или США. Одновременно и именно поэтому их СЯС имеют крайне нестабильный характер, подталкивающий их самих к первому удару и провоцирующий упреждающий удар противника в случае кризиса, несмотря на декларативный отказ Китая от применения ЯО первым.

Информационная среда вокруг данной темы характеризуется наибольшей степенью закрытости. Издаваемая с 1998 г. «Белая книга» по вопросам национальной обороны не содержит конкретных данных о вооружениях Китая, в том числе ядерных.

По разным оценкам за 2004 г. стратегические ядерные силы Китая включают наземный, воздушный и морской компоненты и насчитывают в общей сложности 176 носителей и 300—400 ядерных боезарядов. Их основу составляют стратегические ракетные войска, на вооружении которых состоят 144 наземные пусковые установки баллистических ракет. Стратегическая авиация насчитывает 20 устаревших самолетов Н-6 (Ту-16) (производство самолетов этого типа прекращено в 1994 г.). Морской компонент включает одну атомную ракетную подводную лодку типа «Ся» (Xia) с 12 пусковыми установками ракет «Цзюлан-1» (Julang-1), спущенную на воду в 1981 г. и нередко называемую экспериментальной. Нестратегические ядерные силы насчитывают 150 носителей включая тактические истребители «Цян-5» (30 единиц), артиллерийские снаряды и ракеты малой дальности (120 единиц).

В настоящее время стратегические ядерные силы Китая несопоставимо уступают российским и американским как в количественном, так и в качественном отношениях. Они также отстают от британских и французских по качественным характеристикам. Зона их досягаемости ограничена Азиатско-Тихоокеанским регионом за исключением 20 межконтинентальных баллистических ракет «Дунфэн-5А» с дальностью 13 тыс. км и твердотопливных ракет грунтово-мобильного базирования «Дунфэн-31» (8 тыс. км), способных достигать территории США и европейской части России. Состоящие на вооружении стационарные ракеты наземного

базирования оснащены моноблочной головной частью и размещаются в шахтах или тоннелях, заправляются жидким топливом и требуют длительного времени для подготовки к пуску. Есть сведения, что для предотвращения несанкционированного пуска в отсутствие более совершенных систем ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет старых типов.

Ожидается, что в ближайшие 10—15 лет ядерный арсенал Китая будет совершенствоваться в качественном отношении по трем направлениям, включающим оперативное развертывание ракет «Дунфэн-31» (их серийное производство началось в начале 2002 г. на секретном заводе в провинции Сычуань), создание твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет «Дунфэн-41» (с дальностью 11—12 тыс. км), а также атомных ракетных подводных лодок нового поколения проекта 094, оснащенных (предположительно) 16 пусковыми установками ракет «Цзюлан-2» (8 тыс. км), представляющими собой модернизацию ракеты «Дунфэн-31». Новое вооружение должно заменить устаревшие ракеты «Дунфэн-3А» (2800 км), «Дунфэн-4» (5500 км), «Дунфэн-5А» (13 тыс. км), а также «Цзюлан-1» (1700 км). Кроме того, следует отметить развертывание первой грунтово-мобильной твердотопливной ракетной системы средней дальности «Дунфэн-21А».

Через 10—15 лет в составе стратегических ядерных сил Китая может насчитываться 100—150 межконтинентальных ракет наземного базирования, обладающих высокой боеготовностью, технической надежностью и живучестью. Менее вероятен ввиду больших технических трудностей, но все же возможен ввод в строй 3—4 ПЛАРБ. Возможности китайского ВПК позволяют оснастить ракеты разделяющимися головными частями вместо моноблочных, а также комплексом преодоления ПРО, о чем в частности свидетельствует осуществленный в 1981 г. запуск на околоземную орбиту трех искусственных спутников Земли одной ракетой.

В условиях полной секретности относительно китайской программы СЯС многие зарубежные эксперты невольно попадают в зависимость от официальных успокаивающих деклараций Пекина (сходных с заявлениями руководства СССР в начале 80-х годов прошлого века — в период наиболее массированной гонки вооружений). Кроме того, планы КНР нередко сопоставляются с прошлыми, а не с будущими программами других великих держав. Отсюда делается вывод, что включение Китая в ядерную гонку

весьма маловероятно и что (учитывая приоритетное внимание, которое ныне уделяется в Китае экономическому строительству и решению сложных социально-экономических проблем, имеющих тенденцию к обострению) масштабы и характер военного строительства Китая в обозримой перспективе будут определяться, исходя из принципа оборонной достаточности, предполагающего не паритет, а создание ограниченных по составу ядерных сил сдерживания.

Однако более внимательный взгляд открывает, например, что прогнозируемые «умеренные» китайские программы СЯС превосходят программы любой другой великой державы. В ближайшие 10—15 лет США вообще не планируют развертывания новых стратегических вооружений, а ряд намечаемых технических мер связан с сокращением их СЯС (переоснащение МБР «Минитмен-3» на боеголовки от ракет «Пискипер», установка крылатых ракет морского базирования на ПЛАРБ типа «Трайдент-Огайо» и пр.). Россия снижает темпы развертывания МБР «Тополь-М»: в 2005—2006 гг. намечено разворачивать всего по 4—6 ракет, а не по 10, как в 1999—2000 гг. Проблемы со строительством и ростом стоимости подводных лодок проекта 955 («Юрий Долгорукий») заставляют усомниться в том, что к 2015 г. их будет введено более 3—4 единиц. Великобритания в ближайшие 10—15 лет не планирует ввода новых систем СЯС, а Франция построит всего 2 новые ПЛАРБ и развернет несколько десятков истребителей двойного назначения оперативно-тактической дальности.

В сравнении с этим, даже если Китай развернет за тот же период только 100—150 МБР, это предполагает ежегодные темпы строительства около 10 единиц помимо ввода в строй морских систем СЯС. Не исключено, впрочем, что простая экстраполяция нынешних темпов военного строительства является ошибочным методом. Вполне возможно, что КНР, учитывая ошибки и огромные излишние расходы СССР и США в годы «холодной войны», просто решила «перескочить» через несколько этапов массового развертывания промежуточных систем и ждет, пока будут разработаны действительно эффективные грунтово-мобильные МБР с РГЧ ИН, сопоставимые с российскими «Тополь-М», чтобы приступить к их массовому производству. Если еще при этом Пекин примет разумное решение прекратить развитие морских СЯС (сугубо «престижных» систем, не нужных для сдерживания России и чересчур уязвимых для американо-японской противолодочной обороны

в качестве средства против США), то через 10—15 лет Китай сможет за те же деньги иметь на вооружении 200—300 МБР мобильного и шахтного базирования, которые при оснащении РГЧ ИН будут способны доставить по всем азимутам 500—900 ядерных боезарядов.

Таким образом, начиная, безусловно, с «низкого старта», КНР имеет в обозримой перспективе вполне реальную возможность обогнать по новейшим системам СЯС все великие державы, кроме США, и стать второй ядерной «сверхдержавой», заняв нишу бывшего СССР. Это вполне укладывается в общие рамки нынешних планов развития страны и повышения ее роли в мире, решения тайваньской и тибетской проблем и «переноса стратегических границ за пределы национальной территории». Как раз к 2019 г. руководство КНР планирует достижение статуса «великой мировой державы первого разряда» и, согласно информации о секретной доктрине ЦК КПК от 1993 г., предполагает одолеть «три севера в пределах четырех морей» («три севера» — Россия, НАТО, США, четвертое море — выход в Японское море через реку Туманган) [34].

Если китайские силы не будут ограничены соглашениями с США (или с США и Российской Федерацией), то стратегические планы КНР будут подкреплены мощными ракетно-ядерными силами. На рассматриваемую перспективу курс Китая при сохранении достаточно высоких темпов экономического роста окажет существенное влияние на баланс сил в треугольнике Россия — Китай — США и тем более в АТР.

Отношения Китая с Россией развиваются в духе «равноправного доверительного партнерства», направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. Важным шагом в укреплении мер доверия между двумя странами, в том числе в военной области, стало заключение 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с этим договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (ст. 2), осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе сопредельной границы на основе действующих соглашений (ст. 7).

Вместе с тем долгосрочные перспективы отношений двух огромных соседей вызывают большое, хотя и скрываемое беспокой-

ство в Москве. Если нынешняя военная политика России не изменится (ограниченные и уязвимые СЯС наряду со слабыми и немобильными СОН, причем развернутыми в основном в европейской части России), то через 10—15 лет, как раз когда отношения могут вступить в низшую фазу традиционного цикла, Китай будет иметь наибольшее военное превосходство на российских восточных рубежах, а в ряде аспектов и в целом. В частности, при вышеупомянутом интенсивном варианте развития стратегических сил Китай впервые приобретет не только способность массированного ядерного удара по европейской территории России, но и значительный потенциал разоружающего удара по российским СЯС. Это может снизить возможность России опираться на тактические ядерные средства для компенсации относительной слабости СОН даже в сугубо оборонительных задачах на восточных направлениях.

При этом решение пограничных споров не полностью снимает территориальные проблемы, поскольку Китай проводит различие между снятием «формальных претензий» и сохранением, пусть сейчас и негласным, «справедливых требований» (к которым относят Приморский край, отданный Российской империи по Пекинскому договору 1860 г.). Если через 10—15 лет будет тем или иным способом улажена тайваньская проблема, то перенос Китаем акцента развития вооруженных сил и закупок оружия на сухопутные войска, ВВС и ПВО должен послужить для России последним сигналом тревоги.

Отношения Китая с США несут на себе отпечаток негативной реакции Пекина на односторонний выход США из Договора с Советским Союзом по ПРО 1972 г. и планы создания стратегической и тактической ПРО, ведущие (по китайским оценкам) к новому витку гонки вооружений, поскольку применяемые для их создания технологии в принципе могут быть использованы в наступательных системах нового поколения. Особое беспокойство Китая вызывают американские планы создания ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии, а также перспективы оказания содействия в этой области Тайваню. Тем не менее Китай, будучи заинтересован в нормальных отношениях с США, выражает готовность к конструктивному диалогу по данной проблеме. Связи по линии военных ведомств двух стран, прерванные из-за инцидента со столкновением китайского и американского военных самолетов в апреле 2001 г., возобновлены и имеют тенденцию к некоторому оживлению.

Пока Соединенные Штаты сохраняют крупные военно-морские силы и опорные базы по периметру АТР, безопасность их интересов в этом регионе вполне гарантирована с учетом военного вклада Японии, Южной Кореи и Тайваня. Даже быстрое наращивание китайских СЯС затронет США меньше, чем Россию, хотя новизна такого уязвимого положения будет в Вашингтоне ощущаться острее. Если американская ПРО не оправдает ожиданий ее сторонников, то, обретя потенциал ответного удара по США, Китай не получит никаких возможностей разоружающего (контрсилового) удара. Однако и американская способность такого рода будет неуклонно уменьшаться, исключая «ядерный выбор» в военных операциях против Китая, даже если он создаст реальную угрозу интересам, войскам или союзникам США в АТР.

Нераспространение. Китай с 1992 г. является участником ДНЯО и, согласно официальным заявлениям, принял на себя обязательства по гарантии контроля за его выполнением со стороны МАГАТЭ. Китай — единственная ядерная держава, которая на уровне официальной риторики продолжает выступать за запрещение и полное уничтожение ядерного оружия. Провозглашая приверженность политике нераспространения ядерного оружия, Пекин, согласно официальным заявлениям, не оказывает содействия другим странам в его создании. В то же время Китай отстаивает соблюдение права всех стран на мирное использование атомной энергии без каких-либо дополнительных ограничений.

После прекращения ядерных взрывов и объявления моратория на ядерные испытания в 1996 г. Китай присоединился к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который представлен правительством на рассмотрение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, однако с оглядкой на США ратификация его постоянно затягивается.

Пекин поддерживает заключение международного соглашения о запрещении развертывания оружия в космическом пространстве, а также предотвращении угрозы применения силы или непосредственного применения силы против космических объектов. В июле 2002 г. Китай совместно с Россией и другими странами представил на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве рабочие материалы, касающиеся концепции, общей структуры и содержания данного документа. Наряду с этим Пекин официально заявил о намерении содействовать деятельности МАГАТЭ, направленной на предотвращение потенциальных угроз ядерного терроризма,

и принять участие в процессе подготовки Конвенции о физической защите ядерных материалов.

В последние годы КНР участвует в предотвращении распространения ракетных технологий и внес свой вклад в работу группы правительственных экспертов по ракетам ООН, в подготовку Международного кодекса о действиях, направленных против распространения баллистических ракет, а также Предложений о создании глобальной системы по нераспространению ракетных технологий. Согласно официальным заявлениям Китай не оказывал ни одной стране содействия в разработке баллистических ракет, которые могут быть использованы в качестве носителей ядерного оружия.

В августе 2002 г. правительство КНР ввело в действие новые более жесткие «Правила экспортного контроля, касающиеся ракет и сопутствующих ракетных изделий и технологий» и одновременно заявило о намерении совершенствовать национальное законодательство в данной области. Наряду с этим Китай выступает за сотрудничество со всеми странами с конечной целью установления эффективного режима нераспространения ракетных технологий.

В международной практике Китай поддерживает предложения и требования стран третьего мира о разоружении и создании зон, свободных от ядерного оружия. Исходя из этой позиции, Китай в 1973 г. подписал дополнительный протокол № 2 к «Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском районе», а в 1987 г. — соответствующие дополнительные протоколы к Договору о превращении южной части Тихого океана в безъядерную зону. Кроме того, Китай выступил в поддержку Декларации о создании безъядерной зоны в Африке, а также инициатив о создании безъядерных зон на Корейском полуострове, в Южной и Юго-Восточной Азии и на Среднем Востоке.

В 1994 г. на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Пекин выдвинул комплекс предложений по ядерному разоружению, проникнутый большой долей традиционной пропаганды: все обладающие ядерным оружием государства должны взять на себя обязательство о неприменении первыми ядерного оружия; поддерживать усилия, направленные на создание безъядерных зон; заключить договор о запрещении ядерных испытаний; главные ядерные державы должны выполнить обязательства по имеющимся соглашениям и договорам о ядерном разоружении, в дальнейшем резко сократить свои ядерные арсеналы; заключить международ-

ную конвенцию о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия; заключить договор о всестороннем запрещении ядерного оружия; все ядерные страны должны взять на себя обязательства полностью уничтожить ядерное оружие и практически выполнить эти обязательства под эффективным международным контролем.

До недавнего времени Китай с подозрением относился к многосторонним режимам экспортного контроля. Пекин рассматривал Группу ядерных поставщиков и РКРТ как «дискриминационные закрытые клубы». Однако в последних заявлениях китайских руководителей режимы экспортного контроля характеризуются, напротив, как важный элемент международных усилий в сфере нераспространения. В мае 2004 г. Пекин официально объявил о присоединении к ГЯП. Экспорт ядерных материалов из страны осуществляется под контролем государственных органов при соблюдении трех принципов: экспорт предназначен для мирных целей, реэкспорт без разрешения Китая не допускается, принимается гарантийный контроль со стороны МАГАТЭ.

За последние несколько лет Китай достиг значительного прогресса в усилении своей системы экспортного контроля, в том числе принял правила и контрольные списки, которые в существенной степени соответствуют спискам многосторонних режимов экспортного контроля. В 1997—1998 гг. в КНР были опубликованы «Список контроля ядерного экспорта» и «Список товаров и соответствующих технологий двойного назначения, используемых в ядерной области». По словам специалистов, в Китае существовал неопубликованный перечень контролируемых ракетных технологий [35].

22 августа 2002 г. премьер Государственного совета КНР Чжу Жунцзи подписал постановление, одобряющее «Правила Китайской Народной Республики по контролю над экспортом ракет, ракетных материалов и технологий». Согласно новым правилам китайские экспортеры должны получать лицензию на экспорт баллистических и крылатых ракет, ракетных двигателей, беспилотных летательных аппаратов, а также связанных с ними технологий, включенных в контрольный список, который был также опубликован. Импортер обязан гарантировать, что полученная продукция будет использоваться для заявленной цели и не будет реэкспортирована без согласия правительства Китая [36].

Можно предположить, что подача Китаем заявки на членство в ГЯП сигнализирует об изменении подходов к положению о пол-

ноохватных гарантиях. До сих пор Пекин не требовал применения полноохватных гарантий в качестве обязательного условия ядерного экспорта. В частности, он открыто торговал ядерной продукцией с Пакистаном. Остаются вопросы в отношении того, намеревается ли Китай в случае принятия в ГЯП воспользоваться «дедушкиной оговоркой» для продолжения заключенных ранее контрактов, в том числе соглашения о содействии Пакистану в строительстве второго реактора на атомной электростанции «Чашма».

В 1998 г. США и Китай подписали Соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерных технологий, дополнившее Соглашение о ядерном сотрудничестве 1985 г. В сентябре 2003 г. в ходе генеральной конференции МАГАТЭ было подписано Заявление о намерении по передачам ядерных технологий, содержащее гарантии того, что технологии США, переданные Китаю, не будут реэкспортированы в третьи страны. Во время своего официального визита в Китай в январе 2004 г. министр энергетики США С. Абрахам подписал с председателем Управления по атомной энергии Китая Заявление о намерениях по сотрудничеству в сфере ядерного нераспространения и безопасности, определяющее его общие принципы. Области сотрудничества поделены на две категории — «мирное использование энергии» и «нераспространение». В рамках сотрудничества по ядерным технологиям новый документ открывает путь для передачи дизайнов реакторов и ядерных материалов. В разделе, посвященном нераспространению, внимание сконцентрировано на экспортном контроле, ядерной безопасности и безопасности радиоактивных источников как на сферах будущего сотрудничества.

Новые правила, одобренные в КНР, приближают национальную систему экспортного контроля к стандартам, принятым в мировой практике. В то же время, по мнению ряда экспертов, китайское правительство сохранило за собой право выдавать лицензии, основываясь на собственной оценке рисков, связанных с определенными технологиями и конечными пользователями [37]. Эффективность новых правил контроля над экспортом товаров и технологий, связанных с ОМУ, будет зависеть от того, как Китай станет осуществлять правоприменение.

Таким образом, политика и программы ядерных вооружений пяти великих держав свидетельствует о следующем:

• Ни одна из них в своей практической политике и теперь даже в официальной риторике (за исключением КНР) не ставит ядерное

разоружение в качестве сколько-нибудь реалистической цели на всю вообразимую перспективу.

• Роль ядерного оружия в их военных доктринах не уменьшается, а, наоборот, расширяется и обретает более многообразные способы и «адреса» боевого применения.

• США и Российская Федерация в большей степени, а Великобритания и Франция в меньшей сокращают «излишки» ЯО, оставшиеся в наследство от «холодной войны», но при этом проводят минимально необходимую (США, Великобритания и Франция), умеренную (но финансово плохо обеспеченную — Россия) и весьма амбициозную (КНР) политику модернизации и развития своих ядерных сил.

• В сфере нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля наибольшую активность проявляют США (но при этом и наибольшую избирательность и односторонность), гораздо более пассивна линия России, а Китай пока только вырабатывает свою линию, отдавая предпочтение получению пропагандистских очков в ООН и в глазах стран третьего мира. Великобритания и Франция более последовательны, объективны и в ряде аспектов достаточно близки к курсу России.

• Договорно-правовые ограничения стратегичеких ядерных вооружений активнее других поддерживает Россия, но ее политика отличается внутренней рассогласованностью и непоследовательностью. США более всех отвергают такие меры, Великобритания и Франция предпочитают односторонние неконтролируемые самоограничения, а Китай отделывается разоруженческой риторикой.

• По части добровольной готовности принять на себя меры отчетности и верификации, связанные с ДНЯО, первенство держит Великобритания, за которой с заметным отставанием идет Франция. В плане прекращения производства оружейных ядерных материалов впереди те же две страны и США. Россия и еще более КНР не проявляют энтузиазма по этой теме, апеллируя к букве ДНЯО, как и в вопросах регулирования зарубежных поставок ядерных технологий и материалов.

Примечания

[1] Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации / М-во обороны РФ. — М., 2003. — С. 63.

[2] Там же. — С. 19—21.

[3] Там же. — С. 25—34.

[4] Там же. — С. 25—34.

[5] Военная доктрина Российской Федерации // Независимая газ. — 2000. — 22 апр.

[6] Там же.

[7] Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. — С. 42.

[8] Судьба РВСН // Ядер. безопасность. — 2000. — № 38—39. — Июль—авг.

[9] Интервью президента В. Путина британской телерадиокорпорации «Би-би-си» 22 июня 2003 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2003/06/22/1210_type63379_47510.shtml (посещался 30 декабря 2004 г.)

[10] *Ferguson C. D., Potter W. C.* Improvised Nuclear Devices and Nuclear Terrorism, Weapons of Mass Destruction Commission. — Stockholm, 2004. — P. 20—23.

[11] В российской системе экспортного контроля можно выделить четыре подсистемы: а) режим контроля за торговлей вооружением и военной техникой (сфера военно-технического сотрудничества); б) ограничения внешнеэкономических сделок с товарами и технологиями, которые могут быть использованы при создании вооружения, оружия массового уничтожения или средств его доставки в целях предотвращения распространения ОМУ и поддержания международной стабильности; в) введение внешнеторговых квот и лицензирование для решения определенных экономических задач; г) контроль за специфическим экспортом и импортом (драгоценные камни, металлы, вещества с наркотическим содержанием и т. п.). Каждый из этих «блоков» имеет свою правовую базу. Основой всех подсистем являются контрольные списки лицензируемых товаров (работ, услуг), однако механизм получения лицензий для разных списков имеет свою специфику (федеральный закон «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ // http://www.inservice.ru/documents/exportcontrol, посещался 30 декабря 2004 г.).

[12] Военная доктрина Российской Федерации // Независимая газ. — 2000. — 22 апр.

[13] Деловая «сверка часов» // Независимая газ. — 2002. — 21 марта.

[14] The Bulletin of the Atomic Scientists. — 1995. — Vol. 51. — № 4. — P. 77—79.

[15] Российские стратегические ракеты перехватят над Плесецком // Независимое воен. обозрение. — 2004. — 22 окт.

[16] Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности / Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Вашингтон, 2004 (http://wmd.ceip.matrix group.net/UniversalCompliance.pdf).

[17] *Norris R., Kristensen M.* British nuclear forces, 2005 // Bul. of the Atomic Scientists. — 2005. — Vol. 61. — № 6. — P. 77—79.

[18] U.S. nuclear forces, 2004 // Bul. of the Atomic Scientists. — 2004. — Vol. 60. — № 3. — P. 68—70 (http://www.thebulletin.org/issues/nukenotes/mj04nukenote.html, посещался 30 декабря 2004 г.).

[19] *Butler N., Chamberlain N.* UK nuclear collaboration with the United States // BASIC report. — 2004. — March. — № 85.

[20] British American Security Information Council. — March 2004. — № 85 // http://www.basicint.org/pubs/BReports/br85-fin.pdf (посещался 30 декабря 2004 г.).

[21] *Пономарев С. А.* Эволюция военной доктрины НАТО после окончания «холодной войны» // Стратегич. стабильность. — 2000. — № 2. — С. 9—23.

[22] *Butler N., Chamberlain N.* Op. cit.

[23] Delivering Security in a Changing World: Defense White Paper 2003 // http://www.mod.uk/publications/whitepaper2003/index.html (посещался 30 декабря 2004 г.).

[24] *Ainslie J.* The Future of the British Bomb // Report Scottish CND, October 2005. — Glasgow: Clydeside Press, 2005. — 120 p. (http://www.comeclean.org.uk/articles.php?articleID=127, посещался 30 ноября 2005 г.).

[25] *Pintat X.* Projet de loi de finances pour 2005. — T. 4: Défense — Nucléaire, espace et services communs. — [S. l.], 2004 (http://www.senat.fr/rap/a04-077-4/a04-077-4.html).

[26] *Tetrais B.* Nuclear policy: France stands alone // Bul. of the Atomic Scientists. — 2004. — Vol. 60. — № 4. — P. 48—55 (http://www.thebulletin.org/issues/2004/ja04/ja04tertrais.html, посещался 30 декабря 2004 г.).

[27] *Pintat X.* Op. cit.

[28] *Galy-Dejean R.* Le projet de loi de finances pour 2002 (№ 3262). — T. 2: Défense // Nucléaire, espace et services communs. — [S. l.], 2003 (http://www.senat.fr).

[29] Report of the Defense Science Board Task Force on Future Strategic Strike Forces. — Washington, D.C.: Office of the Under Secretary of Defense For Acquisition, Technology, and Logistics, Febr. 2004 (http://www.fas.org/irp/agency/dod/dsb/fssf.pdf, посещался 30 декабря 2004 г.).

[30] Entretien du ministre de la défense, madame Michèle Alliot-Marie, dans Die Welt. Paris, le 6 avril 2004 // http://www.defense.gouv.fr/actualites/communiques/2004/i060404/060404.htm (посещался 30 декабря 2004 г.).

[31] Критический анализ позиции Франции по вопросу отказа от ядерных испытаний // Стратег. стабильность. — 2002. — № 3. — С. 8—12.

[32] Proposition de l'Observatoire des armes nucléaires françaises, présentée à la table ronde des ONG le 28 avril a New York // Non-proliferation Infos: Bul. — 2004. — № 3. — 28 avr. (http://www.obsarm.org/obsnuc/tnp/tnp.htm).

[33] Французская политика ядерного сдерживания // http://www.ambafrance.ru/article-imprim.php3?id_article=452 (посещался 30 декабря 2004 г.).

[34] Под девизом «Величие и достоинство» // Независимое воен. обозрение. — 2005. — 15 мая.

[35] *Cupitt R. T., Murayama Y.* Export Controls in the People's Republic of China / CITS. UGA. — [S. 1.], 1998. — P. 20.

[36] В октябре Пекин принял два дополнительных нормативных акта по экспортному контролю биологических агентов двойного применения и соответствующего оборудования и технологий, а также о мерах по осуществлению экспортного контроля некоторых химикатов и соответствующего оборудования и технологий. Это дополнительное свидетельство того, что Китай адаптирует свою национальную систему экспортного контроля к соответствующим требованиям многосторонних режимов.

[37] *Lieggi S.* Chinese Export Controls and Jiang Zemin's Visit to the United States // http://cns.miis.edu/research/china/chiexp/index.htm (посещался 30 декабря 2004 г.).

Глава 3. ОТХОД ОТ ВЗАИМНОГО ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

Парадоксы ядерного сдерживания после «холодной войны»

Даже когда в отношениях между обладающими ядерным оружием государствами происходят драматические изменения, в результате которых они перестают смотреть друг на друга как на противников, как в случае России и США после окончания «холодной войны», их вооруженные силы, особенно ядерные, сохраняют мощную инерцию противостояния и соперничества. Сами по себе эти силы и планы их применения без хорошо проработанных и последовательных политических и военно-технических мер с обеих сторон не в состоянии адаптироваться к новым реалиям отношений сотрудничества.

Нет сомнений, что после окончания «холодной войны» ядерное сдерживание между Российской Федерацией и Соединенными Штатами отошло на задний план в повседневной внешней политике и официальных межгосударственных отношениях. Все еще сохраняя тысячи ядерных боезарядов (БЗ), две державы перестали всерьез готовиться к вооруженному столкновению друг с другом. Вероятность преднамеренной войны между ними приблизилась к нулю.

Несмотря на серьезные разногласия по ряду политических вопросов (события в Югославии в 1999 г. и Ираке в 2003 г., внутренняя политика России и выборы на Украине 2004 г., расширение НАТО в 1999 и 2003 гг., активность США на постсоветском пространстве), Москва и Вашингтон не являются более лидерами двух противостоящих коалиций государств и политико-идеологических движений, которые разделяли мир в течение почти пяти десятилетий. Ныне отношения России и США при всех повторяющихся взлетах и падениях, трениях, противоречиях и взаимных обвинениях включают в себя важные области сотрудничества.

Помимо экономической, политической и культурной сфер взаимодействие развивается по многим направлениям безопасности: операции по поддержанию мира, разрешение региональных конфликтов; нераспространение оружия массового уничтожения; борьба с терроризмом; совместные военные учения на суше и на море; программы по обеспечению защиты хранилищ ядерного и химического оружия и уничтожению их запасов, по безопасной утилизации ядерных материалов и выведенных из строя атомных подводных лодок (АПЛ); операции по спасению на море и совместные пилотируемые космические полеты, а также коммерческие запуски спутников.

И тем не менее полтора десятилетия, прошедшие со времени окончания «холодной войны», продемонстрировали по крайней мере три парадокса в диалектике международной политики и ядерных вооружений. Те, кто прилагал усилия для окончания «холодной войны» и надеялся на более безопасный и лучший мир, не предвидели этих парадоксов.

Первый парадокс заключается в том, что взаимное ядерное сдерживание между США и СССР/Россией легко пережило их глобальное соперничество и конфронтацию, с которыми оно тесно ассоциировалось в период 1945—1991 гг. Ядерное сдерживание продолжает существовать и воспроизводить себя даже после исчезновения одного из двух главных своих субъектов — советской сверхдержавы.

Неумолимая динамика взаимного ядерного сдерживания приобретает растущий негативный эффект обратного влияния на политические отношения бывших оппонентов. Она поддерживает исторически сложившиеся недоверие и боязнь скрытых военных планов «стратегического партнера», непреднамеренного или случайного ядерного удара. Есть опасения по поводу возможной потери контроля государственного руководства над ядерными вооружениями одной из стран, ведущей к их переходу в руки мятежников или террористов, что, в свою очередь, провоцирует нанесение извне обезоруживающего удара по ядерным объектам. И все это при отсутствии какой-либо реальной политической почвы для подобных пугающих сценариев или действий.

Второй парадокс: с окончанием глобального противостояния и устранением опасности эскалации любого применения ядерного оружия к глобальной катастрофе США, Россия и некоторые другие ядерные державы стали более «либерально» относиться к принятию реальных планов боевого применения ЯО для осуществления

специфических военных задач. Усилился упор на превентивное или упреждающее, «дозированное» и «демонстративное» применение ЯО, в том числе с целью «деэскалации агрессии». Поэтому конец «холодной войны» на самом деле понизил, а не повысил ядерный порог и тем более не привел к отказу от практического планирования ядерной войны вообще.

Третий парадокс: окончание «холодной войны», вместо того чтобы покончить с ядерным сдерживанием и в конечном счете с самим ядерным оружием, повлекло за собой демонтаж режимов ограничения и сокращения ядерных вооружений, мер транспарентности и укрепления доверия. Жертвами этого процесса (главным образом по инициативе нынешних творцов политики США) уже стали Договор по ПРО, СНВ-2, Рамочное соглашение СНВ-3, Соглашение по разграничению между тактическими и стратегическими системами противоракетной обороны, ДВЗЯИ, переговоры о ЗПРМ и даже ДНЯО (по крайней мере, так это выглядит в свете провальных результатов конференции по рассмотрению действия ДНЯО в мае 2005 г.). Таким образом, подвергается эрозии вся система контроля над ядерными вооружениями с тяжелыми предсказуемыми последствиями в виде роста новых угроз и рисков.

В свете указанных парадоксов существуют три главные причины, по которым ядерное сдерживание должно уступить место новому типу конструктивных стратегических взаимоотношений между США (Западом) и Россией, а в конечном счете — между всеми ядерными державами.

Первая причина заключается в несоответствии ядерного сдерживания реальным угрозам и вызовам, возникшим после «холодной войны». Сдерживание остается эффективным против наименее вероятных или надуманных угроз, среди которых ядерная агрессия и широкомасштабное нападение с использованием обычных вооруженных сил великих держав друг на друга (и на их союзников). Но оно не работает против новых, реальных угроз современности: распространения ОМУ, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, торговли наркотиками и оружием, трансграничной преступности, нелегальной иммиграции и т. д.

Могло бы или нет ядерное разоружение сдержать распространение ядерного оружия — это открытый вопрос. Но очевидно, что ядерное сдерживание не может остановить процесс распространения и, вполне вероятно, поощряет дальнейшее расширение «ядерного клуба».

Вторая причина состоит в том, что отношения взаимного ядерного сдерживания устанавливают ощутимые ограничения на способность великих держав к подлинному сотрудничеству в области реагировании на новые угрозы и вызовы. Степень такого сотрудничества, характерная для времен «холодной войны», когда было заключено большинство соглашений о контроле над вооружениями включая ДНЯО, недостаточна для новой эры.

Значительно более высокого уровня доверия и новых усилий по развитию сотрудничества со стороны государств-партнеров требуют такие направления, как взаимодействие секретных служб и сил специального назначения, совместная политика по противодействию распространению ОМУ (например, Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения). К этому следует добавить реальные боевые операции против террористов и поддерживающих их «стран-изгоев» или несостоявшихся государств, официально инициированные США и Россией совместные проекты по системам раннего предупреждения о ракетных запусках и системам ПРО.

Необходимы также более строгие режимы контроля над ядерным и ракетным экспортом, программы по укреплению безопасности хранения и улучшению отчетности в отношении ядерных материалов, предусматривающие бóльшую транспарентность и упрощенный доступ к секретным объектам друг друга, проверяемое прекращение производства оружейных ядерных материалов в мире. Новые требования выдвигают и амбициозные проекты Глобального партнерства.

Столь высокую планку сотрудничества невозможно себе представить, пока США и Россия планируют удары тысяч ядерных боеголовок друг против друга, держат ракеты в состоянии немедленной готовности к запуску и модернизируют СЯС для сохранения гарантированной способности к ответному удару.

Третья причина связана с затратами. Принято считать, что ядерные силы обходятся значительно дешевле, чем силы общего назначения, как по текущему содержанию, так и по техническому развитию. В каждом военном бюджете на конкретный год это действительно так и есть (на СЯС России и США приходится 10—15% ассигнований включая вспомогательные системы). Но если взять стоимость всего жизненного цикла систем оружия (которая для СЯС исчисляется двумя-тремя десятилетиями и более), а также стоимость их безопасной ликвидации и утилизации после вывода из боевого состава включая ядерные боеголовки и содержа-

щиеся в них оружейный уран и плутоний, то картина выглядит не столь однозначно. К тому же поддержание ядерного сдерживания на нынешнем (или даже на сокращенном до 1700—2200 БЗ по Договору СНП) уровне — бессмысленное расточительство. Ведь две державы — участницы этого договора, официально провозгласившие партнерство, предназначают основную часть своих СЯС для использования друг против друга, а также «в качестве страховки против неопределенности в будущем».

Связанные с этим затраты могут считаться не особенно обременительными для США. Это государство, имеющее крупнейший военный бюджет в мире (превышающий сумму военных бюджетов всех других ведущих стран), в 1980—1990 гг. полностью модернизировало свои СЯС, которые будут служить еще несколько десятилетий. Однако даже США могли бы найти более рациональное применение имеющимся ресурсам в интересах своей оборонной политики или за ее пределами.

Для России же поддержание устойчивого ядерного сдерживания является гораздо более тяжелым бременем. Испытывая острый дефицит финансирования национальной обороны, она проводит в настоящее время «сбалансированную модернизацию» всех элементов своей ядерной триады, ее системы управления и предупреждения и планирует поддерживать СЯС на уровне 1700—2200 БЗ к 2012 г., определенных Договором СНП. Столкнувшись с огромными трудностями в области финансирования и проведения военной реформы и крайне нуждаясь в техническом переоснащении и реструктуризации обычных вооруженных сил, Россия вынуждена одновременно тратить большие средства на ядерные вооружения, их системы управления и предупреждения, инфраструктуру базирования, поддержание научно-производственных кооперации.

Доля затрат на ядерное сдерживание у Франции, Великобритании и Китая еще больше с учетом их текущей модернизации и по отношению к силам общего назначения (которые у первых двух стран относительно малы, а у третьей — весьма дешевы по содержанию личного состава).

Следовательно, сохраняя состояние взаимного ядерного сдерживания, великие державы растрачивают огромные ресурсы, которые в ином случае могли бы быть использованы с большей пользой для решения других задач в военной области и в сфере безопасности в целом. Более того, на цели ядерного сдерживания отвлекаются значительные научно-интеллектуальные

и технологические ресурсы. Крупные государственные, частные исследовательские и политические организации и группы в экономическом, техническом и ментальном отношениях увязли в поддержании ядерной конфронтации, вместо того чтобы заниматься реальными и важными нуждами национальной и международной безопасности.

Есть три главных взаимосвязанных направления для ревизии ядерного сдерживания и в конце концов избавления от него и перехода на новую модель стратегических отношений. Одно из них — дальнейшее сокращение и понижение уровня боеготовности ядерных сил. Другое — развитие сотрудничества по совместным системам раннего предупреждения о ракетном нападении и системам мониторинга распространения ракет и ракетных технологий. Третье — разработка и развертывание совместных систем ПРО.

Первоначально второе и третье направления могли бы иметь дело с угрозами ядерного и ракетного распространения, но в конечном счете — параллельно с трансформацией ядерных сил США и России — они влияли бы на состояние все большей части СЯС двух держав и их союзников и заменили бы нынешнее состояние взаимного ядерного сдерживания качественно новым типом стратегических взаимоотношений.

Такие взаимоотношения могли бы получить разнообразные альтернативные определения: «ядерное партнерство», «сотрудничество в сфере ядерных вооружений», «взаимная гарантированная ядерная безопасность», «стратегия взаимных ядерных гарантий» и т. п. в зависимости от семантических предпочтений их авторов. Так или иначе, главная проблема не в терминах, а в сути понятия, что и является предметом последующих предложений.

Сокращение наступательных вооружений и снижение уровня их боеготовности

Меры поэтапного отступления от взаимного ядерного сдерживания разрабатывались в течение длительного времени. Помимо всего прочего они включали в себя соглашения середины 90-х годов о ненацеливании ракет на территории друг друга, идеи о понижении степени готовности ракет к запуску, изменении маршрутов патрулирования ПЛАРБ и стратегических бомбардировщиков и т. д. Однако такие соглашения были и остаются

мерами символическими либо трудными для исполнения в силу существующих количественных уровней, из-за некоторых качественных характеристик СЯС двух держав, из-за укоренившихся планов их боевого применения друг против друга.

Формализация Договора СНП. В первую очередь, для того чтобы преодолеть этот «синдром», Москве и Вашингтону следовало бы безотлагательно заняться превращением Договора СНП от 2002 г. из «соглашения о намерениях» в более обстоятельный договор о сокращении вооружений. Стороны должны договориться об этапах сокращения СЯС в соответствии с Договором СНП, правилах засчета БЗ и системе контроля и проверки. Им следует также решить вопросы отмены излишних ограничений, налагаемых СНВ-1, которые до истечения его срока заставляют Россию и США расходовать дополнительные средства.

Дополнительно США и Россия должны приступить к обсуждению проблем складированных БЗ и их утилизации (с учетом существующего опыта имплементации Договора о ракетах средней и меньшей дальности) и провести консультации по дальнейшему повышению транспарентности СНВ и их оперативного развертывания. Кроме того, срок действия «облегченного» Договора СНВ-1 должен быть продлен по крайней мере до 2012 г., чтобы между 2009 г. (когда легальное действие Договора СНВ-1 заканчивается) и 2012 г. (к которому должен быть выполнен Договор СНП) не возникло временно́го разрыва с точки зрения функционирования системы ограничений СНВ, мер проверки и транспарентности. Наконец, срок действия Договора СНП следовало бы продлить до 2015 г., чтобы избежать совпадения момента завершения запланированных им сокращений СЯС с истечением срока действия этого договора (ныне 2012 г.).

Все это само по себе не изменит природу стратегических отношений между США и Россией, но окажет глубокое воздействие на них в направлении стабилизации и поэтому обеспечит необходимую отправную точку, параметры и стимулы для последующих шагов, которые должны напрямую затронуть фундаментальные основы взаимного ядерного сдерживания.

Новый договор СНП. Следующей стадией может стать заключение нового Договора СНП (СНП-2), который мог бы, например, предусмотреть сокращение к 2017 г. количества оперативно развернутых БЗ примерно до 1000—1200 единц, если стороны придут к согласию по соответствующим дефинициям, правилам засчета и проверки.

Этот уровень — не просто еще один, более низкий потолок для потенциалов взаимного сдерживания. Он имел бы особое значение, так как это, видимо, низший предел, который обе державы могут установить, не принимая во внимание размеры ядерных сил третьих ядерных держав, контрсиловой потенциал обычных высокоточных вооружений большой дальности или возможности систем ПРО/ПВО.

Еще важнее, что при таком уровне СЯС США и России больше не будут преимущественно предназначаться для ударов по военным объектам и административно-промышленным центрам друг друга. Поскольку обычно часть СЯС находится в ремонте, на переоснащении, на регламентном обслуживании, то силы, готовые к боевому применению, были бы тогда более сбалансированно распределены между целями на территории друг друга, третьих ядерных держав, их союзников и «пороговых государств». С использованием систем быстрого перенацеливания российские и американские СЯС предназначались бы не только для многовариантных ударов по территории друг друга, но в равной мере и для сценариев ведения боевых действий против различных возможных оппонентов. В некоторых из этих сценариев силы США и России могли бы быть нейтральны по отношению друг к другу или даже действовать сообща. Тогда ядерный баланс будет не преимущественно двусторонним, но в возрастающей степени многосторонним, а это положит начало процессу освобождения СЯС США и России от традиционной преобладающей замкнутости на взаимном ядерном сдерживании.

Сокращения СЯС ниже уровня 1000—1200 БЗ могли бы быть приемлемыми лишь в сочетании со строгими, нацеленными на стабильность ограничениями, касающимися структуры вооруженных сил и оперативных концепций обеих стран, а эти вопросы всегда были спорными в свете различий в их геостратегическом положении. На очень низком уровне вооружений эти различия могли бы приобрести большее значение, а проблемы, связанные с ними, стать более трудными для разрешения. Кроме того, простое линейное сокращение до уровней в 700—500—300 БЗ привело бы к появлению больших дополнительных проблем (наличие ТЯО, силы третьих ядерных держав, оборонительные системы, обычные вооруженные силы и системы высокоточного оружия и т. д.).

К тому же подобное сокращение в случае его осуществления в рамках традиционной парадигмы взаимного сдерживания могло бы дестабилизировать стратегический баланс, сделав ядерные

силы более уязвимыми и повысив эффективность контрсиловых ударов. Даже если бы это было и не так, неумолимая логика получения наивысшего эффекта от применения меньших по численности сил придала бы первостепенную ценность ударам по уязвимым и немногочисленным объектам систем боевого управления, связи и информационного обеспечения (обезглавливающим ударам), что носило бы еще более дестабилизирующий характер. Наконец, в рамках модели взаимного сдерживания переход на очень низкий уровень вооружений реанимировал бы проблему, состоящую в том, что ядерная война перестает быть немыслимой по своим разрушительным последствиям, что снижает надежность сдерживания.

Сокращение оперативно развернутых СЯС США и России до примерно 1000—1200 БЗ позволило бы избежать упомянутых негативных последствий и в то же время открыть дверь для дальнейших шагов к пересмотру парадигмы взаимного сдерживания между ними.

Отказ от ответно-встречного удара. Третий логический шаг мог бы начаться со взаимного отказа от планов запуска ракет на основании информации от систем предупреждения (ответно-встречного удара). Затем могли бы последовать качественно новые соглашения по контролю над вооружениями, предусматривающие снижение боеготовности СЯС путем некоторых технических мероприятий и изменений в практике их оперативного развертывания.

Хотя ядерное сдерживание не сводится к концепции запуска ракет на основании информации от систем предупреждения, которая была принята на вооружение как в США, так и в СССР/России, эта концепция определенно воплощает в себе сдерживание в его наиболее опасной и политически наименее контролируемой форме. Чтобы принять решение о запуске ракет на основе информации, полученной от систем раннего предупреждения, национальные лидеры имеют в своем распоряжении лишь несколько минут. Поэтому всегда есть риск просчета или технического сбоя, ведущего к случайному, непреднамеренному возникновению ядерной войны.

Более того, сама существующая практика планирования ударов согласно концепции запуска по предупреждению еще раз высвечивает тот факт, что неизменные принципы ядерного сдерживания находятся в вопиющем конфликте с отношениями партнерства между Россией и США. Это относится именно к модели их двустороннего взаимного сдерживания, поскольку только названные

государства обладают собственными системами раннего предупреждения о ядерном нападении и способностью наносить ракетный удар на основе информации от данных систем. Эта концепция двух держав пока не имеет отношения к Китаю, так как его ядерные силы вряд ли приобретут сколько-нибудь серьезную способность к контрсиловому удару в ближайшем будущем (5—10 лет), и, следовательно, даже в случае гипотетического нападения со стороны Китая не было бы никакого стимула к срочному нанесению ответно-встречного удара из страха потерять свои ядерные средства в местах базирования.

То же справедливо и в отношении немедленного ответа России на гипотетическую ядерную атаку со стороны Великобритании или Франции до тех пор, пока их СЯС (БРПЛ) не приобретут способность к контрсиловому удару и (или) не нанесут удар в координации с массированной ракетной атакой со стороны США. Конечно, всегда существует проблема уязвимости систем управления США и России даже при ограниченном внезапном ядерном ударе, однако имеется обоюдная уверенность, что при наличии значительной живучей части СЯС система управления и связи рано или поздно будет восстановлена и по агрессору будет нанесен ответный удар.

На первый взгляд отказ от концепции запуска по предупреждению может показаться чисто декларативным шагом ввиду отсутствия условий для его проверки. Но на деле он может быть подтвержден с достаточной степенью достоверности техническими средствами проверки понижения готовности к немедленному запуску любого компонента ядерной триады, особенно того, который более всех предназначен для ответно-встречного удара.

Даже помимо и до согласования мер понижения боеготовности могут быть предприняты некоторые реальные шаги по наполнению такого соглашения конкретным содержанием. Одним из таких шагов стало бы согласие на приглашение представителей другой стороны на все крупные учения СЯС для подтверждения того, что их целью не является отработка запуска по предупреждению. Более далеко идущей мерой может быть согласие на постоянное представительство офицеров связи другой стороны на командных центрах СЯС (в США — Офут, в России — Власиха), так же как и в НОРАД (США) и командных центрах ракетно-космической обороны Российской Федерации (по аналогии с миссиями Россия-НАТО, только с постоянным присутствием на дежурстве иностранных офицеров).

Понижение уровней боеготовности СЯС. В развитие инициативы по отказу от ответно-встречного удара целесообразно начать далеко идущий процесс согласованного понижения уровней готовности ядерных средств к немедленному применению, который повлек бы за собой уже качественную трансформацию их стратегических взаимоотношений. Значительная часть комплекса организационных и технических мер, направленных на снижение боевой готовности, уже была изучена экспертами в контексте практического применения Договора СНВ-2. На определенном этапе этот Договор предусматривал упреждающую «деактивацию» средств доставки, подлежавших уничтожению по данному договору. В процессе изучения эксперты интерпретировали термин «деактивация» таким образом, что те или иные элементы ракетных систем каждой стороны должны быть приведены в положение, которое делает запуск ракет невозможным без их возвращения в изначальное состояние.

Российские специалисты разработали ряд альтернативных процедур понижения готовности ракет к запуску, видов инспекций и уведомлений об изменении уровня боеготовности, которые они считают приемлемыми для СЯС России. Представляется, что большинство этих процедур применимы и к СЯС США, но они, конечно, должны пройти детальную апробацию американских специалистов.

Ниже перечислены меры по деактивации МБР:

• снятие боеголовок;

• снятие с носителя устройства электроснабжения;

• демонтаж газогенераторов, открывающих крышу шахтных пусковых установок;

• механическая разборка пневмогидравлических систем предпусковых и пусковых операций МБР.

Технологию деактивации БРПЛ можно применять только к стратегическим подводным лодкам, развернутым в базах. Целесообразно рассмотреть следующие технические мероприятия по снижению степени готовности БРПЛ к немедленному пуску:

• блокирование открытия люка пусковых шахт БРПЛ путем сварочных операций;

• снятие боеголовок с БРПЛ;

• снятие БРПЛ со стратегической лодки и их размещение в базовом хранилище.

С точки зрения экономии средств предпочтение должно быть отдано мерам снижения готовности, которые могут быть внедрены с наименьшими издержками и в то же время быть проверяемы на том уровне надежности, который другая сторона сочтет приемлемым.

Военно-воздушный компонент триад обычно не ассоциируется с концепцией запуска по предупреждению. В случае кризисов бомбардировщики могут быть приведены в состояние 15-минутной готовности или подняты в воздух и находиться на воздушном патрулировании в течение многих часов.

Однако если понятие «снижение боеготовности» будет применено в более широком смысле, то бомбардировщики также должны быть объектом указанных мер, так как наивысшая асимметрия между США и Россией существует именно в воздушном компоненте триад. Москва не согласится оставить его в стороне потому, что возвращение ракет к состоянию высокой готовности к запуску может потребовать многих часов, дней или даже недель, а время полета бомбардировщика между США и Россией намного короче (несколько часов). Это теоретически превратило бы бомбардировщики в средство разоружающего удара, если бы все ракетные силы сторон были переведены на пониженную боеготовность.

Наиболее простая и легко проверяемая процедура снижения боеготовности бомбардировщиков была зафиксирована в Договоре СНВ-1 в отношении конверсии оснащенных ядерным оружием бомбардировщиков в носители обычных вооружений. Эта процедура включает в себя придание отличительных признаков для носителей ядерного и обычного оружия, размещение ядерного вооружения бомбардировщиков (КРВБ и бомбы) в хранилищах, расположенных не ближе 100 км от мест базирования самих бомбардировщиков, и запрещение совместного базирования бомбардировщиков — нынешних и бывших носителей ядерного оружия.

Но в отличие от ракет бомбардировщики могут перелететь на другие аэродромы, где складировано ядерное оружие, и быстро быть им оснащены для приведения в высокую степень боеготовности или взлета для нанесения ядерного удара. Если относиться к такой возможности серьезно, то могут потребоваться более сложные и затратные меры для снятия бомбардировщиков с боеготовности путем устранения их способности к быстрому взлету или несению ядерного оружия. Здесь процедуры переоснащения тяжелых бомбардировщиков для выполнения неядерных задач (с контролируемыми функционально обусловленными различиями), разработанные для Договора СНВ-1, могли бы быть наиболее подходящими.

Расчеты показывают, что в зависимости от исходного количественного уровня СЯС, методов деактивации и других переменных величин время восстановления боеготовности (возвратный потен-

циал) колеблется от 500 до 100 дней, причем при более низких исходных уровнях это время по понятным причинам короче. В этом состоит еще одно соображение, по которому физическое сокращение СЯС ниже уровня примерно в 1000 боеголовок нецелесообразно. Вдобавок к обострению других диспропорций стратегических сил и потенциалов это создало бы нестабильность в плане угрозы внезапного одностороннего восстановления боеготовности сил одной из сторон в гипотетической кризисной ситуации и нанесения ею удара по деактивированным СЯС другой стороны. Поэтому после сокращения до потолка порядка 1000 боеголовок СЯС переход к прогрессирующей взаимной деактивации представляется более эффективным способом упрочения стратегической стабильности и постепенной трансформации самой модели отношений взаимного ядерного сдерживания.

Третьи ядерные державы. При осуществлении поэтапного снятия с боевой готовности их СЯС США и Россия в конечном счете столкнутся с привходящими проблемами. Так, при достаточно низких уровнях СЯС, остающихся в боеготовности, и при длительном времени ее восстановления для другой части СЯС две державы могут быть обеспокоены теоретической возможностью неожиданного нападения других ядерных держав, а в случае России — и возможностью удара со стороны США с использованием их тактических ядерных сил передового базирования.

Соглашения с Великобританией, Францией и Китаем о распространении процедуры понижения боеготовности на их СЯС могут помочь решить эту проблему. Например, равные потолки могут быть установлены для сил боевой готовности всех пяти государств на уровне 0—200 БЗ. Между прочим, при этом появляется возможность обойти традиционно неразрешимый вопрос о паритете между двумя более крупными и тремя остальными ядерными силами. США и Россия сохранили бы свое преимущество в виде их основных сил, но находящихся на уровне пониженной боеготовности, тогда как три других государства будут пользоваться давно желаемым и таким образом легализованным равенством с двумя крупнейшими державами по силам, остающимся в состоянии высокой боевой готовности. При этом третьи страны могли бы на законных основаниях увеличивать свои силы, не находящиеся в состоянии боевой готовности. Но они, впрочем, вряд ли будут это делать, исходя из практических соображений. Исключение составляет Китай, который, вероятно, в конечном счете создаст более крупные СЯС (включая ракеты средней дальности, подобные

тем, которые США и Россия уничтожили по двустороннему Договору РСМД от 1987 г.). Однако многосторонние соглашения о понижении боеготовности ядерных сил сделают эту проблему менее острой.

Тактическое ядерное оружие. В отношении ТЯО указанная методика понижения боеготовности непригодна, поскольку это оружие доставляется системами двойного назначения, имеющими по большей части широкое применение в силах общего назначения. Но проблема в данном случае могла бы быть решена посредством заключения соглашения о помещении всего ТЯО в централизованные хранилища на национальной территории (оно включило бы в себя и вывоз американского оружия из Европы на территорию США). Подобное соглашение по существу стало бы формализацией той части односторонних и параллельных, политически обязывающих инициатив США и СССР/России от 1991—1992 гг. по ТЯО, которые можно было бы проверить с помощью национальных технических средств контроля и еще легче — при согласовании несложных мер транспарентности и доверия.

Обязательства же двух держав по физической ликвидации части тактических ядерных средств не поддаются контролю без весьма интрузивных мер. Ведь в отношении ТЯО это по сути ликвидация боезарядов, поскольку большинство их видов используют носители двойного назначения. По той же причине ликвидация ракетных ядерных боеголовок и бомб свободного падения СЯС никогда не включалась в договоры об ОСВ/СНВ/СНП. Контроль над ликвидацией корпусов ядерных боезарядов ракет, который предусматривался по Договору РСМД от 1987 г., в данном случае малоприменим, поскольку тогда было одновременно ликвидировано несколько классов носителей, что лишало смысла тайное воспроизводство корпусов для не уничтоженных взрывных устройств. Как уже отмечалось, такое невозможно в случае с ТЯО из-за характера их носителей.

Надежный контроль над ликвидацией самих ядерных взрывных устройств не только ставил бы под угрозу важнейшие военно-технические секреты, но и был бы бессмыслен (помимо символического значения) без проверки отсутствия запасных аналогичных боеголовок в хранилищах или их воспроизводства на предприятиях-изготовителях, а также без договоренности о прекращении производства оружейных ядерных материалов и о повторном использовании таких материалов из старых боеголовок, как и о контроле над запасами оружейного урана и плутония. Названные

проблемы обсуждаются в контексте запрещения производства расщепляющихся материалов в военных целях, но эта тема намного шире и сложнее, чем договоренность по ТЯО (см. главу 8).

Что касается вывода ТЯО на централизованные хранилища, то в случае применения такой меры ко всем тактическим средствам без исключения проверить ее выполнение вполне возможно, поскольку склады ТЯО на базах сухопутных войск, флота, авиации и ПВО — это весьма специфические, хорошо защищенные и тщательно охраняемые объекты. Их внешний вид и местоположение хорошо известны сторонам и могут быть подтверждены мерами транспарентности и доверия. При полном выводе ТЯО в централизованные хранилища инспекции по запросу на пустых складах войсковых баз не открыли бы никаких секретов и дали бы гарантию соблюдения соглашения. Случаи совместного базирования СЯС и ТЯО (например, в ВМС и ВВС) и хранения на складах войск запасных боеголовок СЯС могут быть оговорены отдельным соглашением.

По доступным неофициальным оценкам, в настоящее время США имеют порядка 200—400 тактических ядерных авиабомб на складах типа «Иглу» в шести европейских странах (Великобритании, Италии, Бельгии, Нидерландов, ФРГ и Турции). Россия держит порядка 2000—3000 (по другим данным — менее 1000) единиц авиационных и морских ТЯО, готовых к быстрому применению, только на базах ВВС и ВМФ, а также регулярно размещает его на многоцелевых подводных лодках при выходе в море. Все другие типы ТЯО находятся в централизованных хранилищах на территории США и России [1]. Перемещение всех средств ТЯО в централизованные хранилища на национальной территории было бы равнозначно глубокому понижению боеготовности ТЯО со временем восстановления в сколько-нибудь существенных масштабах, исчисляемым неделями или месяцами, и с практической невозможностью сделать это тайно.

Поскольку, по-видимому, Россия планирует в значительной мере полагаться на ТЯО ввиду слабости ее обычных вооруженных сил, обращенных в сторону НАТО и Китая, подобное соглашение по тактическим вооружениям затронет ее в большей степени, чем США. Выполнение соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) всеми его участниками способствовало бы смягчению беспокоящей Москву ситуации на западе. Еще больший положительный эффект мог бы быть достигнут путем разработки нового соглашения об обычных вооружениях в Европе, которое предусматривало бы дальнейшее

сокращение (не менее чем на 50%) обычных вооружений в национальных и территориальных квотах, определенных соглашением об адаптации ДОВСЕ. На востоке ситуация достаточно стабильна, покуда соблюдается договор об ограничении обычных войск и вооружений в 100-километровой полосе по обе стороны российско-китайской границы.

Возможность содержания ТЯО в центральных хранилищах вместо их уничтожения была бы, вероятно, более приемлема для Москвы в качестве страховки от реализации наихудшего военного сценария в Европе или на Дальнем Востоке. Кроме того, вывод ТЯО США из Европы был бы достаточным вознаграждением для России и важным показателем отхода НАТО от традиционной ориентации — против СССР/России.

Осуществление указанных мер по СЯС и ТЯО явилось бы действительно огромным прорывом, принимая во внимание различия в структуре вооруженных сил, практике их развертывания и планах использования, что предполагает различные методы деактивации сил и может затронуть асимметричными путями основные части СЯС каждой стороны. К тому же эти меры различны по затратам на их реализацию, по времени, издержкам и осуществимости восстановления боеготовности.

Однако при наличии доброй воли подобные препятствия могут быть преодолены при затрате усилий, не превышающих те, что потребовались для достижения договоров ОСВ-2 и СНВ-1 во времена «холодной войны».

Интеграция систем раннего предупреждения и мониторинга

Даже наиболее радикальные методы понижения боеготовности ядерных сил путем их деактивации, отведя обе стороны от взаимного сдерживания на основе готовности СЯС к немедленному боевому применению, конечно, все-таки не означали бы полного отказа от ядерного сдерживания. Подобные меры оставались бы обратимыми даже с учетом необходимых для этой обратимости длительного времени, определенных финансовых и организационных ресурсов.

Чтобы сделать изменения необратимыми, необходимы дополнительные, выходящие за пределы собственно сферы СЯС меры, касающиеся систем раннего предупреждения и обороны. По-

степенная интеграция таких систем могла бы окончательно и бесповоротно покончить с взаимным ядерным сдерживанием, так как страны, имеющие общие системы раннего предупреждения и ПРО, просто технически не могут вести боевые действия друг против друга и не имеют даже теоретических причин опираться на ядерное сдерживание друг друга.

Распространение ядерного и ракетного оружия породило в США и СССР/России общее понимание новой серьезной угрозы и необходимости бороться с ней. Впоследствии к ним присоединились другие страны, что привело к заключению ДНЯО и созданию соответствующих международных механизмов, а также к формированию Режима контроля за ракетными технологиями. Диалектически расширение сотрудничества между великими державами в борьбе с распространением ядерного оружия после окончания «холодной войны» подняло вопрос о создании объединенных систем предупреждения и наблюдения, а также совместных систем ПРО.

Системы предупреждения и мониторинга. Еще в 1998 г. президенты Б. Ельцин и Б. Клинтон приняли важное решение о создании в Москве совместного Центра по обмену данными, полученными от систем раннего предупреждения. 4 июня 2000 г. стороны подписали соответствующий меморандум, касающийся создания Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет (ЦОД), который должен был начать действовать с момента подписания на десятилетний период — до 2010 г.

Центр предназначен не только для того, чтобы избежать непреднамеренной ядерной войны в результате случайного пуска ракет какой-либо из сторон соглашения, но также для обнаружения ракетных пусков с территории любой другой страны или из акваторий морей или океанов. Эта задача должна решаться с помощью систем раннего предупреждения и разведки, позволяющих объективно оценивать ракетные программы других стран, более всего — в нестабильных регионах.

Место для ЦОД подобрано, структура организации, функциональные обязанности персонала и список оборудования определены. Тем не менее он до сих пор не начал работать. На первый взгляд причины этого — юридические вопросы, которые еще не решены (они связаны с налогообложением и материальной ответственностью за возможный ущерб в процессе деятельности ЦОД). Проблема возмещения материального ущерба является важной

частью юридического оформления совместных американо-российских проектов по снижению ядерной угрозы и нераспространению. Но в случае с ЦОД она могла бы быть легко решена при наличии совместной политической воли без создания прецедента для других программ, так как возможный ущерб, связанный с деятельностью Центра, ничтожен в сравнении с программами по уничтожению ядерных и химических вооружений и материалов.

Кроме двух указанных вопросов имеется иное, более фундаментальное препятствие: США и Россия продолжают рассматривать взаимное ядерное сдерживание в качестве основы своих стратегий национальной безопасности и стратегических взаимоотношений. В результате интеграция систем раннего предупреждения и ПРО, не успев начаться, довольно быстро зашла в тупик. Это обстоятельство наряду с некоторыми другими факторами подрывает и взаимодействие России и США в сфере нераспространения ОМУ.

Чтобы ускорить такое сотрудничество в интересах отражения новых угроз в сфере безопасности, нужен прорыв в деле интеграции систем обороны и раннего предупреждения. Функционирующий ЦОД мог бы предоставлять объективную наглядную информацию о распространении ракет и ракетных технологий. Российские радары системы раннего предупреждения о пусках ракет, расположенные около Москвы и на юге бывшего СССР, предоставляют оперативную информацию о пусках ракет из регионов нестабильности (Северной Африки, Ближнего Востока, Южной Азии), которые не просматриваются радарами раннего предупреждения США.

Следует проводить обмен информацией не только о запусках баллистических ракет и космических аппаратов России и США, зафиксированных системами раннего предупреждения, но также и о пусках баллистических ракет третьими странами, которые могут представлять прямую угрозу для России и США, создавать двусмысленную ситуацию или привести к ее неверной интерпретации.

Функции ЦОД могут быть расширены путем более широкого обмена оперативной информацией, что было бы первым шагом на пути к постоянному присутствию представителей России и США на пунктах раннего предупреждения и в командных центрах различного уровня. Сотрудничество в развитии систем ПРО, рассматриваемое ниже, могло бы естественным образом предусматривать расширение задач ЦОД по взаимодействию систем ран-

него предупреждения в направлении предоставления информации системам противоракетной обороны (что не предусмотрено нынешним соглашением о ЦОД).

Соответственно ЦОД мог бы быть использован в качестве основы для создания многостороннего режима уведомления о пусках ракет и обмена информацией. Принимая во внимание эту сторону проблемы, после разработки технологической инфраструктуры и детализации некоторых технических вопросов на двусторонней основе между США и Россией они могли бы выступить с совместным призывом к другим странам, предложив им присоединиться к новому режиму, который соответствовал бы условиям ДНЯО и РКРТ.

Американо-российские стратегические отношения будут существенно меняться в процессе перехода от взаимного ядерного сдерживания к подлинно стратегическому альянсу (в дословном военном значении термина «стратегический»), включающему обмен информацией, техническую интеграцию все большей части систем раннего предупреждения и в конечном счете их совместную разработку и развертывание.

Совместные системы противоракетной обороны. Исключительно важным и финальным шагом в процессе отхода от взаимного ядерного сдерживания могло бы стать не только проведение совместных компьютерных учений российских и американских специалистов в сфере ПРО ТВД (которые практикуются в течение многих лет), но и полномасштабное сотрудничество России и США в разработке и развертывании систем ПРО, способных перехватывать любые типы баллистических ракет. Напомним, что это грандиозное начинание предусмотрено официальным американо-российским документом «Об основах стратегических взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией» (май 2002 г.). Многие эксперты считают документ чистым PR для сглаживания острых политических трений в связи с выходом США из Договора по ПРО и российским примирением с этим после долгого и упорного противодействия. Об этом соглашении в последующие годы Вашингтон и Москва, действительно, как-то «позабыли». Тем не менее столь небрежное отношение к важнейшему соглашению представляется неоправданным, особенно в свете его огромного, поистине революционного значения для стратегических взаимоотношений сторон.

В самом деле, державы, развертывающие и поддерживающие совместную систему ПРО, по определению не могут быть противниками, сдерживающими друг друга с помощью ядерных

вооружений. Более того, они должны являться полномасштабными военными союзниками и в этом качестве быть даже ближе, чем союзники по НАТО или Организации Варшавского договора во времена «холодной войны». Такая ситуация предполагает гораздо бóльшую степень общности интересов во внешней политике и сфере безопасности, чем это сейчас имеет место между США и Россией, или даже бóльшую (в этом вопросе), чем между США и их европейскими союзниками по НАТО (возможно, за исключением Великобритании).

Из американо-российского соглашения о сотрудничестве в сфере ПРО от 2002 г. до сих пор ничего серьезного не вышло главным образом из-за сохраняющихся отношений взаимного ядерного сдерживания и растущих политических противоречий. И все же, памятуя о новых угрозах и вызовах, есть основания утверждать, что в долгосрочном плане система ПРО, которая была серьезным яблоком раздора, одним из крупных факторов недоверия и враждебности между Вашингтоном и Москвой в прошлом, станет основой их взаимодействия в будущем, фундаментальным образом изменив отношения двух держав в военной области.

Анализ систем ПРО, которые сейчас проходят испытания в США, показывает, что, хотя завершение полномасштабных экспериментальных разработок и испытаний потребует длительного времени (5—10 лет), участие российских исследовательских организаций в данном процессе маловероятно. Для этого есть технологические причины: использование российских сенсоров, элементной базы и систем наведения для неядерного перехвата ракет на среднем и конечном участках траектории не является привлекательным для США ввиду традиционного отставания России (а до этого СССР) в данной сфере. Однако перехват только на среднем и конечном участках траектории не обещает достаточно надежной защиты против ракет, оснащенных средствами преодоления ПРО или многозарядными головными частями.

В то же время разработанные в США средства перехвата баллистических ракет на активном участке траектории их полета имеют много недостатков, снижающих их эффективность. Ракеты могут быть перехвачены, если скорость перехватчика выше, чем скорость ракеты на этапе ее ускорения, и дистанция между перехватчиком и атакуемой жидкотопливной ракетой не превышает 500 км (или 300 км для твердотопливной ракеты). Задача усложняется в случае перехвата ракет, запущенных из внутренних районов стран-противников, против которых перехватчики морского бази-

рования могут быть вне зоны действия. Системы авиационного базирования тоже были бы бесполезны без постоянного воздушного дежурства над территорией противника, обеспечиваемого полным господством в воздухе (тогда как средства космического базирования — дело еще более далекого будущего, как минимум, 15—20 лет).

Российские исследовательские и проектные организации приблизительно на 10 лет опережают США в разработке высокоскоростных перехватчиков ракет на твердотопливных технологиях, что могло бы резко ускорить развитие средств ПРО нового поколения, предназначенных для уничтожения всех типов баллистических ракет на активном участке полета.

Но это не единственная перспективная область кооперации между Россией и США. Успешный перехват ракет любой дальности и на всех фазах полета в значительной степени зависит от возможностей размещенных на суше, на море и в космосе информационных систем. Уникальными способностями в этом отношении обладают расположенные на Украине, в Азербайджане и Казахстане российские радарные станции раннего предупреждения о ракетном нападении с фазированной решеткой. Они в состоянии отслеживать ракетные пуски из районов «пояса нестабильности», простирающегося от Северной Африки до Ближнего Востока, Персидского залива и Южной Азии. В случае интегрирования российские и американские системы предупреждения о ракетном нападении могли бы повысить свою эффективность на 20—70% по сравнению с эффективностью только американских систем предупреждения.

Значительно более глубокая кооперация может быть достигнута путем размещения совместной Космической системы слежения и наблюдения (КССН — SSTS). По планам США космические аппараты весом каждый до 650 кг с инфракрасными и оптическими сенсорами должны быть запущены на круговые орбиты высотой до 1350—1400 км и наклонением 60—70 градусов. Для вывода аппаратов в космос можно использовать переоборудованные в рамках совместного российско-украинского конверсионного проекта «Днепр» тяжелые ракеты со стартовым весом 210 т, представляющие собой производные от российских тяжелых МБР СС-18 (РС-20). Подобный носитель, имеющий разгонный блок и многократно запускаемые двигатели, способен в одном пуске вывести на орбиту с указанными выше параметрами два космических аппарата системы КССН. Эти носители позво-

лили бы с низкими издержками разместить необходимую группировку космических аппаратов для информационной поддержки глобальной системы ПРО.

Таким образом, две державы могли бы внести решающий вклад в поддержание глобального режима нераспространения ракет и ракетных технологий посредством создания и расширения совместной ПРО, оснащенной размещенными на земле, воде, в воздухе и космосе детекторами, системами слежения и перехвата. Если исходить из того, что РКРТ рано или поздно преобразуется на основе договора или конвенции, предусматривающей обязательное уведомление о всех ракетных запусках, то подобная оборонительная система была бы способна обеспечивать соблюдение данного обязательства путем перехвата всех ракет, запущенных без уведомления.

В этой связи в дополнение к техническим и стратегическим проблемам возникает деликатный вопрос об участии третьих стран. Американо-российский совместный проект не может оставить в стороне близких союзников обоих государств. Союзники США по НАТО, Япония и Южная Корея (или объединенная к тому времени Корея), естественно, были бы участниками такого проекта и пользовались выгодами защиты, предоставляемыми подобной системой. Постсоветские партнеры России по СНГ и Организации договора о коллективной безопасности также могли бы воспользоваться указанными преимуществами (исходя из того, что препятствия внутриполитического характера применительно к таким странам, как Белоруссия или Узбекистан, в перспективе 10—15 лет так или иначе будут преодолены).

Реальные проблемы могут возникнуть в отношении таких государств, обладающих ракетным и (или) ядерным оружием, как Китай, Индия, Пакистан, Израиль, Иран, Северная Корея, Египет, Ливия, Сирия, Саудовская Аравия, Тайвань, Йемен и Вьетнам.

Если Китай, Индия и Пакистан останутся за рамками коллективного противоракетного режима, они определенно будут рассматривать многостороннюю и многоуровневую систему ПРО как предназначенную для того, чтобы нейтрализовать их потенциалы ядерного сдерживания и понизить степень их безопасности. В представлении названных государств такой режим сделал бы их уязвимыми и неспособными к ответу на нападение с использованием ядерных или обычных вооружений со стороны «членов клуба» ПРО. В то же время Россия высоко оценивает свои политические, экономические и военно-технические (поставки

вооружений) связи с некоторыми из потенциальных аутсайдеров, в первую очередь с Китаем, Индией и Ираном, а также в какой-то мере с Сирией и КНДР. Со своей стороны, США заинтересованы в сотрудничестве с Израилем, Пакистаном, Египтом, Саудовской Аравией, Тайванем.

Можно предложить в этом плане, чтобы многосторонний режим ПРО был открыт для третьих стран в смысле предоставления им гарантий защиты от ракетного нападения откуда бы то ни было (но не в смысле участия в разработке, развертывании и оперативном управлении), если они откажутся от стратегии ядерного сдерживания и согласятся на сокращение и ограничение ядерных вооружений, контролируемое понижение их статуса боеготовности через деактивацию, а также присоединятся ко всем режимам и механизмам ДНЯО и РКРТ, а также других договоров по ОМУ.

Нет сомнений в том, что расставание с ядерным сдерживанием, в частности, для страны с относительно незначительными ядерными или обычными силами, предполагает серьезные изменения в ее внешней и, возможно, внутренней политике. Однако это будет ее собственный выбор — с альтернативой остаться вне рамок многостороннего всеобъемлющего стратегического сотрудничества.

Многосторонние меры сокращения и ограничения ядерного оружия

Очевидно, что на определенном этапе шаги России и США по трансформации взаимного ядерного сдерживания в новый тип стратегических отношений потребуют расширения двустороннего формата в многосторонний. При этом последний может предусматривать как интеграцию других ядерных держав в новый тип российско-американских стратегических отношений, так и включение их в определенный регламент ограничений и мер транспарентности и доверия в рамках стабильного взаимного сдерживания в отношениях с великими державами.

Европейская ядерная интеграция. Решение о строительстве второго авианосца Франции на британских верфях может служить прообразом дальнейшего сотрудничества двух ядерных стран Европы. В Британии расположены современные судостроительные предприятия, способные строить корабли и подводные лодки любого класса. Франция — единственная страна в Европе, имеющая

ракетно-космическую отрасль полного цикла. Боезаряды могут быть совместного производства. Поскольку наибольшие затраты (до 90%) приходятся на создание средств доставки ЯО, с экономической точки зрения заинтересованность обеих стран очевидна. Париж активно выступает за создание европейской системы ядерного сдерживания, основу которой должны составить французские и английские ядерные силы. Это весьма резкое и значимое изменение политики, поскольку до 1992 г. руководство страны категорически отрицало саму возможность использования в какой бы то ни было форме французского ядерного оружия в интересах европейской обороны.

Теперь же, признавая общий для западноевропейских стран характер угроз, Франция выдвинула концепцию «согласованного сдерживания», предусматривающую одностороннее расширение французской ядерной гарантии на европейские страны НАТО и сотрудничество в этой области с Великобританией, с которой достигнуто широкое совпадение взглядов по проблемам ядерной политики. В октябре 1992 г. создана Смешанная комиссия по ядерной политике и доктрине, которой в июле 1993 г. придан статус постоянной. Комиссия, состоящая из высших чиновников внешнеполитических и оборонных ведомств, рассматривает роль сдерживания, ядерные доктрины и концепции, вопросы разоружения, нераспространения и ПРО. Руководство этих стран изучает вопрос о создании на базе ядерных сил Франции и Великобритании так называемых европейских ядерных сил.

Для совершенствования и развития европейского механизма ядерного сдерживания в будущем важны уже определившиеся технические возможности. Подводные лодки остаются центральным носителем ядерного оружия, но ядерное сдерживание в перспективе не обязательно будет зависеть от больших и очень дорогих атомных подлодок с баллистическими ракетами. Они вполне могут быть дополнены меньшими по размерам подлодками, вооруженными крылатыми ядерными ракетами, которые способны стартовать из торпедных аппаратов диаметром 650 мм. Такие возможности появляются благодаря немецким подлодкам классов 212А и 214, которые имеют независимые от атмосферного воздуха двигатели. У них сравнимые с атомными подлодками сроки нахождения под водой, но они гораздо менее шумны, меньше по размерам и дешевле. Первая лодка сошла со стапеля в марте 2002 г. Заказчики — флоты Германии, Италии, Израиля. Вооружение подлодок 212 и 214 классов крылатыми ракетами создает совершенно новые возможности для появления в Европе механизма ядерного сдерживания.

Несмотря на все проблемы, стоящие на этом пути, и неизбежные временные неудачи и отступления, представляется все же, что европейское ядерное сдерживание в конце концов станет неотъемлемой составляющей общей европейской интеграции, хотя, возможно, и на последнем ее этапе. Неясным скорее представляется соотношение этого процесса с американской ядерной политикой, российским курсом в этой сфере и общим развитием контроля над ядерными вооружениями и нераспространением ЯО. Будучи встроена в соответствующие договорно-правовые рамки сокращения и нераспространения ядерного оружия, европейская интеграция в этой области могла бы играть позитивную роль.

В частности, через 10—15 лет европейские и российские СЯС станут сопоставимы по числу боезарядов в силах морского базирования по реальной загрузке (в пределах 500—600 боеголовок), а по максимальному снаряжению европейские СЯС будут сравнимы с российскими силами в целом (более 1000 боеголовок). Тогда откроется возможность соглашения по ограничению и сокращению ядерных сил наряду с мерами понижения готовности к запуску, транспарентности, сопряжения систем предупреждения и управления, совместной ПРО и ПВО. Все это позволит трансформировать сдерживание на континенте в новый, неконфронтационный тип стратегических отношений с расширяющимися элементами сотрудничества, партнерства и союза.

Отношения США — Евросоюз — Российская Федерация в стратегическом отношении не являются «треугольником», поскольку два западных «угла» объединены военно-политическим союзом, а между США и Западной Европой нет отношений взаимного сдерживания. Отсюда следует необходимость активной политики трансформации сдерживания в рамках интеграции (дополнительно к «четырем пространствам» Россия-ЕС) только между англо-французскими и российскими ядерными силами. В итоге этого процесса стратегические отношения России с ЕС будут вполне сопоставимы с отношениями США с Евросоюзом, равно как и с Россией.

Тихоокеанский ядерный треугольник. Отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках США — Россия — КНР действительно являются стратегическим треугольником, где все стороны в обозримой перспективе 10—15 лет будут иметь меняющийся баланс взаимного ядерного сдерживания. Если подключение европейских держав нужно скорее в целях обеспечения универсальности системы ограничения стратегических

вооружений, повышения военного статуса Евросоюза и при этом коренной трансформации его стратегических отношений с Россией, то в Азии стоят другие цели и имеются иные возможности.

Конкретно подключение КНР к ограничению СЯС должно преследовать цель установления предела вероятному наращиванию китайского ядерного потенциала, придания стратегическому балансу предсказуемости и стабильности, что важно и для соглашений в рамках Россия-США, поскольку их взаимные меры по отходу от ядерного сдерживания не могут не учитывать потенциал Китая. С другой стороны, ввиду специфики политического строя КНР, ее возможных внешнеполитических планов говорить о реальной экономической и политической интеграции и о трансформации отношений сдерживания с Китаем в нечто иное пока рано даже на перспективу 10—15 лет. Кроме того, Пекин просто не готов к радикальным детализированным ограничениям и интрузивной системе контроля по типу СНВ-1 и не имеет собственных национальных технических систем контроля. Вместе с тем, планируя наращивание своих ядерных сил, Китай может проявить интерес к соглашениям с Россией и США по ограничению СЯС, которые резко подняли бы его статус и предотвратили ответные шаги двух других держав в сфере наступательных и оборонительных стратегических вооружений.

Например, в рамках треугольника можно было бы достичь соглашений об обмене данными по основным параметрам состояния и планов развития ядерных вооружений, уведомлениях об испытательных пусках ракет и пр. Впоследствии, отталкиваясь от приобретенного опыта трехсторонних соглашений и возросшего доверия, можно было бы перейти к договоренностям о мерах ограничения СЯС, скажем, через ограничение равными потолками числа наземных МБР по типу двустороннего ОСВ-1 от 1972 г. Возможно, в обмен на согласие США и России на определенные новые количественные и качественные ограничения их перспективных систем ПРО Китай возьмет обязательство не оснащать свои МБР системой РГЧ ИН или ограничить ее по числу максимально разрешенных к оснащению боеголовок (как предполагалось в ОСВ-2 от 1979 г.).

Неприменение ядерного оружия первыми. Еще до того, как будет создана новая система ограничений и сокращений СЯС, ТЯО, мер транспарентности, а на ряде направлений и военно-технического сотрудничества, пять великих держав могли бы сделать важный политический шаг: без всяких оговорок заявить об отказе от применения ядерного оружия первыми против любого

государства — члена ДНЯО. Это явилось бы реальным признанием политической немыслимости широкомасштабной обычной или ядерной войны стран пятерки между собой и одновременно послужило бы серьезным стимулом к соблюдению ДНЯО всеми неядерными странами.

Профессор Р. Тимербаев, российский ученый с мировой известностью, один из «отцов-основателей» ДНЯО, в этом плане предлагает: «...Следовало бы вновь рассмотреть (возможно, на встрече на самом высоком уровне) целесообразность совместного или раздельного торжественного заявления США, России, Великобритании и Франции о неприменении ядерного оружия первыми и об отказе от угрозы применения его первыми. (Как известно, Китай ранее сделал подобное заявление)»[2].

Возражения против этого на уровне стратегических концепций и оперативных планов (компенсация отставания по СОН, ответ на применение других видов ОМУ, ответ на неядерные удары по своим ядерным средствам, превентивные действия против «стран-изгоев» и террористов) весьма сомнительны даже в чисто военном отношении. Но и помимо этого следует иметь в виду, что данное обязательство будет иметь значение только в мирное время как средство укрепления политического доверия между ядерными державами и в отношении неядерных стран — участниц ДНЯО. Трудно представить, что в случае широкомасштабной войны (а только в таких условиях применение ЯО рассматривается как вероятное) обязательство о неприменении первыми всерьез кого-то сдержало бы по сравнению с другими соображениями стратегического порядка.

То же, кстати, относится и к международным договорам. Сторонникам правового детерминизма можно ответить, что первое применение ЯО и без того запрещено — в Договоре от 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Ведь он не проводит никакого различия между испытанием и боевым применением ЯО, и это различие ни доказать, ни проверить невозможно. (Курьезно, что по Договору 1963 г. применение ядерных зарядов, глубоко проникающих в грунт и в скальные породы, можно признать разрешенным наравне с подземным ядерным испытанием. Однако ДВЗЯИ перекрыл бы и эту «лазейку».) Но данное обстоятельство не смущает ни одну из держав с доктриной первого применения ЯО, поскольку никто не предполагает, что в соответствующих условиях даже столь фундаментальные договоры будут иметь какую-то силу, не говоря уже о политических обязательствах не применять первыми ядерное оружие.

Запрещение ядерных испытаний. Отказ Сената США, а затем и республиканской администрации ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний явился одним из самых сильных ударов по режиму нераспространения. Выше рассматривалась военная сомнительность программы ядерных боезарядов нового поколения, с развитием которой был частично связан отказ США от Договора. В политическом плане эта позиция наносит исключительно большой урон глобальной безопасности:

• отказ от ДВЗЯИ, который ратифицировали три великих державы, вызывает недоверие и подозрения России в отношении планов развития ЯО США, а также КНР;

• для всего мира это является самым ярким подтверждением сохранения роли ЯО в военной и внешней политике великих держав и его полезности в обеспечении национальной безопасности, что повсеместно воспринимается как противоречие духу ст. VI ДНЯО;

• тупик с ДВЗЯИ мешает приступить к решению проблемы «усыновления» не присоединившейся к ДНЯО «ядерной тройки» путем вступления этих стран в ДВЗЯИ, что дало бы ограничение дальнейшего качественного и, косвенно, количественного развития их ядерных вооружений, негласного признания их ядерного статуса и помогло бы их присоединению к режимам экспортного контроля, гарантий МАГАТЭ, другим соглашениям (таким, как ДЗПРМ);

• нет возможности установить жесткий технический и политический барьер на пути «пороговых государств» к созданию ЯО, которым могло бы стать их вступление (если нужно — под политическим давлением) в ДВЗЯИ.

Последнее относится в том числе и к КНДР. Конечно, в сложившейся ситуации Северная Корея, выйдя из ДНЯО, могла бы точно так же выйти и из ДВЗЯИ, если бы не удовлетворилась моделью Израиля (не испытанная «бомба в подвале»), а решила бы демонстративно произвести ядерный взрыв, как Индия и Пакистан. Однако в иной международной среде: если бы, скажем, США не вышли из Договора по ПРО и ратифицировали ДВЗЯИ, если бы они не увязли в Ираке, вторгшись туда под надуманным предлогом предотвращения ядерного распространения, если бы продолжались поставки КНДР топлива по соглашению КЕДО от 1994 г., тогда Пхеньян едва ли решился бы выйти из обоих договоров и действительно стать «изгоем», бросив вызов всему мировому сообществу. Да и реакция на это со стороны великих

держав и других корейских соседей была бы гораздо более жесткой и единодушной.

Поэтому не будет преувеличением подчеркнуть, что во всем запутанном клубке проблем нераспространения ДВЗЯИ — та «ниточка», взявшись за которую, можно было бы начать распутывать его и сделать мощный прорыв к предотвращению распространения и попадания ЯО в руки террористов. Более того, все инициативы США в этой сфере остаются ущербными из-за их позиции по ДВЗЯИ, которая является главным камнем преткновения для его вступления в силу. Американские аргументы военного и технического характера против Договора не идут ни в какое сравнение с его важностью для глобальной безопасности. Изменение позиции Вашингтона по этому вопросу имело бы гораздо большее значение для нераспространения и конструктивной трансформации сдерживания, чем все их частичные инициативы вместе взятые (вроде ИБОР, повышения роли Дополнительного протокола 1997 г., ограничения поставок технологий замкнутого топливного цикла и пр.).

Как считают авторы настоящей книги, сейчас главным препятствием для изменения линии США по этому вопросу и решительного оздоровления всего климата нераспространения являются укоренившиеся заблуждения руководства администрации и большинства Сената, а также ложно понимаемые там соображения «престижа сверхдержавы». Возможно, в сложившейся политической реальности трудно рассчитывать на скорый пересмотр американской позиции по ДВЗЯИ, но тогда, рассматривая паллиативные меры и оценивая опасности ядерного распространения, профессионалы должны честно признавать, что дело отнюдь не только в «странах-изгоях», несовершенстве экспортного контроля и расширении черного рынка в данной сфере.

Известный и уважаемый во всем мире дипломат, бывший глава МАГАТЭ и руководитель инспекций ООН в Ираке Ханс Бликс подчеркнул: «Соединенные Штаты должны снова возглавить кампанию по контролю над вооружениями и процессом разоружения, а также использовать свое политическое влияние для ратификации Договора о запрещении ядерных испытаний. Кроме того, они сами должны ратифицировать этот договор»[3].

Еще один важнейший элемент укрепления многосторонней системы безопасности в сфере ядерных вооружений — это Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, которому посвящена отдельная глава настоящей книги (см. главу 8).

Таким образом, ядерное сдерживание подрывается технологической революцией, а именно прогрессом в создании маломощных и селективных по воздействию ядерных боеприпасов, систем доставки двойного назначения, так же как и систем ПРО различного базирования и высокоточных управляемых обычных вооружений. Поскольку принципы ядерного сдерживания и его средства становятся более многосторонними, различными в технических характеристиках и в конце концов доступными негосударственным образованиям, они будет делаться все более сомнительным и потенциально дестабилизирующим основанием для безопасности и внешней политики великих держав. В этом смысле ядерное сдерживание — в качестве стратегии, позволяющей избежать ядерной войны при наличии крупных ядерных сил, — несет в себе семена собственного конечного провала, и вопрос должен звучать не «Если вновь состоится боевое применение ядерного оружия ...?», а скорее «Когда и как?».

Установленный факт, подтвержденный «естественным экспериментом» последних 15 лет, состоит в том, что без хорошо продуманных, долгосрочных и последовательных совместных усилий, которые включают в себя дипломатию, финансы, технологию и политику нового типа в деле контроля над вооружениями, взаимное ядерное сдерживание не сможет само по себе отмереть, даже в том случае, если его политические и идеологические основы перестанут соответствовать реалиям международной жизни.

Очевидно, что в условиях сохранения ЯО взаимное ядерное сдерживание способно возродиться и даже применение такого оружия не может быть исключено. В идеальном случае только полная ликвидация ядерных вооружений, «окончательное и полное ядерное разоружение» может дать надежные гарантии.

Однако при всем уважении к этому идеалу отнюдь не ясно, что в действительности означает «ядерное разоружение», прежде всего в стратегическом и техническом значениях этого термина. Во-первых, имеется ли в виду ситуация, при которой: не развернута ни одна боеголовка; не развернута ни одна из специальных систем доставки; нет ни одного носителя двойного назначения; нет ни одного боеприпаса на складах; отсутствуют ядерные оружейные материалы; отсутствуют установки по обогащению ядерных материалов или их сепарации; отсутствуют ядерные научные или технологические центры и т. п. Как все это согласовать, реализовать и проверить?

Во-вторых, ядерное разоружение не должно сделать мир «безопасным» для ведения крупномасштабных войн с применением обычных вооружений или к созданию и использованию других видов ОМУ или принципиально новых видов оружия (на новых физических принципах). Следовательно, сама идея угрозы силой или ее применения, которая являлась одним из основных инструментов международных отношений на протяжении тысячелетий, должна быть полностью пересмотрена и заменена каким-то типом мирового наднационального правительства (в дополнение к образованию международного ядерного энергетического комплекса или мировой общей энергетической корпорации). Подобный проект в настоящее время трудно представить даже теоретически, не говоря уже о практическом воплощении. И его обсуждение выходит далеко за рамки данной книги.

Фундаментальной дилеммой настоящего времени и обозримого будущего является нечто другое: возможно ли, прежде всего для США и России, отойти от ядерного сдерживания при: 1) сохранении тысяч или сотен единиц ядерных боезарядов; 2) отсутствии явного и реального общего врага, достаточно сильного для объединения против него их огромных ядерных арсеналов?

Авторы уверены, что это возможно при наличии достаточной политической воли, интеллектуальных ресурсов и административных усилий, которые могут быть приложены США и Россией, а позднее и другими ядерными державами для достижения данной цели.

Поскольку значительная часть ядерных вооружений в любом случае будет оставаться в боевом составе или складироваться, даже если эти рекомендации претворятся в жизнь, ядерное сдерживание для государств, которые осуществят указанные предложения, все равно останется в форме своеобразной виртуальной возможности. К тому же в более практической оперативной и технической форме оно может быть сохранено против стран, не присоединившихся к новому типу ядерных взаимоотношений, заменяющих сдерживание.

Но исключительно важно, что взаимное ядерное сдерживание перестанет служить в качестве: 1) основы стратегических взаимоотношений между США и Россией (между Западом и Россией или между великими державами); 2) материального воплощения их конфронтационных отношений в военной сфере; 3) препятствия к их сотрудничеству в борьбе против новых угроз; 4) канала потребления значительных финансовых ресурсов и научно-технологических инноваций.

Уникальная возможность для того, чтобы предпринять описанные выше шаги, была упущена во второй половине 90-х годов минувшего столетия. Как показала практика, ни высокий уровень политической напряженности, характерный для «холодной войны», ни радикальное ослабление этой напряженности в 90-е годы не способствовали серьезным усилиям по избавлению мира от ядерного сдерживания. Следовательно, если такое избавление вообще возможно, сейчас, когда ядерное оружие вновь привлекает к себе внимание, как раз и настало время для политических элит ведущих государств осознать необходимость нового типа стратегических взаимоотношений и овладеть методами его построения.

Примечания

[1] Non-Strategic Nuclear Weapons: Problems of the Control and the Reduction / The Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies of Moscow Institute of Physics and Technology. — Dolgoprudny, 2004.

[2] *Тимербаев Р. М., Хлопков А. В.* Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы. — М., 2004. — (Науч. записки / ПИР Центр; № 1).

[3] Ханс Бликс призывал США показать пример // http://mignews.com/news/politic/word/061104_135047_89788.htm (посещался 30 декабря 2004 г.).

Выводы по разделу I

Ядерные державы «Большой пятерки», сокращая огромные «излишки» ЯО, оставшиеся в наследство от «холодной войны», продолжают развивать свои ядерные вооружения с видом на всю обозримую перспективу, закрепляют стратегию ядерного сдерживания и тем самым по существу проводят линию, противоречащую духу ДНЯО (ст. VI), обязывающего ядерные державы идти путем ядерного разоружения — в обмен на отказ других стран от ЯО.

Если учесть это обстоятельство, а также огромную военную мощь, научно-технический и экономический потенциал, политическое влияние пятерки ядерных держав, то перспективы нераспространения ЯО в решающей мере зависят от них. Поэтому проблемы, ошибки и недостатки политики этих стран можно с полным основанием определить как главную, хотя, разумеется, далеко не единственную причину всеобщей обеспокоенности по поводу перспектив ядерного нераспространения.

В будущем ядерное сдерживание, будучи достаточно общим правилом, не сможет обеспечить безопасность ведущих держав ни как единственное, ни даже как одно из главных средств ее поддержания. С окончанием «холодной войны» возник еще один парадокс ядерного сдерживания: оно стало наиболее эффективным против тех, кого в военно-политическом смысле отпала нужда сдерживать, и наименее эффективным в отношении тех, кого необходимо сдерживать в возрастающей степени.

При этом, безусловно, преждевременно ставить вопрос о полном упразднении сдерживания, как и о полном ядерном разоружении. Однако отношение к ядерному сдерживанию как к священной корове тоже совершенно неоправданно. Оно никогда не было идеальным средством обеспечения безопасности, а в перспективе будет все менее способно выполнить свою задачу. Хуже того, увековечивание сдерживания в качестве основы военно-стратегических отношений великих держав может превратиться в серьезнейшее препятствие при решении новых проблем безопасности, прежде всего связанных с распространением ядерного оружия, в том числе попадания его в руки «стран-изгоев», «несостоявшихся государств» и международных террористических организаций.

Выполнение обязательств великих держав по ДНЯО в продвижении к ядерному разоружению, точнее, к трансформации ядерного сдерживания, само по себе не гарантирует укрепления режима ядерного нераспространения. Для этого нужны многие другие меры. Но верно и другое — невыполнение названных обязательств гарантирует дальнейшее распространение ЯО и потребует гораздо бóльших усилий для его пресечения включая силовые акции.

Чтобы обеспечить себе сильные политические позиции в достижении целей нераспространения, великие державы должны принять на себя пакет обязательств и ограничений, связанных с ядерной политикой и традиционной практикой поддержания ядерных комплексов.

Из перечня представленных в разделе предложений следует выделить в качестве ключевых следующие меры:

• Концептуальное снижение приоритетности опоры на ядерное оружие и ядерное сдерживание в стратегии обеспечения национальной безопасности США, России, Великобритании, Франции и Китая, зафиксированное в основных доктринальных документах и программах. Принятие всеми без исключения ядерными государствами обязательства о неприменении ЯО первыми против любого государства — члена ДНЯО.

• Согласование между США и Россией дополнительных процедур и правил засчета боезарядов в процессе выполнения Договора о стратегическом наступательном потенциале 2002 г., графика сокращения вооружений и адаптированных систем контроля и мер доверия. Продление срока действия систем контроля и мер доверия Договора СНВ-1 по крайней мере до 2012 г. Подготовка и начало переговоров по Договору СНП-2 с целью сокращения стратегических ядерных вооружений в период до 2017 г. до уровня примерно 1000 боезарядов.

• Переход к поэтапному прекращению состояния взаимного ядерного сдерживания между Россией и США. На первом этапе — контролируемый отказ от концепций ответно-встречных ударов, т. е. от пусков ракет на основании информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

• Последовательное увеличение времени подготовки ракет к пускам организационными и техническими мерами, надежно контролируемыми инспекционными группами сторон, с охватом на первом этапе, как минимум, 50% стратегических сил, в том числе (но не исключительно) путем отстыковки и раздельного хранения боезарядов от носителей СЯС.

• Расширение задач и технологии совместного реагирования на ракетные угрозы. «Размораживание» с этой целью Московского центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей и расширение его функций.

• Заключение полномасштабного договора между Россией и США о сотрудничестве в разработке, развертывании и использовании информационных и огневых систем противоракетной обороны, разграничивающего совместные и односторонние работы в этой сфере и предоставляющего гарантии, что системы ПРО не будут направлены друг против друга.

• Ратификация Соединенными Штатами и Китаем Договора по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний как ключевого звена, соединяющего «вертикальное» и «горизонтальное» ядерное разоружение, что способствовало бы присоединению к ДВЗЯИ также Индии, Пакистана, Израиля и положило бы предел совершенствованию ядерных вооружений тех государств, которые его уже создали. Тем самым также была бы поставлена серьезная преграда для создания ЯО остальными явными и тайными «пороговыми» странами.

Раздел II
ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

Общеизвестно, что основой режима и механизмов нераспространения является Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный в 1968 г. и вступивший в силу в 1970 г. Этот документ сегодня является самым универсальным международным договором, его членами являются теперь 189 государств ООН и только 4 страны не присоединились к нему или из него вышли (Израиль, Индия, Пакистан и КНДР, которая вышла из Договора в 2003 г.). С этой точки зрения историю Договора можно считать историей крупнейшего успеха в обеспечении международной безопасности. Тем не менее, как отмечено выше, на пороге XXI в. перспективы нераспространения ОМУ, и прежде всего самого разрушительного их вида — ядерного оружия, внушают растущую тревогу и выдвинулись на передний план всего фронта угроз международной безопасности, как и усилий по их нейтрализации тем или иным способом.

Помимо серьезнейших ошибок и проявлений недальновидности в политике ведущей пятерки ядерных держав, о которых говорилось в предшествующем разделе книги, выявились существенные проблемы и противоречия самого Договора и связанных с ним механизмов и режимов нераспространения.

Частично они обусловлены тем, что за несколько десятилетий разительно изменилась международно-политическая среда, в которой действует Договор. Ведь изначально он предназначался прежде всего для предотвращения создания ядерного оружия такими государствами, как ФРГ, Япония, Италия, Швеция, Швейцария, Южная Корея, Тайвань и др., — при одновременном предоставлении им благ мирной ядерной энергии, гарантий безопасности и включения в сообщество передовых демократических держав мира. В те годы, когда шла подготовка ДНЯО, мало кто мог представить себе, что главными субъектами распространения и проистекающих от него опасностей со временем станут незадолго до того освободившиеся от колониального владычества Европы страны, которые тогда называли «развивающимися» или «странами третьего мира», и что за ними последуют даже негосударственные образования в лице экстремистских организаций. Однако это стало возможно в ходе экономического и научно-технического прогресса, процессов глобализации, а также в итоге высвобождения и массированного

вброса в международный оборот вооружений, ядерных материалов, технологий и специалистов после окончания «холодной войны».

Поскольку ДНЯО изначально не был на это рассчитан, новые условия потребовали основательной адаптации его механизмов и режимов, детализации смысла некоторых его норм (в частности, объема гарантий МАГАТЭ, рамок мирного ядерного сотрудничества по ст. III и IV).

Другие проблемы ДНЯО были заложены в него с самого начала, но с течением времени обострились и превратились в источник международных противоречий (разделение на категории ядерных и неядерных держав по ст. I, II и IX, обязательства ядерных государств по ст. VI, право выхода из Договора по ст. X).

В настоящем разделе рассмотрены проблемы ДНЯО и пути укрепления его механизмов и режимов. Необходимость этого связана, в частности, с расширением мирового торгового оборота ядерных материалов и технологий, накоплением больших запасов оружейных ядерных материалов, экспортом ракетных и иных технологий носителей ОМУ, появлением их нелегального черного рынка, политикой неприсоединившихся к Договору ядерных держав и «пороговых государств», расширением числа «несостоявшихся государств» и выходом на авансцену международного терроризма.

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРА И РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Алексей Арбатов

Рубеж распространения

Уже в самой трактовке феномена ядерного распространения, в частности, в определении его исходной точки, Договор содержит важнейшую и весьма спорную предпосылку, ставшую миной замедленного действия под всем режимом нераспространения.

Очевидно, что в военно-политическом (если не в юридическом) смысле первая волна ядерного распространения прошла с 1945 по 1964 гг., когда ядерное оружие было создано в США, СССР, Великобритании, Франции и КНР. Но распространение ЯО стало предметом международных переговоров, а затем и важнейшего договора уже после этой первой волны, которая потому была как бы по умолчанию выведена за рамки юридического понятия «распространения ядерного оружия» авторами Договора 1968 г.

Под углом зрения ДНЯО ядерное распространение началось по существу с Индии, которая была первой страной, взорвавшей ядерное устройство после 1 января 1967 г., а именно в мае 1974 г. Правда, Индия тогда заявила, что испытала «мирное взрывное устройство», но ДНЯО не проводит такого различия, там просто сказано, что ядерным государством является то, которое «произвело и взорвало ядерное устройство до 1 января 1967 г.» (ст. IX, п. 3.). Его ст. V предполагает возможность мирных ядерных взрывов для неядерных государств — участников Договора, но только в рамках соответствующих международных соглашений по получению помощи со стороны ядерных держав.

Только в мае 1998 г. Индия, а вслед за ней Пакистан приобщились к ЯО, открыто испытав ядерное оружие. Эти государства могут считаться «полноправными» инициаторами ядерного распространения. Однако они с этим, естественно, не согласятся. Они подчеркивают, что никогда не являлись членами ДНЯО и потому не нарушали никаких норм в сфере нераспространения.

Также названные государства указывают на Израиль и ЮАР как на страны, создавшие ЯО на несколько лет раньше, хотя первый не произвел собственного натурного ядерного взрыва и никогда не объявлял себя ядерной державой, а вторая произвела испытание, ставшее предметом долгих споров специалистов, а позднее избавилась от ЯО под контролем МАГАТЭ и вступила в ДНЯО. Едва ли примут такую точку зрения и другие «незаконные» реальные или потенциальные обладатели этого оружия: КНДР, Иран и др.

Их позиция не лишена исторических оснований. Действительно, пятерка легитимных ядерных держав раньше других создала свое ЯО и только к 1968 г. три из них (США, СССР, Великобритания) смогли согласовать ДНЯО, вследствие чего 1 января 1967 г. было обозначено в Договоре как рубеж, после которого любая новая ядерная держава объявлялась «незаконной» (но, по юридической логике, только в рамках ДНЯО, что не могло относиться к странам, не присоединившимся к нему). Рубежная дата для ядерного статуса зачастую расценивается не иначе как произвол великих держав, как бы по принципу «кто не успел — тот опоздал». Ведь если бы, скажем, Франция или Китай создали ядерное оружие на несколько лет позднее, то временной рубеж 1967 г. в Договоре едва ли побудил бы их отказаться от вступления в «ядерный клуб» ради присоединения к клубу членов ДНЯО. Скорее наоборот — или Договор был бы подписан позднее, или он обозначил бы в качестве точки отсчета другую, более позднюю дату. С точки зрения «нелегитимных» ядерных государств, нет никаких рациональных оснований ставить законность создания ими ЯО в зависимость от графика ядерных программ членов «большой пятерки», успевших сделать это раньше, или от темпов их переговоров по согласованию статей ДНЯО, позволивших не откладывать его открытие для подписания на более поздний срок.

Рубежная дата 1967 г. стала барьером для вступления в ДНЯО Индии и Пакистана, поскольку членство в качестве ядерных держав для них закрыто, а в качестве неядерных — политически неприемлемо. Частично эти трудности можно было бы облегчить за счет присоединения этих двух держав (а также Израиля) ко всем механизмам и режимам ДНЯО помимо самого Договора, для чего следовало бы изменить соответствующим образом, в частности, принятые критерии членства в ГЯП. Также названные страны могли бы в качестве жеста доброй воли принять политически обя-

зывающие декларации о своем намерении соблюдать все положения ДНЯО для ядерных держав, даже не являясь формальными участниками Договора. В дальнейшем их участие могло бы быть закреплено через участие в предлагаемой ниже Конвенции по экспортному контролю в данной сфере.

Нельзя не сказать и о ряде других просчетов и нестыковок, заложенных в фундамент режима нераспространения и его несущей конструкции — ДНЯО и связанных с ним соглашений, институтов и механизмов согласования интересов и деятельности государств (в частности, МАГАТЭ, Комитета Цангера, Группы ядерных поставщиков).

Диалектика «мирного» и «военного атома»

В основу концепции ДНЯО как бы по умолчанию заложена та предпосылка, что создание ядерного оружия может быть производной функцией, побочным продуктом развития мирной ядерной энергетики и науки. Согласно этой предпосылке максимально жесткий контроль «легитимных» ядерных держав и международных организаций за поставками ядерных материалов и технологий способен отсечь их военное использование странами-получателями. Но на деле, за исключением, может быть, Бразилии и Аргентины, которые продвигались в этой области, не имея однозначного представления о своих конечных целях, все другие страны изначально вполне ясно осознавали и осознают, какое использование ядерной энергии — мирное или военное — им в конечном счете нужно. Причем это относится и к «большой пятерке» и ее последователям.

Если мирное — то даже достижение высочайшего научно-технического и промышленного уровня развития в этой области и значительная свобода в распоряжении ядерными материалами и их переработке не привели соответствующие страны (ФРГ, Нидерланды, Италию, Швецию, Швейцарию, Японию, Южную Корею, Тайвань, Канаду, Австралию и др.) к созданию ядерного оружия. И не случилось этого не столько благодаря их членству в ДНЯО и контролю МАГАТЭ, сколько из-за их уверенности в гарантиях своей безопасности, не зависящих от норм Договора, или из страха перед пагубными для них международными последствиями в случае создания ими ЯО, также мало связанными с ДНЯО.

Если военное — то они стремились к нему целенаправленно, а не «заодно» с мирным развитием ядерной энергетики. Их мотивами было не получение «побочных» экономических благ, а задачи совершенно иного порядка, и потому обещание экономических выгод в награду за отказ от ядерного оружия, воплощенный в основополагающей концепции ДНЯО, было слабым рычагом влияния на их политику.

Некоторые из этих стран (Израиль, Индия, Пакистан, ЮАР) «честно» не присоединились к ДНЯО. Другие (Ирак, Ливия, КНДР и, возможно, Иран и ряд других государств) стали членами Договора для политического прикрытия своих программ и обретения облегченного доступа к информации, специалистам, технологии и материалам. Контроль МАГАТЭ оказался недостаточным для предотвращения ведения военных ядерных программ параллельно с мирными и «перекачки» технологии, материалов и специалистов из мирных в военные проекты. И никакие блага «мирного атома» не могли побудить такие страны отказаться от военных разработок. Ирак был «освобожден» от военной ядерной программы (и других проектов ОМУ) путем локальной военной операции «Буря в пустыне» в 1991 г., а Ливия отказалась от своих тайных замыслов и технологий, осознав огромные трудности их реализации и из страха перед перспективой повторить судьбу Ирака в 2003 г.

В будущем подписание и ратификация такими странами Дополнительного протокола к ДНЯО от 1997 г., предусматривающего возможность проверки МАГАТЭ практически на любом объекте стран-получателей, могло бы предотвратить подобные нарушения при условии увеличения бюджета, штата и технических возможностей МАГАТЭ для регулярного осуществления интрузивных инспекций. Однако ввиду того, что соглашения о гарантиях заключаются государствами с МАГАТЭ на индивидуальной и добровольной основе, и это не является непреодолимой преградой для незаявленной деятельности.

Эту проблему можно в значительной мере решить, сделав присоединение к Протоколу 1997 г. обязательным условием всех будущих соглашений государств по поставкам любых ядерных материалов и технологий. Такое решение могло бы быть принято на следующей конференции по рассмотрению ДНЯО, а до того, в исполнительном порядке, в Комитете Цангера и ГЯП. Но для этого Протокол должны как можно скорее ратифицировать две ведущие ядерные державы — Соединенные Штаты и Российская Федерация.

Законный выход из ДНЯО

Даже без всякого нарушения ДНЯО государства могут открыто и законно приобрести ядерные материалы, технологии и специалистов, а затем выйти из Договора с уведомлением за три месяца в соответствии со ст. X. Такой путь несколько более длителен, чем первый, но достаточно верен и к тому же не влечет для государства юридических последствий. Как показал опыт КНДР в начале текущего десятилетия, подобный шаг не только не обязательно навлекает на страну санкции, но может стать эффективным средством шантажа мирового сообщества и козырем при выторговывании экономических и политических уступок у других держав.

Наиболее опасными в этом плане являются компоненты замкнутого ядерного цикла, в первую очередь технологии и мощности по обогащению природного урана (тем более если залежи такового имеются в данной стране) и по переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) для извлечения из него плутония. Дополнительным предметом тревоги являются реакторы атомных электростанций (АЭС) на тяжелой воде, использующие природный уран и производящие в отходах повышенное содержание плутония. Технологию производства тяжелой воды, особенно в сочетании с переработкой ОЯТ с таких реакторов, тоже можно отнести к опасным компонентам замкнутого ядерного цикла. Ничто из перечисленного не запрещено к торговле самим Договором. Наоборот, можно считать, что ДНЯО поощряет поставки и таких технологий согласно ст. IV, поскольку целый ряд стран (Австралия, Япония, Нидерланды, ФРГ, Южная Корея) получали эти технологии или экспериментировали с ними в рамках ДНЯО. Но вместе с тем сам Договор не содержит никаких гарантий или «предохранительных» процедур от выхода из него государств, получивших эти технологии.

Основные мотивы руководства тех или иных государств относительно создания ЯО связаны с соображениями внешней безопасности, престижа на мировой арене, популярности внутри страны или получения внешнеполитических уступок от других держав. Ни одному из этих мотивов ДНЯО не адресован прямо и эффективно, т. е. в смысле предоставления взамен приобретения ЯО более заманчивых плодов в названных сферах или перспектив больших экономических и политических издержек в противном случае.

В связи с проблемой выхода из ДНЯО предлагается несколько вариантов решения. Один из них, самый мягкий, предусматривает предоставление государством, намеревающимся выйти из Договора, обоснованных разъяснений причин, побудивших к такому шагу, и их рассмотрение на специальной сессии стран — участников ДНЯО с целью удовлетворить законные интересы безопасности данной страны иным путем, помимо выхода из Договора. Альтернативный, промежуточный вариант — принять в рамках МАГАТЭ и (или) на конференции по рассмотрению Договора еще один протокол, по которому даже в случае выхода из ДНЯО страна обязана использовать все материалы и технологии, полученные в рамках Договора, исключительно в мирных целях и сохранить для них гарантии и инспекции МАГАТЭ. Наконец, самый жесткий путь, предложенный Францией, состоит в том, чтобы выходящее из Договора государство было обязано под угрозой санкций вернуть или ликвидировать под контролем МАГАТЭ все материалы и технологии, полученные извне благодаря участию в Договоре.

Как представляется, первый способ недостаточно эффективен и может быть сведен выходящей из ДНЯО страной к пустой формальности. Второй вариант более содержателен. Однако, как показал опыт КНДР, инспекторы МАГАТЭ могут быть в любой момент изгнаны вместе с их оборудованием, если государство не боится санкций — даже военных. Это тем более так, если данная страна сумеет параллельно создать ядерное оружие, взрывное устройство или хотя бы убедительное впечатление о наличии такового с использованием других материалов и производств, созданных самостоятельно или приобретенных на черном рынке. О таком потенциале может быть неизвестно, если до выхода государства из ДНЯО не действовал Дополнительный протокол 1997 г.

Наконец, «французский» жесткий проект ставит большие проблемы финансового и технического характера (компенсация за приобретенные и оплаченные по контрактам материалы и технологии, изъятие топлива и демонтаж реакторов и других объектов). Но еще важнее, что при несогласии данной страны с такими мерами этот путь по существу реализуем только в режиме военной оккупации — и все это в ответ на законный в общем шаг, соответствующий ст. X ДНЯО о праве на выход из него с уведомлением за три месяца.

Поскольку проблема выхода прежде всего связана с использованием технологий полного топливного цикла, она подробнее рассмотрена ниже в связи с проблемами обогащения урана и сепарации плутония.

Полный топливный цикл

Поставки технологий замкнутого (полного) ядерного топливного цикла, как отмечалось выше, открывают возможность воспользоваться благами сотрудничества в рамках ДНЯО и потом выйти из него для открытого создания ядерного оружия. Относительно путей решения этого вопроса имеется широкий диапазон предложений. Они простираются от требований установления контроля МАГАТЭ не только над построенными, но и над всеми проектируемыми объектами по обогащению и переработке урана, по переработке ОЯТ для извлечения плутония и производству тяжелой воды (для АЭС на природном уране, нарабатывающих повышенное количество плутония) — и до ликвидации всех уже созданных таких объектов в неядерных странах под контролем МАГАТЭ при соответствующей финансовой компенсации.

Также существует многообразие вариантов обеспечения топливом стран, отказавшихся от полного цикла, начиная от идеи создания международного консорциума производителей тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) до организации фонда поставок топлива под эгидой МАГАТЭ (куда производители передавали бы ТВЭЛы по установленной цене) и даже вплоть до полной интернационализации обогащения урана, сепарации плутония из ОЯТ, производства и поставок топлива под руководством ООН, МАГАТЭ или специальной новой многосторонней организации (типа УРЕНКО — URENCO).

Глава МАГАТЭ М. эль-Барадей высказал по этому поводу весьма радикальное предложение: «...Одной из заслуживающих серьезного рассмотрения идей является целесообразность ограничения обработки в гражданских ядерных программах материала, пригодного для оружейного использования (выделенного плутония и высокообогащенного урана), — равно как и производства нового материала путем переработки и обогащения — посредством достижения согласия на ограничение этих операций проведением их исключительно на установках под многонациональным контролем»[1].

Наконец, предлагаются разные наказания за попытки приобретения полного цикла — от прекращения поставок топлива до применения экономических санкций ООН и даже военной силы.

По мнению авторов настоящей книги, известное предложения США от 11 февраля 2004 г. о запрете на поставки технологий полного топливного цикла странам, еще не имеющим атомной

энергетики, представляются не вполне приемлемыми. Правда, на саммите «большой восьмерки» в местечке Си-Айленд в 2004 г. был принят годичный мораторий на такие поставки, который был впоследствии продлен, но в качестве долгосрочного решения это может создать больше проблем, чем решить. В частности, такой шаг может ослабить ДНЯО, введя еще одну линию «сегрегации»: в дополнение к разделению на ядерные и неядерные государства ввести разделение между неядерными, уже имеющими ядерную энергетику и полный топливный цикл (Японией, ФРГ, Бразилией, Аргентиной, Австралией, Нидерландами и др.), и теми, которые еще не имеет энергетики и потому не вправе закупать технологию замкнутого цикла. Помимо подрыва единства государств — членов ДНЯО это может резко подстегнуть развитие черного рынка ядерных технологий — опасного канала утечки оборудования и материалов к пороговым странам и террористам.

Представляется, что более правильным путем было бы принятие общего подхода, выдвинутого в 2004 г. специалистами Фонда Карнеги, о лишении государств, выходящих из ДНЯО, материальных плодов членства в Договоре [2]. Лучшим вариантом конкретной реализации такого подхода было бы подписание протокола к ДНЯО (например, на следующей конференции по рассмотрению Договора) о согласованном понимании его ст. IV, который гласил бы, что критические технологии полного топливного цикла, приобретенные неядерным государством в рамках ДНЯО, подлежат возврату или ликвидации под контролем МАГАТЭ в случае выхода этого государства из Договора. Распространять это правило на все материалы и технологии (включая АЭС и топливо) едва ли было бы оправданно как в политическом, так и в финансовом и техническом отношениях.

Комитет Цангера тогда мог бы утвердить полный перечень технологий, агрегатов и узлов, которые являются критическими компонентами полного топливного цикла или производств двойного назначения (как производство тяжелой воды, реакторы-наработчики плутония). В свою очередь, ГЯП включила бы условие об их возврате или демонтаже в случае выхода из ДНЯО в качестве обязательного положения любого будущего контракта на поставки соответствующих технологий в рамках ст. IV Договора. Поскольку закон не может иметь обратной силы, это не относилось бы к неядерным странам, уже имеющим полный цикл, но принятие ими политически обязывающей декларации в этом духе было бы желательно.

Что касается Ирана и КНДР, то, насколько известно, поставки им рассматриваемой технологии не планируются ни одним государством-поставщиком. Обе кризисные ситуации следует разрешать в индивидуальном порядке, сообразуясь с конкретными условиями (подробнее см. раздел III). В то же время любые будущие поставки технологий полного цикла были бы связаны условиями о ликвидации и возврате в случае выхода, что послужило бы сильным сдерживающим моментом как для выхода из ДНЯО, так и вообще для заключения контрактов на такого рода поставки.

На этот счет может быть также принята рамочная резолюция Совета Безопасности ООН, априори разрешающая применение санкций против государства, заявившего о выходе из ДНЯО и отказывающегося от ликвидации и возврата приобретенных в рамках Договора технологий двойного назначения, причем санкции активировались бы на основе специального доклада МАГАТЭ. Тогда любая «коалиция желающих» могла бы применить такие санкции на основе мандата ООН, что явилось бы мощным дополнительным фактором сдерживания государств от выхода из ДНЯО по модели КНДР. Присоединение к новому протоколу стало бы, таким образом, обязательным условием дальнейшего сотрудничества в мирной ядерной области, особенно по замкнутому топливному циклу, как и присоединение к Протоколу 1997 г.

В качестве позитивного стимула страны, отказавшиеся от полного цикла, могут поощряться специальным соглашением с МАГАТЭ о гарантированных поставках топлива для АЭС по самым низким текущим мировым ценам. Для этих целей может быть создан многосторонний консорциум держав-поставщиков. В дальнейшем можно перейти к концепции фонда (банка) ядерного топлива в распоряжении МАГАТЭ и в долгосрочной перспективе — к созданию международной организации по производству и поставкам топлива, для чего, разумеется, придется решить сложнейшие вопросы международного права, экономической интеграции и имущественных отношений.

Мировой ядерный рынок

Другой фундаментальный просчет концепции и режима ДНЯО состоит в том, что соотношение заинтересованности доноров и получателей материалов и технологий мирной ядерной энергетики было оценено неправильно. Предполагалось, что стремление получателей к «мирному атому» будет столь сильным, что позволит

донорам взамен иметь их проверяемые обязательства не создавать ядерного оружия. Однако на практике получилось иначе, мировой рынок ядерных материалов и технологий, сулящий миллиардные прибыли, стал ареной жестокой конкуренции не импортеров, а экспортеров. Это привело к двум основным негативным для нераспространения последствиям.

Одно состоит в том, что в борьбе за рынки сбыта государства-поставщики (и тем более их частный бизнес) оказались не склонны слишком придирчиво подходить к намерениям и программам покупателей, к соблюдению гарантий МАГАТЭ, к недостаточности таких методов (в отношении, скажем, Ирака, КНДР, Ирана, Ливии, Бразилии) и даже к факту неучастия страны-импортера в ДНЯО (например, в случае Израиля, Индии, Пакистана). Кроме того, некоторые из главных экспортеров сами долгое время были вне Договора (Франция, КНР). Даже сведения о ведущихся военных разработках, как и наличие у отдельных государств огромных природных энергетических ресурсов, избавляющих их от нужды в ядерной энергетике, не останавливали экспортеров от сделок с ними (скажем, с Ираком, Ираном, Ливией).

Недостаточная эффективность механизмов экспортного контроля (Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков) облегчала названный «либерализм» в отношении легального экспорта и вовсе избавляла от контроля нелегальный экспорт со стороны частных организаций, юридических и физических лиц.

Другой момент связан с недостатком взаимопонимания между державами-поставщиками. Давление одних из них на других в сторону свертывания поставок в те или иные страны чаще всего воспринималось не как забота о нераспространении ЯО, а как попытка вытеснить конкурента с данного рынка и занять его самим. Так, США вместе с Южной Кореей и Японией добились в 1994 г. прекращения ядерного энергетического сотрудничества России с КНДР под предлогом угрозы приобретения Пхеньяном ядерного оружия — и тут же заключили сделку о строительстве АЭС такого же типа под своим контролем и якобы при эффективных гарантиях МАГАТЭ. Впоследствии это проект, названный «Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове» (КЕДО), был заморожен, Северная Корея открыто возобновила военную ядерную программу и вышла из ДНЯО в январе 2003 г.

Вполне понятно, что в начале текущего десятилетия сильное давление США, направленное на прекращение строительства АЭС такого же типа в Иране с помощью России по Бушерскому про-

екту, воспринималось в Москве исключительно как стремление Вашингтона вытеснить ее и с этого рынка и занять ее место, а не как забота о нераспространении. Несмотря на имеющиеся серьезные косвенные основания подозревать Тегеран в военной ядерной деятельности (наряду с развитием там ракетной техники, в том числе с помощью Пакистана и Северной Кореи), российское руководство и поныне противодействует нажиму США на Иран. Правда, с апреля 2005 г. Москва официально выступает против создания Ираном производств по обогащению урана и сепарации плутония из ОЯТ и даже подписала с Тегераном в том же году соглашение о вывозе ОЯТ с Бушерского комплекса. Но эта позиция была уравновешена линией России (вместе с КНР) на отказ от санкций ООН и тем более от применения силы как рычага давления на Тегеран даже в случае продолжения курса последнего на создание полного ядерно-топливного цикла.

Бушерский контракт и другие сферы сотрудничества с Ираном (включая поставки вооружений) слишком привлекательны для России и ее атомного и оборонно-промышленного комплексов. Потому сам по себе проект создания производств по обогащению урана, дающих возможность создать ЯО, но формально не запрещенных по ДНЯО, не расценивался Россией, в отличие от США, как достаточный повод для передачи «дела» в Совет Безопасности ООН и тем более для применения санкций против Ирана (подробнее см. раздел III).

Очевидно, что данная проблема не имеет простого технического или однозначного договорно-правового решения. Ее урегулирование лежит на пути снижения остроты конкуренции держав-поставщиков за счет развития их совместных проектов (как международный консорциум по поставкам ядерного топлива и переработке ОЯТ), а также посредством ужесточения правил экспортного контроля и создания для него юридически обязывающей международно-правовой базы (см. главу 7).

Приоритеты великих держав

Еще одно слабое звено ДНЯО заключается в том, что в нем нераспространение ЯО трактуется как высший приоритет международной безопасности наряду с ядерным разоружением. На деле этот приоритет занимает далеко не равное место в повестке национальной безопасности разных держав, он сейчас заметно выше

у США, чем у России (хотя трактуется Вашингтоном весьма избирательно) или чем у западноевропейских поставщиков, не говоря уже о новых фактических и потенциальных экспортерах (Пакистане, Индии, Бразилии, КНР). Кроме того, как указывалось выше, увязка ядерного нераспространения с разоружением в настоящее время практически полностью разорвана ведущими ядерными державами.

Конечно, официально борьба с распространением ОМУ и угрозой терроризма с использованием ОМУ провозглашается высшей целью стратегии безопасности США, России и других крупнейших держав. Но это далеко не столь однозначно выражено в их практической политике, и тем более в практике их военных ведомств, атомных комплексов и ОПК. Помимо нераспространения у последних имеются и другие внешние приоритеты, зачастую стоящие выше. Так, для Соединенных Штатов поддержка Израиля важнее, чем вред от его ядерной программы для режима нераспространения, тем более что они не хотят давать Тель-Авиву твердых гарантий безопасности по типу Североатлантического договора (или договоров с Японией и Южной Кореей), не желая отталкивать от себя богатые нефтью прозападные исламские страны.

Для России, в свою очередь, экономические и политические выгоды от сотрудничества с Индией и Ираном тоже более ощутимы, чем приносимый ими ущерб нераспространению, как и для США в отношении Пакистана (в том же направлении в начале 2006 г. была пересмотрена и линия США в отношении Индии). Конечно, Россию, Китай, Японию и Южную Корею беспокоят ядерные программы и открыто продекларированное КНДР создание своего ЯО, но не настолько, чтобы согласиться на военную акцию США с непредсказуемыми последствиями, особенно после опыта войны 2003 г. в Ираке. В еще большей мере то же относится к подходу России к иранской ядерной проблеме, тем более что в отличие от Пхеньяна Тегеран пока заявляет о своей приверженности ДНЯО. Позиция Западной Европы в отношении Ирана более гибкая, чем у США, но жестче, чем у России и Китая.

К тому же перипетии глобальной политики периодически меняют отношение великих держав к странам, подталкивающим ядерное распространение. Так, США поощряли ядерную программу Ирана при шахе, а теперь, двадцать с лишним лет спустя после исламской революции 1980 г., объявляют ее одной из главных угроз безопасности. Так же Вашингтон закрывал глаза на ядерные проекты Ирака (пока тот воевал с Ираном в 80-е годы) и весьма

мягко относился к ядерным приготовлениям Пакистана, в то же время жестко противодействуя индийской ядерной программе и ее сотрудничеству с Россией. После окончания ирано-иракской войны Багдад сделался для США «врагом номер один» и объектом военной операции 1991 г., а подозрения по поводу иракских ядерных разработок послужили поводом для войны против Ирака в 2003 г. К середине текущего десятилетия отношения с Пакистаном стали меняться к худшему, а с Индией, наоборот, резко улучшились на фоне растущих страхов перед ростом экономической и военной мощи КНР. Соответственно у официального Вашингтона диаметрально поменялось и отношение к ядерной программе Индии и сотрудничеству с ней в этой сфере.

Совершенно очевидно, что в реальной политике для США, России и других держав далеко не все равно, какое конкретное государство в данный момент фактически или потенциально способствует ядерному распространению. Поэтому не столько курс того или иного государства в плане ядерного распространения определяет отношение к нему великих держав, сколько сотрудничество или вражда с данной страной влияет на их отношение к ее поведению в сфере распространения. Ожидать иного было бы наивно, однако эта политическая реальность создает серьезнейшие проблемы.

Поскольку у великих держав не одни и те же государства-партнеры и страны-противники на каждый данный отрезок времени, постольку практикуемые державами двойные стандарты в отношении нераспространения, наряду с рассмотренными выше факторами иного порядка, существенно затрудняют выработку единого курса США, России и других крупнейших стран по укреплению ДНЯО и его механизмов и режимов. Кроме того, «галсы» политики великих держав в отношении стран, создающих угрозу нераспространению, реально создают для последних большую свободу маневра, и наряду с этим отталкивают «законопослушные» неядерные государства — члены ДНЯО и подрывают их желание активно сотрудничать с ведущими державами в деле нераспространения.

Названные вопросы в еще большей мере, чем проблемы конкуренции на рынках ядерных поставок, не имеют легких решений. Справиться с ними возможно только на высшем уровне формирования внешней политики США, России и других ведущих держав. Речь идет о реальном пересмотре существующих приоритетов их международного курса, согласовании не на словах,

а на практике общих интересов безопасности, взаимного отказа от двойных стандартов, которые пока являются скорее правилом, чем исключением в их политике. Это было бы гораздо легче сделать при основательном пересмотре военно-политического базиса их взаимоотношений, в котором противостояние и соперничество пока преобладают над сотрудничеством (см. раздел I). Кроме того, руководителям великих держав и стран-поставщиков нужно выработать политические и административные механизмы противостояния внутренним группам давления, заинтересованным в расширении ядерного экспорта невзирая на риски распространения ЯО.

Если обозначенные выше проблемы не будут решаться в конструктивном ключе (в том числе в духе приведенных вариантов по проблемам топливного цикла и выхода из ДНЯО), то дальнейшее ядерное распространение вполне вероятно. Опасность этого процесса не только в том, что с ростом числа конфликтующих ядерных государств применение ядерного оружия будет становиться более вероятным. Проблема серьезнее: большинство новых стран — обладательниц ЯО не будет иметь достаточно живучих систем базирования носителей, надежных средств предупреждения о нападении и систем управления, их внутриполитическая ситуация зачастую неустойчива, велика вероятность гражданских войн и переворотов. Риск первого или упреждающего удара, а также несанкционированного применения ЯО будет со стороны этих государств гораздо выше.

Но и этим суть дела еще не исчерпывается. Вероятность намеренного или непреднамеренного попадания ядерных материалов или готовых боеприпасов из этих стран в руки террористических организаций резко возрастет в силу специфики их внешней политики и внутриполитической ситуации, коррупции в гражданских и военных органах, малой надежности служб безопасности и средств охраны, учета и контроля за ядерными вооружениями и материалами. Здесь особую тревогу вызывают огромные накопленные в мире запасы урана со значительной степенью обогащения, а также плутония для энергетических, военных и научных целей (по оценочным данным, до 1700 т урана и 460 т плутония). Эти запасы как в ядерных, так и в «пороговых» и неядерных странах содержатся при самых разнообразных системах отчетности и далеко не всегда в надежных условиях хранения, защищенности от хищения или продажи злоумышленникам.

Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но в силу слияния многочисленных факторов риска сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным.

Примечания

[1] *эль-Баради М.* Атомы для мира. Видение будущего // Бюл. МАГАТЭ. — Т. 45. — № 2. — Дек. 2003.

[2] Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности / Фонд Карнеги за Междунар. Мир. — Вашингтон, 2004 (http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf, посещался 14 января 2005 г.).

Глава 5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИЙ МАГАТЭ

Роланд Тимербаев

Идея установления международного контроля над атомной энергией возникла еще до появления ядерного оружия. Она родилась в 1943—1944 гг. в среде ученых, разрабатывавших это оружие в Соединенных Штатах. Пионерами этой концепции явились именно ученые-атомщики — те, кто лучше чем кто бы то ни было знал, какой разрушительной силой будет обладать новое оружие и, соответственно, как с этой силой можно совладать, — Н. Бор, Л. Сцилард, Р. Оппенгеймер и другие специалисты, входившие в международную группу ученых, которые участвовали в Манхэттенском проекте. В Советском Союзе в 1945—1946 гг. в поддержку международного контроля выступили академики П. Капица и Д. Скобельцын. Главный смысл концепции международного контроля над атомной энергией состоял в том, чтобы исключить или во всяком случае максимально ограничить распространение и использование во вред человечеству этого эпохального открытия, способного ввергнуть мир в невиданную катастрофу.

Задача установления международных гарантий была сформулирована мировым сообществом в самой первой резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в январе 1946 г., и состояла в том, чтобы «путем обследования и применения других методов» обеспечить «защиту государств, соблюдающих соглашения (в области атомной энергии) от возможных нарушений и уклонений»[1].

Первоначальные планы международного контроля, выдвинутые Соединенными Штатами и Советским Союзом в Комиссии ООН по атомной энергии в 1946—1947 гг. (американский «план Баруха» от 14 июня 1946 г. и советские предложения по контролю от 11 июня 1947 г.), были взаимно отклонены обеими сторонами по очевидной причине стремления как США, так вслед за ними и СССР к обладанию атомным оружием. В результате началась невиданная дотоле гонка ядерных вооружений, к которой вскоре присоединились и другие крупные державы — Великобритания, Франция и Китай.

К идее международных гарантий мировое сообщество вернулось только в 50-х годах прошлого столетия, когда началось широкое распространение атомных технологий и многие государства стали разрабатывать планы и программы использования атомной энергии не только в гражданских, но и в военных целях. Задачей создания Международного агентства по атомной энергии, которое было образовано в 1957 г., как раз и стало оказание содействия использованию атомной энергии исключительно в мирных целях, чтобы, как говорится в Уставе Агентства, «помощь, предоставляемая им или по его требованию, или под его наблюдением или контролем, не была использована таким образом, чтобы способствовать какой-либо военной цели». Для этого и предусматривалось установление международной системы гарантий.

В Уставе МАГАТЭ (ст. XII) основные принципы гарантий изложены достаточно основательно, они включают различные методы и процедуры мониторинга и проверки вплоть до посещения международными инспекторами на территории государств в любое время всех объектов, необходимых для обеспечения выполнения требований гарантий. При этом в случае выявления нарушения соглашения о гарантиях совет управляющих Агентства может потребовать от государства-нарушителя немедленного устранения установленного нарушения, а в противном случае представить доклад Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН для принятия соответствующих мер. Однако сам Устав МАГАТЭ требует применения международных гарантий при определенных обстоятельствах, в частности при осуществлении проектов, реализуемых самим Агентством. На практике гарантии по Уставу стали применяться главным образом на основании двусторонних или многосторонних соглашений между Агентством и государствами-поставщиками и странами-получателями ядерных материалов, оборудования или технологий.

Советский Союз на начальной стадии — при выработке Устава МАГАТЭ и подготовке Агентством детальных процедур контроля — вел линию на принятие менее жесткой системы гарантий. Но после того как во многих государствах (в особенности в Западной Германии) стала бурно развиваться атомно-энергетическая промышленность, он в 1963—1964 гг. изменил свою позицию и стал активным сторонником строгого контроля. Это позволило быстро завершить работу по согласованию процедур гарантий.

В 1965 г. Генеральной конференцией МАГАТЭ была одобрена первая система гарантий, содержащая подробные процедуры учета и контроля в отношении *отдельных* атомных объектов — вначале

реакторов любой мощности, а в 1967—1968 гг. эта система была распространена на предприятия по переработке облученного ядерного топлива и по изготовлению ядерного топлива. Важным элементом этой системы гарантий является то, что она предусматривает их *бессрочное* применение. В сводном виде данная система гарантий опубликована как информационный документ МАГАТЭ под индексом INFCIRC/66/Rev.2.

Система всеобъемлющих гарантий

Важным этапом в развитии системы международных гарантий стало заключение в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия, который установил международно-правовую норму *обязательности* применения гарантий МАГАТЭ ко «всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности» в пределах территории государств — участников Договора, не обладающих ядерным оружием, под их юрисдикцией или под их контролем где бы то ни было (ст. III.1) [2]. После вступления Договора в силу специальный комитет совета управляющих Агентства в 1971 г. разработал типовое соглашение о *всеобъемлющих* (comprehensive) гарантиях для неядерных участников ДНЯО, которое получило индекс INFCIRC/153.

Система всеобъемлющих гарантий по ДНЯО, типовому соглашению о гарантиях и в соответствии со сложившимися на практике процедурами базируется на следующих основных принципах и положениях:

• целью гарантий является недопущение переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства; для этого необходимо *своевременное обнаружение* переключения значимых количеств [3] ядерного материала (ЯМ) на производство ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств или на неизвестные цели;

• каждое государство создает и ведет национальную систему учета и контроля за всем ЯМ, подлежащим гарантиям;

• государство предоставляет Агентству первоначальный отчет о всем ЯМ, который должен подлежать гарантиям, а также о конструкции ядерных установок, имеющих отношение к постановке под гарантии такого материала;

• агентство проводит инспекции для проверки информации, содержащейся в первоначальном отчете, с тем чтобы убедиться

в полноте (completeness) и точности (correctness) отчета государства о наличии ЯМ;

• международные инспекторы в соответствии с установленными критериями (количество ЯМ, изотопный состав ЯМ, «чувствительность» ядерной установки с точки зрения распространения и т. д.) периодически проводят инспекции таких установок для проверки инвентарного количества ЯМ и его изменений, что включает измерение ЯМ на месте и отбор проб для последующего анализа их в штаб-квартире Агентства;

• широко применяются технические средства контроля — использование специальных печатей (containment) и наблюдение с помощью видеокамер (surveillance);

• агентство может проводить специальные инспекции, если считает, что информация, предоставленная государством, является недостаточной, и иметь доступ к *любому месту*, где находится ЯМ;

• в случае нарушения соглашения о гарантиях генеральный директор МАГАТЭ представляет доклад совету управляющих, а тот — при необходимости — Совету Безопасности ООН.

Однако в ходе практической реализации системы всеобъемлющих гарантий от 1971 г. были выявлены определенные недостатки этой системы. При этом около 40 неядерных государств — участников ДНЯО (в основном, правда, не осуществляющих никакой ядерной деятельности или имеющих незначительную деятельность) не заключили соглашений о всеобъемлющих гарантиях. Кроме того, соглашения о всеобъемлющих гарантиях, будучи связаны с участием государств в ДНЯО, не являются бессрочными и могут прекратить свое действие в случае выхода государств из договора.

Дополнительный протокол 1997 г.

В 1991 г. после войны в Персидском заливе было установлено, что Ирак, являющийся участником ДНЯО и имеющий соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, в течение ряда лет занимался тайной деятельностью по созданию ядерного оружия. По решению Совета Безопасности весь потенциал Ирака в области ядерного и других видов ОМУ был уничтожен под наблюдением специальной комиссии ООН по ликвидации иракского оружия массового уничтожения и ракетной техники (ЮНСКОМ) и МАГАТЭ. Вскрывшиеся

факты показали, что система гарантий МАГАТЭ, которая сфокусирована на заявленном ядерном материале и заявленной ядерной деятельности и предусматривает относительно ограниченные права доступа к информации и ядерным установкам, не является достаточно надежной.

Новые озабоченности побудили международное сообщество осуществить ряд мер по укреплению системы гарантий. В 1991—1993 гг. Совет управляющих Агентства подтвердил право на использование специальных инспекций; принял решения относительно заблаговременного предоставления информации о конструкции установок, находящихся в стадии строительства или модернизации, о более широкой схеме отчетности по импорту и экспорту ЯМ, а также по экспорту специального оборудования и неядерного материала.

В 1993 г. Советом управляющих была утверждена так называемая «Программа 93 + 2» по созданию более эффективной и в то же время по возможности более экономичной системы гарантий. В ходе работы над этой программой было подтверждено, что в число мер, осуществляемых в рамках существующих юридических полномочий, должны входить получение от государств дополнительной информации об установках, на которых когда-либо находился или будет находиться ЯМ, подлежащий гарантиям; расширенное использование не объявленных заранее инспекций; отбор проб окружающей среды в тех местах, к которым инспекторы имеют доступ; использование усовершенствованной технологии для дистанционного контроля перемещений ЯМ.

В целях осуществления дальнейших мер по укреплению гарантий, для которых требовались новые юридические полномочия, совет управляющих в мае 1997 г. одобрил типовой Дополнительный протокол (INFCIRC/540) в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях по документу INFCIRC/153. Совет предложил также провести переговоры о заключении дополнительного протокола к соглашениям о гарантиях с ядерными державами (естественно, с учетом их специфики), а также с другими государствами, даже не являющимися участниками ДНЯО (по документу INFCIRC/66/Rev.2).

В число мер, предусматриваемых Дополнительным протоколом, входят:

• получение информации и доступ инспекторов ко всем аспектам ядерного топливного цикла (ЯТЦ) государств, от урановых

рудников до хранилищ урановых отходов, а также к любым другим местам, где имеется ЯМ, в том числе предназначенный для неядерного использования;

• получение информации о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах, связанных с ЯТЦ;

• получение информации о всех зданиях, находящихся на ядерной площадке, и доступ к ним инспекторов с краткосрочным уведомлением;

• получение общих планов на предстоящий десятилетний период, имеющих отношение к развитию ЯТЦ, включая планируемые научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы;

• получение информации об изготовлении и экспорте чувствительных технологий, связанных с ядерной деятельностью;

• отбор проб окружающей среды за пределами заявленных мест нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым;

• административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, выдачу многократных въездных виз (необходимых для необъявленных инспекций) и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи.

В целом эти меры существенно и качественным образом укрепляют международную систему гарантий. Теперь в отношении государств, присоединившихся к Дополнительному протоколу, Агентство может подтверждать информацию не только об отсутствии переключения ядерного материала с заявленной деятельности, но и об отсутствии незаявленных ядерных материалов и незаявленной ядерной деятельности в целом. Протокол позволяет осуществлять проверку на месте с краткосрочным уведомлением, широко использовать необъявленные инспекции. Процедуры присоединения к Дополнительному протоколу те же, что и для соглашений о гарантиях. Присоединение к Дополнительному протоколу не является, однако, обязательным для участников ДНЯО.

По состоянию на начало 2006 г. совет управляющих одобрил протоколы со 113 государствами включая все ядерные державы. Подписан Дополнительный протокол со 107 государствами. Но официально он вступил в силу или применяется на практике только в 72 государствах. Ливия протокол не ратифицировала, но обязалась его соблюдать. Первоначально Иран тоже согласился, не ратифицировав протокол, его выполнять, но после принятия советом управляющих резолюции от 4 февраля 2006 г. взял обратно свое

согласие. Соединенные Штаты и Российская Федерация подписали протокол (соответственно в 1998 и 2000 гг.), но еще его не ратифицировали. К числу государств, не ратифицировавших протокол, также относятся Казахстан и Мексика. Не подписали протокол Аргентина, Бразилия, Египет, Израиль, Индия, Пакистан и целый ряд других государств.

По данным Доклада об осуществлении гарантий за 2004 г.[4] и согласно заявлению генерального директора МАГАТЭ в совете управляющих в июне 2005 г., Агентство было в состоянии сделать вывод о том, что *весь* ЯМ, поставленный под гарантии, использовался в мирной ядерной деятельности или должным образом находится под учетом, при этом *не было обнаружено* наличия *незаявленного ЯМ и незаявленной ядерной деятельности* по 21 государству, имеющему соглашения о всеобъемлющих гарантиях и действующие дополнительные протоколы. В отношении 129 других государств Агентство смогло прийти к более ограниченному выводу о том, что ЯМ и другие соответствующие предметы, которые были поставлены под гарантии, используются в мирных целях или должным образом находятся под учетом.

Как явствует из приведенных данных, результаты реализации протокола за более чем восемь лет, прошедших со времени его принятия, нельзя признать удовлетворительными.

Вместе с тем следует отметить, что в целом МАГАТЭ имеет широкую базу для осуществления гарантий, заключило 237 соглашений о гарантиях с 152 государствами, проводит проверку на 900 ядерных установках в 71 государстве, ежегодный бюджет на гарантии составляет 120 млн долл. (более трети всего бюджета), гарантийной деятельностью занимаются 650 сотрудников Агентства.

Интегрированные (или комплексные) гарантии

В целом существующая система гарантий теперь включает в себя три основных типа соглашений — по документам INFCIRC/66/Rev.2, INFCIRC/153, а также по документам о применении гарантий на добровольной основе. После принятия Дополнительного протокола Агентство приступило к работе над усовершенствованием всей системы, и следующим этапом стала разработка интегрированных (или комплексных) гарантий, кото-

рые направлены на оптимизацию всей системы применения гарантий с учетом новых мер, предусмотренных Дополнительным протоколом и включающих использование на наиболее рациональной основе современных технических средств.

Цель интегрированных гарантий состоит в том, чтобы обеспечить наиболее эффективный механизм реализации полной действенности укрепленной системы гарантий. Предусмотренные в Дополнительном протоколе меры не предполагалось рассматривать лишь в качестве нового «слоя» деятельности в дополнение к гарантиям, осуществляемым в соответствии с документом INFCIRC/153 и ранее принятыми мерами по укреплению гарантий. Новые меры контроля должны быть интегрированы в уже осуществляемые процедуры, чтобы с учетом дополнительных действий, применяемых в соответствии с протоколом, избежать неоправданного и излишнего бремени на государства и операторов установок, с одной стороны, и на Агентство — с другой, и обеспечить максимальную эффективность в пределах имеющихся ресурсов. При разработке подходов к применению комплексных гарантий в полной мере учитывались соображения обеспечения их наибольшей действенности и эффективности.

После проверки первоначальной декларации по Дополнительному протоколу комплексные гарантии не будут осуществляться в государстве до тех пор, пока не сделаны окончательные выводы об отсутствии переключения заявленного ЯМ и об отсутствии незаявленного материала и незаявленной ядерной деятельности. Агентство должно ежегодно подтверждать эти выводы как в качестве самостоятельной цели, так и в качестве условия дальнейшего осуществления комплексных гарантий в данном государстве. Для каждого государства разрабатывается индивидуальный подход к применению комплексных гарантий. Этот процесс включает следующие элементы: учет специфических особенностей и характеристик государства; адаптацию типовых подходов к применению комплексных гарантий для конкретных установок; подготовку плана обеспечения дополнительного доступа на площадки и в другие места нахождения ЯМ с учетом мер, предусмотренных протоколом [5].

В настоящее время интегрированные гарантии пока осуществляются только в восьми государствах, в том числе в Японии и Канаде — странах с масштабным ядерным топливным циклом.

Протоколы о малых количествах ЯМ

Еще начиная с 1970-х годов с государствами — участниками ДНЯО, имеющими лишь небольшое количество ЯМ или вовсе его не имеющими, заключаются соглашения о всеобъемлющих гарантиях вместе с протоколами о малых количествах (Small Quantities Protocol — SQP). Таких соглашений с SQP заключено свыше 70. Однако подобные протоколы не дают Агентству достаточных возможностей для получения относящейся к гарантиям информации и для применения необходимых мер проверки. В частности, МАГАТЭ не имеет возможности получать от государства с SQP на раннем этапе информацию о конструкции установки, которую оно имеет или планирует приобрести. Не предусматривается и представление первоначального отчета о всем ЯМ в мирной ядерной деятельности в пределах территории данного государства или под его юрисдикцией или контролем, а также возможность проведения инспекций [6].

Между тем, как стало очевидно особенно в последнее время, количество ЯМ и различного рода установок в такого рода государствах все увеличивается, что создает потребность в усилении гарантийной деятельности. Не в последнюю очередь поводом к постановке вопроса о внесении необходимых изменений в протокол о малых количествах послужило положение с ядерной деятельностью в Саудовской Аравии, которая долгие годы затягивала заключение соглашения о всеобъемлющих гарантиях и SQP и сделала это только в 2005 г.[7]

В сентябре 2005 г. совет управляющих одобрил меры, ведущие к представлению первоначальных отчетов государствами с протоколами о малых количествах, и заблаговременному направлению информации о конструкции планируемых ядерных установок, что позволяет в необходимых случаях проводить инспекции на местах. В результате принятых советом управляющих мер Агентство проведет переговоры с государствами, заключившими соглашения с протоколами о малых количествах, по поводу внесения соответствующих изменений в эти протоколы и тем самым укрепит деятельность по гарантиям в государствах с SQP.

Применение международных гарантий в КНДР и Иране

Поскольку международное сообщество проявляет сейчас наибольшую озабоченность в связи с ядерной деятельностью КНДР

и Ирана, рассмотрим в общих чертах ситуацию с осуществлением гарантий МАГАТЭ в этих государствах.

КНДР. Присоединившись к ДНЯО в 1985 г., Северная Корея до 1992 г. затягивала заключение соглашения о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ и тем самым препятствовала Агентству в проведении инспекций на объектах ядерного комплекса, несмотря на имевшиеся данные о возможном военном характере проводимых исследований, в частности, о попытках корейских специалистов извлекать плутоний из облученного топлива в газографитовом реакторе в Нёнбене. В начале 1993 г. МАГАТЭ запросило проведение специальной инспекции на двух объектах, не заявленных в первоначальном отчете, но КНДР отказалась допустить инспекцию и объявила в феврале 1993 г. о начале процесса выхода из ДНЯО, а также прекратила членство в Агентстве. Однако введение в действие выхода из Договора было приостановлено за день до истечения трехмесячного срока, установленного ст. X.1 ДНЯО.

В результате последовавших переговоров с Соединенными Штатами 21 октября 1994 г. КНДР подписала с США «Рамочную договоренность» (Agreed Framework), в соответствии с которой обязалась «заморозить» свои графитовые реакторы, причем МАГАТЭ должно было наблюдать за процессом «замораживания». Под руководством США предусматривалась организация международного консорциума для финансирования и поставки в КНДР комплекса из легководных реакторов общей мощностью 2000 МВт к 2003 г. В качестве альтернативного энергоносителя до завершения строительства АЭС было предложено поставлять топливо для отопления и производства электроэнергии на тепловых электростанциях. КНДР должна была остаться участником ДНЯО. После заключения контракта на поставку основного оборудования легководных реакторов возобновлялись инспекции МАГАТЭ в отношении объектов, не подлежащих «замораживанию». После завершения основного строительства этих реакторов, но до поставки основных ядерных компонентов КНДР должна была обеспечить полное выполнение соглашения с МАГАТЭ о гарантиях, в том числе предпринять все шаги, которые МАГАТЭ сочтет необходимыми, в отношении проверки точности и полноты первоначального отчета КНДР о всем ее ЯМ.

В дальнейшем, однако, отношения между КНДР и США крайне осложнились, обе стороны стали обмениваться угрожающими заявлениями. В конце 1990-х годов строительство легководных

реакторов затормозилось, а осенью 2002 г. сооружение АЭС по существу прекратилось. В начале 2003 г. Пхеньян объявил о выходе из ДНЯО. При этом под предлогом необходимости получения энергии была возобновлена работа законсервированного газографитового реактора. КНДР свернула сотрудничество в области гарантий с МАГАТЭ, и с 31 декабря 2002 г. проверочная деятельность Агентства в КНДР по требованию северокорейской стороны прекратилась. Таким образом, «Рамочная договоренность» по существу осталась на бумаге.

Американский эксперт З. Хеккер (в прошлом директор Лос-Аламосской лаборатории), посетивший КНДР в августе 2005 г., информировал московский Центр политических исследований (ПИР-Центр), что согласно техническим отчетам, представленным северокорейской стороной, она продолжала переработку ОЯТ, полученного на газографитовом реакторе, с конца января 2003 г. до конца марта 2005 г., в апреле выгрузила 8000 тепловыделяющих элементов и в июне 2005 г. начала их переработку. В середине июня 2005 г. реактор был загружен и запущен вновь. По оценкам З. Хеккера, Северная Корея в состоянии производить 6 кг плутония в год, соответственно за два года было выделено 12 кг. Вместе с 35 кг плутония, которые КНДР предположительно наработала ранее, его запасы в настоящее время составляют 40—50 кг. Это материал очень хорошего оружейного качества, отметил эксперт. Что касается обогащения урана, то северокорейцы и на экспертном, и на политическом уровне продолжают отрицать наличие каких-либо программ в этой области. По мнению З. Хеккера, в это верится с трудом, так как известный пакистанский атомщик Абдул Кадыр Хан признавал предоставление Северной Корее технической помощи в этой области, кроме того, известны попытки КНДР приобрести за рубежом технологии и компоненты для установок по обогащению.

Со стороны великих держав и других государств предпринимаются шаги с целью урегулирования корейской ядерной проблемы. В августе 2003 г. в Пекине начались шестисторонние переговоры по этой проблеме с участием обеих Корей, США, России, КНР и Японии. В итоге нескольких раундов этих переговоров в сентябре 2005 г. было согласовано совместное заявление, в котором подтверждалось, что целью переговоров является «контролируемая денуклеаризация Корейского полуострова мирным путем». В заявлении перечисляются условия достижения этой цели включая предоставление Северной Корее легководного реактора. При

этом КНДР обязалась отказаться от всего своего ядерного оружия и существующих ядерных программ и «вернуться в скором времени в Договор о нераспространении ядерного оружия и к гарантиям МАГАТЭ».

Наряду с этим совместное заявление предусматривает «соблюдение и выполнение» двусторонней Декларации о денуклеаризации Корейского полуострова, подписанной обеими Кореями в 1992 г. Эта декларация основана на принципе взаимной инспекции территорий двух государств. В последнее время появились сообщения, что КНДР может поднять вопрос об инспектировании военных баз США, находящихся на юге полуострова, на предмет проверки отсутствия там американского ядерного оружия, которое в прошлом было размещено в Южной Корее. Это может дополнительно осложнить практическую реализацию согласованных решений.

Переговоры, направленные на выполнение совместного заявления, были продолжены, но успеха не принесли. Никакой проверочной деятельности в КНДР Международное агентство по атомной энергии в настоящее не осуществляет.

Иран. До революции 1979 г., при шахском режиме, Иран планировал осуществить самую грандиозную ядерную программу на Ближнем и Среднем Востоке, предусматривавшую сооружение при поддержке западных государств свыше 20 энергетических реакторов. После окончания ирано-иракской войны Германия, приступившая к строительству двух энергоблоков в Бушере, под американским давлением отказалась от продолжения строительства АЭС. В начале 1995 г. между российскими и иранскими организациями был подписан контракт на завершение строительства одного энергоблока в Бушере мощностью 1000 МВт. Позднее было также достигнуто соглашение о возврате в Россию ОЯТ из Бушера. Завершение строительства АЭС планируется в 2006 г.

Соединенные Штаты не раз высказывали возражения против российско-иранского сотрудничества в атомной области со ссылкой на имеющиеся у иранского руководства ядерные амбиции. Однако российская сторона подчеркивала, что сотрудничество с Ираном в строительстве АЭС осуществляется в полном соответствии с международными обязательствами России в области ядерного нераспространения, в том числе под гарантиями МАГАТЭ. Указывалось и на необходимость подготовки местных кадров для безопасной эксплуатации АЭС.

Помимо строящегося легководного реактора в Бушере Иран, как было установлено инспекционными миссиями МАГАТЭ в 2003 г., в течение 18 лет осуществлял незаявленную ядерную программу, которая была направлена на конверсию природного урана в гексафторид урана и его последующее обогащение [8]. Иран не информировал МАГАТЭ об импорте природного урана начиная с 1991 г.. По данным Агентства, на обогатительном предприятии в Натанзе было установлено 160 газовых центрифуг на основе пакистанской модели, усовершенствованной иранцами, при этом предполагалось довести количество центрифуг до 50 тыс. Кроме того, Иран информировал МАГАТЭ, что планирует построить тяжеловодный исследовательский реактор мощностью 40 МВт в Араке. В указанном докладе генерального директора совету управляющих МАГАТЭ, рассматривавшемся советом в июне 2003 г., констатировалось, что Иран не выполнил ряд положений соглашения о гарантиях и его деятельность в ядерной области «вызывает озабоченность». В докладе содержался настойчивый призыв к Ирану заключить с Агентством Дополнительный протокол о гарантиях. В единодушно принятом советом решении был поддержан призыв генерального директора о присоединении Ирана к протоколу, а также содержалось обращение к Ирану с предложением «в качестве меры по укреплению доверия не загружать ядерный материал в пилотную установку по обогащению».

Из этих фактов и из заявлений официальных иранских представителей с очевидностью следовало, что в Иране давно идет интенсивный процесс создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла. Тем не менее пока не представляется очевидным, приняло ли иранское руководство (и примет ли в обозримом будущем) решение о военной ядерной программе, хотя такой вопрос не может не возникать даже у самых беспристрастных наблюдателей.

В декабре 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол к своему соглашению о гарантиях, но до сих пор его не ратифицировал, хотя и обязался действовать так, как если бы этот протокол был введен в действие. Как уже указывалось, в феврале 2006 г. иранские власти отказались соблюдать протокол.

С тех пор генеральный директор Агентства неоднократно представлял доклады совету управляющих, в которых отмечалось, что, несмотря на достигнутый прогресс в обеспечении условий для осуществления необходимой инспекционной деятельности

МАГАТЭ, проводимые инспекции пока не дают ответа на все возникающие вопросы. Так, в докладе от сентября 2004 г.[9] констатировалось, что обнаруженные в Натанзе газовые центрифуги имели на себе следы обогащенного урана (что вызвало подозрение, что они были получены из другой страны — Пакистана).

Тем не менее на тот момент Иран приостановил свою деятельность, связанную с обогащением урана, и Агентство стало осуществлять проверку и мониторинг на установке по конверсии урана в Исфахане и на экспериментальной установке по обогащению в Натанзе.

В ежегодном отчете МАГАТЭ за 2004 г. отмечалось, что достигнутый прогресс позволил Агентству сделать вывод о том, что весь *заявленный* ЯМ в Иране учтен и что, таким образом, он не был переключен на запрещенные виды деятельности. Однако Агентство, продолжая осуществлять определенную проверочную деятельность, еще не имело возможности сделать вывод об отсутствии в Иране какого-либо *незаявленного* ЯМ или *незаявленной* деятельности.

Тем временем к усилиям по положительному разрешению ядерной ситуации в Иране подключились три европейских государства — Великобритания, Франция и Германия, которые провели несколько раундов переговоров с иранскими представителями. Именно благодаря их усилиям в 2004 г. были приостановлены работы на конверсионном предприятии в Исфахане. Однако в августе 2005 г. Иран возобновил эксплуатацию этой установки. Как полагают специалисты, иранцам долго не удавалось получить на ней гексафторид урана нужного качества для последующего обогащения на экспериментальной газоцентрифужной установке в Натанзе.

В этих условиях переговоры между европейской «тройкой» и Ираном были прерваны. По настоянию Соединенных Штатов, поддержанных европейскими странами, 24 сентября 2005 г. совет управляющих принял большинством голосов резолюцию (Россия, Китай и ряд других стран — всего 12 — воздержались, а против голосовала только Венесуэла), в которой констатировалось несоблюдение соглашения о гарантиях и Устава МАГАТЭ, в результате чего «возникают вопросы, входящие в компетенцию Совета Безопасности как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Однако по настоянию России и КНР из проекта резолюции было исключено положение о незамедлительной передаче вопроса об Иране на

рассмотрение Совета Безопасности ООН, и в принятой резолюции говорится, что совет управляющих позднее рассмотрит вопрос о времени и содержании своего доклада Совету Безопасности. Это позволило России и Китаю воздержаться при принятии резолюции совета управляющих.

Одновременно в резолюции совета управляющих содержался настоятельный призыв к Ирану предоставить Агентству доступ к лицам и документам, имеющим отношение к поставкам в Иран оборудования, в том числе двойного использования, и к некоторым военным лабораториям (имелся в виду объект в Парчине); приостановить всю деятельность по обогащению и переработке; пересмотреть вопрос о начале строительства тяжеловодного исследовательского реактора; ратифицировать Дополнительный протокол; вернуться за стол переговоров [10].

Совет управляющих вновь рассмотрел иранский вопрос 24—25 ноября 2005 г. В докладе генерального директора [11] отмечалось, что Агентство не обнаружило какой-либо необычной деятельности в районе Парчина, получена некоторая дополнительная информация, однако она не является полной, и МАГАТЭ ожидает получения дальнейшей информации. Генеральный директор заявил на заседании совета управляющих 24 ноября, что Иран должен дать ответы на остающиеся вопросы, относящиеся к обогащению урана.

На этом заседании было решено не принимать новой резолюции по Ирану и пока не передавать иранское досье в Совет Безопасности ООН. Вместо этого было одобрено согласованное заявление председателя совета. Участники заседания совета управляющих повторили настойчивый призыв к Ирану ратифицировать Дополнительный протокол, являющийся «насущной необходимостью». При этом была выражена поддержка скорейшего возобновления переговоров между Тегераном и европейской «тройкой» (Великобританией, Германией и Францией) и высказан призыв к Ирану предоставить дальнейшую информацию, как это требует Агентство, и расширить меры по транспарентности.

4 февраля 2006 г. совет управляющих МАГАТЭ в очередной раз принял резолюцию по Ирану, которая допускает возможность передачи в дальнейшем иранского досье в Совет Безопасности ООН. За нее голосовали все постоянные члены Совета Безопасности включая Россию и Китай.

Интенсивная дипломатическая деятельность вокруг иранской ядерной проблемы с активным участием МАГАТЭ, европейских

стран, России, США и Совета Безопасности ООН, направленная на обеспечение нераспространения ядерного оружия, продолжается, и время покажет, насколько успешно эта проблема может быть решена не силовым, а дипломатическим путем.

Гарантии МАГАТЭ и сотрудничество с Индией в ядерной области

Международно-правовая основа контроля за ядерным экспортом базируется на известном положении ДНЯО об обязательстве его участников не предоставлять ЯМ и соответствующее оборудование *любым* неядерным государствам, если на эти материалы и оборудование не распространяются гарантии МАГАТЭ (ст. III.2). Стало быть, это обязательство действует и в отношении не входящих в ДНЯО стран, таких как Индия, Пакистан и Израиль. В 1992 г. Группой ядерных поставщиков, в которую ныне входит 45 государств, было принято решение о принципе так называемых полноохватных гарантий, т. е. о необходимости постановки под гарантии *всей* ядерной деятельности в подобных странах, прежде чем им могут быть предоставлены ЯМ, соответствующее оборудование и технологии.

Несмотря на это, нынешняя администрация Соединенных Штатов, исходя, как это вполне очевидно, из своих геостратегических интересов [12], в июле 2005 г. договорилась с Индией об экспорте в эту страну ядерного оборудования и технологий в обмен на некоторые обязательства в ядерной области, в частности о разделении гражданского и военного секторов своей ядерной деятельности и постановку гражданской деятельности под гарантии МАГАТЭ включая положения Дополнительного протокола. Администрация Дж. Буша согласилась предпринять шаги по внесению соответствующих изменений в свое национальное законодательство и в международно-правовые нормы, которые, как указывалось, основываются на принципе полноохватных гарантий. Следует отметить, что американская администрация имеет в виду не общий пересмотр международных правил экспорта для стран, где нет всеобъемлющих гарантий, а предоставление Индии права на получение ядерного экспорта в качестве «особого случая» (special case).

В принципе вопрос о вовлечении в международный режим ядерного нераспространения тем или иным путем таких государств, как Индия, Пакистан и Израиль, безусловно, заслуживает

должного внимания и давно назрел [13]. Однако любое его решение должно отвечать главной задаче — общему укреплению режима, его неуклонной и последовательной универсализации.

По-видимому, решение о возможном облегчении условий ядерного экспорта непременно должно относиться ко всем трем странам, находящимся вне режима ДНЯО и являющимся де-факто ядерными державами, поскольку линия на выделение из них одной страны была бы равносильна применению «двойного стандарта» не только в отношении Израили и Пакистана, но и других государств (в частности, Ирана). Совершенно очевидно, что это повело бы не к укреплению, а к ослаблению и подрыву всего международного режима нераспространения. При этом в обмен на фактическое признание ядерного статуса трех государств следовало бы установить некоторые условия или критерии для получения этими государствами тех или иных предметов ядерного экспорта, о перечне которых также, по всей видимости, следовало бы договориться.

В качестве условий предоставления трем странам возможности получения ядерного экспорта было бы целесообразно установить следующие требования:

• Прекращение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Все официально признаваемые ядерные державы — США, Россия, Великобритания, Франция и Китай — производство таких материалов для оружия прекратили. Индия же обещала США *только поддержать проведение переговоров* о заключении международной конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для оружия, перспективы которых весьма призрачны.

• Подписание и ратификация ДВЗЯИ. К настоящему времени из трех де-факто ядерных держав только Израиль подписал ДВЗЯИ, но не ратифицировал его. Ни Индия, ни Пакистан договор даже не подписали.

• Разделение гражданского и военного секторов ядерной деятельности и установление гарантий МАГАТЭ в отношении гражданских ядерных установок включая все энергетические и исследовательские реакторы без каких либо исключений.

• Присоединение к Дополнительному протоколу о гарантиях.

• Принятие и неукоснительное выполнение строгой национальной системы всеобъемлющего (catch-all) экспортного контроля на уровне мировых стандартов, исключающее возможность какого-либо содействия черному рынку ЯМ и оборудования.

• Запрет на поставки в три страны оборудования и технологий обогащения урана и переработки ОЯТ.

• Осуществление всех необходимых мер по исключению возможности незаконного оборота ЯМ, оборудования и технологий.

• Обеспечение физической защиты, контроля и учета как военных, так и гражданских ЯМ и соответствующих установок.

В интересах более тесного вовлечения трех де-факто ядерных государств в режим ядерного нераспространения, возможно, следовало бы выдвинуть и некоторые другие дополнительные условия получения ими фактического ядерного статуса и их интеграции в международный обмен ЯМ, оборудованием и технологиями.

Дальнейшие шаги по совершенствованию и универсализации системы гарантий МАГАТЭ

Совершенно очевидно, что с учетом непрерывного и все более глубокого внедрения атомной энергии в различные сферы жизни и неуклонного совершенствования ядерных технологий перед мировым сообществом будет и далее стоять задача всемерного укрепления системы международных гарантий для недопущения переключения атомной энергии с мирного на военное использование. В этих условиях Международному агентству по атомной энергии, основным ядерным государствам и всему международному сообществу необходимо постоянно повышать эффективность гарантий с тем, чтобы они по возможности всегда находились на уровне задач, связанных с ядерной безопасностью и развитием атомных технологий.

Ниже предлагаются некоторые рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование и универсализацию системы гарантий МАГАТЭ. Они не претендуют на полную новизну. Некоторые из них уже в той или иной форме выдвигались и обсуждались правительствами, руководством МАГАТЭ и международным экспертным сообществом. Прежде всего речь идет о следующих шагах:

• Присоединение к Дополнительному протоколу о гарантиях 1997 г. всех государств, имеющих как значительную, так и менее значительную ядерную деятельность, в том числе и тех, которые подписали с Международным агентством по атомной энергии

протоколы о малых количествах. Нынешнюю ситуацию, при которой за восемь лет существования Дополнительного протокола только около 70 государств согласились соблюдать его (притом что участниками ДНЯО являются свыше 180 государств), никак нельзя признать удовлетворительной. Пример в этом отношении должны подать крупнейшие державы — Соединенные Штаты и Россия, которые, подписав Протокол, все еще его не ратифицировали. Дополнительный протокол должен стать универсальным стандартом для проверки обязательств государств в области ядерного нераспространения.

• Группа ядерных поставщиков должна принять правило, согласно которому присоединение к Дополнительному протоколу должно стать непременным условием получения экспортных поставок ЯМ, оборудования и технологий.

• МАГАТЭ следует активизировать работу по внедрению в практику при применении гарантий в возможно большем числе государств, имеющих с Агентством соглашения о всеобъемлющих гарантиях и присоединившихся к Дополнительному протоколу, так называемых интегрированных (или комплексных) гарантий, которые позволяют повысить эффективность и в то же время обеспечить бóльшую рентабельность и экономичность гарантий.

• Учитывая, что в последние годы ряд стран проявляет все больший интерес к самостоятельному овладению технологией обогащения урана, что чревато риском ядерного распространения, целесообразно разработать международные меры по обеспечению таких стран гарантированными поставками ядерного топлива для гражданской атомно-энергетической промышленности. В этой связи следует поддержать предложение генерального директора МАГАТЭ М. эль-Барадея об установления пятилетнего или даже десятилетнего моратория на поставки нового оборудования по обогащению урана и выделению плутония в государства, которые не располагают такими технологиями.

• Другой возможный путь решения этой проблемы — создание многосторонних обогатительных предприятий типа URENCO в Нидерландах под гарантиями МАГАТЭ.

• Еще один вариант — образование при МАГАТЭ банка ядерного топлива для АЭС, при этом гарантом обеспечения таким топливом нуждающихся в нем стран могло бы стать Агентство. США уже высказали готовность принять в таком банке топлива участие. Возможно предоставление ядерного топлива на основе лизинга (с последующим возвращением ОЯТ стране-поставщику).

• За последние годы были предприняты шаги по переводу исследовательских реакторов на использование менее обогащенного урана и возвращение высокообогащенного свежего урана (ВОУ) и отработавшего топлива в страны, первоначально поставившие такие реакторы, в частности, в Россию [14]. Тем не менее около 100 исследовательских реакторов продолжают функционировать на ВОУ 90%-ного (или даже более высокого обогащения) урана. Эти меры следовало бы и дальше активно проводить в жизнь.

• Претворение в практическую деятельность резолюции Совета Безопасности ООН № 1540 (2004 г.), направленной на создание эффективных барьеров, предотвращающих попадание ядерного и других видов оружия массового уничтожения, компонентов такого оружия и средств его доставки в руки *негосударственных* субъектов, прежде всего террористов.

• Осуществление Инициативы по безопасности в области распространения оружия массового уничтожения [15], направленной на выявление, предотвращение и пресечение *незаконного оборота* и *трансграничного* перемещения связанных с ОМУ материалов и средств доставки, в том числе черного рынка таких материалов. Реализация ИБОР, разумеется, должна проходить с соблюдением действующего международного права, его возможной трансформации на договорной основе. Любые операции по перехвату и конфискации подозрительных грузов должны получать санкцию Совета Безопасности ООН или его уполномоченного оперативного органа, который мог бы направлять своих эмиссаров (возможно, с участием международных инспекторов МАГАТЭ) для наблюдения за такими операциями.

• Многолетний и продуктивный опыт гарантийной деятельности МАГАТЭ позволяет сделать вывод о возможности его использования для решения более широких задач, связанных с предотвращением распространения ядерного оружия и даже с ограничением производства ядерных вооружений. Важный прецедент в этом отношении был установлен в 1993 г. при верификации отказа ЮАР от военной ядерной программы, что было единодушно поддержано всеми членами Агентства. Опыт МАГАТЭ может быть в полной мере востребован при достижении договоренности о запрещении производства расщепляющихся материалов для атомного оружия как в ядерных державах, так и во всех странах, которые занимаются обогащением урана, переработкой облученного ядерного топлива и выделением плутония.

• Разработка Советом Безопасности ООН и Международным агентством по атомной энергии мер, которые служили бы руководством в отношении последствий выхода из Договора о нераспространении ядерного оружия и определяли бы шаги, которые Совет Безопасности мог бы предпринимать для того, чтобы воспрепятствовать в будущем выходу из ДНЯО по ст. X.1 или свести к минимуму его негативные последствия (в частности, путем сохранения ad infinitum под гарантиями Агентства ядерной деятельности, которая велась на основе международного сотрудничества за тот период, когда данное государство являлось участником договора о нераспространении).

• Повсеместное развитие *культуры* и *менталитета* нераспространения оружия массового уничтожения и контроля за его реализацией. Широкое осуществление образовательных программ в области нераспространения и разоружения.

Примечания

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1(I) от 24 января 1946 г.

[2] Неядерные страны — участницы ДНЯО по определению могут заниматься только мирной ядерной деятельностью.

[3] Под значимым количеством (significant quantity) понимается 8 кг плутония оружейного качества и 25 кг высокообогащенного урана (свыше 20% урана-235).

[4] Safeguards Implementation Report 2004 // http://www.iaea.org/OurWork/SV/Safeguards/es2004.html.

[5] Подробнее об интегрированных гарантиях см.: *Пушкарев В.* Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ // Ядер. контроль. — 2003. — № 2. — С. 57—68. В. Пушкарев являлся сотрудником секретариата Агентства и принимал участие в разработке концептуальной основы комплексных гарантий.

[6] Документ МАГАТЭ GOV/2005/33.

[7] По данным, опубликованным в британском журнале «Trust & Verify» и в «Ядерном контроле», в Саудовской Аравии имеются институт по исследованиям в области атомной энергии, лаборатория по энергетическим исследованиям, ускоритель мощностью 3 МВт, горячая лаборатория, другие установки и достаточно квалифицированные специалисты, не говоря уже о том, что страна располагает огромными финансовыми ресурсами, которые при наличии нынешнего черного рынка ядерных материалов и технологий могут позволить ей развернуть широкую ядерную программу (*Feldman Ya., Nikitin M. B.* Verifying Small Quantities: Saudi Arabia's SQP // Trust & Verify. — 2005. — July—Sept. — Iss. 121. — P. 5—7; *Макафей Ч.,*

Фельдман Я. Движется ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? // Ядер. контроль. — 2004. — Т. 10. — № 4 (74). — С. 44—47).

[8] Документ МАГАТЭ GOV/2003/40.

[9] Документ МАГАТЭ GOV/2004/60.

[10] Резолюция совета управляющих МАГАТЭ от 24.09.2005 — документ GOV/2005/77.

[11] Документ GOV/2005/87.

[12] Известные американские специалисты в области нераспространения и ограничения вооружений Ф. Макголдрик, Х. Бенгелсдорф и Л. Шейнмен считают, что американо-индийская договоренность «явно мотивирована и отражает взаимный интерес обоих государств создать противовес растущей мощи Китая» (*McGoldric F., Bengelsdorf H., Scheinman L.* The U.S.-India Nuclear Deal: Taking Stock // Arms Control Today. — 2005. — Vol. 35. — № 8. — Oct. — P. 6—12).

[13] В пользу поисков общеприемлемого решения «проблемы трех стран», укрепляющего, а не ослабляющего режим нераспространения, высказывались, в частности, американский эксперт, в прошлом специальный представитель президента Б. Клинтона по нераспространению и разоружению посол Т. Грэм, израильский специалист, автор книги «Израиль и бомба», ныне работающий в США, А. Коэн. В этом же плане выступил на слушаниях в Комитете по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США 26 октября 2005 г. старший советник Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в прошлом ответственный сотрудник Госдепартамента по вопросам нераспространения Р. Айнхорн. Автор этих строк разделяет данный подход, о чем уже писал в журнале МАГАТЭ (*Timerbaev R.* What Next for the NPT? Facing the Moment of Truth // IAEA Bul. — 2005. — Vol. 46. — № 2. — March. — P. 4—7).

[14] Global Threat Reduction Initiative (GTRI).

[15] Proliferation Security Initiative (PSI).

Глава 6. МИРОВОЙ ОБОРОТ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

Владимир Евсеев

В настоящей главе под ядерными материалами понимаются: природный уран, плутоний и вещества, полученные на их основе (см. приложение 5). Десятки тысяч тонн таких материалов, в основном на основе урана, обращаются на мировом рынке, из них небольшая часть может быть непосредственно использована для создания ядерного взрывного устройства. Товарооборот ядерных материалов и технологий (особенно на этапах перевозок, перегрузок и промежуточного хранения) создает возможность их хищения как со стороны отдельных государств, так и со стороны международных террористических организаций, хотя международная торговля ядерными материалами и технологиями отслеживается полномочными международными институтами (МАГАТЭ, режимами экспортного контроля — ГЯП, Комитетом Цангера).

Вместе с тем анализ мирового оборота ядерных материалов и технологий, выявление в нем звеньев, уязвимых для действий злоумышленников, имеют немалое значение для укрепления режима ядерного нераспространения. Такое исследование полезно и потому, что различные выдвигаемые ныне инициативы по ужесточению режима нераспространения (запрет на поставки технологий полного ядерно-топливного цикла, увязка продаж материалов и технологий с ратификацией Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г., выработка более строгих мер экспортного контроля ГЯП, создание международных консорциумов и картелей по гарантированным поставкам ядерного топлива и утилизации ОЯТ и пр.) могут вступать в противоречие с коммерческими интересами ведущих стран-поставщиков или просто оказаться неэффективными ввиду специфики сложившегося мирового ядерного рынка. Особенности этого рынка должны учитываться при определении путей укрепления режима ядерного нераспространения.

Добыча урановой руды и производство уранового концентрата

Более или менее значительные природные месторождения урановой руды имеют более 20 стран мира. В начале 90-х годов в 21 стране действовало 55 урановых рудников, на которых с 1938 по 1999 гг. было добыто около 1,9 млн т природного урана [1]. Однако природный уран нельзя непосредственно использовать в качестве топлива на атомных электростанциях. Даже для тяжеловодных ядерных реакторов, которые в качестве топлива используют природный уран, руда должна быть очищена, конверсирована и помещена в специальную форму (для АЭС это топливные стержни). В связи с относительно низким содержанием в руде природного урана в качестве основы ядерного топлива применяется урановый концентрат (окись-закись урана, см. приложение 5). Этот материал имеет тот же изотопный состав, что и руда, в которой содержание урана-235 не превышает 0,7%.

В последние десятилетия уровень мирового производства уранового концентрата существенно менялся, что было обусловлено изменением его рыночных цен. После периода очень высоких цен в конце 70-х годов (свыше 44 долл. за 1 кг) стоимость концентрата в начале 90-х настолько упала (приблизительно до 15 долл. за 1 кг), что производить его на большинстве предприятий стало нерентабельно. Поэтому с 1984 по1993 гг. мировое производство уранового концентрата уменьшалось, несмотря на то, что потребность в нем росла. Затем, с 1994 по 2001 гг., производство увеличивалось, после чего стало опять постепенно уменьшаться (приблизительно на 1% в год): в 2001 г. в мире было произведено 42,9 тыс. т уранового концентрата, в 2003 г. — 42,2 тыс. т, что было вызвано как затовариванием рынка этим продуктом, предлагаемым по очень низким ценам, так и общим падением мировых цен на многие виды сырья. В последнее время стоимость уранового концентрата опять резко возросла и в мае 2005 г. составила 67,5 долл. за 1 кг [2].

Самыми большими в мире запасами природного урана (см. приложение 5, табл. П5.1) обладает Австралия (23% мировых запасов). В ее месторождениях сосредоточено свыше 560 тыс. т природного урана, кроме того, более 300 тыс. т урана имеется на медно-золотом месторождении Олимпик-Дэм в качестве попутного компонента. Второе место в мире по общим запасам урана занимает Казахстан (472 тыс. т, 13% мировых запасов на месторождениях

Инкай, Мынкудук и Харасан). Однако его месторождения мало освоены и требуют значительных инвестиций. Третье место в мире по запасам природного урана занимает Канада (437 тыс. т, 12% мировых запасов, крупнейшие месторождения — Мак-Артур-Ривер и Мак-Клин-Лейк).

На территории России разрабатывается ряд урановых месторождений (Стрельцовское рудное поле, Зауралье, Витимский рудный район, Западно-Сибирский район). В настоящее время она занимает четвертое место по запасам урана (7%). За Россией следует Узбекистан (185 тыс. т., 5% мировых запасов, но имеются и недоразведанные ресурсы порядка 240 тыс. т). С 1995 г. добыча урана открытым и шахтным способами на территории Узбекистана прекращена, в настоящее время применяется подземное выщелачивание на месторождениях Учкудук, Сугралы, Северный и Южный Букинай, Айленды, Бешкак, Кетменчи и Сабырсай.

Общие запасы урана в Африке составляют около 430 тыс. т, из них половина находится на месторождениях золота в качестве попутного компонента. Добыча урана ведется в Нигере, Намибии и ЮАР. В Нигере запасы урана составляют 160 тыс. т, в Намибии — более 100 тыс. т. Аналогичные запасы природного урана имеются и в ЮАР, где он добывается попутно шахтным способом на месторождениях золота.

Общие запасы природного урана на территории США оцениваются в 110 тыс. т. С конца 80-х способом подземного выщелачивания эксплуатируются четыре месторождения: Рено Крик, Смит Ранч, Хайленд и Крод Бьют. Примерно такие же запасы урана имеются на территории Украины. Ресурсы Китая оцениваются в 70 тыс. т. Во всех остальных странах имеется около 800 тыс. т природного урана, или 21% мировых запасов (см. табл. П5.1).

Природные запасы урана и его добыча различными странами несимметричны. Первое место в мире по добыче урана занимает Канада: в 2004 г. — 11,6 тыс. т (30% мировой добычи, см. табл. П5.2). В настоящее время в стране идет значительная перестройка структуры отрасли с карьерного на шахтный способ добычи. Это позволит к 2010 г. довести объем добычи урана низкой категории стоимости до 16 тыс. т.

Австралия в 2003 г. произвела 7,6 тыс. т урана и занимает второе место в мире по его производству (21%). С 2001 г. началась эксплуатация методом подземного выщелачивания новых месторождений, и к 2010 г. Австралия планирует увеличить добычу урана низкой категории стоимости до 11 тыс. т.

Казахстан в 80-х годах добывал до 5 тыс. т урана в год. Сейчас производится ежегодно 3,3 тыс. т урана, но в течение последних лет наблюдается устойчивый рост производства (см. табл. П2). С середины 90-х годов весь уран добывался методом подземного выщелачивания. В настоящее время по добыче урана Казахстан занимает третье место в мире (9%), к 2010 г. планируется ее увеличение до 8,3 тыс. т (низкой категории стоимости).

Россия занимает четвертое место в мире по добыче урана (в 2003 г. — 3,2 тыс. т). На Стрельцовском рудном поле уран добывается шахтным способом; ежегодный объем добычи — 2,5 тыс. т, его увеличение не планируется в связи с переходом на отработку бедных руд. В Зауралье три месторождения разрабатываются методом подземного выщелачивания, их развитие в ближайшей перспективе не планируется. Витимский рудный район включает пять месторождений, наиболее крупные из которых пригодны для подземного выщелачивания; в районе полностью отсутствуют дороги и системы электрообеспечения, поэтому уровень ежегодной добычи, по-видимому, не превысит 100 т. Западно-Сибирский район включает восемь мелких месторождений, которые пригодны для подземного выщелачивания; до 2010 г. промышленная добыча здесь не планируется.

Ввиду отсутствия значительных объемов поисково-разведочных работ увеличение добычи урана в России не предполагается, она сохранится на уровне 3 тыс. т в год, в основном средней категории стоимости. Из-за низкой рентабельности собственных месторождений и планируемого увеличения мощности атомных электростанций к 2010 г. в полтора раза (пять новых энергетических реакторов суммарной электрической мощностью [3] 5 ГВт), Россия в будущем может стать чистым импортером природного урана, так как его дефицит для собственных нужд составляет уже сейчас 5 тыс. т в год. Следовательно, Москве придется делать нелегкий выбор между сокращением экспорта этого сырья, закупкой его за рубежом, более широким использованием имеющихся запасов оружейного урана, накопленного для военных нужд (посредством его обеднения до реакторного качества), совместной разработкой месторождений урановых руд на территории Казахстана — или определением оптимальной комбинации названных путей решения проблемы.

В Нигере в 2003 г. было добыто 3,1 тыс. т урана (пятое место в мире). В дальнейшем планируется ежегодная добыча на уровне около 3 тыс. т урана средней категории стоимости.

Намибия добывает более 2 тыс. т природного урана, но планируется постепенное сокращение добычи до 1 тыс. т урана средней категории стоимости.

В Узбекистане добывается 1,8 тыс. т природного урана, и весь он экспортируется. Без вовлечения крупных инвестиций в эксплуатацию новых месторождений объем ежегодной добычи урана низкой категории стоимости сохранится на нынешнем уровне, т. е. около 2 тыс. т.

В 70—80-х годах США являлись крупным производителем урана. Затем многие проекты были свернуты, месторождения выработаны, а новые не разрабатывались. В результате к 2003 г. годовое производство упало до 850 т. До 2010 г. сохранится нынешний уровень добычи, не превышающий 1 тыс. т урана средней категории стоимости.

На Украине объем добычи не превышает 800 т, наблюдается медленное ее падение без какой-либо перспективы увеличения. К 2010 г. прогнозируется дальнейшее снижение добычи или даже полное ее прекращение.

В ЮАР в 80-х годах добывалось до 6 тыс. т природного урана, позднее добыча значительно сократились в связи со значительным снижением цен на золото (уран добывается попутно) и прекращением военной ядерной программы. Сейчас ежегодная добыча составляет 760 т, к 2010 г. она сократится до 400 т.

На территории Китая объем добычи урана средней категории стоимости поддерживается на уровне 800 т в год. КНР неизбежно станет импортером урана в среднесрочной перспективе ввиду интенсивного развития собственной атомной энергетики.

Уран также добывался в Аргентине, Бразилии, Германии, Индии, Испании, Пакистане, Португалии, Румынии, Чехии и Франции. В 2003 г. Испания, Португалии и Франция закончили свои урановые разработки, а остальные страны будут продолжать производство до 2010 г., каждая на уровне не выше 300 т в год.

Обогащение урана

Конверсия урана — необходимый этап его подготовки к обогащению (см. приложение 5). Среднесрочные мировые потребности в услугах по производству продуктов конверсии останутся на уровне около 60 тыс. т природного урана в год с учетом повторного использования урана и плутония. Крупнейшие предприятия по конверсии урана расположены в России, Франции, Канаде и Вели-

кобритании, причем только Россия имеет значительные избыточные конверсионные мощности, а Великобритания планирует полностью закрыть собственное производство по конверсии урана до 2010 г.

Обогащение урана может сейчас осуществляться на 20 заводах в 11 странах: России, США, Франции, Великобритании, Германии, Нидерландах, Китае, Японии, Индии, Пакистане и Бразилии (опытное производство). Кроме того, технология обогащения урана развивалась в Аргентине, ЮАР, Южной Корее и Иране (там с ноября 2004 г. программа приостановлена, однако руководство страны настаивает на ее возобновлении под контролем МАГАТЭ). По мнению многих экспертов, этими технологиями обладают также Израиль и КНДР.

Обогащение урана — ключевое звено топливного ядерного цикла, которое позволяет не только производить ядерное топливо для реакторов, но и материал оружейного качества для производства ядерных боеприпасов. Большинство предприятий по обогащению в неядерных странах стоят под гарантиями МАГАТЭ. А пока соглашения о применении гарантий МАГАТЭ соблюдаются, сохраняется уверенность в мирном использовании обогащенного урана. В то же время не все обогатительные комплексы пяти ядерных держав охватываются гарантиями МАГАТЭ, а аналогичные предприятия Индии, Пакистана, Израиля и КНДР вообще находятся вне гарантий МАГАТЭ.

В июле 2005 г. Индия и США заключили соглашение о сотрудничестве, в том числе в области мирного использования атомной энергии. Хотя Индия не является членом ДНЯО, она согласилась не передавать технологии обогащения урана и выделения плутония в те страны, которые ими не располагают, разделить мирную и военную деятельность, добровольно поставить под контроль МАГАТЭ предприятия своей атомной промышленности, не работающие в интересах обороны страны, и распространить на них действие Дополнительного протокола 1997 г.[4] Вместе с тем следует оговориться: Индия не производит обогащенного ядерного топлива и полностью его импортирует, поэтому все имеющееся у нее производство по обогащению урана имеет военный характер и не будет поставлено под гарантии МАГАТЭ.

Как уже отмечалось, не все обогатительные предприятия официальных ядерных держав стоят под гарантиями МАГАТЭ. Советский Союз прекратил производство обогащенного урана для ядерного оружия в 1982 г., и Россия таких работ не возобновляла. Еще раньше производство ВОУ прекратили Соединенные Штаты, а вслед за ними Великобритания и Франция. Что касается КНР, то эксперты

расходятся в вопросе о продолжении там обогащения урана до оружейного уровня (на построенном Россией обогатительном предприятии запрещено обогащать уран выше 5% по урану-235).

Производство плутония и его применение в мирных целях

Как известно, оружейный плутоний является эффективным материалом для ядерных взрывных устройств, поэтому технологии переработки отработанного ядерного топлива, как и обогащения урана, являются звеном ядерно-топливного цикла, дающим прямой выход на получение материала, который непосредственно может быть использован для создания ЯО (см. приложение 5).

Предприятия по переработке ОЯТ и выделению плутония имеются во Франции, Великобритании, России, США, Китае, Индии, Германии, Южной Корее, Японии и Северной Корее. Наверняка такого же вида радиохимическое производство имеется в Израиле. Во всем мире за год производится около 50 т плутония для гражданских целей.

По сложившейся практике Россия отправляет на хранение без переработки ОЯТ энергетических реакторов типов ВВЭР-1000 (VVER) и РБМК (RBMK), а ОЯТ реакторов типа ВВЭР-440 перерабатывает, выделяет и хранит полученные продукты включая плутоний. Собственные производственные мощности позволяют ей перерабатывать по 200 т ОЯТ в год, в ближайшей перспективе эта величина будет доведена до 400 т. Также Россия имеет энергетический реактор на быстрых нейтронах промышленного масштаба типа БН-600 мощностью 560 МВт, который функционирует в качестве третьего энергоблока Белоярской АЭС. Там же строится ядерный реактор БН-800. Кроме того, энергетический реактор на быстрых нейтронах мощностью 233 МВт ранее работал во Франции. Эти реакторы предназначены для выработки тепловой энергии и сжигания промышленного и оружейного плутония.

Производственные мощности по переработке ОЯТ во Франции (Cogema) и Великобритании (BNFL) способны переработать в год в целом свыше 4 тыс. т отработанного ядерного топлива (более половины общемировых мощностей). Стоимость переработки ОЯТ на них оценивается примерно в 1 тыс. долл. за кг, что сопоставимо с ценой свежего топлива. Их услугами пользуются девять стран, в том числе Япония.

В настоящее время Япония не имеет крупных предприятий по переработке ОЯТ, поэтому она вынуждена перерабатывать основную часть своего отработанного ядерного топлива во Франции и Великобритании. Затем часть продуктов переработанного ОЯТ поступает на хранение в Японию, а другая часть складируется во Франции и Великобритании. Вместе с тем Япония имеет и собственную программу повторного использования плутония. В частности, в Токай (Tokay) расположено предприятие, способное перерабатывать в год 210 т ОЯТ. С 2007 г. начнет действовать предприятие по переработке топлива в Роккасё (Rokkasho), где планируется перерабатывать 800 т топлива и выделять 7 т плутония в год.

Индия также выделяет плутоний из ОЯТ и планирует его использовать в усовершенствованных реакторах-бридерах.

Основной формой гражданского использования выделенного плутония является производство смешанного оксидного топлива (МОХ-топлива), состоящего из смеси диоксидов урана и плутония. Содержание плутония в МОХ-топливе — 5—7%, а ежегодное потребление такого топлива составляет около 200 т. В Европе 34 ядерных реактора во Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии уже могут использовать такое топливо, а 75 переоборудуются для этой цели. В частности, в Германии большинство энергетических реакторов (13 из 18) могут использовать подобное топливо, во Франции 7 из 59 реакторов работают на МОХ-топливе, такой же способностью обладают после необходимой доработки и все легководные реакторы советского производства. В США 3 ядерных реактора могут полностью работать на этом топливе. К 2010 г. планируется перевести на МОХ-топливо до 18 энергетических реакторов в Японии и несколько реакторов в Южной Корее. Наиболее успешную программу производства МОХ-топлива имеет Франция. США планируют построить завод по производству этого топлива в ядерном комплексе Саванна-Ривер (штат Южная Каролина), а Россия — на Сибирском химическом комбинате в Северске (Томская область).

Международный рынок ядерных материалов на основе плутония в настоящее время только формируется.

Международная торговля ядерными материалами

Имеющаяся открытая информация о международной торговле ядерными материалами крайне неполна и порой противоречива, что значительно затрудняет проведение исследований. При этом

закрытость информации наблюдается не только в авторитарных государствах, но и в ряде вполне демократических стран: в частности, такой информации мировой общественности не предоставляет Великобритания. Наибольшая открытость в этой области характерна для США и Австралии.

В данной главе под ядерными материалами подразумеваются урановый концентрат, обогащенный уран в виде гексафторида урана, обогащенный уран в виде диоксида урана и готовое ядерное топливо. Вес указанных материалов пересчитан в вес уранового концентрата.

Сейчас в мире имеется 439 действующих энергетических реакторов в 30 странах, 30 реакторов строятся, утверждены проекты сооружения еще 35 реакторов. Ядерные АЭС имеют общую мощность порядка 360 ГВт и потребляют каждый год около 66 тыс. т природного урана [5]. В 2003 г. было произведено всего 35,6 тыс. т урана, т. е. около половины требуемого количества (см. табл. П5.2). Следовательно, потребность в ядерном топливе в значительной степени удовлетворялась за счет повторного использования природного урана, выделенного из ОЯТ, в том числе вместе с наработанным плутонием, а также через обеднение ВОУ, извлеченного из утилизируемых ядерных боеприпасов или со складов накопленных запасов ядерных материалов.

В 1993 г. было подписано российско-американское соглашение по ВОУ-НОУ, в соответствии с которым изъятый из ядерных боезарядов уран обедняется в России, а затем поставляется в США, где Корпорация по обогащению создает на его основе топливо для ядерных реакторов, которое реализуется на открытом рынке. Общий объем предназначенного для обеднения ВОУ (оружейного качества) составляет 500 т, стоимость — 8 млрд долл., а срок реализации — 20 лет. Россия в соответствии с этим соглашением должна получать компенсацию от США в двух видах: денежные платежи в размере двух третей стоимости НОУ, а также поставки гексафторида урана. Это связано с тем, что при разбавлении ВОУ в России используется природный компонент урана (уран-238), который должен быть компенсирован.

Поставки начались в 1995 г. и шли в нарастающих объемах, достигнув к середине 2004 г. суммарного эквивалента 217 т ВОУ (оружейного качества). По плану поставки должны соответствовать 30 т ВОУ в год, что эквивалентно 10,6 тыс. т уранового концентрата.

Осуществление соглашения по ВОУ-НОУ позволило России занять первое место в мире по объему экспорта ядерных материалов

(23% мирового экспорта; см. табл. П5.3), который складывается из трех источников: природного урана, добытого в шахтах; урана из накопленных запасов; обедненного ВОУ из утилизируемых ядерных боеприпасов. Россия ежегодно экспортирует 16 тыс. т ядерных материалов [6] в США, Францию, Великобританию, Германию, Южную Корею, Бельгию, Испанию, страны СНГ и Восточной Европы [7]. От 30% до 35% экспортируемых в Европу ядерных материалов имеют российское происхождение. В последние годы Россия поставляла для исследовательских реакторов Франции и Германии высокообогащенный уран (90%): в первую страну — от 230 до 600 кг, во вторую — 400 кг.

В настоящее время в России работают 15 ядерных реакторов типа ВВЭР и 11 типа РБМК, а также 4 газографитовых реактора и один реактор на быстрых нейтронах общей мощностью 22 ГВт. Ежегодные потребности России в ядерном топливе составляют (по разным данным) от 7,3 до 9,1 тыс. т, причем АЭС потребляют от 3,5 до 5,3 тыс. т ядерных материалов, а около 1,2 тыс. т таких материалов используется в качестве топлива транспортных реакторов флота. Также 2,6 тыс. т ядерных материалов Россия поставляет в качестве ядерного топлива для построенных Советским Союзом АЭС на Украине, в Чехии, Болгарии, Литве, Венгрии, Словакии, Армении и Финляндии.

Второе место в мире по объему экспорта ядерных материалов занимает Канада (18% мирового экспорта). В 2002 г. она экспортировала 13,6 тыс. т таких материалов в США, Францию, Японию, Великобританию, Германию, Южную Корею, на Тайвань, в Аргентину, Испанию, Китай, Мексику, Чехию и Швецию; вместе с поставками радиоизотопов и тяжелой воды ее ежегодный экспорт оценивается в 850 млн долл. Сейчас 15% экспортируемых в Европу ядерных материалов поступает из Канады. Наибольшие поставки она осуществляет в США, Францию и Японию.

В Канаде работает завод по производству гексафторида урана (продукта, идущего непосредственно в цикл обогащения), способный ежегодно производить более 12,4 тыс. т этого материала. Около 20% получаемых в стране ядерных материалов используются для внутренних нужд.

Третье место в списке экспортеров ядерных материалов занимает Австралия (13% мирового экспорта). В 2003 г. она экспортировала таких материалов на 268 млн долл., ее экспорт в настоящее время достиг 9,6 тыс. т. В течение пяти последних лет она экспортировала 44,9 тыс. т этих материалов более чем на 1,2 млрд долл.

в 11 стран: США, Японию, Францию, Великобританию, Южную Корею, Германию, Канаду, Бельгию, Испанию, Швецию и Финляндию. Ежегодные поставки ядерных материалов составляют: в США — 3,7 тыс. т, Европу — 2,6 тыс. т (13% всего экспорта), Японию и Канаду — 2,4 тыс. т, Южную Корею — 0,9 тыс. т.

Четвертое место по объему экспорта ядерных материалов занимают Соединенные Штаты (12% мирового экспорта включая реэкспорт из России и ряда других стран). В 2004 г. они экспортировали этого товара на сумму свыше 1 млрд долл. (9,0 тыс. т в пересчете на вес уранового концентрата). США экспортировали диоксид урана в Японию, на Тайвань, в Казахстан, Южную Корею, Великобританию, Германию. Гексафторид урана Соединенные Штаты экспортировали в Южную Корею, Японию, Великобританию, Швецию, Германию, Канаду, Францию, Испанию. Кроме этого США осуществляют поставки ВОУ. В частности, с 1994 по 2002 гг. они поставили 93%-ный обогащенный уран в Канаду (150 кг) и Нидерланды (110 кг), а 280 кг американского ВОУ было обеднено во Франции до 19% обогащения. По сравнению с 2003 г. объем экспорта ядерных материалов уменьшился на 15% в количественном отношении, а в финансовом остался практически неизменным (падение менее 1%).

Пятое место в списке экспортеров ядерных материалов (по объему экспорта) занимает Франция (7% мирового экспорта). Наиболее крупные поставки этого товара она осуществляет в США.

Крупными поставщиками уранового концентрата являются также Казахстан, Нигер, Намибия и Узбекистан. В частности, Нигер обеспечивает 12% европейского рынка этих материалов.

Хотя Китай не является крупным поставщиком ядерных материалов, он поставлял природный уран в 1986—1987 гг. в ФРГ, Финляндию и Францию, урановый концентрат — в Аргентину в 1981 — 1985 гг., в Японию в 1992 г.[8], в США в 1990 — 1992 гг. Кроме того, Китай экспортировал НОУ в Ирак в 70-х годах, в ЮАР в начале 80-х годов, в Индию в 1995 г.[9], ВОУ в Аргентину в 80-х годах, в Бразилию в 1984 г., в Чили в 1988 г.[10] По некоторым данным, КНР продавала уран оружейного качества в Ирак [11] в 1980 г. и в Пакистан [12] в 80-х годах. Указанные поставки не являлись нарушением ДНЯО, поскольку Китай присоединился к этому договору только в марте 1992 г.[13], но они отрицательно расцениваются экспертами с точки зрения ядерного нераспространения.

В настоящее время США имеют 103 легководных энергетических реактора (PWR, BWR) общей мощностью 97 ГВт и являются

самым крупным в мире импортером ядерных материалов (56% объема мирового импорта, см. табл. П5.4), из которых урановый концентрат составляет 57%, обогащенный уран в виде гексафторида урана — 35%, обогащенный уран в виде диоксида урана — 8%.

Ежегодные закупки США уранового концентрата составляют 29,1 тыс. т. Из них 5,6 тыс. т они производят сами (19%, в первую очередь за счет запасов хранящегося урана и обедненного ВОУ из утилизируемых ядерных боеприпасов), а остальное импортируют из Канады, Австралии, России, Казахстана, Намибии, Узбекистана и ЮАР. В 2004 г. стоимость американского импорта уранового концентрата (661 млн долл.) распределялась следующим образом: 222 млн долл. — Канада, 156 млн — Австралия, 125 млн — Россия, 43 млн — Казахстан, 41 млн — Намибия, 28 млн — Узбекистан, 24 млн — ЮАР, 22 млн — другие страны. По сравнению с 2003 г. объем импорта увеличился на 11% в количественном отношении, а в финансовом отношении рост составил 28% ввиду существенного роста мировых цен [14]. По импорту гексафторида урана в США Россия стоит на первом месте (по состоянию на 2003 г.), ее поставки оцениваются в 910 млн долл. За ней следуют Франция (555 млн долл.) и Великобритания (326 млн долл.), а затем Нидерланды, Германия, Япония, Китай, Казахстан и Бельгия. Также США импортируют небольшие количества диоксида урана из Японии, Канады, Франции, Великобритании и Германии. В общей сложности американский импорт обогащенного урана в виде гексафторида и диоксида урана в 2004 г. превысил 2,3 млрд долл.[15]

Франция имеет 59 действующих энергетических реакторов общей мощностью 63 ГВт и занимает второе место в мире по импорту ядерных материалов (17% объема мирового импорта). С 2003 г. она прекратила добычу урановой руды и полностью ее импортирует из России, Канады, Нигера и Австралии. Ежегодно Франция закупает 12,4 тыс. т ядерных материалов [16].

Третье место в мире по импорту ядерных материалов занимает Япония (12% объема мирового импорта). В настоящее время она имеет 54 действующих энергетических реактора общей мощностью 46 ГВт, три таких реактора (4 ГВт) модернизируется, а 12 (14 ГВт) строится; к 2011 г. планируется увеличить производство атомной энергии на 30%. Япония ежегодно импортирует 9 тыс. т ядерных материалов из Канады, Австралии, Нигера, США и Франции. Основным поставщиком таких материалов является Канада [17].

Великобритания имеет 22 энергетических реактора с газовым охлаждением типа «Magnox» или AGR и один легководный

энергетический реактор. Их общая мощность составляет 12 ГВт. Великобритания импортирует урановый концентрат из Канады, России (реэкспорт через США), Австралии, США и ряда других стран. Она занимает четвертое место в мире по импорту ядерных материалов (6% объема мирового импорта) [18].

Пятое место в мире по импорту ядерных материалов занимает Германия (5%), которая имеет 17 действующих легководных энергетических реакторов (BWR, PWR) общей мощностью 20 ГВт, построенных немецкой компанией «Siemens-KWR». Германия ежегодно импортирует 3,8 тыс. т ядерных материалов из России, Канады, Австралии и США. Основным поставщиком таких материалов является Россия (в основном реэкспорт через США) [19].

В Южной Корее действует 16 легководных (PWR) и 4 тяжеловодных (PHWR) энергетических реакторов общей мощностью 17 ГВт. Она не имеет предприятий по обогащению урана и вынуждена импортировать его в виде гексафторида урана из Канады, США и Франции, а затем преобразовывать на предприятии в Тэджоне в ядерное топливо. Россия, Австралия и Великобритания поставляют в Южную Корею ядерное топливо только на основе природного урана [20].

Экспорт и импорт ядерных технологий

Под экспортом (импортом) ядерных технологий будем понимать не только непосредственную передачу указанных технологий, но и строительство ядерных объектов, в ходе эксплуатации которых неизбежно происходит их освоение соответствующими специалистами страны-импортера.

Франция является самым крупным экспортером ядерных реакторов в мире. Ее атомная промышленность имеет высокий технологический уровень, а энергетические реакторы стандартизованы. Изначально Франция строила газографитовые энергетические реакторы типа «Magnox», но затем американская компания «БНФЛ-Вестинхаус» поставила ей два легководных ядерных реактора (PWR). С тех пор Франция полностью перешла на легководные энергетические реакторы и сама экспортировала их в Бельгию, Китай, ЮАР и Южную Корею. В настоящее время действуют два французских реактора мощностью 900 МВт в ЮАР около Кейптауна, два в Южной Корее в Улчине (Ulchin) и четыре в Китае около Гонконга [21].

Французская государственная компания «Арева» является признанным лидером на рынке оборудования для АЭС. Объемы ее

продаж в 2004 г. превысили 24 млрд долл. «Арева» осуществляет модернизацию и новое строительство АЭС в Бразилии, Китае, США и странах Европы.

Советский Союз в 70-х годах начал экспортировать энергетические атомные реакторы в другие страны, в частности в Чехословакию, Болгарию, Венгрию, Финляндию. Были построены АЭС в союзных республиках, которые после 1991 г. стали независимыми государствами: на Украине, в Литве и Армении. СССР в основном строил легководные энергетические реакторы двух типов — РБМК и ВВЭР. Авария на Чернобыльской АЭС выявила недостаточную безопасность отечественных энергетических реакторов, поэтому в 90-х годах они были полностью или частично закрыты в Болгарии, Германии, Польше, Румынии, Словакии. В 2004 г. Литва закрыла первый энергоблок Игналинской АЭС и к 2009 г. обязалась закрыть второй. Россия полностью отказалась от строительства энергетических реакторов типа РБМК и перешла на легководные реакторы типа ВВЭР с усовершенствованной системой безопасности, активно сотрудничая в этой области с германскими и французскими фирмами [22].

Кроме того, Советский Союз экспортировал 20 исследовательских реакторов в 17 республик, часть которых получила независимость в результате распада СССР: Белоруссию, Болгарию, Венгрию, Вьетнам, ГДР, Египет, Казахстан, КНР, Латвию, Ливию, КНДР, Польшу, Румынию, Сербию, Украину, Узбекистан, Чехословакию. В настоящее время действуют 13 советских исследовательских реакторов в 10 странах: в Венгрии, Вьетнаме, Германии, Казахстане, КНДР, Польше, Сербии, на Украине, в Узбекистане, Чехии. Все эти исследовательские реакторы в качестве топлива использовали ВОУ, что теоретически создавало риск ядерного распространения. Поэтому с 1978 г. Советский Союз стал производить и экспортировать для таких ядерных реакторов менее обогащенное (36%-ное) топливо. Именно такое топливо ныне используют Венгрия, Польша и Вьетнам. ВОУ по-прежнему применяет в качестве топлива Казахстан. В самой России 40 исследовательских реакторов, из которых не менее 9 имеют мощность более 1 МВт, используют уран с уровнем обогащения от 36% до 90% [23].

Как правопреемница Советского Союза Россия, судя по всему, занимает второе место в мире по экспорту ядерных технологий. В настоящее время российская компания «Атомстройэкспорт» строит два легководных энергетических реактора ВВЭР-1000 для АЭС «Куданкулам» в Индии, один аналогичный ядерный реактор

в Иране (Бушер) и два реактора в Тайвэне (Китай). Все экспортируемые энергетические реакторы используют западные автоматизированные системы управления технологическими процессами. Общий экспорт российских материалов и технологий в 1999 г. превысил 2 млрд долл., причем экспорт ядерных материалов составлял 0,5 млрд долл. В последние годы наблюдается резкое увеличение общего экспорта: 2001 г. — 2,5 млрд долл., 2004 г. — 3,5 млрд долл.[24] Кроме того, Россия, по-видимому, оказывает помощь Индии в создании транспортных реакторов индийских АПЛ [25]; а также обучает болгарских, индийских, иранских и китайских специалистов для работы на АЭС.

Один из крупнейших экспортеров ядерных технологий — США. Главными поставщиками энергетических реакторов являются американские компании «Вестингауз» и «Дженерал Электрик».

В 1947 г. в Канаде был построен экспериментальный исследовательский реактор. На его базе был создан тяжеловодный энергетический реактор (PHWR) типа CANDU, который нашел достаточно широкое распространение в мире. Канада экспортировала 12 энергетических реакторов типа CANDU в Аргентину, Индию, Китай, Пакистан, Румынию и Южную Корею; основным поставщиком является кампания АЭСЛ [26]. Этот тип энергетического реактора представляет немалую опасность для ядерного распространения (см. подраздел о производстве плутония).

ФРГ осуществляет значительный экспорт «двойных» технологий. В частности, в 1987 г. она продала КНДР, а в конце 80-х Ираку специальное оборудование, которое могло быть использовано для центрифужного обогащения урана, а также помогала Бразилии в постройке ядерных реакторов, создании предприятий по обогащению урана и переработке ОЯТ [27].

Относительная самодостаточность Аргентины в ядерной области позволила ей стать крупным экспортером исследовательских реакторов и других объектов полного ядерного топливного цикла. При этом Аргентина вступила в Группу ядерных поставщиков только в 1994 г., а в ДНЯО — в 1995 г. В 70—80-х годах она, по-видимому, оказывала помощь Ливии в обогащении урана и выделении плутония из ОЯТ, в 90-х предполагала создать в Иране предприятия по производству ядерного топлива и диоксида урана. Кроме того, Аргентина осуществляет значительный экспорт исследовательских реакторов. В 1989 г. она построила такой ядерный реактор в Алжире (1 МВт), в 1998 г. — в Египте (22 МВт), а также в Перу [28].

Япония импортировала первый энергетический реактор типа «Magnox» (газографитовый) из Великобритании. Он проработал с июля 1966 г. по март 1998 г. После этого в Японии строились только легководные энергетические реакторы (LWRs, BWRs, PRWs). В 70-х годах начали работать три таких американских реактора. Позднее японские и американские компании стали строить АЭС совместно, а к концу 70-х Япония полностью освоила это производство и стала экспортировать энергетические реакторы и ядерные технологии в КНР, на Тайвань и в Южную Корею [29].

В КНР первые две АЭС были построены около Гонконга и Шанхая в середине 90-х годов. АЭС в Дайа Бэй (Daya Bay) около Гонконга создавалась французской компанией «Электрисити де Франс» при участии китайских инженеров, она имеет два легководных энергетических реактора (PWR) общей мощностью 1,9 ГВт. АЭС «Циньншань-1» (Qinshan-1) около Шанхая строилась Китаем при помощи японской фирмы «Мицубиси», она имеет один легководный энергетический реактор (PWR) мощностью 0,3 ГВт. К 2002—2003 гг. были построены еще три АЭС общей мощностью 2,2 ГВт, одна из них основана на французских технологиях, вторая — на китайских, а третья создана Канадой и имеет два тяжеловодных реактора (PHWR) типа CANDU. Россия к 2006 г. заканчивает строительство в Тайвэне (Jiangsu Tianwan) двух легководных энергетических реакторов типа VVER мощностью 1 ГВт каждый, при их создании используется финское и немецкое оборудование. В настоящее время Китай является одним из ведущих импортеров ядерных технологий из Германии, России, США, Франции, Южной Кореи и Японии, так как планирует увеличить мощность своих АЭС к 2020 г. до 36 ГВт [30].

В то же время Китай сам активно строил ядерные объекты в Алжире, Гане, Иране, Нигере, Пакистане, Саудовской Аравии, Сирии и Таиланде [31]. При этом до середины 90-х годов Китай не требовал обязательной постановки создаваемых объектов под гарантии МАГАТЭ, что создавало угрозу ядерного распространения.

В Южной Корее первые два легководных энергетических реактора и один тяжеловодный были построены в конце 70-х — начале 80-х годов США и Канадой. Позднее южнокорейские фирмы стали принимать участие в таких проектах, и к 1997 г. страна смогла строить АЭС самостоятельно. В настоящее время в Южной Корее действуют 6 американских, 2 французских и 1 канадский энергетический реактор [32].

Черный рынок ядерных материалов и технологий

Скандальные разоблачения тайной инфраструктуры поставок ядерных технологий и материалов пакистанского специалиста и чиновника А. К. Хана привлекли внимание мировой общественности к ядерному черному рынку, в рамках которого заключаются и выполняются секретные сделки по поставкам вне гарантий МАГАТЭ и без обеспечения мировых стандартов физической защиты, учета и контроля. Очевидно, что этот рынок создает самую большую опасность переключения материалов и технологий с мирных на военные цели и предоставления к ним доступа террористическим организациям (подробнее см. главу 11). В то же время следует признать, что ядерный черный рынок образовался не в 80-х годах, а гораздо раньше, и начался он не с сети А. К. Хана, а с секретных государственных поставок вне рамок ДНЯО (и еще до заключения этого договора), а также помимо гарантий МАГАТЭ.

К сожалению, именно ведущие ядерные государства изначально способствовали возникновению черного рынка и на его основе — ядерному распространению. В частности, это наглядно проявилось на примере помощи Пакистану, благодаря которой он не только смог создать собственное ядерное оружие, но и стал незаконно экспортировать ядерные технологии в страны, вызывающие озабоченность.

Военная ядерная программа Пакистана возникла на основе гражданской программы, которая в первоначальный период не встречала никаких препятствий со стороны мирового сообщества. Пакистан приобретал необходимые компоненты для мирных ядерных программ, обучал своих специалистов в научных центрах и лабораториях Европы и Северной Америки [33]. Пакистанская ядерная инфраструктура стала создаваться в середине 60-х годов, после пуска исследовательского реактора, топливо для которого поставляли США. В 1972 г. Канада построила в Карачи АЭС «Канупп» с одним реактором мощностью 125 МВт. Вначале эта АЭС работала на канадском и американском ядерном топливе, но затем стало использоваться топливо пакистанского производства. Ввиду слабости собственной научно-технологической базы и жесткого лимита времени, обусловленного успешной реализацией индийской ядерной программы, Пакистан стал приобретать необходимые технологии и материалы незаконным путем. Эту

работу возглавил пресловутый А. К. Хан, который проработал несколько лет в странах Западной Европы и вывез оттуда секретную техническую документацию по технологии обогащения урана. В результате в Пакистане были организованы добыча природного урана, производство уранового концентрата, запущены установки по производству тяжелой воды и обогащенного урана. На такую деятельность гарантии МАГАТЭ не распространялись [34].

В создании пакистанской ядерной энергетики большую роль сыграли Великобритания, Западная Германия, Голландия, Канада, Китай, США, Франция и Швейцария. Причем некоторые иностранные компании, в частности западногерманские фирмы, продавали оборудование даже с нарушением собственного экспортного законодательства [35]. Важную роль в создании пакистанского ядерного оружия сыграло сотрудничество с Китаем, который не только помогал создавать ядерную инфраструктуру, но, возможно, предоставил техническую документацию. С его помощью Пакистан к 1998 г. построил тяжеловодный исследовательский реактор в Джохарабаде (Joharabad) мощностью 40 МВт, который, по американским оценкам, способен нарабатывать от 8 до 10 кг плутония оружейного качества в год, а также необходимый для производства ядерного оружия тритий [36].

На базе созданной ядерной промышленности Пакистан стал сам экспортировать ядерные «ноу-хау» и технологии (в том числе по центрифужному обогащению урана) в Иран, Ливию, Северную Корею, Ирак и Саудовскую Аравию. Согласно официальным разъяснениям Исламабада, руководитель этой деятельности А. К. Хан был официальным лицом, вышедшим из-под контроля государства как по меркантильными, так и по политическими мотивам. С ним сотрудничали представители коммерческих структур и посредники из Великобритании, Германии, Дубая (ОАЭ), Малайзии, Турции, Швейцарии, Шри-Ланки, ЮАР. Его организация получала вакуумные насосы из Германии, специализированные токарные станки из Испании, печи из Италии, двигатели центрифуг и преобразователи частот из Турции, детали для установок по обогащению урана из ЮАР и Швейцарии, алюминий из Сингапура, детали центрифуг из Малайзии.

А. К. Хан поддерживал контакты с некоторыми организациями экстремистской направленности на Ближнем и Среднем Востоке. Имеется информация, согласно которой еще до начала афганского кризиса Усама бен Ладен встречался с сотрудниками Комиссии по атомной энергии Пакистана и обсуждал с ними ядерные вопросы [37].

В октябре 2003 г. итальянская служба береговой охраны задержала грузовое судно «Би-Би-Си Чайна» под немецким флагом, следовавшее в Ливию. После досмотра на его борту было обнаружено оборудование высокоточного машиностроения, алюминиевые трубы, молекулярные насосы и другие компоненты для изготовления около 10 тыс. газовых центрифуг Р-2, предназначенных для обогащения урана [38]. Было установлено, что поставщиком этих компонентов является малазийская компания «Скоми пресижн инжиниринг», которая изготовила его по заказу жителя Шри-Ланки Тахира. Через принадлежащую ему компанию в Дубае (ОАЭ) «Эс-Эм-Би компьютерс» Тахир намеревался доставить оборудование в Ливию с целью создания ядерного оружия.

Позднее удалось выяснить, что Тахир являлся одним из звеньев организации, созданной А. К. Ханом. Он был допрошен в Малайзии и подтвердил, что в 1994—1995 гг. продал Ирану два контейнера комплектующего оборудования из Пакистана за 3 млн долл. По его мнению, это позволило Ирану уже в 1995 г. собрать 500 центрифуг Р-1.

По заявлениям перебежчика из Саудовской Аравии, в 1994 г. в стране с помощью специалистов из КНР и Ирака осуществлялась секретная программа создания ядерного оружия. Следует учитывать, что Саудовскую Аравию считают одним из основных источников финансирования военной ядерной программы Пакистана, а создатель «исламской ядерной бомбы» А. К. Хан неоднократно имел контакты с саудовскими представителями [39].

Американо-израильское сотрудничество в ядерной области началось в 1955 г. и на первом этапе заключалось в подготовке израильских специалистов. К 1960 г. США построили в Израиле исследовательский реактор мощностью 5 МВт. Этот реактор было трудно использовать в качестве наработчика плутония из-за низкой мощности, но именно на нем израильские специалисты получили опыт обращения с высокообогащенным ураном. Однако ведущую роль на начальном этапе реализации ядерной программы Израиля сыграла Франция. По мнению зарубежных экспертов, с 1953 по 1967 гг. Израиль и Франция осуществляли тесное секретное сотрудничество в области создания ядерного оружия. Израильские специалисты участвовали в работах, проводившихся во французском ядерном исследовательском центре в Сакле и могли быть допущены к данным, полученным в ходе проведения французских ядерных испытаний в Сахаре [40].

В 60-х годах Франция заложила основы ядерной инфраструктуры Израиля. Она не только построила в Димоне (Dimona) тяжеловодный ядерный реактор мощностью 26 МВт, но и помогла создать там производство по переработке ОЯТ и выделению плутония. Некоторые эксперты считают, что во второй половине 60-х годов облученное топливо отправлялось во Францию, проходило процесс радиохимической переработки, а выделенный плутоний возвращался в Израиль. Позднее Израиль неоднократно модернизировал ядерный реактор и довел его мощность до 150 МВт, что позволило ему ежегодно производить до 40 кг плутония оружейного качества. Сейчас Израиль является де-факто ядерным государством [41].

К наработке оружейных ядерных материалов Индия приступила в 1960 г. на построенном с помощью Канады тяжеловодном ядерном реакторе «Цирус» мощностью 40 МВт. Имевшаяся инфраструктура позволила Индии в 1974 г. провести «мирный» подземный ядерный взрыв мощностью 12—15 кт. С этого периода сотрудничество между Индией и Канадой в сфере тяжеловодных реакторов прекратилось. В дальнейшем Индия стала развивать ядерную инфраструктуру самостоятельно, а ее зависимость от иностранного оборудования к середине 90-х годов уменьшилась до 10%. При этом осуществление военной ядерной программы не прекращалось, а в мае 1998 г. Индия провела серию ядерных взрывов и стала де-факто ядерным государством [42].

В 50—60-х годах с помощью СССР и Китая была создана научно-экспериментальная база атомной промышленности Северной Кореи, а также подготовлено необходимое количество технических специалистов и построены производственные мощности. Это позволило КНДР в 70—80-х годах создать полный ядерный топливный цикл. Причем если сотрудничество с Советским Союзом носило исключительно мирный характер, то Китай, по-видимому, оказывал содействие и в создании ядерного оружия, о чем свидетельствует участие северокорейских специалистов в китайском ядерном испытании в середине 70-х годов [43].

В 1974 г. Северная Корея вступила в МАГАТЭ, а в 1977 г. подписала с этой организацией соглашение о гарантиях. Но с самого начала, по-видимому, КНДР скорее использовала МАГАТЭ в качестве прикрытия для своей военной ядерной программы. В середине 80-х годов она под давлением Советского Союза вступила в ДНЯО, но это не изменило планов ее руководства создать собственное ядерное оружие. В 2003 г. Северная Корея вышла из ДНЯО, а в 2005 г. официально заявила о создании ядерного оружия.

В 1957 г. между Ираном и США было подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии, в соответствии с которым Вашингтон обязался поставить Тегерану ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов. В 1967 г. США доставили для Тегеранского ядерного научно-исследовательского центра исследовательский реактор мощностью 5 МВт. В 1974 г. Иран принял план развития ядерной энергетики, который предусматривал строительство 23 ядерных реакторов общей мощностью свыше 20 МВт. Основными поставщиками ядерной технологии должны были стать Западная Германия, Франция и США. Первый контракт на строительство АЭС между Организацией по атомной энергии Ирана и западногерманской фирмой «Крафтверк Юнион» был подписан в 1974 г. Он предусматривал строительство АЭС с двумя реакторами типа PWR мощностью 1300 МВт каждый на юге Ирана, вблизи Бушера [44].

Активно велись переговоры с Францией о покупке заводов по обогащению урана и переработке ОЯТ. За 1 млрд долл. в 1974 г. Организация по атомной энергии Ирана приобрела 10% акций газодиффузионного завода по обогащению урана, который строился в Трикастане (Франция). Завод принадлежал международному консорциуму «Евродиф» с участием французского капитала. В результате сделки Иран получил право выкупать продукцию завода.

После иранской революции 1979—1980 гг. сотрудничество с Западом было заморожено. Но вскоре на смену западным партнерам пришли другие поставщики — Аргентина, Китай и Россия. С некоторыми странами, в первую очередь с Пакистаном, Иран тайно сотрудничал, что позволило ему освоить центрифужную технологию обогащения урана. В настоящее время Иран стремится создать полный топливный цикл и подозревается в тайной разработке ядерного оружия.

Такие страны, как Аргентина, Бразилия и ЮАР, были близки к созданию ядерного оружия или имели его, но в силу ряда причин отказались от обладания им. В 1958 г. США построили в Аргентине первый исследовательский реактор. Но в 1967 г. Аргентина уже самостоятельно построила еще три исследовательских реактора. С 1968 по 1974 гг. Западная Германия соорудила там тяжеловодный энергетический реактор мощностью 320 МВт («Atucha I»), а позднее стала создавать аналогичный ядерный реактор мощностью 780 МВт, строительство которого сейчас заморожено, несмотря на то, что выполнено 85% работ. Кроме этого, Аргентина

при помощи Италии построила предприятие по переработке ОЯТ (Ezeiza) и выделению плутония, которое закрыла в 1973 г. Второй тяжеловодный энергетический реактор типа CANDU был запущен в 1983 г. К этому моменту Аргентина уже строила второе предприятие по переработке ОЯТ, способное выделять 10—20 кг плутония в год [45]. Создание этого предприятия было остановлено в 1990 г. под давлением США и в силу экономических причин. А с 1978 по 1983 гг. Аргентина построила предприятие по обогащению урана (Pilcaniyeu). На эти предприятия не распространялись гарантии МАГАТЭ, а международное сообщество подозревало Аргентину в осуществлении военной ядерной программы. Ситуация изменилась только в 90-х годах после отказа руководства страны от создания собственного ядерного оружия и вступления в ДНЯО.

Ядерную инфраструктуру Бразилии начали создавать США. В 1957 г. они построили исследовательский реактор, а в 1971 г. — легководный энергетический реактор «Ангра-1» («Angra 1»). Но основное влияние на создание ядерной инфраструктуры Бразилии оказала Западная Германия, активное сотрудничество с которой началось с 1975 г. В результате вооруженные силы Бразилии смогли одновременно развивать три различных метода получения ядерных материалов оружейного качества: центрифужный способ обогащения урана (военно-морские силы), производство плутония (сухопутные войска), лазерный способ обогащения урана (военно-воздушные силы). Кроме того, конструировались ядерные боеприпасы и создавался подземный ядерный испытательный комплекс на военной базе около Качимбо (Cachimbo) [46]. К 1990 г. Бразилия была готова развернуть производство ядерного оружия на основе ВОУ, получаемого путем центрифужного обогащения урана, но такое решение принято не было ввиду прихода к власти гражданского правительства. К середине 90-х годов были прекращены программы как создания собственного ядерного оружия, так и постройки АПЛ. А в 1998 г. Бразилия присоединилась к ДНЯО.

В 60-е годы ЮАР начала исследования в ядерной области, а в 1973 г. премьер-министр страны одобрил программы разработки ограниченного ядерного потенциала [47]. По-видимому, существенную роль в создании южноафриканского ядерного оружия сыграли Израиль и Франция, а также Западная Германия, которую подозревали в передаче технологии «вихревого сопла». В результате в ЮАР было создано шесть ядерных боеприпасов, которые были демонтированы вместе с производственным оборудованием в 1989 г. С этого момента ЮАР прекратила военную

ядерную программу, а в 1991 г. присоединилась к ДНЯО. В настоящее время ЮАР имеет одну АЭС с двумя французскими легководными энергетическими реакторами (PWR) общей мощностью 1,8 ГВт.

Ежегодный оборот ядерных материалов составляет десятки тысяч тонн, в том числе тонны высокообогащенного урана и плутония, которые могут быть использованы для производства ядерного оружия. Транспортировка, погрузка и выгрузка этих материалов, вероятность аварий с потерей грузов, содержание во временных пунктах хранения, сложная отчетность по всем стадиям поставок — все это создает множество уязвимых мест и опасность попадания материалов, технических элементов и документации в отдельные государства, вызывающие озабоченность с точки зрения распространения, а также в руки террористических организаций, располагающих значительными финансовыми и экспертными ресурсами. Для предотвращения такой угрозы необходимо установить жесткий контроль над оборотом ядерных материалов и технологий и прекратить деятельность черного рынка.

Самыми большими в мире запасами природного урана обладают Австралия, Казахстан, Канада, Россия и Узбекистан (около 60% мировых запасов). Наиболее высокий уровень добычи урановой руды имеют Австралия и Канада (половина мирового производства). Казахстан планирует резко увеличить объемы добычи урановой руды. Значительное ее количество также добывают Россия, Нигер, Намибия и Узбекистан.

Австралия, Канада и Россия входят в Комитет Цангера и Группу ядерных поставщиков и соблюдают свои международные обязательства по экспорту исходного расщепляющегося материала. Казахстан также входит в ГЯП. Определенную обеспокоенность в этом плане вызывают Нигер, Намибия и Узбекистан. Этим государствам следует как можно скорее привести свое законодательство в соответствии с международными нормами экспортного контроля и присоединиться к ГЯП.

Международные поставки уранового концентрата сами по себе не представляют опасности для ядерного нераспространения. Но такая опасность может возникнуть, если страна-импортер вызывает озабоченность у мирового сообщества и располагает инфраструктурой, позволяющей самостоятельно обогащать уран. Еще бóльшую угрозу представляет собой вероятность «перенаправления» части грузов с намеченного маршрута в проблемные страны

или к негосударственным организациям. Тем более это относится к диоксиду урана и его гексафториду. В этом плане необходимо в соответствии с требования Дополнительного протокола 1997 г. установить под эгидой МАГАТЭ механизм транспарентности уже на стадии поставок уранового концентрата и продуктов его переработки. В настоящее время такой механизм имеется, но его требуется укрепить, в частности, введя систему проверки не только документации о поставках, но и соответствия физических поставок предоставляемой об этом информации на разных этапах транспортировки. Это должно стать обязательным условием любых трансакций в данной области.

На рынке услуг по обогащению урана сейчас доминируют четыре фирмы: консорциум «Eurodif» (Франция), «Tenex» (Россия), USEC (США), консорциум «Urenco» (Великобритания, Германия и Нидерланды). Крупными фирмами в этой области также являются корпорация CNEIC (Китай) и фирма JNFL (Япония). Ввиду озабоченности ряда импортеров ядерного топлива высокими мировыми ценами на этот товар и возможностью прекращения поставок по политическим мотивам целесообразно создать международный консорциум для поставок готового ядерного топлива странам по самой низкой рыночной стоимости в обмен на отказ импортеров от полного ядерно-топливного цикла. В этот консорциум могли бы войти как компании — экспортеры уранового концентрата, так и крупнейшие производители ядерного топлива.

Обогащенный уран представляет наибольшую ценность для вызывающих озабоченность стран и террористических организаций ввиду относительной простоты создания на его основе ядерного взрывного устройства. В этой связи особенно важно предусмотреть для МАГАТЭ возможность проверки соответствия условий хранения ВОУ импортерами установленным стандартам физической защиты, учета и контроля.

Основными экспортерами ядерных технологий являются: Франция, Россия, Канада, Германия, США, Аргентина, Япония и Китай. Все эти страны являются участниками ГЯП, что облегчает выработку единой экспортной политики в отношении ядерных технологий. Для усиления режима нераспространения ядерного оружия в мае 2004 г. страны-участницы включили в Руководящие принципы ГЯП механизм всеобъемлющего контроля по продукции двойного назначения. Кроме того, члены ГЯП решили усилить обмен информацией между участниками соглашения, а также укрепить контакты ГЯП с государствами, оставшимися вне этого режима.

В то же время Группа ядерных поставщиков — это добровольное объединение государств, ее решения не носят обязательного характера. В этой связи желательно поставить работу ГЯП на юридически обязывающую международно-правовую основу, разработать систему обмена информацией по всем поставкам ядерных материалов и технологий (при необходимости — с соблюдением принципа конфиденциальности), создать механизм отслеживания и проверки этой информации и наложения санкций за нарушения, предусмотрев финансирование соответствующих работ за счет увеличения бюджета МАГАТЭ. Все трансакции, идущие помимо такой системы, считались бы тогда незаконными и подлежали пресечению, в том числе посредством сил и методов ИБОР.

Примечания

[1] Ядерное нераспространение: Учебное пособие: В 2 т. — Т. 1 / И. А. Ахтамзян и др.; Под общ. ред. В. А. Орлова. — М.: ПИР-Центр, 2002. — С. 50.

[2] *Кокшаров А.* День атомного сурка // Эксперт. — 2005. — 13 июня.

[3] Далее также указывается электрическая мощность реакторов.

[4] Implications of Proposed India-U.S. Civil Nuclear Cooperation // http://www.nti.org/e_research/e3_67b.html.

[5] Uranium Markets // Nuclear Issues Briefing Paper. — 2004. — 36. — Oct. (http://www.uic.com.au/nip36.html).

[6] Под российским экспортом ядерных материалов будем понимать не только их экспорт непосредственно из России, но и реэкспорт ядерных материалов из США в соответствии с соглашением по ВОУ-НОУ.

[7] Russia: Uranium Mining and Milling Overview // http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/fissmat/minemill/overview.html.

[8] China's Nuclear Export and Assistance to East Asia // http://www.nti.org/db/china/neapos.html.

[9] China's Nuclear Export and Assistance to South Asia // http://www.nti.org/db/china/nsaspos.html.

[10] China's Nuclear Export and Assistance to South America //http://www.nti.org/db/china/nspos.html.

[11] China's Nuclear Export and Assistance to the Middle East // http://www.nti.org/db/china/nmepos.html.

[12] China's Nuclear Export and Assistance to South Asia // http://www.nti.org/db/china/nsaspos.html.

[13] China and the NPT // http://www.nti.org/db/china/nptorg.html.

[14] 2004 Uranium Marketing Annual Report // http://www.eia.doe.gov/cneaf/nuclear/umar/umartablesandfigures.pdf.

[15] Ibid.

[16] French Nuclear Power Program / World Nuclear Association // http:// www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf40print.html.

[17] Nuclear Power in Japan / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf79print.html.

[18] Nuclear Power in the United Kingdom / World Nuclear Association // http://www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf84print.html.

[19] Nuclear Power in Germany / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf43print.html.

[20] Nuclear Power in South Korea / World Nuclear Association // http:// www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf81print.html.

[21] French Nuclear Power Program / World Nuclear Association // http:// www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf40print.html.

[22] Nuclear Power in Russia / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf45print.html.

[23] Российско-американское сотрудничество по снижению степени обогащения топлива для исследовательских реакторов / Аналит. центр по проблемам нераспространения // http://npc.sarov.ru/digest/92003/appendix10p1. html (посещался 5 мая 2005 г.).

[24] Nuclear Power in Russia / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf45print.html.

[25] ATV Nuclear Submarine Program / Russia: Nuclear Export to India // http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/export/rusind/nuknow.html.

[26] Canada's Uranium Production and Nuclear Power. Nuclear Issues Briefing Paper 3. May 2005 // http://www.uic.com.au/nip03.html.

[27] Brazil from Tracking Nuclear Proliferation 1998 / Carnegie Endowment for Intern. Peace // http://www.ceip.org/programs/npp/nppbrazl.html.

[28] Argentina from Tracking Nuclear Proliferation 1998 / Carnegie Endowment for Intern. Peace // http://www.ceip.org/programs/npp/nppargn.html.

[29] Nuclear Power in Japan / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf79print.html.

[30] Nuclear Power in China / World Nuclear Association // http://www. world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf63print.html.

[31] China WMD Database // http:// www.nti.org/db/china/index.html.

[32] Nuclear Power in South Korea / World Nuclear Association // http:// www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf81print.html.

[33] *Белокреницкий В. Я, Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Южная Азия в мировой политике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — С. 222—223.

[34] Pakistan Nuclear Weapons // http://www.fas.org/nuke/guide/Pakistan/nuke.

[35] Pakistan Nuclear Weapons / WMD around the World // http://www.fas. org/nuke/guide/pakistan/nuke.

[36] Pakistan (note 34).

[37] МАГАТЭ держит след // Экологич. правда // http://www.eco-pravda.km.ru/nute/rk13j5.htm (посещался 1 марта 2006 г.).

[38] *Лютс Ч. Д.* Новые игроки на сцене: А. К. Хан и ядерный «черный рынок» // http://usinfo.state.gov/journals/itps/0305/ijpr/lutes.htm (посещался 5 мая 2005 г.).

[39] Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А. Арбатова и В. Наумкина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2005. — С. 27.

[40] Там же. — С. 10.

[41] Israel's Nuclear Weapons Program // http://nuclearweaponarchive.org/Israel.

[42] India Nuclear Weapon Update 2003 // http://www.wisconsinproject.org/counties/india/nuke2003.html.

[43] *Evseev V., Vorontsov A.* North Korea: Leaving the Deadlock // Russia in Global Affairs. — 2005. — Vol. 3. — № 5. — Sept.—Oct. (http://www.globalaffairs.ru/numbers/16/4793.html).

[44] Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке. — С. 16.

[45] Argentina from Tracking Nuclear Proliferation 1998 / Carnegie Endowment for Intern. Peace // http://www.ceip.org/programs/npp/nppargn.html.

[46] Brazil from Tracking Nuclear Proliferation 1998 / Carnegie Endowment for Intern. Peace // http://www.ceip.org/programs/npp/nppbrazl.html.

[47] Country Overviews: South Africa // http://www.nti.org/i_russian/i_e4_safrica.html.

Глава 7. КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ ЭКСПОРТОМ

Элина Кириченко

Современный режим экспортного контроля в целях нераспространения представляет собой многоярусную систему. Сформированы многосторонние неформальные режимы экспортного контроля — Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Режим контроля за ракетными технологиями, Вассенаарские договоренности и Австралийская группа. Эти режимы разрабатывают списки продукции, подлежащей контролю, а также принципы экспорта соответствующих товаров и технологий. Непосредственное осуществление контроля относится к компетенции государств. Таким образом, национальные системы экспортного контроля являются важными элементами международного режима нераспространения ОМУ.

Институциональная база

Заложив фундамент международного режима нераспространения, ДНЯО поставил вопрос о практических механизмах выполнения ст. III.2, декларирующей: «Каждое из государств — участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей». Для технического наполнения этой статьи и был создан первый неформальный режим — Комитет Цангера, в рамках которого был разработан так называемый Исходный список (Trigger list).

Институциональная база международного режима экспортного контроля рассматривается в четырех аспектах: многосторонние неформальные договоренности, национальные системы экспортного

контроля как компонент международного режима нераспространения ОМУ, формирование режимов экспортного контроля на региональном уровне (ЕС, Евразийское экономическое сообщество — ЕврАзЭС) и перспективы экспортного контроля в контексте принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 1540.

Многосторонние режимы экспортного контроля. Основные усилия по повышению эффективности экспортного контроля предпринимаются в рамках многосторонних договоренностей, прежде всего ГЯП и Комитета Цангера, РКРТ (режима контроля над ракетными технологиями) и Вассенаарских договоренностей (контроль за экспортом двойных технологий).

Совершенствование списков и руководящих документов является приоритетной задачей участников многосторонних соглашений. Работа над списками ведется постоянно. При этом к определенному этапу могут накопиться факторы, подталкивающие к значительному пересмотру этих документов. Так, 11 февраля 2004 г. американский президент Дж. Буш, выступая в Университете национальной обороны в Вашингтоне, выдвинул семь предложений по стимулированию мировых усилий в области нераспространения ядерного оружия [1]. В частности, он предложил странам, входящим в Группу ядерных поставщиков, отказаться от продажи оборудования и технологий для обогащения и переработки урана любому государству, которое еще не обладает полномасштабными действующими установками по обогащению и переработке. Было также предложено, чтобы только государствам, подписавшим Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г., было разрешено импортировать оборудование для своих гражданских ядерных программ.

Эти вопросы обсуждались на пленарном заседании ГЯП в 2004 г. По ним не был достигнут консенсус, хотя участники пришли к соглашению, что необходимо повысить бдительность при соответствующих сделках. Между тем лидеры «большой восьмерки» на саммите, состоявшемся в Си-Айленде в июне 2004 г., приняли решение о временном моратории на новые поставки оборудования и технологий для переработки и обогащения ядерных материалов в страны, не располагающие ныне подобными мощностями и технологиями. На пленарном заседании в 2004 г. участники ГЯП внесли в «Руководящие принципы» (ч. 2) положение о «всеобъемлющем» контроле, что делает политически обязательным для стран-участниц включить его в свое нормативное законодательство. Это создает правовую базу для лицензирования продукции двойного назначения, не попавшей в контрольные списки, если

ее конечное использование вызывает обеспокоенность по поводу ядерного распространения. Члены ГЯП добровольно обмениваются информацией по отказам в выдаче разрешения на экспорт товаров двойного назначения, применяемых в ядерных целях, основываясь на правиле «не подрывать режим» («no-undercut rule»).

В рамках многосторонних режимов экспортного контроля возрастающую значимость приобретает принцип «лучшей практики» (best practices). В 2001 г. государства — участники Вассенаарских договоренностей согласились принять 18 не обязывающих правил «лучшей практики» правоприменения, представляющих собой совокупность наиболее удачных аспектов политики и методов правоприменения, используемых различными государствами — членами договоренностей: превентивное правоприменение, расследование, эффективные меры наказания, обмен информацией в рамках международного сотрудничества. РКРТ и ГЯП также упоминают принцип «лучшей практики» в правоприменении, лицензировании, контроле над неосязаемыми формами передачи технологий, а также в контроле над транзитными перевозками и реэкспортом.

Как известно, руководящие принципы ГЯП предусматривают два ключевых исключения из полноохватных гарантий как условия поставки: 1) требование полноохватных гарантий не применяется в случае, если поставка необходима для безопасной эксплуатации уже существующих установок, находящихся под гарантиями МАГАТЭ; 2) также это требование не применяется в случаях, когда соглашение или контракт на экспорт были заключены до вступления в силу соответствующего правила, — так называемое положение об обратной силе («дедушкина оговорка»).

После принятия требования о полноохватных гарантиях МАГАТЭ в 1992 г. только Россия использовала оба отмеченных правила об исключениях. Она поставила таблетки ядерного топлива на основе низкообогащенного урана на индийскую АЭС в Тарапуре, утверждая, что эта передача необходима для обеспечения безопасности эксплуатации АЭС и потому допустима. Однако члены ГЯП посчитали, что российские поставки топлива не отвечают требованиям исключений ГЯП, связанных с безопасностью. Еще в 1988 г. Советский Союз и Индия договорились о постройке двух легководных реакторов мощностью 1000 МВт в Куданкуламе. Россия исходит из того, что реализация соглашения может продолжаться, поскольку стороны договорились о соглашении до пересмотра правил ГЯП в 1992 г. Вопрос об использовании «дедушкиной оговорки» может встать и при приеме новых членов в ГЯП. Сами США,

занимая жесткую позицию в ГЯП по вопросам «исключений», все активнее прибегают к двусторонним переговорам и соглашениям, балансирующим на грани этих правил. 18 июля 2005 г. на встрече премьер-министра Индии М. Сингха и президента США Дж. Буша было принято совместное заявление, в котором намечены векторы сотрудничества двух стран в ядерной области.

Одним из злободневных вопросов деятельности международных режимов является вопрос о приеме новых участников. В связи с расширением ЕС встал вопрос о приеме его новых членов во все многосторонние режимы экспортного контроля, чтобы системы экспортного контроля этих государств и некоторые их решения не вошли в противоречие с выработанной общей политикой ЕС. Расширение охвата режимов экспортного контроля с принятием новых стран, безусловно, в целом позитивная тенденция. Вместе с тем присоединение к многосторонним соглашениям целого ряда государств, не являющихся поставщиками ядерных и ракетных технологий, но имеющих право накладывать вето на принимаемые решения по политическим мотивам, может понизить эффективность таких режимов.

ГЯП, Вассенаарские договоренности и РКРТ ставят задачу вовлечения в орбиту устанавливаемых правил основных стран-аутсайдеров, производящих и экспортирующих чувствительную продукцию. Китай еще в 1992 г. взял обязательство следовать правилам режима РКРТ, хотя не являлся формальным его участником, и это дало основание Соединенным Штатам снять наложенные ранее на эту страну санкции. Однако наиболее щекотливым в отношениях с аутсайдерами является вопрос о предоставлении информации, так как участники многосторонних договоренностей по сложившейся практике обмениваются весьма конфиденциальной информацией, обладание которой должно накладывать на государство определенные обязательства.

Национальные системы экспортного контроля. Создание и совершенствование национальных систем экспортного контроля — это политическое решение каждого государства, берущего на себя определенные обязательства по поддержанию национальной и международной безопасности. Ключевым элементом соответствующих систем всех государств является лицензирование. Оно не предполагает введения запрета на экспорт чувствительных товаров, услуг, технологий и научно-технической информации [2]. Лицензия — это разрешение на осуществление внешнеэкономической операции, но на определенных условиях, с гарантиями того,

что поставляемые товар или технология, внесенные в особые списки, не попадут к нежелательному пользователю и не будут использованы для запрещенных (военных) целей.

Государства, присоединившиеся к неформальным многосторонним соглашениям, берут политическое обязательство инкорпорировать международные списки и рекомендованные правила в свои национальные режимы экспортного контроля. Но при этом выполнение правил, одобрение лицензий, санкции остаются прерогативой отдельных государств. Вот почему национальные системы можно считать первой линией защиты против распространения продукции и технологий, которые могут быть использованы при производстве ОМУ.

Ускоряющиеся процессы глобализации способствуют формированию международной системы многомерной взаимозависимости, что усложняет задачи экспортного контроля. Государства пытаются адаптировать его механизмы к новым реалиям. Но ужесточение контроля не тождественно усилению его эффективности, которая более зависит от ряда иных моментов. Например, все большее внимание уделяется вопросам конечного использования товаров и технологий. Экспортеры несут ответственность за то, чтобы поставляемая ими продукция двойного применения использовалась в декларируемых целях. Государственные органы обычно разрабатывают методику распознавания ненадежных импортеров, опирающуюся на выявление определенных сигналов об их неблагонадежности, так называемых «красных флажков».

Далее, большинство стран, участвующих в многосторонних режимах, уже ввело в свои национальные законодательства так называемое положение о всеобъемлющем контроле (catch-all), позволяющее государству регулировать передачу товаров и технологий, не включенных в контрольные списки, если имеется подозрение, что указанная продукция будет использоваться в программах по производству ОМУ. Введение этого правила аргументируется невозможностью бесконечно расширять контрольные списки по мере развития науки и техники. Однако существуют значительные различия в трактовке этого правила и механизмах его реализации различными государствами. Причем главная проблема для экспортеров заключается в недостатке информации о конечных пользователях и конечном использовании экспортируемой ими продукции при вовлеченности многочисленных посредников, реэкспортеров и зачастую подставных фирм. Практика показала, что очень трудно отследить различные многоходовые посреднические схемы не-

легального приобретения чувствительных товаров и технологий через подставные компании, с помощью «серых брокеров». Здесь традиционные механизмы экспортного контроля оказались малоэффективны. Поэтому сфера брокерства становится приоритетным направлением совершенствования системы экспортного контроля.

Государства пытаются охватить контролем все каналы международного трансферта технологий включая так называемые неосязаемые формы передачи технологий. К таким каналам относятся, во-первых, визуальные контакты (научные конференции, встречи, дискуссии, научные обмены, выступления, инспекции, консультации, демонстрации, техническая помощь, лекции, семинары, обучение, в том числе обучение иностранных студентов, и т. д.) и, во-вторых, общение по электронной почте, факсу, телефону. Понятно, что такого рода контроль исключительно трудно осуществить и он сплошь и рядом вступает в столкновение с демократическими нормами и свободами, развитием международных научно-технических связей.

Более существенное внимание уделяется проблемам безопасности транспортировки подконтрольной продукции, особенно надежности транзитных перевозок. Государства прилагают усилия по обучению экспортеров правилам экспортного контроля, повышению их информированности.

Углубление международного сотрудничества в настоящее время является магистральным направлением повышения эффективности экспортного контроля. Даже государства, которые не присоединились к многосторонним режимам, стремятся гармонизировать национальные контрольные списки и правила с международными, чтобы помочь национальной экономике интегрироваться в мировое хозяйство.

Региональный уровень экспортного контроля. На пространстве бывшего Советского Союза по инициативе России предпринимаются попытки сформировать гармонизированную систему экспортного контроля. Однако принятые в рамках СНГ документы фактически остаются чисто декларативными.

Более существенные результаты были достигнуты в рамках Евразийского экономического сообщества. В октябре 2003 г. участники этой организации подписали Соглашение о едином порядке экспортного контроля государств-членов. В сентябре 2004 г. на его основе утверждены типовые контрольные списки и общие требования к порядку осуществления экспортного контроля. В 2005 г. были одобрены единые правила процесса получения лицензий.

Однако названные нормативы и правила войдут в силу лишь после того, как все государства-участники ратифицируют указанное соглашение [3].

Возможности формирования режима экспортного контроля на региональном уровне можно проанализировать на примере Европейского сообщества, которому удалось довольно четко разделить полномочия между национальными и наднациональными органами в соответствующей области. Система экспортного контроля западноевропейских стран была сформирована в годы Второй мировой войны. Во Франции она была создана декретом 1944 г. В Великобритании до недавнего времени действовал закон 1939 г. об экспорте, импорте и полномочиях таможни, в рамках которого были сформулированы правила контроля над стратегическим экспортом. В целом 13 западноевропейских государств наряду с США, Канадой, Японией и Австралией были членами Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ), призванного не допустить торговлю чувствительными товарами и технологиями с противниками из советского лагеря. Все правила и стандарты, сформулированные в рамках координационного комитета до его ликвидации после окончания «холодной войны» в 1994 г., выполнялись на национальном уровне.

Интеграция экономических и политических структур, устранение границ внутри Европейского союза поставили государства-участники перед проблемой гармонизации политики экспортного контроля и разделения полномочий между национальными правительствами и основным наднациональным органом — Комиссией ЕС. Все государства ЕС являются участниками МАГАТЭ и Европейского сообщества по атомной энергии (ЕВРАТОМ), которое начало свою деятельность с 1 января 1958 г. Глава 7 договора об учреждении ЕВРАТОМа посвящена ядерным гарантиям. Эти гарантии применяются Комиссией, которая в соответствии с договором обязана удостовериться в том, что гражданские ядерные материалы не отвлекаются получателем для использования в незаявленных целях. Участники ЕВРАТОМа представляют отчетность по ядерным материалам в инспекторат Комиссии, а инспекторы Комиссии получают доступ ко всем местам, данным и лицам в той мере, какая необходима для проверки соблюдения положения о недопущении переключения ядерных материалов на незаявленные цели.

В 1992 г. Комиссия осуществила исследование состояния режимов экспортного контроля государств — членов Евросоюза. Было проведено сравнение ключевых элементов этих систем, а также

контрольных списков продукции, относящейся к ядерной области. Исследование выявило значительные различия в национальных списках. В частности, во французском списке отсутствовало 14 позиций из международного списка [4]. В 1994 г. Совет ЕС на основании ст. 133 Римского договора, определяющей общую внешнеторговую политику, сформировал «переходный» единый режим контроля над экспортом продукции двойного назначения. Был разработан общий контрольный список и декларирован принцип взаимного признания экспортных лицензий государств, входящих в ЕС. В 2000—2002 гг. был принят ряд новых нормативных документов, которые стали краеугольным камнем правовой основы современной системы экспортного контроля ЕС и ее членов. 28 сентября 2000 г. вступил в силу Регламент ЕС 1334/2000 о контроле над экспортом продукции и технологий двойного назначения [5]. Принятые акты гарантируют обеспечение добросовестных торговых операций между странами-членами и сотрудничество государственных учреждений. В рамках ЕС свободное обращение продукции двойного назначения является общим правилом. Однако для наиболее чувствительной продукции ограничения сохраняются.

В документе определено разделение полномочий между Комиссией и членами ЕС. На наднациональном уровне разрабатывается общий контрольный список, в основу которого положены списки многосторонних режимов ЭК. Объектами контроля являются товары, технологии и программное обеспечение двойного назначения. Контролю подлежат и неосязаемые формы передачи технологий по факсимильной, телефонной или электронной связи за пределы ЕС. Исключение делается для передачи технологий, имеющих статус общественного достояния, и для фундаментальных исследований. Регламент 1994 г. включил принцип «всеобъемлющего контроля» в национальные законодательства государств-участников, а Регламент 2000 г. расширил масштабы его действия.

Лицензии выдаются на национальном уровне. Участники Евросоюза еще раз подтвердили взаимное признание лицензий. Кроме того, принята политика выдачи общего разрешения на экспорт широкого круга товаров двойного назначения в ограниченное число стран (так называемый «Белый список»: Австралия, Канада, Япония, Новая Зеландия, Иордания, Швейцария, США). Однако на ядерный экспорт в любую страну выдаются только индивидуальные лицензии.

Одно из достижений нового режима экспортного контроля — установление консультационного механизма. Каждое государство-

член перед тем, как выдать лицензию на поставку, в которой импортеру было отказано другим участником ЕС, должно проконсультироваться с государством, не одобрившим аналогичную поставку, и выяснить причины отказа. Если же после консультации будет принято решение о выдаче экспортной лицензии, то государство-член должно не только проинформировать об этом Комиссию и партнера, первоначально отказавшего в выдаче лицензии, но и обосновать свое решение.

Совет Европы в июне 2000 г. также принял еще один документ — Объединенную акцию в отношении контроля в области технической помощи. Она определяет правила регулирования передвижения лиц за пределами ЕС [6]. Совместная акция не действует в тех случаях, когда техническая помощь предоставляется одной из стран, перечисленных в «Белом списке», который составлен согласно Регламенту Евросовета 1334/2000, она не применима также в тех случаях, когда техническая помощь ведет к передаче информации, которая доступна общественности или входит в разряд фундаментальных научных исследований [7].

В июне 2003 г. на заседании в Салониках было решено, что предотвращение распространения оружия массового уничтожения должно быть одной из приоритетных задач Европейского союза, причем это касается как отношений между его членами, так и их отношений с другими странами. В ноябре 2003 г. Евросоюз согласовал типовую статью о нераспространении, которая должна быть включена во все будущие соглашения между его членами и третьими странами. В декабре 2003 г. ЕС утвердил «Стратегию предотвращения распространения оружия массового уничтожения». Принятие наднационального Регламента 1994 г., а затем нового Регламента 2000 г. коренным образом изменили соответствующее законодательство стран — участниц Сообщества. Члены ЕС в 2004 г. провели взаимный анализ политики и практики в области экспортного контроля, чтобы обеспечить распространение передового опыта.

Перспективы экспортного контроля в свете резолюции Совета Безопасности ООН № 1540. Традиционные инструменты нераспространения требуют совершенствования перед лицом новых угроз попадания ОМУ и соответствующих материалов в руки террористических групп. Разоблачение международной сети подпольных торговцев ядерной технологией и компонентами, организованной руководителем пакистанского ядерного проекта А. К. Ханом, выявило существование черных рынков продукции

в ядерной области. Назрела настоятельная необходимость в разработке всеобъемлющего, юридически обязывающего документа, ставящего эффективные барьеры на пути попадания ОМУ, относящихся к нему материалов и средств их доставки в руки негосударственных субъектов, прежде всего террористов.

Действуя в этом направлении, Совет Безопасности ООН 28 апреля 2004 г. единогласно принял резолюцию № 1540, представленную его постоянными членами. Совет Безопасности организовал открытые дебаты по проекту резолюции, пригласив к участию в них всех членов ООН. В обсуждении приняли участие представители более 50 стран. Ее принятие свидетельствует о том, что сообщество готово координировать свои действия в ответ на угрозу применения ОМУ террористическими структурами [8]. В декабре 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию № 59/80 «Меры по предотвращению приобретения террористами оружия массового уничтожения», в которой содержится ссылка на резолюцию № 1540.

В соответствии с п. 4 постановляющей части резолюции в рамках Совета Безопасности был создан Комитет 1540, перед которым поставлена задача содействовать полномасштабному выполнению резолюции всеми членами ООН. Комитет учрежден на период продолжительностью не более двух лет. В его состав входят представители всех членов Совета Безопасности. Комитет приступил к работе 11 июня 2004 г. 5 декабря он представил первый доклад, а 16 декабря 2005 г. — второй. К ним приложены национальные доклады. К назначенному сроку (28 октября 2004 г.) были получены доклады лишь от 60 государств. Однако на 30 декабря 2005 г. национальные доклады представили 124 государства (а также Европейский союз).

Резолюция № 1540 принята на основании положений гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии», что делает ее обязательной для выполнения всеми членами ООН.

Постановляющая часть резолюции № 1540 содержит 12 пунктов. Обходя вопрос об определении термина «терроризм», она обязывает все государства — члены ООН воздерживаться от оказания в любой форме поддержки негосударственным субъектам, которые пытаются разрабатывать, приобретать, производить, обладать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки. В соответствии со своими национальными процедурами государства обязуются

принимать и эффективно применять соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту участвовать в любых из вышеупомянутых действий, равно как участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование. Они должны принимать и применять эффективные меры в целях установления национального контроля для предотвращения распространения этого оружия и средств его доставки, в том числе контроля над относящимися к ним материалами.

С точки зрения перспектив экспортного контроля следует обратить внимание на п. 3(d), требующий «устанавливать, совершенствовать, пересматривать и поддерживать надлежащий эффективный контроль на национальном уровне за экспортом и трансграничным перемещением таких предметов, включая надлежащие законы и нормативные акты по контролю за экспортом, транзитом, трансграничным перемещением и реэкспортом, и меры контроля за предоставлением средств и услуг, относящихся к такому экспорту и трансграничному перемещению, таких, как финансирование и транспортировка, которые способствовали бы распространению, а также устанавливать меры контроля над конечным пользователем; и устанавливать и применять надлежащие меры уголовной и гражданской ответственности за нарушение таких законов и нормативных актов в области экспортного контроля». Кроме того, признается практическая значимость для выполнения резолюции эффективных контрольных списков (п. 6), являющихся ключевым элементом режимов экспортного контроля.

В конце резолюции дается определение термина «продукция двойного назначения» (с оговоркой, что приведенная формулировка действительна только для целей данного документа): «Материалы, относящиеся к ядерному, химическому и биологическому оружию и средствам его доставки: материалы, оборудование и технологии, подпадающие под действие соответствующих многосторонних договоров и договоренностей или включенные в национальные контрольные списки, которые могут быть использованы для проектирования, разработки, производства или применения ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки».

В п. 3(c) резолюция требует разрабатывать и осуществлять надлежащие эффективные меры пограничного контроля и правоприменительные меры в целях выявления, пресечения, предотвращения и противодействия, в том числе путем международного сотрудничества, когда это необходимо, незаконному обороту

и посредничеству в отношении ядерного, химического или биологического оружия, средств его доставки и относящихся к ним материалов.

Представление в Комитет 1540 национальных докладов о выполнении резолюции формирует механизм, обеспечивающий мониторинг текущего состояния национальных режимов нераспространения. Национальные доклады существенно различаются по объему и содержанию, однако они дают представление о состоянии систем экспортного контроля отдельных стран.

Выполнение резолюции № 1540 будет способствовать гармонизации национальных систем экспортного контроля, повышению стандартов применяемых инструментов. Однако было бы наивно ожидать полного практического осуществления этой задачи в ближайшее время, так как существует слишком большой разрыв в уровнях развития режимов экспортного контроля различных государств. Следует также учитывать разные подходы к проблемам нераспространения. Это можно заметить при внимательном чтении декларативной части Резолюции. Многие государства включили в национальные доклады положения о своем видении проблем разоружения и нераспространения ОМУ. Кроме того, даже принятие стандартных систем экспортного контроля отнюдь не гарантирует их добросовестного и эффективного применения отдельными государствами. Наконец, нельзя забывать, что резолюция № 1540 относится только к передаче с разрешения государств контролируемых материалов и технологий негосударственным субъектам.

По иронии судьбы резолюция № 1540, в значительной мере вызванная к жизни скандалом черного рынка А. К. Хана, как раз применительно к такому случаю едва ли возымела бы эффект, поскольку нелегальные сделки осуществлялись высокими пакистанскими должностными лицами (мало кто верит, что А. К. Хан мог один совершенно скрытно развернуть столь бурную деятельность). А ведь именно государству, по логике упомянутой резолюции, надлежит осуществлять контроль над экспортом критических материалов и технологий. Получателями продукции черного рынка были зачастую частные фирмы, но и они едва ли могли бы действовать без санкции своих правительств, т. е. реально импортерами тоже были государства (КНДР, Иран, Ливия и др.).

Поэтому важно не только совершенствовать соответствующую национальную правовую базу, но и сформировать эффективные механизмы ее выполнения государствами, а также разработать

контрольные структуры и методы со стороны ООН, МАГАТЭ или других международных организаций. Было бы полезно, чтобы как Комитет 1540, так и независимые эксперты предложили конкретные рекомендации в этой области.

Национальные режимы отдельных государств

Рассмотрение национальных режимов экспортного контроля целесообразно разделить на положение в легитимной ядерной пятерке, в ядерных государствах, не присоединившихся к ДНЯО (Индия, Пакистан, Израиль), а также в странах — потенциальных поставщиках технологий, чувствительных с точки зрения нераспространения ОМУ.

Ядерная пятерка. США, Россия, Франция и Великобритания являются партнерами по многосторонним режимам: Комитету Цангера, ГЯП, РКРТ, Вассенаарским договоренностям. Россия не является членом Австралийской группы. Китай участвует в деятельности Комитета Цангера, в 2004 г. он присоединился к ГЯП. 12 февраля 2004 г., выступая на конференции по разоружению в Женеве, посол Китая по вопросам разоружения объявил, что эта страна намерена присоединиться к Режиму контроля за ракетными технологиями и что переговоры с РКРТ по этому вопросу уже начались [9].

США. Хотя многие государства-поставщики имеют системы экспортного контроля, схожие с американской, никакое другое государство не сформировало столь всеобъемлющую, сложную, и одновременно достаточно транспарентную инфраструктуру контроля над экспортом ядерной продукции, как США. Закон об атомной энергии 1954 г. с последующими изменениями, Закон о нераспространении ядерного оружия 1978 г., Закон о контроле над экспортом вооружений 1976 г. и Закон о регулировании экспорта 1979 г. с последующими дополнениями [10] составляют правовую основу политики США по нераспространению ядерного оружия и контролю за экспортом.

За контроль над передачей ядерной технологии и оказание технической помощи несет ответственность Министерство энергетики США. Только министр энергетики (с согласия Государственного департамента и после согласования с министерствами обороны и торговли, Комиссией по ядерному регулированию)

может дать разрешение каким-либо лицам принимать участие прямым или косвенным образом в производстве специальных ядерных материалов за пределами США. Полномочия по лицензированию экспорта ядерной продукции и продукции двойного назначения распределены между тремя ведомствами:

• перечень материалов и оборудования, в большой степени соответствующий так называемому «Исходному списку», контролируется Комиссией по ядерному регулированию;

• лицензирование оборудования, материалов и технологий двойного применения по контрольному списку (Control List), в том числе связанных с ядерной областью, осуществляет Министерство торговли, которое при необходимости проводит межведомственное согласование;

• Государственный департамент несет ответственность за все решения, связанные с передачей продукции военного назначения (Munition List), в том числе оборудования, материалов и технологий для применения в программах по ядерному оружию и в программах по морским ядерным силовым установкам.

Экспортный контроль занимает высокое место в иерархии интересов национальной безопасности США. Американское законодательство требует от администрации разработки не только списков продукции и технологий, подлежащих экспортному контролю, но и списков контролируемых стран, в отношении которых проводится дифференцированная политика в этой сфере. Разработан набор критериев дифференциации стран, включающий много факторов, в том числе соблюдение принципа нераспространения, развитость системы экспортного контроля данной страны и ее взаимоотношения с США в области ядерной торговли. Соединенные Штаты широко используют положение «всеобъемлющего контроля» (catch-all) в осуществлении экспортного контроля в целях нераспространения ОМУ. Его практическое применение облегчается наличием «черного списка» стран. В 2003 г. США расширили сферу применения всеобъемлющего контроля: теперь он также распространяется на возможные поставки не попавшей в списки контроля продукции террористическим организациям, государствам и фирмам, сотрудничающим с террористами.

В политике США особенно ясно прослеживается стремление контролировать все каналы передачи чувствительной продукции и технологии включая неосязаемые технологии. Разработан механизм контроля за «предполагаемым экспортом» (deemed export), когда иностранец нанимается отечественной компанией или по-

сещает предприятие. Законодательство США предусматривает гражданскую и уголовную ответственность за нарушение экспортного контроля. Министерство торговли в своих ежегодных отчетах публикует данные о случаях его нарушения и о принятых мерах наказания. Администрация эффективно использует инструментарий поощрений и наказаний. С одной стороны, в США расследование нарушений, как правило, доводится до суда. С другой стороны, в системе экспортного контроля есть стимулы (например, специфические лицензии, выдача которых облегчает поставки за границу), поощряющие экспортеров неукоснительно соблюдать установленные правила. Американское законодательство включает положения, предусматривающие экстерриториальный характер санкций, что приводит к конфликтам в отношениях США с торговыми партнерами.

Американские ведомства уделяют огромное внимание информационному обеспечению системы экспортного контроля. Сравнительный анализ систем экспортного контроля США, России и западноевропейских стран показывает, что американское промышленное и научное сообщества лучше информированы и больше вовлечены в процесс принятия решений по вопросам экспортного контроля на всех уровнях: на уровне законотворчества при прохождении законопроектов в Конгрессе, при разработке списков контроля, при подготовке к встречам участников многосторонних режимов.

В США проводится наиболее жесткий курс экспортного контроля, до сих пор сохраняются односторонние ограничения, хотя они, несомненно, подрывают конкурентоспособность американских экспортеров на мировых рынках. Сила американской системы в том, что государство сумело сформировать общественное мнение в поддержку политики нераспространения ОМУ. Однако и лоббирование промышленного сообщества в пользу смягчения ограничений наиболее велико именно в США. В ходе своей избирательной кампании Дж. Буш обещал смягчить условия экспортного контроля в целях укрепления внешней конкурентоспособности американских корпораций. Однако трагические события 11 сентября 2001 г. усилили позиции сторонников его ужесточения. Недаром в течение последних десяти лет США не могут принять новый закон об экспортном регулировании.

Американский механизм экспортного контроля обладает большой эффективностью по пресечению запрещенной деятельности и блокированию лоббистского давления. Вместе с тем механизм

градации стран по степени их надежности и экстерриториальный характер применяемых санкций делают систему экспортного контроля США сверхполитизированной. При этом понятно, что никакой административно-правовой механизм сам по себе не гарантирует от ошибок на высшем политическом уровне, и именно ими обусловлен ущерб, наносимый Вашингтоном международному режиму нераспространения в последние годы.

Россия. Контроль за внешнеэкономическими операциями с чисто ядерными предметами, а также с товарами и технологиями двойного применения введен российским государством прежде всего как компонент политики нераспространения ОМУ. Закон «Об экспортном контроле», принятый в 1999 г., закрепил термин «экспортный контроль» именно за этой сферой [11]. Как и в США, понятие «экспорт» трактуется в России расширительно. Закон 1999 г. уточнил сферу контроля, кодифицировав такой термин, как «внешнеэкономическая деятельность», которая определяется как «внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность)». Речь идет не только о поставках товаров и технологий за границу, но и об их передаче иностранному лицу на территории Российской Федерации.

Как видно из определения внешнеэкономической деятельности, контролируется не только передача продукции в материальной форме, но и трансферт технологий. В примечании к контрольным спискам к технологии относится специальная информация, которая требуется для разработки, производства или использования какой-либо продукции. Информация может принимать форму технических данных или технической помощи, определение которых близко к формулировкам, принятым в законодательствах США и ЕС.

В нормативные документы по экспортному контролю вошли положения, оговаривающие контроль за передачей технологий. Например, в п. 3 «Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружения и военной техники» декларируется, что контроль включает в себя, во-первых, разрешительный порядок вывоза из России (кроме вывоза в режиме транзита) и (или) передачу контролируемой продукции иностранным лицам или международным организациям любым способом, включая пересылку

в почтовых отправлениях или по электронным каналам связи, и, во-вторых, таможенный контроль и таможенное оформление перемещаемых через таможенную границу России контролируемых оборудования, товаров и технологий в форме технических данных. В примечании есть оговорка, что контролю не подлежат технологии, относящиеся к категории «общедоступной» и к фундаментальным научным исследованиям.

В январе 1998 г. российское правительство ввело правило «всеобъемлющего контроля» (catch-all). Статья 20 закона 1999 г. кодифицирует это правило. Так как Россия в своей политике отвергает страновой подход, то это правило очень трудно применять на практике.

Разработан механизм идентификации товаров и технологий двойного назначения. 17 организаций получили право на осуществление деятельности в области независимой идентификации продукции для целей экспортного контроля. Основным органом, отвечающим за практическое осуществление экспортного контроля, является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, подведомственная Министерству обороны. Она организует межведомственную государственную экспертизу заявок экспортеров и на ее основе выдает лицензии.

По закону «Об экспортном контроле» создание внутрифирменных систем экспортного контроля носит обязательный характер для организаций, «осуществляющих научную и (или) производственную деятельность по обеспечению федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации и систематически получающих доходы от внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами и технологиями» (ст. 16). При этом генеральную лицензию могут получить лишь организации, создавшие внутрифирменные программы и получившие особые свидетельства о государственной аккредитации.

В России большое внимание уделяется обучению экспортеров. Во многом эту функцию взяли на себя неправительственные организации (например, Центр по проблемам экспортного контроля). Следует отметить, что «Росатом» разработал методические пособия и постоянно проводит семинары и брифинги по вопросам экспортного контроля в подведомственных организациях.

Несоблюдение требований законодательства влечет за собой уголовную и административную ответственность, причем последняя применяется как к физическим, так и к юридическим лицам.

Как и во многих других сферах, основные проблемы сейчас связаны с эффективностью практического применения весьма совершенных законодательных норм. В России институт лоббирования законодательно не оформлен. Лоббирование мощных государственных ведомств, научных и промышленных организаций, заинтересованных в экспорте ядерных материалов и технологий, не имеет серьезного противовеса в лице законодательной или судебной власти, правоохранительных органов, СМИ и институтов гражданского общества. Подведомственность Федеральной службы по экспортному контролю Министерству обороны тоже представляется весьма спорным принципом.

Органы экспортного контроля постоянно испытывают давление ведомственных интересов. Российский государственно-корпоративный ядерный комплекс в большей мере воспринимает экспортный контроль как помеху его конкурентоспособности за рубежом, а предлагаемые извне меры ужесточения экспортного контроля — как попытки вытеснить его с мировых рынков этой продукции. Ситуация усугубляется хроническим дефицитом бюджетного финансирования ядерного комплекса, что превратило экспорт во многом в способ его выживания, а не просто получения дополнительных доходов. Ко всему прочему ядерный экспорт — это одна из немногих крупных статей российского экспорта высоких технологий, хотя бы в некоторой степени балансирующая общую сырьевую ориентацию торгового баланса страны. Поэтому против его ограничений работают также серьезные соображения государственного престижа на мировой арене.

Великобритания является членом всех неформальных многосторонних договоренностей об экспортном контроле. На основе принятых в их рамках решений она составила и регулярно обновляет национальные списки для контроля за экспортом. Помимо этого списки товаров и изделий, подлежащих контролю, составляются в соответствии с «Европейским постановлением о товарах двойного назначения». Более того, изменения в контрольных списках многосторонних режимов воспроизводятся в европейском постановлении 1334/2000, дополненном постановлением 1504/2004, и, таким образом, имеют непосредственное применение в британском праве.

Соединенное Королевство имеет «Соглашение о гарантиях», заключенное с МАГАТЭ и ЕВРАТОМом, которое содержит добровольное предложение Лондона относительно проведения инспекций. 30 апреля 2004 г. вступил в силу дополнительный протокол

к этому соглашению. Закон 2000 г. о ядерных гарантиях дает необходимые полномочия на сбор информации и доступ инспекторам МАГАТЭ, как того требует Дополнительный протокол 1997 г.

Базовыми законами являются Закон о борьбе с терроризмом и преступностью и об обеспечении безопасности (2001 г.), Закон о контроле за экспортом (2002 г.), а также Закон о биологическом оружии (1974 г.) и Закон о химическом оружии (1996 г.).

Главным органом Великобритании, отвечающим за координацию стратегий противодействия распространению, является Комитет по противодействию распространению. Он был образован в июле 2002 г. и стал заниматься как разработкой политики, так и оперативными вопросами, которые до этого относились к компетенции различных органов. В состав Комитета входят старшие чиновники соответствующих министерств и разведывательных органов.

Кроме того, существует межведомственный орган — Группа экспортного контроля. Ее работой руководит Министерство торговли и промышленности, и в нее входят представители целого ряда министерств и ведомств. Группа содействует сбору и распространению информации о попытках нарушить действующие в Великобритании правила экспорта или осуществить поставку товаров двойного назначения странам или организациям, которые вызывают озабоченность. Она также разрабатывает рекомендации относительно необходимых мер противодействия таким нарушениям.

Таможенно-акцизное управление несет главную ответственность за предотвращение импорта и экспорта товаров, подлежащих контролю. В его функции также входит расследование правонарушений и принятие соответствующих мер включая судебное преследование правонарушителей в соответствии с законом 1996 г. об Уголовно-процессуальном кодексе. Закон о таможне и акцизах (1979 г.), Таможенный кодекс Европейского сообщества (ЕС2913/92) и Закон о финансах (1994 г.) дают право сотрудникам таможни затребовать информацию, касающуюся импортируемых или экспортируемых товаров. Если есть основания полагать, что декларация о конечном пользователе сфальсифицирована, эти товары могут быть задержаны, а затем конфискованы. Упомянутый закон дает также таможенникам, полицейским, береговой охране и вооруженным силам право (с соблюдением права мирного прохода через территориальные воды на основании Конвенции по морскому праву) останавливать и досматривать зарубежные транспорт-

ные средства при наличии подозрения, что на них перевозятся запрещенные грузы. Закон о таможне и акцизах устанавливает также уголовную ответственность за нарушение правил экспортного контроля. Максимальная мера наказания за это правонарушение — десять лет лишения свободы и штраф неограниченного размера [12].

Великобритания разработала программу «Цикламен», дающую возможность на постоянной основе досматривать все виды грузов в пунктах въезда в Соединенное Королевство в целях выявления незаконной перевозки радиоактивных материалов. Эта программа является одним из ключевых элементов деятельности государства по борьбе с терроризмом. Ее испытания начались в 2002—2003 гг., а внедрение предполагается завершить в 2006 г.

В 2002 г. был принят базовый Закон о контроле за экспортом. Он вступил в силу 1 мая 2004 г. после того, как были разработаны необходимые подзаконные акты, которые вступили в силу в то же время. Закон заменил существовавшие до него законодательные акты по экспортному контролю, а подзаконные акты ввели в действие целый ряд новых контрольных механизмов. Закон требует лицензирования поставок военной техники, когда эти операции целиком или частично осуществляются на территории Соединенного Королевства. Был установлен экстерриториальный контроль в отношении граждан Великобритании, деятельность которых содействует поставкам военной техники в запрещенные районы или способствует экспорту инструментов пыток и ракет дальнего действия. Этот закон устанавливает также новые меры контроля за передачей за рубеж военных технологий электронными средствами, за передачей определенных технологий любыми средствами, а также за оказанием технической помощи за рубежом, если она предназначена или может быть использована для осуществления ядерной, химической или биологической программы. Максимальная мера наказания за нарушение этого закона — лишение свободы на срок до десяти лет и штраф неограниченного размера.

Указ «Об экспорте товаров, передаче технологий и оказании технической помощи» (2003 г.) предусматривает новые меры контроля за передачей технологий и пакетов программ военного назначения с помощью электронных средств, за передачей любыми способами технологий, связанных с ядерным, химическим или биологическим оружием, и за оказанием технической помощи в связи с такими программами.

Постановление от 11 августа 2004 г. относит к серьезным правонарушениям несанкционированное разглашение технологий обогащения урана.

Указ «О контроле за торговлей товарами» (2003 г.) устанавливает новые меры контроля за торговлей (включая посредничество при поставке) военными, полувоенными и некоторыми другими товарами между странами за пределами Соединенного Королевства. Меры контроля за торговлей специальными изделиями, в число которых входят ракеты, носят экстерриториальный характер: действия гражданина Великобритании, в какой бы точке мира он ни находился, направленные на организацию торговли такими ракетами и деталями, запрещены, если у него нет на это лицензии. Максимальная мера наказания за данные правонарушения — лишение свободы на срок до двух лет и штраф неограниченного размера.

Все вышеупомянутые законодательные акты позволяют Великобритании осуществлять высокоэффективный контроль за экспортом продукции, находящейся в контрольных списках многосторонних режимов.

Франция. Хотя Франция присоединилась к ДНЯО только в 1992 г., она является членом всех неформальных многосторонних договоренностей об экспортном контроле, на основе которых составляются и регулярно обновляются национальные списки для контроля за экспортом. Помимо этого списки товаров и изделий, подлежащих контролю, составляются в соответствии с «Европейским постановлением о товарах двойного назначения», законом «О защите ядерного материала и контроле за ним» № 80-572 от 25 июля 1980 г. Изменения в контрольных списках многосторонних режимов воспроизводятся в европейском постановлении 1334/2000, дополненном постановлением 1504/2004, и, таким образом, имеют непосредственное применение во французском праве.

20 декабря 2004 г. был отменен закон «О защите ядерного материала и контроле за ним» № 80-572 от 25 июля 1980 г. Пересмотренные положения этого закона были включены в Кодекс обороны (ст. L1333-1—L1000-13). Этот законодательный акт требует получения предварительного разрешения для осуществления импорта, экспорта, разработки, хранения, передачи, использования и перевозки ядерного материала. За нарушение установленных правил предусматривается наказание в виде лишения свободы на десять лет и штрафа в размере 7,5 млн евро.

В стране сформирована сложная инфраструктура национальной системы экспортного контроля. Европейское постановление о контроле за товарами двойного назначения дополняется во Франции межведомственным механизмом контроля (в котором, в частности, участвуют Генеральный секретариат национальной обороны, а также министерства экономики, финансов и промышленности, иностранных дел, обороны и внутренних дел). Генеральный секретариат национальной обороны, являющийся службой премьер-министра, отвечает за межведомственную координацию вопросов обороны и безопасности и обеспечивает координацию межведомственных процедур контроля за экспортом предметов, материалов и технологий двойного назначения.

Заявки на экспорт вооружений рассматриваются Межведомственной комиссией по изучению вопросов экспорта военных материалов, которая представляет заключение относительно целесообразности экспорта. В нее входят представители заинтересованных министерств, а председателем является генеральный секретарь национальной обороны. Комиссия реализует на практике принципы, установленные правительством, в частности, принцип запрещения оказания любого содействия распространению оружия массового уничтожения и средств его доставки.

Большую роль в системе экспортного контроля играет Министерство обороны, представители которого входят в состав межведомственных органов, занимающихся вопросами экспорта боевого оружия или товаров двойного назначения. Министерство руководит работой межведомственного органа, занимающегося экспортом ядерных материалов. Разрешения на экспорт товаров военного и двойного назначения выдает Генеральное управление таможни и косвенного налогообложения. Помимо органов, контролирующих деятельность, которая может иметь последствия в плане распространения, функции по предупреждению и пресечению выполняют также судебные органы и службы безопасности.

Во Франции была создана специальная служба судебной полиции по пресечению оборота оружия, взрывчатых веществ и материалов двойного назначения. Используются надлежащие методы выявления и анализа риска с применением в стратегических пунктах въезда на территорию страны (в портах, аэропортах и зоне таможенной очистки почтовых отправлений) аппаратуры обнаружения, в частности детекторов ионизирующего излучения. Эта деятельность осуществляется во взаимодействии с Комиссариатом по атомной энергии. В этой связи таможенным службам порта

Гавра было поручено проведение эксперимента в рамках проекта «Евритрак», направленного на обнаружение и точную идентификацию ядерных, химических, биологических материалов, которые могут быть спрятаны в контейнерах. Базы таможенных данных французских портов связаны друг с другом, что также облегчает проведение целевого досмотра товаров.

Кроме того, таможенные службы на местах передают всю информацию, касающуюся распространения, Национальному управлению разведки и таможенных расследований, которое в централизованном порядке собирает данные и проводит аналитическую работу на основе сведений из открытых и закрытых источников во взаимодействии со Службой взаимной международной административной помощи.

Во Франции в марте 1993 г. принято межведомственное положение «О защите интеллектуальной собственности в области науки и технологий» № 486, определяющее механизмы контроля за «устными передачами технологий» во время стажировок, лекций и т. д. Согласно этому документу, чтобы принять на режимном предприятии или предприятии с контролируемым доступом посетителя или стажера, не являющегося гражданином страны — члена ЕС, руководитель этого предприятия должен запрашивать разрешение курирующего старшего сотрудника по вопросам обороны.

В соответствии с постановлением 3227/76 о применении положений ЕВРАТОМа «О контроле за безопасностью ядерных материалов» Комиссии предоставляются все данные отчетности по этим материалам, а также сведения об установках, содержащих эти материалы. В качестве примера можно указать, что в 2002 г. Комиссия провела 2500 человеко-дней инспекций на французских объектах, где имеются ядерные материалы, используемые в гражданских целях [13]. Франция также приняла обязательства в рамках добровольного предложения гарантий Франции/ЕВРАТОМа/МАГАТЭ (информационный циркуляр 290). С учетом этих договоренностей МАГАТЭ проводит инспектирование указанных объектов. Кроме того, в соответствии с циркулярами 207, 290 и 415 Агентству регулярно представляется информация об импорте и экспорте обогащенной руды и ядерных материалов. 30 апреля 2004 г. Франция ратифицировала Дополнительный протокол 1997 г.

Китай. Как и Франция, КНР только в 1992 г. присоединилась к ДНЯО. Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ было подписано раньше, в 1985 г. За последние несколько лет в политике Китая

в сфере ядерного нераспространения и экспортного контроля наметились позитивные сдвиги. Об этом свидетельствует опубликование «Белой книги по нераспространению» в 2003 и 2005 гг. Китай достиг прогресса в усилении своей системы экспортного контроля, в том числе принял правила и контрольные списки, которые в существенной степени соответствуют спискам многосторонних режимов экспортного контроля.

В 1997—1998 гг. в КНР были опубликованы «Список контроля ядерного экспорта» и «Список товаров и соответствующих технологий двойного назначения, используемых в ядерной области». По словам специалистов, в Китае существовал и неопубликованный перечень контролируемых ракетных технологий [14]. 22 августа 2002 г. премьер Государственного совета КНР Чжу Жунцзи подписал постановление, одобряющее «Правила Китайской Народной Республики по контролю над экспортом ракет и ракетных материалов и технологий». Согласно новым правилам китайские экспортеры должны получать лицензию на экспорт баллистических и крылатых ракет, ракетных двигателей, беспилотных летательных аппаратов, а также связанных с ними технологий, включенных в контрольный список, который был также опубликован. Импортер обязан гарантировать, что полученная продукция будет использоваться для заявленной цели и не будет реэкспортирована без согласия правительства Китая [15]. В КНР ядерным экспортом могут заниматься исключительно компании, назначенные Государственным советом. Управление по атомной энергии отвечает за контроль над ядерным экспортом, а Министерство коммерции выдает разрешение на экспорт товаров двойного назначения. Таким образом, в соответствии с общепринятой моделью авторитарных государств контроль над поставками отдан исполнительным ведомствам, более всего заинтересованным в ядерном экспорте, и неясно, как работает система межведомственных согласований и насколько процесс принятия решений сбалансирован.

До вступления в ГЯП Пекин не требовал от стран, импортирующих его продукцию, применения полноохватных гарантий в качестве обязательного условия ядерного экспорта. В частности, он открыто торговал ядерной продукцией с Пакистаном и, по некоторым сведениям, с Ираном и КНДР. Остаются вопросы в отношении того, намеревается ли Китай воспользоваться «дедушкиной оговоркой» для продолжения заключенных ранее контрактов, в том числе соглашения о содействии Пакистану в строительстве второго реактора на АЭС «Чашма».

В 1998 г. США и Китай подписали «Соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерных технологий», дополнившее «Соглашение о ядерном сотрудничестве» от 1985 г. В сентябре 2003 г. в ходе генеральной конференции МАГАТЭ было подписано «Заявление о намерении по передачам ядерных технологий», содержащее гарантии того, что технологии США, переданные Китаю, не будут реэкспортированы в третьи страны. Во время официального визита в Китай в январе 2004 г. министр энергетики США С. Абрахам подписал с председателем Управления по атомной энергии Китая «Заявление о намерениях по сотрудничеству в сфере ядерного нераспространения и безопасности», определяющее общие принципы сотрудничества. Области сотрудничества поделены на две разные категории — «мирное использование энергии» и «нераспространение». В рамках сотрудничества по ядерным технологиям новый документ открывает путь для передачи дизайнов реакторов и ядерных материалов. В разделе, посвященном нераспространению, внимание сконцентрировано на экспортном контроле, ядерной безопасности и безопасности радиоактивных источников как на сферах будущего сотрудничества.

Новые правила, одобренные в КНР, приближают ее национальную систему экспортного контроля к стандартам, принятым в мировой практике. В то же время, по мнению ряда экспертов, китайское правительство сохранило за собой право избирательно выдавать лицензии, основываясь на собственной оценке рисков, связанных с определенными технологиями и конечными пользователями [16]. Эффективность новых правил контроля над экспортом товаров и технологий, связанных с ОМУ, зависит от того, как Китай будет осуществлять правоприменение.

Можно сделать вывод, что основные элементы систем экспортного контроля США, Франции, Великобритании и России в значительной степени гармонизированы. Модели систем экспортного контроля указанных стран можно считать мировыми стандартами. Все эти государства разработали списки контроля, соответствующие международным спискам, механизмы лицензирования, инфраструктуру принятия решений, механизм межведомственных согласований, инструменты правоприменения.

Однако важно подчеркнуть, что подходы к правоприменению экспортного контроля в названных государствах существенно различаются (хотя национальные законодательства всех этих стран предполагают жесткие уголовные и административные наказания за нарушения). В России правоприменение как с точки зрения

его механизма, так и практической реализации — наиболее слабое звено режима экспортного контроля. Огромное число судебных процессов против нарушителей правил экспортного контроля в США и Западной Европе свидетельствует о том, что система жестко «фильтрует» недобросовестных предпринимателей.

Китай только в последние годы начал двигаться в фарватере мировых тенденций. При этом его национальная система экспортного контроля наименее транспарентна и будет настолько действенной, насколько инструменты командной экономики впишутся в бурно развивающийся китайский капитализм.

Ядерные державы-аутсайдеры. Три страны не присоединились к ДНЯО, однако являются членами нескольких разработанных под эгидой МАГАТЭ договоров и соглашений, которые содействуют ядерной безопасности, физической защите и техническому сотрудничеству в мирных целях.

Индия. Официальный Дели утверждает, что начал формировать систему контроля за экспортом материалов, оборудования и технологий, связанных с производством оружия массового уничтожения, в 1947 г., когда был установлен государственный контроль за экспортом моназита и азотнокислого тория.

В начале 90-х годов научные, технологические и промышленные возможности Индии достигли стадии, когда страна превратилась в потребителя и производителя широкого круга материалов, оборудования и технологий двойного назначения. Закон «Об атомной энергии» 1962 г., правила, постановления и уведомления, изданные на его основании, образуют правовую основу для регулирования различных видов деятельности, связанной с атомной энергией. Закон требует лицензии на приобретение, производство, обладание, использование, удаление, экспорт и импорт предписанных веществ и оборудования. Предписанными являются вещества, о которых уведомило правительство и которые пригодны или могут быть пригодны для производства и использования атомной энергии или для проведения соответствующих научных исследований. Предписанным является оборудование, о котором уведомило правительство и которое, по его мнению, специально предназначено, приспособлено либо используется или предназначено для использования в целях производства или утилизации любого предписанного вещества либо для производства или утилизации атомной энергии, радиоактивных веществ или радиации (ст. 2). За нарушения этих положений закон предусматривает тюремное заключение на срок до пяти лет и/или штраф (ст. 24).

Первый контрольный список «Специальные материалы, оборудование и технология» был разработан межведомственной группой, созданной правительством в 1993 г., и опубликован 31 марта 1995 г. Отдельно Департамент атомной энергии опубликовал в том же году в открытой печати уведомления, в которых перечислялись соответствующее оборудование и вещества, подлежащие экспорту лишь по выдаваемым департаментом лицензиям.

Вторая межведомственная Группа по контролю за экспортом стратегических товаров была учреждена в 1999 г. для выработки рекомендаций относительно повышения эффективности существующей системы. Генеральный директор внешней торговли издал уведомление, действующее с 1 апреля 2000 г. и содержащее конкретный список специальных химикатов, организмов, материалов, оборудования и технологий, экспорт которых либо запрещался, либо разрешался только по лицензии и при соблюдении условий, указанных в ней. Такая лицензия выдается по представлении требуемых документов включая указание конечного пользователя. Этот список в настоящее время интегрирован в перечень 2 приложения 3 индийской тарифной классификации (упорядоченная система). В перечне содержатся восемь категорий предметов и технологии двойного назначения:

• категория 0: ядерные материалы, средства и связанное с ними оборудование;

• категория 1: токсичные химические агенты и другие химикаты;

• категория 2: микроорганизмы и токсины;

• категория 3: специальные материалы, оборудование по переработке материалов и связанные с ними технологии;

• категория 4: авионика и навигация;

• категория 5: материалы, оборудование, системы и связанные с ними технологии, относящиеся к воздушному и космическому пространству;

• категория 6: зарезервирована;

• категория 7: электроника, компьютеры и информационная технология, в том числе информационная безопасность.

Действующие административные механизмы предусматривают межведомственные консультации по вопросам контроля за экспортом. Постоянная межведомственная рабочая группа регулярно собирается на совещания для принятия решений относительно заявок на лицензии. Межведомственный комитет высокого уровня по контролю за экспортом в составе старших должностных лиц

представляет собой политический форум для обсуждений и выработки решений по различным вопросам, связанным с индийской государственной системой контроля за экспортом.

За нарушения экспортного контроля предусмотрено тюремное заключение сроком до трех лет или штраф (закон «О таможнях» 1962 г.). В случае повторных нарушений срок тюремного заключения может составить семь лет. Закон «О внешней торговле» 1992 г. также уполномочивает правительство проводить обыск и конфискацию в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса 1973 г. В законе «О таможнях» содержатся также положения относительно привлечения к уголовной ответственности работников таможни за попустительство в мошеннических экспортных операциях включая те, которые приводят к нарушению положений списка 2000 г.

В июне 2005 г. Индия приняла новый закон «Об оружии массового уничтожения и средствах его доставки (запрет на незаконную деятельность)». Он стал рамочным по отношению к остальному законодательству в сфере нераспространения. Новый закон четче формулирует правила экспортного контроля, вводит более строгие меры наказания за их нарушение. Индия стремится доказать, что она обеспечивает выполнение резолюции № 1540 и совершенствует национальную систему экспортного контроля, что особенно актуально в преддверии двусторонних переговоров с США и с Россией о сотрудничестве в области ядерной энергетики. Существующая законодательная система достаточно эффективно применяется.

Пакистан. До 2004 г. в стране не было специального закона, определяющего правила контроля за экспортом продукции, имеющей отношение к ядерной области и средствам доставки ОМУ. Контроль за ядерным экспортом основывался на законе «Об импорте и экспорте» 1950 г., уполномочивающем федеральное правительство запрещать, ограничивать или контролировать импорт или экспорт товаров, а также на указе 1984 г. и «Правилах о ядерной безопасности и радиационной защите» 1990 г., в которых содержатся положения о контроле за импортом/экспортом ядерных веществ и радиоактивных материалов.

Указ 2001 г. Контрольного органа Пакистана по ядерной энергии подкрепил названные правила. Это ведомство отвечает за контроль, управление и надзор по вопросам, связанным с ядерной безопасностью и мерами радиационной защиты, а также выдает необходимое «удостоверение об отсутствии возражений» для всех

операций, связанных с импортом и экспортом любых радиоактивных материалов или источников радиации. Лица, нарушающие положения разделов 19, 20, 21, 22 и 23 указа, наказываются лишением свободы на срок до семи лет и/или наложением штрафа в размере до 1 млн рупий.

В 2004 г. вышли «Распоряжение о политике импорта» и «Распоряжение о политике экспорта», регулирующие торговлю всеми товарами. В этих документах учтены все предыдущие административные распоряжения, имеющие силу закона, и указы, периодически издаваемые правительством Пакистана. В их рамках регулируется внешняя торговля чувствительными материалами.

23 сентября 2004 г. вошел в силу закон «О контроле за экспортом товаров, технологий, материалов и оборудования, имеющих отношение к ядерному и биологическому оружию и системам их доставки»[17]. Основные элементы нового закона о контроле за экспортом таковы: контроль за экспортом, реэкспортом и транзитной перевозкой товаров, технологий, материалов и оборудования, на которые распространяется закон; широкая юрисдикция (распространяющаяся также на пакистанцев, временно находящихся или работающих за границей); предоставление права федеральному правительству передавать полномочия отдельным агентствам; учреждение Совета по надзору, задачей которого является контроль за осуществлением закона; всеобъемлющие контрольные перечни; положение «catch-all»; лицензирование; поддержание базы данных [18].

В разделе 4 закона 2004 г. предусматривается составление и обновление по мере необходимости контрольных перечней товаров и технологий, на которые распространяются требования о выдаче лицензий. Важно, что закон 2004 г. ввел удостоверение конечного пользователя. Принятое положение о всеобъемлющем контроле свидетельствует, что Пакистан сделал попытку интегрировать общепринятые правила в национальное законодательство. Для нарушителей предусматривается наказание в виде лишения свободы и наложения штрафа. В последние годы были предприняты меры по укреплению пограничного контроля; на пунктах въезда/выезда установлены сканеры и оборудование обнаружения.

Пакистан утверждает, что указ «Об осуществлении Конвенции по химическому оружию» 2000 г. и закон «О контроле за экспортом товаров, технологий, материалов и оборудования, имеющих отношение к ядерному и биологическому оружию и системам их доставки» 2004 г. обеспечивают основу для эффективного контро-

ля за национальным экспортом и переотправкой товаров и технологий, которые могут содействовать распространению [19].

Конечно, вступление в силу закона «О контроле за экспортом...» 2004 г. — это шаг на пути укрепления контроля над ядерным экспортом. Но, как показал скандал вокруг разоблачений черного рынка А. К. Хана, в Пакистане несовершенство законодательства усугублялось коррупцией, неэффективностью и идеологической ангажированностью органов государственной власти.

Израиль. Основным законодательным документом, регулирующим экспорт ядерных материалов, является постановление «Об импортно-экспортном контроле» 2004 г. (контроль за экспортом химических, биологических и ядерных материалов). Оно запрещает экспорт товаров, технологий и услуг, которые предназначены для использования в целях разработки или производства химического, биологического и ядерного оружия. Список ядерных материалов, охватываемых этим постановлением, основывается на списке Группы ядерных поставщиков. Оно также устанавливает систему лицензирования для экспорта товаров, технологий и услуг двойного назначения.

Экспорт ракетной технологии регулируется постановлением «О контроле за экспортом товаров и услуг» 1991 г. (экспорт оборудования и ноу-хау, предназначенных для целей обороны), декларацией об установлении контроля за экспортом товаров и услуг (ракетное оборудование и технология) 1995 г., а также постановлением о свободном экспорте (ракетное оборудование и технология) 1995 г.

Помимо законодательства по контролю за экспортом существует солидный свод законодательных актов, имеющих отношение к борьбе с терроризмом, в том числе с финансированием террористических организаций. В сферу их действия попадают вопросы ОМУ. Антитеррористическое законодательство включает в себя постановление «О предотвращении терроризма» (1948 г.), закон «О задержании нелегальных комбатантов» (2002 г.), соответствующие положения Уголовного кодекса Израиля, дополнительные законодательные акты на случай чрезвычайных ситуаций, а также находящиеся в разработке новые законодательные документы [20].

Израильское правительство возложило ответственность за соблюдение системы экспортного контроля на Министерство промышленности, торговли и труда, которое осуществляет эту функцию при координации с министерствами иностранных дел и обороны. Таможенное управление обеспечивает соблюдение

положений, не допускающих экспорт без лицензии продукции, связанной с ОМУ, расследование правонарушений в этой области и принятие соответствующих мер. В настоящее время Таможенное управление вместе с другими ведомствами занимается созданием автоматизированной системы, которая позволит идентифицировать грузы, относительно которых имеются подозрения (в том числе связанные с предотвращением распространения ОМУ).

В 2001 г. правительство Израиля ратифицировало Конвенцию о физической защите ядерного материала. Он поддерживает Фонд ядерной безопасности МАГАТЭ, направленный на борьбу с ядерным терроризмом. Израиль также поддержал в марте 2004 г. Кодекс поведения по вопросам безопасности и надежности радиоактивных источников МАГАТЭ и призывал другие страны поступить подобным образом.

Генеральный директор израильской Комиссии по атомной энергии Г. Франк недавно уведомил Группу ядерных поставщиков о законодательстве Израиля, касающемся контроля за экспортом ядерных материалов, и о намерении присоединиться к этому режиму [21].

Неядерные государства-поставщики. В условиях глобализации хозяйственной жизни мировой рынок наукоемких товаров и технологий расширяется, на него выходят все новые поставщики.

Аргентина является участником ДНЯО и Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко). Она присоединилась к ГЯП, РКРТ и Вассенаарскими договоренностями. При этом Аргентина включила во внутреннее законодательство (декрет № 603/92 с дополнениями) критерии и перечни ядерных, химических, биологических и ракетных материалов, предусмотренные многосторонними режимами экспортного контроля. Декретом № 603/92 и дополнительными положениями утверждены перечни контролируемой продукции: приложение A (ракетные материалы), приложение B (химические и биологические вещества, которые могут использоваться в производстве химического и биологического оружия), приложение C (ядерные и неядерные материалы, которые потенциально могут использоваться для ядерных исследований, преследующих немирные цели) и приложение D (материалы военного и двойного назначения). Эти перечни периодически обновляются в соответствии с международными критериями.

Основным органом, отвечающим за экспортный контроль, является Национальная комиссия по контролю за экспортом «специальных материалов» и предметов военного назначения, в которой представлены министерства иностранных дел, внешней торговли и культа, обороны, экономики и производства. В его работе принимают участие Главное таможенное управление и технические органы в рамках своей компетенции в зависимости от того, о контроле над какими товарами или технологиями идет речь. Декретом № 603/92 комиссия наделена полномочиями по выдаче лицензий на экспорт товаров «чувствительного характера» и двойного назначения, которые могут использоваться для производства ОМУ. Декрет № 657/1995 предусматривает, что комиссия может до выдачи разрешения требовать представления сертификата конечного пользователя, чтобы удостовериться в том, что передаваемые материалы не будут использоваться для целей распространения. Хотя указанное требование в соответствии с законодательством предусмотрено специально в отношении операций по продаже материалов военного назначения, комиссия также требует представления таких сертификатов в отношении «чувствительных» материалов и материалов двойного назначения. Особо важным элементом в сфере национального контроля за международной передачей «чувствительных» предметов или предметов двойного назначения является положение о всеобъемлющем контроле.

Существуют определенные операции в ядерной области, которые запрещены тем же декретом № 603/92 и декретом № 102/2002. В частности, запрещен экспорт реакторов и обогащенного урана и связанных с ними технологий, а также оказание технической помощи в ядерной области и экспорт некоторых неядерных товаров, которые потенциально могут использоваться для ядерных разработок, преследующих немирные цели.

При выдаче разрешений на осуществление операций с ядерными технологиями учитываются следующие критерии, касающиеся страны происхождения: наличие двустороннего соглашения о сотрудничестве в ядерной области с мирными целями; участие указанной страны в соглашениях о гарантиях с МАГАТЭ; наличие явно выраженного обязательства в отношении неиспользования экспортируемых Аргентиной материалов для целей, связанных с проведением ядерных взрывов; наличие обязательства в отношении принятия надлежащих мер по обеспечению безопасности экспортируемых Аргентиной материалов; наличие обязательства

в отношении испрашивания согласия правительства Аргентины на последующую передачу указанных материалов.

В настоящее время в Аргентине осуществляется реформа системы экспортного контроля. Этот процесс протекает в рамках той же комиссии. Ставится задача создать единый всеобъемлющий документ, предусматривающий надежные процедуры, позволяющие осуществлять более жесткий контроль, не препятствующий при этом поддержанию торговых отношений [22].

Бразилия является участником ДНЯО и Договора Тлателолко, а также ГЯП и РКРТ. В Бразилии нынешний вариант списка контролируемых товаров двойного назначения был составлен на основе положения № 631 MCT/M D от 13 ноября 2001 г. В соответствии с положением № 61 от 12 апреля 1996 г. были разработаны списки ядерных материалов и оборудования, а также материалов и технологий двойного назначения, которые могут применяться в ядерной деятельности. Оба списка периодически обновляются, чтобы обеспечить их соответствие бразильскому законодательству и решениям, принятым в рамках ГЯП.

Управление общей координации использования товаров двойного назначения при Министерстве по науке и технике, сфера полномочий которого предусмотрена положением № 49 от 16 февраля 2004 г., отвечает за контроль над импортом, экспортом и реэкспортом товаров двойного назначения. Управление выдает разрешения на передачу товаров, включенных в национальные перечни контроля за товарами и технологиями двойного назначения, после необходимых консультаций с другими имеющими к этому отношение государственными органами. Эта деятельность ведется в режиме «онлайн» в рамках комплексной системы внешней торговли.

Система позволяет автоматически определять несанкционированный импорт, экспорт и реэкспорт товаров на основе централизации всей информации о перевозках на бразильских границах. В законе № 9.112 от 10 октября 1995 г. установлено наказание за попытки экспорта путем подлога. Управление может затребовать представление «заявления о конечном пользователе» у правительства государства, в которое товары будут экспортированы. Управление участвует также в подготовке этих заявлений, когда это должно сделать правительство Бразилии. Указ № 4.214 от 30 апреля 2002 г. определил компетенцию Межведомственной комиссии, которую курирует Министерство по науке и технике.

Что касается средств доставки, то в обосновании № 35 от 12 декабря 1994 г. (EM 35/94 — S AE/P R) определяются общие

руководящие принципы и инструкции о порядке экспорта товаров, связанных с ракетами, и непосредственно связанных с этим услуг, а также список товаров, связанных с ракетами.

Малайзия — участник ДНЯО и ДВЗЯИ, а также Соглашения 1995 г. о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии. В 2001 г. страна присоединилась к базе данных МАГАТЭ о незаконном обороте ядерного материала и других радиоактивных источников. В октябре 2003 г. правительство Малайзии решило присоединиться к Конвенции о физической защите ядерного материала. В этой связи вносятся поправки в законодательство. В ноябре 2005 г. правительство Малайзии подписало Дополнительный протокол 1997 г.

В соответствии с Законом о таможне 1967 г. регулируются импорт и экспорт всех товаров, в том числе ядерных материалов. Закон о лицензировании в области атомной энергетики 1984 г. регулирует как использование, хранение, производство, перевозку и обладание ядерными материалами, так и их экспорт и импорт.

Малайзийская королевская таможня установила сканирующую аппаратуру во всех крупных портах и аэропортах для проверки проходящих таможенную обработку товаров. Малайзия также участвует в предпринятой Соединенными Штатами Инициативе по обеспечению безопасности контейнеров, отправляемых в США из малайзийских портов.

Хотя в стране отсутствует специальное законодательство о преступлениях, связанных с ядерным оружием, имеется ряд внутригосударственных законов, которые могут использоваться для уголовного преследования лиц, виновных в преступлениях, связанных с ядерным оружием. В Уголовном кодексе предусмотрена ответственность, в частности, за следующие преступления: террористические акты, связанные с использованием ядерного оружия/материалов (гл. VI A пока не вступила в силу); любые деяния, приводящие к загрязнению атмосферы в любом месте, вследствие которого она становится опасной для здоровья людей (раздел 278); причинение серьезного вреда путем применения опасного оружия или средств включая любые вещества, представляющие опасность для человека или животных (разделы 324 и 326).

Таким образом, большинство крупнейших стран-поставщиков имеют достаточно разработанные системы экспортного контроля в целях нераспространения ОМУ или предприняли шаги по усовершенствованию таких систем. К этому, несомненно, их еще

сильнее подталкивает обсуждение проекта резолюции № 1540 Совета Безопасности ООН, ее принятие и необходимость представить соответствующий доклад в Совет Безопасности.

Повышение эффективности экспортного контроля

Дискуссии по вопросам эффективности экспортного контроля начались с момента создания соответствующих режимов и никогда не прекращались. В годы «холодной войны» экспортный контроль был подчинен целям конфронтации и гонки вооружений. В частности, США ставили во главу угла экспортного контроля задачи торможения технологического прогресса СССР и его союзников, увеличения их затрат на военные нужды путем создания барьеров на трансферты передовых технологий в страны Варшавского договора (КОКОМ). Впрочем, оценить эффективность экспортного контроля было всегда проблематично. Так, во второй половине 80-х годов в исследовании, проведенном специальной комиссией под эгидой Американской академии наук, было отмечено, что эта система наносит ущерб и экономике Запада из-за сокращения объемов экспорта [23].

Сегодня главной задачей режимов экспортного контроля, параллельно осуществляемого в том числе и бывшими врагами, является предотвращение распространения ОМУ и его носителей. Однако при решении этой задачи подчас еще труднее выработать критерии эффективности режимов.

Процессы глобализации оказывают разнонаправленное воздействие на политику экспортного контроля. С одной стороны, они снижают результативность соответствующих систем. Расширяющиеся транснациональные потоки товаров, капиталов, рабочей силы, новые информационные технологии подрывают эффективность экспортного контроля, поскольку он не носит международного характера и пока его национальные системы не гармонизированы и применяются с разной эффективностью. Интернационализация научно-технических знаний и производства приводит к тому, что на мировой рынок выходят новые поставщики высокотехнологичных товаров, что облегчает получение изделий и производств, нужных для создания ОМУ, на расширяющихся рынках товаров и технологий двойного назначения. Ограничения и санкции заставляют контрагента развивать собственное производство

чувствительных товаров, используя знания национальных или иностранных специалистов, получивших образование в лучших университетах мира. Следует учитывать и то, что гражданский сектор добился первенства в разработке ряда новейших технологий, имеющих одновременно важное военное значение. Поэтому ограничения и санкции затрагивают практически всех производителей наукоемкой продукции [24]. Активизируется лоббирование делового сообщества в пользу смягчения правил экспортного контроля. Вопрос конкурентоспособности страны на мировых рынках оказывает огромное влияние и на позиции делегаций при обсуждении внесения изменений в международные контрольные списки в рамках многосторонних режимов экспортного контроля.

С другой стороны, глобализация подталкивает государства, стремящиеся интегрироваться в мировое хозяйство, создавать национальные системы экспортного контроля, сотрудничать в соответствующих режимах.

На протяжении последнего десятилетия ведутся дискуссии об институциональной перестройке режимов экспортного контроля по ряду направлений:

• слияние всех многосторонних режимов в один комбинированный конгломерат (пик этой дискуссии пришелся на годы демонтажа КОКОМ, сейчас она возобновилась);

• замена неформальных многосторонних договоренностей юридически обязывающими договорами;

• формирование международных норм поведения путем подписания новых договоров параллельно с совершенствованием неформальных соглашений.

Состав режимов неоднороден, 31 государство участвует одновременно в трех режимах: ГЯП (всего 45 членов), РКРТ (34 члена), Вассенаарских договоренностей (34 члена). Однако в рамках каждого режима возникают специфические проблемы. Даже сегодняшние «компактные» режимы не поспевают за меняющимися реалиями современного мира, а единый комплексный режим по необходимости был бы еще более инертным.

Роль режимов невозможно рассматривать изолированно от более широкого политического контекста отношений между государствами. В нестабильных политических условиях трудно рассчитывать на достижение юридически обязывающих соглашений, что показали дискуссии в ходе принятия «Международного кодекса» по предотвращению распространения баллистических ракет, а также дискуссии вокруг инициированной Россией ини-

циативы «Глобальная система контроля» (за распространением ракет и ракетных технологий). Неформальные многосторонние формы в среднесрочной перспективе останутся необходимыми. На данном этапе видна объективная тенденция к гармонизации основных положений вышеупомянутых «Руководящих принципов» ГЯП. В долгосрочном плане это объективно создает возможности для слияния режимов, во всяком случае, в сфере ядерного нераспространения, ввиду идентичности предмета контроля.

Комитет Цангера и ГЯП в течение долгого времени успешно взаимодополнялись [25]. К настоящему времени они достигли такого уровня взаимодействия, когда проводимые в их рамках работы практически дублируют друг друга. Не укрепляет режим и то, что меморандумы Комитета Цангера применяются к государствам, не вступившим в ДНЯО, а «Руководящие принципы» ГЯП — ко всем неядерным государствам. Барьером на пути слияния многосторонних режимов является разное количество участников (в частности, в Комитете Цангера — 35, в ГЯП — 45).

Одна из наиболее чувствительных проблем — вопрос о принятии де-факто ядерных держав Индии, Пакистана и Израиля в режим ядерного экспортного контроля. Израиль уже сделал заявление о желании присоединиться к этой договоренности. Пакистан не отклоняет такой возможности. Однако подобный шаг может столкнуться с двумя препятствиями.

Во-первых, ГЯП разработала критерии приема новых членов в свои ряды: страна-заявитель должна быть поставщиком продукции, подпадающей под сферу контроля ГЯП; она должна подтвердить свою приверженность руководящим принципам этого режима; она должна сформировать эффективную национальную систему экспортного контроля; доказать свою приверженность одному (или более) международному договору (ДНЯО, договоры Раротонго, Пелиндаба, Тлателолко) или другим международным соглашениям в области ядерного нераспространения; поддерживать международные усилия в отношении нераспространения ОМУ и средств их доставки. Так как эти три страны не являются участниками ДНЯО и перечисленных договоров, непонятно, как будет оцениваться их «приверженность» международным обязательствам.

Во-вторых, неясно, в каком качестве эти государства станут участниками ГЯП. В национальном докладе Пакистана Комитету 1540 Совета Безопасности ООН руководство страны подчеркивает

свою приверженность режиму нераспространения в качестве ядерной державы [26]. Израиль избегает вопроса о своем ядерном статусе. Что касается Индии, то перспективы ее вступления в ГЯП во многом будут зависеть от будущих соглашений между США и Индией о сотрудничестве в ядерной области. В зависимости от содержания документов можно прогнозировать значительные подвижки в режиме контроля над ядерным экспортом. Решающей может оказаться позиция Китая, который сам недавно присоединился к ГЯП и отнюдь не является сторонником укрепления ядерных амбиций Индии.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 1540 укрепила международно-правовую базу для осуществления экспортного контроля. Фактически она обязывает все государства — члены ООН иметь национальные системы экспортного контроля и применять меры уголовной и административной ответственности к нарушителям. Принятие резолюции № 1540 свидетельствует о повышении роли Совета Безопасности в сфере нераспространения ОМУ, прежде всего в контексте противодействия терроризму. Как уже отмечалось, ссылка на гл. VII Устава ООН позволяет Совету Безопасности применять санкции в ответ на нарушения правил экспортного контроля.

В то время как цели мирного применения не должны использоваться в качестве прикрытия для ядерного распространения, предотвращение распространения ядерного оружия не должно препятствовать международному сотрудничеству в области использования ядерной энергии для мирных целей. Это подтверждают все международные документы (ДНЯО, ст. 4, документы ГЯП, декларирующая часть резолюции № 1540). Это также подчеркивают страны-получатели на всех международных форумах. Но и страны-поставщики, входящие в многосторонние режимы, сталкиваются с дилеммой: как сбалансировать задачи выполнения международных обязательств по ограничению экспорта и экономические интересы по продвижению национальных товаров и технологий на мировые рынки.

Углубление международного сотрудничества в настоящее время является магистральным направлением повышения эффективности экспортного контроля. В этой связи важное значение имеет п. 9 резолюции № 1540, призывающий все государства содействовать сотрудничеству в области нераспространения, а также п. 7 этого документа, в котором государствам, располагающим соответствующими возможностями, предлагается оказывать надлежащее

содействие в ответ на конкретные запросы от стран, где отсутствуют правовая и нормативная инфраструктура, опыт и/или ресурсы для выполнения резолюции.

Гармонизация национальных систем экспортного контроля видится как одно из главных направлений повышения его эффективности в целях предотвращения распространения ОМУ в ближайшем будущем. И данный резерв еще не исчерпан. Интеграция Китая в этот процесс — позитивный фактор укрепления контрольных режимов, за КНР могут последовать Индия и Пакистан.

Вместе с тем представляется исключительно важным безотлагательно начать работу над новым универсальным документом (например, в виде Конвенции по экспортному контролю ядерных материалов и технологий), более четко определяющим критерии составления и периодического обновления списков запрещенных к экспорту технологий, систему обязательств государств в этой области и обязательной отчетности экспортеров и импортеров о поставках ядерных материалов и технологий, методы контроля и проверки таких данных, процедуры рассмотрения выявленных нарушений и принятия санкций — вплоть до передачи вопроса в Совет Безопасности ООН. Это тем более целесообразно, что Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г. уже поставил задачу проверки экспорта-импорта в данной сфере мирового торгового оборота, причем применительно и к ядерным державам. Представляется, что механизмом проверки ее выполнения мог бы стать МАГАТЭ.

Возможно, в ближайшее время более реально разработать такой документ в виде кодекса поведения, доведя его впоследствии до статуса юридически обязывающего договора (конвенции).

Примечания

[1] http://usinfo.state.gov.

[2] Исключением является категория I Списка РКРТ.

[3] Белоруссия, Киргизия и Казахстан ратифицировали соглашение, правительство России еще даже не подавало соответствующие документы на рассмотрение в Государственную думу.

[4] *Jones S.* EU Enlargement: Implications for EU and Multilateral Export Controls // The Nonproliferation Rev. — 2003. — Summer.

[5] Regulation (EC) 1334/2000 (article 133) setting up a community regime for control of exports of dual use items and technology, adopted by the Council on 22 June 2000. Entered into force 28/09/00.

Regulation (EC) 2889/2000 of 22 December 2000 amending Regulation (EC) 1334/2000. OJ L336, p.14 of 30 December 2000. Regulation (EC) 458/2001 of 6 March 2001 amending Regulation (EC) 1334/2000 with regard to the list of controlled dual-use items and technology when exported.

Regulation (EC) 2432/2001 of 20 November 2001. Consolidations of the annexes.

Regulation (EC) 880/2002 27 May 2002 amending Regulation (EC) 1334/2000 with regard to intra-Community transfers and exports of dual-use items and technology.

[6] Joint Action 2000/401/CFSP concerning the control of technical assistance related to certain military end-uses adopted by the Council on 22 June 2000.

[7] Подробнее см.: *Энтони Я.* Многосторонний контроль над экспортом оружия и технологий // Ежегодник СИПРИ 2001: Вооружения, разоружение и международная безопасность. — М.: Наука, 2002.

[8] Правда, ряд стран ставит вопрос о легитимности принятия Советом Безопасности (а не Генеральной Ассамблей) документов, юридически обязательных для всех членов ООН (в данном случае резолюции, требующей совершенствовать национальные законодательства в области экспортного контроля).

[9] *Gordon R.* China Issues Missile Export Controls // Arms Control Today // http://www.armscontrol.org/act/2002_09/missile_sept02.asp.

[10] С 1994 г., когда Конгресс не продлил действие Закона о регулировании экспорта, президент выполняет свои полномочия в области экспортного контроля на основе Закона о международном чрезвычайном экономическом положении (The International Emergency Economic Powers Act).

[11] В российской системе экспортного контроля можно выделить четыре подсистемы: а) режим контроля за торговлей вооружением и военной техникой (сфера военно-технического сотрудничества); б) ограничения внешнеэкономических сделок с товарами и технологиями, которые могут быть использованы при создании вооружения, оружия массового уничтожения или средств его доставки в целях предотвращения распространения ОМУ и поддержания международной стабильности; в) введение внешнеторговых квот и лицензирование для решения определенных экономических задач; г) контроль за специфическим экспортом и импортом (драгоценные камни, металлы, вещества с наркотическим содержанием и т. п.). Каждый из «блоков» имеет свою правовую базу. Основой всех подсистем являются списки лицензируемых товаров (работ, услуг), однако механизм утверждения лицензий для разных списков имеет свою специфику.

[12] Национальный доклад Соединенного Королевства Великобритании Комитету 1540 СБ ООН // http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/AC.44/2004/(02)/3.

[13] Национальный доклад Франции Комитету 1540 СБ ООН (http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/AC.44/2004/(02)/58).

[14] Ibid.

[15] В октябре Пекин принял два дополнительных нормативных акта по экспортному контролю биологических агентов двойного применения и соответствующего оборудования и технологий, а также о мерах по осуществлению экспортного контроля некоторых химикатов и соответствующего оборудования и технологий. Это дополнительное свидетельство того, что Китай адаптирует свою национальную систему экспортного контроля к соответствующим требованиям многосторонних режимов.

[16] *Lieggi S.* Chinese Export Controls and Jiang Zemin's Visit to the United States // http://cns.miis.edu/research/china/chiexp/index.htm.

[17] Пакистан также поддерживает контрольный перечень, предусмотренный в Конвенции по химическому оружию. Этот перечень поддерживается в соответствии с разделом 2(k) указа 2000 г. об осуществлении Конвенции по химическому оружию.

[18] http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/AC.44/2004/(02)/22.

[19] Ibid.

[20] http://www.un.org/Docs/sc/committees/1373/submitted_reports.html.

[21] Национальный доклад Израиля Комитету 1540 СБ ООН // http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/AC.44/2004/(02)/84.

[22] Национальный доклад Аргентины Комитету 1540 СБ ООН.

[23] Balancing the National Interest: US National Security Export Controls and Global Economic Competition / NAS. — Washington, 1987.

[24] Подробнее см.: *Кириченко Э. В.* Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов // Ядер. контроль. — 2002. — Т. 8. — № 6. — Нояб.—дек.

[25] Подробнее см.: Там же.

[26] Национальный доклад Пакистана Комитету 1540 СБ ООН // http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=S/AC.44/2004/(02)/22.

Глава 8. ПРОИЗВОДСТВО РАСЩЕПЛЯЮЩИХСЯ МАТЕРИАЛОВ В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ

Анатолий Дьяков

Вопрос о заключении международной договоренности о прекращении производства оружейных расщепляющихся материалов (ОРМ) не является новым, в той или иной форме он начал обсуждаться практически одновременно с появлением ядерного оружия.

Предложения о заключении подобной договоренности вносили США (1946 г. — план Баруха, 1953 г. — предложение Д. Эйзенхауэра), Индия (1954 г.), СССР (1989 г.). Первоначальной целью данных предложений являлось прекращение гонки ядерных вооружений. Как правило, предложения о прекращении производства ОРМ были частью более общего пакета предложений о ликвидации ядерного оружия, в который входили сокращение ядерных арсеналов, прекращение испытаний ядерного оружия, хранение плутония под международным контролем. По причинам политического характера, в основе которых лежало военно-политическое противостояние двух идеологических систем и коалиций государств, эти предложения не были реализованы.

В настоящее время приоритеты международной безопасности отличаются от существовавших во времена «холодной войны». Сегодня контроль за ОРМ и прекращение их производства для целей оружия рассматривается в первую очередь как одна из наиболее эффективных мер прекращения дальнейшего распространения ядерного оружия. Заключение соответствующей конвенции (или договора) полностью соответствует целям ДНЯО и могло бы явиться важным шагом в чрезвычайно сложном в политическом и техническом отношении процессе ядерного разоружения. Как известно, ОРМ — высокообогащенный уран и плутоний — являются основными компонентами ядерного оружия, а их производство требует преодоления сложных технологических проблем и больших финансовых затрат. Контролируемое прекращение

производства ОРМ могло бы предотвратить появление новых стран, обладающих ядерным оружием, и наложить определенные косвенные ограничения на размер уже существующих ядерных арсеналов, а в совокупности с утилизацией возникающих в ходе разоружения избытков ОРМ сделать процесс сокращения ядерных арсеналов необратимым. Наряду с укреплением режима ядерного нераспространения и разоружения вопрос прекращения производства ОРМ и ужесточения контроля над его запасами в последнее время приобрел намного бóльшую актуальность в связи с угрозой ядерного терроризма.

Кардинальное изменение международной обстановки, обусловленное окончанием «холодной войны», реальным сокращением ядерных арсеналов России и США, а также тенденцией к укреплению режима ДНЯО, имевшей место в прошлом десятилетии, позволило перевести решение этого вопроса в практическую плоскость. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1993 г. была принята резолюция, в которой международному сообществу рекомендовалось начать переговоры по заключению многостороннего, недискриминационного, предусматривающего эффективный международный контроль соглашения по запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Однако переговорный процесс по достижению соглашения о ЗПРМ встретился с нарастающими трудностями, и сегодня можно констатировать, что вероятность его появления в ближайшем будущем весьма невысока. Ниже приводятся анализ возникших проблем и возможные способы их решения.

Страны-обладатели производства и запасов ОРМ

На сегодняшний день оружейными расщепляющимися материалами и технологией их получения владеют пять ядерных держав — Великобритания, Китай, Россия, США и Франция, а также три государства, фактически обладающие ЯО, — Индия, Израиль и Пакистан. Из всех этих стран только Великобритания представила в МАГАТЭ официальные данные о своих запасах и прошлом производстве оружейных урана и плутония. Соединенные Штаты опубликовали детальную информацию об истории производства и запасах своего оружейного плутония [1], а также информацию об общем количестве ВОУ. Все имеющиеся данные

о запасах ОРМ, произведенных в других странах, носят неофициальный и оценочный характер. Наиболее полная информация по мировым запасам ОРМ представлена в работе Д. Олбрайта, Ф. Бекхорта и В. Уолкера [2]. Оценочное количество произведенных ОРМ представлено в таблице.

Оценочное количество накопленных запасов ОРМ, т

Страна	ВОУ	Плутоний
Ядерные державы		
Великобритания *[1]	7,6	21,9
Китай *[2]	21,0	4,0
Россия	950,0 *[3]	140,0
США	705,0 *[4]	99,5
Франция *[5]	29,0	5,0
Де-факто ядерные страны *[6]		
Израиль	0,034	~0,6
Индия	0,4	0,5
Пакистан	1,12	0,04

*[1] United Kingdom Fissile Material Transparency, Safeguard and Irreversibility Initiatives, Communication of 21 September 1998 received from the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the International Atomic Energy Agency, IAEA information circular, INFCIRC/570, 21 September 1998.

*[2] См. сайт Института по науке и международной безопасности http://www.isis-online.org.

*[3] По различным оценкам Россия унаследовала от Советского Союза около 1200 т ВОУ. В результате сокращения ядерного оружия 250 т оружейного урана, высвобожденного при демонтаже ядерных боеприпасов, уже переработаны в низкообогащенный уран в соответствии с контрактом ВОУ-НОУ с США. Этот уран был поставлен в США, где использовался для изготовления топлива для энергетических реакторов и дал примерно половину произведенной на АЭС электроэнергии за период осуществления соглашения.

*[4] США заявили, что 174 т их ВОУ являются избыточными для военных целей. Из этого количества около 40 т ими уже утилизировано (см.: Statement by Assistant Secretary of State Stephen G. Rademaker to the Third Session of the Preparatory Committee for the 2005 Review Conference of the NPT, New York, May 3, 2004).

*[5] Там же.

*[6] Данные по количеству оружейного урана и плутония в трех названных странах также взяты из материалов сайта Института по науке и международной безопасности http://www.isis-online.org.

В последнее время появилась информация, что Северная Корея, переработав облученное в реакторе топливо, также обладает 15—40 кг оружейного плутония.

Кроме перечисленных стран технологическими возможностями производства ОРМ обладает еще ряд государств. К ним относятся Аргентина, Бразилия, Германия, Япония и Нидерланды, располагающие действующими заводами по обогащению урана [3]. В Японии, Германии и Бельгии есть действующие производства по переработке облученного топлива и выделению плутония. Все обогатительные и перерабатывающие заводы в этих странах находятся под гарантией МАГАТЭ.

Подходы стран к вопросу прекращения производства ОРМ

Понимание проблем, сопряженных с конвенцией о прекращении производства ОРМ, весьма отличается в пяти ядерных державах (Великобритании, Китае, России, США и Франции) и трех остальных ядерных странах (Израиле, Индии и Пакистане).

Великобритания поддерживает идею договора на запрет производства ОРМ, полагая, что он будет способствовать замедлению распространения ядерного оружия, достижению целей ДНЯО и уменьшит в будущем проблемы использования плутония. На конференции по продлению ДНЯО в апреле 1995 г. Великобритания объявила о прекращении производства ОРМ для военных целей [4]. В то же время она не поддерживает идею обсуждения и включения в конвенцию уже наработанных ОРМ [5]. Полагая, что конвенция должна запрещать производство материалов, которые непосредственно могут быть использованы для создания ядерно-взрывных устройств (плутоний любого изотопного состава, кроме содержащего более 80% плутония-238; уран, обогащение которого по изотопу уран-235 превышает 20%; уран-233), Лондон считает, что конвенция не может запрещать производство делящихся материалов высокого обогащения для гражданских целей.

Китай формально поддерживает заключение договора о запрете производства ОРМ, так как такой договор способствовал бы нераспространению и ядерному разоружению, хотя и полагает, что его последствия будут неодинаковы для разных стран. Замораживая разрыв по накопленным ОРМ между главными, средними

и малыми ядерными странами, этот договор не окажет никакого воздействия на возможности ведущих ядерных держав в ядерной области, в то время как существенно ограничит возможности других стран [6]. Поэтому Китай хотел бы увязать достижение договоренности по ЗПРМ с прогрессом в переговорах по ядерному разоружению и запретом на вывод оружия в околоземное космическое пространство [7].

Китай также считает, что не должны накладываться ограничения на гражданскую ядерную деятельность. Что касается контроля, то он должен быть рациональным и эффективным, с одинаковыми правами и обязанностями для всех стран. По неофициальной информации, в Китае прекращено производство ОРМ для военных целей [8], и китайские представители в частных беседах уверяли представителей США, что возобновление производства ОРМ маловероятно.

Россия как страна, располагающая преобладающей частью произведенных в мире оружейного урана и плутония, поддерживает заключение многосторонней и недискриминационной конвенции о запрете производства ОРМ [9]. Однако Москва считает, что конвенция не должна касаться уже накопленных материалов, а также производства трития, и не может накладывать ограничения на переработку отработанного ядерного топлива энергетических реакторов и рецикл плутония. По мнению России, участниками будущей конвенции должны быть не только пять ядерных держав и три остальные ядерные государства, но и все другие страны, имеющие предприятия по обогащению урана и переработке ОЯТ [10].

Производство оружейного урана было прекращено Советским Союзом в конце 1988 г.[11] СССР также объявил о решении прекратить производство оружейного плутония и остановить промышленные реакторы к 2000 г., и это решение было подтверждено Россией. И хотя три реактора продолжают работать по сей день, с 1 октября 1994 г.[12] плутоний, нарабатываемый этими реакторами, не используется для производства оружия. 500 т оружейного урана и 35 т оружейного плутония были заявлены Россией как избыточные для целей обороны. Программа утилизации оружейного урана находится в настоящее время в процессе реализации, достигнуто соглашение между Россией и США об утилизации избытков оружейного плутония. Россия заявила также о готовности рассмотреть вопрос о постановке ОРМ, высвобождаемых в процессе ликвидации ядерных боеприпасов, под международный контроль.

Соединенные Штаты в течение 90-х годов проводили энергичную политику в области контроля за расщепляющимися материалами. Они предприняли ряд конкретных действий в этой области: приобретение российского оружейного урана, высвобождаемого при демонтаже ликвидируемых ядерных боеприпасов, частичное раскрытие информации о количестве наработанных ОРМ, передача части излишков ОРМ под контроль МАГАТЭ, заключение соглашений с Россией о прекращении работы трех промышленных реакторов и утилизации излишков оружейного плутония. В сентябре 1993 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН США выступили с инициативой заключения договора о запрете производства ОРМ. Они представили этот договор как шаг к уменьшению опасности ядерного терроризма в мире [13]. Относительно уже накопленных запасов ОРМ США полагают, что конвенция должна установить запрет только на производство ОРМ в будущем, уже произведенных материалов она касаться не должна. Они хотели бы также установления более полной системы контроля, однако стоимость и сложность контроля рассматриваются ими как серьезные проблемы [14]. В последнее время произошло существенное изменение позиции нынешней администрации в отношении ДЗПРМ. В этом контексте показательным является выступление представителя США на конференции по разоружению в Женеве 29 июля 2004 г, в котором было выражено сомнение в возможности установления эффективного механизма контроля за выполнением условий договора [15].

Производство ВОУ для целей оружия в США было прекращено еще в середине 60-х годов прошлого столетия, а производство оружейного плутония остановлено с 1987 г.[16] На обзорной конференции ДНЯО 2005 г. представитель США призвал все страны, обладающие технологией производства ОРМ, ввести мораторий на эту деятельность вплоть до достижения соглашения по ЗПРМ [17].

Франция поддерживает идею многостороннего договора о запрете на производство ОРМ, полагая, что при условии международного контроля он значительно укрепит режим нераспространения ядерного оружия и даст возможность расширить контрольные функции МАГАТЭ на страны, стоящие вне ДНЯО. Поэтому Париж считает исключительно важным участие в переговорном процессе и этих стран. Франция утверждает, что конвенция должна касаться только будущего производства ОРМ, возражая против объявления количества накопленных материалов. Она также не видит никакой связи договора с тритием и с ограничениями на использование плутония и ВОУ в гражданской энергетике.

В ноябре 1992 г. Франция прекратила производство оружейного плутония, а в июне 1996 г. — производство ВОУ для ядерного оружия [18].

Израиль держит в секрете всю свою ядерную программу за редкими исключениями, официальные лица Израиля воздерживаются от заявлений и комментариев по ядерным вопросам. С самого начала консультаций на Конференции по ЗПРМ Израиль занял выжидательную позицию. Он с большой настороженностью относится как к переговорам, так и к участию в конвенции по ЗПРМ. Из заявления представителя Израиля на женевской Конференции по разоружению в январе 2003 г. можно заключить, что эта позиция не изменилась[19].

Индия являлась соавтором резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по ОРМ и формально приветствует инициативу по запрету производства ОРМ как глобальную и недискриминационную меру контроля ядерных вооружений. Однако она возражает против включения в сферу охвата договора уже наработанных материалов и считает, что должна быть установлена связь между тремя договорами в ядерной сфере: о прекращении производства ОРМ, о запрете испытаний ЯО и о неприменении его первыми [20]. Индия также полагает, что договор должен иметь недискриминационную систему контроля и не накладывать ограничений на использование плутония и ВОУ для гражданских целей. По имеющимся оценкам, Индия продолжает производить около 25—35 кг оружейного плутония в год [21].

Пакистан формально поддерживает идею запрета производства ОРМ, но с самого начала консультаций в Женеве отмечал, что договор о запрете лишь будущего производства этих материалов не отвечает ни целям нераспространения, ни задачам ядерного разоружения. С точки зрения Пакистана принятие такого договора оставит нерешенными проблемы больших запасов материалов, высвобожденных в результате сокращения ядерного оружия в США и России, а также легализации огромной асимметрии количества накопленных материалов как на глобальном, так и на региональном уровнях [22]. В частности, асимметрию на региональном уровне (прежде всего в Южной Азии) Пакистан считает чрезвычайно опасной. Этой позиции он продолжает придерживаться и в настоящее время, увязывая свою поддержку ЗПРМ с достижением прогресса по ядерному разоружению [23]. По мнению аналитиков, Пакистан продолжает производство ВОУ для оружейных целей [24].

Обсуждение ЗПРМ на Конференции по разоружению

Выше уже упоминалось, что в декабре 1993 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла без голосования резолюцию, рекомендующую провести на наиболее подходящем международном форуме переговоры о недискриминационном, многостороннем и поддающемся контролю договоре о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств. По общему признанию наиболее подходящим международным форумом для проведения таких переговоров является Конференция по разоружению в Женеве. В январе 1994 г. конференция назначила посла Канады Дж. Шеннона спецпредставителем для проведения консультаций по определению мандата будущих переговоров.

Консультации выявили различия во взглядах разных стран, в первую очередь в отношении сферы охвата ДЗПРМ, т. е. определения подлежащих контролю категорий расщепляющихся материалов и ядерных установок [25].

Определение ОРМ, подпадающих под действие конвенции, стало первым камнем преткновения. Ряд стран придерживается мнения, что под действие конвенции должны подпадать те материалы, которые непосредственно могут быть использованы для создания ядерно-взрывных устройств. К ним, по определению МАГАТЭ, относятся:

• плутоний любого изотопного состава за исключением такого, в котором концентрация изотопа плутония-238 превышает 80%;

• уран, обогащение которого по изотопам уран-235 и уран-233 в отдельности или вместе превышает 20% [26].

Вносились также предложения о включении в этот список америция-241 и нептуния-237, которые могут быть использованы для создания ядерно-взрывных устройств. МАГАТЭ относит эти материалы к категории специальных расщепляющихся материалов, однако полагает, что они не создают серьезного риска ядерного распространения.

Предлагалось, кроме того, включить тритий в перечень материалов, производство которых подлежало бы запрету. Однако ядерные страны возражают на том основании, что тритий не относится к расщепляющимся материалам и по классификации МАГАТЭ не подлежит контролю.

Наработанные запасы ОРМ стали другой спорной проблемой. Как отмечалось, все ядерные державы (к которым присоединилась и Индия) исходят из того, что договор должен запретить только производство ОРМ для целей оружия в будущем, как этого и требует резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая в декабре 1993 г. При этом они не хотели бы каких-либо ограничений или иных мер в отношении уже произведенных материалов. С их точки зрения, договор не должен запрещать производство ядерных материалов для любых гражданских целей включая производство высокообогащенного урана для топлива морских ядерных энергетических установок.

Однако представители группы стран Движения неприсоединения («группа 21», в частности, Пакистан, Иран, Египет, Алжир) настаивали на том, чтобы включить в мандат переговоров рассмотрение уже накопленных запасов. Они имели в виду декларацию накопленных запасов, их утилизацию и постепенную постановку под международный контроль, чтобы накопленные разными странами запасы со временем вышли на равный и минимально возможный уровень. Основным аргументом в поддержку данного подхода было то, что ЗПРМ без включения уже накопленных запасов заморозит существующую асимметрию по ядерным вооружениям не только на глобальном, но и на региональном уровне, что будет не столько сдерживать распространение, сколько ускорять его [27]. Более того, некоторые страны из этой группы, аргументируя тем, что конвенция ЗПРМ должна отвечать не только целям нераспространения, но и ядерного разоружения, настаивали даже на принятии временно́го графика утилизации накопленных запасов ОРМ.

Довольно большая группа неядерных стран заняла промежуточную позицию. Обеспокоенные недостаточным контролем накопленных запасов и региональной нестабильностью, эти страны тем не менее поддержали позицию ядерных государств. Но они хотели бы видеть ЗПРМ первым шагом в процессе установления контроля за ОРМ, который мог бы закрепить мораторий на их производство в ядерных странах и поставить соответствующие объекты под международный контроль.

Контроль. Практика осуществления гарантий МАГАТЭ в неядерных странах выработала достаточно эффективные методы и средства контроля над производством и запасами расщепляющихся материалов в целях предотвращения их использования в целях создания ЯО. Эту практику в принципе можно было бы применить и к ядерным державам, тем более что они в одностороннем порядке

заявили о прекращении производства ОРМ (за исключением КНР). Таким путем можно достаточно надежно контролировать обогащение урана не выше, чем до разрешенного в мирных целях уровня на обогатительных предприятиях, а также контролировать сепарацию плутония из ОЯТ (с некоторыми оговорками). Другое дело — контроль над уже созданными запасами ОРМ ядерных держав. Тут контроль потребовал бы доступа на секретные объекты и получения представителями МАГАТЭ сведений о любом использовании ОРМ со складов для создания ядерных боезарядов в ходе замены существующих или сборки новых ядерных боезарядов, а также о пополнении запасов ОРМ в результате ликвидации ядерных вооружений. Такой подход подразумевал бы коренной пересмотр представлений ядерных держав о содержании государственной и военной тайны и, в более широком плане, о роли ядерного оружия и ядерного сдерживания в их оборонной политике.

Увязка с другими вопросами. В марте 1995 г. посол Дж. Шеннон представил Конференции по разоружению доклад [28]. С целью достижения консенсуса между ядерными странами и Индией, с одной стороны, и «группой 21» — с другой, доклад не препятствовал любой из делегаций вновь поднимать вопросы сферы охвата договора и контроля. На основании доклада Дж. Шеннона конференция выразила согласие на учреждение специального комитета для проведения переговоров «по недискриминационному, многостороннему и международному эффективно контролируемому договору, запрещающему производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных целей». Однако из-за процедурных ошибок председатель комитета назначен не был. В сочетании с разногласиями относительно сферы охвата ДЗПРМ это отодвинуло принятие решения о создании комитета почти на три года. Только под влиянием политического шока от проведенных в мае 1998 г. Индией и Пакистаном ядерных испытаний конференция в конце 1998 г. приняла решение о создании такого комитета и назначила его председателем посла Канады М. Мошера.

Однако это не продвинуло переговоры по ЗПРМ, так как работа Конференции по разоружению оказалась заблокированной из-за разногласий между ее ключевыми членами относительно программы действий. Китай, обеспокоенный планами США по созданию системы противоракетной обороны и возникшей неопределенностью в отношении Договора по ПРО, не хотел начинать работу над договором, который мог бы ограничить его возможности реагировать на вызовы своей национальной безопасности, в том числе за счет

наращивания ядерных вооружений и соответствующего увеличения запасов ОРМ (как в боезарядах, так и на складском хранении) [29]. Поэтому Пекин встал на позицию увязки переговоров по ЗПРМ с переговорами по ограничению военной деятельности в околоземном космическом пространстве (имея в виду космические компоненты ПРО). Российская делегация, исходя из тех же соображений, разделила позицию Китая, однако Соединенные Штаты выступили категорически против подобного подхода, утверждая, что их ПРО не направлена против других официальных ядерных держав.

В июне 2003 г. в попытке устранить эти разногласия пять бывших президентов конференции после интенсивных консультаций представили свои предложения по программе ее работы. Они предложили включить в повестку дня конференции как работу по заключению договора ЗПРМ, так и создание специального комитета по проведению без всяких ограничений консультаций по предотвращению гонки вооружений в космосе включая возможность заключения соответствующего международного соглашения [30]. Китай и Россия поддержали предложения пяти послов. Однако блокирование работы конференции продолжалось, так как Соединенные Штаты и Франция не выразили своего отношения к этим предложениям.

В начале 2003 г. администрация США приступила к пересмотру своей политики в отношении ЗПРМ [31]. Результаты были представлены в конце июля 2004 г. представителем США на Конференции по разоружению послом Дж. Сандерс [32]. Она заявила, что Соединенные Штаты подтверждают свои обязательства по достижению договора, запрещающего производство расщепляющихся материалов для целей оружия, однако сомневаются, что такой договор может быть эффективно контролируем. По существу данное заявление означало, что США выступили за пересмотр мандата переговоров по ЗПРМ. С учетом уже существующих трудностей относительно сферы охвата конвенции такой подход США практически исключает достижение прогресса в переговорах по ЗПРМ в ближайшем будущем.

Перспективы договоренности

Более чем десятилетняя безуспешная история переговоров по ЗПРМ на Конференции по разоружению и их нынешнее состояние заставляют поставить, как минимум, два ключевых вопроса:

• нуждается ли мировое сообщество в договоре, запрещающем производство ОРМ?

• если да, то как добиться прогресса на переговорах?

Со времени принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ситуация в мире существенно изменилась. Соединенные Штаты отказались от Договора по ПРО, который лежал в основе процесса сокращения и ограничения стратегических ядерных вооружений. В результате Договор СНВ-2 и рамочное соглашение по СНВ-3 были аннулированы. Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, который рассматривался в некотором роде предшественником ДЗПРМ, также не вступил в силу, так как две ключевые страны (США и КНР) его не ратифицировали.

В отношении ЗПРМ также нередко утверждают, что он не привнесет значительного нового качества в режим нераспространения. Для неядерных стран — участниц ДНЯО, к которым относится подавляющее число государств мира, ЗПРМ не даст ничего нового. Эти страны в соответствии с принятыми обязательствами по ДНЯО и так отказались от производства ОРМ и предоставили свои объекты ядерной промышленности под гарантии МАГАТЭ. Пять ядерных держав остановили производство ОРМ. Более того, Россия и Соединенные Штаты, обладающие наибольшими запасами ОРМ, ведут обеднение и мирную утилизацию обогащенного урана и заключили соглашение об утилизации каждой из сторон около 35 т избыточного оружейного плутония. В плане прекращения модернизации ядерных вооружений и ядерного разоружения ЗПРМ может оказать лишь косвенное и надолго отложенное влияние, поскольку накопленных державами ОРМ, содержащихся на складах и в ядерных боезарядах, хватит на производство многих тысяч новых боеголовок на десятилетия вперед. Первоначальная идея договора как выполнение обязательства ядерных держав по ст. VI ДНЯО о ядерном разоружении получила бы сугубо символическое выражение.

Вместе с тем по ряду соображений заключение договора о ЗПРМ представляется целесообразным. Главное из них связано с государствами-«аутсайдерами». В отличие от пятерки официальных ядерных держав заключение договора ЗПРМ наложило бы весьма осязаемые ограничения на возможности наращивания ядерных вооружений тремя странами, не являющимися членами ДНЯО, — Индией, Пакистаном и Израилем. А это способствовало бы как уменьшению напряженности в южноазиатском и ближневосточном регионах, так и косвенному вовлечению

этих стран в русло режима ядерного нераспространения и ограничения ядерных вооружений. Впрочем, именно ввиду высокой избирательности действия данного варианта конвенции три упомянутые страны связывают с ней серьезные оговорки и условия.

Другим важным соображением является то, что заключение ДЗПРМ привело бы к сглаживанию нынешнего дискриминационного характера режима ядерного нераспространения. Накладывая на ядерные державы обязательство не производить ОРМ, договор поставил бы под проверку МАГАТЭ предприятия этих стран по производству ядерных материалов, которые в настоящее время находятся вне международного контроля. Это не вызывает большого энтузиазма у ведущей ядерной пятерки, но в принципе может быть ими принято, если контроль не будет распространяться на их складированные запасы ОРМ, чего как раз требуют Пакистан и его соратники из «группы 21».

Противодействие ядерному терроризму является третьим аргументом в поддержку ДЗПРМ. Актуальность этого аргумента подтверждается событиями 11 сентября 2001 г. Договор мог бы не только остановить производство ОРМ в мире и тем самым наложить количественные ограничения на рост их запасов и вероятность утечки, но и создать условия для их надежного и усиленного контроля. Но при этом предотвращение ядерного терроризма требует как прекращения нового производства ОРМ, так и в еще большей мере контроля, учета и физической защиты их накопленных запасов.

Приведенные аргументы убедительно доказывают необходимость скорейшего достижения ДЗПРМ. Что касается ответа на второй поставленный вопрос, то здесь, как всегда, главное зависит от политической воли и согласованности позиций ведущей ядерной пятерки, а также от ее умения найти выход из сложившегося тупика на переговорах в Женеве.

Суммируя подходы различных стран, можно сделать заключение, что по существу этот тупик обусловлен различным пониманием целей ДЗПРМ — в то время как некоторые страны, в первую очередь ведущие ядерные державы, на первое место ставят его значение для режима ядерного нераспространения, Пакистан и большинство неядерных государств отдают приоритет его значению для ядерного разоружения или используют эту тему как предлог для отклонения избирательного ограничительного воздействия договора, закрепляющую глобальную и региональную ядерную асимметрию. Пересмотренная позиция США («договор без кон-

троля») по существу загоняет переговоры в еще более глубокий тупик и не отвечает ни одной из трех сформулированных выше целей ДЗПРМ в новых условиях.

Представляется, что при наличии политической воли основных фигурантов процесса сложившийся конфликт интересов мог бы быть разрешен путем применения обычной в таких случаях дипломатической практики поэтапного подхода. При этом этапы подразумеваются не только в отношении определения сферы охвата договора, но и в отношении количества его участников.

Например, на начальном этапе участниками ДЗПРМ могли бы быть только пять ядерных стран, и распространяться он мог бы только на ВОУ, отложив более щекотливую проблему оружейного плутония на потом. Для пяти ядерных стран участие в подобном договоре означало бы только закрепление уже принятых ими односторонних решений о прекращении наработки ОРМ для целей оружия. На первом этапе соглашения пяти ядерных держав запрещало бы только производство ОРМ в будущем и устанавливало бы в этих странах контроль МАГАТЭ за всеми объектами по обогащению урана. Первое соглашение (как в свое время ОСВ-1) было бы ограничено по времени действия и увязано в плане продления с быстрым переходом ко второму этапу. Поскольку для нераспространения первый договор не имел бы большого эффекта, он нужен скорее как «стартер», чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки и придать им политический момент.

На второй фазе следовало бы расширить договор на неприсоединившуюся к ДНЯО ядерную тройку и все неядерные страны и одновременно распространить договор на накопленные запасы ВОУ, что явилось бы компромиссом с «группой 21». Поначалу здесь можно было бы сконцентрироваться на мерах транспарентности, таких как декларация накопленных запасов, декларация количества избыточного для военных целей ОРМ. На этом этапе можно было бы также принять планы по утилизации избытков ОРМ и отработать механизм международного контроля со стороны МАГАТЭ по их реализации.

Переработка ОЯТ и плутоний остались бы пока вне сферы договора, предоставляя некоторую свободу рук как ядерной «пятерке», так и «тройке». Однако в плане борьбы с ядерным терроризмом договор второго этапа имел бы огромное значение, поскольку по общепринятому среди специалистов мнению ВОУ является намного более простым материалом для создания

ядерного взрывного устройства террористами. Одновременно и накопленные запасы ВОУ почти на порядок превышают запасы оружейного плутония.

Наконец, на третьем этапе договор и контроль МАГАТЭ может быть распространен и на склады ВОУ и на переработку ОЯТ (т. е. на сепарацию плутония), равно как и на его накопленные запасы у всех стран — членов ДНЯО и трех государств-аутсайдеров. Успешная реализация двух первых этапов могла бы создать условия для внедрения на третьей стадии не только более широкого и эффективного контроля за всеми запасами наработанных ОРМ, но и за процессом их использования и утилизации. В этом контексте ДЗПРМ можно было бы рассматривать не как раз и навсегда установленное единовременное соглашение, а как некий рабочий инструмент, который мог бы совершенствоваться по мере роста взаимопонимания и взаимодействия между странами, как было с переговорами между СССР/Россией и США по стратегическим вооружениям.

Примечания

[1] Plutonium: The First 50 Years, United States plutonium production, acquisition, and utilization from 1944 to1994, Prepared by U.S. Department of Energy, February 1996.

[2] *Albright D., Berkhout F., Walker W.* World inventory of plutonium and highly enriched uranium 1992 / SIPRI. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1993.

[3] *Makhijani A., Chalmers L., Smith B.* Uranium Enrichment // Science for Democratic Action. — 2005. — Vol. 13. — № 1. — March.

[4] *Milne T.* UK nuclear weapons: post-START II steps, Beyond the NPT: A Nuclear Weapon-free World. — [S. l.]: INESAP, Apr. 1995.

[5] *Andrew G.* Verification of a Fissile Material Cut-Off Treaty, presentation at the seminar on FMCT Verification, Geneva, March 2001.

[6] China's Position on the Cut-Off Convention, by Ambassador Sha Zukang, Geneva Workshop, Palais des Nations, June 29, 1995.

[7] Statement by Mr. Zhang 'Van, Head of the Chinese Delegation in the General Debate at the 2005 NPT Review Conference.

[8] *Fetter S., von Hippel F.* A Step-By-Step Approach To a Global Fissile Materials Cutoff // Arms Control Today. — 1995. — Oct.

[9] Выступление главы российской делегации А. И. Антонова на 3-й сессии подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора по нераспространению ядерного оружия 28 апреля 2004 г. (http://www.mid.ru).

[10] Setting the Context for the Cut-Off Treaty, Statement by Ambassador Berdennikov, Canadian Workshop, January 17, 1995.

[11] Выступление делегации Российской Федерации на третьей сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2005 года по вопросу запрещения производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия.

[12] Там же.

[13] Fissile Material Cut-Off Treaty: A Chronoly // http://www.isis-online.org/publications/fmct/chronology.html.

[14] Setting the Context for the Cut-Off Treaty, Statement by Ambassador Ledogar, Canadian Workshop, January 17, 1995.

[15] U.S. Proposals to the Conference on Disarmament, Jackie W. Sanders; Permanent Representative to the Conference on Disarmament and Special Representative of the President for the Nonproliferation of Nuclear Weapons, July 2004.

[16] *Fetter S., von Hippel F.* Op. cit.

[17] Statement by Stephen G. Rademaker United States Assistant Secretary of States for Arms Control to the 2005 Review Conference on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, New York, May 2, 2005.

[18] Statement by Mr. Francois Rivasseau, Ambassador, Permanent Representative of France to the Conference on Disarmament at the Third Session of the Preparatory Committee for the 2005 Review Conference of the NPT, New York, April 29, 2004.

[19] Statement by Ambassador Levy to the CD, CD/PV.918, January 30, 2003.

[20] *Johnson R.* // Nuclear Proliferation News. — 1995. — № 29. — July 11.

[21] *Zia Mian, Ramana M. V.* Feeding the Nuclear Fire // Economic and Political Weekly. — 2005. — Aug. 27.

[22] Statement by Ambassador Munir Akram of Pakistan at the workshop on «Fissile materials and Tritium-How to verify a comprehensive production cut-off and safeguard all stocks», Geneva, June 29, 1995.

[23] Statement in the UN Security Council by Ambassador Munir Akram, Permanent Representative from Pakistan to the United Nation, April 28, 2004.

[24] *Du Prezz J.* The Future of a Treaty Banning Fissile Material for Weapons Purposes: is it Still Relevant? // http://www.wmdcommisson.org.

[25] *Рыбаченков В. И.* О проблемах разработки международной Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей оружия (КЗПРМ). — Презентация в Московском Центре Карнеги, 8 февраля 2000 г.

[26] *Andrew G.* Verification of a Fissile Material Cut-Off Treaty, presentation at the seminar on FMCT Verification, Geneva, March 2001.

[27] Statement by Ambassador Munir Akram of Pakistan...

[28] Report of Ambassador Gerald E. Shannon of Canada on Consultations on the Most Appropriate Arrangement to Negotiate a Treaty Banning the Production of Fissile Material for Nuclear Weapons or Other Nuclear Explosive Devices, CD/1299, 24 March 1995 // http://www.reachingcriticalwill.org/political/cd/shannon.html.

[29] Breaking the CD Deadlock, Discussion meeting, Palais des Nations, United Nations Institute for Disarmament Research, Geneva, 30 November 2000.

[30] Initiative of the Ambassadors Dembri, Lint, Reyes, Salander, and Vega, Conference on Disarmament, CD/1693/Rev.1, 5 September 2003, Geneva // http://www.reachingcriticalwill.org/political/cd/A5.pdf.

[31] The Bush Administration and the Fissile Material Cutoff Treaty: Reversing Course on Verification, Arms Control Association Press Roundtable, September 2, 2004 // http://www.armscontrol.org/events/FMCT_Excerpts

[32] Jackie Sanders, U.S. Proposals to the Conference on Disarmament, Geneva, July 29, 2004 // http://www.reachingcriticalwill.org/political/cd/cdindex.html.

Глава 9. РАКЕТЫ И РАКЕТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Виктор Мизин

Проблемы распространения ракет и ракетных технологий и соответствующего международного режима контроля над ракетными технологиями, привлекавшие повышенное внимание политиков и экспертов в 80—90-е годы прошлого века, в последнее время оказались на периферии в связи событиями в Ираке, противодействием терроризму и распространению ядерного оружия в связи с программами КНДР и Ирана.

Тем не менее РКРТ остается одной из важнейших тем комплекса вопросов нераспространения, так как речь идет о предотвращении расползания по миру средств пока еще практически гарантированной доставки к целям оружия массового уничтожения (ввиду отсутствия в ближайшей перспективе сколько-нибудь эффективных систем противоракетной обороны).

Ракетное распространение имеет свою специфику, затрудняющую действенное международно-правовое решение проблемы. Связано это прежде всего с тем, что РКРТ традиционно рассматривается как вторичный по отношению к ДНЯО и конвенциям по запрещению химического и бактериологического оружия режим нераспространения. Кроме того, если сложность и стоимость создания ЯО остаются весьма высокими для большинства «проблемных» и нестабильных стран Азии, Африки и Латинской Америки, то приобретение ракетного вооружения, в том числе большой дальности, для военных и космических задач выглядит вполне легитимной и достижимой целью для многих таких государств. В глазах многих лидеров развивающихся стран ракетное оружие стало своего рода символом военной мощи и национального достоинства, демонстрирующим готовность к защите своей безопасности и военно-политических интересов.

Вместе с тем, как показано ниже, есть все основания для пересмотра подобного отношения к режиму ракетного нераспространения.

Из истории ракетного распространения и режима его контроля

В мире существует довольно ограниченное количество государств — источников передовых ракетных технологий. Советский Союз, который в ходе гонки вооружений эпохи «холодной войны» создал одну из самых развитых ракетных промышленностей в мире, считается на Западе основным родоначальником глобального ракетного распространения. Исторически роль России в распространении боевых ракет и их технологий можно проследить по этапам, наблюдавшимся в подходе Москвы к проблематике ракетного нераспространения. Поставки ракетной техники, как и современных вооружений в целом, в Восточную Европу, в развивающиеся государства Азии и Африки рассматривались в Кремле в качестве важнейшего инструмента расширения политического влияния.

Разработанный в Советском Союзе на базе трофейных немецких технологий (прежде всего ракеты «Фау-2») ракетный комплекс «Скад-Б» по праву стал считаться символом ракетного распространения в мире, своего рода «ракетным автоматом Калашникова». В 70-е годы созданные в результате закупок, копирования и технического развития этой системы ракетные потенциалы легли в основу программ многих стран третьего мира и практически инициировали ракетное распространение в регионах. В частности, вместе с ракетами «Луна-М» (Frog-7) упомянутая система была передана в рамках военной помощи союзникам Москвы на Ближнем Востоке и КНДР. Одновременно зенитно-ракетный комплекс С-25 (SA-2) превратился в ракету класса «земля — земля» (CSS-8) в КНР, а затем в Индии и Ираке [1]. Еще раньше, в конце 50-х годов, Китаю были предоставлены советские технологии ракет средней дальности [2]. Следует подчеркнуть, что Советский Союз поставлял ракетные средства только наиболее близким союзникам, причем передавались отнюдь не самые новые средства, при этом в виде готовых систем, а также запчасти к ним. В 70-е годы, когда такие поставки начались, «Скад-Б» был уже устаревшей системой. Более современные тактические ракетные комплексы типа «Точка» поставлялись только самым доверенным «клиентам» на Ближнем Востоке (таким как Сирия и Южный Йемен) ввиду особой важности этого региона в глобальном геополитическом соперничестве с США.

Такие поставки, видимо, не считались чрезмерной угрозой в США, которые, в свою очередь, не препятствовали разработке боевых ракетных систем в собственной сфере влияния. Вашингтон аналогичным образом поставлял в этот период ракетную технику своим союзникам или закрывал глаза на создание там собственных ракетных систем на основе «утечек» западной технологии (например, в Израиле, Южной Корее, Тайване, ЮАР). Франция и ФРГ также содействовали развитию ракетных программ в развивающихся странах в 60-е годы.

Тот факт, что исходной базой многих доработанных и модифицированных ракетных систем стран третьего мира, противостоящих США и их региональным союзникам, стал «Скад-Б», объясняется главным образом относительной простотой и доступностью для воспроизводства конструкции этой ракеты. За этим не стоял какой-либо целенаправленный расчет. Лидеры СССР не желали распространения ракетных производств и опытно-технических разработок в третьем мире — хотя бы потому, что это подрывало бы советскую монополию на рынках сбыта ракетной продукции, лишало Москву важного рычага поддержания там своего политического влияния. К тому же в Кремле опасались быть втянутыми в военный конфликт с США из-за авантюристических акций советских клиентов из третьего мира.

Поэтому неоправданно ставить СССР в качестве ракетного «пролифeранта» в один ряд с Китаем, КНДР и рядом других стран, не только извлекавших коммерческую выгоду из дальнейшего распространения ракетного экспорта, изначально исходившего из СССР, но и сознательно стремившихся вооружить ракетной техникой антизападные режимы, исходя из политико-идеологических мотивов. К тому же Договор о РСМД перекрыл возможность для СССР производить ракетные системы средней и меньшей дальности, а следовательно, и поставлять их своим союзникам (что оставило Китай монополистом в данной области).

Экспансия советского политического влияния и военного присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке в конце 70-х и начале 80-х годов сопровождалась массированными поставками вооружений и военной техники включая ракетную тем режимам, которые обращались за поддержкой к СССР или пришли к власти при советском содействии. Возглавившая США после 1980 г. администрация президента Р. Рейгана, со своей стороны, перешла к политике жесткого силового противостояния

СССР в сочетании с целенаправленным дипломатическим давлением на Москву по наиболее болезненным для советского режима направлениям.

Именно в этом международно-политическом контексте в 1987 г. был создан режим контроля над распространением ракет и ракетных технологий. Он был образован как своего рода неформальная договоренность стран-экспортеров по обмену информацией и координации национальной лицензионной деятельности в целях противодействия спонтанному распространению ракетной техники. При этом главным объектом мер противодействия де-факто был советский ракетный экспорт, прежде всего в жизненно важном для США и НАТО регионе Ближнего и Среднего Востока [3]. Первоначально членами РКРТ стали страны НАТО. При этом официально РКРТ был представлен в качестве инициативы по развитию и укреплению концепции ДНЯО путем создания механизма, сдерживающего распространение наиболее опасных средств доставки ЯО [4]. В «Руководящих принципах» Режима говорится, что «РКРТ охватывает системы доставки для всех ОМУ и применим в отношении таких систем вооружения, как баллистические ракеты, беспилотные летательные аппараты, крылатые ракеты, беспилотные средства и средства с дистанционным управлением»[5]. Там же подчеркивается, что РКРТ не имеет целью препятствовать осуществлению национальных космических программ при условии, что такие программы не способствуют созданию систем доставки ОМУ. Обязательства, которые существуют в рамках РКРТ, обязательны для стран-участниц, при этом все решения принимаются на национальном уровне [6].

Советский Союз (как и КНР) не был вовлечен в переговоры о создании РКРТ, начавшиеся в конце 70-х годов. В определенном смысле советская дипломатия находилась в привилегированном положении, имея возможность резко критиковать РКРТ за его очевидные изъяны и в то же время не будучи связанной соглашениями этого, как считали в Москве, «закрытого клуба» стран-поставщиков.

В соответствии с тогдашней традицией в том же 1987 г. СССР выдвинул собственную концепцию ракетного нераспространения, направленную если не на срыв, то, как минимум, на сдерживание процесса осуществления и универсализации положений РКРТ. Советская сторона заявляла, что РКРТ должен быть заменен новым большим договором и новой универсальной организацией с глобальным охватом по типу МАГАТЭ. При этом, по

аналогии с ДНЯО, ограничивая распространение боевых ракет, этот режим должен был бы всемерно содействовать международному сотрудничеству в мирной ракетно-космической деятельности, в которой СССР тогда рассчитывал на большие преимущества своей науки, техники и промышленности.

Несмотря на наступавшую вместе с горбачевским «новым мышлением» международно-политическую «оттепель», Москва в тот момент не поддержала западные подходы к проблематике ракетного нераспространения. В основе такой позиции лежали опасения по поводу того, что неукоснительное следование нормам РКРТ по мере их дальнейшей детализации, расширения и ужесточения (как было с экспортным контролем в рамках ДНЯО) подорвет экспортные возможности советской ракетно-космической промышленности, поставив ее в невыгодное положение по сравнению с западными конкурентами.

В этот период российская сторона сформулировала основные критические замечания в адрес РКРТ, которые и поныне разделяют многие эксперты в мире:

• РКРТ не является всеохватывающим международным институционализированным режимом по типу ДНЯО, это всего лишь внутренняя договоренность о координации лицензионной политики ряда ведущих экспортеров ракетной продукции, похожая на картельное соглашение и потому вызывающая подозрения в третьем мире как средство закрепления навечно стратегических и технологических преимуществ ведущих ракетных держав;

• положения РКРТ должны одинаково распространяться как на поставщиков, так и на получателей ракетной техники и технологии — с одинаковой системой мер контроля для обеих групп;

• режим должен охватывать не только баллистические ракеты, беспилотные летательные аппараты, но и крылатые ракеты, а возможно, и боевые самолеты — носители ОМУ;

• режим должен включать систему мер контроля, а также определенный механизм мер укрепления доверия и более развитую систему обмена данными между всеми его членами без изъятия;

• режим не предусматривает систему поощрительных или компенсационных мер за следование его рекомендациям для стран, добровольно отказывающихся от приобретения боевых ракетных систем.

Кроме того, в первоначальном подходе российской стороны в конце 80-х годов содержались даже требования о запрете тактических ракет с дальностью до 500 км. В 1988 г. Москва предложила

снизить зафиксированную в РКРТ предельную дальность систем с 300 до 100 км, а их полезную нагрузку — с 500 до 200 кг, распространив экспортные ограничения также на поставки ракет ПВО [7]. Характерно, что и сегодня многие ведущие эксперты на Западе и в России проявляют интерес к подобным идеям как к пути повышения эффективности РКРТ. Особое внимание СССР уделял вопросу открытости процесса согласований внутри РКРТ и равенству обязательств, пытаясь обеспечить поставкам внутри Варшавского договора равный статус с обменами в области ракетной техники между странами НАТО. Все поставки космической техники СССР предлагал осуществлять под эгидой Международной космической организации, идею которой выдвинул еще в 1986 г.

Все эти предложения были отвергнуты американской стороной, которая была больше заинтересована в выяснении состояния экспортного контроля в Советском Союзе, а также в раскрытии деталей отдельных зарубежных поставок из СССР и имевшихся у него данных о ракетных программах других государств (Индии, Сирии, Ливии, Бразилии, КНДР, Ирака, Ирана).

В конечном счете замечания советской стороны относительно недостатков РКРТ были преодолены путем переговоров. Главными, как представляется, оказались экономические аргументы в пользу присоединения СССР к режиму. Соединенные Штаты весьма умело поставили Москву перед необходимостью выбора между продолжением прежней практики фактически убыточных в коммерческом отношении поставок ракетных систем клиентам в третьем мире и перспективами выхода на новые международные рынки высоких космических технологий, прежде всего на рынки космических запусков. С использованием многообразных и сравнительно дешевых советских носителей для вывода в космос спутников стран Запада выход на эти рынки в конце 80-х и начале 90-х годов представлялся весьма многообещающим.

Следующий этап взаимоотношений Москвы с РКРТ совпал по времени с распадом СССР в 1991 г., когда эра относительной стабильности и предсказуемости противостояния двух мировых систем отошла в прошлое. Ключевой задачей американской политики при президенте Дж. Буше-старшем в тот период стало предотвращение обвального распространения бывшего советского потенциала ОМУ, в том числе его попадания в руки авантюристических режимов и террористов. Призванная не допустить подобного развития программа сенаторов С. Нанна и Р. Лугара по совместному уменьшению угрозы была довольно успешно реализована

на территории бывшего Советского Союза, обеспечив, в частности, контролируемую ликвидацию излишков ракет в соответствии с Договором СНВ-1. Даже западные эксперты признают, что в эти годы не было зафиксировано ни одного случая серьезной утечки из СССР ракетных или ядерных технологий военного предназначения. Катастрофический сценарий дезинтеграции советского ракетно-ядерного комплекса так и не реализовался [8].

В это же время получившие неожиданную свободу внешнеэкономической деятельности предприятия бывшего советского ВПК занялись хаотическим маркетинговым проталкиванием своей продукции на зарубежные рынки в попытках обеспечить финансирование (в условиях резкого сокращения государственного оборонного заказа).

В известной степени эти тенденции проявились при заключении «Главкосмосом» в 1992 г. сделки с Индией на поставку криогенных разгонных ракетных двигателей для индийского космического носителя GSLV. Обвинив Россию в нарушении положений РКРТ (членом которого она в то время не являлась), США добились в 1993 г. прекращения поставок в Индию. Заодно в Вашингтоне, по мнению ряда российских экспертов, впервые обеспечили себе довольно плотный мониторинг российской аэрокосмической промышленности, «привязав» ее через последующее принятие России в члены РКРТ и установление квот на космические запуски к американским ракетно-космическим программам [9].

Американские обвинения в нарушении норм РКРТ и желание Москвы стать полноправным партнером Запада побудили российское руководство отказаться от сделки с Индией в обмен на допуск к международному рынку космических запусков. Таким образом, обозначились пределы свободы маневра России в области внешнеэкономической деятельности, которую Советский Союз вел фактически без оглядки на мнение Запада. В то же время предоставление возможности запусков американских космических аппаратов, хотя и с введением антидемпинговых квот (снятых в 2000 г.), а также развитие широкой кооперации в данной области позволяли поддерживать российскую космическую отрасль.

Эта дипломатическая комбинация привела к вступлению России в РКРТ в октябре 1995 г.[10] Прием России в члены режима был предварительно обусловлен принятием новой национальной системы экспортного контроля (что состоялось еще в 1993 г.) и введением соответствующих национальных контрольных спи-

сков на экспорт ракетной техники и технологий. Эти списки затем регулярно обновлялись, а по многим позициям были даже более жесткими и детализированными, нежели документы РКРТ.

Вместе с тем отказ от «криогенной сделки» с Индией до сих пор заставляет многих российских специалистов-ракетчиков утверждать, что никакого ракетного распространения как проблемы международной безопасности не существует. На самом деле, по их мнению, за настойчивыми действиями США по пресечению ракетного распространения из России кроются интересы американских компаний, стремящихся вытеснить Россию из перспективных мировых рынков вооружений и высокотехнологичной продукции.

Особенно заметной темой в этом контексте стали обвинения американской стороны в адрес России относительно якобы имевшей место помощи со стороны правительства или отдельных российских организаций ракетным программам Ирана [11]. Такой вывод содержался, в частности, в докладе образованной в США по указу президента комиссии Д. Рамсфельда об угрозе распространения баллистических ракет от 1998 г., где недвусмысленно отмечалась российская помощь в ускорении иранской ракетной программы и делался вывод о способности Ирана создать МБР через пять лет после принятия решения об этом. Позднее этот вывод был подвергнут сомнению многими экспертами, и дальнейшие события не подтвердили прогноз комиссии Рамсфельда [12].

Прежде всего речь шла об участии российских специалистов в создании ракет «Шехаб-3» (на базе северокорейской ракеты «Нодон-1» с дальностью 1500 км) и «Шехаб-4» (на базе северокорейской ракеты «Тепходон-1»). По утверждениям американских экспертов, начиная с 1989 г. в Иране работало в качестве консультантов почти 200 российских специалистов [13]. В этой связи Вашингтон ввел в 1998 г. санкции в отношении 10 российских компаний (сначала «Главкосмоса», НИИ графита, НИИ «Полюс», «Европаласа-2000», ИНОР, МОСО и Балтийского государственного технического университета, а затем МАИ, Московского университета тонкой химической технологии им. Д. И. Менделеева и НИКИЭТ им. Доллежаля), часть которых впоследствии была снята.

Позднее ФГУП «Росвооружение», ФСБ и директор «Росавиакосмоса» Ю. Коптев были также обвинены в поставке запрещенных ракетных технологий в Иран [14]. Против «Росавиакосмоса» до сих пор действуют санкции по ст. 6 «Акта о нераспространении применительно к Ирану», принятому в США[15]. Ряду предприятий,

например, МГТУ им. Баумана, НПО «Труд» и ЦАГИ, построившему специальную аэродинамическую трубу по контракту с иранской «Шахид Хемат индастриал груп», удалось избежать санкций.

Вопреки этим претензиям проведенное в России расследование не выявило нарушений. В каждом конкретном случае, как выяснилось, речь шла либо об обсуждении перспектив будущего сотрудничества — еще до этапа составления контракта, либо о проектах, не подпадающих под ограничения международных запретительных списков в области экспортного контроля, либо всего лишь об обучении иранских студентов. Это дало повод ряду российских экспертов и официальных лиц высказать тезис о том, что в данном случае имела место попытка политического давления, а в чем-то и недобросовестной конкуренции со стороны лоббистов американских аэрокосмических фирм [16]. Как они отмечали, если искать источники появления в Иране технологий SS-4, то стоило скорее обратиться не к сотрудникам МАИ (вроде «героя» статьи «Вашингтон пост» проработавшего десять лет по контракту в Тегеране В. Воробья) [17], а к специалистам КБ «Южное» из украинского Днепропетровска, где этот комплекс был создан и где могла сохраниться проектная документация на него.

Вместе с тем в России параллельно с расследованием американских обвинений в 1998 г. были приняты меры по укреплению национальной системы экспортного контроля. В 1997 г. из России были выдворены переводчик иранского посольства и член иранской военной делегации, замеченные в попытках получения доступа к ракетным технологиям и специалистам. Были пресечены намерения иранской промышленной группы «Санам» разместить на НПО «Труд» заказ на изготовление узлов к ракетному двигателю под видом газоперекачивающего оборудования, а деятельность группы «Санам» на территории России была запрещена. Прекращена была также деятельность группы специалистов МАИ по разработке в целях дальнейшей передачи Ирану материалов в области ракетных технологий [18].

Ряд российских фирм, созданных с явными целями гражданами Таджикистана или бывшими сотрудниками российских ракетных предприятий, были уличены в попытках контрабанды критических технологий в Иран, например, специальных сталей и сплавов [19].

В те годы российское руководство было еще готово к серьезному диалогу с администрацией США по возникающим в данной сфере вопросам и заверяло в готовности принять необходимые меры для недопущения случаев нарушения РКРТ в будущем. Проблема

сотрудничества с Ираном неоднократно обсуждалась на уровне президентов России и США. По итогам саммита 1998 г. было создано семь рабочих групп по экспортному контролю. Тем не менее значительного продвижения в этом направлении не наметилось.

Заметно расширив сотрудничество с Ираном в конце 2000 г. после выхода из обязательств по так называемому «джентльменскому соглашению Гора-Черномырдина», Россия тем не менее заявляла, что намерена поставлять в Иран лишь «оборонительные системы» вооружений и будет при развитии этих связей четко придерживаться своих международных обязательств и национального законодательства в области экспортного контроля [20].

В ответ на это американские обвинения начали формулироваться шире, и было выдвинуто требование прекратить любые связи России с Ираном в ядерной и военно-технической области в целом, даже если они не противоречили каким-либо нормам международного права и режимов нераспространения. В качестве основания указывалось, что тегеранский режим считался в США недружественным и агрессивным, ему вменялись в вину поддержка международного терроризма и тайные планы создания ракетно-ядерного оружия. Однако соответствующие ведомства в России, видимо, сочли, что геополитические и экономические выгоды от развития военно-технического сотрудничества с Ираном перевешивали риск дальнейших трений с США по этому поводу при условии, что российская сторона не будет допускать нарушений буквы положений РКРТ. (Кстати, в этих рамках не исключены поставки самых современных вооружений, например, комплекса «Искандер». Уже заключен контракт на 1 млрд долл. на поставку Тегерану 29 единиц мобильного комплекса ПВО «Тор М1».)

В любом случае США не могли бы возместить России финансовый урон от прекращения военно-технического сотрудничества с Ираном, не говоря уже о политическом значении для России дружественных отношений с важным южным исламским соседом и укрепления позиций в мусульманском мире в целом.

После установления режима санкций ООН в 1991 г. правительство России не подвергалось критике со стороны Запада за ракетное сотрудничество с Ираком, хотя несколько попыток таких сделок со стороны частных лиц и организаций в нарушение российского законодательства было раскрыто и сорвано. В 1995 г. была предотвращена контрабанда партии российских гироскопов в Ирак [21]. Тем не менее расследование было закрыто и виновные (сотрудники частной российской фирмы ТАСМ, вступившие в сговор с иракским

посредником), не понесли наказания [22]. Были также зафиксированы попытки Ирака вступить в контакт и получить технологии двойного применения от ведущего российского производителя ракетных двигателей предприятия «Энергомаш», в частности, технологии двигателя РД-214 для баллистических ракет средней дальности (БРСД) SS-4 [23]. В западной прессе муссировались слухи о контактах иракских военных с Москвой по всему спектру современных вооружений включая ракетные системы ПВО [24].

В 1992 г. была сорвана попытка отправки в КНДР группы российских специалистов Федерального ракетного центра им. Макееева в Миассе. В частности, по некоторым данным, они передали в КНДР технологии конверсионного космического носителя «Зыбь» на базе одноступенчатой жидкостной БРПЛ Р-27 (SS-N-6) [25]. Примерно в то же время ФСБ вскрыла нелегальную сеть на территории России по переправке в Северную Корею специалистов-ракетчиков, деятельность которой контролировал генерал из посольства КНДР в Москве [26].

Согласно исследованиям американских экспертов СССР еще в 1972—1975 гг. поставил в КНДР в целях изучения конструкции и обучения личного состава несколько ракетных комплексов ОТР «Скад-Б»[27]. Кроме того, российские специалисты, находясь в КНДР якобы в личном качестве, могли принимать участие в их доводке и создании на их основе в конце 70-х годов (в том числе с использованием полученных от арабских стран таких ракетных комплексов) целого семейства северокорейских ракетных систем.

Первый вариант ракетного экспортно-контрольного списка был введен президентским указом в январе 1993 г. еще до официального присоединения страны к РКРТ и с тех пор неоднократно расширялся и дополнялся. Так, с августа 2001 г. действует указ № 1005, утвердивший список оборудования, материалов и технологий, которые могут использоваться в производстве ракетного оружия и на которые распространяются экспортные ограничения [28]. В январе 1998 г. было принято постановление Правительства РФ № 57, предусматривающее дополнительные меры по предотвращению передачи зарубежным странам товаров и услуг двойного применения, имеющих отношение к ОМУ и ракетным средствам его доставки.

Тем не менее, по мнению ряда исследователей, проблема в том, что зачастую российский национальный экспортный контроль остается во многом «*институциональным*» — т. е. системой в принципе существующих механизмов, законодательных актов

и инструкций, а не *операционным* — т. е. реально действующим на практике [29]. Российские органы экспортного контроля часто оказываются самым слабым «игроком» в схватке влиятельных ведомств, фирм и мощных лоббистских интересов, заинтересованных в расширении своих экспортных перспектив. Этим умело пользуются иностранные заказчики, ссылаясь, в частности, на практику нечестной конкуренции США и других стран-экспортеров на мировых рынках, а также включая коррупционные рычаги достижения своих целей.

Ракетное распространение на современном этапе

В настоящее время более 40 стран имеют на вооружении баллистические ракеты различной дальности [30]. Семь государств (Китай, Индия, Иран, Израиль, КНДР, Пакистан и Саудовская Аравия) располагают ракетами средней дальности (от 1000 до 5500 км) [31]. Пять стран (США, Россия, Великобритания, Франция и Китай) обладают ракетами межконтинентальной дальности наземного и морского базирования (более 5500 км).

К концу 90-х годов выявилась недостаточная эффективность РКРТ, оказавшегося неспособным предотвратить, несмотря на укрепление его авторитета и расширение членского состава, быстрое развитие ракетных потенциалов таких «проблемных» государств, как Ирак, Иран и Северная Корея. Несмотря на то что в ряде стран либо по их доброй воле (Аргентина, Бразилия, ЮАР), либо под воздействием санкций ООН (Ирак) военные ракетные программы были прекращены и арсеналы таких ракет уничтожены, усилия по укреплению РКРТ все еще отставали от потребностей международной безопасности и не затрагивали наиболее злостных нарушителей норм ракетного нераспространения (даже в отношении Ирака до начала 2003 г. сохранялись серьезные сомнения в плане выполнения обязательств Багдада по отказу от производства ракет с дальностью свыше 150 км).

Теоретически все ракетопроизводящие страны можно разделить на три категории. В первую входят лидеры в области ракетных технологий — пятерка ядерных держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также Израиль. Их ракетные программы можно с известной натяжкой считать самостоятельными, хотя они и развиваются на основе постоянной технологической и научной

подпитки со стороны мировых лидеров ракетостроения — США и России (в последнем случае играют роль и украинские центры и специалисты). Среди стран этой группы выделяется Китай, стремящийся за счет активной политики по закупке ракетных технологий и их воспроизводству собственными силами превратиться в мощную глобальную военную державу. В первой группе только КНР можно отнести к серьезным факторам распространения ракетной техники, причем в глобальном масштабе. Китай стал наиболее агрессивным экспортером ракетных систем, в основном средней дальности, и крайне заинтересован в приобретении российских и западных технологий для модернизации своих собственных МБР и БРПЛ. К данной категории можно отнести и Индию, которая стремится создать практически весь спектр ракетного оружия включая планы разработки МБР «Агни» с дальностью 5 тыс. км и «Сурья» с дальностью 8—12 тыс. км.

Ко второй категории относятся государства, не имеющие активных собственных программ по созданию ракетных средств доставки, но в принципе обладающие такими возможностями. К ним можно отнести Южную Корею, Аргентину, Бразилию, Турцию, ЮАР и ряд других стран, в основном придерживающихся взвешенной внешней и военной политики.

Наконец, третья категория — это проблемные государства, представляющие наибольшую угрозу с точки зрения ракетного распространения. К ним относятся прежде всего Иран и Северная Корея, а также Пакистан, Сирия и ряд других арабских стран.

Каналы и параметры современного ракетного распространения подробно описаны в открытой литературе [32]. Помимо традиционных ракетно-технических связей сформировался «вторичный» рынок тесного сотрудничества в этой области среди стран, ранее бывших покупателями, а теперь ставших поставщиками различных видов ракетных носителей. Прежде всего речь идет о Северной Корее, Иране и Пакистане, а также Сирии. Раньше в эту группу входили Египет, Ирак, Йемен и Ливия.

Насколько можно судить по «утечкам» из разведслужб и открытым источникам, в последние годы не происходит лавинообразного увеличения числа ракетных программ в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Современная динамика ракетного распространения имеет скорее инерционный характер. В сегодняшнем мире не заметно ощутимого расширения числа стран, желающих развивать собственные потенциалы ОМУ и ракетных носителей. Пример Ливии свидетельствует, что отказ от военных

ядерных и ракетных программ может принести определенные политические дивиденды, гарантии безопасности со стороны ведущих держав, а также адресную финансово-экономическую помощь.

Наибольшую угрозу по мнению большинства специалистов представляют ракетные программы Северной Кореи и Ирана.

КНДР, несмотря на общую отсталость и затяжную социально-экономическую агонию, обладает весьма развитым инженерно-технологическим потенциалом. Он позволяет Пхеньяну продолжать разработку ракетной техники на основе ракет типа «Скад» и китайских систем и агрессивно выходить с ними на мировые рынки, став фактически ведущим поставщиком ракетных средств для всего развивающегося мира [33]. В этих странах северокорейские специалисты помимо поставок готовых систем строят местные производственно-сборочные предприятия и объекты инфраструктуры, оказывают военно-техническую помощь в овладении основными навыками в области ракетных технологий. Так, в 1991 г. Сирия, используя финансовые средства, полученные от Саудовской Аравии за участие в антииракской коалиции того времени, приобрела более 150 ракет «Скад-С» и порядка 20 пусковых устройств для них.

При этом корейская экспертиза в ракетной области в рамках своего рода международного картеля обменивалась на пакистанские ядерные технологии, а финансовые средства поступали от Ирана. Как отмечалось в сохраняющем аналитическую ценность докладе Службы внешней разведки России от 1993 г., «основу северокорейского потенциала средств доставки составляют баллистические ракеты малого радиуса действия типа “Фрог-5” и “Фрог-7”, приобретенные КНДР в СССР в конце 50-х годов, усовершенствованные ракеты “Скад-Б” также советского производства и их северокорейские модификации “Скад-С”»[34].

Несмотря на попытки КНДР выйти на основе глубокой доводки технологий «Скад» и ряда китайских оперативно-тактических ракет на уровень создания МБР, это по мнению большинства международных специалистов лежит пока за рамками технологических возможностей северокорейского режима. Усилия корейских ракетчиков, по имеющимся данным, пока что не выходят за рамки соединения в связку двигателей ракет «Скад» и установки в качестве второй ступени еще одной ракеты «Скад», что не позволяет достичь межконтинентальной дальности.

Иран, отставая от Северной Кореи в технологиях ракетостроения, обладает при этом довольно развитой инфраструктурой

индустриальных предприятий, превратившись после поражения саддамовского Ирака в ведущего претендента на создание собственных ракетных систем в регионе Ближнего и Среднего Востока. Первые 4 пусковые устройства ракетного комплекса «Скад-Б» и 54 ракеты к ним были получены Тегераном из Ливии и Сирии в 1985—1986 г. и использованы в «войне городов» против Ирака. Однако, несмотря на значительные финансовые вложения, общий уровень иранской производственной культуры остается все же невысоким. Иран зависит в освоении технологий серийного производства баллистических и крылатых ракет от поддержки Китая, Северной Кореи и Пакистана. Нельзя исключить, что в этом также участвуют на индивидуальной основе специалисты-ракетчики из России и Украины [35].

В настоящее время в Иране продолжается развертывание оперативно-тактических ракет «Шехаб-3» с дальностью до 1500 км и забрасываемым весом около 1000 кг, способных поражать цели в Израиле, Ираке и районе Персидского Залива, а также в южной зоне России и СНГ. По имеющейся информации, остальные амбициозные проекты по развитию этой «серии» жидкостных ракет с увеличением их дальности пока не получили развития.

Ракетные программы Пакистана раньше зависели от помощи Китая и Северной Кореи. Теперь его ракетный арсенал весьма разнообразен. Как потенциальные носители ядерного оружия развернуты твердотопливные ракеты «Хатф-1» (80—100 км), «Хатф-2» (до 190 км), «Хатф-3» (до 300 км) и «Хатф-4» («Шахин-1») (до 750 км). Испытана двухступенчатая твердотопливная БРСД «Шахин-2» («Хатф-6») с дальностью 2500 км. Также развернуты или разрабатываются жидкостные ракеты на основе северокорейской ракеты «Нодон-1».

Ограниченное нынешнее число основных «проблемных» стран в плане угрозы ракетного распространения позволяет ставить задачу сдерживания дальнейшего расползания ракетных технологий за счет скоординированного применения мировым сообществом комплекса мер политико-дипломатического и экономического характера. Речь идет о возможности добиться от этих стран обязательства прекратить разработку боевых ракет в обмен на военно-политические гарантии безопасности со стороны ведущих держав мира, оказание экономической помощи и доступ к передовым мирным научным достижениям и технологиям. Такой путь возможен, разумеется, только в контексте серьезных изменений в традиционных подходах самих ведущих держав.

Ракетное распространение и международный терроризм

Нельзя исключать, что не только проблемные государства, но и террористические организации проявляют повышенный интерес к крылатым ракетам и беспилотным летательным аппаратам (БПЛА), приобретение и боевое применение которых в ряде случаев может оказаться значительно более легким делом по сравнению с баллистическими ракетами. Так, различные типы БПЛА с использованием коммерческих общедоступных приборов глобального спутникового позиционирования системы GPS, а в будущем «Галилео» или «Глонасс» с обычным боезарядом превращаются в высокоточное оружие, которое с успехом может поражать химические и нефтеперерабатывающие заводы, атомные электростанции и другие реакторы, склады горючего и ядовитых материалов (например, хлора и аммиака) и многие другие критические объекты в мегаполисе [36]. В то же время такое оружие может оказаться весьма трудно отследить и перехватить. Даже ведущие страны мира, такие как США, Россия, западноевропейские государства, весьма слабо прикрыты в мирное время от внезапной атаки беспилотных летательных аппаратов и крылатых ракет [37].

Все это делает жизненно необходимыми дальнейшие усилия по ужесточению контроля за экспортом технологий, применимых для производства БПЛА и крылатых ракет как в рамках укрепления положений контрольных списков Приложения к РКРТ в развитие начатого на встрече участников Режима в Варшаве в 2002 г. процесса, так и другими путями, прежде всего укреплением ДНЯО и совершенствованием методики реализации ИБОР и других мер контрраспространения [38].

Еще одним потенциальным каналом распространения критических ракетных технологий является декларируемое право всех государств на мирное освоение космического пространства как всеобщего достояния человечества [39]. До сих пор эксперты не нашли эффективных путей различения технологий боевых баллистических ракет и космических ракет-носителей, несмотря на ряд общепринятых типических отличий в конструкции двигателей (определяющих время готовности к запуску), а также возвращаемых головных частей и систем управления полетом. В то же время такие отличия не зафиксированы в международно-правовых доку-

ментах и являются не бесспорными, особенно с учетом широкого нынешнего использования конверсионных систем МБР и БРПЛ для вывода в космос полезной нагрузки.

Отсутствие общей трактовки Москвой и Вашингтоном ключевых проблем ПРО негативно влияет на международно-правовые усилия по противодействию ракетному распространению. В американской военно-политической элите все большее влияние приобретает мнение о неэффективности «пассивных» методов ограничения ракетного распространения через дальнейшее совершенствование международно-правовых механизмов. Вместо них предлагается перейти к активным мерам «контрраспростанения», в том числе военного характера.

Россия была всего лишь одной из двух стран (вторая — ЮАР), поддержавших в 2000 г. идею создания экспертной группы ООН по подготовке исследования о ракетах во всех их аспектах. Доклад был выпущен в июле 2002 г.[40] В нем была приведена информация по истории создания ракет, современному состоянию ракетных программ в разных странах, о действующих договоренностях и новых инициативах в этой области.

В 1996—2001 гг. Москва, пытаясь спасти Договор по ПРО, выдвинула ряд инициатив, к числу которых относилось предложение о разработке «Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий» (ГСК), впервые выдвинутое президентом Б. Ельциным на встрече «восьмерки» в июне 1999 г. и официально внесенное на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в Нью-Йорке в 2000 г. Концепция ГСК состояла из трех основных блоков.

• Во-первых, предлагалось создание многостороннего режима транспарентности пусков ракет, который мыслился как мера укрепления доверия. Этот механизм основывался бы на российско-американской договоренности относительно уведомлений о ракетных пусках. Учрежденный в Москве по двустороннему соглашению совместный Центр обмена данными от систем раннего предупреждения и уведомления о пусках ракет позволил бы при его функционировании в штатном режиме нейтрализовать потенциальную угрозу случайных или несанкционированных пусков российских и американских ракет, а также контролировать производство таких пусков любыми другими странами, предоставлял бы технические возможности для создания базы данных, которую затем можно было бы использовать в контексте многосторонних договоренностей о пусках, производимых государствами мира.

• Во-вторых, ГСК предусматривала предоставление позитивных гарантий безопасности государствам, отказавшимся от собственных национальных ракетных программ (т. е. гарантий их защиты в случае нападения извне).

• В-третьих, предполагалось проводить многосторонние консультации по проблематике ракетного нераспространения.

Таким образом, ГСК представляла собой пакет политико-дипломатических мер, направленных на усиление совместного контроля над распространением ракет и ракетных технологий с конечной целью создания глобального режима в этой сфере [41]. При этом в задачи ГСК входило бы создание международно-правового инструментария, который отсутствовал в РКРТ: разработка стимулов к соблюдению норм нераспространения, направление странами уведомлений о планируемых запусках ракет и космических носителей, а также набор политических и экономических поощрительных мер для стран, которые отказываются от использования ракетных носителей.

В определенном смысле ГСК стала идейным продолжением более ранней инициативы президента Б. Ельцина от января 1992 г. под названием «Глобальная система защиты», направленной на противодействие американским планам создания системы ПРО [42].

Выдвижение ГСК в контексте борьбы с американскими планами создания ПРО почти автоматически обеспечило негативную реакцию со стороны ведущих западных стран. Неудивительно, что одновременно инициатива получила поддержку со стороны таких стран, как Иран, Индия, КНДР, и ряда других государств, многие из которых стремились к созданию собственных ракетных арсеналов [43]. Это сразу политизировало ГСК и лишило ее шансов стать практическим шагом к решению проблемы. Возможно, при этом российская дипломатия достигла каких-то пропагандистских результатов, но их значение было недолговечным. Это достойно сожаления, поскольку ГСК содержала ряд рациональных и вполне реализуемых мер, способных значительно укрепить режим ракетного нераспространения.

Другая важная инициатива того времени — «Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет», выдвинутый Канадой в 1999 г. («Гаагский кодекс поведения») в итоге многомесячных усилий по поиску компромиссов на встречах в рамках РКРТ в 2000—2001 гг. Кодекс призывал государства к максимально возможной открыто-

сти и сдержанности при разработке, испытаниях и развертывании баллистических ракетных систем и принятию мер транспарентности, предоставлению ежегодных заявлений о таких программах и уведомлений о планируемых пусках баллистических ракет и космических носителей. Основными целями Кодекса являются:

• обеспечение доверия и транспарентности в отношении программ баллистических ракет и космических ракет-носителей, в том числе на основе регулярных сообщений об испытательных пусках ракет;

• признание государствами, принявшими Кодекс, того факта, что приверженность нормам разоружения и нераспространения и полное их соблюдение укрепляют доверие в отношении мирных намерений государств;

• обязательство со стороны государств, принявших Кодекс, не оказывать содействие каким-либо ракетным программам в странах, которые подозреваются в разработке ОМУ, не совместимое с нормами договоров по разоружению и нераспространению.

Российский подход к Кодексу с самого начала отличался определенной двойственностью. С одной стороны, Москва поддерживала усилия по его согласованию и выступала за придание ему юридически обязывающего характера. Этого, однако, достичь не удалось. С другой стороны, Россия не была реально заинтересована в чрезмерном расширении рамок Кодекса за счет свободы своего ракетного экспорта и обеспечения коммерческой тайны таких поставок.

По мнению многих экспертов, принятый документ не был свободен от весьма существенных недостатков [44]. Кодекс являлся не всеобъемлющим режимом, а лишь сводом неких общих рекомендаций и принципов. Его действие в отличие от РКРТ не распространялось на крылатые ракеты и беспилотные летательные аппараты. Он не требовал сдержанности в отношении космических носителей, использующих аналогичные с МБР технологии, хотя и предусматривал для государств возможности использовать преимущества освоения космического пространства.

Тем не менее Кодекс, вероятно, представлял собой единственно возможное в тот момент решение. Его разработка позволила привлечь к усилиям по ракетному нераспространению такие государства, как Китай, Индия, Пакистан и Израиль, а до определенного момента и Иран.

Будущее режима нераспространения ракет

Радикальным шагом на пути противодействия распространению ракет всех типов и ракетных технологий можно было бы считать разработку нового документа на основе «Гаагского кодекса поведения» и ГСК. Речь идет о глобальном и юридически обязывающем режиме ракетного нераспространения, закрепленном в международном договоре (конвенции) о нераспространении ракет и ракетных технологий по типу ДНЯО. Этот документ должен был бы содержать конкретный набор определений и терминов, очерчивающих его понятийный аппарат, предмет и охват, а также четко сформулированные права и обязанности участников.

При этом, в отличие от ДНЯО, новый договор не предполагал бы полного отказа одной группы государств-участников от ракетных систем в обмен на обязательство другой группы вести дело к ликвидации имеющихся у них ракетных средств. По существу, новый документ представлял бы собой в первую очередь международно-правовую кодификацию основных положений РКРТ, принятую, как большинство договоров по разоружению, под эгидой ООН и открытую к подписанию в ее стенах. В договоре речь должна была бы идти прежде всего об экспортном контроле с целью ограничения поставок определенных видов ракет и ракетных технологий с приданием ему обязательного характера и обеспечением специально согласованных мер транспарентности, доверия, контроля и проверки в этой сфере. Можно было бы также несколько ужесточить пороговые ограничения РКРТ, скажем, снизить лимиты по дальности с 300 до 150 км, а забрасываемого веса — с 500 до 200 кг (более низкие лимиты вступили бы в «серую зону» между ракетами и ракетной и ствольной артиллерией, что создало бы большие трудности для контроля).

В отличие от Кодекса в этом договоре (конвенции) предусматривалось бы ужесточение контроля не только за экспортом баллистических ракет, но и за экспортом крылатых ракет и БПЛА, а также за международным оборотом связанных с ними технологий. Все эти ограничения имели бы юридически обязывающий и контролируемый характер. Они относились бы не только к группе стран, уже имеющих ракеты большей дальности и экспортирующих такие средства и технологии, а ко всем странам-участницам. Тем самым наиболее спорный «водораздел» ДНЯО (между ядерными и неядерными государствами) не был бы заимствован в новом до-

кументе де-юре, хотя де-факто страны, уже обладающие ракетами и ракетными технологиями, оказались бы, конечно, в привилегированном положении.

По аналогии с ДНЯО в качестве стимула для отказа другой группы государств от создания собственных ракетных систем с характеристиками, превышающими установленные параметры, а также от их импорта или приобретения каким-либо иным образом можно было бы предусмотреть предоставление им на льготных условиях услуг по выводу в космос полезных грузов носителями ведущих космических держав, участие на привлекательных условиях в международных космических проектах коммерческого и научного характера. В этих целях было бы целесообразно организовать международный консорциум. Кроме того, договор мог бы сочетаться с гарантиями безопасности со стороны ведущих ракетных держав по отношению к странам, отказавшимся от ракет, для предотвращения ракетного нападения на них.

Активизация российско-американского проекта ЦОД и придание ему многостороннего характера могли бы стать дополнительным стимулом для участников договора. В дальнейшем по мере развития российско-американской интеграции по системам предупреждения о ракетном нападении и мониторинга ракетного распространения можно было бы подключить в качестве получателей своевременной соответствующей информации все государства — участники нового договора.

Также для увеличения привлекательности этого договора (конвенции) можно было бы придать универсальный и обязательный характер уведомлениям о любых ракетных и космических запусках. В случае реализации договоренности России и США от 2002 г. о развитии совместной системы ПРО можно в конечном счете прийти к соглашению даже о такой крайней мере, как перехват и уничтожение с помощью средств ПРО и ПВО любых незаявленных пусков ракет [45]. Это стало бы эффективным способом предоставления гарантий безопасности странам, отказавшимся от собственных ракет.

В нынешней международной обстановке вряд ли следует рассчитывать на быстрое продвижение к созданию режима нераспространения ракет всех типов по типу ДНЯО, который мог бы прийти на смену РКРТ или дополнить и развить Кодекс и ГСК. Одна из причин такого положения состоит в том, что по сложившимся представлениям контроль над ракетным распространением имеет

подчиненный характер по отношению к договорам, режимам и механизмам нераспространения ОМУ. Ведь в конце концов речь идет лишь об одном из возможных средств доставки ОМУ, причем для «проблемных» государств и террористических организаций отнюдь не самом удобном и доступном. В случае краха ДНЯО и других режимов нераспространения ОМУ повышение эффективности РКРТ будет не столь важной проблемой.

Но в контексте упрочения договоров, режимов и механизмов нераспространения ОМУ последовательное ужесточение контроля над ракетами и ракетными технологиями представляется не только вполне оправданным, но и необходимым. Технический прогресс в ракетной технике, системах управления и наведения, процессы глобализации в сфере трансграничного оборота изделий, технологий, информации и специалистов делают ракеты и БПЛА все более привлекательным и доступным средством нападения как для авантюристических режимов, так и для международного терроризма. Возможность применения ракет или аэродинамических носителей даже с обычными боезарядами для террористических ударов по объектам особого риска в перспективе может поставить вопрос укрепления РКРТ ближе к переднему плану проблематики безопасности, причем как вполне самостоятельную, а не побочную проблему нераспространения.

Поэтому основные направления упрочения системы РКРТ предполагают придание этому режиму международно-правовой основы в виде договора (конвенции), имеющего юридически обязывающий характер, понятийный аппарат, систему обмена информацией, контроля и проверки, распространение режима на крылатые ракеты и БПЛА, создание постоянной административной структуры и инспектората, предоставление странам-участницам гарантий безопасности и других стимулов.

Примечания

[1] О «Скаде» см: *Zaloga S.* Ballistic Missiles in the Third World: Scud and Beyond // Intern. Defense Rev. — 1988. — № 21. — Nov. — P. 1423—1427.

[2] В сентябре 1956 г. СССР согласился продать Китаю 2 ракеты Р-1 с дальностью 270 км и соответствующую техническую документацию. За этим последовали ракета Р-2 (SS-2) с дальностью 590 км и первая советская БРПЛ Р-11ФМ. Позднее китайскими студентами в Москве была получена документация на Р-5 (модернизированную Р-2) и на БРСД Р-12 (SS-4), что сделало возможным создание первой китайской ракеты DF-1.

См.: *Lewis J. W., Hua Di.* China's Ballistic Missile Programs: Technologies, Strategies, Goals // Intern. Security. — 1992. — Fall. — Vol. 17. — № 2.

[3] *Nolan J.* Trappings of Power: Ballistic Missiles in the Third World. — Washington, DC: Brookings Institution, 1991. — P. 22.

[4] Документы РКРТ включали «Руководящие принципы» и содержащиеся в Техническом приложении контрольные или ограничительные списки технологий и товаров, поставки которых подлежали запрету. Они подразделены на два вида. В первый (категория I) входят технические средства, включающие законченные ракетные системы и беспилотные летательные аппараты, которые способны доставлять полезную нагрузку не менее 500 кг на дальность 300 км и более, их подсистемы, материалы, а также связанные с ними технологии разработки и производства (предусмотрена возможность взвимозачета веса полезной нагрузки и дальности). В категорию II входят технические средства, включающие законченные ракетные системы, оборудование, материалы и технологии, не включенные в Категорию I, но обладающие техническими показателями, позволяющими использовать их для создания систем доставки ОМУ. Наиболее вероятным вариантом решения вопросов о поставках технических средств категории I будет отказ в таких поставках. В целом передача подпадающей под положения РКРТ техники возможна лишь при получении гарантий со стороны получателей и после консультаций с другими членами РКРТ.

[5] См. текст РКРТ на сайте Режима: http://www.mtcr.info/english/index.html.

[6] Там же.

[7] Автор являлся одним из разработчиков советской официальной позиции по данной проблеме.

[8] Термин бывшего министра обороны США У. Перри: «Pursuing a Strategy of Mutual Assured Safety», Remarks delivered by Secretary of Defense William Perry and excerpted questions and answers at the National Press Club, Washington, January 5, 1995 // http://www.defenselink.mil/speeches/1995/s19950105-perry.html.

[9] См.: *Arunachalam V. S.* Desire and Denial: The Nullification of Cryogenic Rocket Motor Technologies to India // http://www.eisenhowerinstitute.org/programs/globalpartnerships/fos/newfrontier/arunarticle.htm; «GSLV» Federation of American Scientists Space Policy Project website http://www.fas.org/spp/guide/india/launch/gslv.htm; *Neelam J.* Russia Transfers Advanced Technology to India Despite U.S. Pressure // Executive News Service, UPI. — 1994. — March 15.

[10] О «криогенной сделке» см.: Russia, the U.S. and the Missile Technology Control Regime / A. Pikayev, L. Spector, E. Kirichenko and R. Gibson // Adelphi Paper № 317. — London: IISS, 1998.

[11] *Eisenstadt M.* Russian Arms and Technology Transfers to Iran: Policy Challenges for the United States // Arms Control Today. — 2001. — March; *Shaffer B.* Partners In Need: The Strategic Relationship of Russia and Iran / The Washington Inst. for Near East Policy. — Washington, DC, 2001. — (Policy Paper;

May); *Karp A.* Lessons of Iranian Missile Programs for US Nonproliferation Policy // Nonproliferation Rev. — 1998. — Spring—Summer. — P. 17—35; *Wehling F.* Russian Nuclear and Missile Exports to Iran // Nonproliferation Rev. — 1999. — Winter. — P. 134—143; Russian Nuclear and Missile Exports to Iran: CNS Issue Brief on WMD in the Middle East // http://cns.miis.edu/research/wmdme/russiran.htm; CNS NIS Nuclear Profiles Database «Russian Missile Exports to Iran», compiled by F. Wehling and S. Parrish // http://cns.miis.edu/research/summit/irmiss.htm; http://cns.miis.edu/research/wmdme/iran.htm.

[12] Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States // http://www.house.gov/hasc/testimony/105thcongress/BMThreat.htm.

[13] *Timmerman K.* The Russian Missiles We Could Have Stopped: Testimony before the House Committee of International Relations, Oct. 6, 1999; *Eisenstadt M.* Russian Arms and Technology Transfers to Iran: Policy Challenges for the United States // Arms Control Today. — 2001. — March.

[14] Russian-Iranian cooperation pursues only peaceful, civilian goals: Press Release. — 1998. — № 10. — March 5 (http://www.fas.org/news/russia/1998/pr3_5.html); Russia: Missile Exports To Iran: Component // http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/exports/rusiran/comp.htm.

[15] *Squassoni Sh., Smith M. S.* The Iran Nonproliferation Act and the International Space Station: Issues and Options // Congressional Research Service, CRS Report for Congress. — 2005. — March 2. — P. 5—6.

[16] См., например: *Khromov G.* Missile Nonproliferation and Russia's State Interests // The Monitor / The Center for Intern. Trade and Security at the Univ. of Georgia. — 1996. — Vol. 2. — № 3. — Summer.

[17] *Dobbs M.* A Story of Iran's Quest for Power: A Scientist Details the Role of Russia // Washington Post. — 2002. — Jan. 13.

[18] *Eisenstadt M.* Russian Arms and Technology Transfers to Iran: Policy Challenges for the United States // Arms Control Today. — 2001. — March; *Shaffer B.* Partners In Need: The Strategic Relationship of Russia and Iran / The Inst. for Near East Policy. — Washington, DC, 2001. — (Policy Paper; May).

[19] *Timmerman K.* The Russian Missiles We Could Have Stopped: Testimony before the House Committee of International Relations, Oct. 6, 1999. — P. 5; Russia: Missile Exports To Iran: Component // http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/exports/rusiran/comp.htm; http://www.nti.org/db/nisprofs/over/9firms.htm.

[20] *Горностаев Д., Коротченко И.* Кремль отказался не от сделки Гор-Черномырдин, а от продолжения ельцинской внешней политики // Независимая газ. — 2000. — 24 нояб.; *Коротченко И.* Надуманные претензии США: Россия не участвует в реализации ядерной и ракетной программ Ирана // Независимая газ. — 1999. — 26 февр.

[21] *Hoffman D.* Russian Missile Gyroscopes Were Sold to Iraq // Washington Post. — 1997. — Sept. 12; *Hoffman D.* Iraq Sought Russian Arms Technology:

Probe Details Moscow Deal for Missile Equipment in '94 // Washington Post. — 1998. — Oct. 18.

[22] *Orlov V., Potter W. C.* The Mystery of the Sunken Gyros // The Bulletin of Atomic Scientists. — 1998. — Nov./Dec. — Vol. 54. — № 6; *Hoffman D.* Wastes of War: In Search of Russia's Weapons Scientists // Washington Post. — 1998. — Dec. 28.

[23] *Ritter S.* Endgame: Solving Iraq problem — Once and For All. — New York, Simon & Schuster, 1999. — P. 177.

[24] *Harrison D.* Russian spies told Saddam how Bush would justify war // Daily Telegraph. — 2003. — Apr. 20 (http://www.telegraph.co.uk/news/main.jhtml?xml=/news/2003/04/20/wirq120.xm); *Evans M.* Saddam seeks Russian missile deal // London Times. — 2000. — Aug. 14; *Berry J.* Iraqis Step Up Secret Russian Weapons Trade // Daily Telegraph. — 2001. — Febr. 25; http://www.house.gov/science/sokolski_071399htm.

[25] *Efron S.* N. Korea Working on Missile Accuracy // Los Angeles Times. — 2003. — Sept. 23.

[26] Defense Workers Tried To Go to DPRK // JPRS-TND-93-005. — 1993. — 12 Febr. — P. 14—15; *Tkachenko E.* // ITAR-TASS (Moscow). — 1993. — Febr. 10 // DPRK Reportedly Sought Russian Scientists To Modernize Missiles // FBIS-SOV-92-026. — 1993. — Febr. 10. — P. 11—12; *Agafonov S.* // Izvestiya. — 1994. — June 15; UPI. — 1993. — Febr. 10 // Executive News Service. — 1993. — Febr. 10; ITAR-TASS. — 1993. — Febr. 24 // FBIS-SOV-93-035. — 1993. — Febr. 24. — P. 11—12; Armed Forces J. Intern. — 1993. — Apr. — P. 9; ITAR-TASS. — 1993. — Febr. 24 // FBIS-SOV-93-035. — 1993. — Febr. 24. — P. 11—12.

[27] См., например, фактологическую справку, подготовленную американскими экспертами под руководством д-ра Д. Пинкстона для сайта «Инициативы Нанна-Тернера по нераспространению» (http://www.nti.org/e_research/profiles/NK/Missile).

[28] Рос. газ. — 2001. — 11 авг.

[29] *Kirichenko E., Potter W.* Nuclear Export Controls in Russia: The Players and the Process // Dangerous Weapons, Desperate States / G. Bertsch and W. Potter, eds. — New York: Routledge, 1999. — P. 27—31.

[30] К этим странам относятся Азербайджан, Аргентина, Армения, Афганистан, Бахрейн, Белоруссия, Великобритания, Вьетнам, Греция, Грузия, Египет, Израиль, Иран, Йемен, Казахстан, Китай, КНДР, Конго, Ливия, Саудовская Аравия, Сирия, Словакия, США, ОАЭ, Пакистан, Россия, Тайвань, Туркмения, Турция, Украина, Франция, Южная Корея. Ирак практически лишен ракетного потенциала в результате американской оккупации. Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security / G. Perkovich, J. Cirincione, R. Gottemoeller, J. B. Wolfsthal, J. T. Matheus; Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington D.C., June 2004. — P. 37.

[31] *Cirincione J.* A Much Less Explosive Threat // Washington Post. — 2002. — March 10; The Missile Threat: An Intelligent Assessment //

Proliferation Brief. — 2000. — Vol. 3. — № 2. — Febr. 10 (http://www.ceip.org/files/publications/proliferationbrief 302.asp); Countries Possessing Ballistic Missiles, Table was prepared by Todd Sechser of the Carnegie Non-Proliferation Project // http://www.ceip.org/files/publications/BallisticMissileChart.asp.

[32] См., например, ежегодник СИПРИ за 2004 г., приложение 12Д.

[33] *Wright D., Kadyshev T.* The North Korean Missile Program: How Advanced Is It? // Arms Control Today. — 1994. — Apr. — P. 9—12.

[34] Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения / Служба внешней разведки РФ. — М., 1993. — С. 94.

[35] *Timmerman K.* The Russian Missiles We Could Have Stopped: Testimony before the House Committee of International Relations, Oct. 6, 1999; *Eisenstadt M.* Russian Arms and Technology Transfers to Iran: Policy Challenges for the United States // Arms Control Today. — 2001. — March.

[36] Инженер из Новой Зеландии продемонстрировал возможность создать крылатую ракету за 5 тыс. долл. См. его сайт http://www.interestingprojects.com/cruisemissile.

[37] *Gormley D. M.* Enriching Expectations: 11 September's Lessons for Missile Defence // Survival. — 2002. — Vol. 44. — № 2. — Summer. — P. 19—35.

[38] *Gormley D. M., Speier R.* Controlling Unmanned Air Vehicles: New Challenges // The Nonproliferation Rev. — 2003. — Vol. 10. — № 2. — Summer. — P. 66—79.

[39] *Hurewitz B.* Non-Proliferation and Free Access to Space: The Dual-Use Dilemma of the Outer Space Treaty and the Missile Technology Control Regime // Berkeley Technology Law J. — 1994. — Iss. 9. — 2. — Spring.

[40] Документ ООН A57/229, 23 July, 2002, UN Secretary General, the report of the Panel of Governmental Experts on the issue of missiles in all its aspects.

[41] *Pikayev A.* Global Control System: Too Comprehensive? // http://www.ceip.org/files/Publications/PikayevGlobalControlSystem.asp?from=pubauthor. — 2001. — Apr.

[42] http://www.fas.org/nuke/control/abmt/text/b920617m.htm.

[43] *Efimov A.* New Challenges to the International Non-Proliferation Regime and Nuclear Suppliers Group // Yaderny Kontrol. — 2000. — № 3. — May—June. — P. 55.

[44] *Smith M.* On Thin Ice: First Steps for the Ballistic Missile Code of Conduct // Arms Control Today. — 2002. — Vol. 32. — № 6. — July/Aug.; *Nartker M.* Code of Conduct Ineffective, Experts Say // Global Security Newswire. — 2002. — Febr. 15.

[45] См.: *Arbatov A., Dvorkin V.* Revising Nuclear Deterrence // CSISM. — 2005. — Nov.

Глава 10. МЕРЫ КОНТР-РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Александр Калядин

Рост угрозы распространения ОМУ в мире и удары международного терроризма поставили вопрос об активных, наступательных действиях в борьбе с этими угрозами. Крупнейшей успешной операцией такого рода стала акция антитеррористической коалиции в Афганистане в 2001—2002 гг. Другая большая операция, предпринятая под лозунгом борьбы с ядерным распространением и терроризмом, — война США и их соратников в Ираке в 2003 г., которая была предпринята на основе ложной разведывательной информации, вопреки возражениям ряда ведущих держав мира и многих союзников США, вразрез с Уставом ООН и без санкции ее Совета Безопасности. Эта операция закончилась неудачей и скорее подстегнула и активность терроризма, и распространение ОМУ. Весьма неоднозначные результаты дает многолетняя контртеррористическая операция России на Северном Кавказе.

Среди активных менее масштабных силовых мер следует отметить взаимодействие государств в рамках Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения [1]. ИБОР представляет собой межправительственное соглашение ряда стран, предусматривающее проведение инспекций грузов на границе, в аэропортах и на судах в целях предупреждения незаконной перевозки ОМУ и относящихся к нему материалов. В настоящее время ИБОР в той или иной степени поддерживают более 60 стран, в том числе Россия, входящая в «ядро» ИБОР.

Новые вызовы — новые ответы

Принципиально новые угрозы в сфере распространения ОМУ возникли вследствие быстрого развития в последнее время практики передачи материалов и технологий массового поражения по каналам нелегальной коммерции, через тайные сети черного

рынка, включающие поставщиков, посредников, перевозчиков и обслуживающие структуры. Это стало одной из наиболее негативных сторон всеобъемлющего современного процесса глобализации.

В июне 2003 г. генеральный директор Международного агентства по атомной энергии М. эль-Барадей констатировал, что черный рынок ядерных технологий и материалов стал реальностью и практически не контролируется ни Агентством, ни ведущими спецслужбами. В системе этого рынка используются многоходовые посреднические схемы, товары и технологии переводятся из страны в страну, и эти пути практически не отслеживаются.

Впервые мировая общественность получила представление о широте торговой сети «ядерного супермаркета» в 2003 г., когда была разоблачена тайная сеть пакистанского происхождения. Эта хорошо организованная структура черного рынка, в которой видную роль играл пакистанский ученый-ядерщик А. К. Хан — руководитель Ядерного центра в Кахуте, функционировала с середины 1980-х годов до начала 2003 г. и занималась незаконной продажей ядерных материалов, оборудования и ноу-хау, которые среди прочего могли быть использованы для создания ядерных взрывных устройств (ЯВУ) [2]. Ее услугами могли воспользоваться Северная Корея, Иран, Ливия и, возможно, другие страны. Передача А. К. Ханом ядерных технологий Ирану позволила последнему совершенно скрытно сделать крупные шаги в его ядерной программе. Ливия также тайно, в обход международного контроля получила сотни тонн ядерного оборудования от международной сети А. К. Хана и другими незаконными способами [3]. Распространители использовали все более изощренные и агрессивные методы получения материалов и технологий, опираясь на подставные компании и «серых» брокеров.

Разразившийся политический скандал обнаружил вопиющую недостаточность традиционных средств и методов экспортного контроля, осуществляемого МАГАТЭ и Группой ядерных поставщиков, а также национальными органами экспортного контроля [4]. Тем более не были рассчитаны традиционные режимы и механизмы нераспространения на предотвращение доступа к ОМУ международного терроризма. Согласно докладу Национального совета по разведке США, опубликованному в 2005 г., возросла активность боевиков-террористов по поиску доступа к средствами массового поражения — ядерным и радиоактивным веществам, химическим средствам и токсинам. По прогнозу этого

органа в предстоящие 15 лет распространение технологий уничтожения людей значительно расширит возможности проведения террористических акций. Ожидается применение биологических и химических средств нападения в террористических целях. Не исключают эксперты и возможности проведения террористических актов с использованием ядерных взрывных устройств. Революция в средствах коммуникаций дает террористическим группам огромные преимущества в налаживании связей и уклонении от преследования властей. В упомянутом докладе утверждается, что арка нестабильности, простирающаяся от Африки до Юго-Восточной Азии, создает питательную среду для терроризма и распространения ОМУ, а террористические нападения с использованием материалов массового уничтожения могут иметь очень тяжелые последствия для экономики и государственного управления, привести к полной дезорганизации нормальной жизни граждан [5].

Имеется множество других признаков роста угрозы использования террористическими группами химических, биологических и радиоактивных материалов, а также их стремления к приобретению технологий, используемых при изготовлении ОМУ [6]. Риск усугубляется наличием в мире огромных и растущих запасов высокообогащенного урана и плутония [7], опасных химических веществ и биологических культур, в том числе гражданского назначения. Источниками получения террористическими сетями таких средств могут быть дельцы черного рынка, непризнанные ядерные, а также «пороговые» государства [8], особенно страны с нестабильными, коррумпированными режимами.

Негосударственные структуры, преследующие террористические цели, отрицающие современный международный правопорядок и стремящиеся к обладанию ОМУ, представляют собой субъекты мировой политики, в отношении которых цивилизованный мир еще не выработал действенных средств борьбы. Исходящую от них угрозу невозможно нейтрализовать посредством дипломатии. Традиционные правовые методы воздействия на поведение субъектов международных отношений (переговоры, договоры, посредничество, угрозы санкций и т. п.) неэффективны в борьбе с фигурантами подобного рода и совершенно не способны обеспечить функцию их сдерживания.

Очевидно, что режимы нераспространения ОМУ, основанные на заключенных в 1968—1993 гг. многосторонних договорах [9], оказались слабо приспособлены к тому, чтобы справить-

ся с новыми вызовами. В радикально изменившихся условиях предусмотренные ими механизмы обеспечения соблюдения договорных обязательств показали свою неэффективность, что породило сомнения в устойчивости режима нераспространения [10]. Меры обеспечения уверенности в соблюдении обязательств по нераспространению, предусмотренные традиционными международными режимами нераспространения ОМУ, фактически лишь сигнализировали (в лучшем случае) о нарушении государствами взятых ими обязательств или (задним числом) о попытках экстремистских организаций получить критические материалы и технологии.

Важнейший дефект упомянутых выше договоров, режимов и механизмов заключается в том, что они не предусматривают создания механизмов физического воспрепятствования запрещенной ими деятельности. Они оказались неспособны помешать переключению соответствующих установок и материалов с мирных на военные цели, ввозу и вывозу компонентов ОМУ и т. п. Во всех таких случаях в качестве крайней универсальной меры предполагалась передача дела в Совет Безопасности ООН как представляющего угрозу международному миру и безопасности.

Но далеко не все такие единичные случаи можно квалифицировать как угрозу столь крупного масштаба, хотя в совокупности и на протяжении длительного времени множество отдельных нарушений и злоупотреблений как раз и складываются в подобную угрозу. Кроме того, процедуры подключения Совета Безопасности и принятия им решений длительны, сложны и не позволяют оперативно реагировать на события. Зачастую, как продемонстрировали примеры кризисов вокруг КНДР и Ирана в 2003—2006 гг., на деятельность Совета Безопасности глубокий отпечаток накладывает «большая политика» в отношениях великих держав, никак не связанная с рассматриваемым конкретным вопросом.

С другой стороны, односторонние действия тех или иных держав или «коалиций желающих», как показал опыт иракской войны 2003 г., создает угрозу международного произвола, действий вне правового поля (торжества «права силы над силой права»), попыток государств решать силовым путем другие внешние и внутренние задачи под знаменем борьбы с терроризмом и распространением ОМУ. Такое «лекарство» может оказаться хуже болезни, тем более что оно подрывает единство стран и дискредитирует саму благую цель борьбы с этим двуединым злом.

ИБОР: новый механизм международного взаимодействия

В мировом сообществе формируется понимание необходимости новых международных механизмов принуждения к соблюдению принятых обязательств и резолюций по нераспространению. Появилась потребность в разработке жестких дополнительных мер сдерживания, пресечения деятельности и наказания злостных фигурантов распространения и их пособников в лице не только правительств, но и негосударственных субъектов — корпораций, некоммерческих организаций и физических лиц. Ответом такого рода на новые вызовы явилась Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, выдвинутая президентом США Дж. Бушем на международной встрече в Кракове (Польша) 31 мая 2003 г.[11]

Эта инициатива направлена на выявление, предотвращение и пресечение незаконного оборота и трансграничного перемещения материалов, связанных с ОМУ, и средств доставки такого оружия, в том числе через черный рынок соответствующих материалов и компонентов. В задачу ИБОР вошло укрепление способности правительств предотвращать передачу или транзит материалов и оборудования, относящихся к ОМУ, через национальную территорию, внутренние воды и воздушное пространство, а также сотрудничать с другими странами в осуществлении этой деятельности. Предусматривалось, в частности, принятие практических мер по физическому недопущению незаконной торговли ОМУ и его компонентами, наказание распространителей.

Вместе с тем следует отметить, что разработчики этого проекта на первых порах не удосужились состыковать ее с существующими правовыми нормами не только в сфере борьбы с распространением ОМУ, но и в области международной торговли, морского и воздушного права. Не были учтены прерогативы Совета Безопасности ООН, а также существующих режимов и договоров по разоружению и нераспространению ОМУ. В процессе создания механизма ИБОР изначально возник ряд проблем, связанных с соблюдением норм международного права, национального законодательства, а также недопущением ущерба законной торговле в ходе проведения операций по перехвату подозрительных грузов. К таким проблемам относятся: применение принудительных мер к транспортным средствам за пределами национальной юрис-

дикции; ответственность за безосновательное задержание судов, грузов; порядок конфискации и уничтожения грузов, обращение с экипажами задержанных судов и т. д. Это обусловило изначально настороженное отношение ряда государств к ИБОР.

На встрече стран «ядра» ИБОР, состоявшейся в Австралии в июле 2003 г., были составлены планы по отработке совместных выборочных задержаний морских судов, подозреваемых в перевозках ОМУ и его компонентов. Определились следующие виды деятельности: изменение национального законодательства стран-членов с тем, чтобы перевозки контролируемых товаров могли досматриваться или захватываться в рамках национальной юрисдикции; обмен разведывательными данными и сотрудничество правоохранительных органов в интересах обнаружения нелегальных перевозок; обучение и проведение учений по перехвату, а также перехват в пространствах, находящихся под национальным контролем (на земле, в воздухе и на море).

Первые военно-морские учения данного типа прошли в середине 2003 г. в Коралловом море (близ побережья Австралии). За ними последовали учения в Средиземном и Аравийском морях. Учебные задачи по перехвату выполнялись также и ВВС и сухопутными силами 11 стран — участниц ИБОР.

На состоявшейся в сентябре 2003 г. в Париже очередной встрече 11 стран — участниц ИБОР было принято «Совместное заявление о принципах перехвата», свидетельствующее о стремлении его авторов придать легитимный характер принудительным операциям. Декларация преследовала цель снять озабоченность, высказываемую рядом стран, связанную с возможными нарушениями международного права при перехвате, нанесением ущерба законной торговле и другими последствиями правового порядка, а также с попытками использовать ИБОР в эгоистических политических (или коммерческих) целях отдельных государств или лоббирующих группировок.

В итоговых документах парижской встречи [12], в частности, отмечалось, что участники ИБОР стремятся создать скоординированную и эффективную основу для осуществления принципов перехвата ОМУ, систем доставки и относящихся к ним материалов, совместимую с национальным законодательством государств и соответствующую международно-правовыми нормами и институтам включая Совет Безопасности ООН. Утверждалось, что ИБОР призвана опираться на существующие договоры и режимы нераспространения. Подчеркивалось, что

ИБОР — «часть общих усилий в поддержку нераспространения, одна из опор коллективной безопасности и стратегической стабильности» и эта инициатива «может способствовать, наряду с другими инструментами, полной имплементации и соблюдению обязательств в рамках этого режима, в особенности соглашений по нераспространению»[13].

Государства — учредители ИБОР обратились с призывом ко всем государствам, обеспокоенным угрозой распространения ОМУ, средств его доставки и относящихся к ним материалов, присоединиться к ним и поддержать согласованные принципы перехвата в целях ИБОР. Наиболее важными элементами этих принципов являются:

• эффективно запретить перемещение ОМУ, систем доставки и относящихся к ним материалов, направляющихся к субъектам, вызывающим опасения с точки зрения распространения, и от субъектов, вызывающих аналогичные опасения;

• осуществлять оперативный обмен информацией о подозрительных действиях по распространению, выделять на эти цели достаточные ресурсы и максимально координировать действия с другими участниками Инициативы;

• укрепить национальные юридические полномочия по осуществлению перехвата, а также международные правовые акты и рамочные документы;

• предпринимать конкретные действия в поддержку усилий по перехвату, в том числе:

  • воздерживаться от транспортировки указанных грузов или помощи в их транспортировке;
  • в инициативном порядке входить на борт и обыскивать любое судно, находящееся в их юрисдикции, в водах другого государства, если существует подозрение, что на борту находятся искомые грузы;
  • серьезно рассмотреть возможность разрешать обыск собственных судов представителями другого государства, если есть подозрение о наличии на борту указанных грузов;
  • предпринимать шаги по входу на борт и обыску судов других государств в территориальных водах и гаванях государств;
  • требовать посадки воздушных судов, подозреваемых в перевозке указанных грузов и пересекающих воздушное пространство государства, в целях проверки и возможного задержания таких грузов, либо заранее лишать эти воздушные суда прав транзита;

- если порты, аэродромы или другие объекты используются для отправки грузов подозреваемым распространителям, осматривать подозреваемые суда и задерживать указанные грузы [14].

Россия заявила о присоединении к ИБОР 31 мая 2004 г., в день первой годовщины провозглашения Инициативы. Российская делегация приняла участие во встрече государств — учредителей ИБОР, проходившей в Кракове. Россия вошла в состав учредителей («ядра») ИБОР. На 31 мая 2004 г. оно включало в себя 15 стран. В сообщении российского МИДа от 1 июня 2004 г. говорилось, что принципы ИБОР, изложенные в Парижской декларации стран-учредителей в сентябре 2003 г., как они были развиты ими в Лондоне в октябре того же года, соответствуют линии России в сфере нераспространения. В нем также отмечалось, что «российская сторона намерена вносить свой вклад в реализацию ИБОР с учетом требований совместимости действий с нормами международного права, соответствия национальному законодательству и общности нераспространенческих интересов с партнерами»[15].

Таким образом, Россия присоединилась к ИБОР не сразу, а год спустя после провозглашения президентом США этой инициативы. Сыграли свою роль упомянутые выше опасения относительно возможных нарушений международного права в процессе осуществления целей ИБОР. Кроме того, медлительность с определением позиции в вопросе об участии в ИБОР, возможно, была вызвана трудностями достижения консенсуса по этому вопросу в российской политической элите. Воздействие на официальную политику стремятся оказывать представители групп, имеющих не совпадающие специфические интересы (корпораций, ведомств и т. д.). В частности, к ним относится атомная промышленность, руководители которой ориентированы на наращивание экспортного потенциала, сохранение и расширение рынков сбыта реакторного оборудования и ядерных материалов. Есть и другие экспортеры товаров и технологий двойного назначения, ведомственные и иные структуры, которые на первый план выдвигают собственные региональные интересы и ратуют за развитие отношений России с определенными странами, в том числе подозреваемыми в осуществлении программ в области ОМУ. В России есть противники линии на сотрудничество с США, Западом (которые в последние годы становятся все более влиятельными), недооценивающие опасность дальнейшего распространения ОМУ и средств его доставки [16].

В дебатах по вопросу участия России в ИБОР верх взяли дальновидные государственные деятели, политики и эксперты, считающие, что распространение ОМУ относится к наиболее серьезным угрозам ее безопасности и обосновывающие необходимость комплексного наступательного подхода к решению этой проблемы и расширения сотрудничества со странами Запада [17].

На саммите «восьмерки» в Си-Айленде (США), проходившем в июне 2004 г., был принят при участии России план действий «восьмерки» по нераспространению, в котором, в частности, намечены задачи и в области реализации ИБОР. Лидеры восьми государств обязались расширить деятельность в рамках ИБОР, «чтобы срывать и демонтировать сети распространения, такие как сеть А. К. Хана, а также координировать усилия по соблюдению положений ИБОР». Они поставили перед собой цель не позволить приобрести оборудование и технологии обогащения урана и получения плутония террористам или государствам, стремящимся использовать их для создания оружия.

Подведению необходимой международно-правовой базы под деятельность в рамках ИБОР способствовала резолюция № 1540, принятая 28 апреля 2004 г. Советом Безопасности ООН в контексте борьбы с терроризмом, в которой помимо прочего содержится призыв к государствам сотрудничать в деле воспрепятствования черным рынкам ОМУ [18]. Резолюция заложила важные принципы и механизмы скоординированного противодействия черным рынкам в сфере ОМУ и связанных с ним материалов. Главная цель резолюции — создать эффективные барьеры, предотвращающие попадание ОМУ, его компонентов и средств доставки и относящихся к ним материалов [19] в руки негосударственных субъектов [20], прежде всего террористов. Для мониторинга выполнения резолюции создан новый механизм (Комитет Совета Безопасности ООН, так называемый Комитет 1540) со сроком полномочий два года, который призван заниматься сбором и анализом ответов государств — членов ООН относительно мер, принятых ими во исполнение резолюции № 1540 [21] (подробнее см. главу 7).

В резолюции № 1540 нет ссылок на ИБОР, однако ее ключевые положения и пафос созвучны принципам деятельности в рамках ИБОР. Особенно существенно то, что в резолюции № 1540 угроза незаконной торговли ядерным, биологическим и химическим оружием, средствами его доставки и смежными материалами квалифицируется как деяние, представляющее угрозу международному миру и безопасности. Резолюция принята на основании положений

гл. VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии»), что делает ее обязательной для выполнения всеми государствами — членами ООН. Заложена основа для отделения легитимной коммерции от незаконного распространения в этой области [22]. Недостатком резолюции является то, что в ней не предусмотрены формальная связь ИБОР с Советом Безопасности ООН и обязанность членов ИБОР информировать Совет Безопасности о действиях, затрагивающих его полномочия.

Российский вклад в ИБОР

Россия не ограничилась политическим заявлениями о поддержке целей ИБОР, а приняла участие в совместных мероприятиях в рамках Инициативы, направленных на создание соответствующего оперативного потенциала. В августе 2004 г. российский большой десантный корабль «Цезарь Куников» участвовал в учениях шести причерноморских государств «Блэксифор-2004», важной составляющей которых явилась операция по задержанию и досмотру судна — нарушителя эмбарго, где предположительно («по легенде») находился незаконный груз. В результате был приобретен опыт взаимодействия [23]. В сентябре два российских надводных боевых корабля заступили на патрулирование в рамках взаимодействия по программе ИБОР. В этом же месяце проведены совместные учения кораблей ВМФ России и ВМС США в Норвежском море, а также учения сил российского Черноморского флота и ВМС Италии в Средиземном море. Россия приняла участие в операции «Активные действия», проведенной ВМС НАТО на Средиземном море.

Эти мероприятия помогли повысить уровень оперативной совместимости силовых структур Российской Федерации и других участников ИБОР, создать условия для обмена доверительной информацией. С учетом тяжелого дефицита финансирования боевой подготовки и учений российских вооруженных сил в целом (и особенно ВМФ) такая активность демонстрирует значение, которое Москва придает участию в ИБОР с точки зрения стратегии безопасности.

Российско-американское сотрудничество. С 1 сентября по 1 октября в рамках ИБОР с участием экспертов из 17 стран (в том числе из России) состоялись первое учение в США (Ньюпорт, штат Род-Айленд), в ходе которого отрабатывались варианты принятия решений о недопущении связанных с распространением ОМУ

поставок. Учения способствовали развитию оперативной способности участников ИБОР не допускать морские поставки грузов, связанных с ОМУ. В октябре Россия приняла участие в качестве наблюдателя в морских учениях в поддержку ИБОР под названием «Тим Самурай-2004» в водах неподалеку от Токийского пролива, проведенных кораблями Австралии, Франции, Японии и США. В них осуществлялась имитация мер по воспрепятствованию распространению ОМУ в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

21—22 марта 2005 г. российские эксперты участвовали в девятой встрече оперативных экспертов ИБОР, состоявшейся в Омахе (США). На этой встрече 200 специалистов из 19 стран основное внимание уделили оперативным концепциям, учениям, работе с промышленностью и органами правосудия, связанными с препятствованием воздушным поставкам ОМУ.

Однако в целом в 2004—2005 гг. сотрудничество России с партнерами по ИБОР носило ограниченный характер. Приняв участие в ряде коллективных мероприятий, инициированных другими странами, сама Россия не выступала с инициативами проведения учений или других коллективных мероприятий по линии этой структуры, в том числе не проводила их на собственной территории и в своих территориальных водах.

В опубликованном 16 мая 2005 г. правительственном документе «Основы государственной политики Российской Федерации в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки» содержатся положения, указывающие на готовность правительства активизировать участие в мероприятиях по линии ИБОР [24]. В частности, там сказано, что одним из основных направлений государственной политики России в области нераспространения ОМУ является «содействие коллективным усилиям международного сообщества на основе международного права и национальных законодательств по пресечению распространения ОМУ и средств его доставки, контролю за оборотом “чувствительных” материалов, устранению источников и предпосылок распространения ОМУ и средств его доставки, перекрытию возможных каналов доступа террористов к ОМУ и связанным с ним материалам, компонентам, оборудованию, технологиям и средствам доставки». В этом документе прямо говорится, что наращивание участия России в «оперативных операциях» ИБОР является «важным вкладом в дело нераспространения». При этом, к сожалению, не уточняется, в чем конкретно будет выражаться вклад России в деятельность по линии ИБОР.

Видимо, и здесь, как во многих других сферах, сказывается противоречивость взаимодействия России и Запада в сфере международной безопасности, в котором наряду с сотрудничеством есть сильный, хотя и не очень заметный в официальных декларациях компонент противостояния, соперничества, недоверия и подозрительности. Эта двойственность выражается и во внутренних противоречиях по данному вопросу в российском истеблишменте.

В международной деятельности по линии ИБОР сделаны лишь первые шаги подготовительного характера [25]. Для обеспечения воспрепятствования незаконной торговли физическими лицами, компаниями и другими негосударственными структурами еще необходима большая работа, в частности, с промышленностью, ключевыми грузоотправителями и страховщиками, работающими в области морских, воздушных и сухопутных перевозок и в портах. Пока же идет отработка механизмов, эффективно препятствующих поставкам грузов, подозрительных с точки зрения распространения ОМУ в рамках юрисдикции государств-членов.

Кроме того, в настоящее время режим ИБОР формально ограничен лишь национальной территорией, воздушным пространством и водными путями стран-членов — он прямо не действует в международных водах и воздушном пространстве [26]. Чтобы стать эффективным глобальным инструментом принуждения, Инициатива должна расширить свой масштаб и охватить международные водные пути и воздушное пространство (как при борьбе с пиратством, захватом заложников и работорговлей). Однако это ставит сложные юридические вопросы, для решения которых потребуется соответствующий мандат Совета Безопасности ООН.

Также предстоит многое сделать для того, чтобы укрепить потенциал государств — участников ИБОР в области военной и правоохранительной деятельности, особенно разведки, оперативного выявления и обезвреживания злоумышленников [27]. Трудности согласования интересов и действий возрастут при переходе от учебных к практическим операциям по пресечению деятельности конкретных физических лиц и компаний, участвующих в незаконной торговле ОМУ с теми или иными странами [28].

Это потребует от государственных торгово-экономических, силовых, разведывательных, правоприменительных и других учреждений России и США, других стран качественно нового уровня сотрудничества, не имевшего прецедента в истории. Так, речь идет об осуществлении секретными службами совместных действий, обмене чрезвычайно деликатной информацией, на основе которой

будут проводиться операции в рамках ИБОР. Необходимо будет свести к минимуму существующие между ними взаимные подозрения и неопределенность, которые постоянно воспроизводятся в отношениях взаимного ядерного сдерживания, геополитического и экономического соперничества, расширения НАТО на восток, взаимного шпионажа (реального или мнимого) и периодических скандалов при его пресечении. Все это вполне осязаемо мешает углублению взаимодействия между Россией и США во всех аспектах нераспространения ОМУ включая ИБОР.

Сотрудничество по линии Совета Россия-НАТО. Вопросы содействия проведению совместных учений в целях ИБОР заняли видное место в повестке дня этого органа. Рабочая группа по распространению ОМУ, созданная в рамках Совета, работает над глобальными оценками угрозы распространения, способствует организации обмена информацией о террористических угрозах, составлению планов совместного патрулирования Средиземного моря для срыва попыток террористических групп по перевозке ОМУ и его компонентов. Число мероприятий в целях повышения оперативной совместимости подразделений России и НАТО, проведенных в 2004 г., увеличилось в полтора раза по сравнению с 2003 г.

В рамках Совета достигнуто соглашение, определяющее условия российского участия в операции НАТО «Активные усилия», направленной на предотвращение, срыв и защиту от террористических актов в Средиземном море. Подразделения НАТО и России ведут подготовку к проведению совместных мероприятий на базе договоренности по вопросам совместимости сил НАТО и России, охватывающей такие области, как единые стандарты связи, взаимодействие на уровне штабов и т. д.

9 декабря 2004 г. на заседании Совета, проведенном на уровне министров обороны, был принят развернутый план действий против терроризма, в котором отражены обязательства разрабатывать более совершенные механизмы обмена разведывательной информацией. Для успешной борьбы с террористической угрозой необходимо расширять и укреплять сотрудничество в области оценок и реагирования на угрозы распространения ОМУ и средств его доставки, в том числе посредством заключения соглашений в целях недопущения допуска террористов к ОМУ и соответствующим материалам и предотвращения угроз грузовому и пассажирскому транспорту.

В своем выступлении в Совете безопасности России 28 января 2005 г. президент В. Путин заявил, что в военной области Москва и НАТО планируют отработать вопросы оперативной

совместимости войск. Как известно, повышение степени совместимости — обязательное условие успешного осуществления совместных силовых мероприятий и в рамках ИБОР. Среди приоритетных направлений сотрудничества с альянсом президент упомянул противодействие терроризму и распространению ОМУ. Он заявил о готовности России выходить на новый уровень взаимодействия с НАТО, выразив готовность углублять сотрудничество и в военно-технической области [29]. В этой связи особое значение имеет активизация работы в рамках Совета Россия-НАТО по повышению оперативной совместимости подразделений специального назначения России и стран НАТО, что позволит совместно решать задачи в контртеррористических операциях.

21 апреля 2005 г. на заседании Совета в Вильнюсе (Литва) министр иностранных дел России С. Лавров подписал соглашение о правовом статусе вооруженных сил НАТО и государств — участников программы «Партнерство во имя мира». Присоединение России к этому документу имеет большое значение для продвижения ее военного сотрудничества с НАТО. Открылись новые возможности для реализации проектов программы Совета Россия-НАТО, которые без достаточной правовой базы не могли быть реализованы в полной мере. Это, например, относится к планам учений, антитеррористических операций, связанных с транзитом и временным пребыванием воинских континентов на территории иностранных государств. Соглашение подлежит ратификации Государственной думой. План совместимости подразделений, сил и средств России и НАТО на 2006 г. включает в себя проведение 50 различных мероприятий антитеррористической направленности. План предусматривает участие России в натовской операции «Активные усилия» в акватории Средиземного моря.

В заявлении встречи участников Совета на уровне министров иностранных дел, состоявшейся в Брюсселе 8 декабря 2005 г., говорится, что «рассмотрен прогресс в реализации Плана действий Россия-НАТО по терроризму, в том числе подготовка российских военно-морских сил и средств к роли в операции “Активные усилия” в Средиземном море, имеющей целью оказание содействия в сдерживании, обороне, пресечении и защите от терроризма». В заявлении приветствуется ведущийся в рамках Совета диалог в области нераспространения ОМУ и подчеркивается необходимость дальнейшего укрепления такого диалога.

В ходе встречи с представителями российских и иностранных СМИ, состоявшейся в декабре 2005 г., начальник Генерального штаба Вооруженных сил России Ю. Балуевский, оценивая сотрудничество с НАТО, отметил, что в последние годы оно «достаточно успешно развивается». Он привел конкретные примеры: обмен оперативной информацией в рамках антитеррористической деятельности, проведение совместных учений и выполнение боевых задач в рамках операции сил НАТО в Средиземном море «Активные усилия» по недопущению перевозки морским транспортом элементов оружия массового уничтожения для террористических организаций. Ю. Балуевский также отметил, что с 2006 г. Москва подключает к операции сразу два боевых корабля Черноморского флота. Рассматриваются возможности проведения совместных военных учений на российской территории [30].

Деятельность России в рамках других международных структур. Российская Федерация активно работает в рамках режимов экспортного контроля и региональных объединений и организаций: СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности, ЕврАзЭС, Шанхайской организации сотрудничества, Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия. Эта деятельность наряду с прочим направлена на предотвращение незаконного оборота ОМУ, средств его доставки и связанных с ними материалов. Члены ЕврАзЭС в октябре 2003 г. подписали соглашение о едином порядке экспортного контроля, а на его основе утверждены типовые контрольные списки и общие требования к порядку осуществления экспортного контроля.

Российская дипломатия в ООН. На основе российской инициативы Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/58 l.67. Rev 1. В ней подтверждена необходимость для всех государств-членов выполнять свои обязательства в области контроля над вооружениями и по предотвращению распространения всех видов оружия массового уничтожения во всех его аспектах.

По предложению России Совет Безопасности ООН принял 8 октября 2004 г. резолюцию под названием «Угрозы миру и безопасности, создаваемые террористическими актами». В ней содержится призыв к государствам всецело сотрудничать в борьбе с терроризмом с целью поиска тех, кто оказывает поддержку или содействие, участвует или пытается участвовать в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов либо предоставляет убежище, отказывать таким лицам

в убежище и привлекать их к судебной ответственности. На своей юбилейной сессии 13 апреля 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма», в основу которой был положен проект, внесенный Россией на рассмотрение ООН в 1997 г.[31] Впервые антитеррористическая конвенция разработана международным сообществом на упреждение, т. е. до совершения терактов с использованием ядерных и других радиоактивных материалов. Конвенция предусматривает ответственность любого лица или группы за обладание или применение радиоактивных материалов или радиоактивных устройств с намерением вызвать смерть или серьезные телесные повреждения либо значительный ущерб собственности и окружающей среде (подробнее см. главу 11).

В XXI в. возросло значение национальных и международных усилий по укреплению потенциала контрраспространения, соответствующих заблаговременных национальных оборонных приготовлений и международного сотрудничества силовых структур включая спецслужбы и вооруженные силы.

Особое значение решение данной проблемы имеет для обеспечения стратегических интересов России как евразийского государства (имея в виду особенно азиатский регион с его большим конфликтным потенциалом и возможностями по созданию ОМУ). А поскольку большинство реальных и потенциальных «пролиферантов», в том числе террористического толка, способных угрожать России в обозримом будущем, находится вблизи границ России и СНГ, для страны возрастает риск стать жертвой политического шантажа и объектом применения ОМУ. В этой связи чрезвычайно важно обеспечить усиление координации управления нераспространенческой областью государственной деятельности, чтобы своевременно и в интересах национальной и международной безопасности преодолевались расхождения в оценке конкретных ситуаций, связанных с распространением. Например, между заинтересованными в иностранных контрактах промышленниками и некоторыми правительственными ведомствами экономического блока, готовыми поставлять за рубеж технологии двойного использования, невзирая на связанный с этим риск для национальной безопасности, с одной стороны, и структурами, ответственными за безопасность страны — с другой. В современных условиях перед Россией стоят сложные задачи по совмещению требований обновленной стратегии активного нераспространения

ОМУ с потребностями развития атомной и других отраслей промышленности, экспортирующих товары и технологии двойного назначения, а также с осмысленной переоценкой региональных геополитических интересов страны. При этом приоритет, на наш взгляд, должны иметь интересы обеспечения национальной и международной безопасности.

Расширяя сферу применения стратегии активного нераспространения на торговые маршруты, задействованные в распространении, ИБОР укрепляет невоенные инструменты принуждения, дополняя существующие национальные и международные режимы контроля над экспортом материалов, технологий и оборудования, которые могут быть использованы при создании ОМУ. Таким образом, международное принуждение становится частью режимов экспортного контроля.

Центральная роль в принуждении к выполнению правил нераспространения и сдерживании потенциальных нарушителей принадлежит Совету Безопасности ООН. Резолюция № 1540, в которой среди прочего содержится призыв к сотрудничеству по воспрепятствованию черным рынкам ОМУ, создала необходимые правовые рамки для принятия принудительных мер к деятельности злостных распространителей ОМУ. Дальнейшее развитие положений резолюции № 1540, в частности регулярный обзор ее соблюдения, обмен информацией о предполагаемых нарушениях, укрепило бы способность Совета Безопасности принуждать к нераспространению на регулярной основе. Очень важный аспект проблемы — состыковка принудительных акций, намечаемых по линии ИБОР (операции по перехвату грузов, имеющих отношение к ОМУ), с прерогативами Совета Безопасности, что позволило бы укрепить правовую основу деятельности, связанной с Инициативой. В настоящее время отсутствует формальная связь между ИБОР и Советом Безопасности, что затрудняет взаимодействие и ставит под вопрос легитимность самих действий по перехвату.

Странам — участницам ИБОР предстоит проделать большую работу, чтобы добиться более широкой международной поддержки этой структуры взаимодействия, принципов ее деятельности, расширить членство. Это позволило бы превратить партнерство в рамках Инициативы в действенный вспомогательный инструмент контроля международных отношений в сфере нераспространения ОМУ и составную часть глобальной стратегии укрепления режимов нераспространения ОМУ и экспортного контроля.

Примечания

[1] Proliferation Security Initiative (PSI). На русский язык это название переводят по-разному: Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР), Инициатива безопасности против распространения, Инициатива по защите от распространения, Инициатива по предотвращению распространения (ИПР). В данной работе используется принятая в публикациях МИД России аббревиатура ИБОР.

[2] В эту сеть входили ученые, инженеры и посредники из Пакистана, Швейцарии. Великобритании, Германии, Шри-Ланки и Малайзии.

[3] Ливия закупила центрифугу у малайской компании через компанию-посредника, базирующуюся в Дубае. В декабре 2002 г. Ливия публично обязалась добровольно сдать все запрещенное международным сообществом оружие, в частности, отказаться от стремления к ядерному и химическому оружию, а также ракет, запрещенных Режимом контроля за передачей ракетной технологии. См.: http://usinfo.state.gov/russki (посещался 24 сентября 2004 г.).

[4] База данных МАГАТЭ по незаконному обороту ядерных материалов зафиксировала в 2003 г. 60 случаев незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов. По предварительным данным МАГАТЭ, в 2004 г. количество таких случаев увеличилось. За прошедшее десятилетие задокументировано более 200 случаев незаконного оборота ядерных материалов. Это указывает на необходимость. усиления контроля за международным оборотом ядерных и радиоактивных материалов. В настоящее время эта задача стоит перед участниками ИБОР. См.: http://www.iaea.or.at/NewsCenter/Statement/2004/ebsp2004n013.html.

[5] Национальный совет по разведке существует уже 25 лет и является консультативным органом Белого дома и директора ЦРУ. См.: Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. — Washington: Government Printing Office, Dec. 2004 (http://www.cia.gov./nic/nic2020project.html, посещался 14 января 2005 г.).

[6] См.: Супертерроризм: новый вызов нового века / Под общ. ред. А. В. Федорова. — М., 2002. — [Науч. зап. / ПИР-Центр; 2 (20)]; *Бодански Й.* Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. — М.: Вече, 2002; Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности / Под ред. В. З. Дворкина. — М.: Права человека, 2002; *Белоус В.* Ядерный терроризм: попытки уже были // Независимое воен. обозрение. — 2004. — № 38; *Мясников Е.* Угроза терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов: технические аспекты проблемы / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии Моск. физико-техн. ин-та. — М., 2004.

[7] По оценке Фонда Карнеги за Международный Мир, более чем в 40 странах мира существует значительный риск хищения террористами ядер-

ных материалов и технологий, используемых при создании ядерного и радиологического оружия. На конец 2003 г. запасы в мире плутония и ВОУ (примерно поровну и того и другого) составили 3700 т (их достаточно для создания сотен тысяч ЯВУ). См.: Независимая газ. — 2004. — 5 окт.

[8] Ядерные, химические и биологические материалы или вооружения имеются в Индии, Пакистане, Иране, Израиле, Северной Корее и, возможно, других странах. Около 40 стран, по данным МАГАТЭ, способны переориентировать свои мирные атомные программы на производство ЯО. В намерениях приступить к реализации военных ядерных программ подозреваются Алжир, Индонезия, Нигерия, Саудовская Аравия, Сирия. Кроме того, эти страны подозреваются в том, что являются ключевыми транзитными пунктами для подозрительного экспорта и импорта.

[9] Договор о нераспространении ядерного оружия от 1968 г. (189 государств-участников), Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 1972 г. (155 участников), Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (178 участников) вступила в силу в 1997 г., Режим контроля за ракетными технологиями от 1987 г. (33 участника). В 2002 г. был принят Международный кодекс поведения по предотвращению распространению распространения баллистических ракет. К нему присоединилось 91 государство.

[10] Об этом подробнее см.: *Калядин А. Н.* Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? // Ядер. контроль. — 2005. — № 1. — С. 65—80.

[11] Во встрече приняли участие руководители 11 стран — Австралии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Нидерландов, Польши, Португалии, США, Франции и Японии. Эти государства вошли в первоначальный состав учредителей ИБОР.

[12] Совместное заявление о принципах перехвата, пресс-релиз председателя встречи (представителя Франции).

[13] В октябре 2003 г. «принципы перехвата» были развиты на встрече стран — участниц ИБОР, состоявшейся в Лондоне.

[14] Бюро информационных программ Государственного департамента США. См.: http://usinfo.state.gov/russki (посещался 11 сентября 2003 г.).

[15] Об участии России в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) оружия массового уничтожения (ОМУ) // Информ. бюл. / МИД России. — 2004. — 1 июня.

[16] Подробно о внутриполитических коллизиях в России по вопросу участия в ИБОР см.: *Калядин А. Н.* В поисках эффективной стратегии принуждения в сфере нераспространения ОМУ// Мировая экономика и междунар. отношения. — 2005. — № 1. — С. 22—23.

[17] Об этом, в частности, свидетельствует такой факт. В апреле 2005 г. были расширены полномочия российской Комиссии по экспортному контролю вооружений и изменен ее состав. Руководителем этого органа назначен министр обороны С. Иванов. Перед комиссией поставлена задача не только контролировать собственный экспорт вооружений, но и следить за тем, как эти обязательства выполняют другие страны. В частности, это касается контроля за нераспространением ОМУ. Комиссии поручено заниматься выявлением угроз безопасности, связанных с распространением ОМУ, и разрабатывать меры противодействия этому процессу, готовить соответствующие предложения и рекомендации.

[18] Резолюция была принята единогласно. В обсуждении ее проекта, представленного 24 марта 2004 г. Россией совместно с США и другими постоянными членами Совета Безопасности ООН в ходе интенсивных консультаций пяти постоянных членов Совета Безопасности, приняли участие представители более 50 членов ООН. Документ ООН S/RES/1540 (2004).

[19] Материалы, оборудование и технологии, подпадающие под действие соответствующих многосторонних договоров и договоренностей или включенные в национальные контрольные списки, которые могут быть использованы для проектирования, разработки, производства или применения ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки.

[20] Физическое лицо или организация, не имеющие законных полномочий от какого-либо государства на осуществление деятельности, подпадающей под действие резолюции № 1540.

[21] Первый доклад Комитета, учрежденного резолюцией № 1540, был представлен Совету Безопасности ООН 8 декабря 2004 г. Россия представила свой национальный доклад Комитету 1540 26 октября 2004 г. В нем содержалась информация о мерах по укреплению законодательной базы и правоприменительной деятельности, обеспечению учета, контроля и физической защиты, а также контролю над экспортом и транзитными перевозками компонентов, связанных с ОМУ.

[22] Необъявленные обмены автоматически признавались бы незаконными, а задекларированные обмены осуществлялись бы в соответствии с действующим экспортным контролем.

[23] Крас. звезда. — 2004. — 9 сент.

[24] Документ разработан российским правительством и опубликован 16 мая 2005 г. на сайте «Российской газеты»: http://www.Rg.ru/2005/05/17/osnovy-orujie-doc.html. Информация об этом документе содержится в бумажной версии этой газеты от 17 мая 2005 г. № 102 (3771). Однако сам документ в ней не воспроизведен.

[25] Следует привести пример успешного перехвата, осуществленного при участии США Великобританией и Германией в 2003 г. Речь идет о суд-

не, перевозившем в Ливию компоненты, связанные с ядерными материалами (центрифуги). Полагают, что это помогло убедить ливийское руководство в том, что времена беспрепятственного и безнаказанного накопления материалов, имеющих отношение к ОМУ, закончились.

[26] Отсутствует система мер, позволяющих действовать в отношении транспортного средства, следующего под законным флагом, или самолета, перевозящих относящиеся к ОМУ материалы в другую страну через международную территорию.

[27] В частности, предстоит разработать систему объявлений или требований о предоставлении данных в целях разграничения легальной и нелегальной торговли ядерными, химическими, биологическими и иными опасными технологиями.

[28] Например, пресечение поставок в проблемные государства может сопровождаться труднопредсказуемыми последствиями.

[29] http://www.kremlin.ru (посещался 28 января 2005 г.).

[30] Известия. — 2005. — 6 дек.

[31] Конвенция была открыта для подписания 14 сентября 2005 г. — в день открытия Саммита-2005, встречи лидеров государств — членов ООН, приуроченной к 60-летию этой организации. Президент России В. Путин первым поставил подпись под этим документом. Для вступления конвенции в силу необходима ее ратификация 22 государствами.

Глава 11. НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Александр Пикаев, Екатерина Степанова

По своим последствиям акт ядерного терроризма представляется наиболее опасным среди новых угроз международной и национальной безопасности. Взрыв ядерного устройства даже сравнительно небольшой мощности в центре крупного современного мегаполиса может привести к сотням тысячам убитых и раненых, а также к серьезнейшему экономическому ущербу. Пока ни одной террористической организации не удавалось приобрести ядерный боеприпас либо ядерные материалы с уровнем обогащения и в количествах, необходимых для его создания.

По мнению многих экспертов, ядерный терроризм представляет собой наименее вероятную разновидность терроризма с применением оружия массового уничтожения. Даже те террористические сети и группировки, которые использовали ОМУ или наиболее часто ассоциируются с попытками их приобрести, связывают в основном с химическими и биологическими средствами. Но при этом именно угрозе ядерного терроризма, особенно в США, уделяется более пристальное политическое внимание [1], чем остальным видам терроризма с применением ОМУ и конвенциональному терроризму.

Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, использование террористами ядерного боеприпаса привело бы к огромным человеческим жертвам и колоссальному экономическому и культурному ущербу. Сейчас и в обозримом будущем террористы вряд ли в состоянии нанести подобный ущерб путем использования химических или биологических средств. Во-вторых, имеются средства защиты на случай применения химических отравляющих веществ. При использовании биологических агентов также существует отработанный инструментарий средств по профилактике, лечению заболеваний, проведению других санитарно-эпидемиологических мероприятий. В то же время отсутствуют средства защиты от ядерного оружия, а любые мероприятия, про-

водимые после ядерного взрыва, способны лишь маргинально ограничить нанесенный ущерб, а его негативные последствия будут ощущаться, как минимум, десятилетия.

Учитывая потенциальные катастрофические последствия ядерного террористического акта, ни в коем случае нельзя исключить его в качестве угрозы, требующей самых активных мер предупреждения и предотвращения со стороны ведущих государств мира. К сожалению, научно-технический прогресс и развитие процессов глобализации (особенно в сфере обмена информацией, технологиями, материалами и финансовыми ресурсами, миграции экспертов, интенсификации средств сообщения и пр.) ведут к росту доступности ядерных технологий, появлению новых возможностей для террористических группировок действовать невзирая на государственные границы. Попытки ряда стран приобрести ядерное оружие способствовали развитию ядерного черного рынка, феномена, способного кардинальным образом облегчить доступ террористов к ЯО и применение ядерных материалов в террористических целях. Дальнейшее ядерное распространение может привести к росту этой тенденции в геометрической прогрессии. Наличие значительного количества несостоявшихся государств (т. е. таких, где слабое центральное правительство не способно надежно контролировать национальную территорию, формально находящуюся под его юрисдикцией) позволяет террористическим организациям и дальше использовать их территорию для своей деятельности, в том числе для создания собственного потенциала ОМУ.

Хотя основные державы мира и понимают данную опасность, они пока не могут выработать единой стратегии, позволяющей эффективно предотвратить ядерный терроризм. Их разделяют разногласия относительно источников международного терроризма и методов борьбы с ним, а также политические интересы, противоречащие друг другу и зачастую ставящиеся ими выше приоритетов ядерного нераспространения и борьбы с терроризмом. Не в состоянии они и выработать приоритетные направления деятельности по первоочередным мерам, способным надежно предотвратить использование ядерного оружия и материалов в террористических целях. Более того, иногда они предпринимают шаги вопреки мнению большинства международного сообщества, которые наносят прямой ущерб не только задачам консолидации в противодействии наиболее актуальным угрозам безопасности, но и компрометируют цели борьбы с распространением и терроризмом, что ведет к дальнейшему росту терроризма и фактически поощряют ядерное распространение.

Отсутствие единства внутри антитеррористической коалиции, недостаток решительности и согласия в принятии действенных мер, пожалуй, представляют собой основной политический барьер, препятствующий эффективной борьбе с расширением террористической деятельности как по вертикали (по масштабам насилия), так и по горизонтали (по районам деятельности). Если такое положение не изменится, вопрос о том, существует ли риск ядерного терроризма, более стоять не будет. Его заменит другой: когда, где и в каких масштабах произойдет первый ядерный террористический акт?

Стимулы и ограничения возможного применения террористическими группировками средств массового уничтожения

Основные типы терроризма

Существуют два типа (уровня) терроризма — глобальный (супертерроризм) и локальный, или локально-региональный. К последнему относится терроризм, используемый в качестве одной из тактик вооруженного противостояния в том или ином конкретном военно-политическом конфликте, или терроризм как крайняя форма политического экстремизма, например, крайне правого, в том числе национал-шовинистического, или левацкого, толка.

Какими бы амбициозными ни были политические цели локализованных группировок (в том числе тех, которые контролируют определенную территорию) — захват власти, образование независимого государства, борьба против оккупационных сил, — эти цели все же, как правило, *не выходят за рамки локально-регионального контекста*. Хотя финансово-тыловое и пропагандистское обеспечение таких группировок часто *интернационализировано*, их повестка дня в основном сфокусирована на конкретном локальном конфликте или политической проблеме, т. е. *локализована*. Террористическая деятельность этих группировок, преследующих цели, ограниченные локально-региональными рамками, как правило, ведется с применением относительно ограниченных средств. Даже наиболее разрушительные и смертоносные террористические акции этого типа (например, теракты, ведущие

к массовой гибели заложников из числа мирного населения) обычно осуществляются с применением стандартных и относительно доступных вооружений, боеприпасов и техники. В отдельных случаях могут даже использоваться примитивные устройства, в том числе кустарного производства (например, бомбы палестинских смертников).

Помимо терроризма в более традиционных формах и проявлениях события конца XX — начала XXI в. заставили говорить о зарождении нового феномена — так называемого *супертерроризма* (или мегатерроризма). Террористические атаки 11 сентября 2001 г. стали самыми крупными на тот момент актами супертерроризма. Однако его проявления имели место и раньше — например, теракты в токийском метро 1995 г. можно также отнести к актам супертерроризма. На счету супертерроризма и целый ряд терактов, произошедших уже после 11 сентября 2001 г., — от Бали до Стамбула. Супертерроризм по определению глобален или, как минимум, стремится к глобальному охвату, и уже в силу этого совершенно не обязательно привязан к какой-либо политической проблеме или, например, к повестке дня какого-либо конкретного локального конфликта. Структура, оперативная сеть, финансовые потоки, стратегия супертеррористической сети «аль-Каида» носили действительно глобальный характер и распространялись как на высокоразвитые страны глобального Запада и Севера, так и на слаборазвитые регионы глобального Юга. При этом основные объекты воздействия супертерроризма связаны прежде всего с развитым миром: они либо непосредственно расположены в развитых странах, либо напрямую с ними ассоциируются. Для того чтобы успешно поражать такие цели, террористической сети необходимо наладить инфраструктуру и базы, обеспечить финансирование, получить подготовку (а желательно и образование) в развитом мире, т. е. быть или стать частью этого мира.

В отличие от терроризма как тактики решения конкретной политической проблемы или противостояния в конкретном вооруженном конфликте (которая используется для достижения целей, ограниченных локальным, национальным или региональным контекстом, и в основном реализуется обычными, ограниченными средствами) супертерроризм преследует *неограниченные цели*. Как правило, эти цели в принципе не рассматриваются супетеррористами как предмет для переговоров. Примерами могут служить стремление «аль-Каиды» изменить международную ситуацию и бросить вызов Западу в целом или идея японской религиозной

секты «Аум Синрикё» о мировом господстве. Неограниченные же цели, как правило, предполагают использование более продвинутых и высокотехнологичных средств. Более того, они могут потребовать и использования *неограниченных средств* включая ОМУ. Помимо прочего это означает, что такой традиционный для определения обычного терроризма критерий, как преднамеренное использование гражданских лиц и объектов в качестве жертв и мишеней, для супертерроризма с применением ОМУ менее важен, так как такой терроризм по определению имеет менее избирательный характер, при котором разграничение между военными и гражданскими целями во многом теряет смысл [2].

Мотивация террористов

Вопрос о мотивации группировок (прежде всего супертеррористического типа), рассматривающих возможность использования ОМУ для совершения терактов, тесно связан с проблемой соотношения рациональных и иррациональных составляющих их мировоззрения и идеологии. Как показывает практика, группировки, в идеологии которых занимают важное место или даже доминируют религиозные мотивы (в ущерб, например, чисто политическим), более склонны к иррациональному поведению. При наличии других условий это может создать более благоприятную идеологическую и мотивационную базу как для совершения акций, связанных с массовой гибелью людей в целом, так и для попыток приобретения, создания и использования ядерных, радиологических и других видов ОМУ в частности. Хотя само по себе наличие религиозной составляющей в идеологии той или иной экстремистской и террористической организации еще не гарантирует ее стремления использовать, например, радиоактивный материал, отравляющие вещества или возбудители инфекций для совершения теракта, террористическое насилие, имеющее сильную религиозную мотивацию, неизбежно обретает трансцендентные характер и цели. Его восприятие в качестве «священного долга» может существенно ослабить ограничения (политические, внутриорганизационные, моральные и др.) на совершение массового убийства [3].

Религиозная мотивация в той или иной степени присутствовала в идеологии обеих наиболее известных супертеррористических организаций — «аль-Каиды» и «Аум Синрикё». Если первая наиболее часто ассоциируется с возможными попытками приобретения ОМУ, то второй на практике удалось создать

и применить нервно-паралитический газ зарин и биологические патогены. При этом именно в идеологии «Аум Синрикё» как религиозной секты доминировали апокалиптические мотивы. Более того, мировоззрение лидера секты Сёко Асахары и его идея о мировом господстве были в значительной мере *основаны* на возможности применения ОМУ как своеобразного способа «ускорить» или «спровоцировать» грядущий «апокалипсис». В то же время пример «Аум Синрикё» показывает, что действия лидеров группировок, готовых применить неконвенциональные средства, в том числе ОМУ, демонстрируют большее сходство с поведением «серийных» преступников, чем с действиями современных террористов, проводящих теракты с большим числом человеческих жертв. В отличие от последних лидеры группировок, подобных «Аум Синрикё», как правило, психологически «зациклены» на необходимости использовать тот или иной вид ОМУ в качестве средства совершения теракта.

Для сравнения рассмотрим пример «аль-Каиды». Хотя в идеологии этой супертеррористической сети, безусловно, присутствует религиозно-экстремистская составляющая, глобальный характер целей «аль-Каиды» является не только и не столько отражением религиозной «трансцедентности», сколько своеобразной реакцией на глобальный характер американского присутствия. Несмотря на обилие фундаменталистской риторики в заявлениях самого бен Ладена и других лидеров «аль-Каиды», не стоит ставить абсолютный знак равенства между их часто цитируемыми фундаменталистскими высказываниями и реальными действиями и целями. В отличие, например, от группировки «Аум Синрикё» и ее лидера ни бен Ладен, ни его окружение не производят впечатления религиозных фанатиков, в деятельности которых доминируют иррациональные мотивы и которые не способны считаться с реальностью. Напротив, для «аль-Каиды» характерен тонкий политический расчет, отлаженная и бесперебойно функционирующая система пропагандистской деятельности, тщательное планирование операций, одобрение любых актов насилия против западных государств и их граждан при нежелании брать на себя конкретную ответственность за их проведение и т. д.

До сих пор большинство терактов «аль-Каиды» было совершено с использованием обычной взрывчатки и весьма разнообразных средств доставки, в том числе террористов-смертников. Несмотря на это, учитывая супертеррористический характер «аль-Каиды», глобальную и тотальную природу ее целей, а так-

же продемонстрированную ею готовность к проведению терактов с беспрецедентно высоким числом человеческих жертв, намерения этой сети в отношении возможного использования ОМУ вызывают обоснованное беспокойство со стороны международного сообщества. При этом сведения о возможностях «аль-Каиды» в этой области весьма фрагментарны, а их достоверность трудно поддается проверке [4]. Информация на этот счет, содержащаяся в соответствующих материалах ЦРУ, мало проясняет ситуацию. В материалах как ЦРУ, так и ФБР говорится о возможном доступе «аль-Каиды» не столько к ядерным, сколько к химическим материалам и наличии у нее «первичных возможностей для производства иприта, зарина и VX»[5].

Двусмысленный характер носят и заявления представителей самой «аль-Каиды». Типичным можно считать заявление бен Ладена о том, что «мы не можем подтвердить или опровергнуть факт нашего обладания этим оружием»[6]. С одной стороны, ни бен Ладен, ни его соратники, очевидно, не намерены опровергать саму возможность использования таких материалов, даже несмотря на целый ряд негативных политических и практических последствий подобной позиции для деятельности самой организации. Это можно отчасти объяснить стремлением создать дополнительный элемент «устрашения» США, пусть даже пока и декларативного характера. С другой стороны, идеология и мировоззрение «аль-Каиды» не обусловлены необходимостью обязательного применения ОМУ (в отличие от апокалиптического учения Сёко Асахары), а риторика и практические операции не подчинены этому приоритету и не зациклены на нем.

Следует подчеркнуть, что одной из важных характеристик и особенностей самых разных видов терроризма как специфической формы и угрозы политического насилия, направленного на создание асимметричного эффекта, является использование различных технологий устрашения, в том числе блефа. Именно этим можно объяснить тот факт, что число отдельных заявлений о возможности использования ОМУ со стороны тех или иных террористических и экстремистских организаций и их лидеров значительно превышает число реальных актов терроризма с их применением. Сами по себе заявления о готовности применить ядерное и другое ОМУ, не говоря уже о полноценном ядерном боеприпасе, не являются доказательствами того, что та или иная группировка обладает реальными возможностями в этой области и «в любой момент» готова пойти на такой шаг.

Ограничения

Теоретически нельзя полностью исключать вероятность использования ядерных и других ОМУ группировками, цели которых ограничены локальным или локально-региональным контекстом [7]. Однако многие эксперты полагают, что сам по себе тот факт, что в последние годы даже террористические акты более традиционных типов становятся более смертоносными и ведут ко все большему числу жертв среди гражданского населения, еще не означает автоматического «вытеснения» неконвенциональными средствами обычных средств и материалов, используемых террористами. Специалисты полагают, что в центре внимания в вопросах противодействия возможному применению ОМУ в террористических целях должны быть именно организации, стремящиеся к глобальному охвату или ставящие глобальные задачи, так как именно попытка реализации неограниченных целей может потребовать использования неограниченных средств.

Существует целый ряд других объективных факторов, сдерживающих усилия террористических группировок по приобретению доступа к ОМУ и связанным с ним материалам. Во-первых, это наличие определенных финансовых ресурсов. Потенциальные финансовые затраты на приобретение, хранение и использование ядерных или других ОМУ должны значительно превосходить те ресурсы, которые террористические группировки тратят на обычные вооружение, материалы и технику. Соответственно далеко не каждая группировка может себе позволить приобретение, содержание и хранение, а тем более создание таких материалов.

Во-вторых, одним из важнейших ограничителей числа террористических атак с использованием неконвенциональных средств, в том числе ОМУ, остаются технические сложности создания, хранения таких материалов и работы с ними и требующийся для этого уровень технической экспертизы. Только в исключительных случаях та или иная террористическая группировка способна объединить навыки, знания, материалы и оборудование, необходимые для проведения атаки с использованием неконвенциональных средств такого масштаба, который превзошел бы опасность современных террористических атак, приводящих к массовым человеческим жертвам, но осуществляемых обычными средствами. До сих пор из негосударственных игроков лишь «аль-Каида» и «Аум Синрикё» демонстрировали деятельность такого уровня и масш-

табов, которые необходимы для формирования самостоятельных программ по созданию, приобретению и хранению ОМУ (в частности, «Аум Синрикё» включала в свой состав ученых, обладающих необходимыми знаниями и навыками, и располагала значительными техническими ресурсами).

В-третьих, дело не только в готовности тех или иных группировок использовать ОМУ в террористических целях или в наличии у них необходимых для этого финансовых и технических ресурсов, но и в том, насколько та среда, в которой они оперируют, предоставляет им возможность получить доступ к неконвенциональным материалам. Это в особенности относится к угрозе терроризма с применением ядерного боезаряда. Его создание требует материалов, которые в отличие от некоторых других неконвенциональных средств даже супертеррористические группировки вряд ли смогут произвести самостоятельно. В западной литературе эта мысль выражается предельно просто: «нет материала — нет бомбы»[8].

Таким образом, для группировок, стремящихся к приобретению и использованию ОМУ, характерно определенное сочетание ряда присущих им характеристик (таких, как мировоззренческие и идеологические установки их лидеров, необходимые технические и финансовые ресурсы) с готовностью использовать возможности, которые им предоставляет та среда, где они оперируют. При этом наибольшая опасность наступает тогда, когда определенные мотивационные установки таких сетей и группировок сочетаются с наличием необходимых финансовых и технических ресурсов при существовании объективных возможностей доступа к соответствующим материалам.

Новые возможности

Представляется, что разделение терроризма на локальный, в целом безразличный к применению ОМУ, и глобальный, заинтересованный в использовании неконвенциональных средств, небесспорно. Например, секта «Аум Синрикё», в наибольшей степени проявлявшая интерес к ОМУ, хотя и руководствовалась идеологией глобально-апокалиптического характера, основную часть террористических актов совершила на территории одной страны, Японии. Поэтому отнести ее к глобальным террористическим сетям, подобным «аль-Каиде», можно лишь с оговорками. В то время как последняя стремится как можно шире распространить по миру географию террористических актов, японская секта использовала

свои иностранные подразделения преимущественно для финансового, организационно-тылового обеспечения и, возможно, приобретения доступа к технологиям и экспертизе в области ОМУ. Иными словами, в ее деятельности присутствовало много характеристик, присущих скорее локальным или локально-региональным организациям.

Нет признаков вовлечения глобальной террористической организации в другой известный случай применения ОМУ в террористических целях — рассылку спор сибирской язвы по почте в США в 2001 г. По почерку эти действия имеют сходство с методами, применяемыми локальными организациями или террористами-одиночками как в Соединенных Штатах, так и в Европе, которые неоднократно рассылали посылки со взрывчаткой по определенным адресам. Действительно, рассылка писем с биологическими патогенами не сопровождалась выдвижением каких–либо конкретных требований, что не характерно для поведения традиционных террористических группировок. Однако такие требования не выдвигалось и при проведении второго крупнейшего по масштабам террористического акта, совершенного в США, — взрыва федерального здания в Оклахома-сити в середине 1990-х годов. Впоследствии выяснилось, что этот взрыв был совершен в отместку за действия американских властей против фундаменталистских христианских сект на юго-западе страны, т. е. определялся локальными, а не глобальными соображениями.

Как бы то ни было, весьма размытая грань между различными видами терроризма не позволяет однозначно исключить возможность того, что интерес к ОМУ проявит группировка, принадлежащая к типу, представители которого ранее такого интереса не выказывали. Атаки в Нью-Йорке и на здание Пентагона 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, что цели и методы совершения крупномасштабного террористического акта могут носить совершенно неожиданный характер.

Достаточно ограниченное количество случаев применения ОМУ в террористических целях не позволяет сформировать надежную статистическую базу для создания типологии поведения различных террористических группировок. Наиболее известная сегодня глобальная сеть «аль-Каида» таких средств на практике не применяла вообще. Кроме применения хлора в Шри-Ланке хлор при взятии Грозного в 2000 г. пытались применить и считающиеся на Западе «локальными» чеченские террористы. Кроме того, в 1995 г. чеченцы закопали в Измайловском парке в Москве

контейнер, содержащий низкорадиоактивные вещества, и использовали это в рамках пропагандистской войны с федеральным центром.

По мере развития процессов глобализации расширяются возможности террористических группировок. Локальные организации могут все шире использовать в своих целях возможности иностранных филиалов, расширяется и потенциал по появлению новых глобальных сетей. Соответственно возникают и новые возможности взаимодействия террористических групп. Разумеется, существующие идеологические разногласия между многими из них ограничивают перспективы подобного сотрудничества и не позволяют говорить о создании всемирного террористического интернационала. Однако террористы вполне в состоянии, например, использовать другие группировки для получения ОМУ. Эти последние могут и не испытывать интереса к приобретению таких средств, но могут продать их заинтересованным группам по финансовым соображениям при условии, что продаваемое ОМУ не будет применяться в стране, где действует организация-продавец.

Черный рынок

В течение последнего десятилетия получил новое развитие черный рынок ОМУ. Это связано к развитием глобального научно-технического прогресса, сделавшего многие технологии ОМУ доступными для большего количества государств, а также со стремлением все большего числа стран приобрести оружие массового уничтожения включая ядерное. Поскольку с развитием международных режимов экспортного контроля легальное и даже «серое» приобретение подобных средств и технологий становится все более затруднительным, неизбежно расширяется черный рынок.

Существенный вклад в формирование черного рынка ОМУ внесло вторичное распространение данных средств в новые страны, в частности, за пределы традиционного «ядерного клуба». Новые обладатели ядерного оружия не несли каких-либо обязательств по его нераспространению, поскольку действующие режимы были во многом нацелены на предотвращение приобретения ядерного оружия именно этими странами. Это обусловило неразвитость контрольных механизмов в указанных государствах по борьбе с незаконным экспортом чувствительных материалов, а также негативное отношение со стороны многих представителей правящих там режимов к вопросам нераспространения. Не случайно

первая ставшая известной разветвленная международная сеть по нелегальным поставкам ядерных технологий возглавлялась отцом пакистанской ядерной бомбы А. К. Ханом.

Насколько можно судить, сеть А. К. Хана возникла в период деятельности Пакистана по полулегальному и нелегальному импорту ядерных технологий из других государств. После приобретения Исламабадом ядерного оружия эта сеть распространила свою деятельность и на другие страны. Иными словами, она стала своего рода мультипликатором ядерного распространения, вовлекая в свой оборот все новые государства и компании. Сеть А. К. Хана подозревают в поддержке ядерных программ в Ливии, Иране, КНДР и, возможно, в Мьянме. В ее деятельности широко использовались компании-посредники из третьих стран, в частности, из Малайзии и ОАЭ.

Насколько известно, пока клиентами сети А. К. Хана выступали государства, а не террористические группировки. Однако со временем она превратилась из сети, созданной пакистанскими властями для достижения цели, поставленной официальным Исламабадом, в полуавтономное образование. Маловероятно, что она продолжала функционировать без ведома и скрытой поддержки со стороны части пакистанского правительства. Но широта и характер известных поставок показывают, что из инструмента достижения конкретной политической цели — оказания содействия в создании ядерного оружия Пакистана — она превратилась скорее в коммерческое предприятие, осуществлявшее поставки тому, кто готов заплатить.

Дальнейшее расширение количества государств, располагающих ядерными технологиями, не позволяет исключать появления нескольких новых сетей, подобных группировке А. К. Хана. Наряду с количественным увеличением подобных сетей можно спрогнозировать и расширение их клиентуры, в том числе и за счет террористических организаций. Иными словами, вторичное распространение привело не только к появлению ядерных оружейных технологий во все новых государствах, но и способствовало созданию и наращиванию механизмов черного рынка по торговле ядерными материалами и технологиями. При этом государства, создававшие указанные механизмы для достижения собственных конкретных целей, постепенно теряют контроль за их все более расширяющейся деятельностью.

Появление и вероятное развитие ядерного черного рынка создает совершенно новую ситуацию. При его неразвитости не было и достаточного количества стимулов для хищения ядерных

средств. В частности, в середине 90-х годов в России был пресечен ряд случаев хищений ядерных материалов, поскольку похитители не располагали заранее найденными покупателями. Так, в 1992 г. инженер с предприятия «Луч», расположенного в подмосковном Подольске, сумел выкрасть значительное количество обогащенного урана и остаться незамеченным. Не располагая связями с подпольными дилерами, он попытался отправиться с украденными контейнерами в Москву, чтобы там продать материал на одном из рынков. По пути он был остановлен и задержан сотрудниками правоохранительных органов [9].

Именно с неразвитостью черного рынка некоторые эксперты связывают тот факт, что недостаточная безопасность при хранении ядерных материалов в России и других постсоветских государствах в начале 90-х годов не привела к их серьезным утечкам [10]. И напротив, появление черного рынка и его постепенная глобализация в огромной степени повышают стимулы для хищения ОМУ и разработки все более изощренных схем получения к ним нелегального доступа.

Деятельность сетей, аналогичных сети А. К. Хана, не может не коррумпировать государственный аппарат стран, где они базируются. Очевидно, что пакистанская сеть располагала наработанными связями внутри госаппарата, силовых ведомств и ядерной отрасли, курировавших ее деятельность в процессе приобретения национального ядерного потенциала. Впоследствии, по мере переориентации деятельности сети с «импорта на экспорт», эти связи стали использоваться для получения ею необходимых материалов и технологий, а также прикрытия для беспрепятственного вывоза из страны.

Таким образом, деятельность сети А. К. Хана выявила еще одну опасную тенденцию — вовлечение в нелегальную ядерную деятельность ключевых государственных чиновников и, возможно, целых правительственных или околоправительственных структур. Это кардинальным образом расширяет круг технологий и материалов, доступных для дилеров черного рынка. Соответственно в случае появления на таком рынке в качестве потребителя представителей террористической организации облегчается и ее доступ к ОМУ. Хотя в случае А. К. Хана и нет информации о его сотрудничестве с террористами, нельзя исключать, что весьма вероятное появление новых подобных сетей в будущем и сопутствующее расширение ядерного черного рынка приведут к вовлечению в незаконный ядерный оборот и террористических группировок.

Несостоявшиеся государства

Помимо новых ядерных государств новую проблему представляют собой несостоявшиеся страны. Они способны предоставить террористическим группировкам убежище, позволяющее избежать преследований со стороны силовых структур. Именно территория несостоявшегося государства значительно повышает способность террористической организации осуществлять научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую и производственную деятельность, направленную на создание собственного ОМУ. Террористы могут как опираться на инфраструктуру такого государства, так и создавать собственные мощности. В пределах «нормальной» страны подобная деятельность носила бы более ограниченный характер, поскольку против нее работала бы государственная машина центрального правительства и местных властей.

В мире имеется достаточное число несостоявшихся государств. Наиболее известный пример — Афганистан, где правивший до конца 2001 г. режим талибов не только закрывал глаза на «аль-Каиду», но и тесно сотрудничал с ней. Базируясь в Афганистане, верхушка «аль-Каиды» осуществляла общее руководство глобальной террористической сетью, а также создавала лагеря подготовки для боевиков и пыталась заполучить технологии ОМУ из центральноазиатских государств бывшего Советского Союза. В другом случае чеченские террористы, базируясь в Панкисском ущелье Грузии, вели работы по созданию биологических патогенов для террористических актов в России.

После окончания «холодной войны» проблема несостоявшихся государств приобрела особую остроту. Бывшие лидеры противостоявших блоков во многом утратили интерес к бесперспективным с экономической точки зрения странам, которые они ранее поддерживали из соображений глобальной конфронтации. В других случаях ведущие державы оказались больше не готовы платить высокую цену за участие в урегулировании конфликтов, которые не несли прямой угрозы их безопасности. Жертвами подобной ситуации стали многие страны Африки и частично Большого Ближнего Востока [11] и Юго-Восточной Азии.

Некоторые постсоветские государства имели недостаточный опыт собственной государственности и пока не смогли в полной мере отладить механизмы государственного управления. Это также позволяет отнести некоторые из них к категории несостоявшихся.

Несмотря на предпринимающиеся в последние годы усилия, проблема несостоявшихся государств останется актуальной и в обозримом будущем. Следовательно, по мере роста эффективности правоохранительной деятельности в «нормальных» государствах эти страны будут становиться все более привлекательным местом для базирования интернациональных террористических группировок и, возможно, потенциала по созданию ОМУ.

Политические аспекты

Эффективность борьбы с международным терроризмом, в том числе потенциально с применением ядерного оружия и материалов, в значительной степени подрывается тремя обстоятельствами:

- недостаточностью международно-правового режима борьбы с ядерным терроризмом;
- разногласиями внутри международной антитеррористической коалиции;
- различными приоритетами России и США.

Непродуманная военная интервенция против Ирака, осуществленная возглавляемой Соединенными Штатами добровольной коалицией государств, еще более обострила проблему терроризма и осложнила принятие мер коллективного ему противодействия.

Отсутствие единства в антитеррористической коалиции

Несмотря на то что США, безусловно, играют лидирующую роль в усилиях по борьбе с возможной угрозой ядерного терроризма, эффективное противодействие угрозе такого уровня не может быть обеспечено лишь односторонними американскими усилиями. Впрочем, в условиях, когда все основные партнеры США разделяют их обеспокоенность угрозой ядерного терроризма, интересам как Соединенных Штатов, так и других ведущих ядерных держав в полной мере отвечают многосторонние усилия, предпринимаемые в этой области. Практически у каждой официальной ядерной державы есть свои основания опасаться самой возможности попадания ядерных материалов в руки террористов. В целом есть общее понимание того, что угроза ядерного терроризма в основном исходит из Большого Ближнего Востока и в перспективе может распространиться на часть Юго-Восточной и Восточной Азии, а также на Черную Африку. Более или менее открыто признается и тот факт, что супертерроризм ассоциируется преимущественно с исламским фундаментализмом.

Ведущие державы антитеррористической коалиции расходятся в оценках масштабов угрозы международного терроризма, его основных источников, способов борьбы с ним. Они также имеют различные интересы в отношении конкретных стран, с которыми чаще всего связываются террористические угрозы.

Так, Соединенные Штаты сталкиваются с наиболее широким спектром террористических угроз. Частично это объясняется их присутствием в удаленных от собственной территории регионах мира, где оно входит в противоречие с интересами расположенных там государств и негосударственных субъектов международных отношений. Не имея возможности противодействовать ведущей супердержаве традиционными средствами, они все более вынуждены полагаться на асимметричные меры противодействия включая терроризм.

В регионе Большого Ближнего Востока Соединенные Штаты являются или являлись целью террористов, происходящих из всех трех основных источников — шиитского фундаментализма (Иран, «Хизбалла»), суннитского фундаментализма («аль-Каида», «Талибан») и арабского национализма (светские палестинские группировки). Они все более втягиваются в столкновения на стороне правительственных войск, борющихся против Фронта освобождения Моро на Филиппинах, во многом настроили против себя группировки, воюющие между собой в Сомали и Судане.

Со своей стороны, европейские страны исторически сталкивались преимущественно с палестинским терроризмом, и вплоть до иракской войны терроризм фундаменталистского толка в основном обходил их стороной. Поэтому Евросоюз уделяет гипертрофированное внимание отношениям с палестинцами и разрешению арабо-израильского конфликта, полагая, что с закрытием этого вопроса исчезнут основания для террористической деятельности против западноевропейских стран.

Россия пока мало сталкивалась с фундаментализмом шиитского толка, а арабский национализм в советские времена рассматривался как ценный ресурс в борьбе против общего врага — Соединенных Штатов. С обострением для России проблемы радикального суннизма — ваххабизма шиитский фундаментализм и арабский национализм стали выступать в роли естественных партнеров в противодействии общему противнику. Тогда как для Индии и Китая арабский национализм безразличен, а суннитский фундаментализм представляет относительно менее важную

проблему — в той мере, в какой он оказывает поддержку соответственно пакистанскому национализму и пантюркизму в западном Китае.

На практике это приводит к различным приоритетам в отношениях с государствами, представляющими потенциальную опасность с точки зрения ядерного терроризма. Так, Россия, Индия и Китай не видят в Иране серьезной угрозы, тогда как Соединенные Штаты рассматривают его в качестве одной из наиболее острых угроз безопасности. Аналогичным образом Россия, Индия и США весьма обеспокоены состоянием ядерной безопасности в Пакистане и его уязвимостью для суннитского фундаментализма (хотя и не афишируют этого), а Евросоюз демонстрирует политическое безразличие к данному вопросу.

Ведущие державы расходятся и в отношении методов борьбы с терроризмом. Соединенные Штаты, располагающие беспрецедентной военной машиной, в большей степени полагаются на военные средства. В то же время Евросоюз, тратящий гораздо бóльшую долю бюджета на социальные нужды, делает акцент на преодолении бедности и урегулировании конфликтов, прежде всего посредством полицейских операций и оказания значительной помощи на послеконфликтное восстановление. Россия, располагающая весьма ограниченным набором военных и экономических инструментов, все же в большей степени, чем Евросоюз, склонна опираться на меры силового характера.

Есть расхождения и относительно оценки действенности других инструментов. Так, США привержены методам политического давления и широкому применению различного рода санкций. Китай, напротив, на декларативном уровне полностью отвергает давление и санкции, и крайне редко и непоследовательно применяет их на практике. Политике преимущественного предоставления конструктивных стимулов в большей степени привержены Россия и отчасти Евросоюз.

Многие эксперты и государства полагают, что терроризм является следствием более глубоких и фундаментальных проблем. Отсюда вытекает, что бороться необходимо не столько с терроризмом как таковым, сколько с порождающими его причинами. Но и здесь имеются расхождения. Как уже отмечалось, для многих европейцев первопричиной является арабо-израильский конфликт. Другие политические силы левого толка полагают, что терроризм — порождение локальных конфликтов в целом, а глобальная сеть «аль-Каида» является исключением. Ее появление

связано либо с долговременным пренебрежением интересами палестинцев, либо с бедностью, либо с чрезмерным вовлечением США в дела региона.

Американские неоконсерваторы считают, что усиление террористических группировок на Большом Ближнем Востоке — следствие его недостаточной демократизации, долговременной стагнации социально-экономической системы многих стран, попыток законсервировать средневековые структуры общества. Для борьбы с этими явлениями такие государства полезно встряхнуть, в том числе и посредством (в наиболее одиозных случаях) насаждения демократии силовыми методами. И хотя неудачи в Ираке во многом обесценили популярность подобных идей, борьба с «форпостами тирании» по всему миру стала официальной доктриной внешней политики администрации Дж. Буша.

Политические интересы также оказывают серьезное воздействие как на политику ведущих игроков, так и на место проблем ядерного распространения и борьбы с терроризмом в списке их национальных приоритетов. Казалось бы, Китай должен проявлять обеспокоенность ядерным арсеналом Пакистана, который был тесно связан с «Талибаном» и другими суннитскими группами, потенциально представляющими опасность для стабильности в Синьцзяне. Однако Пекин проводит политику баланса сил в Южной Азии, и ядерный Пакистан видится ему в качестве естественного противовеса региональной супердержаве Индии. Поэтому КНР не только закрывала глаза на пакистанскую ядерную программу, но и не препятствовала китайским организациям оказывать содействие Пакистану в ядерной области.

Аналогичным образом ряд европейских государств принимает участие в операциях в Афганистане и Ираке не потому, что для них борьба с терроризмом и нераспространение являются приоритетными. Это позволяет им сохранить тесные отношения с США и использовать их для укрепления позиций во взаимоотношениях с другими партнерами по Евросоюзу, а некоторым из них — сохранить американские гарантии безопасности против России.

Россия и США

Наибольшая ответственность по предотвращению ядерного терроризма ложится на США и Россию, так как именно эти две страны до сих пор располагают 95% мирового арсенала ядерного оружия и запасов ядерных материалов. Однако, несмотря на совпадение позиций двух стран по вопросу о необходимости активи-

зировать усилия по предотвращению угрозы ядерного терроризма, существуют определенные нюансы — не столько в оценке масштаба предполагаемой угрозы или идентификации террористических группировок, вызывающих наибольшие опасения на этот счет, сколько в определении основных возможных источников ядерных материалов, которые могут попасть в руки террористов.

Что касается позиции России по этому вопросу, то большинство экспертов сходится во мнении, что основными факторами уязвимости самой России перед угрозой ядерного терроризма являются, во-первых, высокий уровень террористической активности на ее территории, а во-вторых, ее относительная близость к ряду так называемых пороговых стран [12]. Из других государств источниками возможной утечки ядерных материалов, по мнению российских экспертов, могут также стать так называемые новые ядерные государства. В этом смысле особое беспокойство Москвы, например, ситуацией в Пакистане «диктуется постоянно поступающей информацией [из этой страны], которая, похоже, стала “перевалочным пунктом” для передачи секретных ядерных и ракетных технологий». В связи с этим высказывается мнение, что с учетом традиционных союзнических отношений Пакистана с Вашингтоном «у наших американских партнеров есть огромное поле для деятельности в сфере укрепления режима экспортного контроля и пресечения незаконного перемещения технологий ОМУ и средств их доставки» в этой стране [13]. В целом позиция России состоит в том, что меры по противодействию возможным утечкам ядерных материалов и их последующему попаданию в руки террористов должны быть ориентированы прежде всего на развивающиеся страны [14]. При приоритетном внимании к «пороговым государствам» и некоторым новым ядерным державам отдельного внимания заслуживают и ослабленные, развалившиеся или несостоявшиеся государства, которые сами не располагают ОМУ, но по территории которых могут проходить «окольные пути» перевозки таких материалов, так как значительная или бóльшая ее часть не контролируется государственной властью и может также служить местом базирования или передислокации различных террористических ячеек и группировок, в том числе использоваться транснациональными супертеррористическими сетями.

Следует отметить, что США разделяют обеспокоенность России возможностью утечки ядерных материалов из указанных стран или использования их территории для перевозки данных материалов. При этом, однако, не стоит закрывать глаза на то,

что американская иерархия приоритетов в противодействии возможным утечкам ядерных материалов отличается от российской. Приведем несколько прямых цитат из официальных материалов США и экспертных мнений на эту тему. По оценке Исследовательской службы Конгресса США, «основным источником беспокойства» в качестве возможного источника утечки ядерных материалов «является сама Россия, располагающая значительным объемом расщепляющихся материалов». При этом главный упор делается на состоянии российского арсенала тактического ядерного оружия, охрана которого, как утверждают американские источники, «производится на более низком уровне, чем охрана стратегических вооружений». Особое беспокойство американских специалистов вызывает также наличие у России значительных запасов высокообогащенного урана и оружейного плутония, охрана которых, по мнению ряда экспертов, также «неадекватна»[15]. Эта же точка зрения прослеживается в материалах Национальной академии наук США, подчеркивающих «высокий риск утечки расщепляющихся материалов из России» в условиях роста внутренних угроз национальной безопасности и наличия значительного объема запасов ядерных материалов, условия хранения которых требуют более жесткого учета и контроля [16]. Один из ведущих специалистов США в области контроля и нераспространения ядерного оружия и материалов сенатор С. Нанн не раз заявлял, что в плане возможной утечки ядерных материалов «наибольшее беспокойство вызывает сохранность ядерных материалов в России»[17].

При этом Пакистан как возможный источник утечки ядерных материалов в иерархии приоритетов США занимает твердое второе место. В качестве возможного сценария такой утечки рассматривается тайная передача отдельными представителями пакистанских вооруженных сил ядерного оружия или материалов террористам или те возможности, которые могут открыться в плане доступа к таким материалам в случае свержения президента П. Мушаррафа и прихода к власти исламистов или полной дестабилизации обстановки в стране. Интересно, что такие «пороговые страны», как Иран и Северная Корея, находятся лишь на третьем месте в американской «иерархии приоритетов» в этой области. Далее следует угроза возможного попадания в руки террористов высокообогащенного урана из более чем 120 исследовательских реакторов, использующих его в качестве топлива и расположенных в различных странах.

В условиях, когда лишь немногие независимые американские эксперты твердо заявляют о том, что если в России в плане предотвращения возможных утечек ядерных материалов «ситуация явно развивается в правильном направлении», в то время как «эта смертоносная опасность, исходящая от других стран, растет»[18], возникает вопрос: не использует ли часть американского государственно-политического истеблишмента опасность ядерного терроризма в качестве предлога для усиления политического давления на Россию и демонстрации ее «неспособности» обеспечить «адекватный» контроль над собственным ядерным оружием и материалами?

Соединенные Штаты заинтересованы в оказании содействия обеспечению безопасности российских арсеналов ядерного оружия и материалов не только ради предотвращения их утечек, но и поскольку это обеспечивает уникальный доступ к ним. Не случайно США крайне жестко настаивают на разрешении весьма интрузивного доступа на российские объекты и не идут на оказание содействия, когда российская сторона, по их мнению, не соглашается на обеспечение доступа в требуемых масштабах. При этом нежелание американской стороны идти на уступки в вопросе о доступе зачастую приводит к значительным задержкам в укреплении мер безопасности на наиболее чувствительных и опасных объектах. Это оставляет мало сомнений в том, что американская сторона во многих случаях больше заинтересована в обеспечении транспарентности, чем искренне обеспокоена перспективами утечек ядерных и иных опасных материалов.

Ирак

Интервенция против Ирака является примером нагнетания угрозы, связанной с оружием массового уничтожения и возможностью его попадания в руки террористов, а также использования ее в политико-стратегических целях. При этом активно «вбрасывалась» дезинформация о стремлении светского националистического баасистского режима Багдада передать ОМУ радикальным исламским группировкам (с которыми этот режим боролся «огнем и мечом»), например, действовавшей в курдских районах страны группировке «Ансар аль-ислам», не говоря уже о заведомо ложных обвинениях режима С. Хусейна в оказании прямой помощи «аль-Каиде» практически во всем — от изготовления взрывных устройств до подделки документов.

Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях реальной угрозы интервенции со стороны Соединенных Штатов в конце 2002 г. Ирак возобновил сотрудничество с инспекциями ООН, занятыми поисками его потенциала ОМУ. В отличие от его действий в течение второй половины 1990-х годов в сложившихся условиях Багдад пошел на предоставление требуемой документации и разрешил посещение международными инспекторами всех запрашиваемых ими объектов с коротким периодом уведомления. Это показывает, что угроза применения силы на практике, когда само выживание режима, вызывающего озабоченность с точки зрения ядерного распространения, ставится под вопрос, способствует тому, чтобы заставить этот режим сотрудничать с международными организациями и либо не вести незаконную деятельность, либо проверяемым образом ликвидировать ее последствия.

Однако решение США и их союзников начать военную интервенцию, несмотря на действия Ирака по выполнению резолюций ООН, нанесло серьезный ущерб перспективам взаимодействия с другими странами — потенциальными нарушителями режима нераспространения. Им было показано, что сотрудничество с интрузивными инспекциями ООН не позволяет избежать интервенции. Более того, подобные инспекции предоставляют интервенционистским силам весьма полную информацию относительно оборонного потенциала государства — мишени военного нападения. Это облегчает задачу осуществления военной операции с наибольшей эффективностью и наименьшими потерями. Весьма вероятно, что неуступчивость КНДР на переговорах по предотвращению ее нуклеаризации диктуется в том числе и подобными опасениями.

При этом сократились и возможности международного сообщества по оказанию давления на неуступчивые режимы. Увязнув в Ираке, Соединенные Штаты не располагают свободными силами для проведения аналогичных иракской интервенций в других регионах. Концентрация американских сил, как показал опыт конца 2002 — начала 2003 г., стала чрезвычайно эффективным средством, позволившим добиться практически полного сотрудничества со стороны считавшегося одним из наиболее проблемных с точки зрения ядерного распространения режимов. В настоящее время перспектива подобной концентрации ресурсов не стоит на повестке дня. Это произошло не только из-за отсутствия свободных сил и средств, но и из-за появления серьезного самосдерживающего фактора внутри США, подрывающего перспективы до-

стижения там общественной поддержки для новых интервенций. В этих условиях проблемные государства не только получили дополнительный стимул к интенсификации своих ядерных программ, но и, возможно, выиграли время, необходимое для их безнаказанного (и успешного) завершения.

Режим С. Хусейна всячески препятствовал деятельности на территории Ирака террористических организаций любого толка. После интервенции эта страна превратилась в новый фронт борьбы с терроризмом. В оккупированном Ираке ведение террористической деятельности оправдывается требованиями сопротивления оккупационным силам и насаждаемой ими коллаборационистской администрации. Эта борьба притягивает исламистских боевиков из других стран, а «аль-Каиде» позволяет легитимировать развязанный ею глобальный антиамериканский джихад.

Пример Ирака также предоставляет свидетельства действий американских войск, прямо противоречащих задачам борьбы с ядерным распространением и терроризмом. Так, американские войска первоначально вообще не охраняли объект в Тувейте, где находились запасы радиоактивных веществ [19]. В дальнейшем в неизвестном направлении было вывезено 1,77 т обогащенного урана с объекта хранения ядерных материалов вблизи иракского комплекса Тувейта и около тысячи источников радиоактивного излучения с территории Иракского ядерного исследовательского центра. В нарушение соглашения о гарантиях ни США, ни Временная коалиционная администрация Ирака, а позже и правительство этой страны, которому была передана власть в июне 2004 г., не проинформировали МАГАТЭ об экспорте этих материалов и оборудования [20]. Косвенно это может свидетельствовать, что американские войска опасались обвинений в том, что какое-то количество этих средств пропало в результате неспособности оккупационных сил обеспечить их своевременную и надежную охрану.

Выводы, сделанные в результате проведенных после осуществления интервенции расследований об отсутствии свидетельств о наличии у Ирака ОМУ, серьезно подорвали международное доверие к политике администрации Дж. Буша в области нераспространения и борьбы с терроризмом и поставили под вопрос компетенцию американского (а также британского) разведывательного и экспертного сообществ по вопросам, связанным с ОМУ. Пример Ирака диктует необходимость осторожного отношения к предоставляемой США информации относительно готовности тех или иных режимов передать ОМУ террористам.

В более общем плане эта интервенция вызвала недоверие к искренности американских деклараций о борьбе с терроризмом и необходимости использования военной силы, открыла новый фронт для террористических атак, создала очередной повод для мобилизации исламского радикализма под знаменами джихада, усугубила разногласия внутри антитеррористической коалиции, расширила географию террористической деятельности, отвлекла внимание от реальных проблем распространения и борьбы с терроризмом, сузила возможности международного сообщества по разрешению действительно острого ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Возможные источники

Среди основных источников средств для ядерного терроризма можно выделить следующие:

- приобретение и подрыв готового ядерного боеприпаса из арсеналов ядерных держав;
- приобретение оружейного ядерного материала (оружейного плутония или высокообогащенного урана) в количествах, достаточных для сборки ядерного взрывного устройства;
- приобретение низкообогащенного урана и его последующее обогащение до оружейного уровня силами террористической группировки;
- приобретение радиоактивных материалов и последующее создание радиологического оружия — «грязной бомбы».

Ядерные боезаряды

Хищение готового боезаряда из арсеналов имеющихся в настоящее время восьми ядерных государств — Соединенных Штатов, России, Франции, Китая, Великобритании, Израиля, Индии и Пакистана — представляется (за исключением, пожалуй, единственного сценария) наименее вероятным. Места хранения подобных боеприпасов — наиболее охраняемые объекты в указанных странах. В России, например, их охрана входит в задачу особого подразделения Вооруженных сил — 12-го Главного управления Министерства обороны. За все время дебатов относительно сохранности российского ядерного оружия имелся только один эпизод, когда в 1996 г. бывший секретарь Совета безопасности России Александр Лебедь сообщил о пропаже нескольких десятков «ядерных чемоданчиков» — по его словам, переносных ядерных

боезарядов, созданных в Советском Союзе для проведения операций диверсионного характера. К заявлению А. Лебедя специалисты с самого начала отнеслись с известной долей скептицизма. Ядерные боеприпасы имеют форму эллипсоида, и никак не могут быть помещены в чемоданы, имеющие форму параллелепипеда. Даже если предположить, что действительно удалось достичь подобной миниатюризации ядерных боезарядов, их скорее пришлось бы помещать в рюкзаки или иные контейнеры, располагающие соответствующей формой. Неудивительно, что впоследствии сообщения А. Лебедя не подтвердились и, насколько известно, более не рассматриваются в ходе российско-американского диалога по данной проблематике.

Следует отметить, что в России серьезно подходят к укреплению мер безопасности при хранении ядерных боеприпасов. Еще в 1991 г. СССР принял одностороннюю инициативу, согласно которой бóльшая часть тактических ядерных боезарядов переводилась на объекты централизованного хранения, где было легче обеспечить их безопасность против несанкционированного использования. В середине 1990-х годов количество подобных объектов было сокращено, что способствовало дальнейшему укреплению их безопасности. Кроме того, после распада Советского Союза наблюдались беспрецедентные темпы сокращения количества боезарядов. По американским данным, в некоторые годы темпы ликвидации достигали несколько тысяч боезарядов. В результате за 15 лет их общее количество сократилось, по-видимому, в несколько раз. Только благодаря выполнению российско-американского Договора СНВ 1991 г. число боезарядов, развернутых на стратегических носителях, сократилось более чем вдвое.

Несмотря на крайне чувствительный характер обеспечения безопасности ядерных боеприпасов, Россия пошла на принятие иностранного содействия в этой области. В частности, Соединенные Штаты, Великобритания и Франция оказывали содействие в обеспечении безопасности при транспортировке ядерных боезарядов. Это было весьма актуально в 1992—1996 гг., когда с Украины, из Казахстана и Белоруссии в Россию было перемещено несколько тысяч ядерных боеприпасов. США также оказывают содействие в оборудовании хранилищ ядерных боезарядов средствами физической защиты. Это сопряжено с весьма интрузивными мерами транспарентности, поскольку американцы требуют доступа на объекты, где устанавливается их оборудование и оказывается иная помощь. Очевидно, что допуск американских и иных

иностранных инспекторов на склады ядерных боеприпасов может рассматриваться в качестве противоречащего интересам национальной безопасности, поэтому данный вопрос решается посредством трудного диалога. Однако известно, что в ряде случаев представители США были допущены в хранилища ядерного оружия.

Среди других государств наибольшие опасения связаны с Пакистаном — единственной исламской страной, располагающей ядерным оружием. Ядерный арсенал этого государства пока относительно невелик. Все его запасы оружейных ядерных материалов позволяют иметь, по оценкам, 30—50 ядерных боезарядов. Это значительно облегчает задачу по их учету и обеспечению безопасности. Кроме того, насколько известно, в Пакистане в мирное время ядерные и неядерные компоненты боезарядов хранятся отдельно, что чрезвычайно осложняет хищение готового ядерного боеприпаса [21].

Вместе с тем в случае Пакистана наиболее велик риск содействия террористической деятельности со стороны представителей органов власти. В течение многих лет подпольная сеть, возглавлявшаяся отцом пакистанской атомной бомбы А. К. Ханом, безнаказанно продавала ядерные технологии и знания ряду стран, стремящихся к приобретению ядерного оружия. В условиях Пакистана это вряд ли могло происходить без прикрытия со стороны влиятельных сил внутри государственного аппарата. Тот факт, что этот деятель практически не понес наказания за действия, несовместимые с обязательствами, добровольно взятыми на себя этой страной, свидетельствует, что угроза сращивания чиновников с незаконным экспортом ядерных материалов и технологий там отнюдь не исчерпана.

Поддержка со стороны влиятельных чиновников, а возможно, и некоторых государственных структур, существенно облегает задачу хищения даже отдельно хранящихся ядерных и неядерных компонентов и их дальнейшую сборку в готовый боеприпас. В более долгосрочном плане доступ к пакистанскому ядерному оружию может произойти в результате политической нестабильности, когда хорошо вооруженные и финансируемые террористические группы могут воспользоваться обстановкой хаоса и преодолеть сопротивление деморализованной охраны ядерных объектов. Возможен и другой вариант: в условиях распадающегося государства подобное оружие может быть продано каким-либо чиновником, стремящимся обеспечить себе безбедное существование в случае бегства из страны.

Как и в случае Пакистана, относительно небольшие размеры арсеналов других ядерных держав (помимо России и США) облегчают задачу их учета и обеспечения безопасности. Однако новые ядерные государства, возможно, не располагают достаточным опытом в этой области, их ядерная инфраструктура относительно более уязвима. В ряде стран включая Китай, Индию и Пакистан может наблюдаться недостаточный уровень технической оснащенности системы физической защиты хранилищ ядерного оружия и других объектов.

В развитых ядерных государствах ядерные боезаряды оснащены блокирующими устройствами, препятствующими их несанкционированному подрыву. Таким образом, даже если террористы и приобретут подобный ядерный боеприпас, они, вероятно, не смогут его взорвать, не располагая деблокирующими кодами. В этом случае террористы сумеют лишь извлечь находящиеся там оружейные ядерные материалы. Теоретически впоследствии их можно использовать для сборки нового боеприпаса, но такая перспектива зависит от типа разобранного боеприпаса и характера находящегося там материала. Так, воссоздание боеприпаса имплозивного типа может потребовать значительного времени и больших технических знаний. Кроме того, считается, что грамотно разобрать боеприпас может только тот, кто его создал.

Скорее всего, все или почти все ядерные боезаряды в «развивающихся» ядерных государствах (Индии, Пакистане и, возможно, Китае), а также старые боезаряды в развитых ядерных державах не оснащены блокирующими устройствами и, следовательно, не располагают дополнительной линией обороны на случай хищения террористами. Это повышает требования к надежности их охраны.

Оружейные материалы

Перспективы и источники хищения оружейных ядерных материалов, а также возможность последующей сборки террористической группой ядерного взрывного устройства представляет собой наиболее обсуждаемую тему в американской научной литературе. Специалисты расходятся в оценке того, какое количество этих материалов необходимо, какая требуется минимальная степень обогащения, что уязвимее — ВОУ или плутоний, и насколько сложно собрать боеприпас, обладая требуемыми материалами в нужном количестве.

Высокообогащенный уран

Большинство исследователей приходит к выводу, что ВОУ более привлекателен для террористов по сравнению с плутонием. Его можно использовать для создания относительно менее технически сложного устройства «пушечного» типа, тогда как плутоний требует создания устройства имплозивного типа, которое гораздо сложнее сконструировать.

Согласно международной классификации ВОУ считается пригодным для создания ядерного боезаряда, если уровень концентрации в материале урана-235 не ниже 20%. В ходе реализации военных программ оружейным считается ВОУ с содержанием урана-235 не менее 90%. Однако ВОУ с меньшим содержанием урана-235 также можно использовать для создания боеприпаса. Например, при создании хиросимской бомбы использовалось около 60 кг ВОУ с обогащением до 80%. Неоружейный ВОУ применялся и в южноафриканских ядерных боезарядах, добровольно уничтоженных этой страной в начале 1990-х годов. По оценкам, при создании каждого из них использовалось около 55 кг ВОУ с обогащением примерно 80%. Ряд исследователей полагает, что ядерное взрывное устройство можно собрать, используя ВОУ еще меньшего уровня обогащения [22].

Специалисты расходятся во мнениях относительно того, насколько просто собрать ядерное взрывное устройство, располагая достаточным количеством оружейного ВОУ. Как утверждает лауреат Нобелевской премии Л. Альварес, «...большинство людей, как представляется, не осознает, что при наличии выделенного ВОУ совершить ядерный взрыв является тривиальным делом... даже ребенок-старшеклассник может сделать бомбу за короткое время»[23]. В январе 2002 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала, что «100-фунтовый [около 40 кг] кусок [оружейного урана], сброшенный на другой 100-фунтовый кусок с высоты порядка 6 футов [около 2 м], может вызвать взрыв мощностью от 5 до 10 килотонн»[24].

Разумеется, это крайние оценки. Вероятность взрыва при подобном применении оружейного урана не является стопроцентной. Также потребуется провести испытания неядерных компонентов «пушечного» устройства. Для этого нужен полигон, который может быть обнаружен правоохранительными органами. Другой вариант — произвести испытания на полигоне на территории государства, где отсутствует должный контроль со стороны центрального правительства либо государственные структуры явно или неявно сотрудничают с террористами. Необходимо также подчеркнуть,

что для реализации подобных простейших взрывов требуется металлический оружейный уран или ВОУ практически оружейного качества в весьма крупных количествах (по версии цитируемой выше статьи в газете «Нью-Йорк Таймс» — более 80 кг).

Тем не менее специалисты полагают, что основной барьер на пути создания «пушечного» ядерного взрывного устройства — трудности в приобретении достаточного количества оружейного урана. Проведения испытаний может не потребоваться. Соединенные Штаты не производили испытаний бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 г. При наличии оружейных ядерных материалов квалифицированный специалист может осуществить сборку боеприпаса в относительно небольшом помещении. ЮАР, например, осуществила сборку своих шести ядерных боезарядов в здании, внешне закамуфлированном под склад [25].

По оценкам, в мире накоплено более 1700 т ВОУ военного назначения. Им располагают десять государств — восемь ядерных держав, а также ЮАР и Северная Корея. При этом наличие оружейного ВОУ у Израиля и Северной Кореи некоторые специалисты ставят под сомнение. Наибольшими запасами оружейного ВОУ обладают Россия и США [26].

После распада Советского Союза Соединенные Штаты проявляли озабоченность относительно безопасности российских запасов ВОУ. Они предоставили России содействие, направленное на повышение эффективности учета, контроля и физической защиты этих материалов. На данные цели, преимущественно по линии Министерства энергетики США, ежегодно выделяются сотни миллионов долларов. Кроме того, в 1992 г. была заключена сделка ВОУ-НОУ, согласно которой ВОУ, извлекаемый из демонтируемых российских ядерных боеприпасов, обедняется до уровня низкообогащенного урана на предприятиях в России, затем транспортируется в США, где после дополнительной переработки используется в качестве топлива АЭС. Согласно сделке США обязались закупить количество НОУ, эквивалентное 500 т ВОУ. Россия рассчитывает получить порядка 8 млрд долл. за 20 лет реализации этого проекта [27].

После 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах все чаще раздаются голоса, утверждающие, что содействие России в обеспечении безопасности ее запасов ВОУ идет слишком медленно. Указывается, что полностью программы по обеспечению безопасности выполнены на российских предприятиях, где хранится лишь 40% запасов наиболее чувствительных ядерных материалов. При этом

приводятся примеры хищений ВОУ с российских объектов, хотя в указанных инцидентах похищался уран качества ниже оружейного. По оценке, приведенной в исследовании Стэнфордского университета, после распада СССР в новых независимых государствах было похищено около 40 кг оружейного ВОУ, причем бóльшая часть этого количества была впоследствии найдена. Однако полной картины незаконных попыток приобрести ВОУ, равно как и другие ядерные материалы, составить не удалось [28]. Приведенные цифры показывают, что потери оружейного ВОУ в бывшем Советском Союзе, даже если они в действительности имели место, были относительно невелики, а количество пропавшего материала было на порядок ниже необходимого для создания простейшего ядерного взрывного устройства «пушечного» типа.

Для улучшения ситуации неправительственные эксперты в США выдвигают ряд конкретных предложений. Во-первых, рекомендуется заключить с Россией новую сделку, аналогичную ВОУ-НОУ, закупив у нее дополнительное количество ВОУ. Во-вторых, предлагается ускорить работы по созданию систем учета, контроля и физической защиты. И наконец, выдвигается предложение обратиться к России с просьбой поместить 200 т ВОУ в хранилище на предприятии «Маяк» в г. Озерске, построенном при содействии Соединенных Штатов. Хотя администрация Дж. Буша и прислушивается к этим советам, ее действия носят весьма ограниченный характер. Так, она согласилась выделить средства на ускорение работ по обеднению ВОУ, что позволит обеднять дополнительно 1,5 т ВОУ ежегодно на протяжении десяти лет.

В самих Соединенных Штатах также имеются проблемы с обеспечением сохранности оружейных материалов. Так, на объекте Т.А.18 в Лос-Аламосе учебные атаки показали неготовность служб безопасности оказать адекватное сопротивление [29]. В одном из таких случаев оружейный материал был вывезен с территории предприятия внутри садовой тележки. В результате в 2000 г. Министерство энергетики распорядилось переместить оружейные материалы с этого объекта на ядерный испытательный полигон в штате Невада. Критике также подвергалась система безопасности на другом объекте — Y-12, расположенном в Ок-Ридже, штат Теннеси. Там хранится и перерабатывается ВОУ, предназначенный для ядерных боезарядов.

Что касается Пакистана, то небольшой объем его запасов оружейного ВОУ облегчают задачу обеспечения безопасности. Появлялись сообщения средств массовой информации, что Соеди-

ненные Штаты оказывают содействие Пакистану в повышении безопасности объектов, где находятся ядерные материалы. Однако склонность пакистанских ученых-атомщиков к ведению незаконного ядерного бизнеса заставляет предположить, что риск утечек из-за ненадежности персонала там весьма велик.

Приобрести ВОУ можно не только из арсеналов военного назначения ограниченного количества ядерных государств, но и из других источников. В частности, серьезные опасения вызывают запасы ВОУ, находящиеся в реакторном топливе. Некоторые типы реакторов, прежде всего исследовательские и корабельные, работают на свежем топливе с обогащением свыше 90%. Высокую концентрацию урана-235 имеет и отработанное топливо этих реакторов.

Реакторное топливо исследовательских реакторов рассматривается в качестве особенно опасного, поскольку оно рассредоточено на объектах в десятках стран, многие из которых считаются уязвимыми для террористической деятельности. По оценке МАГАТЭ, около 100 исследовательских реакторов в мире используют оружейный ВОУ в качестве топлива, и еще 20 — ВОУ с обогащением свыше 50%. В 17 странах имеются исследовательские реакторы, построенные при содействии Советского Союза / России и работающие на ВОУ-топливе. Это в основном государства бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы, а также Египет, Ливия, Китай, Северная Корея и Вьетнам. Большинство этих реакторов перешло на топливо с меньшей степенью обогащения, однако на многих из них по-прежнему остается свежее или отработанное топливо с концентрацией урана-235 на уровне, близком к оружейному [30].

26 мая 2004 г. министр энергетики США С. Абрахам обнародовал Инициативу по глобальному сокращению угрозы, в соответствии с которой до конца 2005 г. в Россию должно быть возвращено все свежее ВОУ-топливо с исследовательских реакторов советского происхождения. К 2010 г. планируется возвратить в Россию все отработанное ядерное топливо с этих реакторов. Но еще до формального объявления Инициативы Соединенные Штаты сотрудничали с Россией в возврате данного вида реакторного топлива. Так, в 2002 г. в ходе реализации проекта «Винча» из Сербии в Россию было доставлено 48 кг облученного ВОУ-топлива. В 2003 г. еще около 14 кг ВОУ-топлива с обогащением около 80% было возвращено из Румынии и около 17 кг облученного ВОУ-топлива с обогащением около 36% — из Болгарии. В 2004 г.

в Россию из Ливии было перевезено 88 топливных сборок, содержащих около 17 кг ВОУ-топлива, обогащенного до 80%. На реализацию указанных операций правительство США выделило около 2 млн долл.[31]

Сами Соединенные Штаты испытывают серьезные проблемы в обнаружении реакторного топлива, поставленного ранее в десятки других стран. Масштабы этих поставок значительно превосходили советские/российские. По состоянию на 2003 г. Министерству энергетики удалось определить местонахождение примерно половины из 5,2 т ВОУ, подлежащего возвращению в США. Более того, вообще не предпринимаются попытки определить местонахождение еще 12,3 т ВОУ, поставленных в другие страны, но не включенных в программы по репатриации. Усилия по возвращению предпринимаются в рамках упоминавшейся выше Инициативы. Правительство США предполагает вернуть в страну все отработанное топливо исследовательских реакторов американского происхождения до конца текущего десятилетия [32].

Создание на основе реакторного топлива ядерного взрывного устройства технически представляет собой более сложную задачу, чем использование оружейного ВОУ, похищенного на военном предприятии или объекте хранения. Реакторное топливо существует в виде оксида или на основе алюминия, поэтому для придания ему оружейного качества его следует преобразовать в металлическую форму. Это требует доступа к сложной технологии и экспертизе, а также создания и эксплуатации целой лаборатории. В результате, если эта деятельность осуществляется в цивилизованной стране, риск провала возрастает. Разумеется, подобные лаборатории могут быть созданы в странах со слабым контролем со стороны властей, а также там, где можно получить прикрытие со стороны некоторых властных структур. Но транспортировка радиоактивных веществ через государственные границы может быть перехвачена благодаря мерам пограничного и таможенного контроля, например, посредством повсеместной установки датчиков радиоактивности на пропускных пунктах.

Плутоний

Большинство исследователей сходится во мнении, что плутоний менее пригоден для применения в террористических целях. Из-за ряда физических особенностей и химической активности его сложно использовать в производстве простейшего ядерного взрывного устройства «пушечного» типа. Однако некоторые

специалисты утверждают, что основанное на плутонии «пушечное» устройство все же способно нанести серьезный ущерб, уничтожив несколько кварталов крупного города и облучив значительное количество жертв за счет вдыхания частиц этого материала. При этом, правда, вероятность несрабатывания подобного устройства достаточно велика.

Как и ВОУ, плутоний можно использовать для создания технически сложного устройства имплозивного типа. Для этого требуется иметь доступ к ряду весьма редких и сложных технологий. Следовательно, у террористов возникнет потребность в экспертизе и оборудовании, что увеличивает риск обнаружения до проведения теракта. Однако имплозивный боезаряд требует меньшего количества ядерного материала. Вероятно, для него достаточно 8 кг плутония. Аналогичный боеприпас, взорванный над Нагасаки в 1945 г., содержал около 6 кг этого материала. Эффективность имплозивного боезаряда также выше, чем у простейшего взрывного устройства «пушечного» типа.

Сложность подобного боезаряда иллюстрируется тем фактом, что Ираку потребовалось несколько лет для получения знаний о том, каким образом создать эффективный боезаряд имплозивного типа. Для террористической группы приобретение подобных знаний было бы еще более трудной задачей, поскольку в Ираке для создания такого оружия были задействованы ресурсы крупного и богатого государства, Багдад опирался на большое количество хорошо подготовленных специалистов, а последние могли работать над оружейной программой на хорошем оборудовании — и без риска обнаружения и уничтожения.

В 1960-е годы в Национальной лаборатории им. Лоренса Ливермора в США был проведен эксперимент, имеющий отношение к оценке общей возможности «кустарной» сборки ядерного взрывного устройства при наличии достаточного количества оружейного материала. Были наняты два молодых физика, обладавших докторской степенью, но не имевших специальных знаний в области ядерной физики. Эти ученые, опираясь исключительно на открытые источники информации, сумели сконструировать работоспособное взрывное устройство менее чем за три года. При этом они с самого начала отвергли идею работы над более простым устройством «пушечного» типа в качестве интеллектуально непривлекательной. Здесь, однако, также следует иметь в виду, что данный эксперимент не вполне подходит для моделирования действий террористов, поскольку молодые ученые опирались на

колоссальные ресурсы одной из крупнейших национальных лабораторий США. Не вполне ясно также, насколько в процессе эксперимента они были изолированы от своих коллег из закрытых подразделений. Хотя Ливерморская лаборатория имеет несколько зон, куда разрешен доступ только лицам, располагающими допуском соответствующего уровня, общение с ними вполне могло вестись за ее пределами, например, по месту жительства. Работники лаборатории, как правило, проживают в ограниченном количестве населенных пунктов, расположенных вблизи от места работы.

Эксперты полагают, что, как и в случае с ВОУ, опасность представляет как оружейный, так и реакторный плутоний. Еще в 1997 г. правительство США подтвердило сделанные ранее заявления, что реакторный плутоний может использоваться в качестве взрывчатки для ядерного оружия. Разумеется, наибольшую ценность для террористов представляет оружейный плутоний. Но и реакторный плутоний, в принципе, пригоден для создания пусть гораздо менее мощного устройства, но вполне применимого в террористических целях.

В настоящее время в мире скопились значительные запасы этого материала — более 1800 т. В отличие от ВОУ доля арсеналов оружейного плутония в общих запасах относительно невелика — около 150 т. Им располагают девять стран — ядерная «восьмерка» и Северная Корея. Бóльшая часть оружейных запасов плутония находится в России и США [33].

Основной же объем мировых запасов составляет гражданский плутоний, в основном содержащийся в топливе энергетических и исследовательских реакторов. Дело в том, что в отработанном топливе АЭС содержится некоторое количество плутония. Его технически можно выделить, а затем использовать для создания ядерного оружия. Именно таким путем, вероятнее всего, шла КНДР, тайно занимаясь переработкой отработанного топлива реактора в Енбене, пока эта деятельность не была обнаружена МАГАТЭ в начале 1990-х годов.

Проблема в том, что в отличие от ВОУ плутоний крайне сложно утилизировать. При утилизации отработанного топлива АЭС его приходится выделять, а затем либо хранить, либо вновь сжигать в реакторах. Из-за чрезвычайно длительного периода полураспада плутоний хранится в течение очень значительного времени, представляя собой серьезный вызов для нераспространения и борьбы с терроризмом. Что касается сжигания в реакторах, то в настоящее время в ряде стран этоn способ рассматривается

в качестве экономически целесообразного. Выделенный плутоний смешивается с оксидом урана, и образуется МОХ-топливо, на котором работают реакторы определенной конструкции. Однако пока только Франции удается поддерживать баланс между нарабатываемым в АЭС плутонием и его сжиганием в качестве МОХ-топлива. В остальных странах атомная энергетика на МОХ-топливе либо отсутствует, либо ее мощности незначительны. В результате запасы гражданского плутония продолжают нарастать.

Запасы выделенного плутония гражданского назначения, представляющего определенную ценность для террористов, имеются не только в ядерных державах, но и в таких странах, как Германия, Япония, Бельгия и Швейцария. При этом запасы в Германии и Японии вполне сопоставимы с запасами оружейного плутония США, на порядок превышают оружейные запасы Франции, Китая и Великобритании, на два порядка — Израиля и Индии и на три — Пакистана и КНДР.

Как и в отношении ВОУ, Соединенные Штаты высказывали озабоченность по поводу сохранности запасов оружейного плутония в России. Однако до второй половины 1990-х годов из-за внутренних политических соображений они отказывались рассматривать вопросы сотрудничества в сфере МОХ-энергетики, но согласились профинансировать строительство хранилища плутония, извлеченного из ядерных боезарядов, на «Маяке». На эту программу США затратили около 400 млн долл. Объект к настоящему времени построен и там может храниться до 50 т оружейного плутония.

В конце 1990-х годов политика Соединенных Штатов в отношении МОХ-топлива изменилась, и в сентябре 2000 г. Россия и США заключили соглашение об утилизации плутония, в соответствии с которым Вашингтон обязался оказывать содействие Москве в ликвидации 34 т плутония, объявленных Москвой избыточными для военных целей. Со своей стороны, США обещали утилизировать аналогичное количество этого материала. Однако это соглашение не было ратифицировано Федеральным собранием, и в 2001 г. администрация Дж. Буша предложила провести новые переговоры. По состоянию на июнь 2006 г. эти переговоры находились в завершающей стадии, однако оставалось несколько крупных непреодоленных разногласий. Новое соглашение будет носить многосторонний характер.

Следует отметить, что идея о сжигании значительного количества плутония в качестве МОХ-топлива не является решением проблемы уязвимости запасов этого материала для террористов. Для перехода

на МОХ-энергетику необходимы огромные капиталовложения — в строительство предприятий по производству топлива, а также реакторов, работающих на нем. По самым скромным подсчетам, на это потребуются миллиарды долларов и длительный период времени, чтобы пустить в эксплуатацию все эти объекты и приступить к реальному сокращению запасов плутония.

Скорее всего, даже если стороны договорятся по основным аспектам нового соглашения, еще в течение 15—20 лет придется говорить о безопасном хранении этого материала. Что еще хуже, уже в ближайшем будущем значительные объемы западной помощи и собственных российских средств будут вкладываться в чрезвычайно дорогостоящую программу, предназначенную для решения достаточно узкой задачи — ликвидации части запасов оружейного плутония, который будет храниться на объекте, оснащенном самыми современными мерами безопасности. Иными словами, колоссальные средства будут потрачены на решение задачи, не являющейся наиболее актуальной с точки зрения предотвращения ядерного терроризма. И это в то время, когда не решены куда более острые проблемы, связанные, например, с ВОУ.

Что касается других держав, то ситуация с плутонием там, вероятнее всего, аналогична ситуации вокруг ВОУ. Единственное отличие состоит в том, что запасами плутония обладает Северная Корея. Это вызывает озабоченность по трем причинам. Во-первых, КНДР — одна из наиболее тоталитарных стран в мире, находящаяся в стадии перехода от жестко централизованной к более либеральной экономике. При этом ее политическая система, основанная на симбиозе военной и партийной бюрократии (при гипертрофированной роли первой), практически не реформируется. И хотя многие наблюдатели полагают, что северокорейский режим может просуществовать в нынешнем виде еще долго, абсолютной гарантии такого развития событий нет. Иными словами, стабильность этого государства может быть поставлена под сомнение уже в обозримом будущем. А это может привести к ослаблению контроля над запасами плутония и его попаданию в руки террористов.

Во-вторых, поведение Северной Кореи в области распространения ракетно-ядерных технологий далеко от идеального. Пхеньян тесно сотрудничал в данной области с Ираном и Пакистаном, причем во многих случаях выступал в качестве поставщика технологий и экспертизы. Масштабы этого сотрудничества были столь велики, что, по сообщениям прессы, на иранском

побережье Каспийского моря был построен курорт специально для отдыха северокорейских специалистов, помогающих Ирану в развитии ядерных технологий. Пакистан и Иран являются исламскими странами, географически расположенными в регионе Большого Ближнего Востока — зоне наивысшей террористической опасности. Это создает потенциальный канал для попадания северокорейского оружейного плутония в руки исламских террористов, представляющих собой особую угрозу безопасности для России и для США.

В-третьих, в прошлом Пхеньян непосредственно планировал и совершал террористические акты, в частности проводил операции по уничтожению южнокорейских гражданских самолетов. Хотя в последние годы подобных действий с его стороны зафиксировано не было, прошлая вовлеченность в террористическую деятельность сохраняет риск того, что подготовленные для этих целей кадры могут возобновить свою деятельность. Это возможно либо в результате изоляции северокорейского режима из-за его неуступчивости в области создания ядерного оружия, либо вследствие дестабилизации обстановки в стране и интеграции этих кадров в международную террористическую сеть в поисках средств к существованию.

Неоружейные ядерные материалы

Ряд исследователей полагает, что запасы оружейных материалов настолько защищены, что террористическим группировкам относительно легче приобрести неоружейные материалы — низкообогащенный уран или отработанное реакторное ядерное топливо — и затем самостоятельно либо обогатить НОУ до уровня ВОУ, либо выделить плутоний из ОЯТ. Как уже отмечалось, именно таким путем следовали некоторые нынешние ядерные державы. Так, КНДР пыталась выделить плутоний из отработанного ядерного топлива, а Пакистан обогащал НОУ до оружейного уровня на центрифугах, значительная часть технологии которых была получена нелегальным образом, вероятнее всего, из европейских стран.

Что касается выделения плутония из ОЯТ, то для этого требуются радиохимические предприятия. Для террористической группировки практически невозможно самостоятельно построить и эксплуатировать такое предприятие. Это требует не только огромных ресурсов, больших технических знаний и значительного количества рабочей силы. Радиохимическое предприятие — круп-

ное сооружение, которое относительно легко обнаружить посредством национальных технических средств даже на территории несостоявшегося государства или страны, поддерживающей терроризм. Так, Северная Корея была вынуждена построить колоссальные подземные сооружения, чтобы укрыть там от наблюдения радиохимические производства. Но и ей не удалось полностью их скрыть. Эти предприятия весьма энергоемки, и к укрытиям пришлось протянуть значительное количество линий электропередач, которые и были обнаружены.

Кстати, высокая энергоемкость представляет собой еще одно практически непреодолимое препятствие для попыток создать радиохимические производства на территории несостоявшихся государств. Все они относятся к разряду очень бедных, и не располагают крупными мощностями по производству электроэнергии.

Центрифуги по обогащению урана меньше по размерам и не столь энергоемки. Поэтому их сложнее обнаружить. Особенно это относится к центрифугам в лабораториях. В 2004 г. была вскрыта незаконная деятельность южнокорейских ученых, пытавшихся в лабораторных условиях провести обогащение урана. Официальные лица Южной Кореи утверждали, что они не санкционировали подобной деятельности, и ученые проводили ее самостоятельно, скрытно от властей. Следует отметить, что в иранских лабораториях были выявлены следы незадекларированных в соответствии с требованиями соглашения о гарантиях опытов по обогащению урана, вероятно, первоначально посредством средств космической разведки и последующих инспекций на местах, проведенных МАГАТЭ. Иными словами, имеются прецеденты по сокрытию в течение ряда лет деятельности по обогащению урана в лабораторных масштабах. Скорее всего, это могли бы проделать и террористы, опираясь на действующую научную инфраструктуру развитых государств или создав соответствующие лаборатории в третьих странах.

Однако ни в южнокорейском, ни в иранском случаях в результате подобных экспериментов не был получен ВОУ оружейного качества, не говоря уже о количествах, необходимых для создания ядерного взрывного устройства. Тем не менее, хотя попытки Ирана создать мощности по обогащению урана в промышленных масштабах были обнаружены иностранными национальными техническими средствами контроля, полной картины по иранским программам составить пока не удалось.

Радиоактивные материалы

Из всех видов угроз, объединяемых под названием «ядерный терроризм» (вплоть до создания или захвата полноценного ядерного оружия, нападения на ядерные энергетические установки и т. д.) наиболее вероятной в обозримом будущем считается угроза использования суррогатных средств с применением ядерных и радиологических материалов, особенно такая разновидность радиоактивных рассеивающих устройств [34], как так называемая «грязная бомба» (рассеивание радиоактивного материала с помощью обычных взрывчатых веществ). Вероятность этой угрозы определяется тем, что в условиях относительно широкого распространения радиоактивных источников соответствующие исходные материалы относительно доступны по сравнению с ядерными материалами и тем более полноценным ядерным боеприпасом. Не приводя к колоссальным жертвам, использование «грязных бомб» с лихвой выполняет функции, специфические для терроризма как особого вида политического насилия, в полной мере способствуя распространению паники и общественной дестабилизации.

Эта точка зрения экспертов совпадает с официальной позицией российских властей: как заявил в апреле 2004 г. на 11-й встрече российско-американской рабочей группы по терроризму заместитель министра иностранных дел России В. Трубников, «речь, конечно же, не идет об использовании настоящей ядерной бомбы, но угроза использования “грязных бомб” реально существует». В качестве более реальных угроз терроризма с применением ОМУ В. Трубников назвал именно возможное применение «грязных бомб» с использованием расщепляющихся материалов и изотопов (а также биологических препаратов) [35]. Хотя в целом угроза ядерного терроризма гораздо шире, именно угроза терроризма с применением ядерных и радиоактивных материалов считается «наименее маловероятной».

Действительно, радиоактивные источники настолько широко распространены, что их можно обнаружить не только на специфических объектах, где ведется ядерная деятельность, но и, например, в госпиталях, в офисных и даже некоторых жилых помещениях. Поэтому их коренное отличие от других потенциальных источников ядерного терроризма состоит в том, что отсутствует возможность обеспечить их все надежной охраной. Таким образом, нельзя полностью предотвратить попадание некоторых типов этих веществ в руки террористов.

Вместе с тем расположенные на мирных объектах радиоактивные источники, как правило, не содержат большого количества радиоактивных веществ. Поэтому для накопления этих веществ в масштабах, необходимых для создания «грязной бомбы», террористам пришлось бы похитить их с десятков, сотен или даже тысяч объектов. Это серьезно повысило бы риск раскрытия террористической сети еще на стадии подготовки теракта.

На стадии предотвращения террористических актов следует сконцентрировать усилия на охране объектов, где имеются значительные запасы радиоактивных материалов. К ним относятся реакторы, где хранится высокорадиоактивное отработанное ядерное топливо, базы хранения ОЯТ корабельных реакторов, а также хранилища других радиоактивных отходов. Часть этих объектов уже усиленно охраняется. В частности, к ним относятся АЭС, места хранения военно-морских радиоактивных отходов.

Следует подчеркнуть, что для противодействия радиологическому терроризму в особой степени требуется комплексный подход. Крайне важен агентурный метод с тем, чтобы получить информацию, позволяющую пресечь попытки создать «грязную бомбу». Особое внимание требуется уделять и мероприятиям, направленным на перехват материалов, предназначенных для использования в террористических целях. Это облегчается доступностью датчиков измерения радиоактивности, что позволяет обнаружить материал при его перемещении от места хищения к месту хранения, а также от места хранения — к месту предполагаемого теракта. Подобные датчики уже установлены в основных пунктах пересечения границы России и ряда других стран.

Ядерный терроризм представляет собой весьма маловероятный феномен. Ему препятствует целый ряд факторов: труднодоступность ядерных боезарядов и оружейных расщепляющихся материалов, технические сложности при сборке ядерного боеприпаса, низкая конкурентоспособность ядерного терроризма по сравнению с возможностью максимизации ущерба посредством применения конвенциальных средств, мотивационные самоограничения террористических группировок.

Вместе с тем ряд современных тенденций показывает, что ситуация может измениться. Естественные процессы глобализации и научно-технического прогресса способствуют распространению ядерных технологий и делают их более доступными. Глобализа-

ция способствует созданию глобальных террористических сетей, трансграничной деятельности террористических группировок, ранее считавшихся локальными. Развивается ядерный черный рынок, который коррумпирует высокопоставленных чиновников в ряде стран. В результате террористы могут приобрести доступ к государственным арсеналам и технологиям. На территории несостоявшихся государств они могут получить безопасное место для развития собственного арсенала ОМУ, доведения его до уровня, позволяющего использовать в террористических целях. Не исключена и дестабилизация ряда новых и потенциальных ядерных государств, что может привести к попаданию в руки террористов готового ядерного боеприпаса.

По критерию стоимости-эффективности оружейный ВОУ, возможно, представляет собой наиболее заманчивую цель для террористов. Его запасы весьма велики и в ряде случаев недостаточно охраняемы. Из оружейного урана технически проще всего создать наиболее примитивное ядерное взрывное устройство «пушечного» типа. По мнению ряда экспертов, для подрыва подобного устройства может даже не понадобиться взрыватель. Но такой сценарий требует попадания в руки террористов сверхчистого металлического оружейного урана, который весьма жестко охраняется. Необходимо и достаточно большое количество этого материала, как правило, значительно превышающее то, что хранится на относительно менее защищенных объектах.

Разумеется, ядерный боезаряд, полученный из арсеналов ядерного государства, способен произвести наибольший ущерб. Однако он относится к числу самых охраняемых средств, и доступ к нему со стороны террористов связан с максимальными трудностями. Плутоний наиболее эффективен при создании боеприпаса имплозивного типа, но конструирование подобного взрывного устройства также сопряжено со значительными техническими сложностями. Кроме того, плутоний легче поддается учету и физической защите, поскольку его запасы значительно меньше, чем ВОУ.

Напротив, запасы НОУ менее охраняемы, и его проще заполучить, чем оружейный уран. Но его обогащение силами террористической группировки потребовало бы затрат огромных для нее средств, относительно длительного периода времени и использования крупногабаритного оборудования. Это создает высокую вероятность своевременного обнаружения такой деятельности и ее пресечения.

«Грязная бомба», безусловно, наиболее вероятный вид ядерного терроризма. Обеспечение надежной охраны всех источников радиоактивных материалов, которых в мире может насчитываться до нескольких миллионов единиц, вряд ли возможно. Поэтому террористам легче всего получить к ним доступ. Но по масштабам немедленного поражения использование «грязной бомбы» далеко уступает не только ядерному взрывному устройству, но и обычным средствам. Конечно, размеры ущерба экономической деятельности могут оказаться весьма велики, но для этого потребуется значительное количество радиоактивных веществ и их эффективное распыление. Кроме того, широкая доступность датчиков измерения радиоактивности облегчает задачу своевременного обнаружения «грязной бомбы» в процессе ее транспортировки.

Картина существенно меняется в случае поддержки террористической деятельности со стороны некоторых государственных структур в ряде стран, особенно в период нестабильности в ядерных или околоядерных державах. В этих ситуациях террористам легче всего заполучить необходимые им средства включая готовый ядерный боеприпас. В сценарии с НОУ особую роль может сыграть несостоявшееся государство, предоставившее территорию и инфраструктуру для создания предприятия по обогащению урана.

Важнейшее значение имеет преодоление разногласий между ведущими державами. Нельзя сказать, что они не пытаются координировать свои усилия. Ведется диалог между спецслужбами различных стран, предпринимаются попытки координировать деятельность в рамках различных организаций и неформальных групп, принимаются важные документы, совершенствующие международно-правовую базу по борьбе с терроризмом. Развивается международное сотрудничество в рамках силовых мер по предотвращению ядерного распространения, лишению террористов убежищ, где они могли бы безнаказанно готовиться к проведению террористических актов. Однако эти действия требуют дальнейшего развития.

Не удалось также выделить первоочередные меры по предотвращению попадания ядерных материалов в руки террористов. Так, в рамках Глобального партнерства мало что предпринимается для повышения безопасности высокообогащенного урана, наиболее привлекательного материала для террористов. Вместо этого приоритет отдается другим вопросам. Если будет подписано соглашение об утилизации плутония, весьма значительные

средства будут направлены на решение проблемы хотя и важной, но не имеющей той остроты, как ситуация, сложившаяся вокруг ВОУ.

Даже там, где первоочередные задачи определены, они решаются крайне медленно. Это, в частности, относится к возврату высокообогащенного топлива исследовательских реакторов в страну-производитель. США приняли важное решение о завершении этого процесса в течение текущего десятилетия. Однако затягивается определение местонахождения поставленного ранее американского топлива.

Таким образом, предпринимаемые меры по предотвращению ядерного терроризма пока недостаточны. Не исключено, что в условиях быстрого развития негативных тенденций — развития ядерного черного рынка, глобализации террористической деятельности, дестабилизации ряда ядерных государств и дальнейшего ядерного распространения — они запаздывают. Если это так, то террористы постепенно выигрывают гонку за приобретение доступа к ядерным средствам, и следует серьезно задуматься над тем, готов ли мир реагировать на ужасающие последствия ядерного взрыва.

Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма

Положительным шагом в укреплении международно-правовой базы противодействия ядерному терроризму стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма. Документ был одобрен на основе консенсуса 13 апреля 2005 г. и открыт для подписания с 14 сентября 2005 г. по 31 декабря 2006 г. Для вступления в силу требуется его ратификация 22 государствами.

Принятию Конвенции предшествовали длительные переговоры в рамках специального комитета, утвержденного резолюцией Генеральной Ассамблеи еще в декабре 1996 г. В 1997 г. Россия внесла в ООН проект Конвенции по борьбе с ядерным терроризмом, на основе которого и был согласован окончательный текст. Конвенция стала первым договором, принятым ООН по инициативе России.

Указанный документ впервые нацелен на предотвращение террористических актов с применением оружия и материалов массового уничтожения. В соответствии со ст. 2 документа «любое лицо совершает преступление... если оно незаконно и умышленно *a*) владеет радиоактивным материалом либо изготавливает устройство и владеет им: i) с намерением причинить смерть или

серьезное увечье...»[36]. Таким образом, в качестве преступления характеризуется не только террористический акт сам по себе, но и обладание радиоактивным материалом с намерением его использовать в незаконных целях.

Конвенция расширяет международные обязательства о выдаче лиц, подозреваемых в ядерном терроризме. Например, ст. 9 предоставляет государствам-участникам право осуществлять экстерриториальную юрисдикцию над физическими лицами, если «преступление совершено в попытке принудить это государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него»[37]. Тем самым признается право государств требовать наказания или выдачи иностранных граждан, совершивших преступление против их интересов на территории другого государства. Это существенно облегчает преследование террористов.

Более того, государства-участники соглашаются с тем, чтобы в существующие между ними договоры о выдаче преступников автоматически вносились изменения, ликвидирующие несоответствия между ними и положениями Конвенции (ст. 13).

Согласно ст. 15, «...ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается... как политическое преступление... Поэтому связанная с таким преступлением просьба о выдаче... не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления». Данное положение запрещает оправдывать международный ядерный терроризм политическими убеждениями террористов и вносит важный вклад в противодействие практике двойных стандартов, когда одно и то же деяние может рассматриваться либо в качестве легитимного, когда подозреваемые придерживаются той же идеологии, что и укрывающее их государство, либо в качестве криминального, когда взгляды террористов противоречат политике государства.

Большое значение имеет содержащееся в ст. 11 требование, чтобы в случае невыдачи подозреваемый без проволочек подвергся уголовному преследованию со стороны государства, на территории которого он находится. При этом компетентные органы указанного государства должны принимать решение таким же образом, как и в случае другого преступления тяжкого характера, вне зависимости от того, совершено ли преступление на территории данной страны.

Кроме того, в Конвенции приведен перечень конкретных мер сотрудничества государств-участников по борьбе с ядерным терроризмом. Она также требует от правительств стран-участниц предо-

ставить информацию о своих компетентных органах, ответственных за обмен информацией в данной области, всем другим участникам документа и генеральному секретарю ООН (ст. 8). Конвенция обязывает их предпринимать все усилия по обеспечению защиты радиоактивных материалов в сотрудничестве с МАГАТЭ (ст. 9).

Статья 18 Конвенции регулирует обращение с ядерными материалами и устройствами, захваченными государствами в результате пресечения деятельности, связанной с ядерным терроризмом. Эти материалы и устройства должны быть обезврежены и поставлены под гарантии МАГАТЭ, и в отношении них должны применяться рекомендации и стандарты последнего. По окончании же расследования они подлежат возвращению государству-собственнику или стране, чей гражданин пытался совершить или совершил преступление.

Вместе с тем область применения Конвенции неоправданно ограничена. Так, в соответствии со ст. 3 она «не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник и потерпевшие являются гражданами этого государства, предполагаемый преступник найден на территории этого государства»[38]. Иными словами, под положения Конвенции не подпадают акты «внутреннего» терроризма. Она охватывает лишь те из них, которые носят транснациональный характер. Подобное изъятие открывает возможности по легитимации «внутреннего терроризма»: с точки зрения документа использование ядерных материалов или устройств в пределах одного государства, направленное против этого государства, не является преступлением.

Кроме того, Конвенция распространяется только на несанкционированное официальными властями применение ядерных материалов и устройств. Согласно ст. 4 под действие документа не подпадают «действия, предпринимаемые вооруженными силами государства в целях осуществления их официальных функций». Данное изъятие позволяет критикам Конвенции утверждать, что она носит несправедливый характер. Запрещая использование ядерных материалов непризнанными группировками, например, повстанческими, она не содержит аналогичного запрета на применение подобных материалов правительствами, в частности, в карательных целях.

Положения ст. 16 фактически сводят на нет положения ст. 15, запрещающей отказ в выдаче подозреваемых в ядерном терроризме на основании того, что указанные лица делали это по политическим

убеждениям. В соответствии со ст. 16 «ничто в настоящей Конвенции не должно трактоваться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо... если запрашиваемое государство-участник имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче... имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин». Поскольку понятие «веские основания» в тексте не расшифровывается, указанная статья позволяет запрашиваемым государствам отказывать в выдаче на основе якобы имеющихся «веских оснований» полагать, что запрос о выдаче сделан из-за политических убеждений подозреваемого.

Примечания

[1] По некоторым данным, после специального брифинга директора ЦРУ Дж. Тенета на тему «ядерных амбиций “аль-Каиды”», проведенного в октябре 2002 г., президент Дж. Буш высказался за то, чтобы угроза ядреного терроризма рассматривалась его командой по вопросам обеспечения национальной безопасности в качестве приоритетной по сравнению с любой другой угрозой безопасности США. Подробнее см.: *Gellman B.* Fears Prompt U.S. to Beef Up Nuclear Terror Detection // The Washington Post. — 2002. — March 3.

[2] Подробнее об общих особенностях супертерроризма см., например: *Stepanova E.* War and Peace Building // The Washington Quart. — 2004. — Autumn. — Vol. 27. — № 4: On the 3d anniversary of 9/11. — P. 128—129 ff.

[3] Подробнее см.: *Hoffman B.* Holy Terror: The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative. — Santa Monica, Calif.: RAND, 1993. — (RAND Doc.; P-7834).

[4] *Parachini J.* Putting WMD Terrorism into Perspective // The Washington Quart. — 2003. — Autumn. — Vol. 26. — № 4. — P. 39.

[5] Terrorist CBRN: Materials and Effects // CIA Report. — 2003. — May. (http://www.cia.gov/cia/reports/terrorist_cbrn/terrorist_CBRN.htm).

[6] Цит. по: FBIS: Report Views Bin Laden’s Operations, Counter Terrorism Efforts. FBIS Doc. ID: GMP20010214000205, 26 Jan. 2001.

[7] Из небольшого числа доказанных случаев применения ОМУ редким примером их использования организацией, вовлеченной в локальный вооруженный конфликт, может служить однократное применение в 1990 г. группировкой «Тигры освобождения Тамил Илама» хлора в ходе нападения на базу правительственных сил на севере Шри-Ланки.

[8] См., например: *Bunn M.* Preventing Nuclear Terrorism: A Progress Update // Project on Managing the Atom / Belfer Center for Science and

Intern. Affairs, JFK School of Government, Harvard Univ. — Cambridge, 22 Oct. 2003. — P. 4; *Allison G.* How to Stop Nuclear Terror // Foreign Affairs. — 2004. — Jan./Febr. — P. 64—74 etc.

[9] Любопытно, что инженер был задержан случайно. На предприятии не было обнаружено следов пропажи обогащенного урана. Однако там стали пропадать электрические лампочки, которые выкручивали получавшие крайне низкую зарплату рабочие с целью последующей продажи на московских рынках. Поэтому сотрудники местной милиции проверяли багаж всех работников предприятия, направлявшихся в Москву.

[10] Confirmed Proliferation — Significant Incidents of Fissile Materiel Trafficking in the Newly Independent States (NIS), 1991—2001 / Center for Nonproliferation Studies // CNS Reports. — 2001. — Nov. 30.

[11] «Большой Ближний Восток» — новый термин, объединяющий помимо традиционного Ближнего Востока страны Северной Африки — члены Лиги арабских государств, Иран, Афганистан и Пакистан. По некоторым характеристикам в регион можно включить и преимущественно курдские районы восточной Турции, а также часть бывших советских Центральной Азии и Закавказья.

[12] *Калядин А.* Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения // Ядер. контроль. — 2003. — Т. 9. — № 3. — С. 50.

[13] *Евстафьев Г.* Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски // Ядер. контроль. — 2004. — Т. 10. — № 1. — С. 70.

[14] Там же. — С. 71.

[15] *Medalia J.* Nuclear Terrorism: A Brief Review of Threats and Responses // Congressional Research Service (CRS) Report RL 3259522. — Washington, DC: Library of Congress, Sept. 2004. — P. i, 2 ff.; см. также: *Wolf A.* Nuclear Weapons in Russia: Safety, Security, and Control Issues // CRS Report RL32202. — Washington, DC: Library of Congress, 15 Aug. 2003.

[16] Making the Nation Safer: The Role of Science and Technology in Countering Terrorism / Committee on Science and Technology for Countering Terrorism // National Research Council Report. — Washington, DC: National Academics Press, 2002. — P. 44.

[17] См., например, интервью С. Нанна «Би-би-си»: Nuclear Terror «Matter of Time» // BBC News. — 2004. — 21 July.

[18] *Bunn M.* Op. cit. — P. 1—2.

[19] *Norton-Taylor R.* Axis of failure // The Guardian. — 2004. — Nov. 3.

[20] Letter Dated 1 October 2004 from the Director General of International Atomic Energy Agency addressed to the President of the UN Security Council. UN Doc. S/204/786, 4 Oct. 2004. — P. 3; США вывезли из Ирака 1,77 т обогащенного урана // Росбизнесконсалтинг. — 2004. — 8 июля.

[21] David Albright, Securing Pakistan's Nuclear Weapons Complex, Paper for 42nd Strategy for Peace Conference, Oct. 25—27, 2001, Warrenton, Virginia.

[22] *Ferguson Ch. D., Potter W. C.* Improvised Nuclear Devices and Nuclear Terrorism. — Unpublished paper. — P. 2. См. также: The Four Faces of Nuclear Terrorism / Ch. D. Ferguson, W. C. Potter, A. Sands, L. S. Spector, and F. L. Wheling. — Washington, DC: Nuclear Threat Initiative, 2004.

[23] *Alvarez L. W.* Adventures of a Physicist. — [S. l.]: Basic Books, 1988. — P. 125.

[24] *Wald M. L.* Suicidal Nuclear Threat Is Seen at Weapons Plants // New York Times. — 2002. — Jan. 23.

[25] *Albright D.* South Africa and the Affordable Bomb // Bul. of the Atomic Scientists. — 1994. — July/Aug.

[26] *Albright D., Kramer K.* Fissile Material: Stockpiles Still Growing // Bul. of the Atomic Scientists. — 2004. — 60. — № 6. — Nov./Dec. — P. 14.

[27] Reducing Excess Stockpiles: The US-Russia Highly Enriched Unranium Purchase Agreement / Nuclear Threat Initiative. — Washington, DC, 2004.

[28] *Trei L.* Database exposes threat from 'lost' nuclear material // Stanford Report. — 2002. — March 6 (http://news-service.stanford.edu/news/march6/database-36.html).

[29] *Kelle A., Schaper A.* Terrorism using biological and chemical weapons: A critical analysis of risks after 11 September 2001. — [S. l.]: Frankfurt Peace Research Inst., 2002. — P. 20. — (PRIF Research Papers; № 64).

[30] Research Reactors / World Nuclear Association. — [S. l.], Aug. 2003.

[31] Spencer Abraham, Secretary of Energy, Speech at the International Atomic Energy Agency, Vienna, Austria, May 26, 2004.

[32] U.S. Department of Energy, Office of Inspector General, Office of Audit Services, «Recovery of Highly Enriched Uranium Provided to Foreign Countries,» DOE/IG-0638, February 2004.

[33] *Albright D., Kramer K.* Op. cit. — P. 14.

[34] Такие устройства могут использоваться и без взрывчатых веществ (например, путем непосредственного помещения источника излучения в здания, вентиляционные системы и т. п.).

[35] Цит. по: Росбизнесконсалтинг. — 2004. — 2 апр.

[36] Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма. Приложение к Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 59/290. Пятьдесят девятая сессия. Пункт 148 повестки дня. Генеральная Ассамблея, 15 апреля 2005 г. A/Res/59/290.

[37] Там же.

[38] Там же.

Выводы по разделу II

В годы «холодной войны» между СССР и США существовали области общих интересов и взаимодействия, в том числе нераспространение ядерного оружия, плодом чего явился ДНЯО. Но тогда истинному и широкому сотрудничеству мешали конфронтация и глобальное соперничество двух сверхдержав, которые безусловно преобладали над отдельными звеньями сотрудничества. Прекращение «холодной войны» в принципе устранило главное препятствие для взаимодействия двух стран. Однако растущее политическое и военное неравенство между ними, выход на передний план новых мировых центров силы, региональных претендентов на лидерство и негосударственных игроков, появление ядерного черного рынка — и все это на фоне негативных аспектов глобализации — создали принципиально новые проблемы нераспространения.

Для их решения недостаточно уровня взаимодействия периода «холодной войны»: как новые угрозы, так и новые возможности настоятельно требуют качественно более высокого профиля сотрудничества, сопоставимого с прошлыми союзническими отношениями в НАТО или Организации Варшавского договора, а в некоторых сферах даже превосходящего их (например, совместные действия секретных служб, общие системы ПРО, сотрудничество по ИБОР).

Понятно, что в плане ядерного распространения отношение великих держав к региональным союзникам и партнерам не может быть таким же, как к противникам, поскольку в реальной международной политике помимо распространения присутствуют другие важные интересы внешнего и внутреннего порядка. Проблема, однако, в том, что у великих держав разные внешние партнеры и противники, и зачастую партнеры одних — это противники других, которые к тому же со временем меняются местами.

Частично положение можно исправить через затронутую выше глубокую трансформацию военно-политических отношений великих держав (см. раздел I). Помимо этого в рамках Совета Безопасности ООН, «большой восьмерки», Совета Россия-НАТО и на других форумах, а также через усиление механизмов нераспространения необходимо реально, а не декларативно решительно повысить приоритет нераспространения ОМУ и совместной борьбы с угрозой

катастрофического терроризма в политике ведущих держав. В частности, не отношения с региональными государствами должны определять подход великих держав к конкретным случаям ядерного распространения, а наоборот — практика тех или иных проблемных стран в этой области должна определять отношения с ними великих держав. Но данный принцип нужно применять на основе взаимности, а не избирательно согласно текущим вкусам каждой администрации США или руководства другой великой державы. Это сведет до минимума практику двойных стандартов и дефицит единства великих держав, который является главным препятствием к достижению приоритетных целей международной безопасности.

Универсализация режима нераспространения через меры «центрального» двух- и многостороннего ядерного разоружения, расширение потенциала и полномочий МАГАТЭ, конкретизация положений ДНЯО, укрепление системы экспортного контроля, регулирование и консолидация поставок ядерных материалов и технологий сами по себе не гарантируют прекращения распространения ЯО и тем более обращения его вспять. Они дорогостоящи и сложны в финансовом, политическом, организационном и техническом отношениях и отнюдь не всегда обеспечивают высокий КПД решения конкретных проблем нераспространения. В этом смысле они подобны широкому неводу с крупными ячейками, в который не обязательно попадает каждая искомая добыча.

В то же время полное переключение на «адресный» подход к проблемным странам и случаям распространения еще более сомнителен, потому что он нередко субъективен и основан на двойных стандартах, разрушает единство и взаимное доверие великих держав в Совете Безопасности ООН, стран — членов ДНЯО, ГЯП и государств «большой восьмерки». Указанная линия ведет к дезинтеграции режима и системы нераспространения и в конечном счете создает гораздо больше проблем, чем решает, в том числе в части распространения ОМУ и подъема международного терроризма, что наглядно продемонстрировала иракская эпопея последних лет.

Несомненно, что универсализация и укрепление режима и механизмов ДНЯО должны быть фундаментом для «адресного» подхода к проблемам нераспространения применительно к отдельным странам и регионам. Упрочение такого фундамента — необходимое, хотя и не достаточное условие успеха. При этом исключительную важность имеет легитимность любых «адресных» акций, особенно силовых, единство и взаимодействие великих держав и их региональных партнеров.

В качестве первоочередных мер по укреплению ДНЯО и всего режима и механизмов нераспространения ЯО можно предложить следующий список:

1. Ратификация Соединенными Штатами и Китаем ДВЗЯИ как ключевого звена, соединяющего «вертикальное» и «горизонтальное» ядерное разоружение, что способствовало бы присоединению к ДВЗЯИ также Индии, Пакистана, Израиля, положило предел совершенствованию ядерных вооружений тех государств, которые его уже создали, поставило серьезную преграду для создания ЯО остальными явными и тайными «пороговыми» странами.

2. Заключение первого «узкого» Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях и поэтапное расширение его охвата с соответствующими механизмами контроля для ядерных и неядерных членов ДНЯО, подключение к нему «неприсоединившейся» тройки (Израиля, Индии, Пакистана). Дополнительно к ДВЗЯИ это было бы еще одним «крепежным» звеном между вертикальным и горизонтальным ядерным разоружением.

3. Ратификация всеми членами ДНЯО включая США и Российскую Федерацию Дополнительного протокола 1997 г. как обязательное условие любого международного сотрудничества в сфере ядерной энергетики.

4. Выработка обязательных и проверяемых международных стандартов по учету, физической защите, безопасной транспортировке, хранению и ликвидации излишков оружейных ядерных материалов. Финансовое и техническое содействие этим мерам, а также физической защите хранилищ ядерного оружия, в рамках Глобального партнерства и других соответствующих программ.

5. Поэтапная передача гарантированных поставок, а впоследствии и производства ядерного топлива для АЭС (включая МОХ-топливо и топливо для реакторов-бридеров) под международный контроль.

6. Постановка на международно-правовую базу Инициативы безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения в части норм и средств законного перехвата и инспекции морского, наземного и воздушного транспорта по подозрению в незаконной перевозке ядерных материалов и технологий.

7. Активизация ныне действующих групп контроля ядерного экспорта (Комитет Цангера, ГЯП), постановка их деятельности на договорно-правовую основу с новым, более эффективным механизмом принятия решений, системой контроля и санкций за нарушение через МАГАТЭ и Совет Безопасности ООН.

8. Запрещение любых новых поставок технологий замкнутого ядерного цикла государствам, не участвующим в ДНЯО, и странам, подозреваемым в возможных нарушениях или намерениях выхода их Договора (такие подозрения должны быть предметом доклада МАГАТЭ). Поставки любых ядерных материалов и технологий странам, не являющимся членами ДНЯО, возможны только при принятии ими всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ и Дополнительного протокола 1997 г. Запрет на любые поставки ядерных материалов и технологий в неядерные страны — члены Договора, если они не присоединились к Дополнительному протоколу 1997 г. Новые поставки членам ДНЯО осуществляются только при принятии ими условий возврата или ликвидации полученных материалов и технологий в случае выхода из ДНЯО (в ином случае должен быть предусмотрен порядок доклада МАГАТЭ и принятия санкций на основе априорного мандата Совета Безопасности ООН). Ликвидация таких объектов, если они были созданы в нарушение ДНЯО и гарантий МАГАТЭ, как условие дальнейшего сотрудничества с членами Договора.

9. Обеспечение поставок готового ядерного топлива странам, отказавшимся от полного цикла, по самой низкой рыночной стоимости и последующий вывоз отработанного ядерного топлива странами-поставщиками или со стороны специально созданных для этой цели международных консорциумов под эгидой МАГАТЭ.

10. Принятие единых мировых норм наказания частных компаний и физических лиц, виновных в незаконных деяниях, несущих опасность ядерного распространения (как преступлениях против человечности), приведение в соответствие национальных законодательств согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1540.

11. Разработка совместных программ США, России и других передовых стран по разработке ядерных энергетических реакторов нового поколения с повышенной безопасностью эксплуатации и минимальным содержанием оружейных материалов в отработанном ядерном топливе. Отказ от реакторов-бридеров.

12. Ужесточение Режима контроля над ракетными технологиями, особенно в части поставок технологий двойного назначения, оказание совместного давления великих держав в целях присоединения к режиму стран, не являющихся его участниками. Превращение РКРТ в международный договор (конвенцию) с четкими определениями его объектов и субъектов, мерами проверки и транспарентности, обязательствами государств-участников скорректировать соот-

ветственно свое внутреннее законодательство и создать отвечающие общему стандарту механизмы экспортного контроля.

13. Всемерное расширение международного сотрудничества в коммерческом и научном использовании космического пространства, создание мирового космического консорциума на базе потенциалов США, России и Европейского космического агентства для предоставления льготных услуг членам РКРТ со стороны государств, имеющих свои космические носители и орбитальные аппараты.

14. Расширение штата и финансирования МАГАТЭ, а также его прав на проведение расследований нарушений ДНЯО с передачей дела в Совет Безопасности ООН для применения мер наказания и принуждения.

15. Разработка и согласование расширенной системы контрраспространения в формате эскалации принудительных коллективных действий по решениям Совета Безопасности ООН включая экономические санкции, перехват подозрительных транспортных средств в национальных и нейтральных зонах, частичную или полную блокаду, превентивные высокоточные удары по выявленным местам нахождения ОМУ и средств доставки и промышленной инфраструктуре, связанной с ОМУ, ввод оккупационных войск. Каждый последующий этап может наступать только в случае безуспешных результатов предыдущих. Рамочная резолюция Совета Безопасности ООН может предоставить право на последовательность таких действий «коалиции желающих», но изначальное введение ее в силу в каждом случае требовало бы решения Совета Безопасности, как и переход к прямым силовым действиям с применением оружия. Даже простое обсуждение подобной схемы как легитимной могло бы служить сдерживающим фактором для попыток приобретения ядерного и другого оружия массового уничтожения новыми странами и оказания ими поддержки международным террористическим организациям.

Приведенные в двух первых разделах соображения в части вертикального нераспространения теснейшим образом взаимосвязаны с горизонтальным. И точно так же с первыми двумя темами связаны региональные вопросы нераспространения как частные и наиболее острые проявления общего горизонтального разреза ядерного распространения в современных условиях. В следующем разделе они рассмотрены подробнее.

Раздел III
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Проблемы, связанные с распространением ядерного оружия и возможностью его применения в Южной Азии, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, только условно могут быть названы региональными. Они уже либо перешли в глобальное измерение, либо вплотную подошли к черте, за которой очевидными становятся угрозы безопасности мирового масштаба.

Южная Азия — это регион, где, по общему мнению, риск вооруженного конфликта с применением ЯО достаточно велик. Также этот район весьма опасен с точки зрения получения доступа к ядерному оружию международным терроризмом. Это зона сосуществования и одновременно столкновения различных цивилизаций, где явным и зачастую насильственным путем переплетены межгосударственные и территориальные споры, религиозные и этнические противоречия, вопиющую остроту имеют социально-политические конфликты. Там тесно переплетаются и нередко сталкиваются интересы Индии, Пакистана, Китая, США и России. И после 1998 г. на этот взрывоопасный фон наложилась открытая гонка ракетно-ядерных вооружений растущей разрушительной мощи и досягаемости.

Главные факторы, влияющие на динамику разворачивающегося в регионе ядерного соперничества, таковы:

• конфронтация между Индией и Пакистаном вокруг Кашмира, то затихающая, то разгорающаяся с новой силой;

• сложные и противоречивые отношения Индии с Китаем, отягощенные историей открытых вооруженных конфликтов;

• развитие пакистано-китайского и пакистано-северокорейского военно-технического сотрудничества, прежде всего в ядерной и ракетной областях;

• количественное наращивание и качественное совершенствование ракетно-ядерных сил Китая.

Наряду с названными факторами многогранности и высокой степени напряженности отношений главных конфликтующих стран Южной Азии — Индии и Пакистана обращает на себя внимание непрекращающаяся общая милитаризация обеих стран: только в 1994—2003 гг. их военные расходы (в постоянных ценах) возросли, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), на 42,8% [1]. Осуществляются крупные индийские и пакистанские закупки за рубежом новейших

вооружений и военной техники, лицензий на их производство и совместные проекты. В 1999—2003 гг. (по данным СИПРИ) Индия импортировала оружия на сумму 7,8 млрд долл., а Пакистан — на 2,5 млрд долл. (соответственно второе и девятое места среди крупнейших мировых импортеров оружия) [2].

К указанному клубку факторов повышенного риска в последнее время прибавились еще несколько усугубляющих дело обстоятельств. К ним относится незавершенность операции по восстановлению мира и стабильности в Афганистане, что связано с военной кампанией США и ряда их союзников в Ираке с последующим увязанием «коалиции желающих» в беспросветной партизанской и террористической войне. Это оказывает крайне дестабилизирующее влияние на весь регион включая рост радикального исламизма и международного терроризма, усиление стимулов к распространению ЯО. Разрастается непосредственно связанный с региональными противоречиями Южной Азии международный кризис вокруг ядерной программы Ирана, в который вовлечены США, Россия, Великобритания, Франция и Германия.

Ситуация на **Дальнем Востоке** определяется сложным переплетением следующих главных моментов:

• неразрешенность со времен Корейской войны конфликтного состояния отношений Севера и Юга полуострова;

• значительная концентрация противостоящих здесь друг другу вооруженных сил и вооружений;

• наличие двух разделенных вот уже более полувека народов (корейского и китайского);

• прямая вовлеченность в конфликтную зону трех из пяти великих ядерных держав (России, США, КНР);

• высокий потенциал дальнейшего распространения ядерного оружия в регионе ввиду единственного в своем роде прецедента — выхода государства (КНДР) из ДНЯО и наличия целого ряда потенциальных ядерных держав (КНДР, Япония, Южная Корея, Тайвань).

Наиболее опасной выглядит северокорейская ядерная программа. О ней много пишут и спорят политики и эксперты, на ее разрешение нацелены шестисторонние переговоры с участием, помимо самой КНДР, трех ядерных держав (США, России и Китая), а также двух потенциальных ядерных стран (Японии и Южной Кореи). При этом за разногласиями в оценках имеющегося у КНДР оружейного ядерного материала или даже ядерных боезарядов теряется из виду много более важный вопрос: каковы реальные планы

внутреннего экономического и политического развития высшего руководства страны? Именно ответ на этот вопрос определяет объяснение истинных мотивов выхода КНДР из ДНЯО, характера и целей ее ядерной программы и в конечном счете вероятность ядерного распространения и даже новой войны в регионе.

Дальний Восток в целом (а не только Северная Корея) должен рассматриваться в совокупности политических, экономических, военных, внутри- и внешнеполитических особенностей как регион, откуда в ближайшие годы может исходить реальная угроза развала международного режима нераспространения ядерного оружия, утечки такого оружия или ядерных оружейных материалов в руки международного терроризма и даже вооруженного конфликта с применением ЯО.

Ближний и Средний Восток (БСВ) также является одним из наиболее опасных регионов мира по сосредоточению угроз распространения ЯО. Здесь либо уже нарушен режим нераспространения ЯО, либо есть высокая вероятность его быстрого распространения. Главные особенности региональной ситуации состоят в следующем.

Во-первых, в регионе находится одно из трех непризнанных ядерных государств — Израиль, который является единственным де-факто ядерным государством, не объявляющим своего ядерного статуса.

Во-вторых, остается нерешенным один из наиболее длительных и острых региональных конфликтов международных отношений после Второй мировой войны — арабо-израильский. Кроме того, между многими мусульманскими государствами региона существуют конфликтные отношения.

В-третьих, здесь находятся крупнейшие опорные базы международного терроризма.

В-четвертых, регион является средоточием стратегических интересов глобальных игроков (прежде всего как мировая энергетическая кладовая), а в двух государствах региона находятся контингенты международных коалиционных сил.

В-пятых, некоторые государства региона либо имели ядерные военные программы в прошлом (Ливия), либо подозреваются в их развитии и даже обвиняются в нарушении режимов ДНЯО (Иран).

В-шестых, в регионе имеется достаточно много ядерных объектов энергетического, научно-исследовательского характера и объекты ядерного топливного цикла.

Говоря об угрозах распространения применительно к БСВ, следует иметь в виду угрозы со стороны не только государств, которые могут быть заинтересованы в разработке ядерных программ, но и со стороны негосударственных игроков, в том числе террористических организаций, стремящихся к обладанию ЯО. Это делает чрезвычайно острой проблему безопасности ядерных материалов, радиоактивных веществ и технологий, а также недопущения передачи соответствующих знаний специалистами, участвующими в разработке ядерных программ.

Необходимо также учитывать, что кадрами и технологическим опытом, которые могут стать объектами незаконной передачи, располагают многие государства, которые в прошлом уже прошли определенный путь в направлении создания ЯО. Значительное число выходцев из трех рассматриваемых регионов получили высококлассное образование в ядерной области в промышленно развитых странах Запада, а часть из них участвовала в НИОКР официальных ядерных государств. В этом случае проблема недопущения их использования для создания ядерного оружия государствами, «вызывающими озабоченность», или негосударственными игроками представляется более чем актуальной.

Примечания

[1] SIPRI Yearbook 2004: Armaments, Disarmament and International Security. — New York, 2004. — P. 353.

[2] Ibid. — P. 475.

Глава 12. ЮЖНАЯ АЗИЯ

Геннадий Чуфрин, Вячеслав Белокреницкий,
Владимир Москаленко, Татьяна Шаумян

Индия

Военная ядерная программа Индии. После завоевания Индией независимости ее руководители неоднократно заявляли, что страна не намерена создавать ядерное оружие, что атомная энергия будет использоваться лишь в мирных целях. Они призывали к нераспространению ядерного оружия, запрещению его использования, прекращению ядерных испытаний и ядерному разоружению. Вместе с тем развитие в Индии ядерных исследований в мирных целях создало задел для осуществления военной программы, причем в основном за счет внутренних ресурсов. Это имело особое значение в условиях, когда мировое сообщество с середины 1960-х годов ужесточало меры по предотвращению появления ядерного оружия в неядерных странах, с особой настороженностью наблюдая за переключением мирных ядерных программ на военные цели.

В годы «холодной войны» развитие Индией ядерной программы определялось более всего соображениями безопасности, главным из которых была напряженность в отношениях с Китаем. Этому способствовало обострение индийско-китайских отношений после тибетских событий 1959 г., поражение Индии в войне с Китаем в 1962 г., наличие территориальных споров и имманентно присутствующее соревнование за ведущую роль в Азии. На этом фоне вступление Китая в 1964 г. в «ядерный клуб» явилось, видимо, важнейшим поворотным моментом, предопределившим постепенное последующее склонение Индии к «ядерному выбору».

Другим фактором была острая конфронтация Индии с Пакистаном, неоднократно (в 1947—1948, 1965, 1971 гг.) приводившая к вооруженным конфликтам. Каждая из двух стран расценивала другую сторону как главного военного противника, что сформировало механизм подспудной ядерной гонки в виде параллельных соперничающих программ развития ЯО еще до фактического

создания ядерных взрывных устройств. Первое такое устройство было испытано Индией в 1974 г. как «мирный взрыв», который, судя по всему, был задуман в качестве предупреждения Пакистану и всему миру относительно технического потенциала Индии. Но Дели не считал это переходом «ядерного Рубикона», поскольку за взрывом не последовали сборка ядерных боеприпасов и их повторные испытания. Реакция Пакистана была прямо противоположной и состояла в ускорении его собственной военной ядерной программы, достоверные сведения о которой были получены Индией в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Для борьбы с Пакистаном Индии не требовалось ядерное оружие ввиду ее огромного превосходства по силам общего назначения, а также по экономическому и научно-техническому потенциалу, населению и территории. Но Дели не мог рассчитывать на надежные гарантии прекращения военной ядерной программы противника. К моменту вступления в силу ДНЯО в 1970 г. обе ядерные программы уже набрали значительную инерцию. Кроме того, у Пакистана имелись ядерные державы-покровители — Китай и США. Отношения Индии с СССР были весьма близкими, но не союзническими. Москва не брала на себя обязательство защищать Индию в случае войны с КНР или другой сильной в военном отношении страной, тем более войны с использованием ядерного оружия (в отличие от гарантий США союзникам по НАТО и на Дальнем Востоке или обязательств СССР по отношению к странам Варшавского договора и Китаю в 1950-е годы).

Общая международная обстановка характеризовалась высоким уровнем напряженности в противостоянии двух сверхдержав, гонкой ядерных вооружений на стратегическом уровне и наращиванием ядерного оружия в сопредельных с Индией регионах. В непосредственной близости от нее на островах Индийского океана размещались американские военные базы, а в его водах — военно-морские силы США, насыщенные ядерным оружием. Как особую угрозу в Индии воспринимали наряду с ростом ракетно-ядерного потенциала Китая развитие пакистано-китайского сотрудничества в области ядерных и ракетных технологий.

Под влиянием этих факторов Индия в 1960 г. приступила к наработке оружейных ядерных материалов на построенном с помощью Канады ядерном реакторе «Цирус» мощностью 40 МВт. В 1965 г. правительство Индии в принципе одобрило идею проведения подземного ядерного испытания, притом что страна присоединилась к Договору о запрещении ядерных испытаний

в атмосфере, космосе и под водой 1963 г.[1] В 1974 г. Индия провела подземный ядерный взрыв мощностью 12—15 кт, который, несмотря на объявленные мирные цели, рассматривался многими индийскими аналитиками как ответ на усиление ракетно-ядерного потенциала Китая [2]. В начале 1990-х годов Индия была отнесена мировым сообществом к категории стран, неофициально обладающих ядерным оружием.

Тем временем ситуация в Южной Азии стала постепенно эволюционировать в сторону снижения угроз национальной безопасности Индии. После ее победы в войне с Пакистаном в 1971 г. разрыв в военных потенциалах двух стран значительно вырос в пользу Индии. Американо-пакистанское военное сотрудничество было временно заморожено, так как общественное мнение США и контролировавшие в то время Конгресс демократы осудили действия пакистанской армии в Восточной Бенгалии. Китай также не проявлял готовности оказывать прямую военную поддержку Пакистану. Это снизило восприятие угрозы, хотя конфронтация в индо-пакистанских отношениях сохранялась и эти страны не раз оказывались на грани военного конфликта. Камнем преткновения в отношениях между Индией и Пакистаном по-прежнему оставался Кашмир.

С конца 1980-х годов наметились позитивные сдвиги в индийско-китайских отношениях, что давало основания не рассматривать Китай в качестве первоочередной угрозы безопасности Индии. Пекин подписал и ратифицировал ДНЯО, провозгласил принцип неприменения первым ядерного оружия, поддержал режим его нераспространения, присоединился к Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия, а в 1996 г. подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Конфронтационность в китайско-индийских отношениях стала уступать место их нормализации, расширению сотрудничества и укреплению мер доверия на границе. В 1996 г. стороны достигли соглашения о плановом сокращении войск и вооружений на границе, подтвердили взаимный отказ от каких-либо действий по достижению одностороннего преимущества в приграничных районах, договорились о мерах доверия вдоль границы [3].

Тем не менее сохранявшееся пакистано-китайское военно-техническое сотрудничество продолжало рассматриваться в Индии как негативный фактор ее безопасности. Это усиливалось лишением крупнейшего покровителя и военного поставщика в лице Советского Союза. Распад одной из ядерных сверхдержав ознаменовал

окончание «холодной войны», но в то же время, в частности, означал значительное изменение стратегической обстановки в Центральной и Южной Азии в пользу противостоящего Индии исламского мира.

Однако в целом после ликвидации биполярной системы мира, ослабления основного регионального противника Индии — Пакистана и начавшейся нормализации отношений с Китаем угроза безопасности Индии как на региональном, так и на глобальном уровнях хотя медленно и неоднозначно, но снижалась. Несмотря на это, Индия не только не ослабила, но и существенно активизировала развитие своей военной ядерной программы.

Причиной этого в новейших условиях явились, во-первых, не только региональные, но и геополитические интересы Индии. Теперь они не ограничиваются рамками Южной Азии и определяются тем, что Индия уже в обозримом будущем стремится к утверждению в статусе мировой державы, сопоставимой по значимости с пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, которые одновременно образуют элитный «ядерный клуб». Одним из проявлений этого явилось заявление Индии 21 сентября 2004 г. совместно с Бразилией, Японией и Германией о том, что в своей деятельности ООН должна учитывать перемены, которые произошли на мировой арене после 1945 г. Упомянутые четыре страны заявили о необходимости реформирования ООН и признания их в качестве законных кандидатов на постоянное членство в Совете Безопасности [4].

Во-вторых, распад СССР и упразднение глобальной биполярности стал мощным стимулом для Индии рассчитывать исключительно на собственные силы, на военную, в том числе ядерную, самодостаточность. Не секрет, что в перспективе к середине XXI в. многие в Индии и за ее пределами прочат ей роль одной из сверхдержав мирового калибра.

Очевидно, Индия пришла к выводу, что достигнуть статуса мировой державы в условиях, когда ядерное оружие продолжает расцениваться как символ влияния и могущества, самая надежная гарантия суверенитета и безопасности, можно либо путем приобщения к клубу ядерных держав, т. е. перехода «ядерного порога», либо лишением их «ядерной исключительности», что можно осуществить лишь в рамках всеобщего и полного ядерного разоружения. В своей практической военной деятельности Индия отдала предпочтение первому пути, а в политико-декларативном и дипломатическом плане — второму.

Она выдвигала и поддерживала те предложения, которые могли бы в кратчайшие сроки освободить планету от ядерного оружия, и отвергала всякие частичные решения этой глобальной задачи, что, безусловно, свидетельствует о преобладающе пропагандистском характере такой политики. Убеждаясь, что какое-либо антиядерное предложение не соответствует ее подходу, Индия воздерживалась от его поддержки. Так, поначалу она выступила в поддержку ДНЯО, рассчитывая, что этот договор обеспечит скорейшую ликвидацию ядерного оружия. Однако, придя к выводу, что он лишь закрепляет ядерную монополию «пятерки» и лишает остальные страны права на собственный «ядерный выбор», она сделалась его противником, расценивая Договор как дискриминационный в отношении подавляющего большинства стран, как своего рода «ядерный апартеид». Индия стала постоянно подчеркивать неэффективность ДНЯО как не обеспечивающего ни вертикального, ни горизонтального нераспространения ядерного оружия.

В 1993 г. Дели выступил одним из инициаторов Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, предложив включить в его текст специальную статью, определяющую точные сроки ликвидации всего ядерного оружия. Поскольку это предложение не было принято, Индия выступила против одобрения Договора на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1996 г. (кстати, в практическом плане выступление Дели против ДВЗЯИ диктовалось и стремлением сохранить свободу выбора в вопросе проведения собственных ядерных испытаний).

Непосредственно перед проведением ядерных испытаний Дели официально определил «китайскую угрозу» в качестве главной причины, вынудившей Индию перейти «ядерный порог». Об этом открыто заявил тогдашний министр обороны Дж. Фернандес [5]. Именно ядерное оружие расценивалось индийскими аналитиками в качестве действенного противовеса военному потенциалу Китая как в области ядерных, так и в сфере обычных видов вооружений.

Фактор угрозы со стороны ядерного Китая и «околоядерного» Пакистана активно использовался различными политическими партиями и общественными организациями Индии во внутриполитической борьбе. Решение о проведении ядерных испытаний приняло коалиционное правительство во главе с «Бхаратия джаната парти», которая в своем предвыборном манифесте обещала перейти «ядерный порог». При принятии этого решения

учитывалось сложное внутриполитическое положение, в котором в начале 1998 г. оказалось правительство, имевшее незначительное и неустойчивое большинство в парламенте. Учитывалось также, что курс на собственный «ядерный выбор» пользовался широкой внутриполитической поддержкой и рассматривался как основа обороноспособности и независимости страны, а отказ от него расценивался как предательство национальных интересов. В этих условиях выполнение одного из предвыборных обещаний «Бхаратия джаната парти» — перехода «ядерного порога» — должно было способствовать стабилизации положения в стране и укреплению позиций правящей коалиции [6].

Эти предположения оправдались: результаты опроса, проведенного в Индии 26—27 мая 1998 г., т. е. после проведения ядерных испытаний, показали, что более 80% респондентов одобрили решение правительства об испытаниях ядерного оружия, а 65% согласились с тем, что ядерные испытания были проведены в интересах национальной безопасности. В атмосфере поднявшейся националистической волны позиции правительства укрепились [7].

Фоном ядерных испытаний в мае 1998 г. была и сохранявшаяся напряженность в отношениях с Пакистаном. Был прерван индо-пакистанский политический диалог, стороны обвиняли друг друга в ядерных амбициях, в развертывании баллистических ракет вдоль общей границы. Это сопровождалось предупреждениями о «принятии адекватных ответных мер», требованиями введения международных санкций против другой стороны и т. д. Продолжались вооруженные столкновения в пограничных районах, усиливалась напряженность и активизировались террористические действия в Кашмире. Появление у Пакистана ракеты средней дальности стало поводом для еще большего обострения обстановки.

Открыто заявленные испытания ядерного оружия прошли в два этапа на полигоне Покхаран в Раджастхане, где в 1974 г. был осуществлен ядерный взрыв. 11 мая 1998 г. были взорваны три ядерных устройства: одно (оно считается термоядерным) мощностью 45 кт, другое мощностью 15 кт и третье мощностью менее 1 кт. 13 мая были испытаны еще два заряда мощностью менее 1 кт. Сразу вслед за этим последовали ядерные испытания Пакистана.

Экспертные оценки общего количества имеющихся в настоящее время ядерных зарядов находятся в широких пределах — от 30 до 100 единиц, а также определенное количество готовых комплектующих компонентов, что позволяет в течение нескольких дней собрать дополнительное количество ядерных боезарядов. Запасы

оружейного плутония оцениваются в 225—370 кг, что достаточно для производства 50—90 ядерных боезарядов. Кроме того, в Индии имеется некоторое количество оружейного урана [8].

Что касается средств доставки, то осуществление военной ядерной программы Индии сочеталось с приобретением и разработкой носителей ЯО. Страна располагает большим числом боевых самолетов, которые могут нести ядерные бомбы (к ним относятся самолеты МиГ-27, Су-30МКИ, «Мираж-2000», «Ягуар») [9]. Индия входит в число стран, которые в наибольшей степени продвинулись в ракетостроении. В начале 60-х годов началось изучение космического пространства, а уже в 1980 г. Индия первой среди развивающихся стран с помощью собственной ракеты вывела на околоземную орбиту искусственный спутник.

В 1983 г. принята «Программа интегрированного ракетостроения», которая предусматривала создание ракет различного назначения, в том числе «Притхви» класса «земля — земля», противотанковых ракет третьего поколения «Наг», ракет «земля — воздух» «Тришул» и «Акаш» и др. На вооружении индийской армии уже стоят ракеты «Притхви-1» (150 км). В частях ВВС имеются ракеты «Притхви-2» с дальностью 250 км, а морская версия «Притхви» под названием «Дхануш» (250 км) успешно прошла серию испытаний и принимается на вооружение ВМС (в перспективе дальность ее полета планируется увеличить до 500 км). Интенсивно идут работы над ракетой морского базирования «Сагарика» с дальностью 250—350 км. В серийном производстве находятся противокорабельные ракеты «БраМос» совместной разработки с Россией. Они могут использоваться как ракеты морского и воздушного базирования с дальностью полета до 300 км. Успешные испытания прошли ракеты «Акаш» класса «земля — воздух» (дальность до 25 км) и «Трешул» (ракета ПВО корабельного базирования с дальностью до 9 км) [10].

В выполнении своей ракетной программы Индия использовала помощь СССР/России, ФРГ, Франции, но в основном ракетостроение опиралось на собственную научно-производственную базу. Серьезным достижением стало создание ракеты средней дальности «Агни» (дальность действия — 1500 км), которая на 95% является результатом собственного научно-производственного развития.

В 1994 г. после нескольких испытаний работы с ракетой «Агни» были заморожены главным образом в результате давления со стороны США. После того как летом 1997 г. Пакистан

начал испытания баллистической ракеты «Хатф-3» с дальностью действия более 600 км, работы, связанные с «Агни», возобновились. Осенью 2002 г. Индия завершила серию испытаний ракет средней дальности типа «Агни» (1500—2500 км) и меньшей дальности (700 км), после чего началось их развертывание в войсках. Существуют планы увеличения дальности «Агни» до 5 тыс. км. Именно ракеты «Агни» могут рассматриваться в качестве основного носителя создаваемого ракетно-ядерного потенциала Индии. Перспективные планы развития ракетных вооружений предусматривают создание межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья» с дальностью 8—12 тыс. км. Ракеты «Притхви», «Агни» и в будущем «Сурья» способны нести ядерные боеголовки.

Развитие ракетно-ядерного потенциала Индии происходит в условиях общего роста ее арсенала вооружений, причем особое внимание обращено на развитие военно-воздушных и военно-морских сил. Планируется создание боевого самолета по технологии «стелс». Начались работы над новой космической ракетной системой многоразового использования по типу «Шатла». Близится к завершению создание разведывательной спутниковой системы, которую можно использовать в военных целях [11]. Строится собственная система ПРО [12]. Военный флот пополняется новыми боевыми кораблями различных классов как собственной постройки, так и закупаемыми за рубежом (например, авианосец «Адмирал Горшков», который будет оснащен шестнадцатью современными палубными истребителями МиГ-29К с перспективой заказа в будущем еще 30 таких самолетов). Совершенствуется система управления разведки и связи. Особое внимание уделяется созданию современных видов высокоточного оружия в обычном оснащении, планируется добиться максимального внедрения в индийскую армию средств вычислительной техники и информационных технологий.

Индийская военная доктрина. Сразу после ядерных испытаний в Индии был создан Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с премьер-министром, в задачи которого входит изучение международной и региональной обстановки и выработка рекомендаций относительно возможных политических и военных действий в случае появления реальной угрозы безопасности. В рамках этого органа сформирована группа стратегического планирования. Важная функция СНБ — усиление взаимодействия между гражданским руководством и военными.

В августе 1999 г. опубликован проект «Ядерной доктрины Индии», подготовленный действующим под эгидой СНБ Комитетом по выработке рекомендаций по вопросам национальной безопасности. Этот проект предусматривал последовательное движение Индии по пути превращения в полноценное ядерное государство. Важнейшая цель — создание ядерного арсенала, достаточного, чтобы «любое ядерное нападение на Индию и ее вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон». Ядерные силы Индии «должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно отвечающими на возникающие потребности в соответствии с концепцией "надежного минимума сдерживания"»[13]. Эти силы должны быть основаны на триаде, состоящей из наземно-мобильных ракетных систем, морских и авиационных носителей.

Можно предположить, что терминологические неточности («адекватное возмездие», «минимум сдерживания», «невосполнимый урон» — это различные категории и уровни наносимого ущерба) — всего лишь следствие не столько поспешности, сколько компромисса между сторонниками разных взглядов. Или они относятся к разным этапам процесса наращивания ядерных сил страны.

На основе первого проекта 4 января 2003 г. была обнародована краткая ядерная доктрина Индии, включавшая такие концепции, как минимальное сдерживание, ненанесение первой ядерного удара, применение ядерного оружия только в ответ на ядерное нападение на территорию Индии или индийские вооруженные силы. Ответный ядерный удар (в связи с чем делается ссылка на ст. 51 Устава ООН, предусматривающую «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную оборону» в случае вооруженного нападения на любое государство, являющееся членом ООН) согласно опубликованной доктрине рассчитан на нанесение противнику невосполнимых потерь и может быть совершен лишь по приказу гражданского политического руководства, отданному командованию ядерными силами. Ядерное оружие не может быть использовано против неядерных стран. Доктриной предусматривается осуществление строгого контроля над экспортом ядерных и ракетных материалов и технологий, участие в переговорах о Договоре о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, продолжение соблюдения моратория на испытания ядерного оружия. Наконец, Индия еще раз подтвердила

свою неизменную приверженность установлению мира, свободного от ядерного оружия, путем глобального контролируемого и недискриминационного ядерного разоружения [14].

Вместе с тем обращает на себя внимание частичное изменение формулировки относительно неприменения первым ядерного оружия по сравнению с первоначальным проектом доктрины. В ее окончательной редакции применение ЯО признано возможным и в случае нападения на Индию с использованием не только ядерного, но и биологического или химического оружия. Таким образом, концепция неприменения первым ядерного оружия была трансформирована в концепцию неприменения первым оружия массового уничтожения. При этом утверждается, что принцип неприменения первым является краеугольным камнем ядерной доктрины Индии, которая призывает к подписанию всеми ядерными странами коллективного соглашения об отказе от применения ядерного оружия первыми [15].

Важность принципа неприменения первым ядерного оружия, по утверждению индийских экспертов, определяется целым рядом факторов. Приверженность этому принципу будет способствовать снижению угрозы гонки вооружений в Южной Азии и может рассматриваться как важная составная часть мер доверия. Ядерные силы не будут постоянно находиться в состоянии боевой готовности, и политическое руководство сможет реально осуществлять над ними контроль, что предотвратит опасность непреднамеренного их использования и неконтролируемой эскалации военного конфликта. Еще в 1999 г. Индия предложила Пакистану начать переговоры о подписании соглашения о неиспользовании первыми ЯО. Правда, достижение такой договоренности — при условии двойного превосходства Индии над Пакистаном в обычных вооружениях — обеспечило бы Индии возможность победить в любом конфликте в Южной Азии с использованием сил общего назначения [16]. И это, естественно, подчеркивалось в отрицательной реакции Пакистана.

Отметим, что здесь воспроизводится логика взаимоотношений противостоящих сторон в Европе в годы «холодной войны». НАТО придерживалось концепции первого применения ЯО, неизменно указывая на превосходство Варшавского договора в силах общего назначения, а СССР принял в 1982 г., как Индия двадцать лет спустя, одностороннее обязательство о неприменении первым ядерного оружия (хотя большинство специалистов считают, что это было только политической декларацией и никак не повлияло

на реальные оперативные планы и материальную основу ядерной стратегии). Через десять лет после советской декларации, в 1993 г., Россия частично и в 2001 г. полностью отошла от этой концепции перед лицом теперь уже превосходящих сил общего назначения НАТО, а в перспективе и КНР, что опять-таки мало повлияло на реальное оперативное планирование и развитие российских вооруженных сил.

Свидетельством того, что ядерные силы Индии ориентированы преимущественно на ответный удар, может быть повышенное внимание к проблемам организации управления новым видом оружия, структуры командования, комплексу вопросов защиты ядерных объектов и транспортировки ракетно-ядерного оружия, снижения уязвимости ракет на стартовых позициях. Руководство страны выделяет большие ресурсы на создание системы раннего предупреждения, включающую средства космического и воздушного мониторинга, разработку систем управления («электронных ключей»), препятствующих несанкционированному запуску ракет, а также других устройств и процедур, снижающих вероятность ядерного удара из-за политического просчета или технического сбоя.

На начальной стадии ядерное оружие находилось в распоряжении командования трех видов вооруженных сил. В 2002 г. было решено передать ядерный арсенал в ве́дение специально созданного стратегического ядерного командования. Оно подчинено Объединенному комитету начальников штабов Вооруженных сил, который, в свою очередь, находится под контролем правительства. В начале 2003 г. создано Объединенное командование стратегическими силами, предметом ве́дения которого является создаваемый ракетно-ядерный потенциал страны. Через Объединенный комитет начальников штабов это командование находится под контролем СНБ. Само Объединенное командование состоит из возглавляемого премьер-министром политического комитета, задача которого — принятие принципиальных стратегических решений включая решение о нанесении ядерного удара. В ве́дение второго, исполнительного комитета входит выполнение решений политического комитета. Его руководитель — помощник главы правительства по национальной безопасности.

Нужно подчеркнуть, что как в организации четкого гражданского контроля над применением ЯО, так и в интегрировании командования ядерными силами, полностью отвечающего специфике ядерного оружия и характеру гипотетической ядерной

войны (которая немыслима в виде военных действий отдельных видов вооруженных сил), Индия сразу продвинулась дальше ряда «ветеранов ядерного клуба», в частности России. И это несмотря на сравнительно раннюю стадию развития индийского ядерного потенциала, малочисленность и техническую «незрелость» его систем, ограниченность выделяемых финансовых ресурсов. Вероятно, Индия не только перенимает технические решения и стратегическую мысль других стран, но и учится на их ошибках.

Возможности Индии сохранить жизнеспособность как государства в случае нанесения по ее территории ядерного удара со стороны Пакистана оцениваются достаточно высоко, хотя любой такой удар может привести к гибели миллионов жителей больших административно-промышленных центров. Индия с высокой вероятностью сохранит достаточно средств для нанесения ответного ядерного удара, поскольку возможности Пакистана в нанесении разоружающего удара по ядерным силам весьма невысоки. В случае же массированного ракетно-ядерного удара со стороны Китая, а тем более вместе с Пакистаном, возможности нанесения Индией сдерживающего ущерба в ответном ударе не столь очевидны. Без наличия мобильных наземных ракет большой дальности и морской составляющей ядерной триады в виде ракетных атомных подводных лодок вероятность поражения большинства индийских ядерных средств и командных пунктов весьма высока. Именно поэтому Дели придает такое значение созданию железнодорожных ракетных комплексов и АПЛ с ракетно-ядерным оружием.

При оценке последствий любых вооруженных столкновений Индии с Пакистаном необходимо учитывать ее превосходство во всех других компонентах вооруженных сил. Приблизительное соотношение сухопутных войск этих двух государств оценивается в пользу Индии в пропорции 2 : 1. По общему потенциалу своих ВВС и ВМС Индия превосходит Пакистан примерно в 2,5 раза [17].

Дополнительным и весьма серьезным преимуществом Индии в возможном конфликте с Пакистаном является недостаточно большая глубина его обороны, вызванная особенностями географии этой страны. Протяженность индо-пакистанской границы, не считая линии контроля в Кашмире, составляет более 2 тыс. км, центральные и южные ее сектора Пакистану трудно защитить из-за отсутствия естественных преград. В то же время все основные населенные пункты Пакистана расположены недалеко от индо-

пакистанской границы, причем второй по величине и значению город Лахор находится от нее всего в 25 км. Ответный ядерный удар Индии с использованием нескольких десятков ракет средней и малой дальности, если к началу ядерного обмена ее силы будут приведены в боевую готовность, способен нанести Пакистану невосполнимый ущерб как с военной, так и с морально-политической точки зрения, ибо он будет сопровождаться огромными прямыми и еще бóльшими последующими жертвами среди мирного населения [18].

Вместе с тем нанесение ответного ядерного удара Индией сопряжено с проблемами организационного порядка, поскольку индийские ядерные боезаряды хранятся на складах отдельно от средств доставки. Это служит гарантией от несанкционированного применения, пока не созданы надежные системы управления и связи, позволяющие политическому руководству полностью контролировать применение ЯО и в то же время иметь гарантию от несанкционированного запуска. Напомним, что первые поколения ядерных ракет США и СССР в конце 1950-х и начале 1960-х годов тоже хранились отдельно от ядерных боеголовок и по тем же причинам. Но если в кризисной ситуации не будет принято заблаговременное решение о состыковке ракет и боевых частей, то возможность сделать это в условиях, когда по территории страны будут наноситься ядерные удары, весьма проблематична [19].

Интересно, что ядерные средства Индии сейчас находятся в таком состоянии пониженной боеготовности, к которому некоторые политики и специалисты призывают идти великие ядерные державы — в качестве способа отхода от отношений взаимного ядерного сдерживания по мере физического сокращения их ядерных вооружений, но не дожидаясь их приближения к нулевой отметке. Если этот путь в обозримом будущем будет избран США, Россией и другими членами «большой пятерки», то, возможно, Индия окажется на нем первой, если, конечно, к такому решению присоединится и Пакистан.

В Индии продолжается активное обсуждение размеров оптимального ядерного арсенала, изучается вопрос о «минимальном ядерном потенциале», т. е. о достаточном арсенале ЯО, позволяющем нанести противнику в ответном ударе ущерб, обесценивающий любые возможные плоды агрессии. «Минимальный ядерный потенциал» рассматривается не только как военная категория, но и как экономическая, ибо состояние социально-экономических

проблем страны является значительным сдерживающим фактором для выделения больших финансовых ресурсов на расширение ядерных сил (да еще с учетом огромных расходов на силы общего назначения). При этом, конечно, на расчеты минимального потенциала ядерных сил будет решающим образом влиять определение противников и вероятность их взаимодействия при нападении на Индию. Также это зависит от прогнозируемой степени живучести ядерных сил (наземно-мобильные ракеты, ракеты морского базирования), систем управления, эффективности средств разведки и раннего предупреждения, которые, в свою очередь, требуют больших затрат.

После испытаний 1998 г. Индия объявила о моратории на их дальнейшее проведение, о возможности присоединения к ДВЗЯИ, выразила готовность участвовать в подготовке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов. Потом было заявлено, что односторонний мораторий останется в силе только при условии, что другие государства также откажутся от осуществления ядерных взрывов. В ноябре 1998 г. Индия внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, предусматривающей меры по снижению риска несанкционированного и случайного применения ОМУ. В ней в частности предлагалось снять с боевого дежурства баллистические ракеты с ядерными боеголовками всем державам, располагающим этим оружием. Она выступила в поддержку повышения эффективности экспортного контроля над ядерными материалами и технологиями и за международные переговоры о полном уничтожении ядерного оружия во всем мире [20].

Складывается впечатление, что начался постепенный отход Индии от традиционной декларативной приверженности идее всеобщего и полного ядерного разоружения и переход к концепции частичного ограничения и поэтапного сокращения ядерных вооружений на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, о чем в частности свидетельствуют ее упомянутые выше заявления и предложение договориться с Пакистаном о мерах доверия в ядерной области. Насколько требование быстрого ядерного разоружения звучит благородно, настолько оно нереалистично в практическом плане и чаще всего свидетельствует о нежелании данного государства связывать себе руки в развитии ЯО или о стремлении набрать пропагандистские очки в критике великих ядерных держав. Об отмеченном изменении линии Дели свидетельствует сделанное в парламенте 9 мая 2000 г. тогдашним министром

иностранных дел Джасвантом Сингхом заявление, что хотя Индия и не подписала ДНЯО, но, став ядерным государством, поддерживает основные положения Договора, касающиеся ядерных стран. Речь шла, как отмечает известный индийский эксперт по стратегическим проблемам Раджа Мохан, о ст. I, III и VI ДНЯО, предусматривающих гарантии нераспространения ядерного оружия и ядерных технологий, необходимость принятия эффективных мер по прекращению гонки ядерных вооружений и полном ядерном разоружении [21].

Таким образом, продолжая характеризовать ДНЯО как инструмент «доминирования и гегемонизма» и символ «ядерного апартеида», Индия по существу заявила о готовности стать «частью системы», созданной этим договором. Хотя она видит себя в этой системе в качестве ядерной державы, это явилось важнейшим поворотом в индийской политике в данном вопросе с начала 1970-х годов, подсказывающим некоторые решения проблемы стран, не присоединившихся к ДНЯО, о которых речь пойдет ниже.

Пакистан

Пакистан, как и Индия, приступил к развитию своей ядерной программы с гражданской составляющей, начало которой относится к середине 1950-х годов, когда в стране была создана Комиссия по атомной энергетике. В 1965 г. в Пакистане стал работать небольшой исследовательский реактор, топливо для которого поставляли США, а само предприятие было поставлено под гарантии МАГАТЭ. В 1972 г. в Карачи была пущена первая АЭС «Канупп» с одним реактором мощностью 125 МВт, построенным Канадой. Вначале эта АЭС работала на канадском и американском ядерном топливе, затем стало использоваться топливо пакистанского производства. С помощью Китая в начале XXI в. вступила в строй станция «Часнупп» в Чашме (близ Равалпинди) с одним энергетическим реактором мощностью 300 МВт. На обе эти станции распространяются гарантии МАГАТЭ.

Помимо энергетических было построено несколько исследовательских реакторов. Велась добыча урановой руды, производился урановый концентрат (на это производство гарантии МАГАТЭ не распространялись). Были созданы установки по производству тяжелой воды, используемой для реакторов на природном уране, нарабатывающих повышенное количество плутония (на них также

не распространялись гарантии МАГАТЭ). В ходе развития гражданской ядерной программы была создана научно-техническая база и прочие условия для перехода к военной программе.

Этот переход начался в Пакистане в середине 1970-х годов после поражения в войне с Индией 1971 г. и был ускорен испытанием индийского ядерного устройства в 1974 г.[22] По мысли пакистанских руководителей, во-первых, реализация ядерной программы должна была компенсировать возросший дисбаланс с Индией по обычным вооружениям, который образовался в результате военного поражения Пакистана и потери им восточной части страны (ныне — Бангладеш).

Во-вторых, Индия отвергала практически любые инициативы Пакистана, направленные на предотвращение ядерной гонки в регионе, в том числе такие, как создание в Южной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, принятие совместной декларации об отказе от приобретения или производства ядерного оружия, осуществление двусторонней инспекции всех ядерных объектов на взаимной основе и принятие полномасштабных гарантий МАГАТЭ над всеми ядерными объектами обеих стран. Пакистан был готов присоединиться одновременно с Индией к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства и предлагал заключить двусторонний договор о запрещении испытаний ядерного оружия. Все эти вопросы Пакистан был готов обсудить на двусторонних индийско-пакистанских переговорах, а также соглашался на участие в них США, СССР и Китая.

Вопрос о том, готов ли он был при этом смириться с индийским превосходством в силах общего назначения, реально используемых для достижения военных и политических целей, как показала война 1971 г., остается открытым. Когда Пакистан все-таки встал на путь создания ЯО, то, как и Индия, начал прикрывать свои действия критикой ДНЯО. В дальнейшем Пакистан полностью следовал в «ядерной колее» за Индией, стараясь повторять все ее действия и реакции на внешние раздражители. Даже ответ Пакистана на индийские ядерные испытания в мае 1998 г. был симметричным — как и Индия (с учетом испытания, проведенного в 1974 г.), он взорвал в течение двух дней шесть зарядов, в том числе один средней мощности (36 кт), другой пониженной (12 кт) и четыре малой мощности (около 1 кт) [23].

В-третьих, наряду с «индийским фактором» важной дополнительной причиной начала военной ядерной программы Пакистана явилось его стремление укрепить свои позиции в мусульманском

мире, став в нем первым обладателем ядерного оружия, и получить в этой связи от исламских государств необходимую политическую поддержку и экономическую помощь. Тезис об «исламской бомбе», которая рассматривалась как нечто принадлежащее всей *умме* (всемирной общине мусульман), активно использовался Пакистаном в пропагандистских целях [24], а также как способ получения «исламских» финансовых средств на государственном и частном уровнях.

За создание собственного «ядерного арсенала» выступило подавляющее большинство пакистанского общества, которое связывало с этим укрепление национальной независимости и обороноспособности страны, усиление позиций в противостоянии с Индией. Интересно, что возражения все-таки высказывала часть интеллигенции, которая опасалась в итоге создания ОМУ ухудшения внешнеполитического положения Пакистана, роста внутри страны милитаризма и шовинизма [25]. Определенные круги бизнесменов также усматривали опасность того, что гигантские расходы на новое оружие подорвут экономику страны и нанесут ущерб их собственной деятельности. Немногочисленные активисты антиядерного движения утверждали, что строительство атомных объектов происходит в сейсмически активных районах. Критические настроения существовали даже среди части офицерского корпуса, которая опасалась сокращения средств на развитие сил общего назначения в условиях общей ограниченности финансовых и материальных ресурсов [26].

Важную роль в создании ракетно-ядерного потенциала страны сыграл физик-ядерщик Абдул Кадыр Хан, несколько лет проработавший в странах Западной Европы и вернувшийся в Пакистан в конце 1974 г., привезя с собой секретную документацию по технологии обогащения урана.

Первоначально вся работа шла под эгидой Комиссии по атомной энергетике, в рамках которой действовал Комплекс предприятий национальной обороны (КПНО). Затем А. К. Хан и его сотрудники были выделены в самостоятельную организацию, главной задачей которой было проведение программы по обогащению урана. В короткие сроки был создан комплекс ядерных предприятий в Кахуте (недалеко от Исламабада). К 1987 г. было наработано достаточно оружейного урана для ядерного заряда и все было готово для проведения ядерных испытаний [27]. После того как были достигнуты определенные успехи в решении задачи создания ядерных зарядов, в обоих центрах — Кахуте и КПНО —

занялись созданием средств их доставки. В Кахуте разрабатывались жидкостные ракеты, в КПНО — твердотопливные. Создание ракет средней дальности («Гхори» и «Шахин» различных модификаций), способных доставлять ядерные заряды на расстояние от нескольких сотен до полутора тысяч километров, можно рассматривать как успех пакистанских ученых и инженеров. Однако при этом следует учитывать, что в его основе лежала значительная помощь со стороны КНР и КНДР.

При слабой базе ядерной энергетики и ракетной технологии Пакистана объединение всех занятых выполнением военной программы предприятий в две крупные группы, находившиеся в острой конкуренции, способствовало решению основных задач в достаточно сжатые сроки. В 2001 г. было решено объединить усилия бывших конкурентов и все работы проводить под руководством Ядерного оборонительного комплекса. В процессе перевода гражданской ядерной энергетики на военные рельсы были созданы такие крупные объекты, как уранообогатительные предприятия в Сихале, Горла (оба в районе Исламабада). Но есть и предприятия по выделению плутония из отработанного ядерного топлива в Хушабе, Чашме и Равалпинди. Естественно, практически на все ядерные объекты (всего около 20), задействованные в военной ядерной программе, не распространяются гарантии МАГАТЭ.

В настоящее время Пакистан создает ядерные боезаряды на основе высокообогащенного урана. Однако поскольку боезаряды на основе оружейного плутония эффективнее, хотя и сложнее, в середине 1990-х годов в Хушабе был осуществлен пуск сравнительно мощного тяжеловодного реактора, который используется в качестве наработчика плутония в дополнение к имеющимся мощностям по регенерации плутония из ОЯТ других станций [28].

Ракетно-ядерный комплекс страны — это большая сеть промышленных предприятий, НИИ и лабораторий, учебных центров и пр., на которых работают около 10 тыс. специалистов. В отличие от Индии, где подобные предприятия размещены по всей территории, в Пакистане они расположены в северной части страны, в непосредственной близости от Индии, Афганистана и Кашмира, недалеко от Таджикистана и Китая. Эти предприятия группируются вокруг крупных городов. В той или иной степени с ракетно-ядерным производством связано около 50 частных компаний [29].

Пакистан создавал ракетно-ядерное оружие за счет мобилизации внутренних ресурсов, сокращения многих других расходов. Китай оказал ему большую помощь в создании и развитии ядерной

энергетики, а также средств доставки ЯО, предоставляя технологии баллистических ракет и оборудование для их производства. В этой сфере Пакистан получал помощь и от КНДР в обмен на поддержку развития ее ядерной энергетики. На «исламскую бомбу» не жалели финансовых средств богатые арабские страны (Ливия, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и др.).

Вместе с тем созданный ракетно-ядерный потенциал в течение длительного времени использовался и как источник получения больших доходов. Под руководством «отца пакистанской бомбы» А. К. Хана был создан обширный рынок с участием ряда стран, на котором ядерные технологии и материалы продавались в Ливию, Иран, КНДР. Пакистан использовался также как перевалочный пункт в этой широкой «торговой сети». По признанию А. К. Хана, сделанному в начале 2004 г. после того, как по этому поводу разразился громкий международный скандал, «в курсе дела» были командующие вооруженными силами страны и советники по обороне глав правительств в период 1988—1997 гг. (иного и быть не могло при крайне жесткой опеке ракетно-ядерных программ со стороны военно-бюрократической верхушки страны) [30]. Не вызывает сомнений, что значительная часть доходов, полученных от проведенных сделок, пошла на государственные и прежде всего военные нужды, хотя высокий уровень коррупции предполагает и персональную выгоду многих должностных лиц. Притом что действительные размеры этой торговли скрыты плотной завесой секретности, об их величине можно судить по появившейся в печати информации о том, что только за одну сделку с Ливией пакистанская сторона получила 100 млн долл.[31]

После проведения в 1998 г. ядерных испытаний Пакистан продолжал нарабатывать оружейные ядерные материалы и, по всей видимости, производить из них боезаряды. Все большее внимание стали обращать на увеличение количества ракетных средств доставки и их совершенствование [32]. В силу высокой степени секретности данные о ядерном вооружении Пакистана крайне разрозненны и существенно различаются. Они основываются на возможностях военно-экономического и ядерного развития страны, предполагаемых запасах оружейного урана и плутония, способности и времени превращения их в боезаряды и т. д. Так, некоторые американские специалисты считают, что Пакистан может собрать в течение нескольких часов или дней 30—50 урановых и 3—5 плутониевых боезарядов [33]. По другим источникам, ядерный арсенал Пакистана составляет от 15 до 40 боезарядов [34].

Можно с уверенностью предположить, что обе ядерные страны Южной Азии после взрывов 1998 г. продолжают производство ЯО, несмотря на прекращение испытаний. Это означает, что к моменту проведения взрывов технологии разных типов боеприпасов были доведены до весьма высокого уровня. Ядерный арсенал Индии превышает пакистанский и по количеству «готовой продукции», и по запасам сырья. К тому же индийское оружие мощнее, поскольку значительная его часть состоит из плутониевых компонентов. По оценкам американских экспертов, пакистанские ядерные боезаряды хранятся в разобранном состоянии — ядерные компоненты отдельно от неядерных [35]. Вероятно, эта еще более глубокая степень понижения боеготовности (по сравнению с индийской практикой раздельного хранения боеголовок и ракет) тоже обусловлена страхом перед несанкционированным применением ЯО.

Меньше разница между Индией и Пакистаном в количестве ракет. В Пакистане разработаны и развернуты баллистические ракеты малой дальности (80 км), оперативно-тактические ракеты (300, 600, 750, 800 км). Разработаны ракеты средней дальности (1300, 1500, 2000, 2500 км), часть которых уже находится на вооружении пакистанской армии. К числу последних достижений пакистанского ракетостроения относится двухступенчатая твердотопливная баллистическая ракета «Шахин-2» («Хатф-6») дальностью до 2500 км, прошедшая успешные испытания в марте 2004 г. Она впервые оснащена разделяющейся головной частью и способна поражать цели практически на всей территории Индии [36].

Серьезным достижением явилось также успешное испытание в августе 2005 г. крылатой ракеты «Бабур» («Хатф-7»). Дальность ее полета 500 км, т. е. на 200 км больше, чем у индийской крылатой ракеты «БраМос»[37]. В сфере авиационных средств доставки на стороне Индии сохраняется довольно заметное преимущество. Следует заметить, что хотя в последнее время как в Индии, так и в Пакистане наблюдается определенная сдержанность в развитии собственно ядерных вооружений, имеет место интенсивное производство ракет.

Отдельные сведения о ядерной доктрине можно получить из некоторых официальных документов, заявлений высокопоставленных чинов, мнений экспертов. Известно, что в противоположность Индии Пакистан не отказался от принципа применения первым ядерного оружия. Свое нежелание открыто заявить цели и задачи ядерной доктрины официальные представители объясняют

необходимостью для более слабой в военном отношении стороны сохранять неопределенность и двусмысленность в том, что касается ее планов, намерений и возможностей [38].

Возможные сценарии нового военного столкновения на субконтиненте, разрабатываемые в Пакистане, обычно исходят из представлений об ограниченной войне, перерастающей в полномасштабную, которая, естественно, поставит Пакистан в тяжелое положение и побудит его военное и политическое руководство прибегнуть к ЯО как к последнему средству [39].

Главное в ядерных планах Пакистана — это продолжение работ по количественному и качественному развитию ядерного оружия с целью создания арсенала, достаточного для того, чтобы «любое ядерное нападение на Пакистан и его вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон»[40]. Как видно, и в стратегических концепциях Пакистан в основном имитирует Индию.

Пакистанская военная ядерная программа аналогично индийской имеет целью создание «минимального ядерного потенциала сдерживания». Разъясняя эту задачу, президент П. Мушарраф заявил в 2001 г., что это позволит Пакистану, с одной стороны, эффективно нейтрализовать значительное превосходство Индии в обычных вооружениях и предотвратить ядерный конфликт с ней, а с другой — избежать гонки ядерных вооружений, обеспечивая свой военный ядерный потенциал на минимально необходимом уровне [41].

Принята рассчитанная на 15 лет программа оснащения ядерным оружием трех основных видов вооруженных сил. Исламабад, провозгласив право применять первым ядерное оружие, заявил о невозможности присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства и занял уклончивую позицию по ДВЗЯИ. В то же время он объявил односторонний мораторий на ядерные испытания, выразил готовность прекратить производство расщепляющихся материалов в военных целях и заявил о желании участвовать в подготовке договора о запрещении производства таких материалов. Кроме того, видимо, в пропагандистских целях, было заявлено об открытии двух ядерных объектов для инспекций МАГАТЭ.

В мае 2004 г. в ответ на просьбу Совета Безопасности ООН к членам международного сообщества ужесточить законы, препятствующие вывозу ОМУ и его технологий (резолюция № 1540) Пакистан принял закон об усилении ограничений и наказаний за экспорт ядерных, биологических, химических и ракетных технологий и материалов. Нарушителям грозят тюремное заключение

сроком до 14 лет, штраф в 5 млн рупий и конфискация имущества [42]. Разумеется, не последнюю роль в подобном решении сыграл упомянутый скандал с торговлей ядерными технологиями.

Подводя итог, следует отметить, что существующее ядерное противостояние в Южной Азии отличается повышенной нестабильностью. Географическая близость противостоящих сторон и отсутствие у них адекватных систем предупреждения и боевого управления ядерными силами, а также пока еще недостаточная живучесть носителей на стартовых позициях создают повышенный стимул к нанесению упреждающего удара с целью разоружения противника и предотвращения ядерного возмездия.

Правда, в мирное время силы обеих сторон, насколько можно судить по доступной информации, поддерживаются в состоянии пониженной боевой готовности — прежде всего для предотвращения несанкционированного запуска. Но в случае кризиса или уже начавшейся войны они по необходимости должны быть переведены в состояние повышенной боеготовности (ядерные боеприпасы собраны, боеголовки пристыкованы к ракетам, ракеты развернуты на боевых позициях). И сами эти мероприятия, если о них станет известно, могут быть восприняты другой стороной как подготовка к нападению. Оказавшись перед роковой дилеммой — «запустить или проиграть», одна из сторон (или обе сразу) может сделать катастрофический по последствиям выбор. СССР и США оказались на грани такого выбора во время Карибского кризиса 1962 г., когда ядерной войны помогло избежать, возможно, лишь счастливое стечение обстоятельств. Рассчитывать только на это в отношениях Индии и Пакистана было бы чрезмерным оптимизмом. Более надежные гарантии может дать лишь комплекс продуманных и реалистических мер и соглашений.

Страх перед ядерной войной может до определенного момента побуждать стороны к повышенной осторожности, чтобы избегать вооруженного конфликта. Но если в силу политических причин это все же не удастся, военное столкновение может в нынешних условиях быстро привести к ядерной эскалации с чудовищными прямыми последствиями для двух стран и косвенными — для всего остального мира.

Кроме того, в отличие от прежнего противостояния ядерных держав в Южной Азии отягчающим положение обстоятельством являются внутренние факторы нестабильности, способные вызвать к жизни действия, приводящие к тяжелым последствиям в военной, в том числе ядерной, сфере.

Контроль над ядерным оружием Индии и Пакистана

Особенность пакистанской политической системы состоит в том, что у власти совместно с высшими гражданскими бюрократами стоят военные. В отличие от Индии в Пакистане с самого начала ядерное оружие находилось в ведении армейского руководства, и проблема гражданского контроля над ЯО просто не стоит. Скорее вопрос в том, создает ли чисто военный контроль повышенную опасность применения этого оружия или, наоборот, ее уменьшает. Насколько устойчив существующий режим, каковы наиболее вероятные альтернативы ему?

В 2000 г. было создано Управление национального командования, ответственное за развитие и использование ядерных сил и находящееся под руководством главы военной и гражданской администрации генерала П. Мушаррафа. Оно состоит из двух комитетов. Один из них осуществляет контроль над развертыванием и боевым использованием ракетно-ядерных сил (именно он принимает решение о применении ядерного оружия). Во главе этого комитета стоит президент, его заместитель — председатель Объединенного комитета начальников штабов. Другой комитет контролирует развитие ракетно-ядерных сил, возглавляет его премьер-министр. Для осуществления более тесного взаимодействия Управления национального командования с Объединенным комитетом начальников штабов при последнем сформирован отдел стратегического планирования. Членами первого комитета являются министры обороны, внутренних дел, финансов, председатель Объединенного комитета начальников штабов. В состав второго комитета — по контролю над развитием ракетно-ядерных сил — входят начальники штабов видов вооруженных сил, главы технических, учебных и административных служб армии, флота и военно-воздушных сил. Таким образом, Управление национального командования представляет собой важнейший государственный орган, в котором тесно переплетена деятельность высшей военной и гражданской бюрократии, ядерных и обычных вооруженных сил, в нем представлены главные министерства, основные виды войск. В него входят также руководители и специалисты исследовательских организаций, связанных с выполнением стратегических задач.

Как неоднократно подчеркивают многие специалисты, в условиях активизации сил религиозного и этнического экстремизма

и международного терроризма возможность получения ими доступа к оружию массового уничтожения, прежде всего ядерного, представляет собой угрозу, реализация которой способна привести к катастрофическим последствиям. Наибольшие опасения вызывает Пакистан как одно из слабых звеньев общемировой системы нераспространения в связи с характером существующего там режима и присущей ему внутренней политической нестабильностью. Поэтому нельзя исключать и такой крайний вариант, как получение доступа к ядерному оружию исламских экстремистов. Это возможно как путем захвата ими власти в стране (что менее вероятно), так и в результате раскола структур, контролирующих ЯО, или вследствие передачи ядерного оружия или оружейных материалов террористам за деньги либо по идеологическим мотивам. По распространенному выражению, Пакистан является одновременно и участником борьбы с международным терроризмом, и частью проблемы. Причем эта проблема была в какой-то мере решена в ходе операции под флагом ООН в Афганистане, но в сильной степени обострена в итоге военной кампании США и их союзников в Ираке.

Пока верховная власть в стране находится в руках командующего армией генерала П. Мушаррафа, отмеченная опасность не очень велика, хотя оценки стабильности нынешнего режима варьируются. Военные, придя к власти в 1999 г., по существу вынужденно восстановили в почти полном виде прежнюю систему номинальной (или усеченной) демократии. Годы правления администрации П. Мушаррафа ознаменовались выходом из состояния экономического спада, проведением выборов в органы местного самоуправления, в центральный и провинциальные парламенты. Усеченность демократии тем не менее проявляется в командной роли армии и ее руководителя, но эту особенность многие специалисты считают отвечающей специфическим условиям страны.

Нарушить стабильность теоретически могут три силы:

• исламские экстремисты Пакистана, причем речь идет не о фундаменталистах и радикалах «легального» типа, ныне активно участвующих в парламентской деятельности (их партии входят в лидирующую тройку фракций в Национальной ассамблее и Сенате), а о подпольных исламистах, сторонниках вооруженного джихада;

• исламистски настроенные военные (включая офицеров высокого и среднего ранга), недовольные политикой начальника штаба армии и президента генерала П. Мушаррафа [43];

• укрывающиеся на территории Пакистана и в зоне горных пуштунских племен на его границе с Афганистаном лидеры террористического исламистского «интернационала» («аль-Каиды», «Талибана», Исламского движения Узбекистана, сепаратистов из Чечни, Синьцзяна и т. п.).

Эти три силы, как правило, действуют заодно, имея одного глобального противника — США, Россию и союзные с ними страны, а также ряд региональных исламских режимов, в числе которых есть «свои» предатели и вероотступники. Покушения на П. Мушаррафа в декабре 2003 г., вероятно, были делом рук представителей всех этих трех сил, действовавших в тесном сотрудничестве [44]. Успех таких попыток в будущем может привести к существенной дестабилизации режима власти в Пакистане со всеми вытекающими последствиями для региональной и глобальной безопасности.

Эксперты обычно рассматривают четыре наиболее вероятных сценария развития Пакистана на перспективу до 2007—2010 гг. Первый — инерционный и самый вероятный, однако чреватый усугублением ряда присущих стране противоречий: общинных (как внутриисламских, в первую очередь между суннитами и шиитами, так и межконфессиональных, главным образом между мусульманами и христианами), этнических (особенно в Синде), провинциальных (прежде всего между Пенджабом и другими провинциями). Второй сценарий — прерывание постепенности в результате ускорения экономического роста и социокультурного прогресса (трансформация государственного устройства Пакистана в более демократическое по аналогии с турецким). Третий вариант — кризисный, превращение страны в исламское идеологическое государство наподобие того, каким оно в какой-то степени было при Зия уль-Хаке в 1980-х годах с приближением к теократии по иранской модели при Хомейни. Четвертый сценарий — катастрофический, связанный с приходом к власти ортодоксальных традиционалистов типа афганских талибов. В последнем случае неизбежна деградация Пакистана в террористическое государство, а также весьма вероятно развязывание приграничных вооруженных конфликтов. Впрочем, такой исход не исключен и при третьем сценарии [45].

Даже при наиболее вероятном инерционном развитии событий нельзя исключить попадания оружия массового уничтожения в руки экстремистов и террористов. Власти в Пакистане не обладают возможностью полностью контролировать ситуацию на всей территории страны. Там существуют «медвежьи углы», где не действуют общегосударственные законы. К таковым относится

в первую очередь зона свободных пуштунских племен, охватывающая обширную горную местность вдоль северо-западной границы Пакистана с Афганистаном. Именно там обосновалась, судя по всему, значительная часть сил разбитых в 2001 г. афганских талибов и террористов из «аль-Каиды». Предпринятые весной 2004 г. попытки властей окружить и ликвидировать формирования боевиков не привели к успеху.

При инерционном развитии не исключена возможность активизации международных террористов, сохраняющих тесные связи с пакистанскими экстремистами, которые состоят как из членов различных запрещенных сейчас боевых джихадистских групп, так и из скрытых сторонников радикализма среди военных. При этом экстремисты могут попытаться захватить контроль над запасами оружейных ядерных материалов или над готовыми ядерными боезарядами. В первом случае их целью будет создание и возможное использование примитивного ядерного взрывного устройства (или «грязной бомбы» с использованием плутония — радиологического оружия, способного вызвать радиоактивное заражение местности). Во втором случае целью будет продажа боезаряда или его «ядерной начинки» в зависимости от того, насколько технологически используемы боезаряды, которые могут захватить злоумышленники (не исключено, что такая опасность объясняет хранение, по некоторым сведениям, ядерных и неядерных комплектующих пакистанских боезарядов в раздельном состоянии, требующем для сборки промышленных условий).

Следует иметь в виду, что с началом участия Пакистана в контртеррористической операции в Афганистане и в еще большей мере в итоге его помощи американской кампании в Ираке давление на него со стороны США и других стран в вопросах нераспространения заметно ослабло со всеми вытекающими последствиями.

Как подчеркивалось выше, ни Индия, ни Пакистан не только не являются участниками ДНЯО в настоящем, но и не собираются присоединяться к нему в будущем. Причины такой позиции хорошо известны. Во-первых, по мнению обеих стран, абсолютно неприемлемо, что государства, которые сами обладают ядерным оружием, не разрешают иметь его другим, несмотря на угрозы их безопасности. Во-вторых, указывается, что согласно принятым со многими оговорками обязательствам ядерных держав ДНЯО не обеспечивает достаточных гарантий безопасности неядерных государств, особенно в случае конфликта последних с ядерными

державами. В-третьих, отмечается, что ДНЯО не предусматривает прямого запрета транзита ядерных вооружений, который трудно отличить от размещения ядерного оружия. И наконец, в-четвертых, провозглашается, что для обеспечения эффективности ДНЯО все страны должны отказаться от ядерного оружия одновременно [46].

Поскольку Индия и Пакистан никогда не присоединялись к ДНЯО, по мнению их руководителей, они вообще не могут рассматриваться как нарушители этого договора, и применение режима международных санкций по отношению к ним неправомерно. Негласно признавая это, Россия и Китай, формально осудив ядерные испытания Индии и Пакистана в 1998 г., вообще отказались от введения против них каких-либо санкций. По существу аналогичную позицию заняли Великобритания и Франция, выразившие сомнения в целесообразности применения режима санкций в отношении Индии и Пакистана [47]. Что же касается США, то, несмотря на первоначальное введение ими режима санкций, они не решились объявить ни Индию, ни Пакистан частью «оси зла», а затем фактически смирились со сложившейся ситуацией. С началом же контртеррористической операции в Афганистане США не только полностью отказались от режима санкций, но и пошли на довольно высокий уровень сотрудничества с Индией и Пакистаном (в том числе по военным вопросам) [48].

В июне 1998 г. Совет Безопасности ООН в ответ на проведение Индией и Пакистаном ядерных испытаний принял резолюцию № 1172, в которой выразил глубокую озабоченность последствиями этих испытаний и призвал обе страны к незамедлительному прекращению ядерных испытаний и присоединению к ДВЗЯИ, неразмещению ядерного оружия на их территории, прекращению производства расщепляющихся материалов в военных целях, а также призвал обе эти страны подтвердить свое намерение соблюдать запрет на экспорт материалов и технологий, которые могли бы быть использованы импортерами для производства ОМУ и средств их доставки [49].

Впрочем, эта резолюция Совета Безопасности ООН, также как и попытки введения режима санкций, не смогла сколько-нибудь существенно оздоровить положение на Индийском субконтиненте и ликвидировать угрозу возникновения там ядерного противостояния, чреватого применением ЯО в будущем конфликте или распространением его за пределы двух новых ядерных государств. Также в ответ на призыв международной Конференции по рассмотрению

действия ДНЯО (Женева, май 2000 г.) присоединиться к этому договору в качестве государств, не обладающими ядерным оружием, Индия и Пакистан ответили решительным отказом [50].

Таким образом, можно со всей определенностью констатировать, что ДНЯО в его нынешнем виде не смог выполнить роль универсального договора, способного обеспечить нераспространение ядерного оружия в Южной Азии. Появление там двух новых ядерных держав за пределами Договора нанесло тяжелый удар по всем линиям нераспространения ЯО и поставило под сомнение будущее ДНЯО и всего режима нераспространения, если не будут приняты действенные меры к его спасению. Речь об этом пойдет ниже.

Складывается впечатление, что, создав ядерное оружие, обе страны сильно обеспокоились по поводу угрозы ядерного конфликта между собой. Иными словами, создав серьезнейшую проблему, они тут же начали прилагать большие усилия к ее решению. Впрочем, это характерно и для опыта их ядерных предшественников, которым, кстати, понадобилось гораздо больше времени, чтобы всерьез заняться такими мерами.

Важным этапом на пути к установлению диалога по ядерным вопросам явилась индо-пакистанская встреча на высшем уровне в Лахоре в феврале 1999 г. В Лахорской декларации по итогам встречи стороны обязались «принять немедленные меры по снижению риска случайного или несанкционированного использования ядерного оружия и обсудить концепции и доктрины с целью выработки мер доверия по предотвращению конфликта с применением ядерных или обычных вооружений»[51]. В Лахоре был также подписан совместный меморандум, в котором были перечислены согласованные конкретные меры доверия, в том числе взаимные уведомления о проведении испытаний баллистических ракет, соблюдение моратория на новые ядерные испытания, продолжение диалога по проблемам ядерной безопасности.

Эти договоренности оказались, однако, под серьезной угрозой уже в мае 1999 г. в результате Каргильского конфликта. Очередным поводом к ухудшению индо-пакистанских отношений стало нападение группы исламских экстремистов на индийский парламент в декабре 2001 г. В ходе последующего развития конфликта с обеих сторон к границам были выдвинуты войска — около 1 млн военнослужащих. В мае 2002 г. произошло новое серьезное обострение ситуации в Кашмире вслед за проведением там исламистами двух крупных терактов. В ответ Индия была готова начать

в середине июня 2002 г. полномасштабные военные действия. Теперь уже каждый новый конфликт происходил на фоне угрозы применения ЯО [52].

Тем не менее некоторые из достигнутых договоренностей действуют. В частности, согласно двустороннему соглашению, достигнутому еще в 1988 г. и вступившему в силу в 1991 г., Индия и Пакистан договорились о взаимном ненападении на ядерные объекты друг друга [53]. Несмотря на сохраняющуюся напряженность в двусторонних отношениях, они также ежегодно обменивались информацией о числе и местонахождении основных ядерных объектов. В августе 2005 г. была юридически закреплена достигнутая ранее договоренность о предварительном оповещении друг друга об испытательных запусках баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки [54]. Стремясь предотвратить дальнейшее ухудшение двусторонних отношений, Индия и Пакистан предприняли начиная с 2003 г. ряд шагов, направленных на возобновление диалогового процесса по проблемам безопасности.

В апреле 2003 г. Индия предложила Пакистану проведение комплексных двусторонних переговоров, в том числе по Кашмиру. В ноябре того же года по инициативе Пакистана вступил в действие режим прекращения огня (перемирия между регулярными воинскими частями двух стран) на всей линии контроля в Кашмире включая его крайний северный участок у ледника Сиачин. В том же месяце руководство Пакистана запретило деятельность на своей территории практически всех радикально-экстремистских организаций исламистов, сделав попытку перекрыть каналы их финансового обеспечения. Совершенные в декабре 2003 г. два покушения на президента П. Мушаррафа были расценены в Индии как свидетельство серьезности его намерений обуздать террористическую деятельность в Кашмире. На этом фоне индийский премьер А. Б. Ваджпаи во главе представительной делегации приехал в Исламабад, где в начале января 2004 г. прошла 12-я конференция на высшем уровне Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии. В ее ходе состоялись встречи А. Б. Ваджпаи с П. Мушаррафом, а также другие контакты представителей двух стран, на которых были намечены контуры двусторонних комплексных переговоров [55].

Согласованный план действий принципиально не изменился и после парламентских выборов в Индии, в результате которых к власти пришло новое правительство «Объединенного прогрессивного альянса» во главе с М. Сингхом.

В соответствии с достигнутой договоренностью 19—20 июня 2004 г. в Дели состоялись индо-пакистанские консультации о мерах доверия в ядерной области, по итогам которых было опубликовано совместное заявление [56]. Неделю спустя (27—28 июня) эти консультации были продолжены в Дели на уровне первых заместителей министров иностранных дел, и стороны вновь обменялись мнениями по поводу мер доверия в области ядерных и обычных вооружений. В ходе этих встреч стороны:

• подтвердили договоренность о моратории на ядерные испытания, которые могут быть проведены лишь в случае «чрезвычайных событий», представляющих угрозу национальной безопасности;

• достигли договоренности об учреждении прямой «горячей линии» между министрами иностранных дел Индии и Пакистана, чтобы предотвратить «взаимное непонимание» в критических ситуациях и снизить риск ядерного конфликта;

• договорились подготовить соглашение о взаимном уведомлении о запланированных ядерных испытаниях [57].

В ходе дальнейших контактов министр иностранных дел Индии выступил с предложением разработать общую ядерную доктрину двух стран [58]. Это, безусловно, явилось бы новым словом в истории ядерной политики противостоящих государств, ибо военная доктрина по общепринятому пониманию есть совокупность официально установленных взглядов на характер возможной войны, подготовку к ней и пути ее предотвращения. Впрочем, последняя составляющая, наверное, могла бы быть согласована двумя сторонами. Но Пакистан отказался и со своей стороны выдвинул инициативу по заключению двустороннего договора о режиме ядерного ограничения. Он также в принципе поддержал высказываемое в Индии мнение о необходимости подключить Китай к переговорам по ядерной проблематике в регионе. Хотя реализация такого предложения сложна, представители обеих стран отметили его перспективное значение [59].

В начале сентября 2004 г. в Дели прошла встреча министров иностранных дел двух государств Н. Сингха и Х. М. Касури. Договоренности, достигнутые министрами, а также специальными помощниками по национальной безопасности двух государств, подготовили почву для встречи на высшем уровне между премьер-министром Индии М. Сингхом и президентом Пакистана П. Мушаррафом. Она прошла 24 сентября 2004 г. в Нью-Йорке, куда оба лидера прибыли для участия в ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

По итогам встречи стороны объявили о стремлении добиваться разрешения кашмирской проблемы мирным путем с помощью переговоров и соглашений, которые устроили бы как Индию, так и Пакистан. Учитывая, что Кашмир остается самой уязвимой проблемой индо-пакистанских отношений, таящей потенциальную угрозу вооруженного конфликта, готовность сторон приступить к ее конкретному обсуждению может расцениваться как важный шаг на пути предотвращения возникновения военного, в том числе ядерного конфликта в Южной Азии. Комментируя итоги встречи на высшем уровне, индийская и пакистанская печать констатировала возможность компромисса, суть которого — отказ Пакистана от требования выполнения резолюции ООН о необходимости проведения плебисцита в Кашмире, с одной стороны, и признание Индией необходимости урегулирования проблемы Кашмира как «спорной» — с другой. Кроме того, отмечалось, что стороны продвинулись к решению вопроса о леднике Сиачин, подступы к которому с 1984 г. контролируют индийские военные. В случае вывода индийских войск из района ледника Пакистан обещал не вводить туда свои войска. Была также подтверждена необходимость установления мер доверия в пограничных областях. Объявлено о возобновлении переговоров о прокладке газопровода из Ирана через Пакистан в Индию [60]. В 2005 г. продолжалась разработка этого крупного проекта, несмотря на противодействие со стороны США, пытающихся изолировать Иран.

Свидетельством общего улучшения индо-пакистанских отношений было поведение сторон во время сильнейшего землетрясения в северном Пакистане в октябре 2005 г. Индия оказала соседу помощь в спасательных работах и восстановлении разрушенной инфраструктуры. Обе стороны согласились на ослабление пограничного контроля для спасателей и родственников пострадавших от землетрясения. На линии контроля (фактической границе между Индией и Пакистаном в Кашмире) были открыты дополнительные пропускные пункты. В декабре 2005 г. была достигнута договоренность о проведении в начале 2006 г. очередного, третьего раунда всеобъемлющих переговоров по урегулированию взаимных отношений [61].

Главным достижением нынешнего этапа в индо-пакистанском диалоге, таким образом, можно считать согласие сторон продолжить поиски путей урегулирования всех спорных вопросов включая кашмирский. Климат доверия между двумя странами может способствовать и смягчению остроты стратегического, в том числе

ядерного, противостояния и укреплению мер доверия в военной области. Информация о начале конструктивного диалога между Индией и Пакистаном была с удовлетворением воспринята как в России, так и в США и Китае.

Однако, несмотря на достигнутый прогресс в двусторонних отношениях, у Пакистана сохраняется серьезная озабоченность стремлением Индии продолжать наращивание своего военного потенциала. Особое беспокойство у него при этом вызывает военно-техническое сотрудничество Индии с США и Израилем, в частности, индийское решение закупить у Израиля авиационную радарную систему глубокой разведки и раннего обнаружения «Фалькон» и приобрести у США зенитно-ракетные средства типа «Эрроу»[62].

Следует иметь в виду, что разрыв между военными потенциалами Индии и Пакистана имеет тенденцию к увеличению. Бюджет на 2003/04 финансовый год предусматривал дальнейший рост индийских расходов на оборону на 27%, в то время как пакистанские военные ассигнования возросли на 7%. Индийские военные расходы ныне превосходят пакистанские в четыре раза (свыше 15 млрд долл. против менее 4 млрд, что, кстати, ненамного уступает оборонному бюджету России на 2005 г.), а текущий их прирост равен годовым военным ассигнованиям Пакистана [63].

Вероятно, если наступившая «волна потепления» продлится достаточно долго, стороны смогут воспользоваться этим обстоятельством и добиться успеха в сфере укрепления мер доверия в ядерной области, создания механизма гарантий против несанкционированного ядерного удара, а также против попадания ядерного оружия в руки экстремистских организаций.

Вместе с тем проблема ограничения ядерного компонента вооруженных сил принципиально не будет решена даже при условии серьезного и долговременного улучшения ситуации в регионе. Для Индии обладание ядерным оружием и средствами его доставки помимо устрашения Пакистана имеет другие цели, уже отмеченные выше: сдерживание Китая и повышение престижа страны. Последнее соображение имеет значение и для Пакистана. Ядерное оружие и ракетная мощь являются для Исламабада предметом национальной гордости. Особенно ценны эти достижения в отношениях с другими мусульманскими государствами, прежде всего с Ираном, а также с арабскими странами.

Обладание ядерным оружием представляется важным для обоих государств и с позиции их взаимоотношений с великими державами, в первую очередь с США. В связи с американской

политикой превентивных действий, которые нередко сопровождаются нарушением суверенитета «проштрафившихся» государств, в обеих странах, особенно в Пакистане, обращают внимание на то, что обладание даже небольшим ядерным потенциалом (либо предположение о наличии атомного оружия, как в случае КНДР) затрудняет применение против них силы, а может быть, делает его вообще нереальным.

Таким образом, для руководящих пакистанских и индийских кругов ядерное оружие является непременным условием сохранения особого статуса, безопасности и независимого внешнеполитического курса. В этой связи уместно заметить, что в тексте совместного заявления по итогам июньских (2004 г.) индо-пакистанских консультаций наличие ядерных арсеналов у Индии и Пакистана было охарактеризовано как «фактор стабильности»[64].

Тем не менее их ядерные арсеналы и программы создают серьезные проблемы как двустороннего, так и общемирового порядка. Так, эти государства заявляют, что выступают против распространения ядерных технологий и готовы сотрудничать с МАГАТЭ или с любой другой международной организацией в деле предотвращения распространения ядерных материалов. Однако МАГАТЭ не осуществляет контроль над большинством ядерных объектов Индии и Пакистана (как, впрочем, и других ядерных держав).

Ни Индия, ни Пакистан не участвуют в деятельности таких международных организаций, как Комитет Цангера, созданный в 1974 г. для определения списков запрещенных к экспорту в неядерные страны материалов либо оборудования для обработки или использования расщепляющихся материалов. Не входят они и в Группу ядерных поставщиков (Лондонский клуб), созданную в 1978 г. в целях предотвращения несанкционированного экспорта ядерных технологий и материалов.

Несоблюдение общепринятых правил международной торговли ядерным оборудованием, материалами и технологиями уже привело к тому, что (как стало известно после отказа Ливии от ядерной программы) с 1989 г. и вплоть до недавнего времени в Пакистане занимались торговлей этими материалами, поставляя их, в частности, Ливии, Ирану и Северной Корее, подозреваемым в связях с международным терроризмом.

Ни Индия, ни Пакистан не являются участниками международных соглашений в области контроля за нераспространением ракетных технологий, в частности РКРТ, действующего с 1987 г. Актуальность же присоединения Индии и Пакистана к таким

соглашениям определяется уже тем, что в Южной Азии в настоящее время идет активный процесс совершенствования ракетных средств доставки ядерного оружия, который может вскоре создать большие экспортные стимулы для обеих стран.

Тем не менее в последнее время Индия и Пакистан сделали ряд шагов по изменению этого положения. Так, в мае 2005 г. Индия ратифицировала Конвенцию о ядерной безопасности (свод требований по обеспечению безопасности при проектировании, сооружении, эксплуатации и выводу из работы объектов ядерно-энергетического комплекса). В начале 2005 г. Пакистан заявил о желании присоединиться к Группе ядерных поставщиков, однако его просьба не была удовлетворена, поскольку он не выполнил требования ГЯП о передаче ядерных материалов, о чем свидетельствовала уже упоминавшаяся афера с нелегальной продажей Пакистаном ядерных материалов.

Важным событием в развитии ситуации по ядерным вопросам на Индостанском полуострове явилось соглашение между президентом США Дж. Бушем и индийским премьер-министром М. Сингхом в июле 2005 г. о сотрудничестве в ядерной сфере (оно подлежит утверждению в 2006 г. Конгрессом США и индийским парламентом). США обязались участвовать в развитии мирной ядерной программы Индии, поставлять ей ядерные реакторы, топливо для них и т. д. Индия, со своей стороны, согласилась разделить свои ядерные объекты на военные и гражданские и открыть последние для инспекции со стороны МАГАТЭ. В США рассматривают это соглашение как важный шаг в развитии стратегического партнерства с Индией и как средство, дающее Дели возможность участвовать в глобальной системе ядерного нераспространения, поскольку до этого вся индийская атомная отрасль оставалась вне рамок международных правил регулирования и контроля [65].

Примечания

[1] *Сотников В. И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. — М., 2003. — С. 25.

[2] Nuclear Power in India and Pakistan. — New Delhi, Sept. 2004. — (Nuclear Issues Briefing Paper; 45).

[3] *Singh Swaran.* Sino-Indian CBMs: Problems and Prospects // Strategic Analysis [New Delhi]. — 1997. — July.

[4] india@online.ru (2004. — Sept. 23).

[5] Peace at N-Point // The Hindustan Times. — 1998. — May 4.

[6] *Kanthan Pradeep.* India's Nuclear Tests Reflect National Consensus // Nuclear Developments in South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. by R. Azizian; Centre for Strategic Studies. — Auckland, 2001. — P. 81—90.

[7] Sunday Times of India. — 1998. — May 31.

[8] *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2002. — P. 191; Global Security Newswire. — 2002. — Febr. 25.

[9] SIPRI Yearbook 2003: Armaments, Disarmament and International Security. — New York, 2003. — P. 622.

[10] *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Южная Азия в мировой политике. — М., 2003. — С. 228.

[11] Зарубеж. воен. обозрение: Информ.-аналит. журн. МО РФ. — 2005. — № 10 — С. 75.

[12] Зарубеж. воен. обозрение. — 2005. — № 8 — С. 66.

[13] *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Op. cit. — P. 196. Эта концепция направлена на решение задачи обеспечения гарантированного надежного сдерживания при минимально допустимом уровне средств сдерживания. Вместе с тем неясно, противостояние какому ядерному потенциалу — пакистанскому, китайскому либо их объединенному — определяет понятие «минимально допустимого уровня средств сдерживания».

[14] http://meaindia.nic.in/2003/01/04pr01.htm.

[15] На это обстоятельство обратил внимание авторов настоящего исследования посол Индии в России Канвал Сибал в ходе беседы 14 октября 2004 г.

[16] *Reshmi Kan.* Efficacy of India's No-First-Use Policy // Mainstream. — 2004. — Vol. 62. — № 39. — Sept. 18. — P. 28—30.

[17] *Шилин А. А.* Стратегический баланс в Южной Азии. — М., 2004. — С. 273.

[18] Там же. — С. 210—212.

[19] В этой связи уместно упомянуть о существовании достаточно распространенной точки зрения, согласно которой Индия рассматривает свое ядерное оружие в первую очередь и главным образом как оружие политическое, не предназначенное для фактического применения в военных целях.

[20] *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Указ. соч. — С. 248.

[21] *Mohan R. C.* No First Use and India's Nuclear Transition. — London, 2002. — (Pugwash Meeting; № 279: No First Use of Nuclear Weapons, Nov. 15—17).

[22] Об истории ядерной программы Пакистана подробнее см.: *Matinuddin K.* The Nuclearization of South Asia. — Karachi, 2002. — P. 82—108.

[23] Newsline [Karachi]. — 1998. — June. — Vol. 9. — № 12. — P. 25—26.

[24] З. А. Бхутто, приступая к реализации военной ядерной программы, заявлял, что «...все цивилизации — христианская, иудейская и индусская имеют ядерное оружие, коммунистические государства владеют этим оружием. Только исламская цивилизация его не имеет. Такая ситуация должна измениться» (*Bhutto Z. A.* If I am Assassinated. — Lahore, 1994. — P. 138).

[25] Это впечатление сложилось у авторов исследования на основании бесед с представителями различных кругов интеллигенции, некоторых их высказываний и суждений в печати.

[26] Обычно в прямой форме такие опасения не попадают в средства массовой информации, но конкуренция за ограниченные бюджетные ресурсы между представителями различных видов и родов войск общеизвестна.

[27] *Khan A. K.* Without Kahuta Nothing Was Possible // Herald [Karachi]. — 1998. — June. — Vol. 29. — № 6. — P. 28.

[28] *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Op. cit. — P. 212.

[29] The Telegraph [Calcutta]. — 1997. — July 3.

[30] New York Times. — 2004. — Jan. 30; Компас: Вестн. иностр. информ. ИТАР-ТАСС. — 2004. — № 7. — 12 февр. — С. 28; New Yorker. — 2004. — March 1.

[31] The News [Islamabad — Rawalpindi]. — 2004. — March 17.

[32] Генерал П. Мушарраф заявил в 2004 г., что за последние три-четыре года затраты на совершенствование ядерного потенциала превысили аналогичные расходы за все предшествующие 30 лет (Dawn [Karachi]. — 2004. — Oct. 12).

[33] *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Op. cit. — P. 207.

[34] Daily Telegraph [London]. — 2002. — Febr. 25; The News. — 2001. — Oct. 2; Коммерсантъ. — 2002. — 28 мая.

[35] *Cirincione J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Op. cit. — P. 207.

[36] Dawn. — 2004. — March 9.

[37] Dawn. — 2005 — August 12.

[38] *Shahi A.* Response to Indian Nuclear Doctrine // The News. — 1999. — Nov. 30; *Mazari Shireen M.* Nuclear Proliferation: The Way Forward. A Pakistani Perspective: Paper presented at the seminar in Moscow Carnegie Center, 28 September 2004. — P. 4, 7—9.

[39] *Jones R. W.* Minimum Nuclear Deterrence Postures in South Asia: An Overview // J. of South Asian and Middle Eastern Studies [Villanova]. — 2002. — Summer. — Vol. 25. — № 5. — P. 34—35; Коммерсантъ. — 2004. — 6 февр.

[40] Statement by Prime Minister Nawaz Sharif // Dawn. — 1999. — Sept. 5.

[41] *Moore M., Kamran Khan.* Pakistan Moves Nuclear Weapons: Musharraf Says Arsenal Is Now Safe // Washington Post. — 2001. — Nov. 11.

[42] Dawn. — 2004. — Sept. 15.

[43] В этой связи нельзя исключать возможности происламистского военного заговора, аналогичного, например, антиправительственному заговору во главе с генерал-майором Аббаси в 1995 г., несмотря на то, что недовольство военных существенно уменьшилось в последние годы, чему способствовало некоторое улучшение экономической ситуации в стране и сохранение за военными особого положения во властных структурах и в системе управления государственными учреждениями, фондами и корпорациями.

[44] *Asghar M., Syed B. S.* President Escapes Attempt On Life // http://www.dawn.com/2003; Musharraf: A Moment of Hope and Danger // Stratfor. — 2003. — Dec. 27; Afgan and Kashmiri Groups Targeting Musharraf // http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page-story_29-12-2003_pgl_6.

[45] The Future of Pakistan / Strategic Foresight Group. — Mumbai, 2002. — P. 102—106.

[46] *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Указ. соч. — М., 2003. — С. 217—218.

[47] SIPRI Yearbook 1999: Armaments, Disarmament and International Security. — New York, 1999. — P. 522.

[48] *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Указ. соч. — С. 300.

[49] Текст резолюции см.: *Сотников В. И.* Указ. соч. — С. 221—223.

[50] Там же. — С. 196. Согласно информации, появившейся в печати, утверждалось, что вслед за проведением ядерных испытаний в мае 1998 г. Индия выразила готовность присоединиться к ДНЯО, но только в качестве ядерной державы. К этому же времени относится и ее предложение предоставить гарантии ядерной безопасности государствам, входящим в зоны, объявленные свободными от ядерного оружия и расположенные вблизи от ее границ (например, в Юго-Восточной Азии). Расчет явно был на то, что в случае принятия этого предложения международное сообщество фактически признало бы ядерный статус Индии.

[51] См. текст Лахорской декларации на сайте http://www.hindustantimes.com/news/181_254953,001300430002.htm.

[52] Категорически отвергая индийскую концепцию «ограниченной войны» без использования ядерного оружия, выдвинутую министром обороны Индии Дж. Фернандесом, Пакистан предупредил, что будет готов применить ядерное оружие даже в случае обычного вооруженного конфликта с Индией, если сочтет свои потери неприемлемыми. Как уже отмечалось, ввиду явной асимметрии в обычных вооружениях между Индией и Пакистаном последний склонен к применению ядерного оружия на более ранней стадии вооруженного конфликта.

[53] *Spector L. S., McDonough M., Medires E. S.* Tracking Nuclear Proliferation / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 1995. — P. 98—99.

[54] Dawn. — 2005 — Aug. 6.

[55] Ibid.

[56] Mainstream. — 2004. — Vol. 62. — № 28. — July 3.

[57] Joint Statement of Foreign Secretaries Level Talks // http://www.infopak.gov.pk/Indo-Pak_talks/text_of_joint_statement_of_foreign%20secys.htm (посещался 28 июня 2004 г.).

[58] http://id.julia.net/press/tassj>lp/2004/06/2004.06.02.12.30.58.p-14.htm.

[59] http://id.julia.net/press/tass_plp/2004/06/2004.06.21.33-14.htm.

[60] Deccan Herald. — 2004. — Sept. 24.

[61] Dawn. — 2005. — Dec. 9.

[62] *Mazari Shireen M.* Op. cit. — P. 10—11.

[63] Подробнее о балансе военных сил между Индией и Пакистаном см.: *Шилин А. А.* Стратегический баланс в Южной Азии. — М., 2004.

[64] *Poulose T. T.* Rethinking on Nuclear Doctrine Begins // Asian Affairs [London; New Delhi]. — 2004. — Vol. 8. — № 93. — July. — P. 8—11.

[65] *Baker S.* India and a Two-Track Policy to Combat Nuclear Proliferation: Guidelines for Congress to Balance Regional Security with Nonproliferation // Policy Research and Analysis / The Heritage Foundation. — 2005. — July 29 (http://www.heritage.org/Research/National Security/wm810.cfm).

Глава 13. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Василий Михеев, Павел Каменнов, Виктор Павлятенко

Северная Корея

Как известно, в октябре 2002 г. во время визита в КНДР помощника государственного секретаря США Дж. Келли северокорейская сторона в ответ на обвинение в наличии у нее секретной программы обогащения урана признала этот факт, что является прямым нарушением режима гарантий Международного агентства по атомной энергии по ДНЯО [1]. Затем в конце октября Пхеньян официально заявил о своем праве иметь «атомное и более мощное оружие для самообороны», на что Соединенные Штаты, Япония и Южная Корея отреагировали прекращением поставок мазута для тепловых электростанций и строительства АЭС на легководных реакторах (так называемый проект КЕДО от 1994 г.). В декабре 2002 г. КНДР заявила о возобновлении своей ядерной программы, удалила всех инспекторов МАГАТЭ с замороженных по соглашению 1994 г. объектов, расконсервировала реактор-наработчик плутония в Енбене и приступила к переработке 8000 облученных топливных стержней для сепарации плутония [2]. 10 января 2003 г. КНДР официально уведомила о своем предстоящем выходе из ДНЯО и прекращении сотрудничества с МАГАТЭ, а через три месяца (согласно ст. X ДНЯО) вышла из Договора.

В апреле 2003 г. Пхеньян объявил о намерении создать ядерное оружие, а в мае в одностороннем порядке вышел из соглашения 1992 г. с Южной Кореей о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной. Последовали три раунда шестисторонних переговоров (КНДР, Южная Корея, Россия, США, КНР, Япония) в 2003—2004 гг., закончившиеся безрезультатно. Наконец, 10 февраля 2005 г. КНДР заявила о выходе из переговоров и сообщила, что «изготовила несколько атомных зарядов для самообороны, чтобы противодействовать все более явной политике США... [которые] открыли свои попытки свергнуть политическую систему КНДР любой ценой, угрожая нанести по стране ядерный удар»[3].

Тем не менее у мирового экспертного сообщества нет единого мнения о том, есть ли у Северной Кореи ядерное оружие. Отсутствует и возможность достоверного технического выяснения этого вопроса, во всяком случае, до тех пор, пока КНДР не проведет натурное ядерное испытание (индийско-пакистанская модель) или пока разнообразные свидетельства наличия ЯО не приобретут в совокупности характер несомненности (израильская модель). Сейчас же все дискуссии о северокорейской ядерной программе строятся на слухах, косвенных данных и оценках американских и бывших советских спецслужб.

Главный политический вопрос, вокруг которого ведутся технические и юридические споры и от ответа на который зависит курс ведущих держав в данной области, можно сформулировать так: является ли военная ядерная программа КНДР инструментом для получения ею политических и экономических дивидендов и используются ли шестисторонние переговоры именно с этой целью? Или, наоборот, выход из ДНЯО, переговоры и официальные заявления — тактика политического и пропагандистского обеспечения завершающего этапа программы создания Северной Кореей ядерного оружия?

Ядерная программа КНДР. Среди экспертов, как зарубежных, так и российских (МИД, силовые ведомства, ученые-ядерщики, независимые специалисты по военно-стратегической и разоруженческой проблематике, политологи-кореисты), преобладает мнение, что КНДР имеет военную ядерную программу на основе плутония. В целом, согласно доступным данным, для ядерных исследований, энергетики и военных целей могут быть использованы следующие объекты [4]:

- урановые шахты в Пакчхоне и Пенгансане;
- специальная лаборатория в Университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне;
- завод по производству топливных стержней и хранилище в атомном научно-исследовательском центре в Енбене;
- исследовательский ядерный реактор мощностью 5 МВт в Енбене (реактор двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония);
- радиохимическая лаборатория Института радиохимии в Енбене (для выделения плутония из отработанного ядерного топлива).

Кроме того, в докладе Службы внешней разведки России от 1994 г. приводятся данные о наличии в КНДР следующих объектов, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия:

• двух секретных заводов по обогащению урана;

• ядерного реактора мощностью 50 МВт в Енбене (реактор двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония);

• газографитного реактора мощностью 200 МВт на природном уране в Тэчхоне (реакторы этого типа нарабатывают повышенное содержание плутония в ОЯТ);

• энергетического реактора мощностью 1000 МВт.

Как представляется, 50-мегаваттный реактор в Енбене и реактор в Тэчхоне вряд ли могут в настоящее время рассматриваться в качестве объектов, используемых для создания ядерного оружия, поскольку их строительство практически заморожено, а степень готовности не выходит за пределы нулевого цикла. По тем же причинам нельзя отнести к объектам военной ядерной программы КНДР энергетический реактор мощностью 1000 МВт.

Вызывает определенные сомнения информация о наличии в Северной Корее двух заводов по обогащению урана, поскольку достоверных данных о их существовании, мощности и расположении нет.

Мнения российских ученых-ядерщиков относительно того, есть ли у Пхеньяна «атомная бомба», расходятся. Помимо технических аргументов те, кто считает, что у КНДР есть одно-два ядерных взрывных устройства, ссылаются на докладную записку бывших советских спецслужб в Политбюро ЦК КПСС от 1990 г.[5] В ней указывалось, что в Енбене еще в 1990 г. была завершена разработка первого атомного взрывного устройства, однако испытание не проводилось в целях сокрытия информации от международной общественности.

Другие специалисты полагают, что при всем желании создать ЯО КНДР все еще не может этого сделать по техническим причинам, поскольку перечисленных выше объектов, мощностей и технологий для этого недостаточно. Также они ссылаются на другую записку спецслужб в Политбюро ЦК КПСС от 1991 г.[6], в которой подтверждается факт осуществления Северной Кореей военной ядерной программы, но отмечается отсутствие подтверждений того, что КНДР уже имеет ядерную бомбу.

Как представляется авторам настоящей работы, у Северной Кореи, безусловно, есть военная ядерная программа, однако пока она не завершилась успехом — созданием ядерного оружия, под которым подразумевается ядерный боевой заряд с соответствующим носителем.

Правда, КНДР достигла немалых успехов в развитии (и экспорте) баллистических ракет и ракетных технологий. Там принято на вооружение около 100 ракет «Нодон-1» с дальностью до 1500 км и полезной нагрузкой до 1 т. В стадии разработки находится двухступенчатая ракета «Тэпходон-1» с дальностью до 3000 км при полезной нагрузке 500 кг. Однако после единственного ее испытания в ракетной программе наступила пауза, обусловленная, суда по всему, растущими техническими и кадровыми трудностями [7]. Поступали сведения о разработке трехступенчатой ракеты «Тэпходон-1» с дальностью 5700 км при полезной нагрузке 500 кг и даже МБР «Тэпходон-2», которая теоретически может достичь Калифорнии. Однако испытания таких систем не проводились.

Как считают российские специалисты, решить задачу сборки компактной боеголовки и ее сопряжения с ракетным носителем Северной Корее пока не удается. Что касается ядерных зарядов, нельзя исключать вероятность того, что в КНДР собрано несколько взрывных устройств, в дееспособности которых само военно-политическое руководство не уверено без проведения натурного испытания. Видимо, такое испытание не проводится по двум причинам.

Во-первых, из опасения международных последствий включая нанесение ударов Соединенными Штатами по объектам ядерной инфраструктуры с санкции Совета Безопасности ООН или в одностороннем порядке (при поддержке новой «коалиции желающих»). Поскольку ядерного оружия в полном смысле слова у Пхеньяна нет, гипотетически собранные устройства не могут служить полноценным средством ядерного сдерживания, а скорее призваны быть инструментом «имманентного сдерживания», т. е. создавать для предполагаемого агрессора не определенность возмездия, а неопределенность прогнозируемых последствий.

Во-вторых, неудачное испытание, если бы о нем стало известно из информации технических средств наблюдения других стран или агентурных источников, не только нанесло бы тяжелый удар по престижу Пхеньяна, но могло бы даже с еще большей вероятностью спровоцировать превентивные силовые акции США с мотивом использования «окна возможности», чтобы раз и навсегда покончить с ядерной программой КНДР. Можно также предположить, что испытание откладывается до момента создания и производства хотя бы нескольких

ядерных боезарядов, которые можно было бы установить на развернутых баллистических ракетах средней дальности «Нодон-1», чтобы сразу после испытания объявить, что ряд объектов (включая американские базы) на территории Южной Кореи и Японии уже поставлены под прицел ракетно-ядерных средств КНДР.

Вероятно, в стране накоплено достаточное количество оружейного плутония [8], но не преодолены все трудности и неопределенности с подбором оптимального изотопного состава материала и разработкой технически весьма сложной имплозивной схемы подрыва, применяемой при использовании плутония. Следует также предположить, что у КНДР еще нет достаточного количества оружейного урана для сборки более простого взрывного устройства на урановой базе [9].

Возможно, из престижных соображений и в интересах более эффективного сокрытия военной программы Пхеньян изначально избрал преимущественно «плутониевый путь» как открывающий возможность создания более эффективных, удобных для ракетных носителей боеприпасов. Но, видимо, этот путь оказался вплоть до настоящего момента технологически крайне трудным, а когда это осознали, быстро наверстать время по урановому направлению не хватило экономических и технических ресурсов (стоимость и сложность центрифужной обогатительной технологии, огромные потребности в электроэнергии, необходимость обеспечить скрытность крупных объектов и их защищенность хотя бы от неядерного превентивного удара противника и пр.).

Если бы Северная Корея была близка к созданию ядерного оружия в полном смысле слова и имела твердое намерение довести программу до конца, то выход из ДНЯО было бы логично приурочить к демонстрации обладания ядерным оружием тем или иным способом. Помимо престижных плодов вне и внутри страны это предоставило бы КНДР определенный сдерживающий потенциал против силовых мер со стороны США. Даже не имея возможности нанести удар по американской территории, Пхеньян мог бы угрожать ядерным возмездием близлежащим военным базам и союзникам США — Южной Корее и Японии (такой потенциал «непрямого» сдерживания Советский Союз имел против Соединенных Штатов с момента создания им ЯО в 1949 г. до развертывания первых межконтинентальных носителей в конце 50-х годов).

Прошло уже более трех лет после выхода Северной Кореи из ДНЯО, но она убедительно не продемонстрировала, что обладает ядерным оружием. Поэтому с достаточной степенью определенности можно полагать, что такого оружия у Пхеньяна пока нет и выход из Договора преследовал иные цели, нежели легализацию скорейшего создания ЯО, что относится также и к информационным манипуляциям северокорейских официальных источников вокруг наличия ядерного оружия.

Кроме того, при анализе северокорейской ситуации важно учитывать, что руководство страной и ее вооруженными силами полностью сосредоточено в руках Ким Чен Ира, единолично принимающего все важнейшие решения. Нельзя исключать ситуацию, когда функционеры, ответственные за ядерную программу, боятся доложить «вождю» о технических неудачах и подтасовывают информацию, позволяя тому думать, что у страны есть реальные, а не «докладные» успехи в ядерной сфере. В этих условиях могут приниматься политические решения, под которыми потом не оказывается военно-технической базы. (Кстати, последнее случается даже в крупнейших демократических странах, причем наиболее передовых в военной области. Достаточно напомнить о вероятной вере президента США Дж. Буша в то, что наконец началось развертывание американского «противоракетного щита», тогда как на деле там развертывается технически совершенно неадекватная, не отработанная и не испытанная в штатном режиме система [10].)

Шестисторонние переговоры: интересы сторон. Северокорейская ситуация является нетипичной, и к ней не применимы ни «южноафриканский», ни «иракский», ни «ливийский» варианты прекращения военной ядерной программы. При сохранении утвердившихся в рамках шестистороннего дипломатического процесса подходов сторон ядерный вопрос Северной Кореи не имеет договорно-правового разрешения, поскольку противоборствующие стороны действуют по несовместимой политической логике. Хуже того, расхождения между странами «пятерки» нередко больше, чем между ними и КНДР.

В частности, США (и наиболее близкая им по переговорной линии Япония) исходят из того, что у КНДР может быть ядерное оружие, которое Пхеньян рассматривает в качестве фактора военного сдерживания. Вашингтон стремится вынудить Северную Корею отказаться от ЯО (если оно уже есть) и демонтировать всю имеющуюся там ядерную научно-промышленную инфраструктуру.

Ради этой цели США готовы при неудаче переговоров применить силу, о чем постоянно напоминают параллельно с дипломатией, чтобы сделать Пхеньян более сговорчивым.

Со своей стороны, КНДР мыслит и действует совершенно в иной плоскости. Как бы ни относиться к северокорейскому режиму (представляющему собой, несомненно, самую одиозную, милитаризованную и репрессивную диктатуру современности), какой бы опасной ни признавать его ядерную программу, — позиция Пхеньяна по ДНЯО и связанным с ним вопросам не лишена своей, пусть и весьма своеобразной логики.

Соглашение («Рамочная договоренность») 1994 г. между США и КНДР, как предполагалось, должно было остановить выход КНДР из ДНЯО (которым она пригрозила под формальным предлогом разногласий вокруг охвата инспекций МАГАТЭ), а также заместить корейские реакторы-наработчики плутония более безопасными в этом плане легководными ректорами. В этом проекте были задействованы также Япония и Южная Корея.

До того момента в соответствии с членством в ДНЯО Северная Корея должна была поставить все свои ядерные материалы и мирную ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ, о чем и подписала с агентством соответствующее соглашение (о применении гарантий в связи с ДНЯО). Однако «Рамочная договоренность» 1994 г. закрепила тот факт, что до завершения строительства комплекса на легководных реакторах с помощью США гарантии МАГАТЭ будут действовать частично, а не в полном объеме: «До заключения контракта на поставку продолжатся инспекции, которые требуются МАГАТЭ для непрерывности действия гарантий, в отношении объектов, не подлежащих замораживанию». И лишь после завершения строительства комплекса на легководных реакторах «КНДР обеспечит полное выполнение ее соглашений с МАГАТЭ»[11]. Эти положения можно интерпретировать как поставившие двустороннее соглашение КНДР с США выше ее обязательств по ДНЯО, в соответствии с которыми в Северной Корее должны были бы применяться полноохватные гарантии МАГАТЭ на всех объектах включая замороженные (INFCIRC/403).

Когда в 2002 г. обнаружилось, что КНДР имеет также программу обогащения урана, о которой не было заявлено в МАГАТЭ, США, Япония и Южная Корея отказались выполнить свои обязательства по строительству легководных реакторов и замещающим поставкам мазута для корейских тепловых электростанций.

Тогда Пхеньян отверг свою часть договоренности: запретил дальнейшие инспекции МАГАТЭ, разморозил реакторы-наработчики плутония и другие объекты ядерного комплекса и вышел из ДНЯО [12], прозрачно намекнув на обретение им ядерного оружия. Непосредственным поводом для такого шага стали причисление КНДР к «оси зла» наряду с Ираком и Ираном в официальных заявлениях Вашингтона и угроза силой в отношении названных стран, подготовка к ее прямому применению против Ирака в начале 2003 г. Выход США из Договора по противоракетной обороне менее чем годом раньше, а до этого отказ от ратификации Договора по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний создали удобный прецедент, позволивший исключить единый фронт негодования, давления и санкций международного сообщества и ООН на Пхеньян в связи с его денонсацией ДНЯО.

Как полагают авторы настоящей работы, сейчас КНДР преимущественно использует свою ядерную программу и выход из ДНЯО как инструмент политического блефа и шантажа. В то же время очень важно, что это не исключает в конечном счете действительного создания там ЯО, если нынешний корейский блеф не даст плодов в виде размена ядерной программы на уступки США и других стран.

Однако пока главная цель Пхеньяна — вовлечь США в диалог и получить от него наибольшие политические и экономические дивиденды. При этом Пхеньян считает, что именно военная ядерная программа является тем «товаром», за который Вашингтон готов заплатить максимальную цену. Что касается реальных инструментов военного сдерживания, то здесь КНДР полагается, во-первых, на обычные вооружения (прежде всего ствольную артиллерию, массированно развернутую вблизи линии разделения) и ракеты средней дальности, способные в обычном снаряжении нанести ущерб Южной Корее и американским вооруженным силам на ее территории. Во-вторых, ставка делается на диверсионные группы, нацеленные на ядерные, химические и другие опасные объекты в Южной Корее.

По-видимому, Пхеньян вполне удовлетворен нынешним ходом дел. Он не достиг главной цели — полномасштабных гарантий безопасности со стороны США и большой экономической помощи. Однако достигается ряд тактических целей. Переговорный процесс в значительной мере гарантирует безопасность Северной Кореи. Кроме того, за сам факт участия в переговорах КНДР получает экономическую помощь от Китая и международных ор-

ганизаций, пусть и дозированную. А Южная Корея вкладывает сотни миллионов долларов в сотрудничество с КНДР и в условиях неразрешенности ядерного вопроса, боясь, что он перерастет в ядерный кризис.

Отсюда следует вывод: Пхеньян не склонен искать компромисса, поскольку сам по себе переговорный процесс уже позволяет ему реализовывать свои интересы, но будет стараться использовать любое встречное движение к нему со стороны США для наращивания в ответ давления в целях решения главной задачи — обеспечения политической и экономической выживаемости режима. Видимо, именно эта тактика объясняет заявление КНДР в феврале 2005 г. об успешном создании ядерного оружия и выходе из шестисторонних переговоров. Не проведя испытания и не предоставив других доказательств обладания ЯО, Пхеньян повысил ставки, чтобы привлечь к себе начавшее ослабевать под действием переговоров международное внимание и повысить «продажную цену» своей программы.

Четвертый раунд шестисторонних переговоров в Пекине в сентябре 2005 г. в очередной раз продемонстрировал несогласованность подходов «пятерки» к Северной Корее. В результате Пхеньян добился существенных стратегических побед. Во-первых, ему удалось перефокусировать тематику переговоров с изначальной — «северокорейская военная ядерная программа» на более пространную — «денуклеризация всего Корейского полуострова». Во-вторых, Пхеньян де-факто сумел превратить многосторонний формат встречи в двусторонний — когда остальные участники фактически полностью зависят от американо-северокорейских договоренностей. Этого Пхеньян и добивался изначально. В-третьих, в пекинском Совместном заявлении была сохранена двусмысленность: не прописанная последовательность ядерного разоружения Северной Кореи позволила Пхеньяну выставить новое затягивающее переговорный процесс требование о предоставлении ему ядерного реактора «сначала» и прекращении ядерной военной программы — уже «потом».

Начавшийся в ноябре 2005 г. очередной раунд шестисторонних переговоров, в котором Пхеньян принял участие практически сразу после визита в Северную Корею председателя КНР Ху Цзиньтао, предоставившего КНДР новую «дозу» помощи, вскоре был прерван. В конце 2005 г. Пхеньян в очередной раз обвинил США во «враждебной политике» и пригрозил «наращиванием ядерного оружия сдерживания». Ситуация вновь стала развиваться «по кругу».

Помимо технических деталей (как признание со стороны КНДР урановой программы) ввиду совершенно разных, практически противоположных целей США и КНДР никакая договоренность невозможна без преодоления главного противоречия. С одной стороны, политика «выкупа» ядерной программы у КНДР по модели соглашения 1994 г. может дать лишь временный результат, поскольку в очередной раз [13] предоставит Пхеньяну повод считать дипломатию блефа и шантажа эффективной, обеспечит ему хотя бы на какое-то время политические и экономические плоды — но не даст гарантий от повторения кризиса в будущем в виде возобновления северокорейской военной ядерной программы. Вероятно, в таком соглашении как раз и видит цель переговоров правящий режим.

С другой стороны, Пхеньян едва ли устроит, если политическое решение будет включать не «замораживание», как в 1994 г., а ликвидацию всех объектов ядерной инфраструктуры (за исключением легководного энергетического комплекса с ввозимым ядерным топливом и вывозимым ОЯТ) плюс возврат КНДР в ДНЯО, ратификацию и выполнение Дополнительного протокола МАГАТЭ 1997 г. (о всеобъемлющих проверках отсутствия незаявленной ядерной деятельности). Тогда уступки Северной Кореи будут практически необратимы, а экономическая помощь и обязательства в сфере безопасности извне могут быть отменены, скажем, при смене администрации в США и по другим мотивам (нарушение прав человека, помощь терроризму и пр.).

Что касается Южной Кореи, КНР и России, то они рассматривают переговоры в первую очередь как способ предотвратить силовую акцию США против КНДР, которая чревата непредсказуемыми последствиями военного, социального, экологического и политического порядка и может втянуть в кризис три ангажированные ядерные державы. Иными словами, их первоочередная цель не только снять ядерную проблему Северной Кореи, как бы серьезно они к ней ни относились, но и удержать США от применения «иракской модели».

Непосредственно перед иракской кампанией и сразу после блестящего завершения военной фазы операции в Ираке такая угроза выглядела как очень вероятная. По мере увязания США в партизанско-террористической войне в Ираке их новая силовая акция против КНДР, как и против Ирана, стала представляться менее реальной [14]. Это дало повод обеим названным странам взвинчивать свои требования и накал официальной риторики.

Авторы настоящей работы считают, что в долгосрочном плане выход из кризиса надо искать в другом измерении — в постепенной трансформации режима и создании нового политического климата на Корейском полуострове, который обеспечил бы стратегию вовлечения Северной Кореи в экономику и политику региона. Иными словами, схема видится не в том, чтобы сначала добиться полного и окончательного ядерного разоружения Северной Кореи, а затем решить политические проблемы, оставшиеся со времен Корейской войны. Моделью должно быть параллельное движение по двум направлениям. Во-первых, нужно продолжать давление на КНДР по ядерному вопросу, в том числе имея в виду возвращение страны в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ, присоединение к Дополнительному протоколу МАГАТЭ 1997 г., замораживание и последующий демонтаж ядерной инфраструктуры двойного назначения, ликвидацию оружейных материалов и взрывных устройств или их компонентов, если они есть (по модели ЮАР). В обмен на это могут быть возобновлены строительство легководных реакторов и замещающие поставки топлива до их ввода в строй.

Во-вторых, речь идет о мерах оздоровления политической обстановки на Корейском полуострове и о политике трансформации северокорейского режима в направлении большей открытости, развития связей с Южной Кореей и другими странами, проведения рыночных реформ, постепенного смягчения тоталитарного режима [15]. На этом пути ядерный вопрос будет решен стратегически и окончательно, дополнив тактические меры его технического решения.

Концепция урегулирования корейской ядерной проблемы. По мнению участников настоящего исследования, новая концепция такого рода должна состоять в следующем. «Пятерка» должна также достичь согласия, что важным фактором нестабильности является устаревший режим поддержания мира в Корее, в основе которого лежит Соглашение о перемирии 1953 г., подписанное американской, китайской и северокорейской сторонами. Режим не обеспечивает нормальной современной инфраструктуры политического общения между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом и Вашингтоном — с другой.

При этом следует исходить из того, что в настоящее время у КНДР отсутствует ядерное оружие в полном смысле слова, хотя продолжается военная ядерная программа. Пока Рубикон не перейден, военная программа может быть прекращена, КНДР

можно заставить вернуться в ДНЯО, и позиция держав «пятерки» на переговорах должна быть «позицией силы», если только ими будет достигнуто единство. Вместе с тем, поскольку создание Северной Кореей ядерного оружия в обозримом будущем исключить невозможно (а последствия этого будут долгосрочными и крайне негативными), нельзя уповать только на давление и бесконечно мириться с затягиванием переговоров. Наряду с «кнутом» необходимы достаточно привлекательные «пряники» и разумные сроки решения проблемы. Кроме того, помимо непосредственного создания ЯО большую угрозу представляет возможность продажи Северной Кореей за рубеж радиоактивных и оружейных ядерных материалов и технологий, а также ракет и ракетных технологий [16].

Надо учитывать, что Северная Корея хочет диаметрально противоположного: не изменять режим, а подороже и на своих условиях «продать» военную ядерную программу, причем по возможности обратимым образом (например, тайно продолжая ее в обход инспекций и гарантий МАГАТЭ, сохранив технологии обогащения урана и сепарации плутония и пр.). С другой стороны, нельзя не постараться использовать недавние признаки того, что Пхеньян готов пересмотреть нынешний международно-правовой режим поддержания мира в Корее, основанный на Соглашении о перемирии 1953 г., видя в этом возможность «выживания без внутренних перемен». Замена Соглашения о перемирии иным режимом поддержания мира выгодна и Китаю, так как снимает с Пекина обязательства и ответственность как союзника КНДР по Корейской войне 1950—1953 гг.

Ключевой недостаток переговорного процесса состоит в том, что члены «пятерки» не имеют скоординированного подхода к Северной Корее и выступают на переговорах с разных позиций. В отличие от времен «холодной войны» сегодня уже никто не стоит за спиной Пхеньяна, однако позиции сторон неоднородны. Как уже отмечалось, Япония по жесткости требований ближе других стран к США. Китай играет вторую после США роль по значимости в организации переговорного процесса, однако его подход к КНДР характеризуется меньшей жесткостью, чем у США и Японии. Южная Корея и Россия занимают наиболее мягкие позиции. Такая ситуация позволяет Пхеньяну использовать расхождения сторон для реализации собственного переговорного сценария.

Еще один минус заключается в том, что упускается время для создания на основе шестистороннего диалога постоянно

действующего механизма безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА), который обеспечивал бы более широкий подход к проблемам безопасности и сотрудничества в регионе и позволял бы решать существующие в этой сфере проблемы, в том числе и северокорейскую. Участие в таком переговорном механизме создало бы непосредственную заинтересованность КНДР в том, чтобы проблемы не решались без нее и вопреки ее интересам. Тем самым была бы исключена тактика саботажа переговоров Пхеньяном, применяемая им для «продавливания» своей линии.

Новая политика шестисторонних переговоров. Авторы настоящего исследования полагают, что необходимо переориентировать стратегию корейского урегулирования, наряду с решением ядерного вопроса, на две главные цели: создание нового международно-правового режима поддержания мира в Корее вместо нынешнего, основанного на Соглашении о перемирии 1953 г., и трансформацию северокорейского режима мирными средствами посредством политики «вовлечения».

Для этого, во-первых, необходимо изменить повестку дня шестисторонних переговоров: включить в нее вопрос о замене Соглашения о перемирии дипломатическими отношениями между КНДР и США, Северной и Южной Кореей. Следует вести разговор на эту тему независимо от того, как идет диалог по ядерной тематике. Возможные возражения Пхеньяна и Сеула о том, что дипломатические отношения между ними невозможны, так как они являются двумя частями разделенной нации и стремятся к объединению, парируются тем, что с международно-правовой точки зрения КНДР и Республика Корея как независимые члены ООН являются двумя суверенными государствами, нормой отношений между которыми является взаимное дипломатическое признание. Кроме того, дипломатические отношения не отменяют объединения, а могут рассматриваться как более безопасный, чем нынешнее противостояние, этап на пути к объединению. Примером могут служить отношения бывшей ГДР и ФРГ.

Во-вторых, на шестисторонних переговорах резонно отделить переговоры по обмену гарантий безопасности Северной Корее на ее отказ от ядерной военной программы от переговоров по предоставлению КНДР экономической помощи. Такая помощь должна предоставляться только в обмен на шаги КНДР в направлении рыночных реформ и большей открытости, а не на

ядерную программу. Причем содержание экономических реформ в КНДР должно согласовываться с «пятеркой». Исключением являются лишь пункты о строительстве легководного реактора и замещающих поставках мазута для тепловых электростанций, непосредственно связанные с замораживанием реакторов-наработчиков плутония и предприятий полного топливного цикла, которые побочно снабжают Северную Корею электроэнергией.

В-третьих, встречи «пятерки» должны носить регулярный характер (например, раз в квартал) независимо от того, участвует ли в них Северная Корея. Пхеньян всегда должен получать приглашения на встречи, но проводиться они должны независимо от его участия. В отсутствие Пхеньяна темы координации политики «пятерки» по отношению к КНДР, синхронизированного видения будущего Северной Кореи могут стать первыми темами работы нового многостороннего механизма безопасности в СВА. В дальнейшем повестка дня может быть расширена за счет других вопросов региональной безопасности.

Наконец, в-четвертых, нет оснований менять экономическую помощь и гарантии безопасности на военную ядерную программу Северной Кореи. Экономическая помощь обменивается на рыночные реформы и бóльшую открытость КНДР, а гарантии безопасности являются органичной составляющей нового режима поддержания мира в Корее взамен Соглашения о перемирии 1953 г.

Ядерный вопрос следует решать отдельно. КНДР должна вернуться в режим нераспространения ядерного оружия и доказать инспекторам МАГАТЭ, что военная программа свернута. При этом возвращение в режим нераспространения и полное свертывание военной ядерной программы, ликвидация оружейных ядерных материалов и демонтаж технологий двойного назначения (реакторов-наработчиков плутония, производства тяжелой воды, предприятий по обогащению урана и сепарации плутония из ОЯТ, всех объектов производства ядерного оружия и его компонентов) являются обязательными для возобновления проекта КЕДО — Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове с участием России и КНР — и более широкого сотрудничества с КНДР в области мирного атома. Принятие Северной Кореей всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ и Дополнительного протокола 1997 г. также должны быть неотъемлемыми элементами «ядерного пакета».

Дополнительным разделом соглашения, возможно, для второго этапа переговоров, является свертывание северокорейской ракетной программы и экспорта баллистических ракет и ракетных технологий, вступление КНДР в РКРТ. За это США, Россия, Япония, КНР и другие космические державы должны обеспечить КНДР максимально льготные условия вывода в космос ее полезных грузов своими носителями и участие в коммерческих и научных космических программах.

Также требуется надежное блокирование распространения опасных материалов и технологий из Северной Кореи, желательно через соглашения с нею, но в крайнем случае и посредством мер Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения.

В качестве одного из направлений и этапов урегулирования можно согласовать меры сокращения вооруженных сил и вооружений в зоне вдоль линии разъединения на Корейском полуострове. Договоренности о мерах доверия (морская «горячая линия» на общей радиочастоте, снятие враждебных лозунгов и прекращение радиовещания в демилитаризованной зоне) имеют символический характер и должны быть всемерно развиты. В этом плане можно использовать опыт Договора об обычных вооружениях в Европе и договора по сокращению войск и вооружений в зоне границы КНР и республик бывшего СССР.

Поскольку оба корейских государства заявляют об опасениях по поводу возможности внезапного нападения, но отвергают наличие таких планов со своей стороны, следует вывести всю тяжелую боевую технику (по категориям ДОВСЕ или договора по приграничной зоне с КНР) из 50-километровой полосы на север и на юг от линии разделения. В дальнейшем можно было бы договориться о сокращении войск и вооружений до равных потолков (например, до 400 тыс. военнослужащих, 500 танков, 1000 боевых бронированных машин, 2000 единиц артиллерийских средств, 300 боевых самолетов). Частью этой договоренности мог бы стать полный вывод с полуострова войск США (во всяком случае, сухопутных). Гарантами таких договоренностей и спонсорами системы контроля и инспекций, естественно, стали бы четыре остальные члена шестерки. Кстати, стороны договора по приграничной зоне с КНР плюс Узбекистан впоследствии образовали Шанхайскую организацию сотрудничества, что тоже могло бы послужить моделью для шести участников переговоров по корейской ядерной проблеме.

Япония

Проблема создания Японией собственного ядерного оружия привлекла повышенное внимание в начале 90-х годов прошлого века. Формальным поводом для этого послужили два обстоятельства: поставка в 1992—1993 гг. в Японию из Франции 1,5 т плутония для АЭС и противодействие Японии на встрече «большой семерки» в 1993 г. в Токио принятию решения о безусловном и неограниченном распространении ДНЯО. Суть проблемы состояла в следующем: хотя Япония потенциально (экономически и технически) в состоянии производить ядерное оружие в полном объеме, политические и институциональные ограничения, прежде всего внутреннего характера, являются на современном этапе непреодолимой преградой к принятию решения о производстве ядерного оружия. В этой связи дискуссия велась о том, является ли политическая воля народа и руководства страны, направленная против создания ЯО, достаточной гарантией для мирового сообщества или требуются более осязаемые технические препятствия для полной уверенности в «ядерной благонадежности» державы (и, соответственно, можно ли распространить такой подход на другие страны, например, на Иран)?

Ядерная энергетика и расщепляющиеся материалы. После подписания Японией в 1951 г. Сан-Францисского мирного договора и заключения японо-американского Договора о сотрудничестве и гарантиях безопасности Соединенные Штаты сняли все ограничения на использование Японией атомной энергии в мирных целях. Уже в 1952 г. японский парламент принял закон «Об использовании радиоизотопов», ставший первым законодательным актом по применению атомной энергии, а в декабре 1955 г. был принят Основной закон по атомной энергии, в котором формулировалась политика правительства в данной области.

Развиваясь уже в течение 50 лет, ядерная энергетика Японии приобрела особую значимость как важнейший составной элемент энергетической безопасности страны после нефтяного кризиса начала 70-х годов, когда со всей очевидностью проявилась необходимость диверсификации источников энергии. Роль ядерной энергии в энергетической безопасности страны как альтернативы нефтяной зависимости с тех пор значительно возросла. В 1973 г. доля электроэнергии, выработанной на тепловых электростанциях с использованием нефти, составляла 73%, с использованием атом-

ной энергии — 3%, в 2001 г. — соответственно 8% и 35% [17]. В 2001 г. ядерная энергетика обеспечивала 20% общих энергетических потребностей Японии [18]. По прогнозам доля ядерной энергетики к 2011 г. составит 23% общей выработки энергии и 41% производства электроэнергии, что сделает уровень зависимости Японии от ядерной энергетики выше, чем у США, хотя все еще ниже, чем у Германии и Великобритании [19].

Сегодня в Японии на 16 атомных электростанциях работают 52 реактора (второе место в мире) — 51 легководный ядерный реактор (ЛВР) и 1 реактор-размножитель на быстрых нейтронах (РРБН, Мондзю). Самый старый — «Михама» (Кансай) постройки 1970 г. мощностью 340 МВт, самый современный — «Хамаока-5» (Тюбу) постройки 2002 г. мощностью 1325 МВт. В процессе строительства находятся 2 реактора — «Хамаока» (Тюбу), «Сика» (Хокурику). До 2015 г планируется построить 8 реакторов [20]. По прогнозам суммарная электрическая мощность атомных станций в Японии после ввода в строй новых объектов составит 70 ГВт против нынешних 40 ГВт, а к концу XXI в. — 100 ГВт [21].

Политика руководства страны в области ядерной энергетики фокусируется на использовании легководных реакторов и создании замкнутого ядерного топливного цикла, воспроизводства плутония и использования MOX-топлива (оксидного уран-плутониевого топлива). Созданием замкнутого ядерного топливного цикла и воспроизводством плутония Япония повышает уровень своей энергетической независимости. Но при этом она получает возможность собственными силами регулировать выработку и масштабы накопления плутония, который может быть использован не только для мирных целей.

На 2002 г. Япония владела 38,7 т топливного плутония (reactor-grade): 5,4 т складированы в Японии, 33,3 т — в Великобритании и Франции (основные поставщики — французская корпорация «Cogema» и английская BNFL). Кроме того, 97 т содержалось в хранилищах в отработанном топливе [22].

Япония имеет собственные мощности по переработке ядерного топлива. С 1977 г. в местечке Токай действует завод мощностью 0,4 т плутония в год. В 2006 г. планируется начать коммерческое использование второго завода в местечке Роккасё мощностью 4,8 т плутония в год (в настоящее время его готовность — 95%). Эксперты отмечают большой разрыв между потенциалом накопления плутония и возможностью его полного использования в MOX-топливе. В том случае, если имеющиеся программы будут полностью

выполнены, Япония уже через десять лет станет первой в мире державой по запасам плутония — 80—90 т (30 т — экспорт из Европы, 6 т — Токай, 50 т — Роккасё) [23]. Несмотря на то что воспроизведенный из ядерного топлива плутоний недостаточно чист для создания современных боевых ядерных зарядов, он тем не менее может быть использован для создания подобных зарядов, хотя и менее эффективных. Это обстоятельство дало основание экспертам Министерства энергетики США сделать вывод, что даже гражданское использование плутония несет риск ядерного распространения [24].

Высокий научно-технический потенциал атомной промышленности Японии и имеющиеся реакторы (Мондзю и Дзёё) позволяют, по оценкам экспертов, получать материалы с содержанием плутония-239 свыше 96% — чище оружейного. В течение десяти лет японская сторона в состоянии выработать количество плутония, достаточное для производства 70 ядерных зарядов [25].

Политика правительства в области ядерного топливного цикла состоит в достижении полной переработки всего отработанного топлива и потребления плутония в качестве реакторного топлива. Однако реальное развитие событий свидетельствует, что такая политика в значительной мере не соответствует практическим потребностям. Во-первых, производство МОХ-топлива обходится значительно дороже обычного обогащенного урана в качестве топлива. Для Японии этот показатель составляет 20 раз, для Франции — 5 [26]. В докладе Комиссии по атомной энергии Японии (октябрь 2004 г.) отмечалось, что использование переработанного плутония увеличит стоимость 1 кВт · ч электроэнергии на 40% — с 0,5 до 0,7 иены [27]. Во-вторых, общее количество отработанного топлива легководных реакторов ежегодно увеличивается на 1000 т, в то время как установка в Токай перерабатывает меньше отработанного топлива — чуть больше 800 т. Даже с вводом в строй завода по переработке в Роккасё оба предприятия не смогут справиться с полной переработкой с учетом «новых поступлений».

В-третьих, программа по использованию МОХ-топлива испытывает серьезные трудности из-за противодействия местных властей. В ходе референдума жители префектуры Ниигата в мае 2004 г. проголосовали против использования МОХ-топлива на АЭС в Касивадзаки-Карива — одном из крупнейших в мире реакторов для сжигания МОХ-топлива [28]. Протесты жителей вызваны среди прочего и отсутствием у них гарантий в отношении уровня

безопасности использования МОХ-топлива. Такие опасения достаточно обоснованны. С 1986 по 2004 гг. на японских АЭС произошло девять достаточно серьезных аварий, в результате которых пострадало более 500 человек.

Однако, несмотря на указанные и на целый ряд других препятствий, правительство Японии не видит альтернатив ядерной энергетике с точки зрения укрепления энергетической безопасности страны. В докладе Агентства по природным ресурсам и энергетике (май 2004 г.) подчеркивается, что ядерная энергетика остается главным энергетическим ресурсом страны [29]. Согласно этому докладу к 2030 г. планируется снизить долю нефти в энергетическом балансе до 40% и построить еще десять реакторов. Несмотря на протесты общественности в отношении использования МОХ-топлива, правительство будет наращивать масштабы его использования. В связи с тем, что новые контракты на переработку топлива за рубежом с 2005 г. заключаться не будут, неизбежно расширение масштабов собственных мощностей по переработке топлива в рамках программы замкнутого ядерного топливного цикла.

Судя по опубликованным документам, правительство Японии, несмотря на информированность общества о материальных преимуществах захоронения отработанного топлива, будет наращивать усилия по завершению строительства завода по его переработке, выделению плутония и производству МОХ-топлива в Роккасё. Сопутствующим результатом реализации этих усилий станет прекращение зависимости Японии от перерабатывающих мощностей Франции и Великобритании [30]. В 2002 г. кабинет министров определил стратегическую цель: к 2010 г. произвести на АЭС, электростанциях на угле и природном газе, ГРЭС и геотермальных станциях количество электроэнергии, эквивалентное тому, что образуется при сжигании 330 млн килолитров сырой нефти. Одновременно правительство намерено увеличить поддержку регионов, где планируется разместить новые реакторы, чтобы сдержать растущее сопротивление местных жителей строительству АЭС.

Некоторые специалисты в ядерной области считают, что хотя из МОХ-топлива и можно выделять расщепляющиеся уран и плутоний, тем не менее ядерное топливо в оксидной форме менее удобно для использования в ядерном оружии, чем топливо в металлической форме [31]. Что же касается уже имеющихся мощностей по переработке отработанного топлива, то они в большей мере

приспособлены для производства именно ядерного топлива. Для того чтобы эти мощности были готовы выпускать продукцию для практического производства ядерного оружия, их необходимо подвергнуть серьезной реконструкции [32].

Вместе с тем другая группа специалистов обращает серьезное внимание на то упорство, с которым японская сторона отстаивает дорогостоящую программу воспроизводства плутония и создания замкнутого цикла. Это вызывает сомнения в отношении исключительно мирных целей японской атомной программы в целом. Не находя четких ответов, многие эксперты пытаются найти иной, немирный смысл в действиях японской стороны и в этой связи рассматривают другие возможные варианты.

До настоящего времени не было сообщений или даже намеков на наличие у Японии конкретных военных ядерных программ. Однако большинство экспертов с уверенностью заявляют, что в материально-техническом плане страна в состоянии за короткое время создать ядерное оружие. Такие оценки базируются на анализе не столько финансируемых правительством военных программ, сколько передовой технологии двойного назначения, разрабатываемой в частном секторе. Проблемы финансовых средств для создания ядерного оружия у Японии нет. Имеющихся запасов плутония с учетом их будущего роста достаточно для быстрого создания ядерного потенциала, сравнимого с потенциалом КНР, Великобритании и Франции.

Многие эксперты подчеркивают, что помимо потенциальной возможности создать ядерные устройства Япония сегодня уже обладает не менее важным ресурсом, который превращает ядерные боеприпасы в ядерное оружие, — средствами доставки. При этом, оценивая составляющие традиционной триады (авиация, подводный флот, наземные баллистические ракеты), эксперты в основном сходятся во мнении, что для Японии более приемлема последняя составная часть этой триады [33].

Нет никаких сомнений, что технология разработки твердотопливных ступеней ракет-носителей М-5 и J-1 позволяет в короткие сроки создать МБР с высоким уровнем технического совершенства [34]. Впрочем, как представляется, если Япония все же сделает «ядерный выбор», то наземные МБР могут рассматриваться там скорее как промежуточная стадия развития ее ядерных сил (как было во Франции). Возможно также, что Япония вообще минует эту стадию. С учетом островного положения страны, ее густонаселенности, дефицита удобных земельных угодий мор-

ское базирование может показаться более привлекательным при детальном и практическом рассмотрении вопроса. Самые передовые по мировым стандартам судостроение, атомная энергетика (для создания морских реакторов), электроника, системы связи, океанография, доступ к космическим средствам информационного обеспечения, навигации, связи — все это позволяет Японии в течение пяти-десяти лет после принятия решения развернуть группировку подводных лодок с баллистическими и (или) крылатыми ракетами в качестве основы потенциала ядерного сдерживания.

В пользу такого выбора говорит удобный выход в окружающие моря, отсутствие сколько-нибудь серьезных противолодочных сил у вероятного противника в регионе. О том же свидетельствуют другие соображения: увод основной части ядерных средств прочь с территории страны в океан как целей для гипотетического ядерного удара противника, способность быстро создать или адаптировать имеющиеся флот и авиацию для боевого обеспечения и прикрытия подводных лодок, а также военно-морские традиции державы.

Что касается подрывных устройств имплозивного типа на основе плутония, то с учетом достижений японской технологии и промышленности в области механики и электроники такой проблемы фактически не существует — имеющиеся технологии могут быть использованы для создания подобных устройств. Японские нефтяные компании создали и успешно применяют на месторождениях Ближнего Востока уникальные подрывные устройства на нефтедобывающих комплексах, которые, по оценкам экспертов, могут быть использованы и в качестве детонаторов в ядерных зарядах [35].

Таким образом, особенности японской политики в области ядерной энергетики, а также широкий спектр параметров, которые определяют комплексную мощь Японии как одной из ведущих держав мира, создают определенные предпосылки, чтобы отнести ее к разряду «пороговых держав», которые при определенных обстоятельствах могут стать обладателями потенциала ядерного сдерживания или источником ядерной угрозы [36].

Вместе с тем весьма прозрачная официальная политика руководства страны в отношении проблем нераспространения ядерного оружия является достаточным основанием, чтобы воздерживаться от алармистских настроений в отношении военной направленности ядерной программы Японии.

Япония и международные соглашения о нераспространении. С момента принятия в 1955 г. Основного закона по атомной энергии все японские кабинеты министров руководствуются основополагающим принципом ст. 2 этого документа: «исследования в области использования атомной энергии должны ограничиваться только мирными целями и проводиться на основе демократичности управления, независимости, гласности достигнутых результатов и являться вкладом в международное сотрудничество»[37].

Во исполнение этих принципов в 1970 г. Япония подписала Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1976 г. после получения от США гарантий не вмешиваться в развитие потенциала по переработке ядерного топлива в рамках программы мирного использования ядерной энергии японское правительство ратифицировало ДНЯО и тем самым взяло на себя обязательство не производить и не приобретать ядерное оружие [38]. В настоящее время Япония является одним из активных участников этого договора, выступает с инициативами по сокращению ядерных вооружений, всеобщему и полному запрещению ядерных испытаний [39].

С момента создания Международного агентства по атомной энергии в июле 1957 г. Япония стала членом этой международной организации [40] и с тех пор тесно сотрудничает с МАГАТЭ, являясь одним из наиболее активных его членов. В 1998 г. Япония подписала Дополнительный протокол МАГАТЭ, в соответствии с которым соглашалась на предоставление Агентству всеобъемлющих полномочий по проверке ядерной деятельности, выявлению незаявленных мощностей, что способствует повышению эффективности деятельности этой организации по контролю за использованием ядерной энергии в мирных целях. Официальная позиция Японии состоит в том, что усиление механизмов обеспечения ядерной безопасности путем «универсализации» Дополнительного протокола— «наиболее эффективная мера по укреплению режима нераспространения»[41].

С учетом масштабов и большой активности Японии в области реализации программ ядерной энергетики контроль за обеспечением безопасности на японском направлении в прошлом составлял 20—30% мероприятий МАГАТЭ. Поддержание Японией в целом высокого уровня безопасности и отсутствие признаков военной направленности в реализации программ по ядерной энергетике, тщательное следование всем требованиям МАГАТЭ

по безопасности, четкое и прозрачное выполнение обязательств в рамках ДНЯО привели к тому, что в июне 2004 г. МАГАТЭ сократило свой контроль на 50 японских ЛВР до минимума — с ежеквартального до одного раза в год [42]. В ответ на это решение японский министр по делам науки и технологии Т. Кавамура выступил с заявлением о готовности Японии внести «еще больший вклад в процесс нераспространения и мирного использования ядерной энергии»[43].

Япония имеет серию двусторонних соглашений по мирному использованию атомной энергии (с США, Францией, Великобританией, Австралией, Канадой, КНР), в рамках которых она взяла на себя дополнительные обязательства по соблюдению режима нераспространения и контроля и которые стали дополнительной гарантией безопасности ее ядерных программ. Япония является участником четырех международных институтов, которые занимаются контролем за экспортом ядерных, химических, биологических вооружений и ракетных технологий: Группы ядерных поставщиков и Комитета Цангера, Австралийской группы, РКРТ и Вассенаарских соглашений. Участие в этих институтах гарантирует не только жесткое соблюдение Японией условий нераспространения, но и позволяет Токио играть активную роль в повышении эффективности международных институтов по обеспечению глобальной безопасности [44].

Политические аспекты возможного «ядерного выбора» Японии. В течение всего послевоенного периода официальный Токио неоднократно и с различной интенсивностью обращался к проблеме обладания ядерным оружием. Уже спустя два года после принятия Основного закона по атомной энергии премьер-министр Н. Киси заявил в мае 1957 г. в парламенте: высказывания о том, что обладание ядерным оружием противоречит мирной Конституции Японии, носят «ошибочный характер»[45].

В 1968 г. тогдашний премьер-министр Э. Сато отдал распоряжение изучить «стоимость вопроса» о приобретении Японией ядерного оружия с учетом технических, экономических, стратегических, политических и дипломатических перспектив [46]. Результатом исследования стало провозглашение Японией «трех неядерных принципов» и присуждение Э. Сато Нобелевской премии мира. Однако уже год спустя Э. Сато на пленарном заседании парламента заявил, что «три неядерных принципа» могут быть изменены в случае изменения политического курса или смены кабинета [47].

В 1970 г. этот же вопрос в аналогичном ключе поднимал тогдашний начальник Управления национальной обороны Я. Накасонэ, ставший позднее премьер-министром (1982—1987 гг.). Я. Накасонэ отдал соответствующим подразделениям Сил самообороны распоряжение проанализировать вопрос о превращении Японии в ядерную державу. По словам самого Я. Накасонэ, он акцентировал внимание военных специалистов на двух главных аспектах: стоимости вопроса и времени разработки и размещения ядерного оружия [48].

В начале 90-х годов на высоком уровне неоднократно делались заявления о возможности приобретения ядерного оружия [49]. Так, бывший премьер-министр Ц. Хата в июне 1994 г. заявил в парламенте, что Япония «обладает потенциалом для создания ядерного оружия, однако не реализует его в силу международных обязательств». Ц. Хата стал первым главой правительства Японии, публично заявившим о способности Японии создать ядерные вооружения [50].

Высокопоставленные члены правящей партии и кабинета нынешнего премьер-министра Дз. Коидзуми уже в новом столетии делали заявления о возможности и условиях обладания Японией ядерным оружием без нарушения Конституции. Бывший генеральный секретарь первого кабинета министров Дз. Коидзуми Т. Фукуда в июне 2002 г. заявил о «теоретической» возможности обладания Японией ядерным оружием, отметив, что Конституция «не является для этого препятствием»[51]. Не менее важным фактом, связанным с этим заявлением, является то, что хотя премьер-министр и дистанцировался от этого заявления, сам Т. Фукуда тем не менее сохранил должность генерального секретаря правительства.

Таким образом, официальная позиция Токио сводится к тому, что с точки зрения законов и Конституции Японии не запрещено иметь ядерное оружие, но по политическим соображениям она им не обладает. Однако если внешние и внутренние обстоятельства будут диктовать такую необходимость, Япония может сделать шаг в направлении обладания ядерным оружием [52].

Характерная особенность подходов военных и политических экспертов к анализу перспектив обладания Японией ядерным потенциалом состоит в том, что в основу прогнозов кладутся не технические возможности создания Японией ядерного потенциала [53], а внешние и внутренние обстоятельства, при которых Япония пойдет на этот шаг.

Возможные внешние обстоятельства «*за*». В условиях растущей нестабильности системы международных отношений после «холодной войны» Япония как вторая в мире после США экономическая держава во все большей мере склоняется к тому, что ее нынешний глобальный статус невозможно поддерживать только экономическими инструментами. Внешние обстоятельства диктуют необходимость пересмотра не только оборонительных концепций, но и «набора инструментов» для реализации новых концепций. Шаг в направлении пересмотра стратегии национальной безопасности сделан в виде «доклада Араки» — разработки специальной группы при премьер-министре, в которой определены основные стратегические направления политики национальной безопасности на среднесрочную перспективу [54].

Многие эксперты считают, что в региональном формате толчком к конкретным действиям в направлении кардинальных перемен в ядерной стратегии Японии скорее всего станет отсутствие результатов в усилиях по свертыванию военной ядерной программы КНДР [55]. При этом «худший кошмар» для Японии — ядерная объединенная Корея, фактор, который неизбежно приведет к приобретению Японией собственного ядерного потенциала [56]. И поскольку объединение Кореи может произойти только на «южной основе», для Японии, видимо, геополитические, стратегические и исторические соображения в данном вопросе играют более значительную роль, чем идеология, характер экономической и политической системы, которые питают тезис «демократии не воюют друг с другом».

Другим мощным фактором является наращивание Китаем военной мощи включая ядерный потенциал. Этот факт рассматривается Токио — после окончания «холодной войны» — как одна из серьезных угроз безопасности, которая может обусловить быстрое движение Японии по пути приобретения ядерного потенциала. Причем японские представители совершенно открыто об этом заявляют [57]. После окончания «холодной войны» «китайская ядерная угроза» вытеснила «советскую/российскую ядерную угрозу» ввиду «резкого уменьшения» последней в 90-е годы. В новой программе «Основные направления развития вооруженных сил на 2005—2009 гг.», представленной в декабре 2004 г., подчеркнуто, что для Японии серьезную угрозу представляют ракетная программа КНДР и военное строительство в Китае. В этой связи вице-президент США Р. Чейни, характеризуя развитие военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, отметил, что

региональная ситуация может развиваться в таком направлении, когда Япония, «хочет она того или нет», должна будет сделать свой ядерный выбор [58].

Провал международного режима ядерного нераспространения может создать условия для пересмотра Японией ее отношения к обладанию ядерным потенциалом. С начала 90-х годов активизировались попытки стран, которых раньше относили к третьему миру, развивать собственные ядерные программы, несмотря на их членство в ДНЯО. В начале нового десятилетия возник прецедент выхода стран из ДНЯО с целью создания ядерного оружия (КНДР). Некоторые члены «ядерного клуба» активизировали усилия в области модернизации ядерных программ и наращивания ядерного потенциала. Дальнейшее развитие этих тенденций международной жизни может свести на нет эффективность ДНЯО и привести к полному развалу режима нераспространения. В таких условиях Япония сможет использовать свое право в соответствии со ст. X ДНЯО и на легальных основаниях задействовать собственные запасы плутония для создания ядерного арсенала [59].

Решающее воздействие на принятие решения о приобретении Японией ядерного оружия может оказать утрата доверия в отношении американского «ядерного зонтика», обусловленная общим ослаблением американо-японской союзнической системы [60]. Ядерные гарантии США в отношении союзников в годы «холодной войны» исключали для последних, в том числе и для Японии, необходимость приобретения ядерного оружия, несмотря на их материальную и техническую способность обладать им. С окончанием «холодной войны» «растворилась» общая угроза в лице коммунистического блока, объединявшая США и их союзников, и в Японии стали возникать сомнения в отношении готовности Соединенных Штатов соблюдать прежние гарантии по безопасности, несмотря на то что после окончания «холодной войны» ядерная угроза для Японии не исчезла. По мнению японских военных экспертов, перспектива возможного резкого улучшения американо-китайских отношений, реализация США Стратегической инициативы для Восточной Азии, нацеленной на сокращение американского военного присутствия в регионе, неизбежно приведут к изменению стратегической архитектоники в Восточной Азии, нарушению сложившегося баланса сил. В этих условиях высока вероятность того, что Япония сделает свой ядерный выбор с целью поддержания обеспечивающего ее безопасность баланса сил и противостояния «китайской гегемонии» в регионе.

На уровне общественного мнения, как минимум, существует проблема попыток Японии дистанцироваться от США в плане обретения большей военно-политической самостоятельности. Некоторые японские аналитики считают, что принятие нового закона о «чрезвычайных обстоятельствах» должно сопровождаться укреплением «независимости» Японии в обеспечении собственной безопасности [61]. Укрепление независимости, по их мнению, должно сопровождаться пересмотром соглашения об американских базах в Японии, ослаблением зависимости от США в плане обеспечения собственной безопасности и одновременно реализацией предпосылок к созданию регионального диалога по безопасности с участием Китая, России, КНДР [62]. По мнению этой группы экспертов, необходимо менять ситуацию, когда исключительно США определяют, что угрожает Японии и что ей надо делать для нейтрализации угроз.

Политически не ангажированные американские аналитики и военные эксперты склонны считать, что при определенных условиях нынешние тенденции в политике Японии, связанные с пересмотром Конституции, поиском новой роли и места военных в политической структуре страны и др., могут стать вызовом для США. «Японский вызов» кардинально отличается от других вызовов, с которыми Соединенные Штаты вероятно или наверняка столкнутся в Восточной Азии в нынешнем веке. Суть этого вызова состоит в следующем: развитие ситуации на региональном и глобальном уровнях и перемены во внутренней жизни Японии создают предпосылки для качественной «эволюции стратегической культуры Японии», обретения Токио большей самостоятельности в формировании внешнеполитической стратегии. На таком фоне более независимый курс Японии неизбежно отразится как на самом качестве американо-японского союза, так и на стратегических интересах США в Восточной Азии. По оценке некоторых американских экспертов, американо-японские отношения на современном этапе представляют собой «фундаментальный парадокс»: с одной стороны, они являются «исключительно важными из тех отношений, которые (США. — *Авт.)* имеют на сегодняшний день», с другой — «они крайне неустойчивы». И именно эта неустойчивость — огромный вызов для США [63].

Внешнеполитическая стратегия Японии по-прежнему направлена «против возможности снижения военно-политической вовлеченности США в дела Восточной Азии»[64]. Вместе с тем Токио принимает меры для обеспечения «большей независимости

в формировании его военного потенциала, дипломатических позиций, создания региональной экономической сети». В целом, считают американские эксперты, Япония сегодня «не менее обязательна в отношении американо-японского союза, чем прежде, но более напориста в плане пересмотра ее роли в рамках союза, в создании независимой военно-производственной базы»; она самостоятельно готовится «к потенциальным потрясениям в будущем», которые могут поставить под вопрос «не только присутствие американских баз в Японии, но и сам союз»[65].

Кроме того, «сдерживание» Японии не в последнюю очередь обусловлено довольно активным формированием тенденций паназиатизма в Восточной Азии. Паназиатизм как составная часть транстихоокеанских взаимоотношений при лидирующей роли США — вариант, приемлемый для Вашингтона. И нынешнее состояние указанных тенденций носит для США допустимый характер, равно как не внушает серьезных опасений и японо-китайское сотрудничество. Однако, как считают американские эксперты, «закрытые формы паназиатского регионализма» могут развиваться в направлении, «неблагоприятном для интересов США». Так, более тесные политико-экономические связи между Японией и Китаем могут «усилить остаточные меркантилистские рефлексы» и ограничить цели американской дипломатии в регионе. Поэтому США необходимо гарантировать «здоровые транстихоокеанские экономические связи в качестве контрапункта будущей эволюции паназиатского регионализма»[66].

Внешние факторы «против». Со стратегической точки зрения обладание Японией ядерным оружием чревато большими опасностями для нее самой. Япония — островное государство с незначительной территорией и высокой плотностью населения [67]. Применение даже нескольких ядерных зарядов нанесет Японии колоссальный ущерб, а создание ею ядерного потенциала спровоцирует ответное наращивание ядерных сил соседних государств, прежде всего КНР. Следовательно, обладание ядерным оружием принесет весьма противоречивые плоды для безопасности страны, а оптимальным выбором является сохранение союзнических отношений с США и партнерских — с КНР и Россией.

Политика приобретения ядерного оружия самым серьезным образом подорвет внешнеполитические и дипломатические позиции Токио не только в регионе, но и на глобальном уровне. За этим неизбежно последует и подрыв экономических позиций, что

скажется на всех аспектах обеспечения всеобъемлющей безопасности Японии — экономической, финансовой, продовольственной и др. Япония с учетом ее недалекого исторического прошлого может оказаться в политической, дипломатической и экономической изоляции, которую не удастся прорвать приобретенным ядерным оружием [68].

Внутренние факторы «за». Составной частью послевоенной эволюции общественной жизни Японии является возрождение националистических тенденций, которые находят конкретное отражение в целом ряде политических шагов. Очевидно взаимодействие националистических кругов с политической и законодательной властью [69]. Пакет законов о чрезвычайных обстоятельствах, принятый в 2004 г., и другие мероприятия свидетельствуют об укреплении такой связки [70]. Результатом деятельности «активных» и «пассивных» представителей националистических кругов стал тот факт, что Япония находится на пороге пересмотра Конституции. Окончательные рекомендации по пересмотру предполагалось подготовить к 50-летнему юбилею правящей Либерально-демократической партии в ноябре 2005 г., однако, судя по промежуточному докладу парламентской комиссии по пересмотру Конституции, сам этот процесс был задуман не столько для «переписывания навязанной американцами Конституции», сколько для выработки стратегического курса, направленного на превращение Японии в «нормальное государство», т. е. военно-политического и экономического лидера глобального масштаба.

Любое негативное для безопасности Японии изменение стратегической ситуации в регионе станет мотивом для активизации националистов, создаст условия для прихода их к власти и в результате к росту вероятности того, что Япония приобретет ядерное оружие.

Внутренние факторы «против». Потенциал ультраправых политиков пока не достиг «критической массы», что позволило бы излечить «ядерную аллергию» у населения страны и кардинально изменить законодательные препятствия касательно обладания ядерным потенциалом. В правящей коалиции и оппозиционных партиях пока нет достаточной поддержки идеи обладания ядерным оружием.

Мощные антиядерные настроения населения превратились в глубокую национальную веру. Опросы свидетельствуют о доминировании в обществе негативного отношения к приобретению Японией ядерного оружия [71]. Сегодня законодательными «огра-

ничителями» являются Конституция, Основной закон об атомной энергии, членство Японии в ДНЯО, «три неядерных принципа», «исключительно оборонительная военная политика». В этих условиях любой кабинет или политический деятель, которые попытаются перевести «ядерный выбор» на практические рельсы, безусловно, встретят противодействие со стороны общества.

Вместе с тем, поскольку общественное мнение во многом зависит от обстоятельств — внутренних или внешних, нельзя исключить, что «ядерная аллергия» может быть снята «в силу новых обстоятельств»[72]. Серьезный региональный кризис, угрожающий национальной безопасности, может способствовать приходу к власти правых политиков, которые сделают свой «ядерный выбор», и японское общество сможет «понять необходимость» таких мер. Один футбольный матч между сборными Японии и КНР (победила японская команда) и заход китайской подводной лодки в территориальные воды Японии резко повысили неприязнь в японском общественном мнении к Китаю, притом что отношение к гиганту-соседу выглядело весьма позитивным в течение последних лет [73].

Аналогичная ситуация складывается и с законодательными ограничителями, которые уже давно подорваны политикой двойных стандартов правящих кругов. «Три неядерных принципа» нарушены с момента их провозглашения не без помощи США, которые в секретном порядке провозили через территорию Японии ядерное оружие. Японские Силы самообороны в нарушение Конституции участвуют в военных действиях за рубежом, широкую поддержку получила идея снятия запрета на экспорт вооружений и др. Иначе говоря, законодательные преграды на самом деле не являются таковыми в абсолютном понимании.

Подводя итог, следует подчеркнуть следующее. Япония обладает всеми возможностями самостоятельно и в исторически короткие сроки создать существенный ядерный потенциал: в течение года произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года приспособить для их доставки имеющиеся ракеты-носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности для весьма эффективного ядерного сдерживания, нацеленного на КНДР, КНР и Россию. Пока препятствием к принятию такого курса является наличие некоторых внешних и внутренних факторов, однако они до-

статочно податливы для перемен. Главное условие — изменение общественного мнения и политическая решимость руководства страны.

Очевидно, что и в будущем Япония будет совершенствовать свою ресурсную и технологическую базу, необходимую для создания ядерного потенциала. Суть ее долгосрочной стратегии вполне может состоять в постепенном создании ядерного потенциала «по частям», рассредоточивая НИОКР по отдельным гражданским отраслям, не вызывающим подозрений.

В близкой перспективе Япония будет по-прежнему придерживаться линии на выполнение ДНЯО и других международных соглашений, направленных на обеспечение ядерной безопасности. Однако она будет использовать все инструменты для того, чтобы сохранять маневренность в отношении национального «ядерного выбора», которая позволит ей приобрести ядерный потенциал в случае, если такая необходимость будет обусловлена внешними и внутренними обстоятельствами. В этой связи нельзя не согласиться с мнением, что ядерные державы, прежде всего члены «ядерного клуба», должны, насколько возможно, удерживать Японию от необходимости серьезно рассматривать возможность приобретения ядерного оружия [74].

Ключевую роль в этом плане будут играть разрешение «ядерного вопроса» Северной Кореи, степень надежности американских гарантий безопасности и восприятие Китая как потенциальной угрозы или экономического и политического партнера для Японии.

Южная Корея

Начало ядерной программы Республики Корея относится к 1959 г. В последующие годы была создана современная научно-исследовательская инфраструктура для работ в области ядерной энергии. До середины 70-х годов Сеул достаточно активно проводил исследования военно-прикладного характера в ядерной сфере. Степень продвинутости этих исследований, очевидно, можно оценивать по уровню настойчивости и жесткости, с которыми США заставили своего союзника в 1976 г. свернуть все разработки военной направленности. Прекратив военные программы и сделав выбор в пользу «ядерного зонтика» США, руководство страны определило свой мирный выбор, однако фактом остается то, что

в политическом истеблишменте и обществе в целом имеются определенные группы, до сих пор выступающие в пользу проведения ядерных исследований военно-прикладного характера.

В настоящее время Южная Корея выделяется высоким уровнем развития программ развития мирной ядерной энергетики, ориентированной в долгосрочном плане на последовательное увеличение производства электроэнергии с целью поддержания высоких темпов роста промышленного развития и сокращения импорта нефти и угля. Эти программы реализуются за счет широкого сотрудничества с промышленно развитыми странами и предусматривают заключение долговременных контрактов на поставку реакторного топлива и материалов для его изготовления в сочетании со стремлением к прямому участию южнокорейского капитала в разработке зарубежных урановых месторождений. Такое сотрудничество в 70—90-е годы наиболее активно осуществлялось с фирмами ФРГ, Франции, Канады, Австралии, Японии. Однако основная научно-техническая база и потенциал ядерных НИОКР были созданы при доминирующем участии США [75].

Политика Республики Корея направлена на достижение самообеспеченности в ядерной области за счет импорта (чаще всего лицензий на производство соответствующего оборудования) и использования собственных разработок. По некоторым оценкам, собственные запасы природного урана в Южной Корее составляют около 15 тыс. т. Однако масштабы развития ядерной энергетики в стране обусловливают необходимость не только разведки месторождений на собственной территории, но и участие в их поиске в других странах (США, Канаде, Габоне).

В настоящее время в стране действует 19 атомных электростанций, которые вырабатывают 40% потребляемой в стране энергии [76]. В соответствии с разработанными в начале 90-х годов планами в 2006 г. должны войти в строй 8 легководных (по 950 МВт) и 5 тяжеловодных (по 630 МВт) реакторов.

С введением в строй в 1990 г. в эксплуатацию линии по реконверсии урана для легководных реакторов Южная Корея фактически обрела независимость в обеспечении своей ядерной энергетики реакторным топливом. По оценкам специалистов, с загрузкой в сентябре 1994 г. топлива в реактор 3-го энергоблока АЭС в г. Ёнгване страна вступила в период независимости от иностранных партнеров в области ядерной энергетики. Этот энергоблок укомплектован реактором типа PWR мощностью 1000 МВт. Абсолютное большинство агрегатов и узлов АЭС разработано южнокорей-

скими специалистами. Зарубежные фирмы выступают только в качестве субподрядчиков.

Каждая АЭС имеет собственные хранилища облученного топлива, рассчитанные на десять лет; центральное хранилище рассчитано на 3000 т облученного топлива.

В своей ядерной политике правительство руководствуется четырьмя принципами мирного использования ядерной энергии: не иметь намерений разрабатывать или иметь ядерное оружие, твердо придерживаться принципов ядерной транспарентности, выполнять международные обязательства по нераспространению, расширять мирное использование ядерной энергии [77]. Республика Корея присоединилась к ДНЯО 1 июля 1968 г., в день открытия для подписания, а ратифицировала его только в марте 1975 г. Задержка была обусловлена отсутствием подписей под договором КНР и КНДР и отсутствием ратификации со стороны Японии. Южная Корея тесно сотрудничает с МАГАТЭ и присоединилась к Дополнительному протоколу 1997 г.

Вместе с тем, как выяснилось в последнее время, Южная Корея в нарушение ограничений ДНЯО в 1980-е годы и в начале текущего десятилетия проводила тайные эксперименты с ураном и плутонием. В 1982 г. было произведено 150 кг металлического урана, часть которого была использована в 2000 г. в экспериментах по обогащению. В 1982 г. в результате эксперимента было получено небольшое количество оружейного плутония. В 1993—1994 гг. была предпринята попытка сохранить некоторый объем наработанных военных технологий в области ядерного оружия («Проект-88»). Эксперимент был обусловлен активизацией КНДР в области разработок ядерного оружия [78].

В 2000 г. было обогащено 0,2 г урана, уровень обогащения — 77%, близкий к оружейному [79]. Спустя четыре года южнокорейская сторона сама сообщила в МАГАТЭ о проводившихся в тайне экспериментах и их результатах. Эксперты утверждают, что на такой шаг она пошла после ратификации в феврале 2004 г. парламентом Дополнительного протокола МАГАТЭ (INFCIRC/540) [80].

Заявление южнокорейской стороны об экспериментах по обогащению плутония вызвало активную дискуссию в международном сообществе и внутри страны. Однако всплеск эмоций быстро утих после проверки на месте этого сообщения экспертами МАГАТЭ, которые подтвердили не только сам факт эксперимента, но и факт уничтожения всего оборудования после его проведения.

При этом заслуживает внимания внутриполитическая реакция на это событие. Незначительная часть общественности была шокирована проведением эксперимента, в то время как бóльшая ее часть испытала гордость за способность южнокорейских ученых производить ядерные материалы [81]. Члены парламента критиковали правительство за «неадекватную дипломатическую поддержку» корейских ученых в этом инциденте и выдвинули претензии к МАГАТЭ и США, которые практически никак не реагировали на обнаруженные в Японии «неучтенные» 210 кг плутония [82].

Данные примеры весьма показательны. Во-первых, указанный инцидент никак не влияет на положение Южной Кореи в ДНЯО и на решимость ее правительства твердо следовать принципам мирного использования ядерной энергии. Во-вторых, были продемонстрированы высокие профессиональный уровень и техническая оснащенность корейских специалистов-ядерщиков. В-третьих, подтвердились предположения, что Республика Корея имеет политические амбиции позиционировать себя в качестве одного из региональных лидеров, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать будущую активность Сеула не только в сфере экономического сотрудничества в регионе, но и в сфере военно-политической. В-четвертых, есть свидетельства того, что Сеул все же не до конца верит в результативность своей мирной политики в отношении Пхеньяна и стремится иметь соответствующий потенциал сдерживания в случае возникновения на полуострове чрезвычайной ситуации, тем более что с сокращением американского военного присутствия на территории Южной Кореи уровень риска возникновения такой ситуации может возрасти.

И все же готовность Сеула к сотрудничеству с МАГАТЭ по проблеме ядерного нераспространения, подтвержденная в ходе расследования вскрывшегося факта нелегальных ядерных исследований, не дает оснований для тревоги по поводу южнокорейских планов создания ядерного оружия. Другое дело, что важно учитывать и внутриполитическую обстановку в стране. Идеи типа «хорошо, что у Северной Кореи есть бомба, это усилит и нашу независимость (от США. — *Авт.)* после объединения» распространены среди националистически и антиамерикански настроенной части южнокорейской политической элиты. И эти идеи будут распространяться, если другие страны Северо-Восточной Азии продолжат посылать сигналы о своих ядерных амбициях.

Примечания

[1] *Рожков О.* Ядерная программа КНДР: Тезисы лекции от 18 марта 2003 г. / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ // http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/ovr30318.html (посещался 1 марта 2005 г.).

[2] Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж // Независимое воен. обозрение. — 2005. — 25 февр.

[3] Северная Корея объявила себя ядерной державой / Информ. агентство Lenta.ru // http://lenta.ru/world/2005/02/10/notallks (посещался 1 марта 2005 г.).

[4] Материалы Службы внешней разведки России // http://svr.gov.ru/material/2-13-10.html (посещался 1 марта 2005 г.).

[5] Известия. — 1994. — 24 июня.

[6] Аргументы и факты. — 1992. — 20 марта.

[7] Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.

[8] *Рожков О.* Указ. соч.

[9] Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.

[10] *Дворкин В.* О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО // Ядер. контроль / ПИР-Центр. — 2004. — № 4 (74). — С. 29—44.

[11] Ядерное распространение / Рос.-америк. информ. пресс-центр. — 1994. — Вып. 5. — Дек. — С. 39—41.

[12] Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж.

[13] *Рожков О.* Указ. соч.

[14] Российский исследователь осудил угрозы США в адрес Ирана / Информ. агентство IRNA // http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=27116 (посещался 1 марта 2005 г.).

[15] Ядерный узел Ирана // http://www.ej.ru/experts/entry/425 (посещался 15 марта 2005 г.)

[16] *Калядин А.* В поисках эффективной стратегии принуждения в сфере нераспространения ОМУ // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2005. — № 1. — С. 16—24.

[17] Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности / В. Михеев, В. Якубовский, Я. Бергер, Г. Белокурова. — М., 2004. — С. 21. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 6).

[18] Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century / Ed. by B. L. Self and J. W. Tompson. — [S. l.], Dec. 2003 (http://www.stimson.org/fopo/pubs.cfm?ID=91).

[19] Ibid.

[20] Location of Nuclear Power Plants in Japan, 2004 // http://www.japannuclear.com.

[21] *Lidsky L. M., Miller M. M.* Nuclear Power and Energy Security: A Revised Strategy for Japan // Science and Global Security. — 2002. — Vol. 10. — P. 127—150.

[22] Amount of Plutonium as of the end of year // Citizen's Nuclear Inform. Center. — [S. l.], 2004.

[23] *Hahnkyu Park.* Japan's Nuclear Options: Its Possibilities and Limitations // Pacific Focus. — 2002. — Vol. 17. — № 2. — Fall. — P. 156.

[24] *Hiruo E.,Marshall P.* Reactor-Plutonium Used in the 1962 Bomb Test Highlights Proliferation Concerns // Nucleonics Week. — 1994. — June 30. — P. 12. Такой точки зрения придерживаются не только американские эксперты: Australia-obligated plutonium and Japan's nuclear ambitions // http://www.geocities.com/jimgreen3.

[25] *Hahnkyu Park.* Op. cit. — P. 157.

[26] *Sawai Masako.* Rokkasho: A Trouble Nuclear Fuel Cycle Complex // IEER Science for Democratic Action. — 2001. — Vol. 9. — № 4. — Energy & Security.

[27] Nuclear recycling costs fail to add up // Asahi Shimbun. — 2004. — Oct. 6.

[28] http://www.ierr.or/russian/mox9.html. После длительного сопротивления в марте 2004 г. администрация префектуры Фукуи разрешила использование МОХ-топлива на АЭС «Такахама».

[29] The Japan Times. — 2004. — May 15.

[30] Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century. — P. 167.

[31] Ibid.

[32] Ibid.

[33] Ibid. — P. 171—174.

[34] *Harrison S.* Japan's Nuclear Future: The Plutonium Debate and East Asian Security / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 1996. — P. 21—22.

[35] *Hahnkyu Park.* Op. cit. — P. 158.

[36] Greenpeace calls for cancellation of «Peaceful» nuclear cooperation with Japan as Special Diet Committee debates nuclear weapons policy, 10 June 2002 // http://www.greenpeace.org/pressreleases/nuclear/2002jun10.html.

[37] Atomic Energy Basic Law. Law # 186: December 19, 1955, Article 2 // http://www.jnc.go.jp.

[38] Addressing Nonproliferation Concerns // http://www.japannuclear.com/nuclearpower/nonproliferation.

[39] На церемонии памяти жертв атомной бомбардировки Нагасаки в августе 2004 г. премьер-министр Японии Дз. Коидзуми вновь призвал к укреплению режима всеобщего запрещения ядерных испытаний

и в очередной раз подчеркнул, что Япония будет строго придерживаться трех неядерных принципов — не иметь, не производить и не размещать ядерное оружие на своей территории (ИТАР-ТАСС. — 2004. — 9 авг.).

[40] Первоначально Япония была представлена в МАГАТЭ Бюро по делам ООН МИД Японии *(Доценко В. Н.* Атомная энергетика Японии: Технико-социальные аспекты. — М.: Наука, 1989).

[41] Keynote Address of Mr. Keishiro Fukushima Parliamentary Secretary for Foreign Affairs of Japan on «Benefits of Strengthening safeguards» at Asia-Pacific Nuclear Safeguards and Security Conference Protecting Against Nuclear Terrorism, 8 November 2004, Sydney, Australia.

[42] IAEA to cut reactor checks within Japan // The Daily Yomiuri. — 2004. — June 6.

[43] IAEA to cut Japan nuclear inspections // Asahi Shimbun. — 2004. — June 16.

[44] Japan's Disarmament and Non-Proliferation Policy / Directorate General, Arms Control and Scientific Affairs, Ministry of Foreign Affairs. — [S. l.], Apr. 2004. — P. 178—192.

[45] Компас № 72 / ИТАР-ТАСС. — 1994. — 16 мая.

[46] *Miller M.* Japan, Nuclear Weapons, and Reactor-Grade Plutonium (presented to seminar at Nuclear Control Institute).

[47] Компас № 72.

[48] Kyodo News. — 2004. — June 19. Эти «откровения» Я. Накасонэ опубликованы в его очередных мемуарах, увидевших свет в конце июля 2004 г.

[49] *Hahnkyu Park.* Op. cit. — P. 160—161.

[50] Nuclear Weapons Program — Japan // http://www.globalsecurity.org/wmd/world/japan/nuke.htm.

[51] Ibid.

[52] Ibid.

[53] В январе 1994 г. со ссылкой на «надежные источники» английская газета «Санди таймс» сообщила, что в стенах британского Министерства обороны подготовлен доклад о том, что Япония обладает всеми компонентами для сборки собственной ядерной бомбы (Процессы, проблемы, анализ, № 7 // ИТАР-ТАСС. — 1994. — 17 февр.).

[54] Japan's Vision for Future Security and Defense Capabilities. — [S. l.], Oct. 2004. — (The Council on Security and Defense Capabilities Report).

[55] *Kissinger H. A.* Why America Can't Withdraw from Asia // Washington Post. — 1993. — June 15. В 1999 г. в рамках «Экономического форума 1999» в Сеуле Г. Киссинджер вновь выступил с таким прогнозом. Подобной точки зрения придерживались не только эксперты, но и официальные структуры, в частности, Великобритании *(Hahnkyu Park.* Op. cit.).

[56] New World Coming: American Security in the 21st Century. Supporting Research and Analysis. The Phase I Report on the Emerging Global Security Environment for the First Quarter of the 21st Century / The United States Commission on National Security/21st Century (USCNS/21).— [S. l.], Sept. 15, 1999. — P. 70.

[57] На встрече с представителями Народного собрания КНР в апреле 2002 г. один из лидеров нынешней оппозиционной Демократической партии Японии И. Одзава заявил, что военное строительство в КНР может спровоцировать Японию в короткие сроки создать «сотни ядерных боеголовок» из плутония, получаемого в рамках широкомасштабной программы по переработки топлива АЭС (Asahi Shimbun. — 2002. — Apr. 7).

[58] Asahi Shimbun. — 2003. — March 17.

[59] *Hahnkyu Park.* Op. cit.

[60] *Halperin M.* The Nuclear Dimension of the U.S. // Japan Alliance. — 1999. — July.

[61] Jitsuro Terashima: Recover the nation's independence on security // Asahi Shimbun. — 2002. — Apr. 5.

[62] Ibid.

[63] *Campbell K.* New Politics in Washington & The US-Japan Relationship, Hotel Okura Executive Luncheon Meeting: Series #3, August 2, 2001 // http://www.glocom.org/special_topics/okura/200109_new_politics/index.html.

[64] East Asia and the United States: Current Status and Five-Year Outlook. — [S. l.], Sept. 2000. — P. 80.

[65] Ibid.

[66] Ibid.

[67] Japan's Nuclear Option: Security, Politics, and Policy in the 21st Century. — P. 7; *Kamiya M.* No Nukes // The Japan J. — 2004. — July.

[68] *Kamiya M.* Will Japan Go Nuclear? Myth and Reality. — [S. l.], Nov. 29, 1996 (http://www.vuw.ac.nz/css/Japan-Nuclear/japan-txt).

[69] О японском национализме на современном этапе см.: *Mattews E. A.* Japan's New Nationalism // Foreign Affairs. — 2003. — Nov./Dec. — P. 74—90.

[70] East Asia and the United States… — P.80.

[71] *Hahnkyu Park.* Op. cit. — P. 153.

[72] Ракетные пуски КНДР «в сторону» Японии значительно облегчили правящим кругам задачу продвинуть программу создания ПРО ТВД, которая воспринимается в японском обществе как необходимая мера для обеспечения собственной безопасности.

[73] The Japan Times. — 2004. — Dec. 20.

[74] *Miller M.* Op. cit.

[75] Ядерный фактор в современном мире / Рос. ин-т стратег. исследований. — М., 1995. — С. 84—86.

[76] РИА «Новости». — 2004. — 27 сент.

[77] Statement by the Standing Committee of National Security Council «For Principles on the Peaceful Use of Nuclear Energy». — [S. l.], Sept. 18, 2004.

[78] Chosun Ilbo. — 2004. — Sept. 16.

[79] Nuclear Shell Games // Time Asia. — 2004. — Nov. 8. — Vol. 164. — № 19.

[80] *Kang J., Suzuki T., Hayes P.* South Korea's Nuclear Mis-Adventures: Special Report, September 10, 2004 // http://www.nautilus.org.

[81] *Chang J. D.* Korea's Transformation Implications for Its View on North Korea's Nuclear Ambition: Report / Moscow Carnegie Center. — Moscow, Oct. 28, 2004.

[82] Ibid.

Глава 14. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Виталий Наумкин, Геннадий Евстафьев, Владимир Новиков

Израиль

Хотя до настоящего времени отсутствуют неопровержимые доказательства обладания Израилем ядерным оружием (самостоятельное натурное ядерное испытание, официальная декларация правительства или свидетельство официальных экспертов из ядерных держав), подавляющее большинство специалистов уверены, что оно у этой страны есть. При этом никто не сомневается в том, что уровень научно-технического и производственного потенциала Израиля достаточен для разработки и производства даже высокотехнологичных образцов ядерного оружия на основе как плутония, так и урана.

Необходимо признать, что без научно-технического сотрудничества с рядом западных стран вряд ли было бы возможно существование израильского ядерного арсенала. В наиболее широких масштабах подобные отношения существовали с США и Францией. Начало американо-израильскому сотрудничеству в ядерной области было положено в 1955 г., и на первом этапе оно заключалось в подготовке израильских специалистов. За 1955—1960 гг. 56 израильских специалистов прошли подготовку в национальных лабораториях в Ок-Ридже и Аргоне [1]. Наиболее значимая материальная помощь заключалась в согласии в 1955 г. американской стороны построить в Нахал Сореке (Nahal Soreq) исследовательский легководный реактор (IRR-1) бассейнового типа мощностью 5 МВт. 16 июня 1960 г. был осуществлен физический пуск этого агрегата. Для обеспечения работы реактора за 1960—1966 гг. США поставили 50 кг высокообогащенного урана [2].

В рамках программы создания ядерного взрывного устройства этот реактор едва ли мог использоваться в качестве наработчика плутония из-за малой мощности. В то же время именно на этом

реакторе израильские специалисты получили опыт обращения с высокообогащенным ураном. Кроме того, вокруг реактора позднее был выстроен комплекс зданий, в которых разместились различные лаборатории, и вырос научно-исследовательский центр, где осуществляются различные исследования в области ядерной науки и техники, в том числе и военной направленности. Также остается открытым вопрос о прямой передаче Израилю американских секретов создания атомной бомбы, хотя ряд экспертов допускают подобную возможность [3].

Однако роль Франции на начальном этапе реализации ядерной программы Израиля была гораздо крупнее. Большинство зарубежных специалистов убеждены, что на протяжении 14 лет (с 1953 по 1967 гг.) Израиль и Франция осуществляли тесное секретное сотрудничество как в области обычных вооружений, так и в сфере создания ядерного оружия. Франция могла использовать израильских специалистов в программе создания французской ядерной бомбы и даже передать израильской стороне данные, полученные в ходе проведения ядерных испытаний в Сахаре. В пользу этого предположения говорит тот факт, что израильские инженеры и физики-теоретики принимали участие в работах, осуществлявшихся во французском ядерном исследовательском центре в Сакле, и, по мнению некоторых экспертов, вполне возможно, что именно Ш. де Голль разрешил израильтянам доступ к данным по серии французских ядерных испытаний, осуществленных в 1960—1964 гг.[4] Пика эти отношения достигли в 1960 г., когда Франция провела свое первое ядерное испытание, и на достаточно доверительном уровне продолжались почти до конца 1960-х годов.

Ключевым объектом израильской ядерной программы является тяжеловодный реактор (IRR-2) на природном уране мощностью 26 МВт в Димоне. Хотя правительство Франции прямо не участвовало в строительстве этого реактора, оно разрешило его строить компании SGN («Saint-Gobain Nucleaire»), в которой доля государственного капитала достигала 66%, для чего в Израиль были посланы французские специалисты [5].

Примечательно, что условия контракта на строительство реактора не были рассекречены и через 25 лет после его подписания. Как утверждают некоторые эксперты, в контракте содержался пункт, согласно которому облученное топливо отправлялось во Францию, проходило процесс радиохимической переработки, а выделенный плутоний возвращался в Израиль. В частности, в 1967 г.

Израиль отправил во Францию 40 т отработанного топлива, где оно прошло регенерацию, и около половины полученных делящихся материалов было отправлено в Израиль. Этого количества достаточно для создания 15—20 атомных бомб [6].

С момента физического пуска реактора в Димоне Израиль сделал важный шаг в реализации своей ядерной программы, причем не только военного направления. Вокруг реактора образовался Ядерный научно-исследовательский центр Негев (Negev Nuclear Research Center — NNRC), который стал главным ядерным объектом, в котором, как полагают, осуществляется основная часть деятельности Израиля в этой области.

После пуска реактора в Димоне в 1963 г. Израиль практически добился независимости от США в ядерной области. Топливом для реактора служил природный уран, добычу которого (пусть и не в достаточных масштабах) Израиль осуществлял в пустыне Негев, а в стране было налажено производство соответствующего топлива и тяжелой воды.

Хотя нет достоверных данных, подтверждающих сотрудничество Израиля с другими странами в области военного использования ядерной энергии, значительная часть экспертов убеждена в этом. В частности, в 1978 г. Египет и Ирак публично обвинили Израиль и ЮАР в сотрудничестве по созданию атомной бомбы. В специальном исследовании, осуществленном в 1979 г. Разведывательным управлением Министерства обороны США (Defense Intelligence Agency — DIA), утверждалось, что секретное сотрудничество в ядерной области между Израилем, ЮАР и Тайванем действительно имеет место и цель этого сотрудничества — производство ядерного оружия [7].

Если принять во внимание факт признания в начале 1990-х годов правительством ЮАР создания и последующего демонтажа шести ядерных взрывных устройств, то общепризнанное ядерное сотрудничество Израиля и ЮАР выглядит более чем показательно. Недаром еще в 1977 г. журнал «Newsweek», ссылаясь на мнение ряда экспертов из американского разведывательного сообщества, прямо заявлял, что «предположительная атомная бомба ЮАР является израильским ядерным устройством»[8].

Если анализировать возможности Израиля по созданию ядерного взрывного устройства на основе плутония, то следует выделить три ядерных объекта. Первый из них — реактор-производитель IRR-2 в Димоне для наработки оружейного плутония. Второй — радиохимический завод по регенерации отработанного

ядерного топлива и выделения плутония-239 со степенью обогащения свыше 90%. Третий — производство ядерного топлива (природного урана) для этого реактора.

По оценкам экспертов, к концу 60-х годов IRR-2 наработал столько плутония, что его хватило бы для создания нескольких ядерных боезарядов. Некоторые эксперты полагают, что для выделения оружейного плутония Израилю вполне достаточно мощности «горячих камер», которые имеются в Димоне и Нахал Сорек[9]. Так, в 1976 г. представители ЦРУ на закрытом брифинге для Комиссии по ядерному регулированию (Nuclear Regulatory Commission) выразили точку зрения, согласно которой «Израиль каким-то образом осуществил регенерацию плутония из отработанного топлива реактора IRR-2 и получил плутоний оружейного качества». Кроме того, бывший председатель Комиссариата по атомной энергии Франции Ф. Перрин признал, что в те годы, когда осуществлялось строительство IRR-2, Франция также участвовала в строительстве завода по выделению плутония [10].

В 1986 г. в интервью лондонскому журналу «Sunday Times» М. Вануну подтвердил, что он работал техником на заводе по радиохимической переработке облученного ядерного топлива и выделению плутония именно в Димоне. Судя по всему, строительство завода осуществлялось одновременно с сооружением реактора IRR-2 с помощью французских специалистов.

Израилю удалось решить и проблему обеспечения реактора топливом. В конце 70-х годов доказанные запасы урана в Израиле составляли 25 тыс. т. Известные месторождения находились в пустыне Негев вокруг долин Эфе (Efe) и Зефа (Zefa). К 1972 г. Израиль перестал остро нуждаться в зарубежном урановом сырье, поскольку промышленность по производству фосфатных удобрений могла производить от 40 до 50 т оксида урана ежегодно [11], что вдвое превышало ежегодные потребности реактора IRR-2. К началу 1980-х годов Израиль с лихвой удовлетворял свои потребности в урановом сырье, поскольку мог довести ежегодную выработку оксида урана до 90 т [12].

Как уже отмечалось, в Израиле имеется исследовательский легководный реактор IRR-1 бассейнового типа американского производства мощностью 5 МВт. Топливом является высокообогащенный уран. Физический пуск осуществлен в 1960 г. На реактор распространяются гарантии МАГАТЭ, что в совокупности с его малой мощностью не позволяет рассматривать его в качестве реактора-наработчика плутония для ядерного оружия.

Только реактор IRR-2 в Димоне может быть наработчиком плутония. Приблизительную оценку количества наработанного плутония можно сделать, если учесть, что мощность IRR-2 составляла 24—26 МВт, а его физический пуск был осуществлен в 1963 г. В 70-е годы реактор был модернизирован, и его мощность существенно повысилась. Сведения о нынешней мощности реактора заметно различаются. По некоторым данным, его мощность может достигать 150 МВт, но большинство экспертов полагают, что реактор функционирует на мощности не выше 70 МВт [13]. По ряду оценок, при функционировании на мощности 75—150 МВт реактор способен ежегодно нарабатывать 20—40 кг плутония [14]. Однако некоторые эксперты считают, что реактор сначала функционировал на мощности 40 МВт (нарабатывая около 10,5 кг плутония ежегодно) и, возможно, его мощность была повышена до 70 МВт к 1977 г.[15]

В Димоне действует завод по регенерации облученного ядерного топлива из реактора IRR-2, и импортированное оборудование соответствовало начальному уровню промышленной технологии выделения плутония того времени («Пурекс процесс» — Purex). Нет сомнений, что к настоящему времени Израиль осуществил модернизацию оборудования (вероятно, не одну), и на заводе применяется процесс радиохимической переработки облученного ядерного топлива, который может коренным образом отличаться от первоначального. Завод называется «Мошон-2» (Mochon 2) и представляет собой подземное сооружение из шести уровней. Здесь осуществляются выделение плутония, перевод его в металлическую форму и последующее производство делящихся компонентов ядерных боезарядов. Гарантии МАГАТЭ на завод не распространяются. Его годовая мощность оценивается в 15—40 кг плутония [16].

Лабораторная установка по регенерации плутония имеется и в Нахал Сореке. Первоначально оборудование для нее поступило из Великобритании и частично из США. Как полагают, установка была пущена в 1960 г., и на нее также не распространяются гарантии МАГАТЭ [17].

Если возможности Израиля по созданию ядерного взрывного устройства на основе плутония можно оценить как вполне реальные, то вопрос о наличии в Израиле ядерного взрывного устройства на основе высокообогащенного урана не столь ясен. Это в первую очередь объясняется отсутствием достоверной информации о существовании в стране достаточно мощного уранообогатительного производства. Тем не менее вряд ли правомочно утверждать, что в Израиле отсутствует хотя бы потенциальная

возможность производства ядерных боезарядов на основе оружейного урана. В качестве одного из способов получения высокообогащенного урана может рассматриваться лазерное обогащение. В Израиле исследования в этой области осуществлялись по линии Министерства обороны. Аналитики ЦРУ подозревали, что израильским специалистам удалось осуществить научный прорыв и сделать важный шаг на пути разработки промышленной технологии.

В 80-е годы некоторые специалисты высказывали мнение, что Израиль осуществлял разработку обогащения урана методом центрифугирования и участвовал в создании южноафриканской технологии обогащения урана методом «вихревого сопла». По данным Службы внешней разведки Российской Федерации, в 1978 г. израильские ученые разработали метод разделения изотопов, основанный на различии их магнитных свойств, причем он даже экономичнее, чем запатентованный в 1974 г. метод лазерного обогащения [18].

Исходя из изложенного, можно допустить, что Израиль сумел разработать промышленные технологии обогащения урана, и в стране тайно функционирует завод или полупромышленная установка. Но в этом случае их предназначение — производство урана оружейного качества. При этом можно предположить, что часть этого урана предназначается для реактора IRR-1. В частности, по мнению некоторых специалистов, израильским ученым удалось создать установку лазерного обогащения урана. Ориентировочная дата ее пуска — 1974 г. Установка может нарабатывать 2—3 кг урана-235 ежегодно, и на нее не распространяются гарантии МАГАТЭ [19].

Однако даже если допустить, что имеющиеся мощности по обогащению урана недостаточны для мелкосерийного производства ядерных взрывных устройств на основе урана, полностью исключить возможность наличия в стране подобных устройств не представляется возможным. Так, есть предположение, что через фирму НУМЕК (Nuclear Material and Equipment Corporation — NUMEC) в г. Аполло (Пенсильвания), которую возглавлял Залман Шапиро, в Израиль было тайно вывезено от 382 до 572 фунтов оружейного урана [20].

Если согласиться с мнением тех экспертов, которые предполагают наличие в стране даже термоядерных взрывных устройств, то следует признать, что в этом случае Израилю просто необходимо иметь ядерные взрывные устройства на основе урана, поскольку именно из него делается «запал» термоядерного заряда.

Суммируя изложенное, можно согласиться с мнением экспертов, которые оценивают количество ядерных боезарядов в Израиле в 100—200 единиц.

Анализ структуры израильских вооруженных сил, ее воздушного, ракетного и морского компонентов позволяет сделать вывод, что в стране имеются ядерные силы, базирующиеся на классической ядерной триаде. Иными словами, опираясь в основном на носители двойного назначения, которые в мирной обстановке не оснащены ядерными боезарядами, страна может в чрезвычайных условиях быстро превратить их в весьма эффективные ядерные силы регионального масштаба.

Среди стран Ближневосточного региона Израиль обладает самыми совершенными потенциальными средствами доставки ядерного оружия. Его авиационный парк включает в себя как сравнительно старые, но оборудованные новейшей авионикой модели, так и вполне современные самолеты американского производства: «Фантом» (F-4E) и «Кфир», а также истребители-бомбардировщики F-16 и F-15, которые отвечают всем требованиям по скорости, дальности и грузоподъемности. Их авионика находится на самом современном уровне, что позволяет действовать в тяжелых погодных условиях, при наличии радиолокационного и зенитно-ракетного противодействия. Тем самым существенно повышается вероятность доставки ядерного боезаряда к цели, а сами средства доставки могут вполне обоснованно рассматриваться в качестве одной из составляющих (авиационной) классической ядерной триады.

Из ракет, которые могут быть средствами доставки, можно выделить твердотопливную ракету «Иерихон-1». Первые такие ракеты были развернуты в 1973 г., и к настоящему времени число развернутых комплексов достигло 50 [21]. Максимальная полезная нагрузка ракеты составляет 500 кг, а дальность — до 1000 км. Ракеты снабжены вполне современными системами наведения, позволяющими достаточно эффективно поражать незащищенные цели. В середине 1970-х годов в стране началась разработка двухступенчатой баллистической ракеты средней дальности «Иерихон-2». Первые пусковые установки с этими ракетами поступили на вооружение в 1990 г., их полезная нагрузка составляет 1000 кг при дальности 1500 км. Имеются данные, что в Израиле разрабатывается баллистическая ракета «Иерихон-3», дальность которой составит 2500 км при полезной нагрузке 1000 кг [22].

В качестве потенциального средства доставки большой дальности может рассматриваться также ракета-носитель «Шавит»

(Shavit), разработанная для вывода на орбиту искусственных спутников Земли. Как полагают специалисты Национальной лаборатории им. Лоуренса (Ливермор, США), эта ракета-носитель может быть сравнительно легко модифицирована, после чего будет способна доставить полезную нагрузку в 500 кг на расстояние 7800 км, что придает ей свойства межконтинентальной баллистической ракеты [23]. Однако рассматривать эту ракету-носитель в качестве достаточно эффективного средства доставки ядерного оружия вряд ли возможно. В качестве факторов, снижающих эффективность «Шавита» как средства доставки, можно привести весьма значительное время подготовки к старту и большую стоимость, препятствующую серийному производству этих ракет в качестве носителей ЯО.

Морской компонент представлен тремя самыми современными малошумными дизель-электрическими подводными лодками (германского производства) с крылатыми ракетами большой дальности, способными нести ядерные боеголовки. В стране также развертывается тактическая система противовоздушной обороны — ПРО театра военных действий, которая была разработана самостоятельно, но при научно-технической поддержке американских фирм. Таким образом, Израиль — это государство с весьма сбалансированными по трехкомпонентной структуре, хотя и немногочисленными средствами доставки, которые во время кризиса могут быстро оснащаться ядерным оружием, превращаясь в региональные (а в перспективе в трансрегиональные) ядерные силы сдерживания, с которыми не может не считаться любой вероятный противник.

Наличие ядерных сил подразумевает существование недекларируемой ядерной доктрины. Как представляется, она базируется на четырех основных принципах.

1. Ядерный арсенал Израиля используется как средство сдерживания потенциальных противников. При этом, видимо, не исключается применение ЯО первыми в случае угрозы поражения страны в одной из будущих войн с применением обычного оружия.

2. В случае нанесения ядерного удара по Израилю (или удара с использованием других видов ОМУ) «выживший» ядерный арсенал последнего будет без колебаний применен против агрессора.

3. Без кардинального изменения военно-стратегической ситуации в регионе (и в мире) на официальном уровне Израиль будет продолжать политику умолчания по поводу наличия у него ядерного оружия.

4. Израиль предпримет все усилия, чтобы не допустить появления реальной возможности создания ядерного оружия потенциальным противником. При этом не исключается использование средств силового воздействия, даже если будут нарушены нормы международного права.

Отношение Израиля к основным составляющим международного режима нераспространения ядерного оружия определяется тем, как руководство страны оценивает его роль в обеспечении национальной безопасности. Представляется, что эта оценка очень высока и ядерный арсенал Израиля рассматривается в качестве одной из важнейших составляющих совокупной мощи страны, как гарантия «выживаемости» этого государства при самых неблагоприятных сценариях развития военно-стратегической ситуации в регионе.

В пользу этого говорит тот факт, что еще в декабре 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции (54/54D, 54/54G), которые призывали к ядерному разоружению, окончательному уничтожению ядерного оружия и безъядерному миру [24]. Видимо, не случайно представители Израиля были среди малого числа стран, которые голосовали против этих резолюций. Еще раньше (в 1997 г.) Израиль выступал против необходимости ликвидации ядерного оружия в конкретные сроки [25]. При голосовании резолюции (A/RES/55/34G) «Конвенция по запрещению использования ядерного оружия» Израиль был среди немногих, кто воздержался. Среди стран, голосовавших против резолюции (A/RES/55/33C) «К безъядерному миру», отнюдь не случайно оказались Израиль, Индия и Пакистан [26].

Израиль отказался и продолжает отказываться присоединиться к ДНЯО в качестве неядерного государства. В Заключительном документе Конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 г. была подтверждена важность присоединения Израиля к ДНЯО и резолюции Конференции 1995 г. по Ближнему Востоку. В документе также содержалось требование предоставления к Конференции 2005 г. отчета о том, какие практические шаги были предприняты всеми государствами-участниками для достижения перечисленных целей.

Израиль подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) 25 сентября 1996 г., но этот факт никак не влияет на израильский ядерный арсенал, если учесть, что Израиль не осуществлял (и, видимо, в ближайшем будущем не планирует) самостоятельные натурные ядерные испытания.

На самом раннем этапе переговоров по заключению Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях израильские представители демонстрировали прохладное отношение к этому документу. Еще в 1998 г. премьер-министр Б. Нетаньяху на переговорах с президентом США Б. Клинтоном заявил, что Израиль не может принять ДЗПРМ. По имеющейся информации, премьер сказал: «Мы никогда не подпишем этот договор, и не обманывайте себя, никакой нажим не поможет. Мы не подпишем договор, потому что не собираемся совершать самоубийство»[27]. Сохраняющийся на протяжении ряда лет тупик на переговорах в Женеве по ДЗПРМ оставляет Израилю возможность беспрепятственно продолжать нарабатывать оружейные ядерные материалы.

Перспективы создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке в настоящее время выглядят маловероятными. На официальном уровне Израиль поддерживает создание безъядерной зоны, но выдвигает предварительное условие — установление прочного мира в регионе, в то время как Египет и арабские государства настаивают, чтобы Израиль отказался от ядерного оружия, расценивая это обязательство в качестве первого шага к обеспечению безопасности в регионе. Так, 20 ноября 2000 г. ООН приняла две резолюции: 55/30 «Установление безъядерной зоны в регионе Ближнего Востока» и 55/36 «Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке». Обе резолюции были внесены Египтом. Против последней голосовали несколько стран включая Израиль и США [28]. Очевидно, что огромные геополитические и демографические (а потенциально и военные) преимущества окружающих Израиль арабских и в целом мусульманских стран расцениваются в Тель-Авиве как императив его опоры на ЯО как на гарантию безопасности. Даже мирное урегулирование арабо-израильского конфликта и многостороннее сокращение сил общего назначения в регионе едва ли снимут проблему. Природа политических режимов большинства арабских стран такова, что смена там лидера естественным или иным путем может повлечь крутой поворот политического курса в отношении признания Израиля и договоренностей с ним.

Позиция Израиля по вопросу полноохватных гарантий МАГАТЭ вытекает из стремления руководства страны не допустить открытия информации о ядерной деятельности не столько в области мирного использования атомной энергии, сколько в сфере создания и развития ядерного арсенала Израиля. Соответственно

израильское руководство не торопится заключить с МАГАТЭ соглашение, которое позволило бы Агентству осуществлять инспекцию ядерных объектов страны.

Политика умалчивания факта обладания Израилем ЯО была результатом договоренности между премьер-министром Г. Меир и президентом США Р. Никсоном. Некоторые израильские аналитики считают, что эта политика в новых условиях изжила себя, скрывать ядерное оружие становится все труднее, однако в израильских правящих кругах существует консенсус о сохранении этой политики. Точно такой же консенсус существует относительно сохранения самого ядерного оружия. Израильские политические деятели в подавляющем большинстве исходят из того, что только сам Израиль может обеспечить свою безопасность, и никакие гарантии извне не могут заменить ему мощи, необходимой для отражения любой угрозы.

На обсуждение ядерной темы израильскими политиками фактически наложено табу, но можно предполагать, что закрытые дебаты все же ведутся. В середине 90-х годов Ш. Перес, как известно, заявил, что его страна готова отказаться от боеголовок, складированных в Димоне, в обмен на реальный мир в регионе и отказ всех государств Ближнего Востока от производства оружия массового уничтожения. Однако в существующей ситуации он вряд ли повторил бы эти предложения. Тем не менее высказывания отдельных экспертов позволяют заключить, что в израильской элите есть люди, сомневающиеся в целесообразности сохранения Израилем ядерного оружия. Так, бывший сотрудник ядерного центра в Димоне, полковник в отставке Ш. Гордон открыто высказывал мнение, что Израиль способен отразить любую агрессию арабских стран с помощью обычных вооружений, особенно превосходящих возможности всех соседей сил ВВС, а расходовать по полмиллиарда долларов ежегодно на работу реактора в Димоне — лишь выбрасывать деньги на ветер. Израильские политики обычно подчеркивают, что подобные рассуждения можно услышать лишь от людей, не причастных к принятию решений и не входящих в число значимых политических фигур.

Суммируя сказанное, необъявленный ядерный арсенал Израиля в обозримом будущем скорее всего будет оставаться важнейшей составляющей военно-стратегического баланса в регионе, значимым яблоком раздора отношений Тель-Авива с другими государствами региона и крупнейшим фактором для перспектив распространения ЯО на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах.

Иран

Программу развития ядерной энергетики Исламской Республики Иран многие на Западе рассматривают как результат исключительно российско-иранских соглашений о сотрудничестве в области ядерной энергии, однако основа ее была заложена еще при шахе. В 1957 г. между Ираном и США было подписано соглашение о мирном использовании ядерной энергии, в соответствии с которым Вашингтон обязался поставить Тегерану ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов [29]. В 1967 г. США доставили для Тегеранского ядерного научно-исследовательского центра исследовательский реактор мощностью 5 МВт. Его пуск был осуществлен в 1968 г., в качестве ядерного топлива в нем использовался уран со степенью обогащения 93%, т. е. практически оружейный ядерный материал [30]. Позднее в этот центр США поставили «горячие камеры», позволяющие выделять плутоний из облученного ядерного топлива [31].

Примечательно, что в середине 70-х годов США не только не возражали против программы развития ядерной энергетики Ирана, но даже не высказывались против создания Ираном замкнутого ядерного топливного цикла (ЯТЦ). Как следует из документов Совета национальной безопасности США, на переговорах иранской стороне (помимо прочего) предлагалась помощь в создании ключевых звеньев ЯТЦ [32].

В те же годы Вашингтон вел интенсивные переговоры о заключении с Тегераном специального соглашения о сотрудничестве в области гражданского использования ядерной энергии, которое должно было стать юридическим основанием для экспорта в Иран ядерных реакторов и материалов, инвестиций Ирана в американскую уранообогатительную промышленность и других видов сотрудничества в области ядерной энергетики. Не случайно именно тогда иранское правительство проявляло заинтересованность в импорте 8 энергетических реакторов из США. Стоимость сделки оценивалась в 6,4 млрд долл.[33]

Кроме США в программе развития ядерной энергетики Ирана при шахском режиме активное участие принимали и другие западные страны, в первую очередь ФРГ и Франция. План развития ядерной энергетики, составленный в 1974 г., предусматривал строительство 23 ядерных энергоблоков. Основными поставщиками ядерной технологии должны были стать ФРГ, Франция и США. Для реализации плана была создана Органи-

зация по атомной энергии Ирана (ОАЭИ). Глава ОАЭИ напрямую подчинялся шаху (впоследствии — президенту страны). Для обеспечения будущих АЭС ядерным топливом предполагалось вначале закупать его за рубежом. В 1974—1977 гг. соответствующие контракты были заключены с ФРГ, Францией и США [34].

Активно велись переговоры с Францией о покупке заводов по обогащению урана и переработке ОЯТ. За 1 млрд долл. в 1974 г. ОАЭИ приобрела 10% акций газодиффузионного завода по обогащению урана, который строился в Трикастане (Франция) [35]. Завод принадлежал международному консорциуму «Евродиф» с участием французского капитала. Совладельцами являлись фирмы «Энуса» (Испания), «Синатон» (Бельгия) и «Энеа» (Италия). Весьма примечательно, что в результате этой сделки Иран получил право выкупать продукцию завода и иметь полный доступ к технологии обогащения, разрабатываемой консорциумом [36].

Первый контракт на строительство АЭС между ОАЭИ и западногерманской фирмой «Крафтверк Юнион» был подписан в 1974 г. Он предусматривал строительство АЭС с двумя реакторами типа PWR мощностью 1300 МВт каждый на юге Ирана вблизи Бушера. В марте 1977 г. ОАЭИ и Министерство технологий и исследований ФРГ подписали соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергии в следующих областях:

- участие в совместном сооружении и эксплуатации АЭС и других ядерных объектов;
- подготовка иранских научных кадров;
- обеспечение ядерной и радиационной безопасности;
- производство и использование радиоизотопов.

Между ОАЭИ, «Крафтверк Юнион» и фирмой «Браун Бовери» (ФРГ) также проводились переговоры относительно заключения контрактов на строительство дополнительных ядерных энергоблоков [37].

В марте 1976 г. в Тегеране президент Франции В. Жискар д'Эстен подписал франко-иранское соглашение о сотрудничестве в области промышленного и экономического развития. В рамках этого соглашения предусматривалось участие Франции в строительстве АЭС на территории Ирана. Позднее ОАЭИ и французская фирма «Фраматом» подписали контракт о строительстве АЭС с двумя реакторами PWR мощностью 950 МВт каждый. АЭС стоимостью около 2 млрд долл. предполагалось построить в Ахвазе на берегу реки Корун.

Для реализации столь масштабных планов Ирану требовались квалифицированные кадры в области ядерной физики. Образование и подготовку иранских специалистов взяли на себя США и страны Западной Европы — Бельгия, Великобритания, ФРГ, Италия, Швейцария и Франция. Подготовка кадров, непосредственно занятых в эксплуатации АЭС, должна была осуществляться на базе ядерного исследовательского центра в Исфахане. Его строительство было начато совместно с Францией в 1974 г. К 1980 г. в нем планировалось разместить исследовательский реактор и установку по переработке ОЯТ французского производства [38]. Первые два энергоблока на АЭС в Бушере должны были быть запущены в 1980 и 1981 гг., а энергоблоки в Ахвазе — к концу 1983 и в 1984 г. Полную же реализацию всей ядерной программы и диверсификации энергетической базы Ирана предполагалось завершить к 1994 г.[39]

Все эти планы по большей части не были реализованы или оказались замороженными в результате иранской революции 1979—1980 гг. Но вскоре на смену западным партнерам в Иран пришли другие поставщики.

В сентябре 1992 г. в Пекине между Ираном и КНР был подписан протокол о сотрудничестве в области атомной энергетики, в рамках которого Китай поставил в Ядерный исследовательский центр в Исфахане различное оборудование и установки для проведения комплексных научно-исследовательских работ. В частности, были поставлены две подкритические сборки (в 1992 г.), миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт (в 1994 г.), исследовательский тяжеловодный реактор нулевой мощности, позволяющий нарабатывать не более 100 г плутония ежегодно (в 1995 г.) [40].

Однако наиболее значимым результатом сотрудничества явилось заключение соглашения о строительстве двух легководных реакторов мощностью 300 МВт каждый. По одним данным эти два энергоблока китайского производства должны были быть построены в Бушере, а по другим — в Ахвазе. Их строительство так и не началось, поскольку США оказали сильный нажим на Китай, и тому пришлось отказаться от сделки [41].

Вплоть до начала 1990-х годов Аргентина проявляла значительный интерес к поставкам оборудования и топлива для иранских АЭС. В конце 1980-х годов она осуществила замену активной зоны реактора в Тегеранском ядерном научно-исследовательском центре, что позволило использовать в нем низкообогащенный уран

(20%), а также поставила топливо для этого реактора (115,8 кг). Впоследствии под давлением США Аргентина также была вынуждена отказаться от дальнейших поставок, несмотря на имевшуюся принципиальную договоренность [42].

Уже тогда Вашингтон обосновывал свою позицию тем, что иранская программа развития ядерной энергетики является прикрытием для создания ядерного оружия.

С начала 1990-х годов Иран начал вести активные переговоры с Россией, стремясь продолжить реализацию своей программы развития ядерной энергетики. В августе 1992 г. было подписано соглашение «Об использовании ядерной энергии в мирных целях», которое сразу же подверглось резкой критике на Западе. Оно касалось строительства АЭС и сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии. Предусматривались возможность поставки в Иран исследовательских ядерных реакторов, совместные научные исследования, производство изотопов для медицины и техники, а также подготовка специалистов для иранской стороны. Примечательно, что в 1993 г. руководство России обращалось к США с предложением совместно проанализировать вопрос о наличии у Ирана ядерных амбиций, однако американцы ответили отказом [43].

Иранская сторона ратифицировала соглашение в апреле 1993 г., что явилось основой для осуществления контрактов, которые прошли нелегкий путь согласования. В частности, положения контракта о завершении строительства первого энергоблока в Бушере были согласованы в конце сентября 1994 г., и 5 января 1995 г. в Тегеране представители «Зарубежатомэнергостроя» и ОАЭИ его подписали. Также был подписан протокол переговоров между российским министром по атомной энергии В. Михайловым и вице-президентом Ирана, президентом ОАЭИ Р. Амроллахи. Российская сторона получила контракт на достройку АЭС и установку российского реактора мощностью 1000 МВт. Предполагалось, что Россия в будущем сможет поставить иранской стороне еще три реактора: один на 1000 МВт и два по 440 МВт [44].

Наиболее острую критику на Западе (в частности, в США и Израиле) вызвали ставшие известными следующие положения этого протокола [45]:

• совместно построить в Иране реакторы малой мощности (менее 1 МВт) для подготовки иранских специалистов (российская сторона в шестимесячный срок обязалась передать иранской стороне технико-экономическое предложение по этому вопросу);

• рассмотреть вопрос о сотрудничестве по сооружению в Иране опреснительных установок, поскольку имеющиеся планы модернизации и развития промышленности и сельского хозяйства требуют дополнительных ресурсов пресной воды, запасы которой в Иране весьма ограниченны;

• максимально использовать иранский персонал на совместно создаваемых объектах, особенно на работах по завершению строительства первого блока АЭС в Бушере;

• осуществлять последующие поставки топлива для первого блока АЭС в Бушере на условиях и по ценам, которые соответствуют мировым;

• не реже одного раза в год проводить встречи руководящих работников Минатома России и ОАЭИ для оперативного контроля за ходом сотрудничества, особенно за работами, связанными с сооружением первого блока Бушерской АЭС.

Стороны также поручили своим компетентным организациям подготовить и подписать:

• контракт о поставке из России легководного реактора для исследовательских целей мощностью 30—50 МВт (в течение трех месяцев);

• контракт на поставку из России 2000 т природного урана (в течение I квартала 1995 г.);

• контракт на подготовку для Ирана 10—20 аспирантов и докторов в год в учебных заведениях России (в течение I квартала 1995 г.);

• контракт на сооружение в Иране урановой шахты, а также провести последующие переговоры по контракту на строительство центрифужного завода по обогащению урана на условиях, аналогичных условиям контрактов, заключенных российскими организациями с фирмами третьих стран (в шестимесячный срок).

В ходе визита Р. Амроллахи в Москву (август 1995 г.) был подписан контракт о поставке в Иран в 2001—2011 гг. ядерного топлива для энергоблока в Бушере на 300 млн долл.[46] Примечательно, что в контракте не была детально изложена процедура возвращения отработанного ядерного топлива, поскольку в то время оно классифицировалось как радиоактивные отходы, ввоз которых в Россию был запрещен специально принятым законом. После внесения в этот закон поправок такой ввоз стал легитимным. В конце февраля 2005 г. соответствующее соглашение было подписано, что делало практически равной нулю вероятность использования ОЯТ в военных целях.

Россия собиралась построить в Иране исследовательский реактор, работающий на уране со степенью обогащения не более 20%, но позднее российское правительство не дало разрешения на эту сделку [47]. В период с 1992 по 1997 гг. специалисты России подготовили проект шахты для добычи урана, однако дальнейшее продвижение этого проекта было приостановлено [48].

Анализ российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергии позволяет сделать вывод, что в настоящее время реализуются только те проекты, которые не относятся к категории «критичной» ядерной продукции. Ни технология обогащения урана, ни технология регенерации плутония, ни технология создания реактора-наработчика плутония иранской стороне не передаются. Сотрудничество осуществляется в строгом соответствии со всеми требованиями национального законодательства и международными обязательствами России по ДНЯО и контрольным спискам Группы ядерных поставщиков.

Возможности Ирана по созданию ядерного оружия можно оценить на основе анализа имеющейся в его распоряжении инфраструктуры.

Площадь месторождений урановой руды в провинции Йезд, открытых в 1985 г., составляет 100—150 кв. км, запасы — около 5 тыс. т в эквиваленте закиси-окиси урана U_3O_8. Содержание урана в руде — менее 0,1% [49]. Небольшие залежи урановой руды обнаружены также в провинциях Исфахан, Азербайджан, Хорасан, Систан и Белуджистан. В различное время к разработке месторождений привлекались специалисты из Германии, Чехословакии, КНР и России, но к их промышленной эксплуатации не приступили до начала 2000 г. В 1992—1993 гг. на месторождениях проводились специальные инспекции МАГАТЭ, которые не обнаружили следов незаявленной деятельности. Регулярно проводившиеся инспекции не выявили подобной деятельности и впоследствии.

По некоторым оценкам, всех разведанных запасов урана в Иране хватило бы только на двадцать лет работы двух реакторов ВВЭР-1000 [50]. В то же время следует заметить, что получаемый из природного урана урановый концентрат может также использоваться как исходный компонент ядерного топлива тяжеловодных реакторов. В Иране имеется реактор такого типа нулевой мощности, и осуществляется деятельность по созданию нового мощного тяжеловодного исследовательского реактора. Вашингтон утверждает, что Тегеран намерен создать запасы

уранового концентрата для этого реактора, который будет использоваться как реактор-наработчик плутония для ядерного оружия.

Импортные делящиеся материалы вряд ли могут использоваться в военной программе. По некоторым данным, в 1967 г. США продали Ирану 1,2 кг плутония [51], а в середине 70-х годов он приобрел в Дании 10 кг высокообогащенного и 25 кг природного урана [52]. В 80-х годах уран закупался в Намибии, в 1976 г. Тегеран подписал контракт с ЮАР стоимостью 700 млн долл. на закупку до 1 тыс. т закиси-окиси урана ежегодно, и эти поставки осуществлялись вплоть до 1989 г.[53]

Научно-техническая база Ирана в ядерной области на сегодняшний день является самой мощной среди всех стран региона (исключая Израиль). В стране созданы три ядерных центра:

• *Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр* при Тегеранском университете. Оснащен исследовательским реактором бассейнового типа мощностью 5 МВт американского производства. В качестве топлива используется уран со степенью обогащения 20%. Как на сам реактор, так и на топливо и «горячие камеры», поставленные США, распространяются гарантии МАГАТЭ. В центре есть импортированная из КНР лабораторная установка по производству закиси-окиси урана U_3O_8 из урановой руды. В 1992—1993 гг. МАГАТЭ проводило специальные инспекции этой установки и обнаружило, что оборудование находится в нерабочем состоянии. В Тегеранском центре имеются лазерные установки, которые были поставлены из США в октябре 1978 г., причем, по заявлениям поставщиков, они «не пригодны для процесса обогащения урана»[54]. На эти установки не распространялись гарантии МАГАТЭ, однако подписание Ираном Дополнительного протокола позволяет осуществлять гарантии МАГАТЭ и выявлять их текущее состояние.

• *Исфаханский ядерный исследовательский центр.* Имеет тяжеловодный исследовательский реактор нулевой мощности, импортированный из КНР (1995 г.), на который распространяются гарантии МАГАТЭ. Он не позволяет нарабатывать более 100 г плутония ежегодно, и его нельзя модернизировать для увеличения производительности. Также имеется миниатюрный источник нейтронов мощностью 27 кВт, использующий для работы 900 г высокообогащенного урана (1994 г. — КНР) [55], на который распространяются гарантии МАГАТЭ. Кроме того, есть две подкритические сборки (1992 г. — КНР), и на них тоже распространяются га-

рантии МАГАТЭ. Планировалось, что специалисты КНР построят в Исфаханском центре установку по конверсии U_3O_8 в гексафторид урана UF_6, который пригоден для последующего обогащения по изотопу уран-235. В ноябре 1996 г. Иран уведомил об этом МАГАТЭ, однако в 1997 г. КНР расторгла сделку.

• *Ядерный исследовательский центр сельского хозяйства и медицины* в Карадже. Имеет калютрон — электромагнитный сепаратор для разделения изотопов, который был поставлен из КНР и на котором в 1992—1993 гг. проводились специальные инспекции МАГАТЭ. Центр оснащен циклотроном бельгийского производства, на котором также проводились специальные инспекции МАГАТЭ.

Кроме того, деятельность в ядерной области осуществляется на объектах ядерной энергетики. Среди них в первую очередь стоит отметить *АЭС в Бушере* с легководным реактором ВВЭР-1000 (мощностью 1000 МВт). После поставки российского топлива в Бушер на АЭС будут распространяться гарантии МАГАТЭ.

Наибольшие опасения международного сообщества связаны с возможностями Ирана в области обогащения урана. Некоторые западные эксперты утверждают, что научные эксперименты по обогащению урана методом центрифугирования проводились в Университете технологии Шарифа в Тегеране (Sharif University of Technology). Этот университет был вовлечен в деятельность по закупке в Германии специальных магнитов, применяемых в центрифужной технологии обогащения урана [56].

Хотя существует принципиальная возможность использовать лазерное обогащение урана, в настоящее время нет доказательств существования промышленной технологии обогащения урана этим методом. Как уже указывалось, США в 1978 г. поставили в Иран четыре лазера, заявленные экспортерами как «непригодные для процесса обогащения урана». С февраля 1990 г. в Иране работает специальная лаборатория «Jabir Ibn al Hayyan», которая наряду с проведением НИОКР в области лазерной техники осуществляет и подготовку иранских технических специалистов для ядерной программы [57].

В 2000 г. российский Научно-технический центр микротехнологий заключил ряд контрактов на поставку лазерного оборудования для Тегеранского университета. Как утверждали представители этого центра, данное оборудование неприменимо для разделения тяжелых изотопов и вследствие низкой мощности не входит в контрольные списки Группы ядерных поставщиков. Тем

не менее из-за нарушений порядка экспорта технологий двойного применения правительство России запретило реализацию этих контрактов.

В качестве еще одной возможности для Ирана осуществлять обогащение урана некоторые специалисты рассматривают использование миллиамперного калютрона, расположенного в Ядерном исследовательском центре сельского хозяйства и медицины в Карадже. Он применяется для разделения изотопов, используемых в промышленности, медицине и сельском хозяйстве страны. Особые подозрения США вызвал тот факт, что этот центр расположен недалеко от ГЭС, которая в принципе способна обеспечить большие энергетические затраты, требуемые при применении электромагнитного метода разделения урана [58]. Однако по заверениям иранских представителей калютрон используется только для получения стабильных элементов [59]. В ходе инспекций 1992—1993 гг. специалисты МАГАТЭ подтвердили этот факт, а также обратили внимание на то, что в помещении калютрона отсутствует соответствующая вентиляция, поэтому использование его для разделения радиоактивных элементов становится невозможным.

По существующим правилам МАГАТЭ (INFCIRC/254/Rev.4/Part2) требования экспортного контроля распространяются на 50-миллиамперные калютроны. Миллиамперный калютрон не может производить более 3 г высокообогащенного урана ежегодно. Кроме того, центр в Карадже активно сотрудничает с МАГАТЭ, осуществляя совместные проекты, в которых также участвовали представители США, Израиля, Великобритании, Австралии и других стран. Трудно представить, что при столь активном сотрудничестве удалось бы скрыть сравнительно масштабную незаявленную деятельность по обогащению урана.

Справедливости ради следует заметить, что миллиамперный калютрон в Карадже мог использоваться для проведения научно-исследовательских работ, направленных на овладение технологией электромагнитного разделения изотопов, хотя ее эффективность намного уступает центрифужному и диффузионному методам обогащения урана.

В конце 2003 г. международное сообщество окончательно убедилось в потенциальной способности Ирана осуществлять обогащение урана, когда стали известны факты строительства уранообогатительного производства в Натанзе и проведена инспекция МАГАТЭ. Уже завершено строительство опытного завода, на котором установлено 160 центрифуг первого поколения малой

мощности (Р-1), а еще 1000 были готовы к установке. Там же расположены подземные помещения промышленного завода общей площадью 60 тыс. кв. м, что позволяет установить около 50 тыс. центрифуг. По оценкам экспертов, мощность такого завода могла составлять до 250 тыс. единиц разделительных работ (Е. Р. Р.) в год, а 10 тыс. Е. Р. Р. достаточно для производства оружейного урана для трех боезарядов ежегодно.

По заявлениям иранских официальных лиц, завод предназначается для обеспечения ядерным топливом будущих АЭС, однако международные эксперты не сомневаются в возможности его использования для наработки оружейного урана.

Представляется весьма примечательным «иранский путь» овладения технологией обогащения. Если на начальном этапе официальный Тегеран заявлял, что центрифуги являются «сугубо национальной разработкой», то по мере расследования «дела А. К. Хана» Иран был вынужден признать, что проектная документация и комплектующие части для центрифуг в Натанзе были получены из Пакистана. Допрошенный в Малайзии В. С. А. Тахир признался, что в 1994—1995 гг. он продал Ирану два контейнера комплектующего оборудования из Пакистана за 3 млн долл., что, как утверждается, позволило Ирану уже в 1995 г. собрать 500 центрифуг Р-1. 10 февраля 2003 г. Иран также сообщил о существовании экспериментального производства в Калайе, но не позволял исследовать пробы, взятые с этого места, до августа 2003 г.

Одновременно появилась информация о том, что инспекторы МАГАТЭ обнаружили на предприятии в Натанзе следы высокообогащенного урана. Иранские официальные лица не оспаривали этот факт, но утверждали, что оборудование, на котором были обнаружены эти следы, было загрязнено обогащенным ураном уже тогда, когда приобреталось Тегераном. Инспекторы МАГАТЭ не смогли получить убедительных сведений об источнике происхождения этих следов, поэтому нельзя утверждать, что именно Иран осуществлял наработку высокообогащенного урана (в Натанзе и «Kalaye Electric Company»). В настоящее время этот вопрос продолжает находиться в центре обсуждения всех заинтересованных сторон (МАГАТЭ, Ирана, европейских стран).

Иранские официальные лица заявляли, что в стране осуществлялись НИОКР, связанные с двумя технологиями обогащения — при помощи лазера и методом центрифугирования. По данным МАГАТЭ, исследования по лазерному методу завершены, установка демонтирована, а гарантии Агентства будут осуще-

ствляться обычным порядком. Монтаж новых центрифуг в Натанзе и обогащение урана были временно прекращены по добровольному решению иранского руководства. С согласия иранской стороны МАГАТЭ установило мониторы и печати на соответствующем оборудовании.

Однако, по утверждению иранского руководства, Германия, Франция и Великобритания не сдержали свое обещание и в июне 2004 г. поставили вопрос об иранской ядерной программе на директорате МАГАТЭ. В качестве ответных действий Иран решил продолжать производство оборудования для завода в Натанзе.

Проект по регенерации ОЯТ в лаборатории («Jaber Ibn Hayan Multipurpose Laboratories» — JHL) завершился, оборудование демонтировано. Исследовательский проект по конверсии урана (в гексафторид урана) завершен, а гарантии Агентства будут осуществляться в обычном порядке. На заводе по конверсии урана в Исфахане под наблюдением инспекторов МАГАТЭ в соответствии с положениями Дополнительного протокола 1997 г. были осуществлены предпусковые процедуры и испытания. В сентябре 2004 г. Тегеран позволил установить на заводе мониторы (в первую очередь в месте производства гексафторида урана) и опечатать продуктосборники. В конце 2005 г. Тегеран потребовал от МАГАТЭ снять пломбы и начал опытную эксплуатацию завода.

Другая проблема связана с тем, что Иран сооружает завод по производству тяжелой воды в Араке и планирует построить достаточно мощный тяжеловодный исследовательский реактор (который может использоваться как реактор-наработчик плутония). Примечательно, что аналитики разведывательного сообщества США заявляют о наличии в Иране и других секретных ключевых ядерных объектов, хотя и не приводят прямых доказательств. Однако тот факт, что в конце 2002 г. в Германии была предотвращена попытка незаконного вывоза двумя иранцами 44 специальных детонаторов, которые могли бы использоваться при создании ядерного взрывного устройства, может расцениваться как косвенное подтверждение заинтересованности Ирана в возможности достижения «латентного» ядерного статуса за счет приобретения полного набора научно-технических предпосылок создания ядерного оружия. Реализация официальной программы развития ядерной энергетики это позволяет.

Программа, принятая и реализуемая в настоящее время, предусматривает три сценария. По первому к 2020 г. электрическая мощность, генерируемая АЭС с водо-водяными реакторами на

слабообогащенном уране, должна составить 7 ГВт, что составляет около 30% мощности, планировавшейся при шахе. Второй сценарий подразумевает достижение суммарной мощности АЭС в 10—12 ГВт, а третий — в 20 ГВт.

Согласно официальной линии Тегерана, исходя из своего понимания национальной безопасности и реалий окружающей его геополитической ситуации, Иран хотел бы добиться самообеспеченности в ядерной области, особенно в сфере гарантированного обеспечения планируемых АЭС топливом национального производства.

Однако по мнению многих зарубежных экспертов, экономическая целесообразность строительства в Иране завода по производству слабообогащенного ядерного топлива (при суммарной мощности его АЭС 7 ГВт) вызывает большие сомнения. Расчеты показывают, что экономическая целесообразность появится при условии, что в Иране будут функционировать АЭС суммарной мощностью более 10 ГВт. Но даже в контексте столь крупной энергетической программы собственные иранские запасы природного урана недостаточны, чтобы оправдать строительство промышленного обогатительного комплекса. Поэтому урановые исходные продукты для последующего обогащения все равно придется покупать на мировом рынке, и самообеспеченность не будет достигнута. Впрочем, большинство стран с собственной ядерной энергетикой импортируют топливо и не сталкиваются при этом с какими-либо проблемами, если строго соблюдают положения ДНЯО, правила ГЯП и гарантии МАГАТЭ. Иными словами, полной независимости от внешних поставок Иран не приобретет, даже построив ЯТЦ. А вот для гипотетического создания ЯО своих природных ресурсов у страны вполне достаточно при наличии предприятия по обогащению урана.

Что касается возможности Ирана создать ядерный заряд на основе плутония, то самым узким местом этой технологической цепочки является отсутствие реактора-наработчика. Поэтому стремление Тегерана построить тяжеловодный реактор на природном уране в Араке не может не вызвать законные сомнения в истинных целях его ядерной программы, хотя иранские официальные лица утверждают, что главная цель строительства реактора — производство радиоизотопов для нужд экономики, медицины и сельского хозяйства. Опять-таки собственных запасов природного урана у Ирана вполне достаточно для производства

уранового концентрата в качестве топлива для тяжеловодного реактора для наработки повышенного содержания плутония в ОЯТ — все это можно делать под всеобъемлющими гарантиями МАГАТЭ.

Следующим узким местом создания в Иране ядерного заряда на основе плутония является отсутствие промышленной технологии и производственных мощностей по регенерации ОЯТ и выделению плутония. Имеющиеся в Тегеранском ядерном научно-исследовательском центре «горячие камеры» (импортированные из США) способны, по некоторым оценкам, ежегодно выделять не более 600 г плутония, но и эти данные представляются весьма завышенными [60]. Без наличия соответствующих производств, представляющих собой технически сложные сооружения с дистанционным управлением, радиационной защитой и контролируемой атмосферой, выделение плутония из ОЯТ представляется крайне сложной задачей, и ее быстрое решение собственными силами Ирана едва ли возможно.

Также относительно узким местом является недостаток квалифицированных научно-технических кадров, хотя их подготовка за рубежом при шахском режиме рассматривалась ОАЭИ как одно из важнейших условий реализации ядерной программы. Приоритет отдавался США и странам Западной Европы. Так, в 1959—1965 гг. пять иранских специалистов прошли подготовку в Школе реакторной технологии в Ок-Ридже [61], в 1955—1959 гг. в Международной школе ядерной физики и техники в Аргоне были подготовлены три иранских специалиста, а в 1960—1965 гг. — еще три [62]. В 1975 г. в ОАЭИ почти половину сотрудников (из 150 человек) составляли иностранные специалисты, в основном из США и Великобритании. В том же году около 100 иранцев были посланы обучаться в зарубежные вузы по специальности «ядерная физика»[63].

В 1977 г. от 30 до 40 тыс. иранцев (по оценкам Госдепартамента США) обучались в американских колледжах, образуя крупнейшую студенческую общину, причем часть из них получала подготовку по специальностям, связанным с ядерной физикой или ракетостроением [64]. В частности, президент ОАЭИ Р. Амроллахи получил образование в Техасском университете по специальности «ядерная физика», а затем стажировался в Бельгийском центре ядерных исследований (г. Мол) [65]. К 1977 г. в трех ведущих американских университетах получили подготовку в области ядерной физики и техники 48 иранских студентов [66].

В НИОКР, проводившихся в США в 1955—1977 гг., участвовали 162 иранских специалиста [67]. За 1970—1977 гг. в четырех ведущих американских фирмах — производителях ядерной продукции было подготовлено 35 иранских специалистов [68]. С 1958 по 1976 гг. по линии МАГАТЭ в США прошли подготовку 16 иранских специалистов [69]. Таким образом, за время до падения режима шаха более 200 иранцев получили образование в США в области ядерной физики и техники.

Исламская революция привела к оттоку значительной части иранских специалистов за рубеж. По оценкам зарубежных экспертов, в конце 80-х годов суммарное число специалистов, задействованных в ядерной сфере Ирана, не превышало 500 [70].

После революции готовить специалистов в ядерной области в США и странах Западной Европы стало практически невозможно, и бóльшая их часть проходила обучение в странах третьего мира и КНР. По некоторым данным, в конце 80-х годов подготовка иранских специалистов осуществлялась в Аргентине, 39 сотрудников ОАЭИ выезжали в Пакистан по приглашению Комиссии по атомной энергии этой страны [71], 15 специалистов из Ядерного центра в Исфахане прошли стажировку в КНР (1988—1992 гг.) [72].

Российский вклад в подготовку иранских специалистов-ядерщиков относительно мал и составляет всего 10—20 аспирантов и докторов в год. В значительных масштабах осуществляется только подготовка специалистов, которые будут необходимы для эксплуатации АЭС в Бушере. В мае 1999 г. началась подготовка 38 иранских специалистов-ядерщиков в Нововоронежском учебно-тренировочном центре [73]. Проводится стажировка иранского персонала на Калининской и Балаковской АЭС, причем на последней планируется обучение 342 иранских специалистов [74]. Кадры для ОАЭИ готовятся и в Обнинском институте атомной энергетики. Заметим, что для эксплуатации АЭС в Бушере (по заявлению представителей ОАЭИ) необходимо 225 инженеров, получивших подготовку в области физики, ядерной физики, а также по специальностям «инженер-механик» и «специалист в области ЭВМ»[75].

Таким образом, можно утверждать, что число квалифицированных специалистов-ядерщиков в Иране сравнительно невелико, а собственные возможности страны в подготовке профессионалов весьма ограниченны. Хотя в принципе можно обучать их за рубежом, но допуск к получению образования, стажировке или участию в НИОКР, относящимся к «критичным» ядерным технологиям, существенно затруднен. И это узкое место в формировании

научно-технических предпосылок для создания ядерного оружия в Иране можно считать одним из самых труднопреодолимых. Однако если допустить, что Тегерану удастся вернуть из-за рубежа подготовленные еще при шахе кадры, то у него будет достаточно специалистов для реализации любой программы, в том числе и военного характера.

На основании изложенного может создаться впечатление, что Тегеран целенаправленно стремится к обладанию ядерным оружием, нарушая свои обязательства. Однако подобное утверждение, строго говоря, некорректно, поскольку и ДНЯО, и членство в МАГАТЭ не запрещают собственные разработки в области мирного использования ядерной энергии и создание промышленных объектов на их основе (в том числе и полного ядерно-топливного цикла). Подозрения в адрес Ирана более всего связаны с его попытками скрыть от МАГАТЭ создание потенциала, формально не запрещенного по ДНЯО (примеры — тайное строительство подземного обогатительного предприятия в Натанзе, секретная закупка центрифуг на пакистанском черном рынке). Не сняты претензии к Ирану в связи с полученной им документацией, относящейся к технологии создания урановых компонентов ядерных боезарядов. Ряд вопросов вызывают другие упомянутые аспекты ядерной программы Ирана, как и развитие его ракетного оружия (системы баллистических ракет с дальностью свыше 1000 км при достижимой для них точности прицеливания не имеют военного смысла, кроме как с ОМУ в качестве боевой части).

Тем не менее в настоящее время однозначно заявлять о конечном военном использовании технологии обогащения урана неправомочно. Если на всю деятельность Ирана в ядерной области будут распространяться гарантии МАГАТЭ, то невозможно тайно осуществить создание ядерного оружия, особенно при ратификации страной Дополнительного протокола 1997 г. Другое дело, что, создав эти комплексы и накопив запасы уранового материала для обогащения, а также плутония, можно выйти из гарантий МАГАТЭ и из ДНЯО и после этого достаточно быстро создать ЯО по модели КНДР, с чем и связана озабоченность США, европейских держав и, по-видимому, России.

Весь 2005 г. прошел в попытках разрешить кризис, связанный с проблемой «иранского ядерного досье», однако заметных успехов достичь не удалось. Более того, в ответ на давление со стороны Запада новое руководство Ирана стало демонстрировать твердую поддержку реализации полномасштабной программы

развития ядерной энергетики с созданием всех звеньев ЯТЦ. Осенью 2005 г. возобновилось производство гексафторида урана на конверсионном заводе в Исфахане. В начале 2006 г. Тегеран начал обогащать уран на опытном производстве в Натанзе. Обнародовано решение о планах начала в ближайшем будущем строительства второго энергоблока. Неоднократно подчеркивалось неотъемлемое право на «мирный атом» и намерение осуществлять необходимые исследования в данной области.

В этой связи представляется весьма своевременной инициатива России организовать на ее территории международный центр по обогащению урана для мирных программ других стран, в первую очередь для Ирана. Представляется важным тот факт, что Москва прямо заявила о том, что сможет обеспечить гарантированные поставки ядерного топлива, однако доступ других участников проекта к технологиям обогащения урана будет запрещен. Чуть раньше Россия предложила Тегерану создать на ее территории российско-иранское предприятие по обогащению урана и для обеспечения топливом его будущих АЭС. Если Иран на самом деле озабочен по поводу гарантированных поставок ядерного топлива для АЭС, как это декларируется официально, от него можно было бы ожидать большой активности в практической проработке российских предложений.

Объективности ради надо отметить, что целый ряд неядерных стран — членов ДНЯО (Япония, ФРГ, Нидерланды, Аргентина, Бразилия) имеют комплексы обогащения урана, регенерации ОЯТ и выделения плутония и тем не менее не стоят под подозрением и не испытывают международного давления. Иными словами, дело не столько в ядерных технологиях как таковых, сколько в характере режима, который не вызывает международного доверия, особенно со стороны США. Вполне вероятно, что при смене режима в Тегеране и (или) исполнительной власти в Вашингтоне либо при улучшении американо-иранских отношений по другим причинам те же технологии перестанут быть объектом столь острого беспокойства Запада. Однако другие страны, в частности Россия, КНР, Индия, имеющие хорошие отношения с Ираном, не очень волнуются по поводу его программы при условии, что она будет оставаться под контролем МАГАТЭ. Правда, Москва на высшем уровне государственного руководства заявила, что Иран не должен стремиться к обладанию комплексом ЯТЦ [76]. Однако при ближайшем рассмотрении дипломатическая линия России менее однозначна: Иран не должен возобновлять обогащение до урегулирования всех вопросов с МАГАТЭ, а после этого может восполь-

зоваться своим законным правом на создание ЯТЦ под контролем МАГАТЭ. При этом даже в условиях несговорчивости Тегерана Москва не считает нужным передать «дело» в Совет Безопасности ООН, принимать санкции и тем более применять военную силу.

Ведущие западноевропейские державы до недавнего времени занимали промежуточную позицию между линией США и названных партнеров Ирана, но затем солидаризировались с американской позицией.

Следует отметить, что осуществленные МАГАТЭ инспекции ядерной программы Ирана были беспрецедентны для члена ДНЯО по масштабам (более 900 человеко-дней), и эксперты Агентства не нашли оснований для официального вывода, что Иран нарушил или нарушает ДНЯО.

В СМИ часто появляется информация (или «утечки»), касающаяся попыток Ирана приобрести материалы, оборудование или технологию, относящиеся к ядерной сфере или имеющие двойное назначение. По зарубежным данным, Иран пытался купить у германских и швейцарских фирм оборудование, которое «потенциально применимо для разработки лабораторной технологии обогащения урана методом центрифугирования». В дополнение к этому якобы имела место попытка закупки в Великобритании специального магнитного оборудования на основе кобальта-самария, которое может использоваться для изготовления специальных подшипников, устанавливаемых на верхней крышке корпуса центрифуги [77]. Сообщалось, что в 1996 г. в Великобритании было задержано около 50 кг предназначенной для отправки в Иран специальной стали мартенситного класса, используемой при создании центрифуг [78]. В 1993 г. Италия приостановила поставку в Иран ультразвукового оборудования, которое может применяться для тестирования внутренней структуры материалов конструкции реактора [79].

Утверждается, что Иран закупил в Аргентине несколько тысяч фунтов диоксида урана (который попал в Иран транзитом через Алжир), более чистого по сравнению с урановым концентратом исходного сырья, пригодного для использования при наработке плутония [80]. Американские эксперты подозревают, что КНР предоставила Ирану дополнительную информацию, касающуюся технологий химического разделения радиоактивных материалов и их обогащения, проектирования оборудования для получения шестифтористого урана и его последующей переработки в ядерное топливо [81]. По имеющимся данным, весьма вероятно, что в 1996 г. Китай помог Ирану и в разработке оборудования для диффузии

газа [82], а также поставлял сталь мартенситного класса и компоненты, которые могут быть использованы для создания центрифуг [83]. Полагают также, что КНР осуществляла поставку оборудования для производства циркония [84]. В докладе бывшего члена аппарата Совета по национальной безопасности США приводится оценка возможных затрат Ирана на эти цели — 10 млрд долл.[85]

Если эта информация соответствует истине, она безусловно подтверждает только тот факт, что Тегеран стремится добиться самообеспеченности в области ядерной энергетики. Что касается разработки ядерного оружия, то приведенные факты наводят на серьезные подозрения, но сами по себе не являются неопровержимыми доказательствами наличия таких планов. Многие из названных программ и мероприятий начались при шахе с активным содействием США, а перспективные планы были еще более грандиозны. Другие неядерные страны — членоы ДНЯО имеют те же и даже более широкие элементы двойного назначения в своих ядерных программах, но по отношению к ним не ведется столь жесткая американская политическая кампания.

Что касается намерений Ирана, то о них можно только гадать. По мнению авторов настоящей работы, в государственных ведомствах и политических кругах есть несколько группировок, между которыми идет борьба вокруг вопроса о необходимости создания иранского ядерного оружия. При этом наиболее антиамериканская клерикальная часть руководства вовсе не является главным сторонником создания ЯО. Скорее эту идею поддерживают некоторые государственные ведомства и структуры бизнеса, напрямую вовлеченные в ядерные проекты, отдельные сектора военного командования, а также националистические политические силы. Соображения национальной безопасности (в свете американских угроз и опыта войны против Ирака), регионального престижа (ввиду ядерного статуса Израиля, Пакистана, Индии), внутренней политики играют в пользу развития военной ядерной программы. Но вместе с тем заинтересованность в сотрудничестве с Западом и Россией в экономической, военной и политической областях (которое будет затруднено в случае создания ЯО), страх перед превентивными военными акциями США или Израиля, авторитет Тегерана как участника ДНЯО, ДВЗЯИ и многих других договоров по разоружению работают против такой программы.

Представители иранской правящей элиты обычно подчеркивают серьезную озабоченность безопасностью Ирана, которой, по их мнению, угрожают США и Израиль. Как они считают, эти

угрозы Ирану трудно парировать с помощью обычных вооружений с учетом огромного военного превосходства США и наличия ядерного оружия у Израиля. Кроме того, значительная часть иранской элиты полагает, что никакие примирительные шаги со стороны Ирана не помогут ему добиться нормализации отношений с США, поскольку Вашингтон все равно твердо нацелен на смену режима в Тегеране. Тем не менее прагматичная часть иранской элиты, судя по косвенным данным, готова отказаться от ядерных амбиций, считая, что оптимальным путем для сохранения исламского режима является не обеспечение предпосылок для создания ядерного оружия, а всемерное укрепление экономического потенциала за счет развития сотрудничества с Европой и США. По некоторым данным, такой позиции придерживалась ранее реформистская часть правительства Ирана во главе с президентом М. Хатами. Видимо, новый президент М. Ахмадинеджад и консерваторы, составляющие большинство в меджлисе и «Обществе борющегося духовенства», придерживаются курса на создание предпосылок для овладения ядерным оружием. Однако и те и другие отстаивают право Ирана на обогащение урана в рамках обеспечения АЭС собственным ядерным топливом (программа полного топливного цикла).

Видимо, в настоящий момент в Иране внутриполитический консенсус сводится к необходимости сохранять потенциал возможного будущего «ядерного выбора», приобретая и развивая соответствующие технологии, материалы и экспертизу. Но сам по себе окончательный выбор еще не сделан. Образно выражаясь, Иран подходит к «ядерному порогу», но еще не перешагнул через него и не принял бесповоротного решения сделать это. Следующий шаг Тегерана через «порог» или прочь от него будет в решающей мере зависеть от влияния внешних факторов как глобального, так и регионального масштаба, о чем подробнее речь идет ниже.

Ядерное сотрудничество России и Ирана

Позиция России по отношению к Ирану определяется двумя основными факторами. Во-первых, Иран — это крупное, быстро развивающееся исламское государство, региональный лидер, расположенный в непосредственной близости от российских границ. На протяжении последних десятилетий между двумя странами существуют тесные связи и добрососедские отношения

в политической и экономической областях. Позиции двух стран по широкому кругу вопросов, в частности, по Чечне, росту исламского экстремизма в Средней Азии, расширению влияния Турции, военной кампании США против Ирака в 2003 г. (в прошлом — по угрозе афганского «Талибана», разделу природных ресурсов Каспия), совпадают или близки. Иран является крупным торговым партнером России и крупнейшим импортером российских вооружений и военной техники (занимая чаще всего третье место после КНР и Индии).

Во-вторых, Россия с пониманием относится к стремлению Ирана войти в число высокотехнологичных, индустриально развитых стран. В этой связи стремление Ирана добиться энергетической самообеспеченности на длительную перспективу за счет ядерной энергетики представляется вполне объяснимым. Однако Москва крайне негативно относится к возможности появления у Ирана ядерного оружия, рассматривая подобный сценарий в качестве непосредственной угрозы своей национальной безопасности.

Анализ российско-иранского сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии показывает, что оно играет важную роль в поддержании добрососедских отношений между двумя странами, предоставляя Москве определенные рычаги политического воздействия на Тегеран. С экономической точки зрения это сотрудничество не менее важно, поскольку стоимость строительства только первого ядерного энергоблока оценивается в 800 млн долл., а при поставке еще трех сумма может достичь 3—3,5 млрд долл.[86] По некоторым оценкам в контракте на строительство АЭС в Бушере задействовано около 300 российских предприятий, он создал (или сохранил) для России приблизительно 20 тыс. рабочих мест [87]. В преобладающе сырьевом или военном экспорте России эта статья имеет огромное коммерческое (как дополнение к бюджету «Росатома») и политическое значение.

При заключении соглашения Россия очень тщательно подошла к выполнению своих международных обязательств. По мнению экспертов, сотрудничество двух стран в ядерной области не нарушает ни одно из положений ДНЯО, правил Группы ядерных поставщиков и требований МАГАТЭ. Важен и тот факт, что Россия не поставляет в Иран технологию, относящуюся к «чувствительным», не усиливая тем самым научно-технические предпосылки появления иранского ядерного оружия (обогащение урана, регенерация плутония, производство тяжелой воды, тяжеловодные реакторы и пр.).

Для Москвы крайне важно, чтобы в ходе сотрудничества и Тегеран выполнял все свои международные обязательства в сфере ядерного нераспространения. До настоящего времени международному сообществу не представлено убедительных доказательств намерений иранского руководства нарушить свои обязательства и приобрести статус ядерной державы. Как представляется, до тех пор, пока это не произойдет, Россия будет выполнять положения заключенного соглашения, поскольку оно отвечает ее долгосрочным интересам, также как сотрудничество с шахским Ираном отвечало интересам США, причем предусматривало намного более масштабные и «двусмысленные» ядерные проекты.

Прекращение Россией сотрудничества с Ираном под нажимом США не только означало бы добровольную сдачу позиций на иранском рынке, которые неизбежно заняли бы другие государства, но и привело бы к ухудшению политических отношений между двумя странами. Это стало бы тяжелым ударом по престижу России как надежного научно-технического партнера любых стран в глобальном масштабе. Это тем более так, что формальных причин обвинять Иран в нарушении ДНЯО нет, хотя имеется ряд сомнительных и неясных моментов в связи с его ядерной программой. Россия исходит из того, что некоторые из этих вопросов могут быть сняты через МАГАТЭ, а другие (такие, как элементы полного топливного цикла) решены путем переговоров.

Распространенный довод, гласящий, что Ирану не нужна ядерная энергетика ввиду имеющихся там запасов нефти и газа, едва ли выдерживает критику. В частности, Россия и США тоже имеют огромные запасы углеводородного сырья, но активно используют ядерную энергию. И даже если бы гипотетически они отказались от своего ядерного оружия (в сопряжении с созданием которого изначально развивалась ядерная энергетика), они теперь никогда не закрыли бы свой «мирный атом» как по внутриэкономическим и научным, так и по политическим и внешнеторговым резонам. Иран стремится создать ядерную энергетику, чтобы обеспечить себя на будущее иными источниками энергии, нежели невозобновляемое углеводородное сырье, а также чтобы сохранить нефть и газ как важнейшую статью экспорта. Наконец, главный контраргумент состоит в том, что иранские запасы нефти и газа ничуть не смущали США, когда они начинали масштабную программу ядерного сотрудничества с шахским Ираном. Таким образом, дело не в наличии у Ирана углеводородного сырья, а в том, что нынешний политический режим этой страны не внушает никакого

доверия американской администрации. Нельзя также исключать намерений США получить контроль над иранскими нефтяными ресурсами в целях обладания рычагом давления на КНР, которая во все большей степени зависит от поставок иранской нефти для своей быстро развивающейся экономики. Однако это не повод для применения силы под предлогом борьбы против ядерного распространения (как уже случилось с Ираком в 2003 г.), если МАГАТЭ не обнаружило явных нарушений ДНЯО и если санкции не получили одобрения Совета Безопасности ООН.

Нанесение Вашингтоном превентивного удара по иранским ядерным объектам (или рейд Израиля, который уже имеет подобный опыт в отношении Ирака в 1982 г.) привело бы к весьма пагубным политическим последствиям как для региона в целом, так и для российско-американских отношений. Без санкции Совета Безопасности ООН это явилось бы актом агрессии и погрузило бы весь огромный регион вокруг Ирака, Ирана и Афганистана в пучину войны и терроризма.

С другой стороны, в России прекрасно понимают, что если в отношениях между Ираном и США в результате тех или иных причин наступит потепление, это может побудить западных поставщиков ядерной продукции выступить в качестве конкурентов российских предприятий, осуществляющих строительство АЭС в Бушере. Перспектива западных инвестиций в иранскую газовую отрасль сделает Иран в будущем главным конкурентом России в экспорте природного газа, который со временем обгонит нефть в качестве мирового энергосырья (Иран стоит на втором месте в мире по его разведанным запасам после России).

Перспективы нераспространения в регионе

Эти перспективы зависят от состояния ядерной инфраструктуры стран региона и проводимой ими политики, которые рассматриваются ниже.

В Египте есть два исследовательских реактора, на которые распространяются гарантии МАГАТЭ. У государства пока нет возможности производить оружейные ядерные материалы, хотя в 1998 г. было заявлено, что Каир создаст или приобретет ядерное оружие, если в нем возникнет политическая и военная необходимость. В этой связи заслуживает внимания расследование, которое осуществляется по линии МАГАТЭ. Эксперты Агентства на основании открытых научных публикаций сделали вывод о весьма

вероятном осуществлении в Египте НИОКР, целью которых может быть получение знаний, необходимых при реализации программы создания ядерного оружия. Перед Каиром были поставлены соответствующие вопросы. Это новый вид контрольной деятельности МАГАТЭ, ведущийся в рамках Дополнительного протокола 1997 г.

В Алжире действуют один исследовательский реактор аргентинского производства и один исследовательский реактор китайского производства мощностью 10—15 МВт. Оба реактора находятся под гарантиями МАГАТЭ.

Сирия в 1999 г. подписала с Россией десятилетнее соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии. В Сирии отсутствуют научно-технические предпосылки создания ядерного оружия или военная ядерная программа.

По заявлениям перебежчика из Саудовской Аравии, в 1994 г. в стране с помощью специалистов из КНР и Ирака осуществлялась секретная программа создания ядерного оружия. Если принять во внимание, что Саудовскую Аравию считают одним из основных источников финансирования военной ядерной программы Пакистана, а создатель «исламской ядерной бомбы» А. К. Хан неоднократно имел контакты с саудовскими представителями, то заявление перебежчика заслуживает внимания. Однако факты, свидетельствующие о сколько-нибудь серьезной ядерной программе Эр-Рияда, пока не обнаружены.

После отказа Ливии от создания и обладания ядерным оружием (и другими видами оружия массового уничтожения) и передачи имевшихся материалов и оборудования Соединенным Штатам Триполи можно исключить из числа потенциальных обладателей ядерного оружия даже в отдаленной перспективе. Однако анализ этого события представляет большой интерес с точки зрения воздействия на ситуацию в ядерном нераспространении в целом. По данным разведывательных служб США и Великобритании, Триполи удалось нелегально импортировать из Пакистана несколько десятков центрифуг для обогащения урана, некоторое количество исходного материала (гексафторида урана), вспомогательное оборудование и материалы. Даже если допустить, что Ливии удалось бы технически грамотно осуществить монтаж полученного оборудования и его эффективную эксплуатацию, потребовались бы многие годы, чтобы на нем наработать необходимое количество оружейного урана. При этом на последующем этапе (создания единичных образцов работоспособных ядерных боезарядов) возникли бы еще более серьезные трудности.

Нельзя, конечно, исключать, что военная акция США в Ираке произвела впечатление на М. Каддафи, режим которого находился в изоляции, под международными санкциями и в прошлом уже подвергался наказанию в виде американских авиаударов. Но в то же время не следует переоценивать этот успех политики стран Запада. Главное значение имело скорее всего то обстоятельство, что недостаточный уровень развития научно-технической и производственной базы страны не позволил осуществить адаптацию и копирование полученного оборудования и технологии. Ливийскому руководству стало очевидно, что планы создания масштабного уранообогатительного производства и наработки значимых количеств оружейного урана не могут быть реализованы, тем более скрытно и достаточно быстро (с учетом членства Ливии в ДНЯО).

Видимо, в этих условиях экстравагантный ливийский лидер решил осуществить своего рода сделку — отказ от ядерных технологий в обмен на снятие всех санкций и получение помощи в модернизации оборудования нефтедобычи, что сулило Ливии осязаемые и быстрые выгоды. Поскольку Триполи вложил в секретную ядерную программу многие сотни миллионов долларов (а по некоторым оценкам — более миллиарда), есть все основания предположить, что обещанная Западом «компенсация» за отказ от ее реализации должна быть соизмерима с этими средствами.

Из примера Ливии следует ряд выводов. Во-первых, что самое тревожное, он продемонстрировал наличие международного черного рынка ядерных технологий и материалов, который, вероятно, будет расширяться подобно нелегальному рынку наркотиков и оружия и создаст главную опасность доступа террористов к ядерному оружию, если международное сообщество не примет соответствующие меры противодействия. Во-вторых, выявилась недостаточная эффективность прежних типов гарантий МАГАТЭ, что делает еще более настоятельным присоединение всех членов ДНЯО к Дополнительному протоколу 1997 г., применение которого, несомненно, быстро вскрыло бы незаконную деятельность вроде той, которую вела Ливия. В-третьих, ливийская модель подтверждает то обстоятельство, что осознание практической недостижимости статуса де-факто ядерной или «околоядерной» державы (во всяком случае, тайным путем и в обход гарантий МАГАТЭ) и, как следствие, риск оказаться объектом международных санкций, особенно по решению Совета Безопасности ООН, способны побудить государство отказаться от имеющихся научно-техниче-

ских возможностей в ядерной области. Такой отказ, в свою очередь, может стать предметом переговоров и соглашений с заинтересованными сторонами, приносящих не только политическую, но и ощутимую экономическую выгоду. Этот урок более всего относится к проблемам ядерной деятельности Ирана и КНДР.

Перспективы ядерного распространения в регионе применительно к упомянутым странам целесообразно рассматривать в контексте одного из двух вариантов общего развития ситуации.

Согласно первому из них в регионе сохраняется статус-кво, Израиль остается де-факто ядерным государством, Иран осуществляет программу развития ядерной энергетики, сохраняя членство в ДНЯО и выполняя все свои международные обязательства. В этом случае можно предположить, что ядерная политика стран второй группы (Египта, Алжира, Сирии, Ливии, Саудовской Аравии) не претерпит существенных изменений. Возможно относительное усиление интереса к ядерной энергии, но под полным контролем МАГАТЭ. Весьма вероятен рост критических выступлений представителей этих стран (в первую очередь Египта) в адрес США, Израиля, держав «ядерной пятерки», Группы ядерных поставщиков, даже МАГАТЭ. Будут звучать обвинения в невыполнении ядерными державами обязательств в области ядерного разоружения по ст. VI ДНЯО, в дискриминационном подходе к мирному ядерному экспорту, в отказе от предоставления гарантированного ДНЯО доступа к мирной ядерной технологии и т. д. Однако качественных изменений отношения этих стран к вопросу приобщения к «ядерному клубу» не произойдет.

Второй вариант связан с резкой ядерной дестабилизацией региона. Причиной могут быть прежде всего шаг Ирана к достижению ядерного статуса либо силовые действия США и/или Израиля против Ирана, Сирии либо какой-либо другой исламской страны под предлогом борьбы с международным терроризмом или предотвращения распространения оружия массового уничтожения. В меньшей степени причиной может стать явная демонстрация КНДР своего ядерного статуса (например, испытание взрывного устройства) и отказ вернуться в ДНЯО в качестве неядерной страны.

Тогда следует ожидать резкого роста интереса к повышению научно-технических возможностей стран названной группы по созданию ядерного оружия. Поскольку в одиночку добиться этого им будет чрезвычайно трудно, возможно объединение их усилий в ядерной области, организация официального (и секретного) сотрудничества с целью совместного создания ключевых звеньев

ядерного топливного цикла или покупки достаточного количества оружейных ядерных материалов. Нельзя исключить вероятность того, что Саудовская Аравия и Пакистан могли бы способствовать развитию ядерных возможностей стран группы, предоставив им финансовые средства и технологии.

В принципе облученное ядерное топливо из исследовательских реакторов, находящихся на территории стран группы, могло бы стать источником исходного сырья (плутония) для ядерного боезаряда. Однако количества наработанного плутония в сравнительно маломощных исследовательских реакторах, видимо, недостаточно, чтобы произвести несколько ядерных зарядов. Необходимы отсутствующие ныне мощности по выделению плутония и специалисты, способные спроектировать и собрать ядерный заряд по более сложной (имплозивной) схеме на базе этого материала.

Кроме того, неизбежно возникнет проблема распределения прав обладания и контроля над ядерными зарядами между участниками группы, которую было бы чрезвычайно трудно решить ввиду характера нынешних режимов региона и отношений между ними (достаточно вспомнить острые противоречия даже между странами НАТО по вопросам совместного контроля над ЯО в 60-е и 80-е годы прошлого века).

Ядерные возможности Саудовской Аравии представляют собой особый случай, поскольку Эр-Рияд, не имея практически никаких собственных научно-технических возможностей в этой области, может попытаться купить готовые ядерные боезаряды или достаточное количество оружейных ядерных материалов, а также нанять специалистов для их сборки в боеприпасы и адаптации к носителям (имеются баллистические ракеты малой и промежуточной дальности). Помимо таких возможных поставщиков, как Пакистан и КНДР, нельзя игнорировать возможность поставок частными компаниями во многих вполне «добропорядочных» странах. Расширение международного ядерного черного рынка предоставляет в этом плане растущие возможности при наличии политического решения и финансовых средств.

Таким образом, в целом ситуация в области ядерного нераспространения в регионе определяется в основном политикой ведущих государств — Израиля, Ирана, в меньшей степени Египта. Влияние Сирии, Алжира и Саудовской Аравии является весьма слабым и может сказаться только в коллективном формате, вместе с Египтом и тем более Ираном.

Ядерная политика Ирана, Египта и других исламских стран БСВ официально является реакцией на проведение Тель-Авивом политики «ядерной неопределенности», хотя на деле далеко не ясно, в какой мере израильский статус действительно волнует соседей, а в какой служит удобным предлогом для реализации иных внешне- или внутриполитических планов. В общественном мнении исламского мира Израиль как де-факто ядерное государство, не являющееся членом ДНЯО, к тому же обладающее превосходством в силах общего назначения и существующее в состоянии «осажденной крепости», воспринимается в качестве большой угрозы национальной безопасности.

Наряду с озабоченностью израильским ядерным оружием отмеченные привходящие мотивы составляют основу постоянной политической кампании исламских государств с целью заставить Израиль отказаться от этого оружия или, как минимум, настроить против него мировое общественное мнение. Еще в 1974 г. шах Ирана выступил с инициативой по созданию в регионе безъядерной зоны, которая была поддержана Генеральной Ассамблеей ООН, но до сих пор не реализовалась.

В настоящее время все страны региона поддерживают создание безъядерной зоны, но арабские страны и Израиль расходятся в определении ее параметров и порядка создания. Тель-Авив, формально не отвергая эту идею, утверждает, что такая зона может быть создана только после того, как будут урегулированы все вопросы, связанные с безопасностью стран-участниц, и подписан договор, предусматривающий контроль над обычными вооруженными силами и вооружениями. Арабские государства настаивают на том, чтобы первым шагом в процессе создания безъядерной зоны стал отказ Израиля от ядерного оружия или официальное подтверждение, что он это сделает, когда будет достигнуто ближневосточное урегулирование. Тупиковая ситуация сохраняется много лет, и прогресса в ее разрешении не видно, хотя создана и функционирует специальная группа по контролю за вооружениями и региональной безопасности. Очевидно, что ни исламские страны, ни Израиль не относятся к данной идее всерьез, а скорее обыгрывают ее в пропагандистских целях, как СССР и США играли в ООН с лозунгом «всеобщего и полного разоружения» в 50-е и 60-е годы прошлого столетия.

Если рассматривать проблему по существу, то перспективы безъядерной зоны на Ближнем и Среднем Востоке выглядят крайне сомнительно даже помимо спорных вопросов о границах зоны,

составе стран-участниц, порядке осуществления плана и мерах гарантий и контроля за соблюдением. Дело еще сложнее: создание такой зоны вряд ли возможно без урегулирования арабо-израильского конфликта и ряда конфликтов между исламскими государствами. Коме того, учитывая геостратегические и демографические преимущества окружающего Израиль исламского мира, а также продолжающуюся модернизацию арабских армий, Тель-Авив вправе требовать соглашений по глубокому сокращению и ограничению сил общего назначения стран БСВ в качестве непреложного условия создания безъядерной зоны. Но и этого вряд ли будет достаточно. Авторитарный характер большинства исламских режимов, рост фундаментализма и радикализма на БСВ едва ли позволит Израилю полностью полагаться на нерушимость вероятных соглашений с соседними странами, не имея военного, в том числе ядерного «страхового полиса» в той или иной форме.

Если сравнить данный регион с Европой, то станет очевидно, что в Старом Свете в последние 10—15 лет все сходные проблемы безопасности были решены или во всяком случае поставлены под политический контроль. На континент постепенно распространяется система безопасности и интеграции НАТО и Европейского союза, хотя эти процессы идут не без трений и противоречий. Но при всем этом речь пока не идет о создании в Европе безъядерной зоны, и даже идея организации такой зоны в Центральной и Восточной Европе, где расположены новые страны — члены НАТО и ЕС, не встречает поддержки на Западе.

Понятно, что подобный проект поставил бы немало сложных проблем, поскольку на европейском континенте расположены три из пяти великих ядерных держав и американские тактические ядерные средства в качестве символа их обязательств в НАТО. Однако ни у кого не может быть сомнений, что в целом проблемы международной безопасности в Европе и внутриполитической стабильности стран континента неизмеримо менее остры, чем на БСВ. И тем не менее там не рассматривают безъядерную зону в качестве практической задачи повестки дня. Отложен в долгий ящик даже вопрос соглашения об ограничении или полной ликвидации тактического ядерного оружия на континенте, которое представляет более серьезную угрозу с точки зрения его сохранности и надежности предотвращения несанкционированного применения, нежели стратегическое.

Как представляется, важнейшей отличительной особенностью кризисной ситуации, сложившейся в регионе, является состояние

неустойчивого равновесия, которое не может длиться долго. В таких странах, как Иран, Сирия и Саудовская Аравия, далее — Алжир и Египет, не только стоит проблема обеспечения национальной безопасности как важнейшего элемента внешней и внутренней политики, но и наблюдается рост националистических тенденций, окрашенных исламским экстремизмом. При дальнейшем обострении обстановки нельзя исключить возможность официальных заявлений на самом высоком уровне названных стран о намерении или практической деятельности по созданию минимальных ядерных сил сдерживания.

Непосредственно в сфере ядерного нераспространения на БСВ перспективы более всего зависят от политики Израиля и Ирана, в том числе их взаимного влияния друг на друга.

Необъявленный ядерный арсенал Израиля и в обозримом будущем останется важнейшей составляющей военно-стратегического баланса в регионе. При этом даже полное урегулирование израильско-палестинского конфликта не заставит Тель-Авив сразу отказаться от ядерного арсенала, поскольку проблема долгосрочного безопасного мира в регионе не ограничивается только этим конфликтом.

В силу отмеченных выше причин отказ Израиля от ядерного оружия гипотетически достижим не в рамках урегулирования конфликтов и не на базе безъядерной зоны, а взамен на твердые и несомненные гарантии безопасности извне. При этом даже двусторонние договорно-правовые военные гарантии (в том числе и ядерные) со стороны США не обязательно полностью удовлетворят Тель-Авив, привыкший полагаться в таких вопросах в первую очередь на собственные силы, хотя и при масштабной американской военной поддержке. Дело в том, что ряд стран, имеющих такие гарантии, в последнее время все больше ставит их под сомнение и рассматривает вопрос об опоре на собственные, в том числе ядерные, силы (Япония, Южная Корея, Тайвань).

Относительно более перспективным могло бы стать предоставление гарантий со стороны НАТО. Как организация, в последнее десятилетие распространяющая сферу своих интересов и операций за пределы Европы, Североатлантический альянс теоретически мог бы принять Израиль в качестве полноправного члена и тем самым распространить на него действие знаменитой ст. V Договора 1949 г., гарантирующей всемерную военную помощь Тель-Авиву в случае агрессии против него. Эта гарантия безопасности не ставилась и не ставится под сомнение, несмотря

на идущее расширение НАТО на восток. Правда, географически Израиль не расположен в Европе, но и территория Турции в большей своей части лежит вне континента, не говоря уже о США, которым после 11 сентября 2001 г. была предложена помощь НАТО по ст. V. А заявки на членство в НАТО со стороны балканских и закавказских стран размывают геополитические и геостратегические, если не строго географические границы членства в союзе. Что касается соответствия Израиля политическим и военным стандартам, предъявляемым к участникам НАТО, то он несомненно намного опережает не только новых членов и претендентов на членство в альянсе, но и многих старых его участников.

Проблема, конечно, не в формальных признаках и критериях. Во-первых, препятствием является неурегулированность территориальных споров с соседними странами и палестинского вопроса. Но и решение этой сложной задачи не снимает другого обстоятельства — заинтересованности многих европейских стран в развитии отношений с арабскими странами, прежде всего как с экспортерами энергоресурсов, и их нежелания однозначно занять сторону Израиля, предоставив ему гарантии безопасности, даже в случае разрешения территориальных споров. Кроме того, вследствие широкой иммиграции с Ближнего и Среднего Востока в Европу во многих странах континента уже сформировались крупные исламские общины, с которыми не могут не считаться европейские политики.

Интерес представляет и политическая сторона гипотетического отказа Израиля от ЯО. Ведь для того чтобы это сделать, нужно сначала официально признать его наличие («модель ЮАР»). Если Тель-Авив открыто заявит о своем ядерном статусе и вслед за этим сразу не будут заключены соглашения о ликвидации израильских ядерных средств, то эффект может быть прямо противоположным. Например, потребовав от ООН санкций в отношении Израиля и не получив их, 22 страны Лиги арабских государств способны пойти на демонстративный коллективный выход из ДНЯО, что, безусловно, повлечет крах этого договора и его механизмов и режимов.

Если бы вышеозначенная проблема была решена в позитивном ключе, равно как и гарантии безопасности со стороны НАТО, то технические вопросы можно было бы урегулировать в разных вариантах. Наиболее радикальным была бы ликвидация ядерных боезарядов под международным контролем и передача под

гарантии МАГАТЭ всех ядерных материалов, технических комплексов и объектов после вступления Израиля в ДНЯО в качестве неядерного государства («модель ЮАР»). Однако столь радикальное и необратимое (во всяком случае, в короткие сроки) решение едва ли удовлетворило бы Тель-Авив даже в случае его принятия в НАТО. Промежуточным вариантом мог бы стать частичный демонтаж ядерных боезарядов и их складирование в небоеготовом (раздельном) состоянии под международным контролем с пониманием того, что в случае угрозы агрессии Израиль может достаточно быстро воссоздать свои силы ядерного сдерживания. Такое решение наверняка вызвало бы критику со стороны исламских государств региона, но вкупе с другими экономическими и политическими «компенсациями» все же могло бы быть принято, по крайней мере как среднесрочное решение.

Конечно, без общего урегулирования ситуации в регионе вряд ли реально заключение подобного соглашения. Только после этого можно ожидать начала переговоров относительно отказа Израиля от ядерного оружия и заключения соответствующих соглашений. При этом необходимо учитывать, что обязательным условием, помимо всего прочего, является и надежное урегулирование проблемы ядерной программы Ирана. Обратная же зависимость двух вопросов не является совершенно жесткой. Иными словами, иранскую ядерную проблему можно решить и без отказа Израиля от ЯО, оговорив его в качестве желательной долгосрочной перспективы.

Решение иранского вопроса возможно в рамках договоренности о предоставлении Ирану соответствующих «компенсаций» по пути, начатому ведущими державами Евросоюза и Россией. Теоретически существуют три основных варианта урегулирования.

Первый вариант («консервирующий»). Иран продолжает расширение мощностей и эксплуатацию опытного уранообогатительного завода в Натанзе, завода по конверсии урана в Исфахане, строительство завода по производству тяжелой воды в Араке и тяжеловодного исследовательского реактора в Карадже. Продолжается также строительство первого энергоблока АЭС в Бушере, и Ирану гарантируются поставки ядерного топлива для Бушера при условии возвращения ОЯТ в Россию. В этом случае Тегеран ратифицирует Дополнительный протокол, МАГАТЭ осуществляет постоянный мониторинг иранских ядерных объектов, и полномасштабные гарантии Агентства реализуются в полном объеме. Именно этот вариант сейчас активно продвигает Тегеран.

У международного сообщества появится уверенность в отсутствии на территории Ирана незаявленной деятельности в ядерной области. Вашингтон может рассчитывать на бóльшую степень сотрудничества с Тегераном в области урегулирования ситуации в Ираке (или во всяком случае на благожелательный нейтралитет). Вместе с тем, хотя такое решение не потребует больших уступок со стороны Запада, наличие в Иране технологий полного ядерного цикла и реактора-наработчика плутония будет постоянным раздражителем, поскольку оставит Тегерану возможность воспроизвести «модель КНДР» — выйти из ДНЯО, отказаться от мониторинга МАГАТЭ и в течение года-двух произвести собственные ядерные боезаряды. Это тем более тревожная перспектива, что под них Иран планомерно развивает ракеты большой дальности. В конце 2005 г. появилась информация о якобы имевшей место передаче Ирану из КНДР 18 баллистических ракет ВМ-25, потенциальных носителей ядерного оружия. Согласно организованным в начале февраля 2006 г. «утечкам» информации из американских спецслужб эти ракеты, вероятно, прошли существенную модернизацию, что позволило довести их дальность до 3500 км.

Второй вариант («расширенный»). США не возражают против строительства в Бушере новых ядерных энергоблоков. Заключаются соглашения о гарантированных поставках ядерного топлива из-за рубежа. Тегерану предоставляются западноевропейские кредиты на импорт новейших технологий для нефтяной и газовой промышленности с возможностью значительного увеличения объемов экспорта нефти и газа в Западную Европу, Иран принимают в ВТО. Происходит улучшение американо-иранских отношений, резко снижается военное давление на Тегеран и ослабляется критика руководства Ирана по ядерным вопросам, снимаются отдельные антииранские санкции.

В свою очередь, Иран на длительное время (во всяком случае, до снятия всех претензий МАГАТЭ) консервирует опытное производство по обогащению урана в Натанзе, завод по конверсии урана в Исфагане, прекращает строительство завода по производству тяжелой воды в Араке и тяжеловодного исследовательского реактора. Тегеран ратифицирует Дополнительный протокол, осуществляется постоянный мониторинг всех ядерных объектов, полноохватные гарантии Агентства реализуются в полном объеме.

Такое решение потребует крупных шагов навстречу Ирану со стороны США и Западной Европы, но соответственно даст более

надежные гарантии от создания им ЯО. В этом варианте выход из ДНЯО, снятие гарантий МАГАТЭ и расконсервация ряда объектов гипотетически позволят Ирану создать ЯО только через семь-восемь лет, что даст международному сообществу больше времени для принятия соответствующих мер. Этот вариант как альтернативу санкциям ООН и в конечном счете войне с теми или иными оговорками продвигают Россия, Западная Европа и Китай. Но США не поддерживают его как слишком «либеральный», а Иран отвергает как слишком «жесткий и дискриминационный».

Третий вариант («радикальный»). Россия и Запад осуществляют экспорт в Иран ядерных технологий мирного характера включая поставку и строительство новых АЭС. Для импорта этой технологии Тегерану могут быть предоставлены значительные зарубежные кредиты. Ему гарантируется по льготным ценам поставка ядерного топлива, необходимого для работы АЭС на весь срок их функционирования, и вывоз отработанного топлива. Тегерану предоставляются значительные западноевропейские и американские кредиты на импорт технологий для нефтяной и газовой промышленности с возможностью значительного увеличения объемов экспорта нефти и газа в США и Западную Европу. Происходит восстановление экономических и дипломатических американо-иранских отношений. США предоставляют Ирану гарантии неприменения силы включая подписание соответствующего соглашения. Все антииранские санкции снимаются, и осуществляются крупные американские инвестиции в иранскую экономику.

В свою очередь, ядерные технологии, нелегально импортированные из Пакистана, демонтируются и ликвидируются под контролем МАГАТЭ. Тегеран ратифицирует Дополнительный протокол, осуществляется постоянный мониторинг всех ядерных объектов, полноохватные гарантии Агентства реализуются в полном объеме. Кроме того, Иран демонтирует все оборудование, относящееся к чувствительной технологии (уранообогатительный завод в Натанзе, завод по конверсии урана в Исфахане, производство тяжелой воды в Араке и тяжеловодный исследовательский реактор), и передает его МАГАТЭ для последующего уничтожения («ливийская модель»).

В дополнение Иран берет на себя обязательство присоединиться к новым разрабатываемым международным нормам, направленным на укрепление режима ядерного нераспространения, недопущение появления в стране научно-технических предпосылок для создания ядерного оружия, и участвует в финансировании

работ по созданию ядерных реакторов нового поколения — более безопасных с точки зрения ядерного распространения.

В таких условиях выбор «модели КНДР» стал бы для Ирана крайне маловероятным, но даже при его осуществлении время для создания Ираном ЯО исчислялось бы десятью и более годами, что на относительно продолжительное время снизило бы напряженность в регионе.

Этот вариант, безусловно, предпочли бы США, Израиль, Западная Европа, Россия, Индия и Китай, но в настоящее время он выглядит явно неприемлемым для Ирана. Вопрос в том, готовы ли остальные державы на применение санкций вплоть до военной силы в случае недостижимости названного решения. Судя по всему, США и Израиль склоняются именно к такому решению, тогда как Западная Европа пока к этому не готова, а Россия и Китай выступают решительно против.

Примечания

[1] *Jabber F.* Israel and Nuclear weapons: Present Options and Future Strategies. — London: Chatto&Windus, 1971. — P. 25—27.

[2] Ibid. — P. 29, 31; United States Treaties and Other International Agreements / US Department of State. — Vol. 6. — Pt. 2. — Washington, DC: GPO, 1956. — P. 2641—2646.

[3] Article Says Israel Got C.I.A. Atomic Aid // New York Times. — 1975. — July 12.

[4] *Lefevre E. W*. Nuclear Arms in the Third World: U.S. Policy Dilemma. — Washington, D.C.: The Brooking Institution, 1979. — P. 68.

[5] *Weissman S., Krosney H.* The Islamic Bomb. — New York: Times Books, 1981. — P. 113.

[6] Ibid. — P. 118.

[7] *Miller J.* 3 Nations Widening Nuclear Contacts // New York Times. — 1981. — June 28.

[8] Israel: A Friend in Neer / K. Willenson, L. H. Norman, S. Sullivan, M. J. Kubic // Newsweek. — 1977. — Sept. 12. — P. 44.

[9] *Beaton L.* Why Israel Does Not Need The Bomb // New Middle East. — 1969. — Apr. — P. 7—11.

[10] *Weissman S., Krosney H*. Op. cit. — P. 108—109, 113.

[11] *Valery N.* Israel's Silent Gamble with the Bomb // New Scientist. — 1974. — Vol. 64. — Dec. 12. — P. 808.

[12] *Freidman T.* Israel's Nuclear Option // Atomic Scientist. — 1974. — Vol. 30. — Sept. — P. 31; *Ketzinel Z.* Uranium Sorces, Prodaction and Demand in

Israel // Peaceful Uses of Atomic Energy. — New York; Vienna: United Nations and Intern. Atomic Energy Agency, 1972. — Vol. 8. — P. 8, 113—119.

[13] *Albright D., Berkhout F., Walker W.* Plutonium And Highly Enriched Uranium 1996: World inventories, capabilities and policies / SIPRI. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1997. — P. 258.

[14] Новый вызов после «холодной войны»: Распространение оружия массового уничтожения / Служба внеш. разведки Рос. Федерации. — М., 1993. — С. 77.

[15] *Spector L. S., Smith J. R.* Nuclear Ambitions. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1990. — P. 160.

[16] Новый вызов после «холодной войны»... — С. 77.

[17] *Spector L. S.* Nuclear Proliferation Today: A Carnegie Endowment Book. — Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publ. Company, 1984. — P. 147.

[18] Новый вызов после «холодной войны»... — С. 78.

[19] *Spector L. S.* Op. cit. — P. 147.

[20] *Weissman S., Krosney H*. Op. cit. — P. 120—123; *Kohm H., Newman B.* How Israel Got the Nuclear Bomb // Rolling Stone. — 1977. — № 253. — Dec. 1. — P. 38—39.

[21] *Cirincirone J., Wolfsthal J. B., Rajkumar M.* Deadly Arsenals / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington D.C., 2002. — P. 230.

[22] Ibid. — P. 94.

[23] Ibid. — P. 230.

[24] The Arms Control Reporter. — Cambridge MA: Inst. for Defense & Disarmament Studies, 2000. — P. 602.B.395.

[25] Ibid. — P. 615.A.10.

[26] Ibid. — P.615.B.13.

[27] *Aluf Benn.* Open Secrets // Ha'aretz. — 2000. — March 14; *Idem.* Israel Resists Pressure on Its Nuclear Policy // Ha'aretz. — 2000. — May 2; *Idem.* Sharon Will Stick to Tradition of Nuclear Ambiguity // Ha'aretz. — 2001. — Febr. 18.

[28] The Arms Control Reporter. — Cambridge MA.: Inst. for Defense & Disarmament Studies, 2001. — P. 615.B.13.

[29] *Perabo B.* A Chronology of Iran's Nuclear Program / Monterey Inst. of Intern. Studies. — [S. l.], 1995. — P. 5.

[30] Новый вызов после «холодной войны»... — С. 89.

[31] *Perabo B.* Op. cit. — P. 5.

[32] National Security Study Memorandum (NSSM) 219 / National Security Council. — [S. l.], 1975, March 14; NSSM 292. — [S. l.], 1975, Apr. 22; NSSM 324. — [S. l.], 1976, Apr. 20 (http://www.ford.utexas.edu/library/document/nsdmnssm/nsdm.html).

[33] *Perabo B.* Op. cit. — P. 5.

[34] *Cordesman A*. Weapons of Mass Destraction in Iran / Center for Strategic and Intern. Studies. — [S. l.], 1998. — P. 23.

[35] EURODIF Company Links, Shareholders of Eurodif SA. 1999, 9 May // http://www.antenna.nl/wise/uranium/eceud.html.

[36] *Timmerman K*. Iran's Nuclear Program: Myth and Reality // Iran Brief. — 1995. — Sept. 30. — P. 3 (http://www.iran.org/tib/krt/castiglioncello.html).

[37] *Ansari Mostafa Taqizadeh.* A Glance at History of Transfer of Atomic Energy to Iran // Iran (Morning Daily). — 1995. — May 27 (http://www.netrian.com/Htdocs/Clipping/Deconomy/950527XXDE02.html).

[38] *Timmerman K.* Op. cit. — P. 3.

[39] *Pehlavi Mohhamed Reza.* Answer to History. — N.Y.: Stain and Day, Publ., 1980. — P. 177.

[40] *Koch A., Wolf J.* Iran's Nuclear Facilities: a Profile. — [S. l.], 1998 (http://www.cns.miis.edu/pubs/reports/pdfs/iranpt.pdf).

[41] Russia-Iran Reactor Deal Still on Track // Moscow Times. — 1995. — Sept. 30.

[42] *Barneby F.* The invisible Bomb: The nuclear Arms Race in the Middle East. — London: Tauris, 1989. — P. 120.

[43] Пресс-конференция ПИР-Центра «Российско-иранское сотрудничество в ядерной и военной областях: до и после визита президента Ирана Хатами в Москву». Институт развития прессы, 16 марта 2001 г.

[44] *Корецкий А.* Ирану по-прежнему верят не все // Коммерсантъ-Daily. — 1995. — 11 февр.

[45] Russian-Iranian protocol provides evidence of discussions, but no firm agreement, on sale or centrifuge plant for uranium enrichment / Natural Resources Defense Council, New Release. — [S. l.], 1995.

[46] *Henry P*. Iran to Buy 4 Reactors, Says Russia // Moscow Time. — 1995. — Aug. 30 (http://www.moscowtimes.ru/stories/1995/08/30/006.html).

[47] Россия построит в Иране исследовательский реактор с не более чем 20-процентным обогащением ядерного материала, сообщил Евгений Адамов // ИТАР-ТАСС. — 1998. — 6 апр.

[48] Пресс-конференция ПИР-Центра «Российско-иранское сотрудничество и экспортный контроль». Институт развития прессы, 25 ноября 1998 г.

[49] *Gerardi G., Aharinejad M.* An Assessment of Iran's Nuclear Facilities // Nonproliferation Rev. — 1995. — Spring-Summer. — P. 211 (http://www.cns.miis.edu/pubs/npr/iranuc23.html).

[50] *Cordesman A. H*. Iran and Nuclear Weapons / Center for Strategic and Intern. Studies. — Washington, D.C., 2000. — P. 14. *Коновалов Б.* Создать ядерную бомбу Иран, может быть, и хочет. Но едва ли сможет в обозримом будущем // Известия. — 1995. — 22 июня.

[51] *Харатьян К*. Американские ядерные секреты: США передавали плутоний и Ирану, и Ираку // Коммерсантъ. — 1996. — 10 февр.

[52] *Хлопков А.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях. — М., 2001. — С. 18. — (Науч. записки / ПИР-Центр полит. исслед. в России; № 18).

[53] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 6.

[54] *Perabo B.* Op. cit. — P. 15.

[55] Ядерное распространение / ПИР-Центр полит. исслед. — М., 2000. — С. 178.

[56] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 9.

[57] El Independent [Madrid]. — 1990. — Febr. 5 and 6; FBIS-Middle East. — 1988. — Dec. 1.

[58] *Koch A., Wolf J.* Iran's Nuclear Procurement Program: How Close to Bomb? // Nonproliferation Rev. — 1997. — Fall. — P. 130.

[59] Tracing Nuclear Proliferation: A Guide in Maps and Charts / R. Jones, M. McDonough, T. Dalton, G. Coblentz; A Carnegie Endowment Book. — Washington, 1998.

[60] *Koch A., Wolf J.* Iran's Nuclear Facilities: a Profile.

[61] Difficulties In Determining If Nuclear Training Of Foreigners Contributes To Weapons Proliferation: Report by Controller General of the United States. — Washington, D.C.: US GPO, 1979. — P. 18.

[62] Ibid. — P. 20.

[63] *Perabo B.* Op. cit.

[64] The US and Iran, An Increasing Partnership. Addressed by Sydney Sober, US State Dpt. // Washington D.C. Symposium on «Iran in the 80's» (http://www.sedona.net/pahlavi/us-iran.html).

[65] *Gerardi G., Aharinejad M.* Op. cit. — P. 211.

[66] Difficulties In Determining If Nuclear Training Of Foreigners Contributes… — P. 41.

[67] Ibid. — P. 83.

[68] Ibid. — P. 54.

[69] Ibid. — P. 68.

[70] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 4.

[71] Iran's Nuclear ambitions // Jane's intelligence Rev. — 1995. — June 1.

[72] *Gill B.* Chinese Arms Exports To Iran // Middle East Rev. of Intern. Affairs J. — 1998. — Vol. 2. — № 2. — May (http://www.biu.ac.il/SOC/besa/meria/journal/1998/issue2/jv2n2a7.html).

[73] В Нововоронеже приступили к стажировке иранские специалисты-атомщики // РИА Новости. — 1999. — 18 мая.

[74] Наш опыт оценили иранцы // Вестн. концерна «Росэнергоатом». — 2000. — № 2. — Февр.

[75] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 13.

[76] В. Путин: Иран должен согласиться на контроль ядерных объектов / Информ. агентство «РосБизнесКонсалтинг» // http://top.rbc.ru/index.

shtml?/news/daythemes/2005/04/28/28161231_bod.shtml (посещался 5 мая 2005 г.).

[77] A Guide in Maps and Charts / R. W. Jones, M. G. McDonough, T. Dalton, G. Koblentz; Carnegie Endowment for Intern. Peace. — [S. l.], 1998, 1999. — «Iran».

[78] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 9.

[79] Ibid. — P. 9.

[80] Nucleonics Week. — 1987. — May 7. — P. 6.

[81] *Shuey R., Kan Sh.* Chinese Missile and Nuclear Proliferation // Congressional Research Service. — IB92056. — Oct. 4. — P. 6—7; Washington Post. — 1995. — Apr. 17. — P. A-1, Apr. 18. — P. A-13.

[82] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 10.

[83] Reuters. — 1998. — March 15. — 1312.

[84] *Cordesman A. H.* Iran and Nuclear Weapons. — P. 16.

[85] Ibid. — P. 4.

[86] Минатом готовит новые сделки с Ираном // Известия. — 1995. — 6 мая.

[87] *Кучеренко В.* Как много замыслов в иранском поле // Рос. газ. — 2001. — 12 марта; *Fuad Jabber.* Israel and Nuclear weapons: Present Options and Future Strategies. — London: Chatto&Windus, 1971. — P. 25—27.

Выводы по разделу III

Решение ключевых региональных проблем нераспространения ядерного оружия и угроз его применения, связанных прежде всего с сохраняющейся напряженностью между Индией и Пакистаном, де-факто ядерным Израилем и обострившейся до предела ситуацией с Ираном, с трудно прогнозируемым исходом шестисторонних переговоров относительно Северной Кореи, в значительной степени зависит от позиции и согласованности действий официальных членов «ядерного клуба», главным образом США и России. Вместе с тем региональные особенности определяют необходимость не только универсализации режима нераспространения в целом, но и комплекса конкретных мер в зависимости от специфики региона.

В **Южной Азии** целесообразна косвенная легитимация ядерного статуса Индии и Пакистана в обмен на меры ограничения их ядерных программ и предотвращения ядерного конфликта с перспективой присоединения к ДВЗЯИ и ДЗПРМ, Дополнительному протоколу 1997 г. (по невоенным ядерным объектам), РКРТ и всем режимам экспортного контроля ядерных и двойного назначения материалов и технологий.

Следует настаивать на официальном принятии и включении в военные доктрины принципа неприменения первыми ядерного оружия по примеру Китая, уже объявившего о таком обязательстве. Тем самым вся военно-стратегическая региональная подсистема (Индия — Китай — Пакистан) оказалась бы более стабильной в смысле снижения вероятности развязывания ядерной войны даже в случае очередного кризиса.

В интересах нормализации обстановки в районе индо-пакистанской границы и снижения риска военного конфликта с ядерной эскалацией следовало бы содействовать достижению соглашения Индии и Пакистана о взаимном отводе от границы тактических ракет, способных нести ядерное оружие. Контроль может строиться на двусторонней основе, а также при необходимости с использованием технических средств великих держав.

Важно достичь соглашения сторон об уведомлении друг друга о любых передислокациях тактических ракет типа «Притхви» (Индия) и «Хатф-1», «Хатф-2» и «Хатф-3» (Пакистан), а также принять взаимные обязательства не размещать ядерное оружие в Кашмире,

т. е. как в индийском штате Джамму и Кашмир, так и в подконтрольных Пакистану областях бывшего одноименного княжества.

Аналогичные цели могут быть достигнуты заключением соглашения о поддержании ракетно-ядерных сил средней и большой дальности (свыше 500 км) в состоянии пониженной боеготовности (т. е. легализующего существующую практику) и об уведомлениях об изменении такого состояния в ходе учений, испытаний или по оперативным причинам.

Уже в настоящее время необходимо принятие мер, которые в случае ухудшения внутриполитической обстановки в будущем могли бы уменьшить ядерную опасность со стороны Пакистана. От властей Пакистана требуется усиление мер безопасности, контроля над хранением ядерных материалов, а также обеспечение надлежащей секретности и труднодоступности мест их размещения.

На Ближнем и Среднем Востоке в последнее время ситуация становится все более взрывоопасной и неконтролируемой. Израиль, имея ядерное оружие, не признает этого официально, тогда как Иран постоянно отрицает наличие военной ядерной программы, хотя и подозревается в этом, чему в значительной степени способствуют претензии на региональное лидерство и резкие выпады в адрес Израиля. Вероятно, в настоящий момент в Иране внутриполитический консенсус сводится к необходимости сохранять потенциал возможного будущего «ядерного выбора», приобретая и развивая соответствующие технологии и материалы. Об этом свидетельствуют практические шаги нового иранского президента и его окружения: возобновление производства гексафторида урана на заводе в Исфахане, запуск пилотного завода по обогащению урана в Натанзе и твердая поддержка программы создания всех звеньев замкнутого ЯТЦ. Угроза распространения в регионе исходят не только от государств, заинтересованных в разработке военных ядерных программ, но и от террористических организаций, стремящихся к обладанию ЯО. Это делает чрезвычайно острой проблему безопасности ядерных материалов, радиоактивных веществ и технологий, а также недопущения передачи соответствующих знаний специалистами, участвующими в разработке ядерных программ.

Интерес к ЯО других стран БСВ (Египта, Алжира, Ливии, Сирии, Саудовской Аравии) может повыситься в случае резкой ядерной дестабилизации региона. Причиной может быть прежде всего шаг Ирана к достижению ядерного статуса либо силовые действия США и/или Израиля против Ирана, Сирии или какой-либо другой исламской страны под предлогом борьбы с международным тер-

роризмом или предотвращения распространения ОМУ. Возможно объединение усилий этих стран в ядерной области, организация сотрудничества с целью совместного создания ключевых звеньев ядерного топливного цикла или покупки достаточного количества оружейных ядерных материалов.

Безусловно, идеальное комплексное решение проблем региона связано с распространением на Израиль двусторонних гарантий безопасности со стороны США или многосторонних обязательств НАТО в обмен на отказ Израиля от ядерного оружия и его присоединение к ДНЯО. Другой аспект решения — предоставление Ирану гарантий безопасности со стороны США и других ядерных держав, восстановление дипломатических отношений с США в обмен на ратификацию Ираном Дополнительного протокола 1997 г., ликвидация предприятий по обогащению урана и производству тяжелой воды, продолжение проекта строительства АЭС в Бушере и гарантии поставок ядерного топлива извне и вывоза ОЯТ вовне, а также принятие Ирана в ВТО и капиталовложения ЕС в иранскую газодобывающую промышленность. При этом все страны региона должны стать участниками Протокола 1997 г., ДВЗЯИ и ДЗПРМ, РКРТ, всех норм и механизмов экспортно-импортного контроля.

Однако упорное продвижение Ирана по пути создания полного ЯТЦ и отсутствие единства ведущих вовлеченных в кризис держав относительно методов решения проблемы (в первую очередь по поводу допустимости санкций и применения силы) пока не позволяют надеяться на урегулирование кризиса в названном формате.

Ключевая проблема ядерного нераспространения в **регионе Дальнего Востока** — исход эпопеи с ядерной программой КНДР. Он определит на обозримый период как вероятность ядерного распространения применительно к Японии и Южной Корее, а через них — перспективы форсированного наращивания ядерных сил КНР, так и судьбу режима и механизмов ДНЯО в глобальном масштабе, степень опасности вооруженного конфликта в регионе, дальнейшего расползания ядерных и ракетных технологий по всему миру, возможность получения доступа к ядерному оружию со стороны международного терроризма.

С достаточной степенью определенности можно утверждать, что сейчас КНДР еще не имеет ядерного оружия в полном смысле слова — в качестве средства нанесения ядерного удара по другой стране и инструмента такой угрозы для стратегии сдерживания. Но нельзя исключать, что там есть несколько собранных ядерных взрывных устройств, причем в их дееспособности у Пхеньяна нет

уверенности без натурного испытания, которое не проводится из страха перед неудачей и возможной силовой реакцией США как на удачный, так и на неудачный эксперимент.

Скорее всего политика Пхеньяна строится на блефе, и его ядерная программа, как и отношение к ДНЯО и системе гарантий МАГАТЭ, рассматривается там в качестве козырной карты для торга вокруг международного признания, гарантий безопасности, экономической помощи в целях продления существования тоталитарного политического режима и облегчения катастрофического экономического положения страны. Иначе трудно объяснить «преждевременный» открытый выход Северной Кореи из ДНЯО в 2003 г., сделавший ее центром международной озабоченности, равно как и объявление об успешном создании ЯО в 2005 г., которое так и не было подкреплено убедительными доказательствами наличия у КНДР ядерного оружия.

Таким образом, ядерная программа Северной Кореи пока не пересекла «рубеж необратимости», и проблема еще может быть урегулирована политическим путем.

Вместе с тем продолжение военной ядерной программы КНДР в отсутствие контроля и гарантий МАГАТЭ рано или поздно, а возможно, уже в ближайшие годы способно увенчаться созданием ядерного оружия и ограниченного количества ядерных средств на баллистических носителях оперативно-тактической и средней дальности. Помимо перечисленных угроз для международной безопасности это способно привести к непредсказуемым последствиям, если совпадет с крахом режима и полной дестабилизацией социально-политического положения на полуострове.

В свете изложенного шестисторонние переговоры представляют первостепенную возможность предотвратить кризис и достичь политического урегулирования проблемы. Для этого требуется резкое повышение их эффективности и темпов продвижения к соглашению. Прежде всего стоит задача выработки единой стратегии, приоритетов и тактики «пятерки», которых сейчас нет.

В общих чертах пакет соглашений и взаимных уступок может состоять из следующих основных элементов:

• предоставление в рамках шестисторонних переговоров негативных гарантий безопасности со стороны США и других великих держав обоим корейским государствам, заключение мирного договора взамен Соглашения о перемирии 1953 г.;

• возобновление проекта КЕДО с участием России и КНР, экономическая (в том числе топливная) помощь КНДР и ее вовле-

чение в международные экономические проекты (трубопроводы, железная дорога и пр.).

В обмен на эти предложения КНДР должна вернуться в ДНЯО и безоговорочно присоединиться к Дополнительному протоколу 1997 г., а также к ДВЗЯИ, РКРТ, Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, всем режимам экспортного контроля. КНДР должна согласиться на контролируемую ликвидацию всех элементов военной ядерной программы, демонтаж ее ядерных объектов помимо АЭС по проекту КЕДО (прежде всего реакторов-наработчиков плутония, предприятий по обогащению урана и выделению плутония из ОЯТ), ликвидацию оружейных ядерных материалов (и боеприпасов, если таковые к тому моменту уже будут собраны). Топливо для АЭС на легководных реакторах странам Группы ядерных поставщиков следует поставлять Северной Корее по минимальной стоимости мирового рынка.

В качестве одного из направлений и этапов урегулирования можно согласовать меры сокращения вооруженных сил и вооружений в зоне вдоль линии разъединения, частично используя опыт Договора об обычных вооружениях в Европе и договора по сокращению войск и вооружений в зоне границы КНР и республик бывшего СССР. Такой комплекс соглашений скорее всего снимет вопрос «ядерного выбора» Японии и Южной Кореи в среднесрочном плане.

Предсказуемость и стабильность военно-политической ситуации в регионе может быть обеспечена также расширением мер ограничения сил общего назначения (в дополнение к имеющемуся договору о таких мерах в зоне границы КНР с Россией и странами Центральной Азии), развитием мер доверия, транспарентности и военного сотрудничества государств региона.

Шестисторонние переговоры следует превратить в постоянно действующий форум обсуждения и решения проблем Северо-Восточной Азии: укрепления региональных механизмов и режимов ядерного и ракетного нераспространения и экспортного контроля, мероприятий ИБОР, борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, новой «работорговлей», браконьерством, пиратством, торговлей наркотиками, контрабандой (в том числе оружия), трансграничной организованной преступностью и других современных вопросов безопасности.

Заключение

Представленное в книге исследование важнейших проблем и перспектив политики нераспространения ядерного оружия и стратегии ядерного сдерживания в современных международных отношениях позволяет сделать ряд выводов и практических рекомендаций.

Первое. После окончания «холодной войны» ядерное противостояние между великими державами отошло далеко на задний план в их повседневной внешней политике и официальной риторике. На авансцену вышли новые проблемы безопасности, прежде всего распространение ОМУ и международный терроризм, стремящийся получить доступ к такому оружию. Приходится, однако, констатировать, что в последние годы попытки решить эти проблемы или хотя бы удерживать их под контролем все больше отстают от развития опасных процессов и событий.

Первоначально сложившись в двухполюсном формате (США — СССР), ядерное сдерживание породило распространение ЯО, а оно в полном соответствии с классическими законами гегелевской диалектики создало угрозу краха сдерживания в многополюсном ядерном мире — через боевое применение ядерного оружия в результате политического или стратегического просчета, технической неисправности, действий авантюристических режимов или как акт террористической организации.

Второе. Эффективное решение проблем нераспространения затрудняется не только их сложностью, но и несоответствием военно-политических отношений ведущих держав сегодняшним императивам согласования их интересов, совершенствования договорно-правовых норм и многостороннего политического и военного взаимодействия.

Так, последние полтора десятилетия продемонстрировали, что взаимное сдерживание на основе обоюдной способности нанести друг другу сокрушительный ракетно-ядерный удар весьма легко пережило прекращение глобального соперничества между США и СССР/Россией, с которым было теснейшим образом связано на протяжении предшествовавших десятилетий. Взаимное ядерное сдерживание продолжает воспроизводить себя и ныне, и его динамика обретает эффект негативного обратного влияния

на политические отношения держав, не говоря уже об из значительных экономических издержках. Эти военно-стратегические отношения вопреки декларациям о «стратегическом партнерстве» негласно поддерживают исторически сложившиеся взаимные недоверие и боязнь скрытых военных планов другой стороны, страх перед вероятностью ядерного удара (преднамеренного или случайного), каким бы абсурдом это ни выглядело с политической точки зрения.

Третье. Хотя ядерные державы продолжают делать упор на стратегию сдерживания — будь то от комплекса уязвимости или, наоборот, от комплекса превосходства, — сдерживание остается эффективным лишь против наименее вероятных или надуманных угроз, среди которых числится ядерная агрессия или широкомасштабное нападение с использованием обычных вооруженных сил великих держав друг на друга. Однако оно не работает против новых, вполне реальных угроз современности, в частности, не может остановить процесс дальнейшего распространения ЯО и, вполне вероятно, подстегивает расширение «ядерного клуба». Тем более ядерное сдерживание не способно подавить международный терроризм, предотвратить его доступ к ОМУ и прямое применение им такого оружия.

Четвертое. Отношения взаимного ядерного сдерживания подспудно, но весьма ощутимо ставят ограничения на способность великих держав к подлинному сотрудничеству в реагировании на новые угрозы и вызовы. Степень такого сотрудничества, характерная для времен «холодной войны», когда было заключено большинство соглашений о контроле над вооружениями включая ДНЯО, недостаточна для новой эры.

Качественно более высокий уровень доверия и сотрудничества держав требуется для взаимодействия секретных служб и сил специального назначения, совместной политики контрраспространения ОМУ (например, ИБОР), более строгих режимов контроля над ядерным и ракетным экспортом, проверяемого прекращения производства оружейных ядерных материалов, реализации проектов «Глобального партнерства» с доступом на секретные объекты друг друга, развития общих систем предупреждения о ракетных запусках и пр.

Столь высокой планки сотрудничества невозможно достичь, пока США и Россия все еще планируют (пусть и в теневой зоне общественного внимания) удары тысяч ядерных боеголовок друг по другу, держат ракеты в состоянии минутной готовности

к запуску и модернизируют СЯС для сохранения гарантированной способности к ответному удару. Их примеру в меру своих возможностей следуют и другие ядерные державы.

Пятое. Эта архаичная и абсурдная система стратегических взаимоотношений не изменится сама собой без продуманных и последовательных мер и соглашений ведущих государств. При этом в обозримом будущем, конечно, не предполагается полное ядерное разоружение — оно потребовало бы такого коренного переустройства международных отношений, к которому не готовы пока ни государства, ни народы мира. Речь скорее идет о переходе к новым стратегическим взаимоотношениям, которые можно определить как «ядерное партнерство», «взаимная гарантированная ядерная безопасность» или «стратегия взаимных ядерных гарантий». Так или иначе, главная проблема — не в терминах, а в сути понятия, что и является предметом предлагаемых в книге шагов.

Шестое. В годы «холодной войны», глобального противостояния и интенсивной гонки вооружений в центре международной безопасности по понятным причинам стояли соглашения об ограничении и сокращении ядерных вооружений двух самых мощных держав, тогда как ядерное нераспространение играло по отношению к этому побочную и подчиненную роль. С окончанием «холодной войны» самые приоритетные угрозы безопасности поменялись местами и, соответственно, на передний план вышли общие и региональные проблемы нераспространения. Но это не значит, что ядерное противостояние великих держав можно оставить без внимания. Другое дело, что нынешние императивы сотрудничества и возможности такого сотрудничества, открывшиеся с уходом в прошлое «холодной войны», требуют качественно новых соглашений.

Более того, если в методологическом плане исследование актуальных проблем ядерного оружия можно разделить на «центральное» ядерное сдерживание («вертикальное»), глобальное ядерное распространение («горизонтальное») и региональные вопросы распространения, как это и сделано в настоящей книге, — то в практической политике вопросы разного плана зачастую «зацепляются» друг за друга и требуют комплексных решений.

Например, взаимодействие США и России в отходе от конфронтационного ядерного сдерживания поднимает вопросы ядерных вооружений третьих ядерных держав, Индии, Пакистана, а также ракетно-ядерных амбиций КНДР и Ирана. Ре-

гиональная иранская проблема остро ставит темы глобального нераспространения: право стран на полный ядерно-топливный цикл, создание многосторонних картелей по гарантированным поставкам ядерного топлива для АЭС, право ведущих держав на меры контрраспространения, в том числе силовые. Северокорейская локальная ядерная проблема, помимо всего этого, затрагивает общий сюжет о праве государств на выход из ДНЯО и создание ЯО, а это влечет за собой глобальные вопросы соблюдения великими державами обязательств по ст. VI того же ДНЯО и их отношения к другим центральным договорам в этой сфере (Договор по ПРО, ДВЗЯИ, ДЗПРМ).

Седьмое. Исходя из этого, предложения авторов книги следует рассматривать в комплексе, многие из них неосуществимы без других, логически связанных с ними мер на иных уровнях современной ядерной проблематики. Так, предложения о «кооптации» Индии и Пакистана в систему нераспространения через их присоединение к Дополнительному протоколу 1997 г., а также к ДВЗЯИ и ДЗПРМ, естественно, предполагают предварительную ратификацию этого Протокола и ДВЗЯИ США и другими великими державами, как и заключение ими ДЗПРМ.

В формате отношений США — Россия и в рамках «большой пятерки» предлагаемые главные шаги сводятся к следующей системе мер и соглашений:

• Концептуальное снижение приоритетности ядерного оружия в стратегии США, России, Великобритании, Франции и Китая, зафиксированное в их руководящих доктринальных документах. Принятие всеми ядерными державами и без всяких оговорок обязательства о неприменении ЯО первыми против любого государства, являющегося членом ДНЯО.

• Ратификация Соединенными Штатами и Китаем Договора по всеобъемлющему запрещению ядерных испытаний как ключевого звена, соединяющего «вертикальное» и «горизонтальное» ядерное разоружение. Это способствовало бы присоединению к ДВЗЯИ также Индии, Пакистана, Израиля, КНДР и положило бы осязаемый предел совершенствованию ядерных вооружений тех государств, которые его уже создали. Тем самым также была бы поставлена серьезная преграда для создания ЯО остальными явными и тайными «пороговыми» странами.

• Переход к поэтапному прекращению состояния взаимного ядерного сдерживания между Россией и США. На первом этапе — контролируемый отказ от концепций ответно-встречных

ударов, т. е. от пусков ракет на основании информации от систем предупреждения о ракетном нападении. На втором этапе — последовательное увеличение времени подготовки все большей части СЯС к запуску посредством согласованных организационных и технических мер под надежным взаимным контролем.

• Согласование между США и Россией правил засчета боезарядов и других практических положений в процессе выполнения Договора о стратегическом наступательном потенциале 2002 г. Продление срока действия систем контроля и мер доверия Договора СНВ-1 по крайней мере до 2012 г. Незамедлительное начало переговоров по Договору СНП-2 с целью сокращения стратегических ядерных вооружений в период до 2017 г. до уровня примерно 1000—1200 боезарядов.

• Расширение задач и технологии совместного реагирования на ракетные угрозы. «Размораживание» с этой целью Московского центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей и расширение его функций.

• Заключение полномасштабного договора между Россией и США о сотрудничестве в разработке, развертывании и использовании информационных и огневых систем противоракетной обороны, разграничивающего совместные и односторонние работы в этой сфере и предоставляющего гарантии, что системы ПРО не будут направлены друг против друга.

• Начало диалога США и России об ограничении и сокращении ТЯО, в том числе о неразмещении их в Центральной и Восточной Европе, а также о последующем выводе всего такого оружия на централизованные хранилища только на национальных территориях.

• Организация консультаций по многостороннему ядерному диалогу с целью включения Великобритании, Франции и Китая в систему ограничений СЯС, принятия ряда мер контроля и доверия.

Восьмое. Перечисленные шаги сняли бы крупные препятствия для сотрудничества держав в области нераспространения, но, безусловно, сами по себе не могли бы его остановить и тем более обратить вспять. Для этого нужны специальные шаги многостороннего характера непосредственно в данной области — универсализация и укрепление ДНЯО, его режимов, норм и механизмов. Только на таком фундаменте контрраспространение и «адресный» подход к проблемным странам могут дать положительный эффект — при условии единства ведущих держав и легитимности их действий, особенно силовых.

Непосредственно в области укрепления ДНЯО и всего режима и механизмов нераспространения ЯО предлагается следующий список мер:

• Ратификация всеми членами ДНЯО включая США и Россию Дополнительного протокола 1997 г. как обязательного условия любого международного сотрудничества в сфере ядерной энергетики.

• Запрет (через Комитет Цангера и ГЯП) на любые поставки ядерных материалов и технологий странам, не присоединившимся к Дополнительному протоколу 1997 г. Запрет на поставки технологий ядерного топливного цикла государствам, не являющимся членами ДНЯО. Новые поставки технологий ЯТЦ государствам — членам ДНЯО осуществляются только при принятии ими условий возврата или ликвидации полученных материалов и технологий в случае выхода из ДНЯО. В ином случае должен быть предусмотрен порядок доклада МАГАТЭ и принятия санкций на основе мандата Совета Безопасности ООН. Ликвидация уже существующих подобных объектов, если они были созданы в нарушение ДНЯО и гарантий МАГАТЭ, как условие дальнейшего сотрудничества с членами Договора.

• Обеспечение поставок НОУ странам, отказавшимся от полного ядерно-топливного цикла, по самой низкой рыночной стоимости и последующий вывоз отработанного ядерного топлива странами-поставщиками или со стороны специально созданных для этой цели международных консорциумов под эгидой МАГАТЭ.

• Выработка обязательных и проверяемых международных стандартов по учету, физической защите, безопасной транспортировке, хранению ядерных материалов. Финансовое и техническое содействие этим мерам при первоочередном внимании к физической защите, учету и контролю на хранилищах ядерного оружия и ядерных оружейных материалов.

• Безотлагательное заключение первого «узкого» договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (прежде всего оружейного урана) в военных целях. Поэтапное последующее расширение его охвата с соответствующими механизмами контроля для всех ядерных и неядерных членов ДНЯО, подключение к нему «неприсоединившейся» тройки (Израиля, Индии, Пакистана), а также КНДР. Дополнительно к ДВЗЯИ это было бы еще одним «крепежным звеном» между «вертикальным» и «горизонтальным» ядерным разоружением.

• Постановка на международно-правовую базу Инициативы безопасности против распространения в части норм и средств законного перехвата и инспекций морского, наземного и воздушного транспорта по подозрению в незаконной перевозке ядерных материалов и технологий. Сопряжение ИБОР с полномочиями и процедурами Совета Безопасности ООН.

• Активизация ныне действующих групп контроля ядерного экспорта (Комитета Цангера, ГЯП), постановка их деятельности на договорно-правовую основу с новым, более эффективным механизмом принятия решений, системой контроля и санкций за нарушение через расследования МАГАТЭ и решения Совета Безопасности ООН.

• Принятие единых мировых норм наказания частных компаний и физических лиц, виновных в незаконных деяниях, несущих опасность ядерного распространения (как преступлениях против человечности), приведение в соответствие с этим национальных законодательств согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1540. Согласование норм и механизмов расследования незаконной деятельности государственных чиновников с возможной передачей дел в Международный уголовный трибунал.

• Интенсификация совместных программ США, России и других передовых в научно-техническом отношении стран по разработке ядерных энергетических реакторов нового поколения с повышенной безопасностью эксплуатации и минимальным содержанием оружейных материалов в отработанном ядерном топливе. Отказ от реакторов-бридеров и реакторов-наработчиков плутония.

• Ужесточение Режима контроля над ракетными технологиями, особенно в части поставок технологий двойного назначения, оказание совместного давления великих держав в целях присоединения к режиму стран, не являющихся его участниками. Превращение РКРТ в международный договор (конвенцию) с четкими определениями его объектов и субъектов, мерами проверки и транспарентности, обязательствами государств-участников скорректировать соответственно свое внутреннее законодательство и создать отвечающие общему стандарту механизмы экспортного контроля.

• Всемерное расширение международного сотрудничества в коммерческом и научном использовании космического пространства, создание мирового космического консорциума на базе потенциалов США, России, Европейского космического агентства

и Китая для предоставления льготных услуг странам — членам РКРТ со стороны государств, имеющих свои космические носители и орбитальные аппараты.

• Существенное увеличение объема финансирования МАГАТЭ, расширение его штата, а также прав по проведению расследований нарушений ДНЯО с передачей дела в Совет Безопасности ООН для применения мер наказания и принуждения.

Девятое. Решение региональных проблем ядерного нераспространения зависит от универсализации и укрепления режима и механизмов ДНЯО, но требует в каждом случае особого подхода сообразно специфике отдельных стран и случаев распространения.

В *Южной Азии* такой подход целесообразно ориентировать на косвенную легитимацию ядерного статуса Индии и Пакистана в обмен на меры ограничения их ядерных программ и предотвращения ядерного конфликта с перспективой присоединения к ДВЗЯИ и ДЗПРМ, Дополнительному протоколу 1997 г. (по невоенным ядерным объектам), РКРТ и всем режимам экспортного контроля ядерных и двойного назначения материалов и технологий. В частности, речь идет о следующих мерах:

• Включение в военные доктрины Индии и Пакистана принципа неприменения первыми ядерного оружия для стабилизации всей военно-стратегическая подсистемы (Индия — Китай — Пакистан) в плане снижения вероятности развязывания ядерной войны даже в случае очередного кризиса.

• Достижение соглашений между Индией и Пакистаном о взаимном отводе от границы тактических ракет, способных нести ядерное оружие, и об уведомлении друг друга о любых передислокациях в приграничную зону тактических ракет. Принятие взаимных обязательств не размещать ядерное оружие в Кашмире (как в индийском штате Джамму и Кашмир, так и в подконтрольных Пакистану областях бывшего одноименного княжества). Возможности контроля могут быть обеспечены на двусторонней основе, а при необходимости техническими средствами великих держав.

• Заключение договора о поддержании ракетно-ядерных средств в состоянии пониженной боеготовности (т. е. узаконить существующую ныне практику) с обеспечением контроля на двусторонней основе, предусмотрев возможность содействия великих держав.

• Разработка мер, которые должны быть приняты в случае дестабилизации внутриполитической обстановки в Пакистане для

снижения ядерной опасности. От властей Пакистана требуется усиление мер безопасности, контроля над ядерным оружием и объектами хранения ядерных материалов, чему могут содействовать великие державы (в частности, США и КНР).

Стремительная динамика процессов на *Ближнем и Среднем Востоке* делает ситуацию все более взрывоопасной и труднопрогнозируемой. При этом угроза распространения в данном регионе, более чем где бы то ни было, исходит не только от государств, но и от террористических организаций, стремящихся к обладанию ЯО. Это делает чрезвычайно острой проблему безопасности ядерных материалов и технологий, расширения круга специалистов, участвующих в разработке ядерных программ.

На первом этапе главной целью является предотвращение применения силы против Ирана со стороны США и их союзников наряду с «замораживанием» продвижения Ирана к созданию полного ЯТЦ (во всяком случае, сверх комплекса уже установленных 160 экспериментальных центрифуг в Натанзе). Как минимум, такой мораторий должен продолжаться до выяснения всех проблем иранской программы в рамках МАГАТЭ. Комплексное решение проблем региона могло бы заключаться в следующем:

• Ликвидация в Иране предприятий по обогащению урана и производству тяжелой воды, продолжение и расширение проекта строительства АЭС в Бушере и гарантии поставок ядерного топлива извне и вывоза ОЯТ вовне, ратификация Ираном Дополнительного протокола 1997 г.

• Принятие Ирана в ВТО и капиталовложения ЕС в иранскую газодобывающую промышленность, предоставление ему негативных гарантий безопасности со стороны США, восстановление с ними дипломатических отношений.

• В более отдаленной перспективе — распространение на Израиль двусторонних гарантий безопасности со стороны США или многосторонних обязательств НАТО в обмен на отказ Израиля от ядерного оружия и его присоединение к ДНЯО.

• При этом все страны региона должны стать участниками Дополнительного протокола 1997 г., ДВЗЯИ и ДЗПРМ, РКРТ, всех норм и механизмов экспортно-импортного контроля.

В регионе *Дальнего Востока* вероятность вступления в «ядерный клуб» Японии и Южной Кореи, наращивания ядерных сил КНР и в значительной степени судьба режима и механизмов ДНЯО в глобальном масштабе зависят от исхода эпопеи с ядерной программой КНДР. От этого же зависит степень опасности во-

оруженного конфликта в регионе, возможность получения доступа к ядерному оружию со стороны международного терроризма.

В этом свете шестисторонние переговоры представляют решающую возможность достичь политического урегулирования проблемы. Для этого требуется резкое повышение их эффективности и темпов продвижения к соглашению. Прежде всего, стоит задача выработки единой стратегии, приоритетов и тактики пятерки, которых сейчас нет.

В общих чертах «пакет» соглашений и взаимных уступок может состоять из следующих основных элементов:

• Предоставление в рамках шестисторонних переговоров негативных гарантий безопасности со стороны США и других великих держав обоим корейским государствам, заключение мирного договора взамен Соглашения о перемирии 1953 г.

• Возобновление проекта КЕДО с участием России и КНР, экономическая (в том числе топливная) помощь КНДР и ее вовлечение в международные экономические проекты (трубопроводы, железная дорога и пр.).

• Со своей стороны, КНДР должна вернуться в ДНЯО, присоединиться к Дополнительному протоколу 1997 г., а также к ДВЗЯИ, РКРТ, Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей, всем режимам экспортного контроля. КНДР должна согласиться на контролируемую ликвидацию всех элементов ее военной ядерной программы, демонтаж ядерных объектов помимо АЭС по проекту КЕДО.

• Ракетная программа КНДР должна ограничиться рамками РКРТ, остальные элементы программы должны ликвидироваться под международным контролем. Запуски корейских спутников гражданского назначения можно осуществлять носителями великих держав по минимальному тарифу.

• В качестве одного из направлений урегулирования целесообразно было бы согласовать меры сокращения вооруженных сил и вооружений двух корейских государств в зоне вдоль линии разъединения с использованием опыта ДОВСЕ и Договора между странами ШОС.

Такой комплекс мер скорее всего снимет вопрос «ядерного выбора» Японии и Южной Кореи в среднесрочной перспективе. В более широком аспекте этому могли бы способствовать шаги по укреплению безопасности в региональном масштабе. В этом плане шестисторонние переговоры следует превратить в постоянно действующий форум обсуждения и решения проблем Северо-Восточной Азии.

И, наконец, **десятое**. Приведенные выше рекомендации могут на первый взгляд показаться скорее списком благих пожеланий, нежели реалистической программой действий. Но если всерьез воспринимать новые угрозы международной безопасности, выступившие на передний план полтора десятилетия спустя после окончания «холодной войны», а не рассматривать их только в виде темы политических деклараций, то для их решения необходима качественно новая политика как в сфере ядерного нераспространения, так и в области ядерного сдерживания. Тут не помогут традиционные подходы или маргинальные коррективы прежнего курса, равно как не годятся односторонние и волюнтаристские решения.

Необходимы тщательно проработанные крупные и комплексные новые двух- и многосторонние меры договорно-правового, политического, экономического, военного, технического и информационного характера. Авторы книги убеждены, что их предложения твердо стоят на почве экономической, стратегической и технической реальности. Препятствиями для них более всего являются субъективные факторы: недостаток политической воли и понимания насущных проблем среди государственных деятелей, политиков, военных, прессы и общественности, а также инерция привычного образа мышления и сопротивление групповых интересов, строящихся вокруг прежней теории и практики. Преодоление этих препятствий является главной предпосылкой решения современных проблем международной безопасности.

Приложение 1

ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

(одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 июня 1968 г.)

Государства, заключающие настоящий Договор, ниже именуемые «Участниками Договора»,

учитывая опустошительные последствия, которые имела бы для всего Человечества ядерная война, и вытекающую из этого необходимость приложить все усилия для предотвращения опасности возникновения такой войны и принять меры для обеспечения безопасности народов,

считая, что распространение ядерного оружия серьезно увеличило бы опасность ядерной войны,

в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, призывающими к заключению соглашения о предотвращении более широкого распространения ядерного оружия,

обязуясь сотрудничать в целях содействия применению гарантий Международного агентства но атомной энергии в отношении мирной ядерной деятельности,

выражая свою поддержку усилиям по исследованию, усовершенствованию и другим усилиям, направленным на содействие применению в рамках системы гарантий Международного агентства по атомной энергии принципа эффективных гарантий в отношении движения исходных и специальных расщепляющихся материалов посредством использования приборов и других технических способов в определенных ключевых местах,

подтверждая тот принцип, что блага мирного применения ядерной технологии, включая любые технологические побочные продукты, которые могут быть получены государствами, обладающими ядерным оружием, от развития ядерных взрыв-

ных устройств, должны быть доступны для мирных целей всем государствам — участникам Договора, как обладающим, так и не обладающим ядерным оружием,

будучи убежденными, что в осуществление этого принципа все участники настоящего Договора имеют право участвовать в возможно самом полном обмене научной информацией для дальнейшего развития применения атомной энергии в мирных целях и вносить в это развитие свой вклад по отдельности или в сотрудничестве с другими государствами,

заявляя о своем намерении по возможности скорее достигнуть прекращения гонки ядерных вооружений и принять эффективные меры в направлении ядерного разоружения,

настоятельно призывая к сотрудничеству всех государств в достижении этой цели,

напоминая о решимости, выраженной участниками Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года в его преамбуле, стремиться достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия и продолжать переговоры с этой целью,

стремясь содействовать смягчению международной напряженности и укреплению доверия между государствами, с тем чтобы способствовать достижению прекращения производства ядерного оружия, уничтожению всех существующих его запасов и исключению ядерного оружия и средств его доставки из национальных арсеналов в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем,

напоминая, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций государства должны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций, и что следует содействовать установлению и поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения,

согласились о нижеследующем:

Статья I

Каждое из государств — участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы

то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами.

Статья II

Каждое из государств — участников настоящего Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Статья III

1. Каждое из государств — участников Договора, не обладающих ядерным оружием, обязуется принять гарантии, как они изложены в соглашении, о котором будут вестись переговоры и которое будет заключено с Международным агентством по атомной энергии в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии и системой гарантий Агентства, исключительно с целью проверки выполнения его обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором, с тем чтобы не допустить переключения ядерной энергии с мирного применения на ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Процедуры гарантий, требуемых настоящей статьей, осуществляются в отношении исходного или специального расщепляющегося материала, независимо от того, производится ли он, обрабатывается или используется в любой основной ядерной установке или находится за пределами любой такой установки. Гарантии, требуемые настоящей статьей, применяются ко всему исходному или специальному расщепляющемуся материалу во всей мирной ядерной деятельности в пре-

делах территории такого государства, под его юрисдикцией или осуществляемой под его контролем где бы то ни было.

2. Каждое из государств — участников Договора обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный расщепляющийся материал не распространяются гарантии, требуемые настоящей статьей.

3. Гарантии, требуемые настоящей статьей, осуществляются таким образом, чтобы соответствовать статье IV настоящего Договора и избегать создания препятствий для экономического и технологического развития Участников Договора или международного сотрудничества в области мирной ядерной деятельности, включая международный обмен ядерным материалом и оборудованием для обработки, использования и производства ядерного материала в мирных целях в соответствии с положениями настоящей статьи и принципом применения гарантий, изложенным в преамбуле Договора.

4. Государства — участники Договора, не обладающие ядерным оружием, заключают соглашения с Международным агентством по атомной энергии с целью выполнения требований настоящей статьи либо в индивидуальном порядке, либо совместно с другими государствами в соответствии с Уставом Международного агентства по атомной энергии. Переговоры о таких соглашениях начинаются в течение 180 дней со времени первоначального вступления в силу настоящего Договора. Для государств, сдавших на хранение свои ратификационные грамоты или документы о присоединении по истечении периода в 180 дней, переговоры о таких соглашениях начинаются не позднее даты такой сдачи. Такие соглашения вступают в силу не позднее восемнадцати месяцев со дня начала переговоров.

Статья IV

1. Никакое положение настоящего Договора не следует толковать как затрагивающее неотъемлемое право всех Участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и И настоящего Договора.

2. Все Участники Договора обязуются способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене. Участники Договора, которые в состоянии делать это, также сотрудничают в деле содействия, по отдельности или совместно с другими государствами или международными организациями, дальнейшему развитию применения ядерной энергии в мирных целях, особенно на территориях государств — участников Договора, не обладающих ядерным оружием, с должным учетом нужд развивающихся районов мира.

Статья V

Каждый из Участников настоящего Договора обязуется принять соответствующие меры с целью обеспечения того, чтобы в соответствии с настоящим Договором, под соответствующим международным наблюдением и посредством соответствующих международных процедур потенциальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов были доступны государствам — участникам настоящего Договора, не обладающим оружием, на недискриминационной основе, и чтобы стоимость используемых взрывных устройств для таких Участников Договора была такой низкой, как только это возможно, и не включала расходы по их исследованию и усовершенствованию. Государства — участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением или соглашениями через соответствующий международный орган, в котором должным образом представлены государства, не обладающие ядерным оружием. Переговоры по этому вопросу начнутся так скоро, как это возможно, после вступления в силу настоящего Договора. Государства-участники настоящего Договора, не обладающие ядерным оружием, которые пожелают этого, могут также получать такие блага в соответствии с двусторонними соглашениями.

Статья VI

Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению

гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем.

Статья VII

Никакое положение настоящего Договора не затрагивает право какой-либо группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях.

Статья VIII

1. Любой Участник настоящего Договора может предложить поправки к этому Договору. Текст любой предложенной поправки представляется правительствам-депозитариям, которые рассылают его всем Участникам Договора. Затем, если этого потребует одна треть или более Участников Договора, правительства-депозитарии созывают конференцию, на которую они приглашают всех Участников Договора для рассмотрения такой поправки.

2. Любая поправка к настоящему Договору должна быть утверждена большинством голосов всех Участников Договора, включая голоса всех государств-участников, обладающих ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки такой поправки. Поправка вступает в силу для каждого Участника Договора, сдающего свою грамоту о ратификации поправки, после сдачи на хранение таких ратификационных грамот большинством всех Участников Договора, включая ратификационные грамоты всех государств — участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, и всех других Участников Договора, являющихся членами Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии на дату рассылки этой поправки. Впоследствии она вступает в силу для любого другого Участника Договора после сдачи им на хранение своей грамоты о ратификации поправки.

3. Через пять лет после вступления в силу настоящего Договора в Женеве (Швейцария) созывается конференция Участников Договора для рассмотрения того, как действует настоящий Договор, чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные

в преамбуле, и положения Договора осуществляются. Через каждые последующие пять лет большинство Участников Договора может, путем представления предложения с этой целью правительствам-депозитариям, добиться созыва дальнейших конференций с той же целью рассмотрения того, как действует Договор.

Статья IX

1. Настоящий Договор открыт для подписания его всеми государствами. Любое государство, которое не подпишет Договор до вступления его в силу в соответствии с пунктом 3 данной статьи, может присоединиться к нему в любое время,

2. Настоящий Договор подлежит ратификации государствами, подписавшими его. Ратификационные грамоты и документы о присоединении сдаются на хранение правительствам Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки, которые настоящим назначаются в качестве правительств-депозитариев.

3. Настоящий Договор вступает в силу после его ратификации государствами, правительства которых назначены в качестве депозитариев Договора, и 40 другими подписавшими настоящий Договор государствами и сдачи ими на хранение ратификационных грамот. Для целей настоящего Договора государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года.

4. Для государств, ратификационные грамоты или документы о присоединении которых будут сданы на хранение после вступления в силу настоящего Договора, он вступает в силу в день сдачи на хранение их ратификационных грамот или документов о присоединении.

5. Правительства-депозитарии незамедлительно уведомляют все подписавшие и присоединившиеся к настоящему Договору государства о дате каждого подписания, дате сдачи на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о присоединении, дате вступления в силу настоящего Договора, дате получения любых требований о созыве конференции, а также о других уведомлениях.

6. Настоящий Договор должен быть зарегистрирован правительствами-депозитариями в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Статья X

1. Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех Участников Договора и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые он рассматривает как поставившие под угрозу его высшие интересы.

2. Через двадцать пять лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно или действие Договора должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение принимается большинством Участников Договора.

Статья XI

Настоящий Договор, русский, английский, французский, испанский и китайский тексты которого являются равно аутентичными, сдается на хранение в архивы правительств-депозитариев. Должным образом заверенные копии настоящего Договора препровождаются правительствами-депозитариями правительствам государств, подписавших Договор и присоединившимся к нему.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Договор.

Совершено в трех экземплярах, в городах Москве, Вашингтоне и Лондоне, июля месяца 1 дня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

Источник: *Тимербаев Р. М.* Россия и ядерное нераспространение, 1945—1968. — М.: Наука, 1999. — С. 354—359.

Приложение 2

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О СОКРАЩЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ

(Договор был подписан президентами США и России на саммите в Москве 24 мая 2002 г.)

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, ниже именуемые Сторонами,

вступая на путь новых отношений в новом столетии и будучи приверженными цели укрепления их взаимоотношений путем сотрудничества и дружбы,

считая, что новые глобальные вызовы и угрозы требуют создания качественно новой основы стратегических отношений между Сторонами,

стремясь к установлению подлинного партнерства, основанного на принципах обоюдной безопасности, сотрудничества, доверия, открытости и предсказуемости,

будучи приверженными осуществлению значительных сокращений стратегических наступательных вооружений,

отталкиваясь от Совместных заявлений Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегическим вопросам 22 июля 2001 года в Генуе и о новых отношениях между Россией и США 13 ноября 2001 года в Вашингтоне,

учитывая свои обязательства по Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года, ниже именуемому Договором о СНВ,

учитывая свои обязательства по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года, и

будучи убежденными, что настоящий Договор будет способствовать созданию более благоприятных условий для активного содействия безопасности и сотрудничеству и укрепления международной стабильности,

согласились о нижеследующем:

Статья I

Каждая из Сторон сокращает и ограничивает стратегические ядерные боезаряды, как об этом заявил Президент Российской Федерации 13 ноября 2001 года и 13 декабря 2001 года, и как об этом заявил Президент Соединенных Штатов Америки 13 ноября 2001 года, соответственно, таким образом, чтобы к 31 декабря 2012 года суммарное количество таких боезарядов не превышало у каждой из Сторон количество в 1700—2200 единиц. Каждая из Сторон сама определяет состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений, исходя из установленного суммарного предела для количества таких боезарядов.

Статья II

Стороны согласны, что Договор о СНВ остается в силе в соответствии с его положениями.

Статья III

Для целей реализации настоящего Договора Стороны созывают Двустороннюю комиссию по выполнению не реже двух раз в год.

Статья IV

1. Настоящий Договор подлежит ратификации в соответствии с конституционными процедурами каждой из Сторон. Настоящий Договор вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

2. Настоящий Договор остается в силе до 31 декабря 2012 года и может быть продлен по согласованию Сторон или заменен ранее этого срока последующим соглашением.

3. Каждая из Сторон в осуществление своего государственного суверенитета может выйти из настоящего Договора, письменно уведомив другую Сторону об этом за три месяца.

Статья V

Настоящий Договор будет зарегистрирован в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Совершено в Москве 24 мая 2002 года в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую Федерацию

За Соединенные Штаты Америки

Источник: СНВ-сайт Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте: http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm (посещался 1 марта 2006 г.).

Приложение 3

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ

Президент Джордж У. Буш и Президент России Владимир Путин на своей встрече в Москве 24 мая 2002 г. подписали Совместную декларацию о будущих отношениях между США и Россией.

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки,

исходя из решений саммитов в Любляне, Генуе, Шанхае, Вашингтоне и Крофорде и из уже достигнутого нового духа сотрудничества;

отталкиваясь от Совместного заявления о новых отношениях между Россией и США от 13 ноября 2001 года, вступив на путь новых отношений для XXI столетия и будучи привержены развитию своих взаимоотношений на основе дружбы, сотрудничества, общих ценностей, доверия, открытости и предсказуемости;

вновь подтверждая наше понимание того, что новые глобальные вызовы и угрозы требуют качественно новой основы наших отношений;

будучи полны решимости работать вместе, а также с другими государствами и с международными организациями для того, чтобы ответить на эти новые вызовы и угрозы и тем самым внести вклад в процветающий, свободный мир без войн, в укрепление стратегической безопасности;

заявляют о следующем:

Основы сотрудничества

Мы выходим на уровень новых стратегических отношений. Эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась. Мы являемся партнерами и будем сотрудничать ради продвижения стабильности, безопасности,

экономической интеграции, совместного противодействия глобальным вызовам и содействия решению региональных конфликтов.

Для продвижения этих целей Россия и США будут продолжать интенсивный диалог по актуальным международным и региональным проблемам как на двусторонней основе, так и на международных форумах, включая Совет Безопасности ООН, «Большую восьмерку», ОБСЕ. Там, где у нас возникнут разногласия, мы будем работать над их решением в духе взаимного уважения.

Мы будем уважать основные демократические ценности, права человека, свободу слова и свободу СМИ, терпимость, власть закона и экономические возможности.

Мы признаем, что безопасность, процветание и надежды на будущее наших народов основываются на благоприятной среде в сфере безопасности, продвижении политических и экономических свобод и международного сотрудничества.

Дальнейшее развитие российско-американских отношений, укрепление взаимопонимания и доверия будут также основываться на расширяющихся связях между нашими обществами и народами. Мы будем поддерживать растущее экономическое взаимодействие между деловыми кругами наших двух стран, а также общественные и культурные контакты и обмены.

Политическое сотрудничество

Россия и США уже действуют как партнеры и друзья, давая ответ на новые вызовы XXI века; подтверждая наше Совместное заявление от 21 октября 2001 года, наши страны уже являются союзниками в глобальной борьбе против международного терроризма.

Россия и США будут продолжать сотрудничать в поддержке усилий афганского народа, направленных на то, чтобы превратить Афганистан в стабильное, жизнеспособное государство, живущее в мире с самим собой и своими соседями. Наше сотрудничество как двустороннее, так и по каналам ООН, в рамках дипломатического процесса Группы «6 + 2» и других многосторонних форумов доказало свою значимость для достигнутого нами на настоящий момент успеха в избавлении Афганистана от талибов и «Аль-Каиды».

В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наши общие интересы в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона. Россия и США отвергают показавшую свою несостоятельность модель соперничества «великих держав», которое может только усилить

конфликтный потенциал в этих регионах. Мы будем поддерживать экономическое и политическое развитие, уважение прав человека, одновременно расширяя наше сотрудничество в гуманитарной области, а также взаимодействие в антитеррористической и антинаркотической сферах.

Россия и США будут сотрудничать в решении региональных конфликтов, в том числе в Абхазии и Нагорном Карабахе, а также приднестровского вопроса в Молдове. Мы настоятельно призываем президентов Азербайджана и Армении проявить гибкость и конструктивный подход к решению конфликта в Нагорном Карабахе. Как два сопредседателя Минской группы ОБСЕ Россия и США готовы помочь в этих усилиях.

13 ноября 2001 года мы взяли на себя обязательство действовать сообща для выработки новых взаимоотношений между Россией и НАТО, которые отражают новые стратегические реальности в Евроатлантическом регионе. Мы подчеркнули, что Россия и члены НАТО все в большей степени выступают как союзники в борьбе с терроризмом, региональной нестабильностью и другими современными угрозами. В этой связи мы приветствуем инаугурацию на саммите Россия-НАТО 28 мая 2002 года в Риме нового Совета Россия-НАТО, члены которого, действуя в своем национальном качестве и с учетом их соответствующих коллективных юридических и политических обязательств, будут определять общие подходы, принимать совместные решения и нести равную ответственность — индивидуально и совместно — за их выполнение. В этом контексте они будут добросовестно соблюдать обязательства по международному праву, включая Устав ООН, положения и принципы, содержащиеся в хельсинкском Заключительном акте и Хартии европейской безопасности ОБСЕ. В рамках Совета Россия-НАТО Россия и государства — члены НАТО будут работать как равные партнеры в сферах, представляющих взаимный интерес. Они намерены совместно противостоять общим рискам и угрозам своей безопасности.

В качестве коспонсоров ближневосточного мирного процесса Россия и США будут продолжать прилагать совместные и параллельные усилия, в том числе в рамках «квартета», для преодоления нынешнего кризиса на Ближнем Востоке, возобновления переговоров и содействия основанному на переговорах урегулированию. На Балканах мы будем содействовать демократии, этнической терпимости, прочному миру и долговременной стабильности на основе уважения суверенитета и территориальной целостности расположен-

ных в регионе государств и резолюций Совета Безопасности ООН. Россия и США будут продолжать конструктивный диалог по Ираку и приветствуют продолжение специальных двусторонних обсуждений, которые открыли путь для принятия Советом Безопасности ООН Обзорного списка товаров.

Исходя из нашего Совместного заявления от 13 ноября 2001 года о сотрудничестве в борьбе с наркотиками, мы отмечаем, что незаконный оборот наркотиков представляет угрозу нашим народам и международной безопасности и является важным источником финансовой поддержки международного терроризма. Мы привержены наращиванию сотрудничества в борьбе с этой угрозой, которое укрепит как безопасность, так и здоровье граждан наших стран.

Россия и США по-прежнему привержены углублению взаимодействия в борьбе с транснациональной организованной преступностью. В этой связи мы приветствуем вступление в силу 31 января 2002 года Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Экономическое сотрудничество

Россия и США убеждены в том, что успешное национальное развитие в XXI столетии требует уважения норм и практики свободного рынка. Как мы заявили 13 ноября 2001 года, открытая рыночная экономика, свобода экономического выбора и открытое демократическое общество являются наиболее эффективными средствами обеспечения благосостояния граждан наших стран.

Россия и США будут стремиться использовать потенциал мировой торговли для расширения экономических связей между двумя странами, а также дальнейшего углубления интеграции России в мировую экономику в качестве одного из ведущих участников мировой экономической системы со всеми правами и обязанностями в соответствии с властью закона. В этой связи Стороны придают приоритетное значение вступлению России во Всемирную торговую организацию на стандартных условиях.

Успех в наших двусторонних экономических и торговых отношениях требует от нас отказаться от ограничений прошлого. Мы подчеркиваем важность и желательность вывода России из-под действия эмиграционных положений Закона США о торговле 1974 года, известных также как поправка Джексона-Вэника. Мы отмечаем, что Министерство торговли США на основе проводимого тщательного и взвешенного рассмотрения предполагает принять

не позднее 14 июня 2002 года свое окончательное решение о том, следует ли считать Россию страной с рыночной экономикой по американскому торговому законодательству. Стороны будут предпринимать дальнейшие практические шаги по устранению препятствий и барьеров, в том числе, где это необходимо в законодательной сфере, на пути углубления экономического сотрудничества.

Нам удалось придать новую динамику нашим экономическим отношениям и взаимодействию деловых кругов, которая нацелена на расширение возможностей в сфере торговли и инвестиций и одновременное конструктивное и открытое решение спорных вопросов в случае их возникновения.

Россия и США признают наличие большого потенциала для роста двусторонней торговли и инвестиций, что принесет значительную выгоду экономике обеих стран. Приветствуя рекомендации Российско-американского делового диалога, мы привержены работе с частным сектором наших стран в целях полной реализации потенциала нашего экономического взаимодействия. Мы также приветствуем возможность интенсификации сотрудничества в поисковых работах и освоении энергоресурсов, особенно нефти и газа, в том числе в Каспийском регионе.

Укрепление контактов между людьми

Величайшая сила наших обществ заключается в творческой энергии наших граждан. Мы приветствуем значительное расширение контактов между русскими и американцами, происходящее за последние десять лет во многих областях, включая совместные усилия по решению общих проблем в образовании, здравоохранении, науке и защите окружающей среды, осуществляемое также посредством туризма, связей между городами-побратимами и других контактов между людьми. Мы обязуемся продолжать поддержку этих усилий, которые помогают расширению и углублению добрых отношений между нашими двумя странами.

Борьба с такими бедствиями, как ВИЧ/СПИД и другие смертельные заболевания, прекращение насилия в семьях, охрана окружающей среды, защита прав женщин — вот области, в которых российские и американские институты, особенно неправительственные организации, могут успешно расширять свое сотрудничество.

Предотвращение распространения оружия массового уничтожения: нераспространение и международный терроризм

Россия и США будут наращивать совместные усилия в борьбе с новыми глобальными вызовами XXI века, включая борьбу с взаимосвязанными угрозами международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Мы считаем, что международный терроризм представляет особую опасность для международной стабильности, что вновь было продемонстрировано трагическими событиями 11 сентября 2001 года. Исключительно важно, чтобы все страны мира сотрудничали в решительной борьбе с этой угрозой. В этих целях Россия и США вновь подтверждают свою приверженность совместной работе как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Россия и США осознают чрезвычайную важность предотвращения распространения оружия массового уничтожения и ракет. Угроза того, что такое оружие может попасть в руки террористов и тех, кто их поддерживает, демонстрирует то первостепенное значение, которое все государства должны придавать борьбе с его распространением.

С этой целью мы будем тесно работать вместе, в том числе посредством осуществления совместных программ, чтобы обеспечить безопасность технологий, информации, специальных знаний и материалов, относящихся к оружию массового уничтожения и ракетам. Мы также будем продолжать совместные программы по уменьшению угрозы и наращивать усилия по сотрудничеству в целях сокращения расщепляющегося материала для целей оружия. В этой связи мы создадим совместные экспертные группы для изучения мер по увеличению количества подлежащего ликвидации расщепляющегося материала для целей оружия и подготовки рекомендаций о совместных усилиях по исследованию и разработке передовых технологий ядерного реактора и топливного цикла, устойчивых с точки зрения распространения. Мы также намерены наращивать наше сотрудничество применительно к уничтожению химического оружия.

Россия и США также будут добиваться широкой международной поддержки стратегии активного нераспространения, в том числе путем соблюдения и укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия и конвенций о запрещении химиче-

ского и биологического оружия. Россия и США призывают все страны укреплять и обеспечивать строгое соблюдение экспортного контроля, пресекать незаконные поставки, привлекать к ответственности нарушителей и ужесточить пограничный контроль с целью предотвращения и защиты от распространения оружия массового уничтожения.

Противоракетная оборона, дальнейшее сокращение стратегических наступательных потенциалов, новый консультативный механизм по стратегической безопасности Россия и США исходят из Совместных заявлений Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегическим вопросам от 22 июля 2001 года в Генуе и о новых отношениях между Россией и США от 13 ноября 2001 года в Вашингтоне.

Россия и США предпринимают шаги с тем, чтобы отразить в военной области изменившийся характер стратегических отношений между ними.

Россия и США признают, что нынешняя ситуация в области безопасности коренным образом отличается от эпохи «холодной войны».

В связи с этим Россия и США согласились осуществить ряд мер, направленных на укрепление доверия и расширение транспарентности в области противоракетной обороны, в числе которых — обмен информацией по противоракетным программам, испытаниям в этой области, взаимные посещения в целях наблюдения за противоракетными испытаниями и ознакомительного осмотра противоракетных систем. Они также намерены предпринять шаги, необходимые для начала функционирования Совместного центра обмена данными от систем раннего предупреждения.

Россия и США также договорились изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе расширение практики совместных учений по ПРО, изучение возможных программ совместных исследований и разработок в области технологий ПРО, учитывая важность взаимного обеспечения сохранности конфиденциальной информации и охраны прав интеллектуальной собственности.

Россия и США в рамках Совета Россия-НАТО изучат возможности для наращивания практического сотрудничества по противоракетной обороне для Европы.

Россия и США заявляют о намерении осуществлять сокращение своих стратегических наступательных потенциалов до минимально возможных уровней, отвечающих требованиям обес-

печения их национальной безопасности и их союзническим обязательствам, а также отражающих новый характер их отношений в стратегической сфере.

Крупный шаг в этом направлении представляет собой заключение Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных вооружений.

В связи с этим обе Стороны исходят из того, что Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений от 31 июля 1991 года остается в силе в соответствии с его положениями и что его положения послужат основой обеспечения доверия, открытости и предсказуемости при дальнейшем сокращении стратегических наступательных потенциалов наряду с другими дополнительными мерами, подлежащими согласованию, включая меры открытости.

Россия и США соглашаются, что новые стратегические отношения между двумя странами, основанные на принципах обоюдной безопасности, доверия, открытости, сотрудничества и предсказуемости требуют проведения предметных консультаций по широкому спектру вопросов международной безопасности. В этих целях мы решили:

учредить Консультативную группу по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и министрами обороны при участии других высокопоставленных должностных лиц. Эта группа будет основным механизмом, при помощи которого Стороны будут укреплять взаимное доверие, расширять транспарентность, обмениваться информацией и планами и обсуждать стратегические вопросы, представляющие взаимный интерес; а также

искать пути расширения контактов между министерствами обороны и министерствами иностранных дел наших стран, а также между нашими разведывательными ведомствами, и придания этим контактам регулярного характера.

Президент Российской Федерации

Президент Соединенных Штатов Америки

Источник: Сайт Посольства Соединенных Штатов Америки в Москве http://moscow.usembassy.gov/bilateral/joint_statementr.php?record_id=13 (посещался 1 марта 2006 г.).

Приложение 4

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С АКТАМИ ЯДЕРНОГО ТЕРРОРИЗМА

(принята на 91-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г.)

Государства — участники настоящей Конвенции,

принимая во внимание цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, касающиеся поддержания международного мира и безопасности и развития добрососедства и дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

ссылаясь на Декларацию по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций от 24 октября 1995 года,

признавая право всех государств на развитие и применение атомной энергии в мирных целях и их законную заинтересованность в получении возможной пользы в результате применения атомной энергии в мирных целях,

принимая во внимание Конвенцию о физической защите ядерного материала 1980 года,

будучи глубоко обеспокоены эскалацией по всему миру актов терроризма во всех его формах и проявлениях,

ссылаясь на содержащуюся в приложении к резолюции 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой, в частности, государства — члены Организации Объединенных Наций торжественно подтверждают, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств,

отмечая, что в Декларации государствам также предлагается в срочном порядке провести обзор сферы применения суще-

ствующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса,

ссылаясь на резолюцию 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года и содержащуюся в приложении к ней Декларацию, дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года,

напоминая, что во исполнение резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года был учрежден специальный комитет для выработки, в частности, международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма в целях дополнения соответствующих существующих международных документов,

отмечая, что акты ядерного терроризма могут приводить к самым серьезным последствиям и могут создавать угрозу международному миру и безопасности,

отмечая также, что в существующих многосторонних положениях международного права эти нападения не рассматриваются должным образом,

будучи убеждены в настоятельной необходимости укрепления международного сотрудничества между государствами в разработке и принятии эффективных, практических мер для предупреждения таких актов терроризма и для уголовного преследования и наказания виновных,

отмечая, что действия вооруженных сил государств регулируются нормами международного права за рамками настоящей Конвенции и что исключение некоторых деяний из сферы применения настоящей Конвенции не освобождает от ответственности за незаконные в иных отношениях акты, не делает их законными и не препятствует привлечению к ответственности на основании других законов,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Для целей настоящей Конвенции:

1. «Радиоактивный материал» означает ядерный материал и другие радиоактивные вещества, которые содержат нуклиды, распадающиеся самопроизвольно (процесс, сопровождающийся испусканием ионизирующего излучения одного или нескольких видов, например альфа-излучение, бета-излучение, нейтронное

излучение и гамма-излучение), и которые могут в силу своих радиологических свойств или свойств своего деления причинить смерть, серьезное увечье либо существенный ущерб собственности или окружающей среде.

2. «Ядерный материал» означает плутоний, за исключением плутония с концентрацией изотопов, превышающей 80 процентов по плутонию-238; уран-233; уран, обогащенный изотопами уран-235 или уран-233; уран, содержащий смесь изотопов, встречающихся в природе в форме, отличной от руды или рудных остатков; и любой материал, содержащий один или более из вышеназванных элементов; где «уран, обогащенный изотопами уран-235 или уран-233», означает уран, содержащий изотопы уран-235 или уран-233 или оба изотопа в таком количестве, что избыточный процент суммы этих изотопов по сравнению с изотопом уран-238 выше, чем процент изотопа уран-235 по сравнению с изотопом уран-238, встречающимся в природе.

3. «Ядерный объект» означает:

a) любой ядерный реактор, включая реакторы, установленные на морских судах, транспортных средствах, летательных аппаратах или космических объектах для использования в качестве источника энергии, чтобы приводить в движение такие суда, транспортные средства, летательные аппараты или космические объекты или для любой другой цели;

b) любое сооружение или средство передвижения, используемое для производства, хранения, переработки или транспортировки радиоактивного материала.

4. «Устройство» означает:

a) любое ядерное взрывное устройство; или

b) любое рассеивающее радиоактивный материал или излучающее радиацию устройство, которое может в силу своих радиологических свойств причинить смерть, серьезное увечье либо существенный ущерб собственности или окружающей среде.

5. «Государственный или правительственный объект» означает любой постоянный или временный объект или транспортное средство, используемые или занимаемые представителями государства, членами правительства, представителями законодательного или судебного органа, либо должностными лицами или служащими органа государственной власти или иного государственного органа или учреждения, либо служащими или должностными лицами межправительственной организации в связи с выполнением своих служебных обязанностей.

6. «Вооруженные силы государства» означает вооруженные силы государства, которые организованы, обучены и оснащены в соответствии с его внутренним законодательством в первую очередь для выполнения задач национальной обороны или безопасности, и лиц, действующих в поддержку этих вооруженных сил, находясь под их официальным командованием, контролем и ответственностью.

Статья 2

1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно незаконно и умышленно:

a) владеет радиоактивным материалом либо изготавливает устройство или владеет им:

i) с намерением причинить смерть или серьезное увечье; или

ii) с намерением нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде;

b) использует радиоактивный материал или устройство любым образом либо использует или повреждает ядерный объект таким образом, что происходит высвобождение или создается опасность высвобождения радиоактивного материала:

i) с намерением причинить смерть или серьезное увечье; или

ii) с намерением нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде; или

iii) с намерением вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него.

2. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

a) угрожает совершить преступление, указанное в пункте 1 *b* настоящей статьи, причем есть признаки, указывающие на реальность этой угрозы; или

b) незаконно и умышленно требует радиоактивный материал, устройство или ядерный объект, прибегая при этом к угрозе при обстоятельствах, указывающих на реальность этой угрозы, либо к применению силы.

3. Любое лицо также совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

4. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

a) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи; или

b) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи; или

c) любым другим образом способствует совершению одного или более преступлений, указанных в пунктах 1, 2 или 3 настоящей статьи, группой лиц, действующих с общей целью; такое содействие должно оказываться умышленно и либо в целях поддержки общего характера преступной деятельности или цели группы, или же с осознанием умысла группы совершить соответствующее преступление или преступления.

Статья 3

Настоящая Конвенция не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник и потерпевшие являются гражданами этого государства, предполагаемый преступник найден на территории этого государства и никакое другое государство не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции в соответствии с пунктом 1 или 2 статьи 9, что не исключает применения к этим случаям при соответствующих обстоятельствах положений статей 7, 12, 14, 15, 16 и 17.

Статья 4

1. Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает другие права, обязательства и обязанности государств и лиц в соответствии с международным правом, в частности в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и международным гуманитарным правом.

2. Действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, как эти термины понимаются в международном гуманитарном праве, которые регулируются этим правом, не регулируются настоящей Конвенцией, как и не регулируются ею действия, предпринимаемые вооруженными силами государства в целях осуществления их официальных функций, поскольку они регулируются другими нормами международного права.

3. Положения пункта 2 настоящей статьи не должны истолковываться как одобряющие или делающие законными незаконные в иных отношениях акты или как препятствующие привлечению к ответственности на основании других законов.

4. Настоящая Конвенция не касается и никоим образом не может быть истолкована как касающаяся вопроса о законности применения или угрозы применения государствами ядерного оружия.

Статья 5

Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми:

a) для признания уголовными преступлениями согласно его национальному законодательству деяний, указанных в статье 2;

b) для установления за эти преступления соответствующих наказаний с учетом тяжкого характера этих преступлений.

Статья 6

Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, в частности направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким-либо соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекли наказание сообразно степени их тяжести.

Статья 7

1. Государства-участники сотрудничают путем:

a) принятия всех возможных мер, включая, при необходимости, адаптацию своего национального законодательства в целях предотвращения подготовки в пределах их соответствующих территорий к совершению преступлений, указанных в статье 2, в пределах или за пределами их территорий и противодействия такой подготовке, в том числе мер по запрету на их территориях незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют, преднамеренно финансируют или преднамеренно оказывают техническую помощь или предоставляют информацию или участвуют в совершении этих преступлений;

b) обмена точной и проверенной информацией в соответствии со своим национальным законодательством и в порядке и на условиях, предусмотренных в настоящей статье, и координации административных и других мер, принимаемых, когда это необходимо, в целях выявления, предотвращения, пресечения и расследования преступлений, указанных в статье 2, а также в целях привлечения к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении таких преступлений. В частности, государство-участник принимает соответствующие меры к тому, чтобы незамедлительно информировать другие государства, указанные в статье 9, относительно совершения преступлений, указанных в статье 2, а также о ставших ему известными приготовлениях к совершению таких преступлений, равно как и информировать, когда это целесообразно, международные организации.

2. Государства-участники принимают соответствующие меры, совместимые со своим национальным законодательством, для охраны конфиденциальности любой информации, которую они получают от другого государства-участника конфиденциально в силу положений настоящей Конвенции или в результате участия в деятельности, проводимой в целях осуществления настоящей Конвенции. Если государства-участники предоставляют информацию международным организациям конфиденциально, то принимаются меры для обеспечения охраны конфиденциальности такой информации.

3. В соответствии с настоящей Конвенцией от государств-участников не требуется предоставлять какую-либо информацию, которую они не имеют права распространять согласно национальному законодательству или которая может поставить под угрозу безопасность заинтересованного государства или физическую защиту ядерного материала.

4. Государства-участники информируют Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о своих компетентных органах и контактных пунктах, ответственных за направление и получение информации, указанной в настоящей статье. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций сообщает такую информацию о компетентных органах и контактных пунктах всем государствам-участникам и Международному агентству по атомной энергии. К таким органам и контактным пунктам должен иметься доступ на постоянной основе.

Статья 8

Для целей предотвращения преступлений по смыслу настоящей Конвенции государства-участники прилагают все усилия к принятию соответствующих мер по обеспечению защиты радиоактивного материала с учетом соответствующих рекомендаций и функций Международного агентства по атомной энергии.

Статья 9

1. Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, когда:

a) преступление совершено на территории этого государства; или

b) преступление совершено на борту судна, плавающего под флагом этого государства, или воздушного судна, зарегистрированного согласно законам этого государства на момент совершения преступления; или

c) преступление совершено гражданином этого государства.

2. Государство-участник может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления, когда:

a) преступление совершено против гражданина этого государства; или

b) преступление совершено против государственного или правительственного объекта этого государства за границей, включая посольство или помещения иного дипломатического или консульского представительства этого государства; или

c) преступление совершено лицом без гражданства, которое обычно проживает на территории этого государства; или

d) преступление совершено в попытке принудить это государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него; или

e) преступление совершено на борту воздушного судна, эксплуатируемого правительством этого государства.

3. При ратификации, принятии, утверждении настоящей Конвенции или присоединении к ней каждое государство-участник уведомляет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций об установлении им юрисдикции в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи на основании своего националь-

ного законодательства. В случае каких-либо изменений соответствующее государство-участник незамедлительно уведомляет об этом Генерального секретаря.

4. Каждое государство-участник также принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, в случаях, когда предполагаемый преступник находится на его территории и оно не выдает его ни одному из государств-участников, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 или 2 настоящей статьи.

5. Настоящая Конвенция не исключает осуществления уголовной юрисдикции, установленной государством-участником в соответствии с его национальным законодательством.

Статья 10

1. Государство-участник, получив информацию о том, что преступление, указанное в статье 2, было совершено или совершается на его территории или что лицо, которое совершило или предположительно совершило такое преступление, может находиться на его территории, принимает такие меры, которые могут быть необходимы в соответствии с его национальным законодательством для расследования фактов, указанных в этой информации.

2. Убедившись, что обстоятельства того требуют, государство-участник, на территории которого находится преступник или предполагаемый преступник, принимает в соответствии со своим национальным законодательством надлежащие меры по обеспечению его присутствия для целей уголовного преследования или выдачи.

3. Любое лицо, в отношении которого принимаются меры, упомянутые в пункте 2 настоящей статьи, имеет право:

a) безотлагательно связаться с ближайшим соответствующим представителем государства, гражданином которого оно является или которое иным образом правомочно защищать права этого лица, или, если оно является лицом без гражданства, с представителем государства, на территории которого оно обычно проживает;

b) на посещение его представителем этого государства;

c) быть проинформированным о своих правах согласно подпунктам a и b.

4. Права, упомянутые в пункте 3 настоящей статьи, осуществляются в соответствии с законодательством государства, на территории которого находится преступник или предполагаемый

преступник, причем упомянутое законодательство должно обеспечивать возможность полностью достигнуть целей, для которых предназначены права, предоставляемые согласно пункту 3.

5. Положения пунктов 3 и 4 настоящей статьи не наносят ущерба праву любого государства-участника, претендующего на юрисдикцию согласно пункту 1 *c* или 2 *c* статьи 9, просить Международный комитет Красного Креста связаться с предполагаемым преступником или посетить его.

6. После того как государство-участник в соответствии с настоящей статьей заключило лицо под стражу, оно должно напрямую или через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций безотлагательно сообщить государствам-участникам, которые установили юрисдикцию согласно пунктам 1 и 2 статьи 9, и, если оно сочтет целесообразным, любым другим заинтересованным государствам-участникам о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, требующих его задержания. Государство, которое проводит расследование, предусматриваемое пунктом 1 настоящей статьи, оперативно информирует упомянутые государства-участники о своих выводах и сообщает, намерено ли оно осуществить юрисдикцию.

Статья 11

1. Государство-участник, на территории которого находится предполагаемый преступник, в случаях, к которым применима статья 9, если оно не выдает это лицо, обязано без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории или нет, без неоправданных задержек передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования путем проведения разбирательства в соответствии со своим законодательством. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае любого другого преступления тяжкого характера согласно законодательству этого государства.

2. Во всех случаях, когда национальное законодательство государства-участника позволяет ему выдать или иным образом передать одного из своих граждан только при том условии, что это лицо будет возвращено в это государство для отбывания наказания по приговору, вынесенному в результате судебного разбирательства или рассмотрения дела в суде, для которого испрашивалась выдача или передача этого лица, и данное государство и государство, ходатайствующее о выдаче этого лица, согласны с этим вариантом

и другими условиями, которые они могут признать уместными, такой обусловленной выдачи или передачи будет достаточно для выполнения обязанности, о которой говорится в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 12

Любому лицу, которое взято под стражу или в отношении которого приняты любые другие меры или осуществляется разбирательство в соответствии с настоящей Конвенцией, гарантируется справедливое обращение, в том числе пользование всеми правами и гарантиями в соответствии с законодательством государства, на территории которого это лицо находится, и применимыми положениями международного права, включая положения о правах человека.

Статья 13

1. Преступления, указанные в статье 2, считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между какими-либо государствами-участниками до вступления настоящей Конвенции в силу. Государства-участники обязуются включать такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу, во все договоры о выдаче, которые будут впоследствии заключаться между ними.

2. Когда государство-участник, которое обусловливает выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче от другого государства-участника, с которым оно не имеет договора о выдаче, запрашиваемое государство может по своему усмотрению рассматривать настоящую Конвенцию в качестве правового основания для выдачи в связи с преступлениями, указанными в статье 2. Выдача осуществляется с соблюдением других условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

3. Государства-участники, не обусловливающие выдачу наличием договора, рассматривают в отношениях между собой преступления, указанные в статье 2, в качестве преступлений, влекущих выдачу, с соблюдением условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

4. В случае необходимости преступления, указанные в статье 2, рассматриваются государствами-участниками для целей выдачи, как если бы они были совершены не только в месте их совершения,

но и на территории государств, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 9.

5. Положения всех договоров и договоренностей о выдаче между государствами-участниками в связи с преступлениями, указанными в статье 2, считаются измененными в отношениях между государствами-участниками в той мере, в какой они несовместимы с настоящей Конвенцией.

Статья 14

1. Государства-участники оказывают друг другу максимальную помощь в связи с расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи, начатыми в отношении преступлений, указанных в статье 2, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства.

2. Государства-участники выполняют свои обязательства по пункту 1 настоящей статьи в соответствии с любыми договорами или другими договоренностями о взаимной правовой помощи, которые могут существовать между ними. В отсутствие таких договоров или договоренностей государства-участники оказывают друг другу помощь согласно их национальному законодательству.

Статья 15

Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как политическое преступление, или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, вызванное политическими мотивами. Поэтому связанная с таким преступлением просьба о выдаче или о взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами.

Статья 16

Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо или оказывать взаимную помощь, если запрашиваемое государство-участник имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче в связи с пре-

ступлениями, упомянутыми в статье 2, или о взаимной правовой помощи в отношении таких преступлений имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин.

Статья 17

1. Лицо, которое находится под стражей или отбывает срок тюремного заключения в одном государстве-участнике и присутствие которого в другом государстве-участнике требуется для целей дачи показаний, установления личности или оказания иной помощи в получении доказательств для расследования или уголовного преследования в связи с преступлениями в соответствии с настоящей Конвенцией, может быть передано с соблюдением следующих условий:

a) это лицо свободно дает на то свое согласие на основе полной информации; и

b) компетентные власти обоих государств достигли согласия на таких условиях, которые эти государства могут счесть приемлемыми.

2. Для целей настоящей статьи:

a) государство, которому передается лицо, правомочно и обязано содержать переданное лицо под стражей, если только государство, которое передало это лицо, не просило об ином или не санкционировало иное;

b) государство, которому передано лицо, без задержек выполняет свое обязательство по возвращению этого лица в распоряжение государства, которое ранее передало это лицо, как это было согласовано заранее или как это было иным образом согласовано компетентными властями обоих государств;

c) государство, которому передано лицо, не должно требовать от государства, которое передало это лицо, возбуждения процедуры выдачи для его возвращения;

d) переданному лицу в срок наказания, отбываемого в государстве, из которого оно передано, зачитывается срок содержания под стражей в государстве, которому оно передано.

3. Без согласия государства-участника, из которого в соответствии с настоящей статьей должно быть передано то или иное лицо, это лицо, независимо от его гражданства, не подлежит

преследованию или содержанию под стражей и не может подвергаться какому-либо иному ограничению в отношении его личной свободы на территории государства, которому передано это лицо, в связи с действиями или вынесенными в отношении него приговорами до его отбытия с территории государства, из которого оно передано.

Статья 18

1. Захватив или иным образом взяв под свой контроль радиоактивные материалы, устройства или ядерные объекты после того, как было совершено преступление, описываемое в статье 2, государство-участник, обладающее такими предметами:

a) принимает меры с целью обезвредить радиоактивный материал, устройство или ядерный объект;

b) обеспечивает, чтобы любой ядерный материал хранился в соответствии с применимыми гарантиями Международного агентства по атомной энергии; и

c) учитывает рекомендации по физической защите и стандарты в области охраны здоровья и безопасности, опубликованные Международным агентством по атомной энергии.

2. По окончании любых разбирательств, связанных с преступлением, описываемым в статье 2, или раньше, если того требует международное право, после консультаций (в частности об условиях возвращения и хранения) с заинтересованными государствами-участниками любой радиоактивный материал, устройство или ядерный объект возвращаются государству-участнику, которому они принадлежат, государству-участнику, гражданином или жителем которого является физическое или юридическое лицо, являющееся владельцем такого радиоактивного материала, устройства или объекта, либо государству-участнику, с территории которого они были похищены или иным образом незаконно получены.

3. *a*) Если внутригосударственное или международное право воспрещает государству-участнику возвращать или принимать такой радиоактивный материал, устройство или ядерный объект или же если об этом договариваются заинтересованные государства-участники, то при условии соблюдения пункта 3 *b* настоящей статьи государство-участник, обладающее радиоактивным материалом, устройствами или ядерными объектами, продолжает принимать меры, описанные в пункте 1 настоящей

статьи; такие радиоактивные материалы, устройства или ядерные объекты используются исключительно в мирных целях;

b) Если для государства-участника, обладающего радиоактивным материалом, устройствами или ядерными объектами, обладание ими является незаконным, то это государство обеспечивает, чтобы они как можно скорее были переданы в распоряжение государства, для которого такое обладание является законным и которое, когда это необходимо, дало заверения, соответствующие требованиям пункта 1 настоящей статьи, в консультации с этим государством, для цели их обезвреживания; такие радиоактивные материалы, устройства или ядерные объекты используются исключительно в мирных целях.

4. Если радиоактивные материалы, устройства или ядерные объекты, упомянутые в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, не принадлежат ни одному из государств-участников либо гражданину или жителю государства-участника и не были похищены или иным образом незаконно получены с территории государства-участника или если ни одно из государств не желает получать такие предметы в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, то при условии соблюдения пункта 3 *b* настоящей статьи после консультаций между заинтересованными государствами и любыми соответствующими международными организациями принимается отдельное решение о том, как ими распорядиться.

5. Для целей пунктов 1, 2, 3 и 4 настоящей статьи государство-участник, обладающее радиоактивным материалом, устройством или ядерным объектом, может просить о помощи и сотрудничестве другие государства-участники, в частности заинтересованные государства-участники, и любые соответствующие международные организации, в частности Международное агентство по атомной энергии. Государствам-участникам и соответствующим международным организациям рекомендуется оказывать помощь в соответствии с настоящим пунктом в максимально возможной степени.

6. Государства-участники, занимающиеся тем, как распорядиться радиоактивным материалом, устройством или ядерным объектом или сохранить их в соответствии с настоящей статьей, информируют Генерального директора Международного агентства по атомной энергии о том, каким образом они распорядились таким предметом или сохранили его. Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии препровождает эту информацию другим государствам-участникам.

7. Если в связи с преступлением, описанным в статье 2, произошло распространение, то ничто в настоящей статье никоим образом не затрагивает нормы международного права, регулирующие ответственность за ядерный ущерб, или иные нормы международного права.

Статья 19

Государство-участник, в котором предполагаемый преступник подвергается уголовному преследованию, сообщает в соответствии со своим национальным законодательством или применимыми процедурами об окончательных результатах разбирательства Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который направляет эту информацию другим государствам-участникам.

Статья 20

Государства-участники проводят друг с другом непосредственно или через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и с помощью международных организаций, где это необходимо, консультации для обеспечения эффективного осуществления настоящей Конвенции.

Статья 21

Государства-участники выполняют свои обязательства по настоящей Конвенции таким образом, чтобы это отвечало принципам суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципу невмешательства во внутренние дела других государств.

Статья 22

Ничто в настоящей Конвенции не наделяет государство-участник правом осуществлять на территории другого государства-участника юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию властей этого другого государства-участника в соответствии с его национальным законодательством.

Статья 23

1. Любой спор между двумя или более государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции, который не может быть урегулирован путем переговоров в течение разумного периода времени, передается по просьбе одного из них на арбитраж. Если в течение шести месяцев со дня обращения с просьбой об арбитраже стороны не смогут договориться о его организации, любая из этих сторон может передать спор в Международный Суд, обратившись с заявлением в соответствии со Статутом Суда.

2. Каждое государство может при подписании, ратификации, принятии, утверждении настоящей Конвенции или присоединении к ней заявить о том, что оно не считает себя связанным положениями пункта 1 настоящей статьи. Другие государства-участники не будут связаны положениями пункта 1 в отношении любого государства-участника, сделавшего такую оговорку.

3. Любое государство, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи, может в любое время снять эту оговорку путем уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья 24

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами с 14 сентября 2005 года по 31 декабря 2006 года в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

2. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, принятию или утверждению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или утверждении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

3. Настоящая Конвенция открыта для присоединения любого государства. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 25

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации

Объединенных Наций двадцать второй ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает или утверждает настоящую Конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение двадцать второй ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении, Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение этим государством своей ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении.

Статья 26

1. Государство-участник может предлагать поправки к настоящей Конвенции. Предлагаемые поправки представляются депозитарию, который незамедлительно направляет их всем государствам-участникам.

2. По получении просьбы большинства государств-участников о созыве конференции для рассмотрения предлагаемых поправок депозитарий приглашает все государства-участники принять участие в такой конференции, которая проводится не ранее чем через три месяца после направления приглашений.

3. Участники конференции делают все возможное для принятия поправок консенсусом. Если это оказывается невозможным, поправки принимаются большинством в две трети голосов всех государств-участников. Депозитарий незамедлительно рассылает любые принятые на конференции поправки всем государствам-членам.

4. Поправка, принятая в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи, вступает в силу для каждого государства-участника, передающего на хранение свой документ о ратификации, принятии, присоединении или утверждении поправки, на тридцатый день после даты сдачи двумя третями государств-участников своих соответствующих документов на хранение. После этого поправка вступает в силу для любого государства-участника на тридцатый день с даты сдачи на хранение соответствующего документа этим государством.

Статья 27

1. Любое государство-участник может денонсировать настоящую Конвенцию путем письменного уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

2. Денонсация вступает в силу по истечении одного года с даты получения уведомления Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Статья 28

Подлинник настоящей Конвенции, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который рассылает заверенные копии настоящей Конвенции всем государствам.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими соответствующими правительствами, подписали настоящую Конвенцию, открытую для подписания в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 14 сентября 2005 года.

Источник: Сайт Организации Объединенных Наций http://www.un.org/russian/documen/convents/nucterr.pdf (посещался 1 марта 2006 г.).

Приложение 5

ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В настоящее время ядерные материалы широко используются для получения ядерной энергии в атомной промышленности или в военных целях. Это тяжелые элементы с числом протонов более 90, у которых наблюдается самопроизвольное деление атомного ядра с выделением нейтронов. В природе самоподдерживающаяся реакция деления возможна только в уране-235, но на практике для тех же целей дополнительно используют получаемые искусственно уран-233 и плутоний-239. Такие материалы позволяет осуществлять цепную ядерную реакцию.

Встречающийся в природе уран состоит из смеси трех изотопов: урана-238 (99,2%), урана-235 (0,7%) и урана-234 (менее 0,1%). Уран-238 наиболее доступен, его принято называть воспроизводящим материалом, так как при его облучении нейтронами возможно образование делящегося материала. В этой же роли может выступать торий-232.

Уран считается высокообогащенным (ВОУ), если он содержит 20% и более урана-235. Оружейным считается уран с уровнем обогащения 90% и более. ВОУ используется в ядерных боеголовках, а в качестве ядерного топлива — в транспортных реакторах атомных подводных лодок и значительном числе исследовательских реакторов.

Плутоний получается в ядерном реакторе при облучении уранового топлива. Его выделение из облученного ядерного топлива производится на заводах по переработке отработанного ядерного топлива (радиохимическое производство). Как правило, оружейный плутоний нарабатывается в специальных ядерных реакторах и содержит около 6% изотопов плутония-240, плутония-238, плутония-241 и плутония-242, остальное (94%) составляет плутоний-239. Плутоний применяют в ядерных боеголовках, а также в качестве МОХ-топлива для реакторов атомных электростанций (АЭС).

Природный уран, торий и уран, обедненный изотопом уран-235, принято считать исходным, а плутоний, уран-233 и ВОУ — специ-

альным расщепляющимся материалом [1]. Согласно ст. III Договора о нераспространении ядерного оружия каждое из государств — участников ДНЯО «обязуется не предоставлять: а) исходного или специального расщепляющегося материала или б) оборудования или материала, специально предназначенного или подготовленного для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, любому государству, не обладающему ядерным оружием, для мирных целей, если на этот исходный или специальный материал не распространяются гарантии» МАГАТЭ (см. приложение 1).

Добыча урановой руды и производство уранового концентрата

Обычно урановую руду извлекают из горного массива буровзрывным способом. Затем ее дробят, сортируют и размельчают. Далее этот порошок обрабатывается раствором серной кислоты или карбоната натрия для растворения содержащегося в нем урана. Оставшиеся твердые частицы извлекают и помещают на длительное хранение в специальные резервуары. Резервуары сконструированы таким образом, чтобы обеспечить надежное хранение содержащихся в руде радиоактивных веществ, например, радия. Далее раствор, содержащий уран, концентрируют и очищают сорбцией на ионообменных смолах или экстракцией органическими растворителями. В результате получают осадок ярко-желтой окраски («желтый кекс»).

Для извлечения урана из пористых руд осадочного происхождения обычно применяют метод выщелачивания на месте (подземного выщелачивания). Для этого по пробуренным скважинам непрерывно прогоняют щелочной или кислый раствор. Затем этот раствор также концентрируют и очищают, а далее осаждением получают осадок. После высокотемпературной сушки концентрат окиси-закиси урана U_3O_8 имеет уже зеленый цвет. Производство концентрата окиси-закиси урана (уранового концентрата) стараются максимально приблизить к местам добычи урана.

Обогащение урана

Урановый концентрат содержит около 0,7% урана-235, остальная его часть — это более тяжелый изотоп уран-238 (с небольшим

содержанием урана-234). Большинство энергетических реакторов, в первую очередь легководные, работают на топливе из обогащенного урана. Использовать топливо на основе природного урана могут тяжеловодные и газографитные ядерные реакторы, в частности типа CANDU или «Magnox». Для всех остальных энергетических реакторов содержание урана-235 должно быть увеличено приблизительно до 2—4%. Этот процесс называют обогащением и осуществляют в несколько этапов.

Вначале концентрат окиси-закиси урана U_3O_8 преобразуют в гексафторид урана UF_6. Для этого урановый концентрат восстанавливают безводным аммиаком до UO_2, из которого затем с помощью плавиковой кислоты получают UF_4. На последнем этапе на UF_4 действуют чистым фтором и получают гексафторид урана. Последний материал представляет собой твердый продукт, возгоняющийся при комнатной температуре и нормальном давлении, а при повышенном давлении плавящийся.

На следующем этапе производства повышается концентрация урана-235 в UF_6, что, как правило, осуществляется методами газовой диффузии или газового центрифугирования. При газодиффузионном методе твердый гексафторид урана переводят понижением давления в газообразное состояние и прокачивают по пористым трубкам из специального сплава, сквозь стенки которых газ может проникать. В процессе диффузии гексафторида урана через мембраны в конечном продукте повышается процентное содержание урана-235. Обогащенный газ снова пропускают по трубкам; процесс продолжается до тех пор, пока содержание изотопа урана-235 не достигнет необходимого уровня. Рассмотренный метод, характеризующийся высокой энергоемкостью, использовался в США, России, Франции и Китае.

Другим распространенным способом является обогащение урана (по урану-235) на газовых центрифугах, который используется в Великобритании, Германии, Нидерландах, Пакистане, России, Китае и Японии.

На последующем этапе, характерном как для диффузионного метода, так и для центрифужного, из обогащенного гексафторида урана гидролизом получают UO_2F_2, который затем обрабатывают гидроксидом аммония. Выпавший в осадок диуранат аммония отфильтровывают и обжигают, получая диоксид урана UO_2. Полученный материал прессуют и спекают в виде небольших керамических таблеток. Последние вкладывают в трубки из циркониевого сплава и получают топливные стержни, так называе-

мые тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы), которые объединяют примерно по 200 штук в готовые топливные сборки.

Принципиально технологические процессы получения высоко- и низкообогащенного урана не различаются, а степень обогащения определяется энергозатратами и временем получения материала нужного качества. Следовательно, даже процесс получения низкообогащенного урана всегда несет потенциальную опасность для ядерного распространения.

Производство плутония

Плутоний образуется при работе любого ядерного реактора, а его количества и изотопный состав определяются степенью выгорания топлива. Как правило, ОЯТ легководного реактора АЭС через три года обычного рабочего цикла содержит около 5,3 кг плутония-239 на тонну. Существует возможность увеличения выхода плутония-239 за счет изменения режима работы ядерного реактора (степени выгорания топлива). В облученном (отработанном) ядерном топливе тяжеловодных энергетических реакторов типа CANDU и газографитовых реакторов типа «Magnox» содержится по сравнению с легководным реактором вдвое больше плутония, а его изотопный состав ближе к плутонию оружейного качества.

Таблица П5.1

Запасы природного урана

Страна	Запасы урана, тыс. т	Доля мировых запасов,%
Австралия	860	23,00
Казахстан	472	12,62
Канада	437	11,69
Россия	272	7,27
Узбекистан	185	4,95
Нигер	160	4,28
Намибия	136	3,64
ЮАР	134	3,58
США	110	2,94
Украина	100	2,67
Китай	70	1,87
Другие страны	803	21,49
Всего в мире	*3739*	*100,00*

Таблица П5.2

Добыча природного урана и производство концентрата окиси-закиси урана в 2001—2003 гг., т

Страна	2001	2002	2003
Канада	12520	11604	10457
Австралия	7756	6854	7572
Казахстан	2050	2800	3300
Россия	2500	2900	3150
Нигер	2920	3075	3143
Намибия	2239	2333	2036
Узбекистан	1962	1860	1770
США	1011	919	846
Украина	750	800	800
ЮАР	873	824	758
Китай	655	730	750
Чехия	456	465	345
Бразилия	58	270	310
Индия	230	230	230
Германия	27	212	150
Румыния	85	90	90
Пакистан	46	38	45
Испания	30	37	0
Аргентина	0	0	20
Франция	195	20	0
Португалия	3	2	0
Всего в мире	*36 366*	*36063*	*35 772*
Концентрат окиси-закиси урана	42 886	42529	42 186

Источник: World Uranium Mining / World Nuclear Association // http://www.world-nuclear.org/info/printable_information_papers/inf23print.html (посещался 1 июня 2005 г.).

Таблица П5.3

Объем экспорта ядерных материалов по странам мира в 2003 г.

Экспортер	Получатели товара	Объем экспорта, тыс. т	Доля мирового экспорта,%
Россия	США, Франция, Великобритания, Германия, Южная Корея, Бельгия, Испания, Украина, Чехия, Болгария, Литва, Венгрия, Словакия, Армения, Финляндия	16,0	22,7
Канада	США, Франция, Япония, Великобритания, Германия, Южная Корея, Тайвань, Аргентина, Испания, Китай, Мексика, Чехия, Швеция	13,6	18,4
Австралия	США, Япония, Франция, Великобритания, Южная Корея, Германия, Канада, Бельгия, Испания, Швеция, Финляндия	9,6	13,0
США	Япония, Великобритания, Южная Корея, Тайвань, Казахстан, Швеция, Германия, Канада, Франция, Испания, Нидерланды	9,0	12,2
Франция	США, Южная Корея	5,0	6,8
Казахстан	США, другие страны	3,8	5,2
Нигер	Франция, Япония	3,1	4,2
Великобритания	США, Южная Корея	2,9	3,9
Намибия	США, другие страны	2,0	2,7
Узбекистан	США, другие страны	1,8	2,4
Нидерланды	США	1,4	1,9
Германия	США	1,3	1,8
Япония	США	1,0	1,4
Китай	США	0,9	1,2
ЮАР	США	0,9	1,2
Другие		1,5	1,0
Всего в мире		*73,8*	*100,0*

Таблица П5.4

Объем импорта ядерных материалов в 2003 г.

Импортер	Отправители товара	Объем импорта, тыс. т	Доля мирового импорта,%
США	Россия, Канада, Австралия, Франция, Великобритания, Казахстан, Нидерланды, Намибия, Германия, Узбекистан, Япония, ЮАР, Китай	41,2	55,8
Франция	Россия, Канада, Нигер, Австралия	12,4	16,8
Япония	Канада, Австралия, Нигер, США, Франция	9,0	12,2
Великобритания	Канада, Россия, Австралия, США	4,4	6,0
Германия	Россия, Канада, Австралия, США	3,8	5,2
Южная Корея	Канады, США, Россия, Франция, Австралия, Великобритания	2,1	2,9
Другие		0,9	1,1
Всего в мире		*73,8*	*100,0*

Примечание

[1] Политические и технические аспекты международного контроля за нераспространением ядерного оружия / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ // http://www.armscontrol.ru/course/lectures02b/vir_021101.htm (посещался 30 сентября 2005 г.).

Summary

In the first decade of the 21st century the prospects for nuclear non-proliferation are giving rise to increasing concern among the majority of the world's political leaders and the international community generally — and there are serious reasons for this.

The nuclear programs of Iran and North Korea have caused political crises. The entire international non-proliferation regime is in crisis which manifested itself in the failure of the 2005 United Nations conference for review of the Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT). International terrorism has also emerged as a factor, with terrorist organizations openly seeking access to nuclear arms and other weapons of mass destruction. Finally, the present policies of the nuclear powers — signatories to the NPT, in particular the United States and Russia, raise significant objections. While reducing the huge "surpluses" of nuclear weapons inherited from the Cold War, these states continue to modernize their nuclear arsenals planning to retain them for all the foreseeable future. This re-enforces the strategy of nuclear deterrence and thus in essence violates the spirit of the Treaty's Article VI, which commits the nuclear powers to the path of nuclear disarmament in exchange for the renunciation of the right to acquire such weapons by the non-nuclear countries.

The book offers in-depth analysis spanning the policy of deterrence and non-proliferation of the official members of the "nuclear club"; the problems of regional proliferation; and the merits and deficiencies of the current regimes for nuclear non-proliferation. Using this analysis the authors propose a range of recommendations based on profound political, economic, military and technical expertise. They seek to make more efficient — or to change — the existing policies of states and international organizations in order to prevent further nuclear proliferation.

In the book's first section the authors analyze the theory and practice of nuclear deterrence, past, present and future, examining major aspects of deterrence and non-proliferation policies of Russia, the United States, Great Britain, France and China. They also analyze the current status and programs for development of nuclear forces. The authors set out a complex of proposals for an irreversible, gradual withdrawal from mutual nuclear deterrence, primarily between Russia and the United States but also at some stage involving other nuclear states.

This is followed in the second part of the book by an analysis of the advantages and deficiencies of the NPT. The authors offer recommendations for strengthening the Treaty's mechanisms and regimes as well as for expanding the guarantees of the International Atomic Energy Agency (IAEA) and tightening control over the export of nuclear materials. These measures are necessary, the authors maintain, given the expansion of international trade in nuclear materials and technologies; the export of missile and other technologies for nuclear weapons delivery; the emergence of international black market for such materials and technologies; and the appearance of international terrorism at center stage.

Further in the second section come proposals for changing the negotiating strategies for the cessation of the production of fissile materials for military purposes; for changes in the export control regimes of missiles and missile technologies; and for measures aimed at the legitimization of the concept of counter-proliferation. The authors also address the prospects and possibilities for countering nuclear terrorism.

The book's third section treats regional issues of nuclear proliferation in South Asia, the Far East, and the Middle East. In South Asia these problems are traced to destabilizing factors arising from the nuclear programs in India and Pakistan, among other things taking into account Pakistani-Chinese and Pakistani-North Korean cooperation as well as explosive situations in neighboring regions. In the Far East the issues of non-proliferation are analyzed primarily in the light of the North Korean nuclear crisis and its influence on the prospects for the nuclear policies of Japan, South Korea and Taiwan. In the chapter dedicated to the Middle East major attention is given to the questions of the nuclear status of Israel and the nuclear ambitions of Iran.

In the conclusion, the authors offer a package of recommendations for the radical transformation of the current strategic relations of nuclear deterrence among the great powers and for the prevention of further proliferation of nuclear weapons, their delivery systems, materials and dual-purpose technologies.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
http://www.CarnegieEndowment.org

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
http://www.carnegie.ru

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Редактор *А. И. Иоффе*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *Д. А. Морозов*
Компьютерная верстка *М. В. Минина*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 31.07.2006.
Формат 60×90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35. Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)